СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

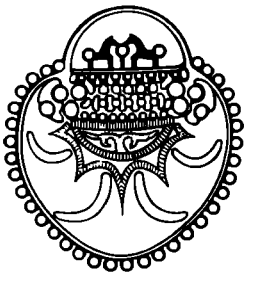
1

1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1973

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, *С. Н. Бибиков*, *В. Д. Блаватский*, *И. С. Каменецкий*,
М. К. Каргер, *В. М. Массон*, *Р. М. Мунчаев*, *Б. Б. Пиотровский*,
С. А. Плетнева, *Б. А. Рыбаков*, *А. П. Смирнов* (зам. главного редактора),
В. С. Титов (отв. секретарь)

Адрес редакции:
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Тел. 126-94-45

В. И. МАРКОВИН

ДОЛЬМЕНЫ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

(некоторые итоги изучения)

Впервые на дольмены Кавказа обратил внимание акад. П. С. Паллас. Проезжая в 1794 г. Таманский полуостров, он увидел дольменные постройки, расположенные близ местечка Чокрак-кой в окрестностях ст. Фонталовской. П. С. Паллас не только описал местные сооружения, но и высказался за их возможную принадлежность предкам черкесов [1]. С тех пор прошло без малого 200 лет, однако дольмены Кавказа до сих пор остаются крайне слабо изученными. То, что сделано в этом направлении, поражает полной бесплановостью. Одних исследователей интересовала только карта распространения дольменов (Э. Шантр, Ж. де Морган, В. М. Сысоев и др.), иных — содержимое памятников (Н. И. Веселовский, В. И. Сизов и др.), третьи, наконец, пытались осмыслить дольменный материал (А. П. Байерн, А. П. Берже, А. С. Уваров, П. С. Уварова, Е. Д. Фелицын и др.). Дольмены Абхазии стали известны науке поздно — в 1907 г.— благодаря разведкам А. А. Миллера [2]. Ссылки в литературе на работу А. Н. Дьячкова-Тарасова [3], что им якобы впервые обнаружены дольмены у с. Азата, неверны. До этого внимание ученых было обращено лишь на дольмены Прикубанья и побережья Черного моря [4]. С открытием абхазских дольменов все внимание переключилось на них, а про дольмены Прикубанья словно забыли. Писали о дольменах Азербайджана, Грузии и Армении (Ж. де Морган, Т. С. Пассек, Б. А. Латынин, Л. М. Мелексет-Беков, Е. Лалаян, Х. Самвелян, С. Бархударян, Т. Торманян и др.), хотя никто из исследователей даже не попытался сравнить их с сооружениями Абхазии и Прикубанья.

Практическому решению вопросов, связанных с изучением дольменов, мы обязаны Е. Д. Фелицыну. Им была создана карта памятников, раскопано несколько десятков дольменов, продумана их типология [5]. В последнее время дольмены Западного Кавказа изучались М. М. Иващенко, Б. А. Куфтиным, Л. Н. Соловьевым, Л. И. Лавровым, О. М. Джапаридзе и др. С 1967 г. исследование дольменов проводит специальный отряд Института археологии АН СССР под руководством автора. Обобщение

---

[1] P. S. Pallas. Bemerkungen auf eines Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reich in den Jahren 1793 und 1794. II, Leipzig, 1803, стр. 278, 279.

[2] А. А. Миллер. Разведка на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году. ИАК, 33, СПб., 1909, стр. 83—86; ОАК за 1907 г., СПб., 1910, стр. 94.

[3] А. Н. Дьячков-Тарасов. Экспедиция к озеру Рица, в бассейне Бзыби — Геги и Юшпары (Лашипсе). Изв. Кавказского отдела РГО, XVI, 1, Тифлис, 1903, стр. 59 (здесь автор упоминает лишь «развалины древнего укрепления»).

[4] П. С. Уварова. Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменах. МАК, IX, М., 1904, стр. 170—175.

[5] Е. Д. Фелицын. Археологическая карта Кубанской области. М., 1882; его же. Западно-Кавказские дольмены. МАК, IX, М., 1904, стр. 1—38.

старых наблюдений и новейший материал позволяют несколько расширить наши представления о дольменной культуре Западного Кавказа.

Одной из важнейших задач в изучении дольменов является выявление памятников и создание карты их распространения. Этой работой занимались многие археологи, причем для территории Абхазии подобные исследования были проделаны Л. Н. Соловьевым и Ю. Н. Вороновым [6]. Однако самой высокой оценки заслуживает труд, предпринятый Л. И. Лавровым. Им не только создана карта распространения дольменов, но и подсчитано общее их количество. Карта сопровождается описанием каждого памятника. Л. И. Лавровым учтено 1139 дольменов (1960 г.) [7]. Сейчас эти данные могут быть уточнены (рис. 1). К концу 1971 г. зарегистрировано 171 местонахождение дольменов, в которых, по самым скромным подсчетам, могло бы содержаться 1924 сооружения [8]: за последние годы стали известны дольмены р. Кизинки (приток р. Ходзь, ст. Баговская), где найдены 564 гробницы [9].

Речь идет о количестве дольменов, которые были учтены за все годы их обследования. Из указанного нами числа дольменов лишь 20—30% по сей день возвышаются в относительно целом виде.

Карта распространения дольменов показывает, что наиболее южные из них обнаружены возле г. Очамчири (плита с отверстием), по Кодорскому хребту и р. Кодор [10]. Южнее, в пределах некогда болотистой Колхидской низменности, они неизвестны. Наиболее северными находками дольменов надо считать местонахождения Таманского полуострова: упоминавшееся местечко Чокрак-кой и мыс Тузла [11]. Здесь лишь Керченский пролив отделяет Кавказ от Крыма. Очевидно, пролив не являлся препятствием для контактов между западнокавказским и северокрымским населением, на что указывают не только сходство в конструкции мегалитических гробниц Крыма с кавказскими памятниками [12], но и отдельные находки бронзовых проушных топоров, булав и сосудов кавказского типа, обнаруженных на территории Крыма [13].

Дольмены Западного Кавказа занимают значительную площадь: 480 × (30 — 75) *км*. Вся эта территория покрыта горными лесами. Можно считать, что дольменная культура представляет собой культуру горцев —

---

[6] Л. Н. Соловьев. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. Тр. Абхаз. ИЯЛИ, XXXI, Сухуми, 1960; Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969.

[7] Л. И. Лавров. Дольмены Северо-Западного Кавказа. Тр. Абхаз. ИЯЛИ, XXXI, 1960, стр. 101—177.

[8] При подсчетах выдерживался принцип, принятый Л. И. Лавровым: при неопределенном количестве дольменов для неизученных местонахождений бралось наименьшее возможное их количество — два дольмена.

[9] Впервые обнаружены Д. Трубачевым в 1890 г., не подсчитывались («Древности», XV, 2, М., 1894, стр. 7, протокол № 363); далее местные дольмены были кратко описаны в 1964 г. П. У. Аутлевым и П. А. Дитлером (П. У. Аутлев. Отчет. Архив ИА АН СССР, д. № 2996 за 1964 г.). С 1967 г. полный учет и описание произведены Краснодарским отрядом ИА АН СССР. См. В. И. Марковин. Исследование кавказских дольменов. АО — 1968, М., 1969, стр. 101; его же. Раскопки памятников дольменной культуры в Краснодарском крае. ОА — 1971, М., 1972.

[10] Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 71; Ю. Н. Воронов. Ук. соч., стр. 39.

[11] А. А. Иессен, А. А. Миллер. Таманская экспедиция 1931 г. СГАИМК, 11—12, М.— Л., 1932, стр. 58; А. С. Башкиров. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г. Уч. зап. МГПИ, XIII, 2, М., 1949, стр. 173, 174.

[12] А. М. Лесков. Исследования Керченского участка трассы Северо-Крымского канала. АО — 1966. М., 1967, стр. 183, 184; его же. Керченская экспедиция в 1967 г. Сб. «Археологические исследования на Украине в 1967 г.», II, Киев, 1968, стр. 3, 4; П. П. Толочко. Исследования на Украине. АО — 1967, М., 1968, стр. 188.

[13] Приношу благодарность А. М. Лескову, О. И. Домбровскому, Е. В. Веймарну, М. Я. Черефу, В. К. Гарагуле, А. Г. Герцену, В. Б. Коустову, В. Н. Хоменко за помощь, оказанную при ознакомлении с археологическими материалами Крыма.

жителей лесов. Вне границ леса можно назвать всего три пункта, где были найдены дольмены: это два упоминавшихся уже местонахождения на Таманском полуострове и окрестности с. Уляп у р. Лабы [14]. Как видно, строители дольменов избегали возводить свои постройки вне гор и лесов — в степной части Западного Кавказа.

Если на карту распространения дольменов нанести контуры простирания основных горных пород [15], то также выявится довольно показательная картина (рис. 2). В зависимости от зон простирания тех или иных горных пород (известняки, песчаники, кристаллические и метаморфические породы) менялся и строительный материал. Для своих сооружений древние жители использовали местные горные породы, стараясь не привозить их издалека. Исключение составляет один пункт — Уляп, где строительный камень для дольмена должны были везти за 40—50 *км* от скальных выходов.

Дольмены встречаются довольно высоко в горах: в окрестностях Красной Поляны — на высоте свыше 500 *м*; у места расположения дольменов у с. Солох-аул имеется высотная отметка в 966 *м*; дольмен на хребте Мезецу находится у высшей его точки, в 1029 *м* над уровнем моря. Основная же масса дольменов занимает взгорья 250—400 *м* высотой. Отмечу и тот факт, что они расположены по обе стороны Главного хребта и всегда приурочены к бассейну какой-либо реки. Известно, что наиболее спокойные и легкие тропы, перевалы и переходы через реки издавна используются пастухами, и схема пастушеских троп, изученная и зафиксированная этнографом Ц. Н. Бжания [16], хорошо совмещается с картой распространения дольменных построек, обнаруженных в Абхазии (рис. 1, нижняя часть). Очевидно, носители дольменной культуры прекрасно ориентировались в сильно облесенных горах и пользовались наиболее простыми, доступными дорогами и тропами. Жаль, что для территории Краснодарского края мы не можем сослаться на работу, аналогичную проделанной Ц. Н. Бжания. Но и здесь заметна подобная картина: с обеих сторон хребта (с его причерноморской части и с северной, прикубанской, стороны), там, где имеются легкие перевалы через хребет, всегда встречаются дольмены.

О передвижениях и использовании в древности дорог и троп через перевалы свидетельствуют также конструктивные особенности некоторых дольменов и отдельные находки. Так, в бассейне р. Кизинка (ст. Баговская) обнаружен ложносводчатый дольмен (№ 528). Два сооружения подобной конструкции описаны нами в районе с. Гузерипль. Поразительное конструктивное сходство этих редких дольменов позволяет говорить о контактах между их строителями, а значит, и об освоении перевалов в бассейне р. Киша. По горам Алоус (Уруштен), Псеушхо, по верховьям рек Малой и Большой Лабы известны выходы зеленокаменных пород и змеевиков [17]. Эти высокогорные районы связаны перевалами с р. Мзымтой. Здесь вдоль хребта Ахцу пролегали тропы, ведущие к побережью Черного моря (сейчас здесь проходит шоссе) [18]. В дольменах с. Солох-аул (гора Аутль) обнаружены обломки подобных сине-зеленых пород, которые,

---

[14] Здесь в 1898 г. Н. И. Веселовским под скифским курганом № 1 была найдена дольменная плита с отверстием. Архив ЛОИА, ф. 1, д. № 50 за 1898 г., л. 16.

[15] И. С. Щукин. Очерки геоморфологии Кавказа. 1, М., 1926, стр. 110, картосхема.

[16] Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства абхазов. Сухуми, 1962, стр. 32—35, карта.

[17] В. Семенов-Тян-Шанский. Типы местностей Европейской России и Кавказа. Зап. РГО, 51, Пг., 1915, стр. 75; С. С. Кузнецов. Недра гор Северного Кавказа. М., 1953, стр. 29; Е. П. Маслов. Природные условия и ресурсы. В кн. «Северный Кавказ». М., 1957, стр. 33—36.

[18] Л. Н. Берсенев. Красная Поляна. М., 1963, стр. 156 сл.; А. М. Коломиец, Туристские маршруты Кубани. Краснодар, 1960, стр. 130 сл.

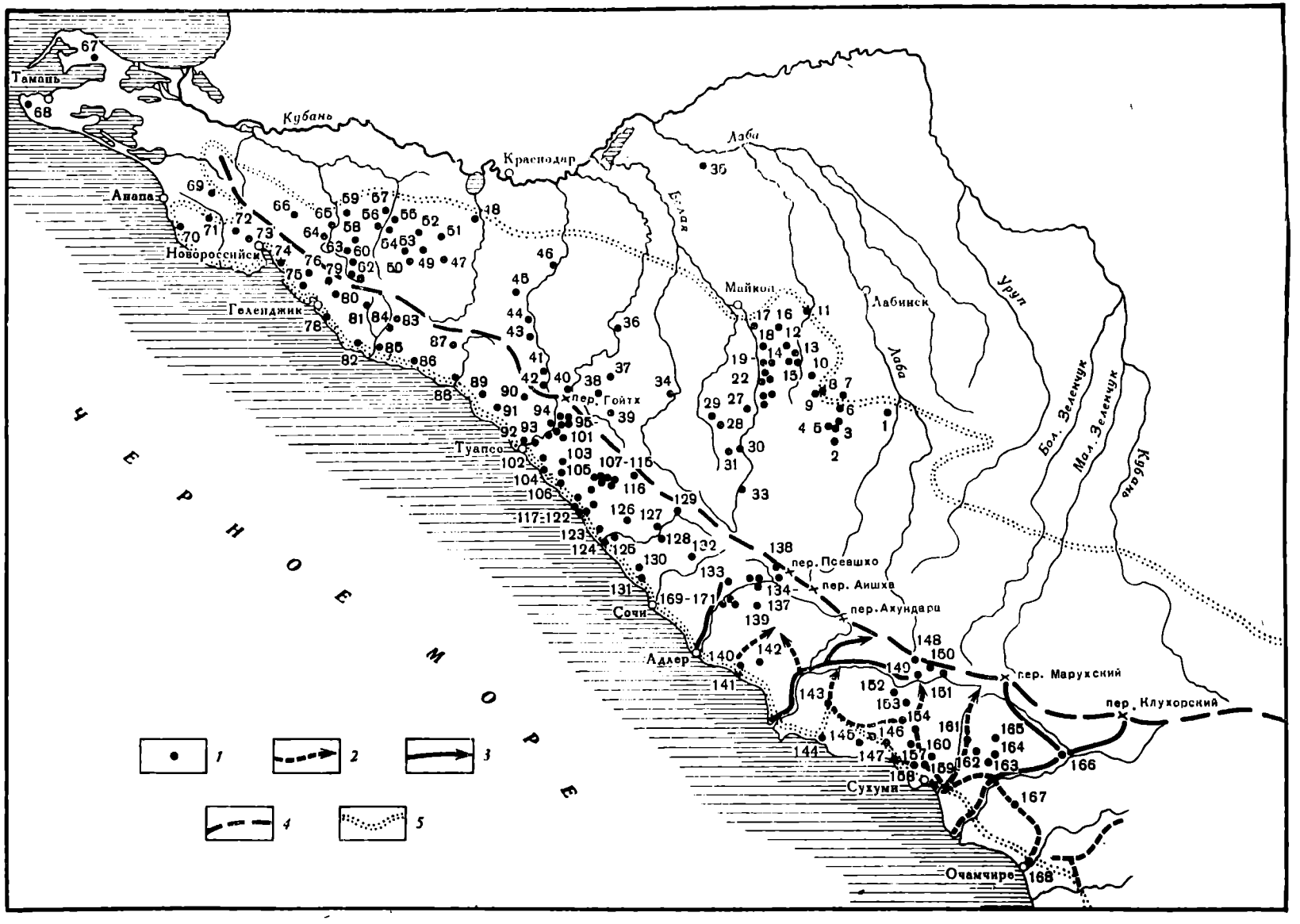

Тамань
Кубань
Краснодар
Лаба
Анапа
Новороссийск
Геленджик
Майкоп
Лабинск
Уруп
Бол. Зеленчук
Мал. Зеленчук
Кубань
Белая
Туапсе
пер. Гойтх
пер. Псеашхо
пер. Аишха
пер. Ахундарц
Сочи
Адлер
пер. Марухский
пер. Клухорский
Сухуми
Очамчире
ЧЕРНОЕ МОРЕ
1
2
3
4
5

Рис. 1. Картосхема распространения дольменов на Западном Кавказе

Условные обозначения: 1 — пункты дольменных местонахождений; 2 — старые скотопрогонные пути; 3 — современные скотопрогонные пути (нанесены по схеме Ц. Н. Бжания для территории Абхазии); 4 — Главный Кавказский хребет; 5 — границы леса. Дольменные местонахождения: *1* — Шедок, *2* — ст. Баговская, «Зацепина поляна», *3* — там же, «Серегина поляна», *4* — там же, «Журовая поляна», *5* — там же, «Башенковая поляна», *6* — хут. Кизинка, бассейн р. Кизинки, *7* — ущелье р. Губс, *8* — ст. Баракаевская, *9* — там же, земли колхоза «Заветы Ильича», *10* — между ст. Баракаевской и Новосвободной, *11* — ст. Махошевская, *12* — ст. Новосвободная, «Богатырская поляна», *13* — там же, левый берег р. Фарс, *14* — там же, местность «Клады», *15* — там же, «Длинная поляна», *16* — пос. Махош-поляна, *17* — ст. Тульская, *18—20* — ст. Абадзехская, в разных пунктах, *21* — ст. Каменномостская, *22* — там же, между реками Большой и Малый Хаджох, «Кожжохская груша», *23* — там же, правый берег р. Мешоки, *24* — там же, левый берег р. Белой, *25* — хут. «Войкова поляна», *26* — ст. Даховская, «Дегуакская поляна», *27* — гора Гуамма, *28* — с. Темнолесское, *29* — там же, р. Курджипс, *30* — с. Хамышки, «Цербелева поляна», *31* — там же, котловина, *32* — р. Сохрай, *33* — с. Гузерипль, *34* — ст. Самурская, «Дегачов покос», *35* — Уляп, *36* — ст. Кабардинская, *37* — с. Гунайка, *38* — с. Гойтх, *39* — пос. Перевальный, *40* — с. Шаумян, *41* — с. Садовое, «Мильконова щель», *42* — там же, гора Индюк, *43* — с. Фанагорийское, *44* — с. Безымянное, *45* — с. Пятигорское, *46* — ст. Саратовская, *47* — ст. Крепостная, *48* — ст. Афипская, *49* — ст. Убинская, «Симоненков кош», *50* — там же, гора Убин-су, *51* — там же, у «Запорожских источников», *52* — ст. Дербентская, *53* — там же, на хребте, *54* — ст. Холмская, р. Малый Хабль, *55* — там же, гора Паник, *56* — там же, «Сосновый пост», *57* — там же, бывш. Грузинский поселок, *58* — между реками Большой Бугундыр и Ахтырь, *59* — ст. Ахтырская, *60—63* ст. Эриванская, в разных пунктах, *64* — ст. Шапсугская, бывш. форт св. Николая, *65* — там же, р. Алегой, *66* — ст. Нижне-Баканская, *67* — бывш. с. Чокрак-кой, *68* — мыс Тузла, *69* — ст. Натухайская, *70* — с. Варваровка, *71* — ст. Раевская, *72* — пос. Цемдолина, *73* — ст. Гайдук, *74* — хребет Маркотх, *75* — гора Дооб, *76* — с. Марьина Роща, *77, 78* — Геленджик, в разных пунктах, *79* — с. Адербиевка, *80* — пос. Спорный, *81* — р. Жанэ, *82* — пос. Бета, *83* — р. Гуапсе, *84* — с. Пшада, *85* — с. Береговое, *86* — с. Архипо-Осиповка, *87* — пос. Вулканский, *88* — с. Джубга, *89* — с. Тенгинское, *90* — с. Подхребтовое, *91* — с. Ново-Михайловка, *92* — пос. Каменоломня, *93* — Армянский хутор, *94* — ст. Кривенковская, *95* — с. Георгиевское, *96* — с. Малое Псеушхо, *97* — с. Анастасиевка, *98* — с. Адигналово, Кодлова балка, *99* — там же, «3-я рота», *100* — там же, Вьючная гора, *101* — между с. Малое и Большое Псеушхо, *102* — с. Дедеркой, *103* — пос. Пасека, *104* — с. Шепси, *105* — хут. Голубева Дача, *106* — с. Шхафит, *107* — аул Красноалександровский I, *108—112* — аул Красноалександровский II, в разных пунктах, *113* — между аулами Красноалександровскими II и III, *114* — аул Красноалександровский III, *115* — пос. Чертов Мост, *116* — хребет Мезецу, *117* — с. Кировское, *118* — с. Тихоновка, *119* — с. Лазаревское, *120* — с. Волконка, *121* — р. Чухухх, *122* — с. Солоники, *123* — с. Зубова Щель, *124* — с. Головинка, *125* — с. Большой Кичмай, *126* — с. Верхний Кичмай, *127* — слияние рек Шахе и Бзыч, *128* — с. Солох-аул, гора Аутль, *129* — с. Бабук, *130* — р. Западный Дагомыс, *131* — р. Восточный Дагомыс, *132* — с. Ажек, *133* — с. Медовеевка, *134* — с. Красная Поляна, *135* — там же, р. Кукерту, *136* — там же, гора Ачишхо, *137* — там же, по дороге в Эсто-сады, *138* — р. Лаура, *139* — с. Аибга, *140* — с. Ковалевское, *141* — с. Гантиади, *142* — с. Ачмарда, *143* — с. Отхара, *144* — р. Мчишта, *145* — с. Куланурхва, *146* — с. Ачандара, *147* — с. Хабью, *148* — р. Агурипста, *149* — с. Псху, *150* — пос. Санчар, *151* — р. Баул, *152* — хут. Решевей, *153* — хут. Доу, *154* — р. Маденга, *155* — р. Гумрипш, *156* — с. Анухва абхазская, *157* — Новый Афон, *158* — с. Верхнее Эшери, пос. Кюр-Дере, *159* — пос. Цугуровка, *160* — с. Шрома, *161* — с. Прцха, *162* — гора Ахупач, *163* — пос. Сули, *164* — с. Азанта, *165* — р. Джампал, *166* — с. Чхалта, *167* — с. Ахуца-Джгерда, *168* — Очамчири, *169* — с. Михельриш, *170* — с. Троицкое, *171* — р. Пхиста (пункты 168—171 обнаружены в 1971 г. Ю. Н. Вороновым)

очевидно, указанным путем были пренесены сюда из высокогорных районов.

Европейские дольмены, как правило, сделаны из необработанных камней, в то время как все типы западнокавказских сооружений тщательно обработаны. Вероятно, в силу этого А. Я. Брюсов не считал возможным кавказские сооружения называть дольменами [19]. Подобного мнения придерживается Т. Б. Попова [20]. Однако название «дольмены» закрепилось в литературе за кавказскими постройками с начала XIX в.; у местного населения имеются свои названия для древних сооружений: у адыгейцев — «кеунеж» (могильный, древний дом), «спыун» или «испун» (дом карлика); у абхазов — «адамра» (каменный домик) [21]; русские называют их «богатырскими хатами».

Западнокавказские дольмены довольно разнообразны. Их очень дробная типология была разработана Е. Д. Фелицыным [22], но не получила рас-

[19] А. Я. Брюсов. Архитектура доисторической эпохи. Приложение к книге О. Шуази «История архитектуры». I, М., 1937, стр. 590 сл.

[20] Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963, стр. 10, примеч. 36.

[21] Разъяснения сделаны П. У. Аутлевым, за что приношу ему благодарность.

[22] Е. Д. Фелицын. Западнокавказские дольмены, стр. 14—31.

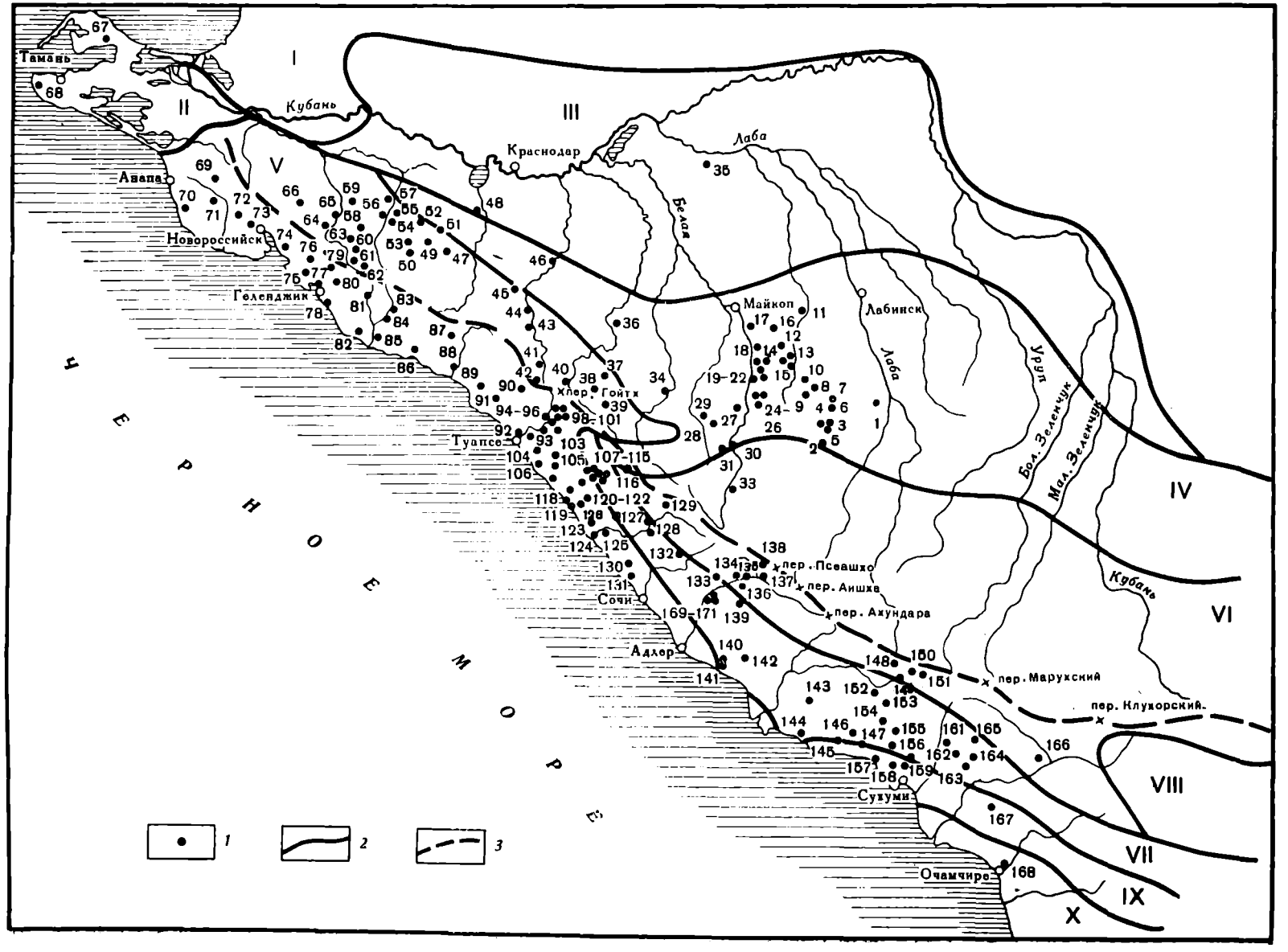


Рис. 2. Картосхема распространения дольменов и простирания основных горных пород на Западном Кавказе

Условные обозначения: 1 — пункты дольменных местонахождений; 2 — отдельные области распространения горных пород и отложений (I — ил в дельте р. Кубани, II — известняки, морские отложения, Тамань, III — флювио-гляциальные и аллювиальные равнины, IV — известково-карстовая область, V — флиши — песчаники, VI — кристаллическое высокогорье, VII — известково-карстовая область, VIII — сланцево-песчаниковые поднятия, IX — известняки предгорий, X — флювио-гляциальные и аллювиальные равнины — по И. С. Щукину); 3 — Главный Кавказский хребет. Дольменные местонахождения см. на рис. 1

пространения. Другая, новейшая четырехчленная типология, предложенная Л. И. Лавровым[23], мне кажется совершенно верной, она позволяет проследить эволюцию изучаемых сооружений, наметить их разновидности и подойти к относительной хронологии отдельных категорий дольменов. В этой работе я придерживаюсь типологии Л. И. Лаврова с некоторыми дополнениями и уточнениями.

Почти все искусствоведы, историки архитектуры всегда подчеркивали в мегалитах, в том числе и дольменах, не только ощущение «прочности, незыблемости» постройки, но и присущие им симметричность, ритмику в распределении частей, чувство пространства и пропорций, масштабности и формы, т. е. те элементы, которые делают архитектурное сооружение произведением искусства[24]. С этой мерой, мне кажется, надо подходить и к дольменам Кавказа.

Среди западнокавказских дольменов наиболее массовыми являются сооружения плиточного типа, т. е. дольмены, сложенные из массивных плит камня. Они построены по принципу зеркальной симметрии, такой симметрии «левого и правого», с помощью которой, по словам Г. Вейля, «человек на протяжении веков пытался постичь и создать порядок, красоту и совершенство»[25]. Наиболее ранние из плиточных дольменов имеют почти прямоугольную в плане геометрически простую форму. Подобные сооружения, напоминающие ящики, обнаружены у вершины горы Ахупач в Абхазии. С внутренней стороны они хорошо обработаны, один из ящиков содержал довольно ранний инвентарь[26].

Однако сооружения прямоугольной формы не очень устойчивы. Вероятно, в силу этого в дольменной архитектуре они не получили большого распространения. Основная масса западнокавказских дольменов имеет в плане и в продольно-поперечном сечениях форму трапеции. Это, так сказать, канонический тип дольменов, сложенных из плит. Нельзя считать случайностью стремление древних строителей создать постройку в виде косо срезанной пирамиды с широким основанием, а именно так выглядят плиточные дольмены. Известно, что в разработке строительных пропорций в Египте, Вавилоне, Ассирии, Иране и других странах видную роль играло стремление приблизить устойчивость зданий к положению естественного откоса сыпучих тел, поскольку известно, что наибольшей устойчивостью обладают кучи песка, гравия, мелкого камня и других материалов[27]. У западнокавказских дольменов угол скоса невелик (в среднем 84°), но даже и такое отклонение от прямого угла давало значительный эффект в устойчивости постройки. К дольменам Кавказа вполне применимо понятие соразмерности, которое в истории архитектуры равно относится к эстетическим, конструктивным и функциональным качествам сооружения[28].

Основная масса плиточных дольменов сложена из пяти плит — двух боковых, в которых тщательно высечены и пришлифованы пазы, ими зажаты передняя и задняя плиты, имеющие одинаковые пропорции, при этом

---

[23] Л. И. Лавров. Ук. соч., стр. 102, 103.

[24] М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств. I, М.— Л., 1948, стр. 48, 49; Всеобщая история архитектуры, I, М., 1958, стр. 6 (текст А. М. Прибытковой); А. А. Формозов. Памятники первобытного искусства. М., 1966, стр. 82; Всеобщая история архитектуры в 12 томах, 1 (архитектура древнего мира), М., 1970, стр. 34, 35 (текст Ю. В. Циркунова).

[25] Герман Вейль. Симметрия. М., 1968, стр. 36, 37.

[26] Ю. Н. Воронов. Ук. соч., стр. 37, № 247.

[27] Ю. Милонов. Строительная техника и архитектурные пропорции. «Архитектура СССР», 4, М., 1934, стр. 38, 39; Э. И. Березкина, А. П. Юшкевич. Математика в древности. Древний Египет, Вавилон. «История математики», I, М., 1970, стр. 32, 49.

[28] К. Н. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961, стр. 10.

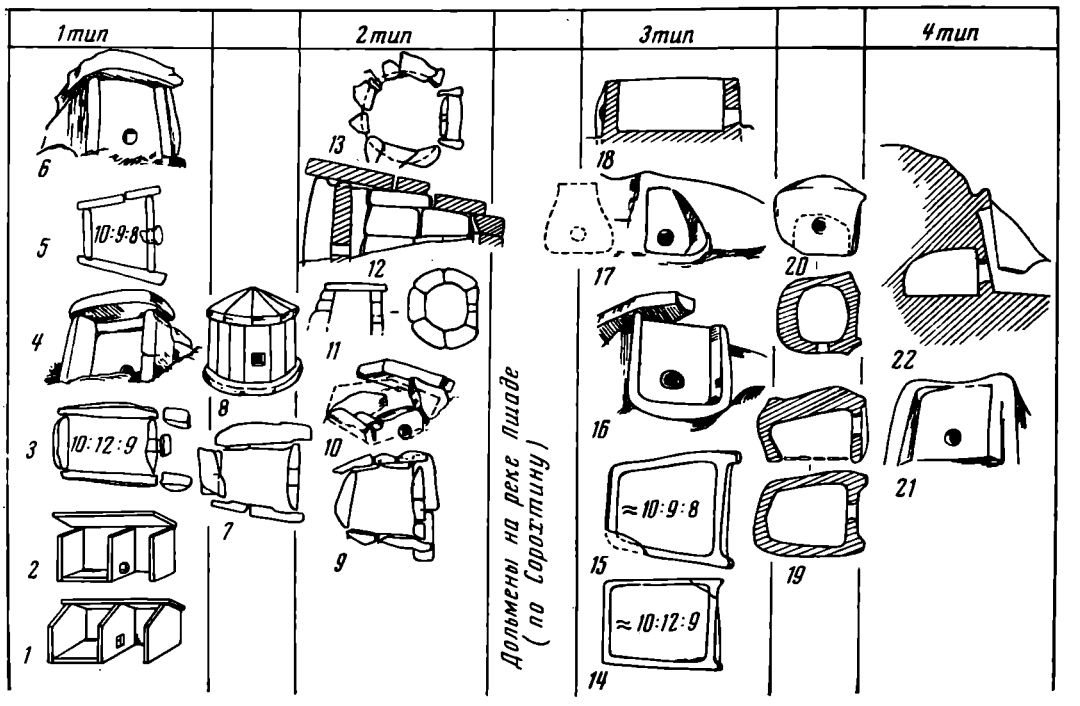


Рис. 3. Типы дольменов Западного Кавказа

1 — плиточные дольмены, *2* — составные, *3* — корытообразные, *4* — дольмены-монолиты, между ними помещены промежуточные формы.

1, 2 — ст. Новосвободная; *3* — р. Кизинка, дольмен № 75; *4* — с. Адигналово; *5* — р. Кизинка, дольмен № 54; *6* — с. Азанта; *7* — ст. Даховская, Дегуакская поляна, дольмен № 139; *8* — ст. Новосвободная; *9* — ст. Даховская, Дегуакская поляна, дольмен № 84; *10* — окрестности г. Туапсе; *11* — с. Лазаревское; *12, 13* — с. Гузерипль; *14* — р. Кизинка, дольмен № 539; *15* — там же, дольмен № 533; *16* — с. Солох-аул, гора Аутль; *17* — с. Солоники; *18* — с. Дедеркой, *19* — аул Красноалександровский I; *20* — с. Адигналово; *21* — с. Береговое; *22* — с. Волконка (*1, 2* — по Н. И. Веселовскому, *8* — по Н. Л. Каменеву, *11* — по Н. П. Руничу, *21* — по Е. Д. Фелицыну, *3—7, 9, 10, 12—20, 22* — обмеры и зарисовки В. И. Марковина)

задняя плита всегда несколько меньше передней. Указанные четыре плиты, образующие камеру, перекрыты пятой — покровной плитой, края которой нависают над сооружением. В перекрытии с нижней стороны также сделаны пазы, плотно пригнанные к краям стенок камеры. В передней плите дольменов сделано отверстие.

Возраст наиболее ранних дольменов определяется по составу найденного в них инвентаря. Заметно также техническое несовершенство таких ранних плиточных сооружений. Параллельное изучение конструктивных деталей и инвентаря позволяет проследить последовательность возникновения разных групп сооружений.

В ранних дольменах известны прямоугольные и круглые отверстия, в более поздних — круглые, овальные и аркообразные (отверстия плотно закрывались специальными каменными втулками). Ранние дольмены имели лишь один пяточный камень, который, будучи снабжен продольным пазом, поддерживал переднюю плиту. Задняя и боковые плиты упирались в материк. Более поздние дольмены снабжены пяточными камнями, которые подкладывались под все плиты камеры. Ранние дольмены иногда имеют четко выделенный портал в виде специально приставленных к фасаду плит с особым перекрытием (рис. 3, *4*; 4, *3*). Можно думать, что известные дольмены ст. Новосвободной (б. Царской) были именно такими портальными дольменами. Опубликованные Н. И. Веселовским рисунки раскопанных им дольменов сделаны после их исследования по описанию (рис. 3, *1, 2*) [29].

[29] ОАК за 1898 год. СПб., 1901, стр. 33—36, рис. 48, 53; Т. Б. Попова. Ук. соч., стр. 11, 14, рис. 3, 5.

В конструкции дольменов строго выдержаны пропорции [30]. Они не остаются неизменными. Выделяются три группы памятников с различными пропорциональными соотношениями.

Ранняя группа памятников характеризуется большой длиной камеры, она превышает по величине размеры камеры в передней части (ее ширину, рис. 3, *3*). Таким образом, отношение ширины камеры в передней части (если ее принять за 10 единиц отношения) к ее длине и к ширине камеры в задней части дает такие стойкие пропорции: 10 : 12 : 8 (или 9).

Для наглядности даю результаты обмеров некоторых портальных дольменов бассейна р. Кизинки (предполагаемые размеры заключены в скобки):

№ дольменов	Ширина камеры в передней части, *см*	Длина камеры, *см*	Ширина камеры в задней части, *см*	Пропорциональные отношения
67	130	160	120	≈10 : 12 : 9
68	170	200	(135—150)	≈10 : 12 : (8—9)
71	170	200	(135—150)	≈10 : 12 : (8—9)
74	165	200	145	≈10 : 12 : (8—9)
148	160	200	135	≈10 : 12 : 8
296	170	200	(135—150)	≈10 : 12 : (8—9)
299	150	185	120	≈10 : 12 : 8
524	225	265	(175—200)	≈10 : 12 : (8—9)

Средняя группа памятников приобретает более четкие трапециевидные формы плана, в силу которых меняется пропорциональность камеры дольменов. Длина камеры становится меньше ее ширины в передней части (рис. 3, *5*). В дольменах этой группы отношение ширины камеры в передней части к ее длине и к ширине камеры в задней части выражается как 10 : 9 : 8.

Приведу несколько образцов наших обмеров в бассейне р. Кизинка:

№ дольменов	Ширина передней части камеры, *см*	Длина камеры, *см*	Ширина задней части камеры, *см*	Пропорциональные отношения
5	153	130	123	≈10 : 9 : 8
26	162	156	120	≈10 : 9 : 8
51	127	110	97	≈10 : 9 : 8
53	175	155	150	≈10 : 9 : 8
62	155	133	119	≈10 : 9 : 8
429	250	230	190	≈10 : 9 : 8

Поздняя группа дольменов теряет четкость в пропорциональности своего плана: при тех же соотношениях частей, что и в предыдущей группе, имеем несколько иной ряд последовательных чисел — 10 : 9 : 7 (или 6).

Таковы пропорциональные отношения частей плана дольменов трех хронологических групп (речь идет об относительной хронологии).

Строгая пропорциональность выдержана и в отношениях таких важных деталей в конструкции дольменов, как передняя и задняя плиты, которые имеют трапециевидную форму: широкое основание, относительно неболь-

[30] Приношу благодарность Н. Г. Полихрониди, Н. Б. Малачиханову за помощь, оказанную при проверке моих наблюдений.

шую высоту и довольно узкую верхнюю часть, что дает для средней группы памятников цифровые отношения 10 : 6 : 8; 10 : 7 : 8; 10 : 7 : 9, при этом пропорции в соотношении размеров передней и задней плиты едины, так как эти плиты подобны, в ином случае дольмен развалился бы. Ниже дано несколько образцов обмеров передних плит у дольменов р. Кизинки:

№ дольменов	Длина основания, *см*	Высота плиты, *см*	Длина верхней части, *см*	Пропорциональные отношения
5	160	100	125	≈10 : 6 : 8
51	127	100	112	≈10 : 7 : 9
53	180	120	152	≈10 : 7: 8
54	210	140	185	≈10 : 7: 8
58	166	114	154	≈10 : 7 : 9
62	168	120	152	≈10 : 7 : 9
248	150	108	132	≈10 : 7 : 9

Указанные отношения пока выявлены только для средней группы памятников, время бытования которых условно названо нами эпохой расцвета дольменной культуры.

В древней и средневековой архитектуре всегда применялся модуль, т. е. мера пропорциональности частей постройки. Таким модулем при строительстве дольменов могла служить мера, принятая для высоты отверстия, выбитого в передней плите. Обмеры значительного числа дольменов в бассейне р. Кизинки и на Богатырской поляне (ст. Новосвободная) позволили выявить определенную стандартность в размерах отверстий передних плит. Квадратные проемы ранних памятников имеют стороны в 40, 45 *см* и выше; диаметры круглых отверстий варьируют в пределах 33, 35 и 40 и достигают 50 *см;* высота аркообразных — 28, 30, 32—33, 34—35, 40 *см* (рис. 5, *1*, *2*), из них размеры в 30 и 35 *см* наиболее встречающиеся. Обмеры высоты овальных отверстий также дают близкие измерения — 25, 28, 30 и 35 *см* [31]. Некоторая нечеткость в цифровых данных (32—33, 34—35 *см*) может происходить за счет выветривания краев дольменных отверстий, но в целом заметно уменьшение высоты проемов у дольменных памятников средней группы сравнительно с более ранними сооружениями (диаметры и высоты в 40 *см* и выше). Таблица дольменных габаритов, составленная Г. Н. Сорохтиным для памятников р. Пшады, также дает несколько стандартных цифр для диаметров отверстий — 34—35, 37, 40 и даже 45 *см* [32]. В 1971 г. нами было обмерено несколько пшадских дольменов. Установлено, что для местных построек характерны следующие формы и размеры отверстий: удлиненно-овальные (размеры их 33 × 38, 35 × 38, 34 × 40 *см*), округлые (37—38 × 40 *см*), круглые (диаметр 39—40 *см*). Таким образом, стандартность отверстий подтвердилась (высота их от 33, 35 и до 40 *см*). Самые крупные проемы, несомненно, принадлежали наиболее древним сооружениям р. Пшады.

Высота отверстия, принятая нами за меру — модуль, варьирует, являясь хронологическим признаком, но, будучи модулем, укладывается

---

[31] Стабильность отверстий для дольменов Абхазии отмечал О. М. Джапаридзе (О. М. Джапаридзе. Ранний этап дольменной культуры в Грузии. Тбилиси, 1961, стр. 225).

[32] Г. Н. Сорохтин обмеры вел в вершках, у меня даны округленные цифры в сантиметрах. Г. Н. Сорохтин. Материалы к вопросу о дольменах Кавказа. Записки Музея природы и истории Черноморского побережья Кавказа, I, Новороссийск, 1916, стр. 52—55; см. также таблицу, составленную Л. И. Лавровым (Л. И. Лавров. Ук. соч., стр. 168—173), но у него формы отверстий не указаны.

в высоте передней плиты довольно четко 3—5 раз. О том, что высота (диаметры) отверстия дольменов могли служить модулем, свидетельствуют исследования некоторых памятников древности и средневековья на Востоке, где архитектурной мерой часто служили размеры проемов [33]. Отмеченная разница в высотах дольменных лазов указывает также и на отсутствие четкой системы в единицах измерения у строителей мегалитов, которые могли использовать в процессе измерений естественные мерила — пядь, локоть, шаг и т. д., хорошо этнографически зафиксированные [34]. Но такие единицы измерения трудно поддаются стандартизации. Приведу пример: у адыгов и абхазов еще относительно недавно одной из линейных единиц служил «локоть», при этом величина его варьировала примерно от 40 до 50 *см*, измерение велось от угла между большим и указательным пальцами и до локтя или от кончика среднего пальца до локтя [35].

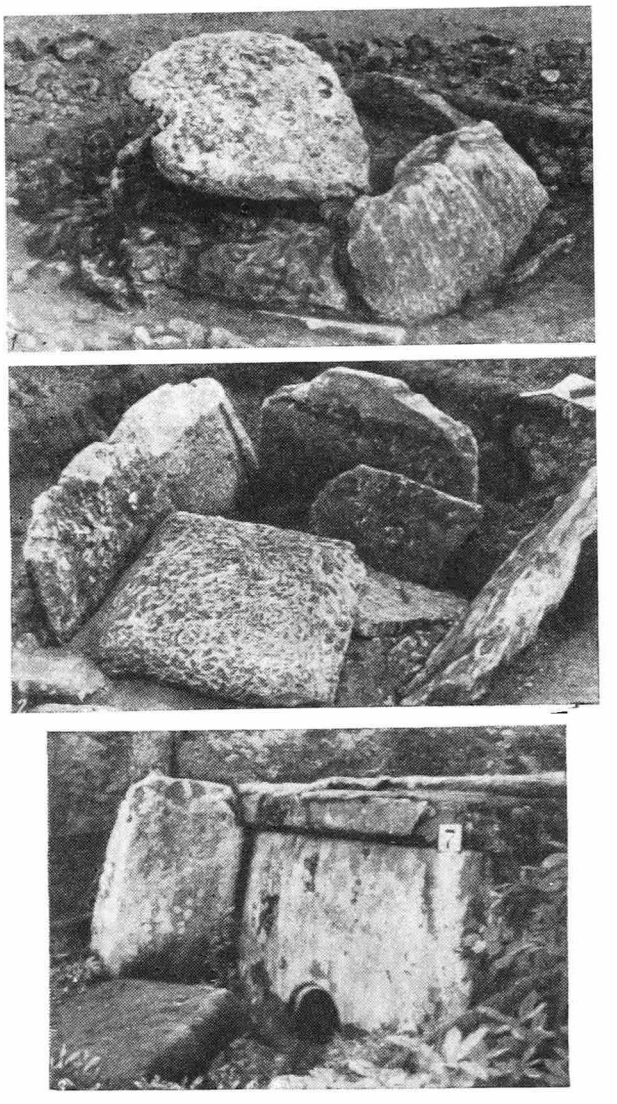


Рис. 4. Дольмены плиточного типа. Западный Кавказ

1 — бассейн р. Кизинки. Дольмен без отверстия, № 215; *2* — тот же дольмен со снятым перекрытием и откинутой боковой плитой; *3* — с. Адигналово, дольмен с приставными портальными плитами, № 7

Практически в зависимости от величины модуля, принятого строителями, зависели пропорциональные соотношения в конструкциях дольменов [36]. Разнообразие в формах дольменных отверстий и их размерах может являться не только хронологическим признаком, в периоды расцвета и упадка культуры в подобных изменениях можно усмотреть локальные, племенные, отличия.

На вопросе о пропорциональности в конструкции дольменов пришлось остановиться довольно подробно, так как изучение кавказских дольменов велось без стремления видеть в них памятники архитектуры, а «вне пропорций,— как пишет К. Н. Афанасьев,— нет произведений зодчества» [37].

---

[33] Н. Б. Бакланов. Архитектурные чертежи узбекского мастера XVI века. Сб. «Материалы по истории архитектуры народов СССР», «Сообщения Института истории и теории архитектуры», 4, М., 1944, стр. 6 сл.; Л. Бретаницкий, Л. Маминконов, Д. Мотис. К истории азербайджанского средневекового зодчества. Изв. АН АзССР, 6, Баку, 1952, стр. 76—88; А. Саинян. Архитектура Касахской базилики. Ереван, 1955, стр. 257, 258.

[34] Ф. И. Петрушевский. Общая метрология. I, СПб., 1849, стр. 19, 20.

[35] П. И. Аутлев, Т. Д. Алибердов. О народной метрологии адыгов (черкесов). Уч. зап. Адыг. НИИЯЛИ, VIII, М., 1968, стр. 94.

[36] В описании дольменных пропорций я исходил из десятиричной системы счета как наиболее распространенной. Ее можно заменить любой системой, в том числе и двадцатиричной, характерной для счета у кавказских народов (грузин, осетин, абхазов, чеченцев и др.). См.: Э. И. Березкина, Б. А. Розенфельд. Математика в древности. Доисторические времена. История математики, I, М., 1970, стр. 12.

[37] К. Н. Афанасьев. Ук. соч., стр. 6.

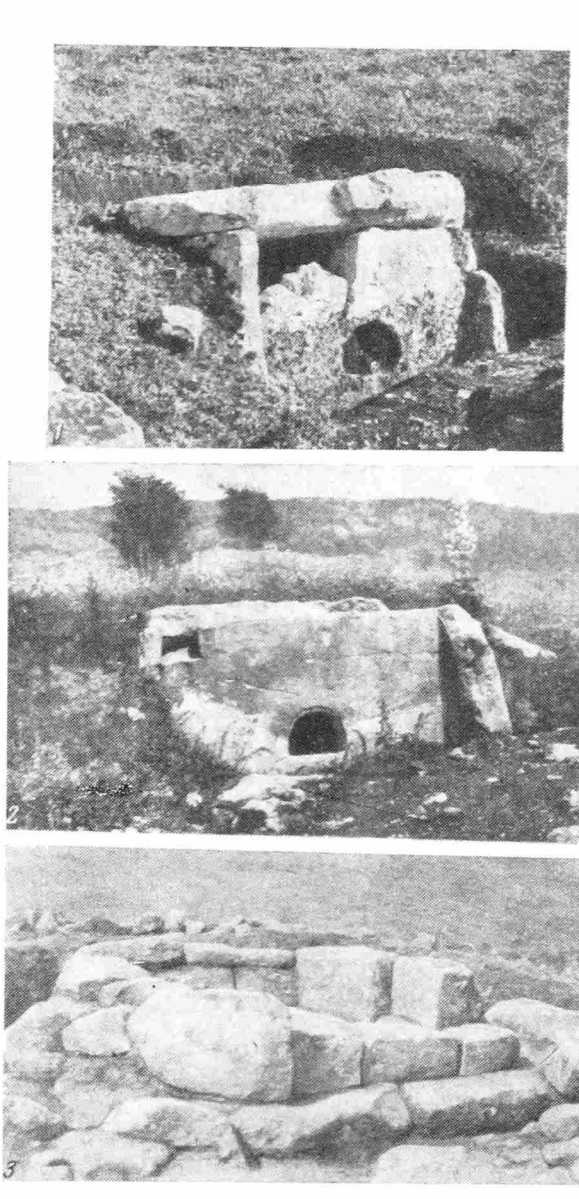


Рис. 5

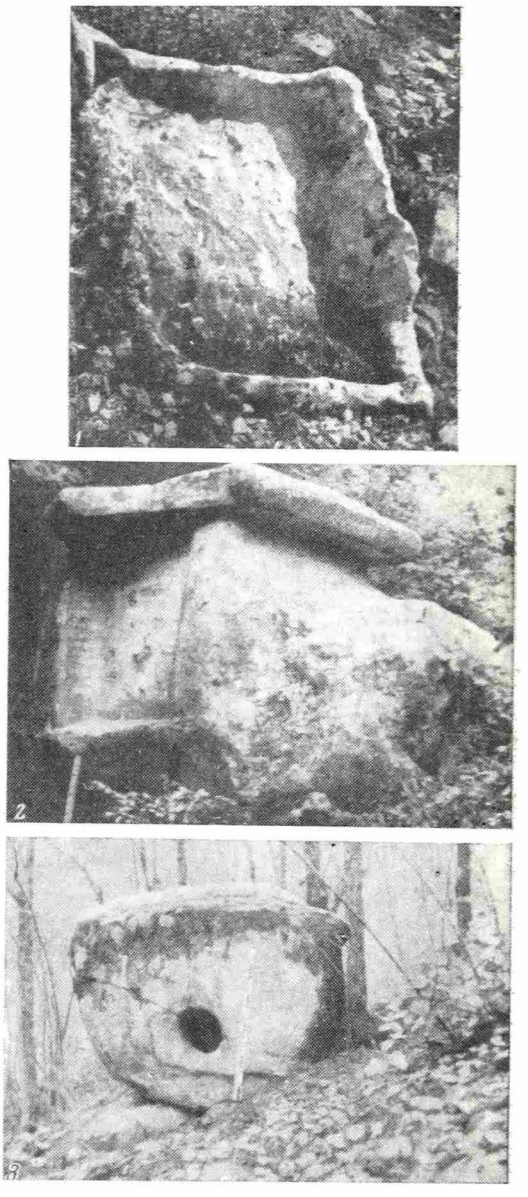


Рис. 6

Рис. 5. Дольмены Западного Кавказа.

1 — бассейн р. Кизинки, плиточный дольмен № 58; *2* — там же, плиточный дольмен № 23; *3* — ст. Даховская, Дегуакская поляна, составной дольмен № 71

Рис. 6. Дольмены Западного Кавказа

1 — бассейн р. Кизинки, корытообразный дольмен, № 532; *2* — пос. Каменоломня у г. Туапсе, корытообразный дольмен с ложным фасадом; *3* — с. Адигналово, Кодлова балка. Дольмен, близкий монолитным сооружениям

Плиточные дольмены были исходными для появления второго типа памятников — составных дольменов, сложенных из небольших каменных блоков. Переходными к этому типу сооружений являются постройки, одна или две плиты которых заменены блоками или небольшими плитами (Дегуакская поляна у ст. Даховской, рис. 3, *7;* 5, *3*).

Основная группа составных дольменов также имеет трапециевидную камеру. Их пропорциональные соотношения близки плиточным дольменам средней группы (они, очевидно, более всего появляются в эпоху расцвета дольменной культуры, рис. 3, *9*). Но составные дольмены, развиваясь, теряют сходство с трапециевидными прототипами, приобретая многогранные и округлые очертания (Туапсе, Лазаревское, рис. 3, *10, 11*), хотя, возможно, некоторые из них ведут свое начало от многогранных плиточных дольменов. Один из таких классических ранних памятников был рас-

копан Н. Л. Каменевым в 1869 г. у ст. Царской (Новосвободной, рис. 3, *8*) [38].

К типу составных памятников относятся три несколько необычных дольмена — один обнаружен в бассейне р. Кизинка (сооружение 528) и два других у с. Гузерипль, на территории Кавказского государственного заповедника. Фасады этих дольменов оформлены в виде обычной мощной плиты, снабженной отверстием (как у плиточных дольменов), камера округлых очертаний собрана из отдельных блоков, тщательно пригнанных друг к другу. Они положены суживающимися кольцами, образуя подобие ложного свода, но сверху были перекрыты крупными плитами. Эти сооружения близки купольным гробницам Средиземноморья [39], но не аналогичны им, так как не имеют коридоров, характерных для южноевропейских памятников, снабжены порталом, обычным для основной массы кавказских дольменов (рис. 3, *12*, *13*).

Третий тип дольменов принято называть корытообразным. Камера таких сооружений высечена в глыбе камня и сверху перекрыта отдельной плитой. На р. Пшаде в 1916 г. Г. Н. Сорохтин и А. Я. Колосов обнаружили дольмен, задняя часть которого была выдолблена в обломке скалы, а передняя сложена из мелких блоков [40]. Подобные сооружения, несомненно, занимают промежуточное положение между составными и корытообразными дольменами.

Целая серия наиболее ранних корытообразных сооружений обнаружена в бассейне р. Кизинка. Они сделаны из огромных кусков известняка. Камера трапециевидной формы выбита в камне в виде корыта. Фасад тщательно обработан: ему придано сходство с плиточными постройками, в целом камне имитированы выступы «боковых плит» и высечена площадка перед ними. Наиболее ранняя группа подобных памятников имеет вытянутые пропорции, отношение между частями камеры дает уже известный цифровой ряд — 10 : 12 : 9 (рис. 3, *14*; 6, *1*), что также подчеркивает их зависимость от ранней группы плиточных сооружений.

В эпоху расцвета дольменного строительства продолжают создаваться корытообразные дольмены с более четкими трапециевидными формами камер и с характерными пропорциональными отношениями, близкими ряду цифр — 10 : 9 : 8 (рис. 3, *15*).

Описанные дольмены сейчас, как правило, разрушены. В конце XIX в. Е. Д. Фелицын у ст. Баговской видел их целыми [41].

С течением времени камеры корытообразных дольменов теряют трапециевидность, приобретая самые разнообразные формы — овальную, округлую, кувшинообразную, а их фасады сохраняют внешний вид плиточных сооружений (рис. 3, *16*). Это внешнее сходство с плиточными прототипами не теряют и те корытообразные дольмены, передняя часть которых оформлена в виде ниши, сохраняющей традиционную форму трапеции. При этом боковые стены ниши скошены кверху, что характерно для портальных выступов плиточных построек (рис. 3, *17*; 7, *1*).

Разновидностью корытообразных дольменов являются гробницы, также выдолбленные в скальной глыбе и перекрытые отдельной плитой, но в отличие от предыдущих они снабжены ложным фасадом — помимо портальных

---

[38] Е. Д. Фелицын. Западнокавказские дольмены, стр. 5, 23, 24, 33, 34, рис. 5; Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. I, Тбилиси, 1949, стр. 305, 306, рис. 66; Т. Б. Попова. Ук. соч., стр. 15, 16, рис. 6 (все три опубликованных рисунка несколько различны. Наиболее точен, очевидно, рисунок Б. А. Куфтина).

[39] G. Wilke. Südwesteuropäische Megalithkultur und ihre Beziehungen zum Orient. Würzburg, 1912, стр. 11, рис. 3; Christian Zervos. La Civilisation de Sardaigne. Paris, 1954, стр. 258—260; Agostinho Farinha Isidoro. Escavaçoes em dólmenes do concelho do Grato (Alto Alentejo). Porto, 1966, стр. 32—34; М. Гёрнес. Культура доисторического прошлого. II, М., 1914, стр. 85; А. Я. Брюсов. Архитектура доисторической эпохи, стр. 591.

[40] Г. Н. Сорохтин. Ук. соч., стр. 59.

[41] Антропологическая выставка 1879 года. III, 1, М., 1880, стр. 27.

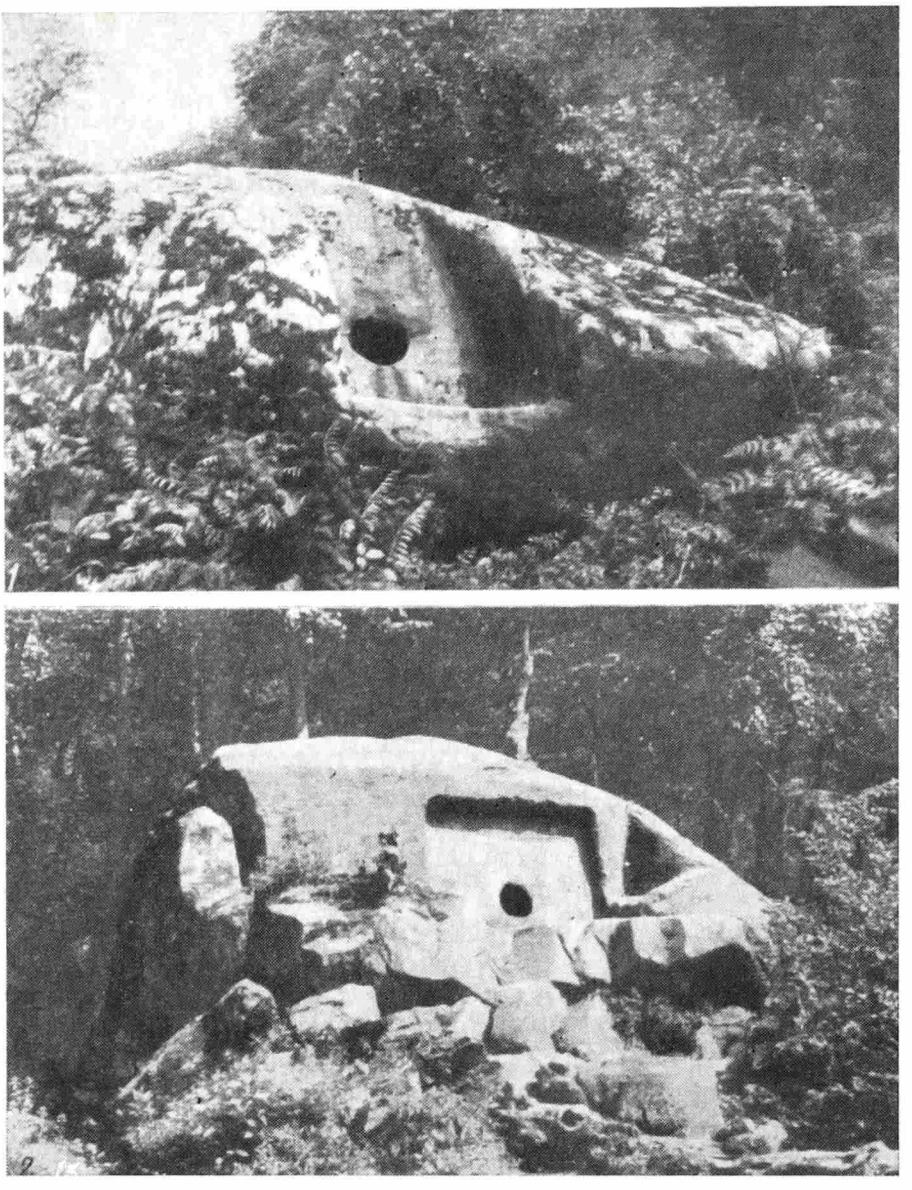


Рис. 7. Дольмены Западного Кавказа

1 — с. Солоники. Корытообразный дольмен № 1 в первой группе дольменов (перекрытие у него сброшено); *2* — с. Волконка, р. Годлик. Дольмен-монолит

ных выступов имитируется отверстие, прикрытое втулкой, а настоящее отверстие, ведущее в камеру, пробито где-либо сбоку или в задней части дольмена. Интересно, что в отличие от основной массы дольменов эти ложнопортальные сооружения обращены отверстиями не вниз по склону, а, наоборот, к его возвышенной части. Создается впечатление, что настоящие лазы хотели скрыть, обратив внимание на ложный портал дольмена. Таковы дольмены аула Большое Псеушхо, пос. Каменный карьер у г. Туапсе (рис. 6, *2*), бассейнов рек Дедеркой (рис. 3, *18*), Аше (Красно-Александровские аулы) [42], Цуквадже (с. Солоники) [43].

[42] П. С. Уварова. Несколько дополнительных сведений..., стр. 175; Г. Н. Сорохтин. Дольмены Черноморской губернии и Крымской области. «Юбилейный сборник Крымско-Кавказского горного клуба», Одесса, 1915, стр. 93, табл. X, *6*; А. А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа, стр. 84, 85; рис. 1; Л. И. Лавров. Из поездки в черноморскую Шапсугию летом 1930 г. СЭ, 1936, 4—5, стр. 124—126; его же. Дольмены Северо-Западного Кавказа, стр. 156; А. И. Шамотульский. Дольмены Черноморского побережья Кавказа. «Туапсе и Туапсинский район», Краснодар, 1967, стр. 164; В. И. Марковин. Исследование памятников дольменной культуры. ОА — 1970, М., 1971, стр. 106.

[43] В. И. Марковин. Раскопки дольменов в бассейнах рек Кизинки, Дегуак и Цуквадже. АО — 1969, М., 1970, стр. 91.

Последний, четвертый тип дольменов представлен монолитными сооружениями, целиком высеченными в скале. Они встречаются крайне редко. В XIX в. были известны у с. Берегового (рис. 3, *21*), Архипо-Осиповки, у ст. Холмской (этот памятник сомнителен), г. Геленджика [44]. Сейчас подобный дольмен возвышается в долине р. Годлик у с. Волконка (рис. 3, *22*; 7, *2*). Его небольшая камера округлой формы выбита через отверстие в огромной скале песчаника, внушительный фасад дольмена внешне все еще напоминает фасады плиточных дольменов.

Удалось найти два дольмена — близ г. Туапсе и в бассейне р. Аше (аул Красно-Александровский 1), которые знаменуют собой переход от корытообразных сооружений к монолитным (рис. 4, *19, 20*; 6, *3*). Их камеры сделаны в виде корыт в крупных скальных блоках, а затем перевернуты выбитой частью вниз, к земле. Пол дольменов устлан плитами.

Высказывалось мнение, что дольмены возникли в силу существования традиции, по которой захоронения необходимо было совершать в пещерах [45]. Естественно, согласно этой теории, корытообразные и монолитные дольмены должны быть типологически более близки пещерам, чем плиточные и составные сооружения. Однако в результате изучения конструкции дольменов такое мнение опровергается. Если портальные выступы фасада плиточных дольменов фактически являются продолжениями боковых камней, то в корытообразных сооружениях они уже не связаны с формой камеры, а лишь украшают ее и, возможно, подчинены каким-то ритуальным канонам. В свою очередь конструкции корытообразных дольменов находят свое дальнейшее развитие в дольменах-монолитах. Схема «прогресса» в развитии дольменов, которую предложил В. Ю. Циркунов, сильно упрощает эволюцию в строительстве дольменов [46].

Изучение архитектуры дольменов, выявление пропорциональных отношений между их отдельными частями, а также изучение дольменного инвентаря позволяет создать относительную периодизацию самих сооружений.

А. Древнейшим типом дольменов являются плиточные дольмены. Среди корытообразных дольменов наиболее древними являются сооружения со слегка трапециевидными камерами удлиненных пропорций. В это же время появляются первые составные дольмены.

Б. Эпоха расцвета дольменной культуры знаменуется широким распространением плиточных построек. В этот период возникают отдельные локальные районы их распространения с несколько иными, более редко встречающимися пропорциями. Так, на Богатырской поляне (ст. Новосвободная) встречаются дольмены с отношениями 10 : 6 : 9, т. е. дольмены имеют очень узкую, поперечно-вытянутую камеру. В этот же период в передней плите построек высекали отверстия различной формы — круглые, овальные, аркообразные, что может указывать на племенные особенности в местной архитектуре. Помимо плиточных дольменов довольно часто воздвигаются составные и корытообразные сооружения; последние имеют четко выделенные порталы. Появляются также дольмены, переходные к монолитным сооружениям.

В. Поздний период культуры дольменов характеризуется нечеткими пропорциональными соотношениями частей у плиточных дольменов. Появляются корытообразные дольмены с псевдофасадом, имитирующим отверстие, закрытое втулкой. В этот период воздвигают составные дольмены с ложными сводами и в скалах высекают дольмены-монолиты.

---

[44] Л. И. Лавров. Дольмены Северо-Западного Кавказа, стр. 139, 147 и др.

[45] Д. Н. Анучин. Дольмены. ЭС. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, ХА, СПб., 1893, стр. 934; М. М. Иващенко. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Изв. НИИ кавказоведения, 3, Тифлис, 1935, стр. 9; E.-A. Martel. Côte d'Azur Russe. Paris, 1904, стр. 84; Carl Schuchhardt. Alteuropa. Berlin und Leipzig, 1926, стр. 58, Christian Zervos. Ук. соч., стр. 246.

[46] В. Ю. Циркунов. О происхождении зодчества. М., 1965, стр. 85, 86, рис. 47.

Раскопки дольменов ведутся начиная с XIX в. Установлено, что они являются гробницами, но до сих пор археологи спорят об обряде дольменных захоронений. Так, Л. Н. Соловьев считает, что исследованные в Абхазии дольмены представляют собой своеобразные оссуарии, в которых погребали лишь кости, принесенные из мест первоначальных захоронений [47]. Б. А. Куфтин и О. М. Джапаридзе, рассматривая дольмены как оссуарии, полностью не отрицали использования их и для сидячих погребений [48]. О подобных сидячих костяках в дольменах писали Е. Д. Фелицын, Н. Е. Талицкий, В. И. Сизов, И. И. Аханов [49]. К этим наблюдениям можно добавить данные Н. И. Веселовского, который в двух знаменитых новосвободненских дольменах обнаружил по одному сильно скорченному скелету [50]. Скорченное погребение нашел Н. А. Захаров в дольмене ст. Саратовской [51]. К сожалению, мы не знаем, в каком виде лежали костяки в дольменовидных ящиках на горе Ахупач в Абхазии [52]. Можно только предполагать, что в них находились одиночные захоронения. В 1971 г. в бассейне р. Кизинки обнаружен один дольмен в виде ящика (рис. 4, *1, 2*), без отверстия в передней плите (№ 215). В нем находилось разрушенное одиночное погребение с южной ориентацией. Это захоронение сопровождалось обломками керамики, кремневой пластиной и очень архаической круглой подвеской, свернутой из бронзовой проволоки и обтянутой золотой фольгой (рис. 8, *а*).

Работы в бассейне р. Кизинки, где было также раскопано два ранних плиточных дольмена с порталами, позволяют говорить только об одиночных захоронениях, хотя положение покойных не восстанавливается из-за разрушенности построек. Вероятно, одиночное погребение находилось и в портальном дольмене с. Солох-аул на р. Шахе. Раскопки других групп плиточных дольменов дали захоронения по углам камер (р. Кизинка); в подобном положении обнаружены останки погребенных и в одном из составных дольменов (р. Дегуак). Вместе с тем необходимо отметить наличие отдельных костей в ряде разнотипных сооружений. Таково содержимое нескольких плиточных дольменов в бассейне р. Кизинки и двух дольменов в Красной Поляне. В одном из корытообразных дольменов с. Солоники также обнаружены непотревоженные захоронения в виде отдельных костей четырех человек. Отдельные кости были найдены в непотревоженной части дольмена с ложным сводом (р. Кизинка).

Суммируя наблюдения, можно сделать вывод о смене погребального обряда в дольменных памятниках. Наиболее ранние погребения состоят из одиночных костяков, при этом покойник лежит скорченно, головой обращен на юг и восток (дольмены ст. Новосвободной, Саратовской, отдельные сооружения на р. Кизинке). Затем возникает обряд массовых захоронений в позе сидя — по углам дольменных камер. Здесь необходимо подчеркнуть редкость памятников с одиночными скорченными погребениями и большую массовость дольменов с сидячими костяками. Первые из них, вероятно, относятся к периоду появления дольменов на Западном Кавказе. Судя по богатству инвентаря, в них погребены не рядовые лица. Можно думать, что основную массу умерших в этот период, как предполагают

[47] Л. Н. Соловьев. Погребения дольменной культуры в Абхазии..., стр. 80.

[48] Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 274, 275; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 212 сл.; его же. Дольменная культура в Грузии. Тр. Тбилис. гос. ун-та, 77, Тбилиси, 1959, стр. 88.

[49] Е. Д. Фелицын. Западно-Кавказские дольмены, стр. 39 сл.; Н. Е. Талицкий. Несколько слов о кавказских дольменах. Изв. ОЛИКО, 5, Екатеринодар, 1912, стр. 93—102; В. И. Сизов. Восточное побережье Черного моря. МАК, II, 1889, стр. 61—64; И. И. Аханов. Геленджикские подкурганные дольмены. СА, 1961, 1, стр. 143, 144.

[50] ОАК за 1898 год, стр. 35, 36.

[51] Н. А. Захаров. Погребение мегалитического типа из предгорных районов Северного Кавказа. СА, III, 1937, стр. 227—228.

[52] Ю. Н. Воронов. Ук. соч., стр. 37, № 247.

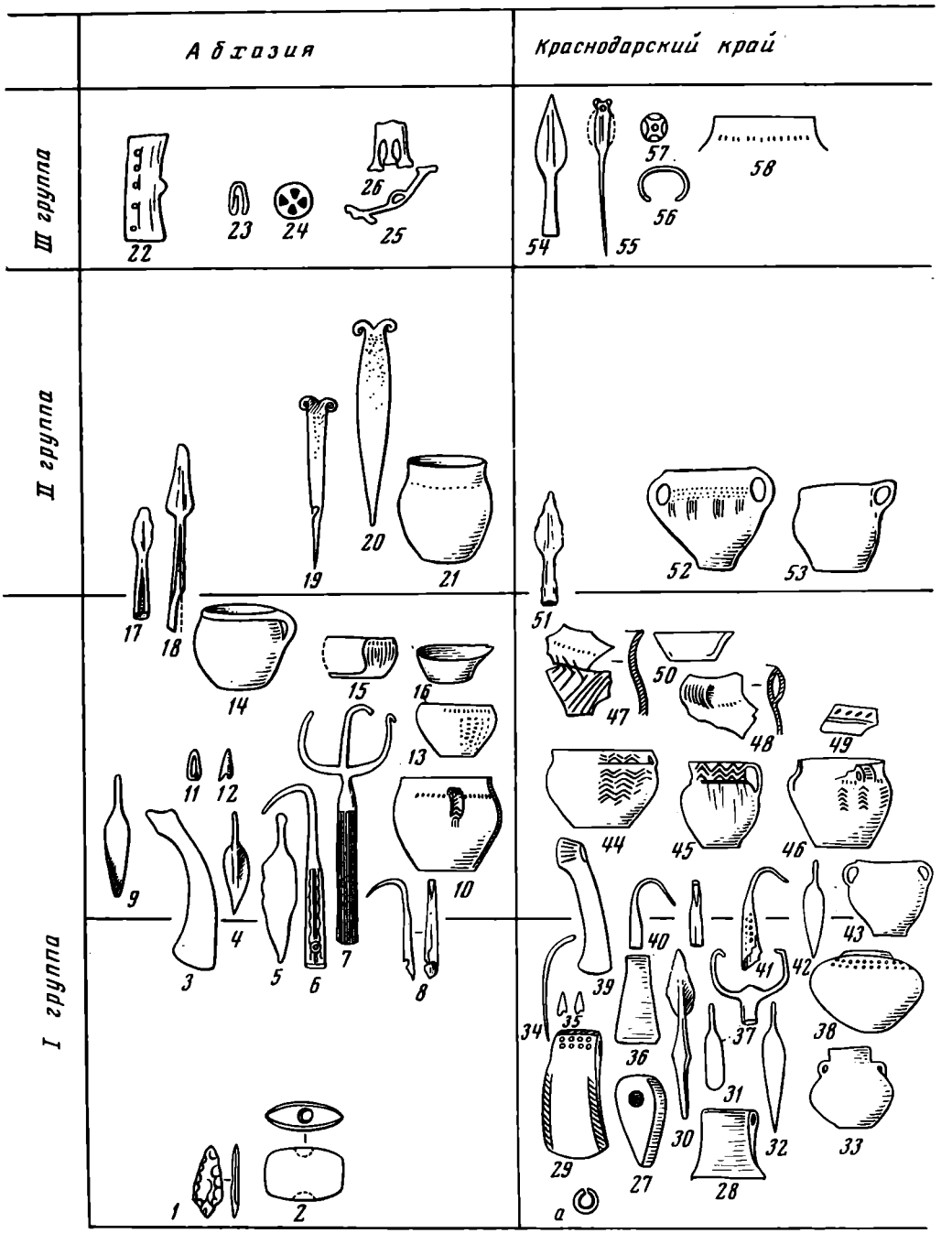


Рис. 8. Западный Кавказ. Предметы, найденные в дольменах:

а — р. Кизинка, дольмен № 215, височное кольцо; *1* — гора Ахупач и Прцха, наконечник дротика; *2* — там же, булавовидный молоток; *3* — с. Эшери, дольмен V, топор; *4* — там же, дольмен IV, дротик или нож; *5* — там же, листовидный нож; *6, 8* — там же, дольмен II, крючья; *7* — там же, дольмен IV, крюк, *9* — там же, дольмен II, листовидный нож; *10* — там же, дольмен IV, сосуд, *11* — там же, дольмен II, височная подвеска; *12* — там же, дольмен III, наконечник стрелы; *13* — там же, дольмен II, сосуд; *14, 15* — там же, дольмен II, сосуды; *16* — там же, дольмен II, сосуд; *17* — там же, дольмен II, копье; *18* — там же, дольмен I, копье; *19—21* — там же, булавки и сосуд; *22* — там же, дольмен II, пряжка; *23—26* — там же, дольмен V, височная подвеска, бляха, навершие и фибулообразный предмет; *27* — аул Красноалександровский I — ?, топор; *28* — ст. Саратовская, топор; *29, 30, 32—38* — ст. Новосвободная, топор, копье, листовидный нож-кинжал, булавка, наконечники стрел, тесло, крюк, сосуды; *31* — ст. Новосвободная, многогранный плиточный дольмен, нож с черенком; *39, 40* — ст. Абадзехская, топор и крюк; *41—43* — р. Кизинка, дольмен № 75, крюк, листовидный нож и сосуд; *44—46* — с. Красная Поляна, сосуды; *47—50* — Геленджик, дольменное поселение, обломки сосудов и миска; *51* — с. Солоники, наконечник копья; *52, 53* — ст. Абадзехская, сосуды; *54, 55, 57, 58* — Геленджик, наконечник копья, булавка, бляха, венчик сосуда; *56* — пос. Бета, браслет (*а* — бронза, золото; *1, 12, 35* — кремень; *2, 27* — камень; *3—9, 11, 17—20, 22—26, 28—32, 36, 37, 39—42, 51, 54—57* — бронза; *10, 13—16, 21, 33, 38, 43—50, 52, 53, 58* — керамика, *34* — серебро. *а, 41, 42, 43, 45, 51* — В. И. Марковин; *1, 2* — по Ю. Н. Воронову; *3—8, 10, 13, 17, 22—26* — по Б. А. Куфтину, 1934 г.; *16* — по М. М. Иващенко, 1930 г.; *9, 11, 12, 14, 15, 18—21* — по О. М. Джапаридзе, 1955—1956 гг.; *27* — по Б. А. Лунину; *28* — по Н. А. Захарову; *29, 30, 32—38* — по Н. И. Веселовскому, 1898 г.; *31* — по Н. Л. Каменеву, 1869 г.; *39, 40* — по Б. А. Куфтину; *44, 46* — музей в Сочи; *47—50* — работы И. И. Аханова, музей Геленджика; *52, 53* — по Е. Д. Фелицыну; *54, 55, 57* — по И. И. Аханову; *56* — случайная находка в разграбленном дольмене)

Л. Н. Соловьев и Ш. Д. Инал-Ипа, хоронили вне дольменов — в грунте, пещерах и т. д.[53]

Б. А. Куфтин, А. А. Иессен, Л. Н. Соловьев, О. М. Джапаридзе подчеркивали хронологическую двуслойность дольменного материала, что иногда прослеживается стратиграфически[54]. Замечено, что наиболее ранний материал найден по углам дольменов. Очевидно, такой материал связывается с сидячими костяками. В верхних слоях встречены отдельные кости, указывающие на приспособление дольменов к функциям оссуариев — вместилищ для костей при вторичных захоронениях.

Оба обряда — размещение покойных по углам камеры и внесение в дольмены отдельных костей могли определенное время сосуществовать, в дальнейшем дольмены полностью использовались в качестве своеобразных оссуариев.

В большинстве исследованных дольменов найден бедный инвентарь, содержимое их перерыто, в них встречаются остатки меотского времени, не щадят их, к сожалению, современные туристы. И все же удается расчленить дольменный инвентарь на три группы (рис. 8).

Наиболее раннюю, первую группу находок составляют предметы, извлеченные из плиточных дольменов ст. Новосвободной, Саратовской, пос. Кюр-Дере (с. Эшери, нижние слои)[55], некоторых дольменов бассейна р. Кизинки. К этим памятникам можно добавить дольменовидные гробницы горы Ахупач[56]. Находки из них должны занять нижнее хронологическое место среди известных нам дольменных древностей.

В целом для данной группы памятников особенно характерны бронзовые крючья (иногда покрытые выбитым узором в виде «жемчужин» и литым — спиралями и «шнуром»), проушные топоры, листовидные ножи. Этот рядовой инвентарь может быть дополнен уникальными находками из дольменов ст. Новосвободной.

Среди первой группы находок можно наметить два хронологических ряда без четкой границы между ними. Самый нижний ряд займут предметы из памятников, указанных выше. Наряду с инвентарем из одиночных скорченных погребений здесь должен занять свое место и материал, связанный с наиболее ранними сидячими захоронениями.

Второй, более поздний ряд находок принадлежит сидячим погребениям и изредка отдельным захоронениям костей. Эволюция вещей в данных рядах заметна. Проушные топоры теряют свой колунообразный вид, крючья по форме упрощаются, сосуды теряют приземистость. Для дольменов независимо от территории их распространения (Абхазия, Прикубанье) характерна вообще тонкостенная керамика. Сосуды по внутренней и внешней поверхности покрыты легкой штриховкой. Венчики подобных сосудов или обращены внутрь, или отходят от плечиков в виде «стоячего воротничка», две петлевидные ручки начинаются у края устья. Орнамент — зубчики, зигзаги, полукруглые ямочки. В керамическом тесте заметны примеси песка, известковых частиц, кристалликов кальцита и мелко раздробленнных раковин моллюсков. К инвентарю дольменов нужно отнести также кремневые отщепы и обломки, которые встречаются довольно часто. Возле дольменов можно найти куранты, шлифовальные плитки и куски твердых абразивов, которыми обрабатывались плиты дольменов на месте их установки, здесь же подшлифовывались пазы.

---

[53] Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 81; Ш. Д. Инал-Ипа. Страницы исторической этнографии абхазов, Сухуми, 1971, стр. 30 сл.

[54] Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 273 сл.; А. А. Иессен. К хронологии «Больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 164 сл.; Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 75—80; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., стр. 239 сл.

[55] ОАК за 1898 год, стр. 34—38; Т. Б. Попова. Ук. соч., стр. 18—43; Н. А. Захаров. Ук. соч., стр. 227, 228; Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 278 сл.; Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 75—78; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., стр. 218 сл.; его же. Дольменная культура в Грузии, стр. 85 сл., рис. 5, 7, 10 и др.

[56] Ю. Н. Воронов. Ук. соч., стр. 37, № 247, табл. XVI, *14*; XVII, *16*.

Вторая группа находок состоит из бронзовых изделий в виде булавок с волютными навершиями, височных подвесок овальной формы, литых блях разнообразной формы и пр. Большинство подобных находок сделано в верхних слоях дольменов Абхазии (Эшери) и в отдельных дольменах по Черноморскому побережью Краснодарского края (Бета и др.). Эти находки связаны с культурой эпохи поздней бронзы западной части Закавказья. В этот период уже почти не воздвигают плиточные постройки, но продолжают высекать корытообразные дольмены, среди которых получают распространение дольмены с ложными порталами. Обряд погребения достаточно единый — дольмены используются в качестве оссуариев. Можно думать, что к концу времени бытования второй группы находок носители дольменной культуры слились с племенами, имевшими иной, закавказский культурный облик, так как первая и вторая группы находок типологически несовместимы. Результатом такого смешения явилось население, которое можно связывать с абхазо-адыгским этническим массивом. Несомненно, такое предположение потребует дальнейших исследований.

Третья группа находок близка предметам колхидско-кобанского типа. Она хорошо известна благодаря раскопкам И. И. Аханова в районе г. Геленджика [57], а также отдельным абхазским находкам. Можно думать, что в этот период в районе Геленджика местное население эпохи раннего железа продолжало использовать для своих погребений более древние дольмены, так как неподалеку, на Толстом мысу, находится население с типично дольменной керамикой [58]. В период существования колхидской и кобанской культур дольмены уже не воздвигали [59].

Для датировки дольменных памятников сейчас можно использовать хронологические схемы Б. А. Куфтина, А. А. Иессена, Л. Н. Соловьева, О. М. Джапаридзе и новейшие исследования древних поселений на Кубани.

Б. А. Куфтин относил исследованные им эшерские дольмены к рубежу III и II тысячелетий до н. э., без каких-либо уточнений [60]. Последнее время А. А. Иессен считал возможным датировать новосвободненские древности 2300—2000 гг. до н. э.[61] Л. Н. Соловьев, включая в круг памятников майкопского типа дольмены ст. Новосвободной, определяет время их бытования 2100—1700 гг. до н. э., а дольмены Эшери датирует 1900—1600 гг. до н. э.[62]. В последнее время дольмены Абхазии исследовались О. М. Джапаридзе. Он намечает два хронологических периода в их заполнении: первый, ранний, датирует 2400—2200 гг. до н. э., а второй, целиком связанный с описанной второй группой находок,— 2200—1800 гг. до н. э., замечая при этом, что дольмены строились до середины II тысячелетия до н. э.[63]

Учитывая новейший материал, найденный в дольменах, и высказанные соображения о конструктивных особенностях изучаемых памятников, я склонен следовать за мнением А. А. Иессена и О. М. Джапаридзе, тем более что раскопки древних поселений в Прикубанье (Хаджох, Мешоко и др.), произведенные А. А. Формозовым и А. Д. Столяром, подтвердили раннюю дату памятников майкопского и новосвободненского круга [64]. Не-

---

[57] И. И. Аханов. Ук. соч., стр. 144 сл., рис. 5—7.

[58] Музей г. Геленджика, инв. № 801, 1012.

[59] Вопрос о дольменовидных гробницах здесь не рассматривается, он требует особого изучения.

[60] Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 290.

[61] А. А. Иессен. Майкопская культура и ее датировка. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г., М., 1962, стр. 21.

[62] Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. Тр. Абхаз. ИЯЛИ, XXIX, Сухуми, 1958, стр. 165, 166.

[63] О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., стр. 238, 239.

[64] А. А. Формозов. Неолит и энеолит Северо-Западного Кавказа в свете последних исследований. СА, 1964, 3, стр. 13—20; его же. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 145—158.

сомненно, дольменные находки могут датироваться почти от середины III тысячелетия до н. э., при этом можно предполагать, что строительство дольменов прекратилось немногим позже середины II тысячелетия до н. э., так как наши находки в непотревоженном корытообразном дольмене у с. Солоники дали бронзовое втульчатое копье довольно раннего облика (рис. 8, *51*) [65], а многие предметы среди вещей второй группы находок кажутся нам уже довольно близкими колхидским бронзам. Дольмены могли использоваться и позже, на что указывают хотя бы геленджикские дольмены, но такое их использование уже ничего общего не имеет с культурой строителей дольменов. Сопоставление абсолютных дат с относительной периодизацией дольменов, сделанной на основе изучения их архитектурных особенностей, потребует дальнейших исследований.

О происхождении дольменов Кавказа высказывалось много мнений. Сейчас, когда в определенной степени изучены дольмены не только Абхазии, но и Краснодарского края, можно сказать, что, чем более познается материал, тем менее ясным становится вопрос о происхождении дольменной культуры Западного Кавказа. Л. Н. Соловьев, выделяя «южнодольменную культуру», невольно отрывал ее от синхронного населения, строившего дольмены в Прикубанье. У него Причерноморье явилось главным очагом распространения дольменов. Эту культуру, по Л. Н. Соловьеву, создали кашки, проникшие на Кавказ из Малой Азии [66]. Высказываясь по этому поводу, О. М. Джапаридзе не считает возможным связывать кавказскую дольменную культуру с Малой Азией, так как там дольмены неизвестны [67]. Найденная на поселении Мешоко у ст. Каменномостской глиняная статуэтка малоазийского происхождения [68] подтверждает предположение Л. Н. Соловьева о связях Прикубанья — Причерноморья с Малой Азией, однако эта находка ничего не дает для выяснения истоков местной дольменной культуры.

Сейчас становится очевидным, что дольменная культура не связана с майкопской культурой [69], она вполне самостоятельна, дольмены появились на Кавказе достаточно рано и здесь, в Прикубанье — Причерноморье, их строители оставили огромную серию построек, начиная от плиточных ящикообразных сооружений и кончая дольменами-монолитами. Откуда пришли строители дольменов, сказать пока трудно, хотя в их архитектуре явно прослеживаются южные черты: симметрия и фронтальность в постройках, четкая пропорциональность в композиционном решении, использование определенной меры при их возведении и т. д. Вопрос о происхождении западнокавказских дольменов связан с вопросом о сравнении наших памятников с дольменами Средиземноморья и Индии, которые, кстати говоря, далеко не полно опубликованы. Однако открытие турецкими археологами С. А. Кансу и Р. Эсином портальных дольменов на территории Турецкой Фракии, у городов Эдирне и Лалапаша [70], позволяет ставить вопрос о несомненных связях между Западным Кавказом и балкано-средиземноморскими странами.

Сейчас уже можно говорить, что пришлое население, оставившее дольмены, вытеснило и частично слилось с носителями майкопской культуры. Может быть, поэтому представители майкопской культуры продвинулись

---

[65] В. И. Марковин. Раскопки дольменов..., стр. 21, 22.

[66] Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей..., стр. 156 сл.

[67] О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., стр. 232 сл.

[68] А. А. Формозов. Новое о южных связях майкопской культуры. КСИА АН СССР, 93, 1963, стр. 34—37.

[69] Впервые обратил внимание на отсутствие генетических связей между названными культурами А. Д. Столяр: А. Д. Столяр. Энеолитическое поселение Мешоко. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1959 год. Л., 1960, стр. 35.

[70] Sevket Aziz Kansu. Edirne' de bulunan dolmenler ve dikiltaşlar hakkinda yeni gözlember. Belletin Türk tarih kurumu. C. XXXIII, 132, Ankara, 1969, стр. 577—579, res, 1—7, 10—18.

так далеко в сторону Каспийского моря, идя вдоль северных склонов Главного хребта (находки в Шау-Легет, Луговом, Бамуте, Бачи-юрте) [71]. В дальнейшем население, строившее дольмены, было ассимилировано племенами, оставившими вторую и третью группы находок и превратившими дольмены в оссуарии. Это население могло продвинуться в область распространения дольменов как с Колхидской низменности, так и с территории Северного Кавказа. Можно предположить, что абхазо-адыгский этнический массив своим происхождением обязан именно такому синтезу.

V. I. Markovine

DOLMENS DU CAUCASE OUEST (CERTAINS RÉSULTATS DE LEURS ÉTUDES)

Résumé

L'article fait le point des matériaux connus depuis longtemps et nouvellement acquis sur les dolmens du Caucase Ouest. Du moment de la première découverte des dolmens locaux (P. S. Yallace, 1794) on a enrégistré 171 emplacements de dolmens. Le territoire occupé par les dolmens tient à la zone des forêts montagneuses (fig. 1); ici même se trouvent les sorties des roches qui étaient utilisées pour la construction des dolmens (calciaires, grès etc.) (fig. 2).

Parmi les dolmens du Caucase Ouest on distingue 4 types d'édifices (fig. 3). Les dolmens à dalles sont les plus nombreux. Ils sont composés de 4 dalles et recouverts par la cinquème, leur section longitudino-traversale est trapéziforme. Les dolmens à dalles peuvent être subdivisés en trois groupes. Le groupe le plus ancien a la chambre allongée, les ouvertures carrées et rondes (fig. 4), les groupes moyen et postérieur ont les chambres plus larges, les ouvertures ovales et en arceaux (fig. 5, 1, 2). Les proportions des parties de dolmens sont strictement respectées. Les dolmens à dalles étaient à l'origine des édifices du 2-ème — 4-ème types: dolmens composés, en forme de cuve et monolithiques (fig. 5, 3; 6, 7). L'auteur a relevé les monuments intermédiaires entre des types cités de dolmens. Les dolmens les plus anciens servaient pour les inhumations isolées, ceux de l'époque de l'épanouissement de la civilisation — pour les inhumations collectives assises, les dolmens tardifs servaient de dépôts des ossements. Le mibilier dolménique peut être divisé en groupes chronologiques (fig.8) et utilisé pour la datation de divers types de dolmens à partir de 2400—2200 avant J.— C. jusqu'aux 1500—1400 après J.— C.

Les dolmens du Caucase Ouest peuvent être apparentés au massif éthnique local adygo-abkhasien bien que cette civilisation trouve ses origines dans le monde méditerranéen.

---

[71] В. П. Любин. Энеолитический комплекс из грота Шау-Легет (Северная Осетия). КСИА АН СССР, 108, 1968, стр. 49—54; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961, стр. 102 сл.; его же. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. СА, 1962, 3, стр. 194—197; В. И. Марковин. Археологические разведки в восточных районах Чечни. КСИА АН СССР, 93, 1963, стр. 63—64.

М. Д. ХЛОБЫСТИНА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ РАННЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ

История культур южносибирского бронзового века связана на протяжении всего многовекового периода своего развития, охватывающего в основном II тысячелетие до н. э., с рядом определенных культурно-генетических и палеосоциологических проблем. Ведущие из них: взаимодействие местного и пришлого этнокультурных элементов, синхронное существование генетически разнородных культурных объединений, укрепление патриархального уклада в конкретных рамках бытования раннескотоводческой общины той или иной культуры — входят в число основных вопросов сибирской археологии.

Рассмотрение процесса развития культуры и идеологии окуневских племен раннего бронзового века Среднего Енисея связано с постановкой и разработкой аналогичной тематики. Формирование культуры ранней бронзы на этой территории, охватывающей Хакасско-Минусинские степи и таежные предгорья Южной Сибири, обусловлено генетически разнородными факторами: глубинной неолитической традицией, с одной стороны, и непосредственным соприкосновением с традицией энеолита, представленной афанасьевскими памятниками,— с другой. Отсюда вытекает необходимость дифференцированного рассмотрения окуневских погребальных комплексов. Представляется наиболее конструктивным начать их рассмотрение с группы памятников, наиболее архаичной по погребальному обряду, керамике, украшениям.

Памятники типа Мельничный Лог представлены могилами Мельничный Лог, Безымянный Лог, Новоселово[1] (рис. 1, I, *1—13*).

Одиночная могила в пади Мельничный Лог (Карасук II) расположена у с. Батени в северной левобережной части Хакасско-Минусинской котловины. Могила располагается в центре квадратной ограды, сложенной из кусков серого песчаника, противолежащие углы которой соединены диагональными стенками, выложенными из плит красного песчаника. В месте скрещения стенок находится надмогильное сооружение в виде плоского усеченного конуса или полушарного всхолмления, возведенного из земли и облицованного плитняком. Могила, обширная грунтовая яма с плиточным покрытием, содержала погребение женщины, положенной скорченно на спине, головой на юго-запад. Керамика представлена двумя приземистыми банковидными горшками, плоскодонными, со сплошным зерновидным узором. Прочий инвентарь составляли: два острия из кости барана, три костяные подвески в виде профильной фигурки медведя и двух медвежьих головок, каменный треугольник-подвеска с нарезной «елочкой», вероятно символизирующий женское начало, а также великолепный набор

[1] М. П. Грязнов. Работы Красноярской экспедиции. КСИА, АН СССР, 100, 1965; его же. Отчет о работах Красноярской экспедиции в 1958 г. Архив ИА, Р—1, 1814; его же. Отчет о работах карасукского отряда в 1962 г. Архив ИА, Р—1, 2484; M. P. Gryaznov. Southern Siberia. «Archaeologia Mundi». Geneva, 1969, стр. 52, табл. 4, 6.

украшений из более чем 300 зубов соболя и марала, часть которых, очевидно, играла роль амулетов. Одиночная могила в пади Безымянный Лог (Карасук VIII) расположена в нескольких сотнях метров от Мельничного Лога. По конструкции надмогильных сооружений и могильной ямы она полностью сопоставляется с мельничноложским погребением, однако сильно ограблена. В могиле погребены мужчина, двое детей и, возможно, еще один мужчина. Из вещей сохранился лишь костяной игольник. Одиночная могила близ с. Новоселово также расположена в северной части Котловины. Могила разрушена, ее устройство не выявлено, однако инвентарь новоселовского погребения аналогичен находкам в могилах с «диагональными кладками». При погребенных мужчине и ребенке найдены горшок описанного выше типа и другой — остродонный, типа алтайских проафанасьевских, наконечник стрелы, костяная острога, многочисленные украшения из зубов соболя и медведя, часть из них — амулеты.

Отметим ряд своеобразных признаков погребений типа Мельничного Лога. Характерное перекрытие могилы в виде плоской усеченной пирамиды или конуса, облицованное плитами, известно как по афанасьевским памятникам (Карасук III, Подсуханиха) [2], так и по верхнему, окуневскому комплексу Тас-хазы. По-видимому, перед нами древнейший для Южной Сибири «дом мертвых», форма, пришедшая на смену безнасыпным грунтовым могилам неолита [3], своего рода имитация конструктивных особенностей жилища той эпохи [4]. Можно предполагать, что квадратная ограда в сочетании с диагональными выкладками из красного песчаника имела, судя по форме и цвету, определенное отношение к культовой символике солярно-астрального круга, поскольку в плане напоминала широко распространенный в окуневском искусстве четырехугольный солярный знак. Отметим далее характерное для классических окуневских памятников [5] широкое использование камня в конструкции погребального сооружения и не менее показательное отсутствие дерева, хотя обширная могильная камера близка афанасьевским. Сложность конструкции могил с «диагональными кладками» свидетельствует об исключительности такого рода погребений. Трудно предположить, чтобы для рядовых общинников возводились подобные сооружения, и потому основная масса населения погребалась, по-видимому, в простых грунтовых могилах типа новоселовской. На органическую связь с древней, неолитической традицией указывает как одиночный характер рассматриваемых погребений, так и состав погребенных в них людей, в числе которых находим такое показательное для позднеолитических культур Восточной Сибири и северо-запада Европейской части страны сочетание, как захоронение мужчины с ребенком. Заметим, что в аналогичных в этом отношении могилах Новоселова и Подсуханихи (ограда 2) было найдено по кремневому наконечнику стрелы, что позволяет предполагать насильственное умерщвление ребенка, сопровождавшего мужчину-патриарха [6]. Архаичность керамики могил типа Мельничного Лога, неразработанность линии профиля, грубость выделки, характер узора позволяют отнести подобные сосуды к древнейшему

---

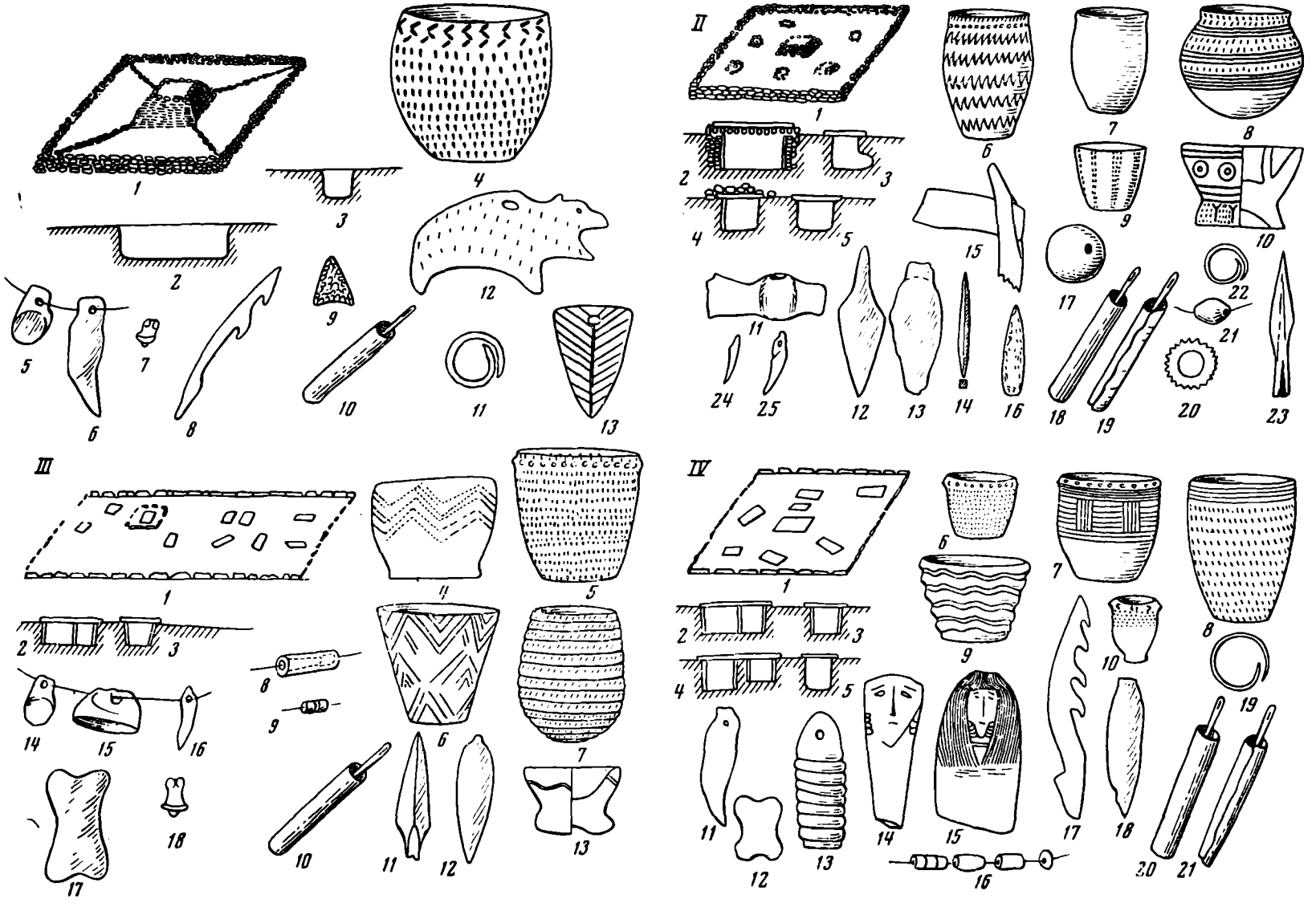
[2] Л. А. Иванова. Могильник Подсуханиха и некоторые особенности афанасьевских надмогильных сооружений. КСИА, АН СССР, 114, 1968, стр. 68.

[3] Обнаружены в с. Батени, Черемушном Логе, у Подгорного озера.

[4] Так, усеченно-пирамидальная конструкция надмогильного сооружения имеет принципиальное сходство с одним из видов древнейшего жилища нарымских селькупов; реальность такого сопоставления подтверждается существованием гипотез об окуневских племенах как древнесамодийском субстрате в южносибирском этносе (Л. Р. Кызласов. Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь. СА, 1962, 2).

[5] Под классическими окуневскими памятниками автор подразумевает могильники типа Черновая VIII-Сыда V, в которых в наиболее сложившемся, отчетливом виде проявились характерные черты окуневской культуры.

[6] М. Д. Хлобыстина. Палеосоциологические проблемы южносибирского энеолита. СА, 1972, 2.


I
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
II
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
III
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
IV
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21

Типы памятников окуневской культуры Южной Сибири. I. Комплекс типа Мельничный Лог:

1 — реконструкция внешнего вида могил с «диагональными кладками»; *2, 3* — разрезы могильных ям; *4* — керамика; *5—7* — украшения и амулеты из зубов марала, медведя, соболя; *8* — костяная острога; *9* — кремневый наконечник стрелы; *10* — костяные игольник с иглой; *11* — бронзовое височное колечко; *12* — костяная фигурная подвеска; *13* — каменная фигурная подвеска.

II. Комплекс типа Тас-хаза:

1 — реконструкция внешнего вида могильника Тас-хаза; *2—5* — разрезы могильных ям; *6—10* — керамика; *11—14* — металлические изделия; *15* — составной нож из меди и рога; *16* — кремневый наконечник стрелы; *17* — мраморный шар-подвес; *18* — костяные игольник и игла; *19* — металличские игольник и игла; *20* — костяное кольцо; *21* — стеатитовая бусина; *22* — бронзовое височное колечко; *23* — металлический наконечник копья; *24, 25* — украшения и амулеты из зубов сурка и волка

III. Комплекс типа Черемушный Лог:

1 — реконструкция внешнего вида могильника Черемушный Лог; *2, 3* — разрезы могильных ям; *4—7* — керамика; *8* — каменная бусина; *9* — пастовые бусы; *10* — костяные игольник с иглой; *11* — костяной наконечник стрелы; *12* — металлический нож; *13* — курильница; *14—18* — украшения и амулеты из зубов и костей марала, медведя, волка, косули, песца

IV. Комплекс типа Черновая:

1 — реконструкция внешнего вида могильной оградки; *2—5* — разрезы могильных ям; *6—10* — керамика; *11, 12* — амулеты из зубов медведя и астрагалы барана; *13* — стеатитовая поделка; *14* — стеатитовая «куколка»; *15* — костяная «куколка»; *16* — бусы пастовые, стеатитовые, каменный бисер; *17* — костяная острога; *18* — металлический нож; *19* — височное колечко; *20* — костяные игольник и игла; *21* — металлические игольник и игла

окуневскому типу, связанному, очевидно, с неолитической традицией. Мельничноложская керамика ассоциируется с керамикой ранних томских памятников, в особенности с плоскодонными горшками из могильника на Старом мусульманском кладбище, а также с некоторыми сосудами из могильника на Большом Мысу[7]. В традициях искусства каменного века исполнены выразительные костяные подвески, изображающие ревущего медведя и медвежьи головы. Так, профильная фигурка медведя, лаконичная до схематизма, хотя и не лишенная своеобразной динамики, заставляет вспомнить некоторые древнейшие образцы западноевропейской графики[8]. Костяные медвежьи головки в совокупности с найденными в могилах медвежьими когтями вызывают вполне определенную ассоциацию, связанную с распространением обычая консервации медвежьих черепов, отдельных частей тела, отражавшего один из древнейших евразийских тотемных культов, известных и по енисейским неолитическим образцам[9]. Образ медведя, характерный для неолитической и раннебронзовой пластики Среднего Енисея и Томи и в меньшей мере для Восточной Сибири[10], наряду с отсутствием свидетельств почитания медведя в афанасьевских памятниках может служить еще одним показателем местных корней окуневской культуры. В целом, судя по ярко выраженной неолитической традиции, а также некоторым проафанасьевским признакам, комплекс памятников типа Мельничного Лога характеризует начальный этап развития окуневской культуры.

Памятники типа Тас-хаза представлены могильником Тас-хаза на Абакане и отдельными погребениями тасхазинского типа в составе афанасьевских могильников долины Абакана (рис. 1, II, *1—25*).

---

[7] А. П. Дульзон. Археологические памятники Томской области. Тр. ТОКМ, V, Томск, 1956, рис. 67—69, 71, 73, 77; М. Н. Комарова. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, 24, 1952, рис. 5; М. Ф. Косарев. Хронология и культурная принадлежность ранних нижнетомских памятников. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964, рис. 1, *1*.

[8] Например, изображение в пещере «Трех братьев». H. Müller-Karpe. Handbuch der Vorgeschichte. München, 1966.

[9] А. П. Окладников. Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири, СА, XII, 1950.

[10] С. В. Студзицкая. Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы. Сб. «Экспедиции Государственного исторического музея». М., 1969.

Тас-хаза, небольшой, сильно потревоженный еще в древности могильник[11], заключен в квадратную ограду (39 × 40 *м*), сложенную из булыжникового камня, ориентированную ССВ — ЮЮЗ. Могилы в виде двухъярусных и одиночных грунтовых ям, перекрытые плитой в нижнем ярусе и булыжником и плитами в верхнем, группируются вокруг центральной двухъярусной могилы, имеющей в нижнем ярусе фундаментальной кладки камеру, возведенную из камня, плит и бревен. Можно предполагать сооружение над могилами усеченно-пирамидальной либо полушарной конструкции из камней.

Если рассматривать материалы Тас-хазы дифференцированно, коррелируя инвентарные показатели с данными стратиграфии, а не суммарно, как было предложено автором раскопок[12], то можно прийти к выводу, что могильник состоит из двух четко выраженных комплексов. I комплекс, окуневско-афанасьевский, включает наиболее ранние погребения, расположенные в глубинной части могильника (на глубине в среднем 1,3—1,5 *м*) и составляющие его основу, II комплекс, окуневский, включает более поздние погребения, расположенные либо над погребениями нижнего комплекса, составляя верхний ярус могил, либо самостоятельно. Судя по непосредственной стратиграфической и инвентарной преемственности, оба комплекса близки хронологически.

К нижнему, окуневско-афанасьевскому комплексу отнесем следующие погребения: мог. 1, погр. 2, 3 (женское основное и женское сопровождающее в неестественной позе, скорченно на животе, без инвентаря); мог. 2, погр. 2 (две женщины последовательно одна над другой); мог. 2 а, погр. 2 (мужчина и женщина)[13], мог. 4, погр. 2 (мужчина, женщина с ребенком и вторая женщина); мог. 5, погр. 2 (мужчина и женщина с ребенком). Все могилы — грунтовые ямы, перекрытые одной или несколькими плитами, центральное погребение заключено в камеру сложной конструкции. Мужчины лежат у северной, женщины — у южной стенок могилы. В инвентаре центральной могилы отметим сочетание афанасьевского сосуда, окуневской курильницы и окуневского сосуда лощеного и раскрашенного охрой, в чем проявляется опять-таки афанасьевская традиция. Женщин сопровождают афанасьевские сосуды (кроме упомянутого погребения «второй женщины» центральной могилы и погребения мог. 5, где нет керамики). Учитывая глубокую традиционность первобытного керамического производства, можно полагать, что женщины, погребенные в нижнем комплексе, в сопровождении афанасьевской посуды, принадлежали к племени, носителю афанасьевской культуры. Антропологическое подтверждение этому соображению, основанное на археологических данных, имеется для женщины с ребенком из центрального погребения[14]. Мужчина-патриарх и вторая женщина из того же погребения, судя по антропологическим определениям[15], принадлежали, напротив, к племени, носителю окуневской культуры, чему не противоречит и их инвентарь, имеющий ведущие окуневские и второстепенные афанасьевские признаки.

Отметим, далее, что эти же женщины, которым была поставлена типично афанасьевская посуда, имели окуневский набор украшений: стеатитовые бусы, зубчатые костяные колечки, мраморные шары — подвески к прическе или головному убору. Последние принадлежат, видимо, к кругу

---

[11] А. Н. Липский. Новые данные по афанасьевской культуре. ВИСДВ, Новосибирск, 1961; его же. Отчет о раскопках 1957 года. Архив ИА, Р—1, 1476.

[12] А. Н. Липский. Новые данные по афанасьевской культуре..., стр. 272.

[13] По мнению А. Н. Липского, могила 2 — четырхъярусная. Мы считаем возможным выделить в ней две двухъярусные могилы 2 и 2, а, что согласуется с закономерностью стратиграфического размещения прочих погребений.

[14] Антропологические определения В. П. Алексеева, приведенные в статье: Л. А. Иванова. О происхождении брахикранного компонента в составе населения афанасьевской культуры. СЭ, 1966, 3, табл. на стр. 91, № 30.

[15] Там же, табл. на стр. 91, № 26, 31.

изделий, форма которых в сочетании с материалом позволяет относить их к украшениям солярного характера подобно глазковским нефритовым кольцам и дискам. Для объяснения такого сочетания разнокультурных предметов необходима постановка вопроса о том, какую традицию в первобытных культурах следует предполагать более консервативной и наименее подверженной процессам этнокультурного воздействия — традицию изготовления посуды либо традицию ношения определенного вида украшений. Ответ на этот вопрос может играть принципиальную роль для обоснования культурной интерпретации памятника. Можно полагать, что в том случае, когда мы сталкиваемся с украшениями, а не с украшениями-амулетами, эта традиция оказывается наиболее подверженной изменению. Можно считать, что тасхазинские украшения при женщинах, погребенных в нижнем комплексе, явились прямым заимствованием у племен окуневской культуры. Отметим также, что если традиция изготовления поделок из стеатита, имеющая для Южной Сибири еще неолитическую основу [16], была присуща как окуневским племенам долины Абакана, так и их соплеменникам с севера Котловины, то зубчатые колечки и мраморные шары являлись специфически южным окуневским украшением.

Выразительной палеоэтнографической деталью являются находки при всех женских погребениях нижнего комплекса резцов сурка, бывших, видимо, локальным украшением этой небольшой общины и служивших нагрудным украшением. Массовый характер этих находок не позволяет видеть в них амулеты. Присутствие же аналогичных костных украшений также и при всех женщинах верхнего комплекса позволяет поставить вопрос об окуневском их характере, считать их аналогичными позднеолитическим, тем более что они неизвестны в собственно афанасьевских памятниках. Интересно далее, что костяные амулеты — клыки волка — найдены только в богатом инвентарем женском погребении мог. 1 и при женщинах-женах в парном (мог. 2а) и тройном погребениях, т. е. исключительно при женщинах, захороненных в наиболее значительных могилах. Заметим также, что костяные амулеты при мужчинах отсутствуют, что является очевидным показателем второстепенной роли охоты, развития хозяйства производящих форм (вспомним о положении костей домашних животных в могилу старейшины). Окуневские мраморные шары найдены исключительно при женщинах, захороненных с мужчинами в парном и тройном погребениях, т. е. они являлись своеобразным признаком того, что эти женщины входили в состав семьи мужа-иноплеменника (судя по плите в изголовье и мраморному шару, мужчину из парного погребения, мог. 2а, подобно мужчине из тройного погребения можно считать выходцем из окуневского племени). Любопытно, что при всей скудости инвентаря при «второй женщине» центрального погребения ей был положен мраморный шар, свидетельство ее брачной связи с погребенным в этой же могиле патриархальным старейшиной.

Особо остановимся на парном разнополом погребении из мог. 5. Оно совершено по окуневскому обряду, имеет окуневский инвентарь; мужчина, судя по антропологическим показателям [17], принадлежит к окуневской племенной группе. Судя по характеру костяных украшений женщины, она была его соплеменницей. Это погребение по стратиграфии местоположения и инвентарю является, вероятно, наиболее ранним собственно окуневским захоронением могильника, синхронным окуневско-афанасьевским погребениям нижнего комплекса.

Обзор погребений нижнего комплекса Тас-хазы показывает, что эти погребения не монокультурны и представляют собой кладбище людей

---

[16] А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. СА, 1957, 1.

[17] Определения: В. П. Алексеев. Ук. соч., и Л. А. Иванов. Ук. соч., табл. на стр. 91, № 25.

афанасьевской и окуневской культур, непосредственно контактировавших между собой. Несомненное наличие смешанных браков, прослеживаемое археологически и подтверждаемое антропологически для центрального погребения, помогает воссоздать обстановку достаточно интенсивного взаимопроникновения вещей и обрядов, происходившего между носителями обеих культур. Подчеркнем также, что перед нами памятник, возникший в результате недолговременного соприкосновения обеих культурных традиций, поскольку, несмотря на обрядовый синкретизм, преобладает механическое совмещение в одном комплексе вещей, типичных для этих культур, смешанные же формы предметов практически отсутствуют (можно назвать лишь сосуд с охряной росписью из центрального погребения). Любопытно далее отсутствие одиночных мужских погребений, а также принадлежность мужчин исключительно к окуневской культуре (племени).

К погребениям верхнего, окуневского, комплекса отнесем следующие погребения: мог. 2а, погр. 1; мог. 3; мог. 4, погр. 1; мог. 6, содержащие одно захоронение женщины с ребенком, одно тройное и два парных разнополых захоронения. Ко II комплексу следует, очевидно, также присоединить и три сильно ограбленных парных разнополых погребения из верхнего яруса могил 1, 2 и 5, сходных с перечисленными выше стратиграфически, поинвентарно и составу погребенных. Таким образом, перед нами картина типичного для окуневской культуры состава кладбища; обилие парных разнополых погребений, тройное погребение, погребение женщины и ребенка; к названным могилам следует, по-видимому, добавить еще несколько полностью разрушенных, одноярусных могил, упоминаемых автором раскопок. Кроме расположения в верхнем ярусе либо в самостоятельных могилах для погребений этого комплекса характерно захоронение в грунтовой могильной яме, перекрытой плитами и булыжником, видимо, оформленной в виде определенного сооружения. Оба эти признака не характеры для классических окуневских могильников и составляют, судя по всему, локальную особенность южных окуневских памятников. Однако, так же, как и для классического окунева севера Котловины, им свойственна постановка плиты в изголовье и западная ориентировка. Керамика представлена исключительно баночными, окуневскими сосудами. При женщинах лежат листовидные окуневские ножи. При всех женщинах находим все те же резцы сурка, однако отсутствуют клыки волка и мраморные шары. Интересен состав амулетов из тройного погребения, располагавшегося непосредственно над тройным погребением нижнего комплекса — их составляли клык медведя и клык кабарги, амулеты; первый типичен для мужских погребений Черновой VIII, второй — для женских погребений Окунева улуса. Судя по форме и материалу, ограду могильника по времени сооружения можно отнести ко II комплексу. В целом, верхний, окуневский комплекс Тас-хазы можно, по-видимому, синхронизировать с классическими могильниками севера или считать его несколько более ранним.

Взаимодействие окуневской и афанасьевской культур не было случайным, эпизодическим явлением, а составило определенный этап в развитии раннескотоводческих племен Среднего Енисея. Кроме могильника Тас-хаза оно прослеживается также по некоторым афанасьевским могильникам долины Абакана [18]. Эти могильники показательны тем, что в них имеются свидетельства органического взаимодействия обеих культур, выразившиеся в создании керамики смешанных форм. Особо подчеркнем то обстоятельство, что окуневские погребения тасхазинского типа в афанасьевских могильниках юга не впускные, как на севере, а располагаются самостоятельными оградками непосредственно на территории могильника и внеш-

[18] А. Н. Липский. Ук. соч., стр. 269, 270; его же. Отчет о раскопках 1958—1959 гг. Архив ИА, Р—1, № 2119.

не сходны с афанасьевскими могилами. Так, в могильнике «Большое Кольцо» на р. Камыште к тасхазинскому типу относится погребение женщины (ограда 2), сопровождаемое окуневским сосудом тюльпановидной формы (термин введен А. Н. Липским). Тюльпановидные сосуды, встречающиеся в тасхазинских погребениях долины Абакана, могут считаться характерными именно для памятников этого типа и быть соответственно одной из ранних окуневских форм. Названное погребение окуневской женщины соседствует с афанасьевским парным разнополым погребением (курган 3), грунтовая яма которого обставлена по дну невысокой каменной стенкой (по-видимому, такая конструкция, известная по нескольким южным афанасьевским могильникам, является своего рода имитацией деревянного сруба и данью окуневским каменным могильным конструкциям). При мужчине стояла курильница синкретичной формы — ее чаша, поддерживаемая многолепестковым, афанасьевским поддоном, имела окуневскую камерку. Курильницу смешанной формы можно обнаружить и в афанасьевском могильнике Сыда I [19]. Эти примеры позволяют поставить вопрос об афанасьевском происхождении окуневских курильниц, тем более что последние найдены исключительно в юго-западных районах Хакасско-Минусинской котловины, на территории непосредственного соприкосновения окуневской и афанасьевской культур [20]. В могильнике Бельтыры к тасхазинскому типу относится погребение женщины с девочкой (ограда 6). В погребении найдены тюльпановидный сосуд и баночный горшочек; из прочих предметов интересен нож (серп?), лезвие которого вставлено под углом в костяную рукоять [21]. Аналогичные вкладышевые орудия известны также в глазковской культуре Прибайкалья и могильнике Ростовка под Омском [22]. История их последующего развития фиксируется находками ложносоставных и составных ножей карасукского времени, в культуре и этносе которого прослеживаются древние элементы, восходящие к окуневу [23]. Некоторые другие погребения могильника Бельтыры, по округлой общемогильной ограде сходные с «Большим Кольцом», имеют окуневские признаки: обкладку могильной ямы плитами, камнем; берестяную подстилку под погребенным; кремневый, окуневского типа наконечник стрелы найден возле плеча убитого им мужчины, с которым в могиле был своеобразный двухкамерный плоскодонный сосуд. Еще в одной могиле в изголовье погребенной пары стояла плита, а женщина имела ожерелье из клыков волка. В могильнике Верхний Аскыз имеется погребение мужчины тасхазинского типа, сопровождаемое тюльпановидным сосудом, листовидным бронзовым ножом и мраморным шаром. Верхнеаскызское погребение входит в выразительную по своим показателям группу захоронений мужчин тасхазинского типа. Ему аналогично погребение мужчины в ограде 5 афанасьевского могильника Моисеиха (Потрошилово) [24], а также погребение в ограде 22 североафанасьевского могильника Барсучиха IV [25], что является чуть ли не единственным случаем нахождения погребения тасхазинского типа в северных областях Минусинской котловины. Глубокий синкретизм окуневских и афанасьевских обрядовых и керамических форм иллюстрирует горноалтайский позднe-

---

[19] Коллекция ОИПК Гос. Эрмитажа. Раскопки Красноярской экспедиции, инв. № 2373/6.

[20] Известны всего три окуневские курильницы (Тас-хаза, Есь, Аскыз), что резко контрастирует с обилием курильниц афанасьевской культуры.

[21] А. Н. Липский. Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов. Сб. МИАЭИК, Красноярск, 1963, рис. 4, А, 2.

[22] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 43, 1955, рис. 13—15; экспозиция Томск. ун-та, раскопки В. И. Матющенко.

[23] М. Д. Хлобыстина. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л., 1962, стр. 6, рис. 1, *1*, *2*.

[24] В. М. Зимина. Афанасьевское погребение из Тубы. САС, 2, Новосибирск, 1966.

[25] М. П. Грязнов. Работы карасукского отряда. АО — 1967, М., 1968, стр. 148,

афанасьевский могильник Курота[26]. Так, в ограде 2 находилось, судя по составу инвентаря, включавшему курильницу, а также особому оформлению кургана двойным плиточным кольцом тройное погребение мужчины и двух женщин. Двое погребенных лежали головой на восток, а один — на запад, что сопоставляется с размещением умерших в тройном погребении из классического окуневского могильника Сыда V. Бомбовидный сосуд из тройного куротинского погребения синкретичен по форме и орнаменту, курильницу также нельзя назвать типично афанасьевской. Сказанное относится и к банковидной бадейке из ограды 4, чья «доандроновская» принадлежность была отмечена С. В. Киселевым.

Таким образом, тасхазинский тип окуневских памятников — это своеобразный южный вариант, синхронный южным позднеафанасьевским могильникам. Некоторые его признаки, отмеченные нами по нижнему комплексу Тас-хазы и прочим погребениям в составе афанасьевских могильников, нашли свое проявление и в более поздний период развития окуневской культуры на притоках Абакана и в близлежащих районах. Так, погребения в Аскызе (мог. 2), Усчуле и др.[27], судя по обряду погребения в каменном ящике, хронологически близки классическим окуневским могильникам, однако, такие традиционные предметы инвентаря, как мраморный шар, тюльпановидный сосуд, курильница свидетельствуют об их преемственности с тасхазинскими памятниками. В этом смысле показательна стратиграфия центральнохакасского могильника Уйбат-Хулган[28]. Здесь в кургане 1 захоронение тасхазинского типа (погр. 3) подстилает захоронение в каменном ящике (погр. 2), имеющее некоторые тасхазинские черты, а оба названные захоронения располагаются над основной афанасьевской могилой. Последнее обстоятельство соответствует стратиграфическому соотношению окуневских впускных могил классического типа и афанасьевских оградок в северных районах Котловины. Появление такого соотношения в могильнике Уйбат-Хулган наряду с тасхазинскими признаками, не свойственными северным памятникам, объясняется, очевидно, промежуточным территориальным расположением этого окуневско-афанасьевского кладбища.

Памятники типа Черемушный Лог представлены могильником Черемушный Лог и могилой Черемушный Лог III (могила «под горой»)[29] (рис. 1, III, *1—18*).

Могильник Черемушный Лог, расположенный в северной правобережной части Котловины, близ уроч. Каменка и устья р. Сыды, включает 12 расположенных двумя условно-параллельными рядами могил — небольших каменных ящиков из плит, заключенных в прямоугольную ограду из вертикально врытых плиток, ориентированную север—юг параллельно течению Енисея. В центре располагается могила из массивного плитняка, окруженная собственной оградкой и содержащая, по-видимому, тройное погребение мужчины и двух женщин; к югу от нее группируются погребения детей, к северу — погребения взрослых, видимо мужчин. Керамика могильника представлена несколькими формами: это миниатюрная курильница, точнее, ее модель с охристым покрытием; митровидный сосуд с реберчатой поверхностью, банковидный горшок с жемчужинами под венчиком и бокаловидный сосуд с гребенчатым орнаментом, на невы-

---

[26] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 57—59, табл. VI, 12—18.

[27] А. Н. Липский. Афанасьевские погребения в Хакассии. КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 71—77, рис. 27, *2—5*; его же. Раскопки древних погребений в Хакассии. КСИИМК, XXV, 1949, стр. 75—77, рис. 26.

[28] Л. Р. Кызласов. Афанасьевские курганы..., стр. 114, рис. 3, *1*, *8*, *9*; рис. 4, *3*, *5*, *7*. В парном разнополом погребении кургана 2 следует, очевидно, видеть могилу, синхронную погребению мужчины в каменном ящике кургана 1.

[29] М. Д. Хлобыстина. Могильник Черемушный Лог и эпоха раннего металла на Среднем Енисее. СА, 1971, 4.

соком поддоне. Все эти сосуды имеют определенные аналогии. Если микрокурильница повторяет тасхазинский образец, а митровидный сосуд ассоциируется с керамикой Прибайкалья, то два других экземпляра являются вполне сложившейся, классической формой окуневского горшка, нередко сопоставимого с андроновской посудой. Чрезвычайно показательно далее обилие амулетов из зубов и костей диких животных в мужских могилах — это кости оленя и медведя при юноше, кости волка у мужчины с курильницей, кости косули у другого мужчины. Это обстоятельство является свидетельством охотничьей направленности хозяйства общины и, как закономерное его следствие, показателем глубокой консервации тотемно-магических представлений, связанных с животным миром тайги и степей.

Могила «под горой», расположенная вблизи могильника, вероятно, ему синхронна. Ее устройство — каменный ящик с каменной перегородкой, устланной плитками,— напоминает некоторые усложненные могильные конструкции классического могильника Черновая VIII. Присутствие же в инвентаре при погребенной девочке большого количества украшений и амулетов из зубов песца и марала свидетельствует о живучести неолитической традиции, отраженной еще в комплексе Мельничного Лога. Любопытно далее, что сосуд из погребения, стакановидная банка с резным узором из углов, принадлежит к развитым окуневским формам, имеющим проандроновские черты.

Памятники типа Черемушного Лога оставлены населением, ведшим охотничье хозяйство, где мужчины промышляли крупного зверя, а женщины добывали пушнину. Отметим, что именно такое соотношение между мужским и женским промыслами зафиксировано этнографически у аборигенов Сибири. Южной аналогией Черемушному Логу является погребение в Усчуле. Эти небольшие общины, находясь в соответствующей экологической среде (лесистое правобережье Енисея, граница с горнотаежными районами в верховьях Абакана), продолжили, видимо, традиции более ранних окуневских памятников, непосредственно связанных с неолитом. Это выразилось как в охотничьем укладе хозяйства, так и в некоторых формах керамики, костяных украшениях-амулетах в погребениях мужчин и женщин, а также в особенностях размещения погребенных (одиночные могилы, группировка по признаку пола). Однако развитые керамические формы, обычай захоронения в каменном ящике позволяют сопоставлять и практически синхронизировать черемушноложские памятники с классическими памятниками черновского типа.

Памятники типа Черновая представлены могильниками: Черновая VIII, Сыда V, Абаканским у церкви, Окуневым улусом. В эту же группу входит ряд одиночных впускных окуневских погребений в афанасьевские оградки [30] (рис. 1, IV, *1—21*).

К палеодемографическим особенностям черновского типа окуневских памятников, тесно смыкающимся с семейно-социальной структурой общин этих раннескотоводческих племен, относятся некоторые выразительные признаки, прослеживаемые по могильным материалам. Это прежде всего большое количество погребений женщин; по-видимому, значительное преобладание женского населения было характерной популяционной особенностью населения окуневской культуры ее развитой поры. Кроме большого числа женских и детских погребений, а также единичных мужских, принадлежавших, видимо, неженатым субъектам, в состав почти

[30] М. Н. Комарова. Погребения Окунева улуса. СА, IX, 1947; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 74—76; М. Н. Грязнов. Работы Красноярской экспедиции...; Г. А. Максименков. Окуневская культура в Южной Сибири. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965; История Сибири. I, гл. 4, § 2; в названных работах под окуневской культурой подразумевается по существу только ее черновский тип. Суммарный обзор находим в упоминавшейся серии Archaeologia Mundi, стр. 51—66, табл. 4—8, 10. Отчеты о раскопках в Архиве ИА, Р—1, № 2486, 2747, 3200.

каждой из квадратных оградок, составляющих могильник, входит одно-два, а иногда и несколько парных погребений мужчины и женщины. Ограбленность, типичная для южносибирских могильников, не позволяет, как правило, установить порядок погребения в парных захоронениях. Однако из общих наблюдений за составом погребенных в каждой оградке и могильнике в целом можно заключить, что, по-видимому, существовал обычай подхоранивания жены к умершему ранее мужу. Весьма вероятно также, что обратная последовательность не практиковалась. Окуневская культура в своем черновском комплексе является первой культурой Южной Сибири, где систематически встречаются парные разнополые погребения, что свидетельствует об укреплении экономического статуса малой семьи в рамках большого патриархального семейства. О реальном существовании последнего мы можем судить по отдельным оградкам, составляющим могильник: в каждой такой оградке, судя по составу и количеству погребенных в ней людей, и захоранивались члены такой большой семьи в пределах до трех-четырех поколений. Можно полагать, что многочисленность парных разнополых погребений в таких культурах Южной Сибири, как окуневская и в особенности андроновская, связана с соответствующей формой хозяйства, раннескотоводческий уклад которого, основанный на преимущественном разведении крупного рогатого скота, стимулировал возрастание экономической роли малой семьи. По ряду признаков можно предположить молочную направленность такого хозяйства, что наряду с сопутствующим ему примитивным земледелием закономерно влекло за собой увеличение доли женского труда в хозяйстве общины, одновременно индивидуализируя его. Развитие патриархального уклада в скотоводческих культурах Южной Сибири должно быть отмечено, таким образом, расширением сферы приложения женского труда, что повлекло стабилизацию положения женщины как жены и хозяйки. Последнее отнюдь не умаляло доминантного положения мужчины как в семье, так и в общине,— мужчины-патриарха, пастуха, колдуна-шамана. Развитие патриархата в рамках раннескотоводческого и скотоводческо-земледельческого общества нашло выражение, помимо прочих моментов, в заметной консолидации членов малой семьи, что проявилось, в частности, в обычае взаимного или одностороннего подхоранивания (в андроне практиковалось взаимное подхоранивание супругов, могильник Орак) [31]. Интересны также свидетельства проявления правовых норм относительно детей у малой семьи: погребения детей в черновской группе памятников нередко сосредоточены поблизости того или иного парного погребения мужчины и женщины.

Несомненно, можно говорить о выделении патриархальной верхушки общины. Явление это наблюдается, прежде всего, в наиболее значительных по составу и экономическому весу патриархальных семействах и выражается в существовании погребений мужчины, сопровождаемого двумя женщинами. Такие тройные погребения являются не только центральными погребениями оградки. Тройное погребение, если оно имеется, всегда в оградке одно (половина оград могильника Черновая VIII имеет тройные погребения; в могильнике Сыда V тройное погребение содержит наиболее значительная из оград, ограда 3). Наиболее хорошо сохранившееся тройное погребение можно видеть в могильнике Сыда V: [32] здесь сначала были похоронены мужчина и женщина, а затем к ним была подхоронена умершая позже жена, снабженная обильным инвентарем. По-видимому, были случаи, когда умерший мужчина-патриарх был похоронен одновременно с насильственно умерщвлявшейся женщиной, не женой, а наложницей, рабыней. Суть не в термине, важно отметить прини-

[31] М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак. «Археологический сборник». ГЭ, 3, Л., 1961. Заметим также, что подобные погребения отсутствуют в афанасьевской культуре.

[32] Раскопки М. П. Грязнова, 1965 год. Отчет в Архиве ИА, Р—1, № 3200.

женное социально-семейное положение одной из погребенных. Оно явственно выступает в центральном погребении могильника Тас-хаза, некоторых погребениях могильника Черновая VIII. В последнем, например, выразительно тройное погребение одной из оград, где стопы только двоих из трех погребенных окрашены охрой и, более того, к могиле имеется грунтовая яма-прирезка с погребением человеческой жертвы. Возможны, разумеется, и иные варианты, например добровольная смерть жены и, следовательно, единовременное погребение всех троих. Показательны данные о возрасте погребенных в тройных захоронениях: так, по могильнику Черновая VIII видно, что, как правило, в таких погребениях мужчина и одна из женщин близки по возрасту, т. е., очевидно, они и являются супружеской парой. Вторая женщина моложе, что подтверждает гипотезу о сопровождении мужчины-патриарха женой и «рабыней». Ребенок, если он находится в тройном погребении, всегда только один и, где это можно установить, находится при жене. Значительность подобных погребений подчеркивается помимо центрального расположения дополнительными оградками и иногда выносом такого погребения за ограду в самостоятельную могилу. Отметим далее, что тройные погребения спорадически встречаются в культурах позднего евразийского неолита и бронзового века. Например, такое погребение, вероятно, имело место в могиле у с. Перевозного под Красноярском (любопытно, что мужской череп из этой могилы близок антропологически тасхазинскому типу); в захоронении «колдуна» в Оленеостровском могильнике [33]. В этих случаях одна из женщин имела перед другой преимущество по количеству и качественному составу инвентаря, т. е. занимала, очевидно, привилегированное положение. Все приведенные параллели — единичные случаи, которые, возможно, могут быть умножены, но все же не составят картины систематической встречаемости и закономерности расположения, наблюдающейся в черновской группе окуневских памятников. В окуневской культуре такие погребения являются ярким показателем развития патриархальных отношений, нашедших своеобразное проявление как в сфере семейно-брачных отношений, так и в социально-правовой структуре этих раннескотоводческих общин.

Помимо обычая парных разнополых и тройных погребений, представляющего собой качественно новое явление в истории развития погребального обряда южносибирских скотоводческих племен II тысячелетия до н. э., в классическом типе окуневской культуры можно отметить и некоторые пережиточные явления, эпизодически встреченные в черновских могильниках. К ним отнесем коллективные могилы, являющиеся, скорее всего, примером любопытного переживания в эпоху ранней бронзы древнего обычая большесемейных погребений, известных также и по афанасьевским памятникам Тесь II, Карасук III, Черновая VI. Крайне редки, но известны и совместные погребения мужчины и ребенка, также встречаемые в афанасьевской культуре. При этом как в афанасьевских могильниках, так и в могильнике черновского типа Сыда V мужчины в этих погребениях имеют исключительно преклонный возраст.

Погребальные сооружения черновского типа — это типично окуневские укороченные каменные ящики, дававшие возможность класть умерших скорченно на спине и открывать ящик для дальнейших подхоронений. Встречены некоторые варианты в конструкции такого ящика: специальные камерки для постановки сосудов; ящики, пристроенные один к другому (возможный прототип сдвоенных ящиков); разделенные на отсеки соответственно количеству погребенных; с грунтовой прирезкой, ящики, перекрытые общей могильной плитой, и т. п. Все эти конструктивные особенности отражают как определенные семейные взаимоотно-

[33] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 43, 1955, стр. 233; Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, 47, 1956, стр. 247, 302, рис. 27, 27 — *а*.

шения, существовавшие между погребенными, так и некоторые особенности социального положения того или иного умершего. Грунтовых могил в Черновой VIII всего 12, причем взрослые захоронения ориентированы «по-окуневски» на запад, детские же — традиционно на юго-запад. Любопытно, что плиточный пол встречается почти исключительно в детских погребениях, а каменная «подушка» под головой — чаще в женских или парных погребениях.

Для инвентаря окуневских памятников черновского типа чрезвычайно характерно обилие разнообразных поделок из стеатита. Стеатитовые изделия сосредоточены по преимуществу в детских, реже женских погребениях; именно в них встречены выдающиеся образцы мелкой художественной пластики — головки женщин на концах сигарообразных стержней, а также аналогичные им гравировки на костяных пластинках. Отметим, что все эти изделия известны исключительно в черновской группе памятников. Их появление в этом комплексе интересно. Оно показывает переход от амулетов-украшений из естественных материалов (зубы и кости диких животных) к изготовлению художественных предметов с антропоморфными изображениями, что соответствовало изменению идеологических воззрений, связанному со сменой традиционных форм охоты на раннем этапе развития культуры пастушеским скотоводством. Действительно, при женщинах и детях могильников Черновая VIII и Сыда V не находим костяных амулетов, зато часты находки бисера, пастовых и каменных бус. Мужчин, напротив, часто сопровождают медвежьи клыки либо астрагалы барана. Если последние могут рассматриваться как игровые изделия, то находки клыков, притом исключительно медвежьих, свидетельствует не об охотничьей направленности хозяйства общины, а о консервации представлений, связанных с тотемным образом медведя. Следствием этого могла быть ритуальная охота и связанные с ней культовые действия, вероятно напоминавшие известные «медвежьи праздники» сибирских аборигенов. Все это резко контрастирует с обилием и разнообразием украшений — амулетов из зубов и костей диких животных при мужчинах и женщинах в черемушноложской группе окуневских памятников — и говорит о принципиально иной экономической ситуации, присущей памятникам, отражающим хозяйство общин черновского типа. Для последних, как отмечалось выше, было характерно разведение по преимуществу крупного рогатого скота[34], дополняемое традиционным рыболовством. Любопытно, что в могильнике Сыда V единственной находкой костяных амулетов являются три астрагала косули при пожилом мужчине, а в могильнике Абаканском у церкви — браслет из зубов бобра при женщине. Отметим также, что мраморные шары-подвесы практически отсутствуют в памятниках черновского типа. В нескольких десятках погребений мраморный шар встречен только дважды в могильнике Черновая VIII: в «погребении колдуна» и при молодом мужчине, имевшем нож-кинжал и 62 бараньих астрагала, т. е. в погребениях не рядовых и не типичных для комплекса в целом, где эти изделия являются очевидным анахронизмом и данью традиции.

Керамика могильников черновского типа разнообразна: это банковидные и стакановидные сосуды, маленькие горшочки с оригинальной реберчатой поверхностью и более крупные горшки утяжеленного профиля. В орнаменте сосудов характерны концентрические нарезки под венчиком, а также у донца. Имеются орнаменты, встреченные впоследствии в «минусинском адроне», в частности в могильнике Сухое озеро I — имитация плетенки, сплошной зерновидный узор, а также попытки изображения меандра и ромба. Продолжает сохраняться и традиционный узор из жемчужин под венчиком, однако характерно появление сосудов с неполным

---

[34] Н. В. Леонтьев. Изображения животных и птиц на плитах могильника Черновая VIII. Сб. «Сибирь и ее соседи в древности». Новосибирск, 1970, рис. 1, 2.

заполнением поверхности орнаментом [35]. Своеобразно геометризированное оформление днищ некоторых сосудов в виде различных вариантов солярной розетки [36].

Отметим, наконец, что все окуневские могилы, впускные в афанасьевские оградки, расположены на севере Котловины и принадлежат исключительно к черновскому типу окуневских памятников. Они относятся к развитой поре окуневской культуры и создавались в то время, когда афанасьевская культура в этих областях уже окончила свое существование.

Итак, в окуневской культуре можно констатировать существование четырех групп памятников: комплексы типа Мельничный Лог, Тас-хаза, Черемушный Лог, Черновая. Стремясь максимально конкретизировать признаки собственно окуневской культуры, мы намеренно не затрагивали вопросов об аналогиях в глазковской культуре Прибайкалья, томской Самуси, доандроновских памятниках Восточного Казахстана (Канай, мог, 9) [37]. Проблемы семантики и классификации памятников окуневского искусства также требуют самостоятельного рассмотрения в связи с дискуссионностью интерпретации отображенных в них тотемно-космогонических образов [38]. Суммируя ведущие признаки каждого окуневского комплекса, отметим:

1) памятники типа Мельничный Лог наиболее архаичны по культурным признакам и хронологически наиболее ранние. Оставлены они охотничьими общинами энеолитического характера. Захоронения в крупных грунтовых могилах с усеченно-конусовидной надстройкой («могилы с диагональными кладками») и простых грунтовых ямах (Новоселово). Характерны традиционно-неолитические признаки: одиночные могилы, погребения мужчины и ребенка, обилие костяных украшений и амулетов, горшки неолитоидного облика. Нет каменных ящиков, нет художественной стеатитовой пластики. Комплекс близок хронологически североафанасьевским памятникам:

2) памятники типа Тас-хаза — наиболее ранний из известных южных окуневских комплексов. Оставлен скотоводческо-охотничьими общинами юго-запада Котловины, тесно соприкасавшимися с населением афанасьевской культуры, воспринявшей в свою очередь на этой территории, а также на Алтае некоторые окуневские черты. Захоронения в грунтовых ямах с плиточным покрытием, встречаются плиты по торцам и в изголовье. Тройные погребения, парные разнополые, захоронения женщины с ребенком — типичные для окуневской культуры комбинации в составе погребенных. Керамика тюльпановидная и баночная, курильницы, мраморные шары-подвесы, костяные и стеатитовые зубчатые колечки. При женщинах некоторых общин костяные украшения и амулеты. Погребения тасхазинского типа в составе афанасьевских могильников, относящиеся ко времени функционирования последних. Нет каменных ящиков, нет художественной стеатитовой пластики, нет сосудов с желобками у венчика и дна. Комплекс синхронен поздним южноафанасьевским памятникам. Погребения в Аскызе, Уйбат-Хулгане — дальнейшее развитие тасхазинских погребений;

---

[35] Наиболее полным изданием окуневской керамики в ее черновском комплексе остается публикация сосудов в упоминавшейся работе М. Н. Комаровой, поскольку Г. А. Максименковым опубликован лишь один черновский сосуд (Г. А. Максименков. Окуневская культура..., рис. 1, *4*), отсылаем читателя к его отчету: Г. А. Максименков. Отчет о раскопках Черновского отряда за 1962, 63 гг., Архив ИА АН СССР, Р—1, № 2486, 2747.

[36] Г. А. Максименков. Ук. отчет за 1962 г., рис. 101. Отметим близость этих узоров к донным орнаментам на фатьяновской и балановской посуде.

[37] С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 32, 34, табл. XX *а*, *б*; см. также керамику на табл. XIX, *2*, *4*; XVIII *2*.

[38] М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. СА, XII, 1950; Э. Б. Вадецкая. Древние идолы Енисея. Л., 1967; М. Д. Хлобыстина. Древнейшие южносибирские мифы в памятниках окуневского искусства. Сб. «Первобытное искусство». Новосибирск, 1971.

3) памятники типа Черемушный Лог — классический окуневский комплекс, сложившийся на основе развития традиционных охотничьих форм экономики. Захоронения в каменных ящиках. Тройное погребение, одиночные женские погребения, ограда с погребениями, дифференцированными по признаку пола. Керамика развитых форм, круглодонный сосуд прибайкальского облика, модель курильницы. Обилие украшений и амулетов из зубов и костей диких животных при мужчинах и женщинах. Нет грунтовых могил, нет художественной стеатитовой пластики, мелких украшений тасхазинского комплекса. Комплекс синхронен черновским памятникам;

4) памятники типа Черновая — классический окуневский комплекс, оставленный скотоводческими общинами. Захоронения в каменных ящиках, встречены дополнительные каменные конструкции, грунтовые могилы единичны. Тройные погребения, парные разнополые погребения, преобладание погребений женщин, детей, изредка большесемейные, коллективные погребения — характерный состав могил в квадратных оградах, составляющих могильник. Керамика развитых форм, встречены проандроновские образцы. Характерно отсутствие костяных амулетов при женщинах и в особенности при детях, в тех случаях, когда с ними положены стеатитовые и гравированные на кости антропоморфные куколки. При мужчинах — клыки медведя и астрагалы барана. Распространен мелкий каменный бисер, пастовые и каменные бусины. Впускные могилы в более ранних афанасьевских оградках. Нет курильниц, нет мраморных шаров (два случая в особых по составу могилах), нет прочих тасхазинских украшений. Комплекс синхронен черемушноложскому типу памятников.

M. D. Khlobystina

ORIGINES ET DÉVELOPPMENT DE LA CIVILISATION DU PREMIER ÂGE DE BRONZE DANS LA SIBÉRIE DE SUD

Résumé

La formation de la civilisation de Bronze précoce dans les steppes et aux contreforts boisés de la Sibérie méridionale dans la première moitié du II millénaire avant J.— C. est déterminée par des facteurs génétiquement différents: par la tradition néolithique locale d'une part et par les contacts directs avec la civilisation chalcolithique d'Afanassiévo d'autre part. La civilisation de Bronze précoce dans le cours moyen de Iénisséi dite d'Okounievo peut être subdivisée en quatre complexes importants.

Les monuments les plus archaiques sont laissés par les collectivités de chasseurs au Nord de la dépression de Khakasso — Minoussinsque (tombes Melnitchny Log, Novocelovo). Elles avaient la poterie néolithoide dont la décoration en forme de jets s'apparente aux échantillons néolithiques de Oural et de Sibérie aussi bien que de Keltéminar.

De nombreux enjolivements sont faits en os et en crocs des animaux sauvages. L'objet de culte totémique était l'ours. Au Sud de dépression, dans le bassin d'Abakan, la nécropole Tace-Khasaa est un des premiers monuments des tribus de chasseurs et de pasteurs,— certains indices témoignent de ses rapports avec la culture d'Afanassiévo (complexe inférieur). Les potéries à fond plat et rond, de petits vases-encensoirs (culte de feu?), les boules-faîteaux en marbre dans de riches sépultures, des enjolivements en os et en stéatite. Les sépultures d'un homme et d'une femme inhumés ensemble ainsi que d'un «ancien» avec sa femme et son esclave sont caractéristiques. Les monuments septentrionaux tels que Tchernovaia, Cyda laissés par de grandes collectivités des pasteurs sédentaires et des pêcheurs et tels que Tcheriomouchy Log qui illustre le développement des traditions anciennes de la culture de chasse (amulettes en os en abondance sur les hommes) se rapportent à l'étape développée de la civilisation d'Okouniovo. Les hameaux étaient composés de grandes familles patriarcales qui vivaient d'élevage bovin et de pêche. Les femmes et les enfants avaient les amulettes et les enjolivements en pierre d'espèces différentes, les hommes portaient les griffes d'ours. Dans la décoration de poteries on trouve des motifs solaires aussi bien que des motifs proches à ceux de la civilisation d'Andronovo.

С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ВТУЛЬЧАТЫЕ ТОПОРЫ УРАЛЬСКОЙ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

Металлические втульчатые топоры входят в ряд характерных орудий эпохи бронзы. Они распространены от Сибири до Балкан, от верховьев Волги до Передней Азии. Формы металлических втульчатых топоров часто своеобразны. Орудия этой категории различных горно-металлургических областей — Уральской, Кавказской, Балкано-Карпатской не похожи друг на друга. Используя эти отличия исследователи неоднократно ставили вопросы хронологии, культурных связей и влияний, выделения металлообрабатывающих очагов.

Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической области (ГМО) давно привлекали внимание исследователей. Интерес к этим орудиям не ослабевает и в наши дни.

Первые классификации топоров Поволжья и Урала были созданы В. А. Городцовым и А. М. Тальгреном [1]. Наиболее полно эти орудия были освещены Б. Г. Тихоновым [2]. Согласно предложенной Б. Г. Тихоновым схеме топоры Уральской ГМО делились на фатьяновский, камский, южноуральский типы. Следующим шагом в изучении рассматриваемых предметов явились работы Е. Н. Черных [3]. Для более четкого различия топоров узкообушных и массивнообушных (камский и южноуральский типы по Б. Г. Тихонову) Е. Н. Черных был введен угловой показатель скоса верхнего края втулки, особое внимание было уделено строению плана клина топора — другому признаку, разделяющему эти типы.

Но самое главное — в результате этих работ впервые был изучен металл топоров Волго-Уралья и связан с различными химико-металлургическими группами Уральской ГМО. Из этой же работы нами заимствована хронологическая схема развития металлических изделий Урала, которую мы используем для датировок топоров Уральской ГМО.

Схема Е. Н. Черных состоит из четырех хронологических периодов. В первый период входят древнейшие металлические изделия ямной и полтавкинской культур, изготовленные из металла медистых песчаников Приуралья и копирующие кавказские образцы. Начало второго периода совпадает с началом широкой разработки металлургами Уральского ГМО месторождений медистых песчаников Поволжья и Приуралья и выработкой ими собственных форм. К этому периоду относятся вещи фатьяновской и раннеабашевской культур, изготовленные из чистой меди. Третий период (сейминский горизонт, XIV—XII вв. до н. э.) — господство вещей сейминских и турбинских типов, металлических изделий срубной, андроновской и абашевской культур. В это время баланбашскими и андроновскими племенами ведется интенсивная разработка зауралья-

[1] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи средней России. М., 1916; А. М. Тальгрен. Collection Zaoussailov. Helsinki, 1916.

[2] Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на среднем Урале и в Приуралье. МИА, 90, 1960.

[3] Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966; его же. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.

ских руд; на Урале появляются оловянистые бронзы. Четвертый период (прединаньинский горизонт) — синхронен поздней стадии срубной культуры в Поволжье, памятникам сабатиновского и белозерского типа в Северном Причерноморье. Он характеризуется отчетливой сменой руководящих форм орудий и украшений в пределах очагов Уральской ГМО.

В данной статье предлагается более дробная классификация топоров

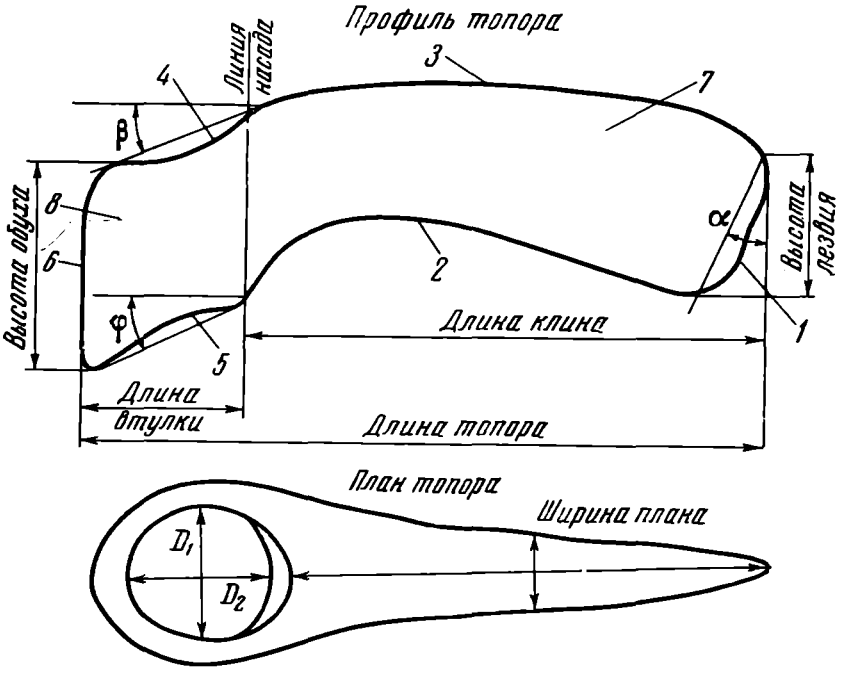


Рис. 1. Топор-схема

1 — лезвие; *2* — брюшко; *3* — спинка; *4* — верхний край втулки; *5* — нижний край втулки; *6* — обух; *7* — клин; *8* — втулка

Уральской ГМО. В классификации рассматриваются металлические втульчатые топоры, имеющие изогнутый или прямой клин, скос верхнего края втулки. В археологической литературе такие топоры часто называют вислообушными. Топоры новосвободненских типов здесь не рассматриваются, так как они связаны с ранней фазой производства в пределах Уральской ГМО, характеризующейся единичными находками медных вещей, копирующих кавказские образцы [4]. Нет в нашей классификации и топоров с гребнем, распространенных главным образом в Средней Азии [5].

Для более четкого описания формы топора предлагается следующая терминология: 1) клин (рубящая часть топора); 2) втулка (часть топора, крепящая клин на рукояти), 3) обух (задняя часть втулки); 4) проух (отверстие для насада топора на рукоять); 5) лезвие (рубящая часть клина); 6) лопасть (резкое расширение клина к лезвию); 7) верхняя грань клина, или спинка; 8) нижняя грань клина или брюшко; 9) верхний и нижний края втулки; 10) профиль топора — топор рассматривается сбоку; 11) план топора — топор рассматривается сверху (рис. 1).

Принципы предлагаемой классификации изложены Е. Н. Черных [6]. Высшим классификационным разрядом в нашей классификации является группа. Для определения линейных и угловых размеров различных частей топора предлагается схема, изображенная на рис. 1. Все замеры на профиле топора производились относительно линии насада и только после того, как она установлена.

---

[4] Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии..., стр. 63.

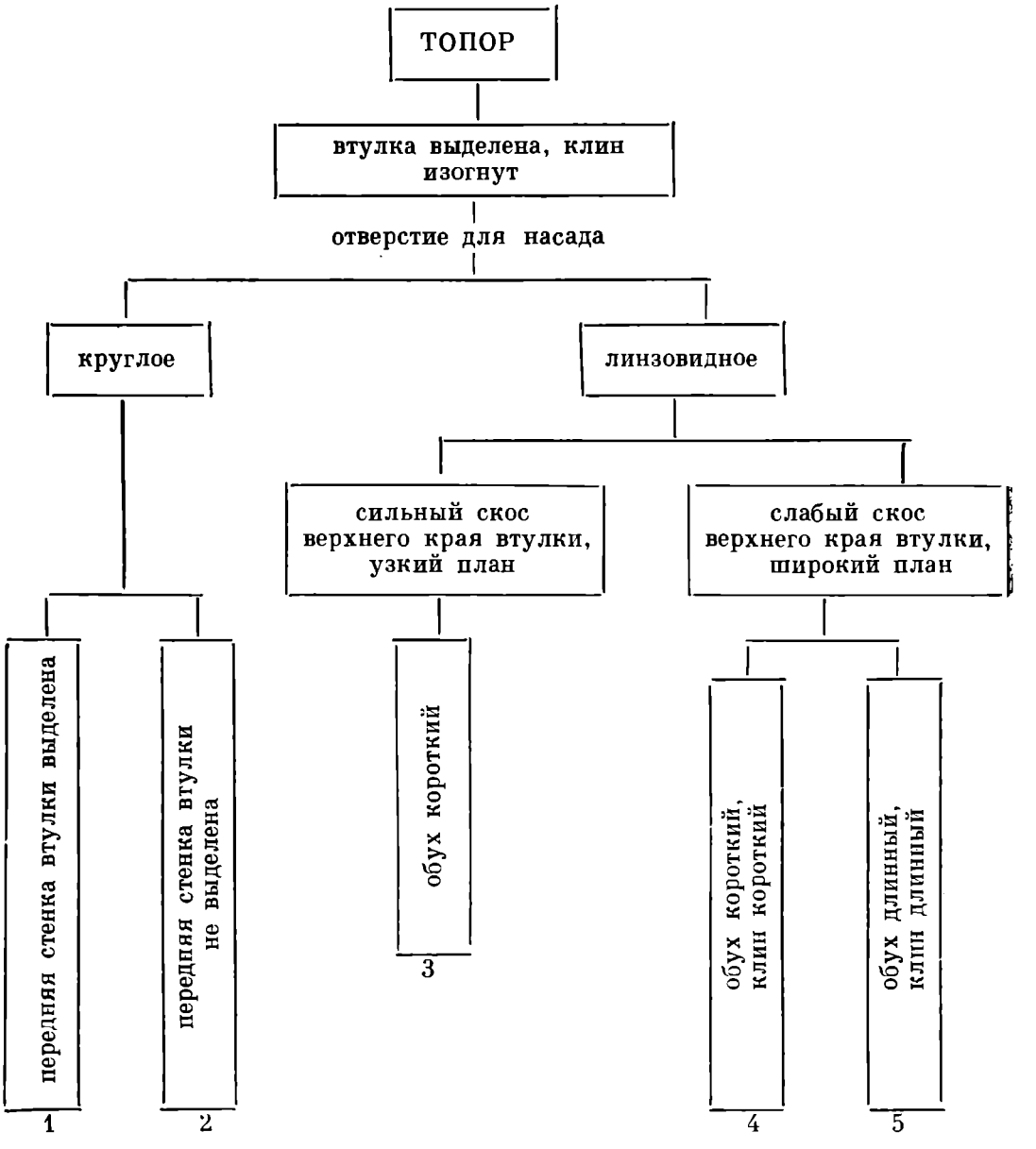
[5] Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ, В4-9. М., 1966, стр. 11—14.

[6] Е. Н. Черных. Ук. соч., стр. 50—53.

Выделенные группы топоров Уральской ГМО приведены в табл. I. Описание топоров выделенных групп дано в табл. II. Табл. III иллюстрирует распределение металла рассматриваемых орудий по различным химико-металлургическим группам Уральской горно-металлургической области.

Таблица I

Классификация топоров Уральской горно-металлургической области



Группа 1. Топоры с выделенной втулкой, изогнутым клином, круглым проухом, с выделенной нижней передней стенкой втулки.

Топоры группы 1 и 2 ранее выделялись в один фатьяновский тип. Но несмотря на общую морфологическую близость этих вещей, мы делим их на две группы по наличию выделенной нижней передней стенки втулки у топоров группы 1 и невыделенной передней стенки втулки у топоров группы 2. Эти признаки являются обязательными для топоров групп 1 и 2.

Нами учтено 12 экз. топоров группы 1: Волосово-Даниловский могильник (рис. 2,*1*; анализ 2058) [7], Горкинский могильник (рис. 2,*1*; анализ

[7] Анализы металла топоров выполнены в кабинете спектрального анализа лаборатории естественно-научных методов института археологии АН СССР. Опубликованы Е. Н. Черных. См. Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии...; его же. Древнейшая металлургия...

650), Фатьяновский могильник (рис. 2,*3*; анализ 370) [8], Вауловский могильник (рис. 2, *6, 10,* анализы 648, 649), Казанская губ. (рис. 2, *4;* анализ 4626), Вятская губ. (рис. 2,5; анализ 4647), д. Губцево Горьковской обл. (рис. 2, *7;* анализ 673), Спасский уезд Казанской губ. (рис. 2, *8;* анализ 785), г. Солнечногорск Московской обл. (рис. 2,*9*; анализ 672), топор неизвестного происхождения из коллекции Заусайлова [9]. Две

Таблица II

Количественные и качественные признаки топоров Уральской горно-металлургической области

Группа	Длина топора, *см*	План, ширина, *см*	Втулка		Передняя стенка втулки		Проух		Скос верхнего края втулки в градусах
			высота, *см*	ширина, *см*	не выделена	выделена	круглый	овальный	
1	11,3—15	1,2—2	3—4,4	3,5—4,5		+	+		7—31
2	9,8—15	1,1—1,6	3—4,5	3—4,5	+		+		3—14
3	12,1—13,5	1—1,8	2,3—4,5	3,5—4,7		+		+	32—40
4	15,4—17,7	2,2—3,5	4,8—6	4,8—5,6		+		+	8—25
5	17,4—21	2,5	6—7	5,1—6,5		+		+	8—25

литейные формы группы 1 найдены в Волосовско-Даниловском могильнике (погребение 21) [10]. Топоры этой группы, главным образом, сосредоточены в Волго-Окском междуречьи (рис. 3). Полной неожиданностью явилась находка двух топоров, очень близких к топорам этой группы, на территории Болгарии, у г. Старая Загора [11]. Совпадение этих топоров с фатьяновскими детально. Они имеют такое же строение клина (в плане и профиле), формы втулки, углов скоса верхних и нижних контуров втулки (24—29° и 24—25° соответственно). Такое же сочетание признаков свойственно некоторым топорам группы 1. Несмотря на то что один из них оказался подделкой [12], можно подозревать существование оригинала, по которому отливался этот образец (рис. 2, *11*). Топоры группы 1 изготовлены из чистой меди медистых песчаников Поволжья (табл. III).

Таблица III

Распределение металла топоров по химико-металлургическим группам Уральской горно-металлургической области

Тополого-генетическая группа	Учтено	Проанализировано	Химико-металлургические группы				
			МП	ВК	ВУ	ЕУ	ТК
1	12	10	10				
2	9	7	7				
3	51	20	8				12
4	20	9		3	1	4	1
5	21	10	4/3 *		5/5	1/1	

* В знаменателе указано количество топоров, легированных оловом. Условные обозначения: МП — группа медистых песчаников Приуралья; ЕУ — елеиовско-ушкатинская группа; ВК — волго-камская группа; ТК — ташказганская группа. Номенклатура химических групп дана по Е. Н. Черных. (Е. Н. Черных. Древнейшая металлургия стр. 15).

Помимо случайных находок, эти орудия происходят только из комплексов верхневолжских памятников фатьяновской культуры. В балановских комплексах их нет. Центр распространения этих топоров также совпадает с территорией, занятой в первой половине II тысячелетия до. н. э., главным образом фатьяновскими племенами ярославской, ивановской и московской групп.

[8] Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. САИ, В1-20, М., 1964, табл. XI, *47*.

[9] А. М. Tallgren. Ук. соч., табл. II, *4*.

[10] Д. А. Крайнов. Металлургия у племен фатьяновской культуры. КСИА, АН СССР, 127, 1971, стр. 16, рис. 3.

[11] Не опубликованы, Музей г. Старая Загора, СЗИМ — IC_3 — 366; музей г. Софии. АМ БАН-649.

[12] Спектральный анализ показал, что он сделан из современной латуни.

Поэтому следует считать, что топоры группы 1 принадлежали только этим племенам фатьяновской культуры и датировать их временем существования этих памятников.

Группа 2. Топоры с выделенной втулкой, изогнутым клином, круглым проухом и невыделенной передней стенкой втулки. Группа насчитывает 9 экз.: Чурачикский могильник в Чувашии, яма 1, погребение 2 рис. 2, *12, 13;* анализы 1643, 1644), Балановский могильник (рис. 2, *13, 16:*

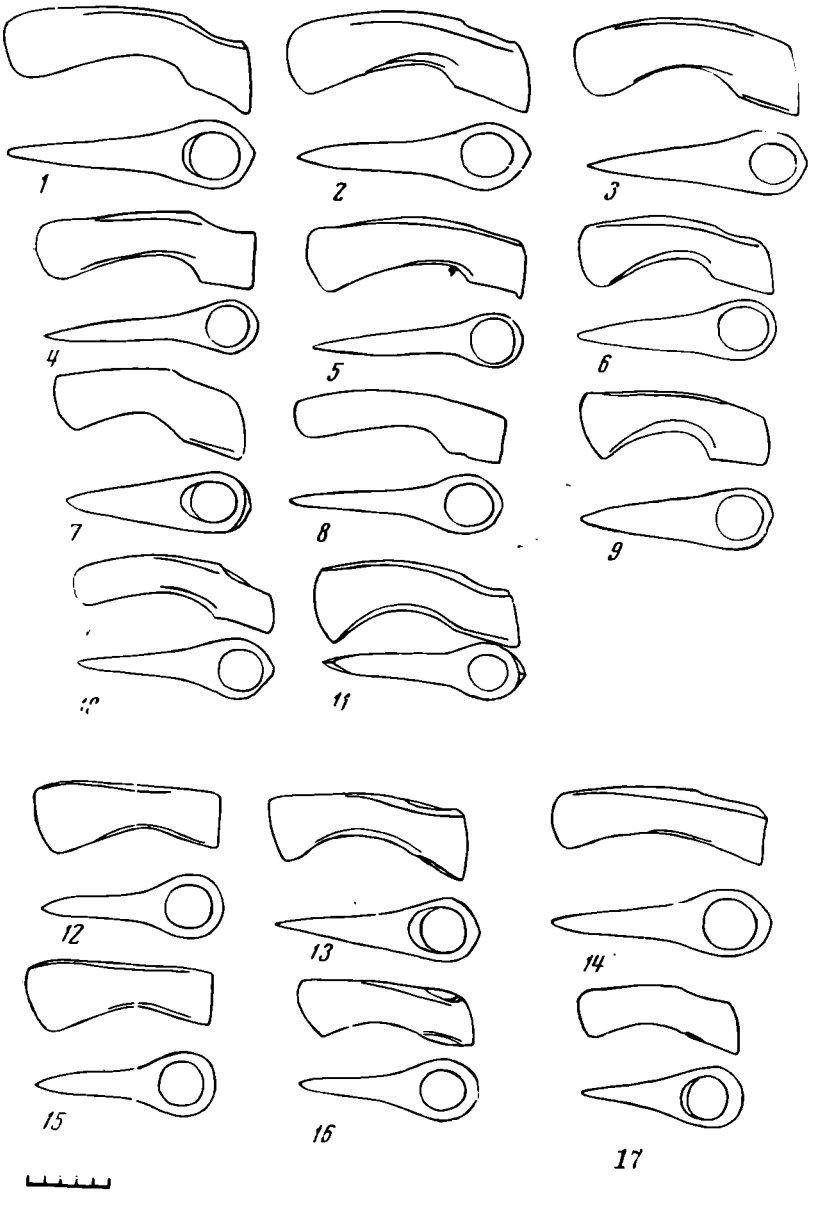


Рис. 2. Топоры 1 и 2-й групп

анализы 1535, 653), Караякупово Уфимской губ. (рис. 2, *14;* анализ 400); с. Мокруш Вятской губ. (рис. 2, *17;* анализ 4660) и, возможно, два топора, опубликованные А. А. Штукенбергом из Казанской губ.[13]. Группа 2 распространена, главным образом, в Чувашском и Казанском Поволжье (рис. 3). Топоры ее, кроме случайных находок, происходят только из комплексов балановских погребений. Из комплексов других групп фатьяновской культуры они неизвестны. Ареал этой группы не заходит на территорию верхневолжских фатьяновских племен. Поэтому мы связываем топоры группы 2, прежде всего, с балановскими племенами фатьяновской культуры и датируем их временем существования балановских па-

[13] А. А. Штукенберг. Материалы по изучению медного (бронзового) века. ИОАИЭ, XII, 9. Казань, 1901, табл. I, 23, табл. IV, *11.*

мятников. Как и орудия предыдущей группы, топоры 2 изготовлены из чистой меди медистых песчаников Поволжья (табл. III).

Группа 3. Топоры с выделенной втулкой, изогнутым клином, линзовидным проухом, сильным скосом верхнего края втулки, узким планом и коротким обухом. Ранее выделялись Б. Г. Тихоновым в камский, Е. Н. Черных — в узкообушной типы. Вслед за Е. Н. Черных, мы считаем основными признаками топоров группы 3, отличающих их от других видов топоров Уральской ГМО, следующие: наличие линзовидного проуха, скоса верхнего края втулки от 40 до 32° (по нашей схеме замеров).

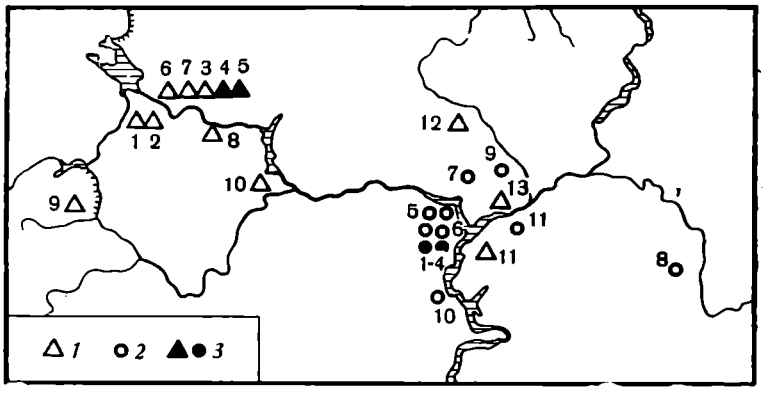


Рис. 3. Ареал топоров 1 и 2-й групп

Группа 1. *1—2* — Вауловский могильник; *3—5* — Волосово-Даниловский могильник; *6—7* — Фатьяновский могильник; *8* — Горкинский могильник; *9* — г. Солнечногорск; *10* — д. Губцево; *11* — Спасский уезд Казанской губ.; *12* — Вятская губ.; *13* — Казанская губ.

Группа 2: *1—4* — Чурачикский могильник; *5—6* — Балановский могильник; *7* — Вятская губ.; *8* — д. Караякупово; *9* — Мокруш; *10—11* — Казанская губ.

Условные обозначения: *1* — топоры группы 1; *2* — топоры группы 2; *3* — литейные формы

От последующих двух групп они отличаются более узким планом клина и большим скосом верхнего края втулки. Разделить на более дробные классификационные подразделения топоры узкообушного типа нам не удалось. Поэтому мы ограничиваемся приведением карты их распространения (рис. 5) более насыщенной, чем карта, приведенная у Б. Г. Тихонова, и рассмотрением вопросов их связи с химико-металлургическими группами Уральской ГМО. Топор Турбинского могильника, имеющий узкий план и скос верхнего края втулки 27°, мы относим в группу 3 условно (рис. 4, *16*).

Нами учтен 51 экз., относящийся к этой группе: Пермская губ. (рис. 4,*1*; анализ 399), курган в г. Бирске (рис. 4,*2*; анализ 4847), Яранский уезд бывшей Вятской губернии (рис. 4,*3*; анализ 4625). Урал, точное место находки не известно (рис. 4, *4 11;* анализы 607, 3279), д. Карташиха Куйбышевского района Татарской АССР (рис. 4,*5* анализ 4645), Тетюшский уезд Казанской губ. (рис. 4,*6* анализ 4661), Горбуновский торфяник Свердловской обл. (рис. 4,*7*; анализ 639), Чистопольский уезд Казанской губ. (рис. 4,*8*; анализ 4646), Тетюшский уезд, из собрания Булычева (рис. 4,*9;* анализ 784), Нижегородская губ. (рис. 4,*10;* анализ 295), Рождественский починок Елабужского уезда Вятской губ. (рис. 4,*12*; анализ 4648), д. Миловка Уфимской губ. и уезда (рис. 4,*13;* анализ 832), из музея Саратовского государственного университета, точное место находки не известно (рис. 4,*14;* анализ 1823), Елабужский уезд Вятской губ. (рис. 4,*15;* анализ 608), Турбинский могильник (рис. 4,*16, 17* анализы 383, 911), с. Кутерьмово Бирского уезда Уфимской губ. (рис. 4,*18*; анализ 782), д. Урмары у г. Чебоксары[14], д. Баглино Юсьвинского р-на Коми-Пермякского округа, с. Сивинское Сивинского р-на Пермской

[14] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, 47. 1961, стр. 81, рис. 27, *6*.

обл., Китрюм, Ошья, Коровино Усинского р-на Пермской обл.; г. Чердынь Пермской обл., Ананьино Елабужского уезда Вятской губ., д. Гремячий Ключ Каракулинского р-на Удмуртской АССР, с. Девлезери Рыбнослободского р-на Татарской АССР, с. Билярск и д. Ерыклы Билярского р-на Татарской АССР, с. Болгары Куйбышевского р-на Татарской АССР; г. Казань, д. Юрмалы Апастовского р-на Татарской АССР, д. Бакрчи Татарской АССР, д. Шемякино Тетюшского уезда Казанской губ., д. Куланга и с. Кайбицы Кайбицкого р-на Татарской АССР; Свияжский и

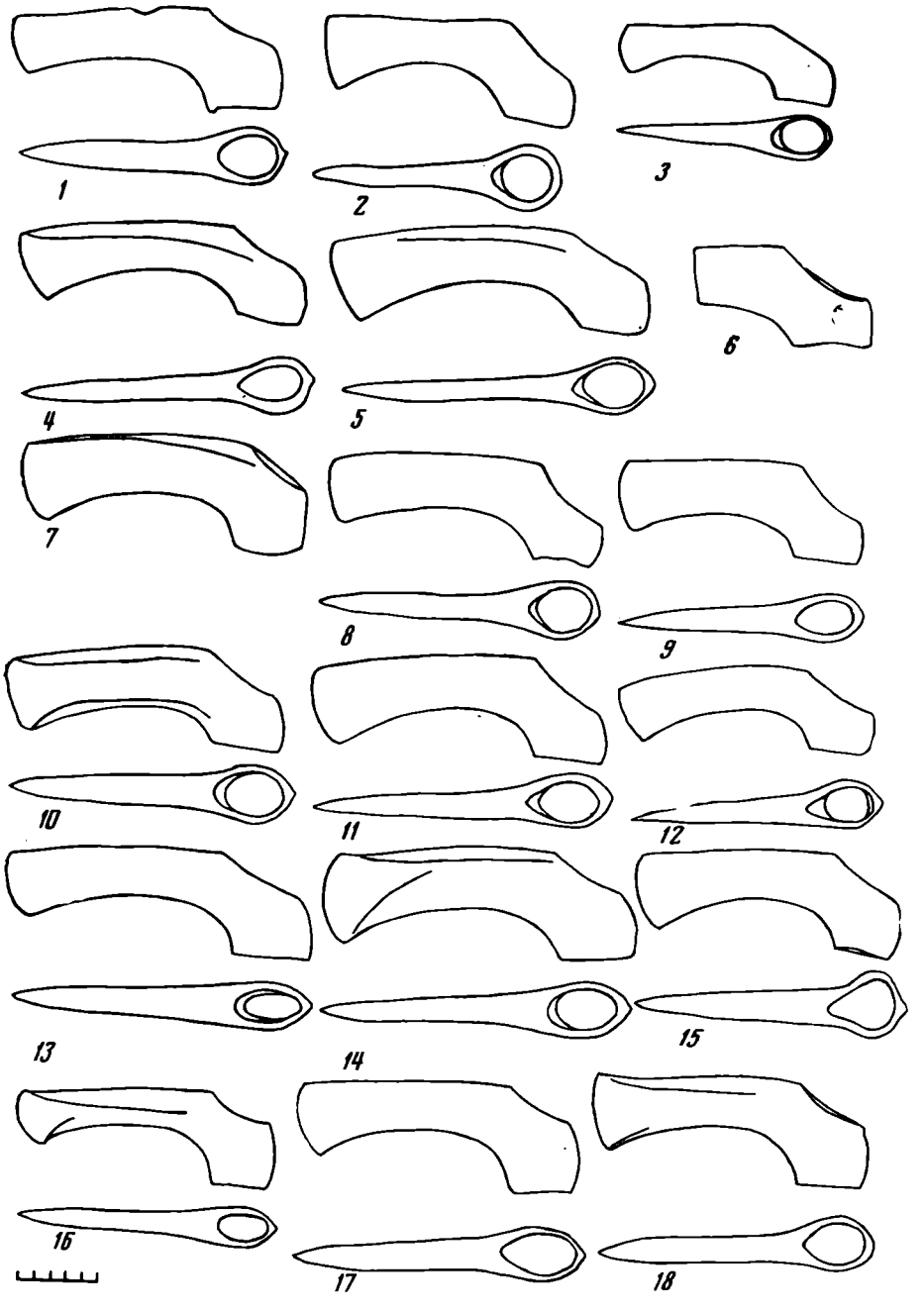


Рис. 4. Топоры группы 3

Ядринские уезды бывшей Казанской губ., Казанская губ.; д. Карамышево Козловского р-на и д. Можары Ятминковского р-на Чувашской АССР; д. Таныш-Касы Еласовского р-на Марийской АССР, Васильсурское городище Воротынского р-на Горьковской обл., с. Туровское Галичского р-на Костромской обл.; д. Соловка Бугурусланского р-на Оренбургской обл., Малокызыльское селище Агаповского р-на Челябинской обл.; [15]

[15] Б. Г. Тихонов. Ук. соч., стр. 95—96, № 3—7, 16, 22, 28—37, 40, 41, 44, 48—52, 58, 59.

Подетённое Новоузенского р-на Саратовской обл.;[16] г. Пенза;[17] гора Таган-Таш Баймакского р-на Башкирской АССР (анализ 2429); Вятская губ. (анализ 606)[18]; три топора этого вида из коллекции Заусайлова, опубликованные А. М. Тальгреном[19].

Литейные формы топоров этой группы нам известны из Пепкинского кургана в Чувашии[20] и кургана у с. Киевка под Воронежем[21]. Из 51

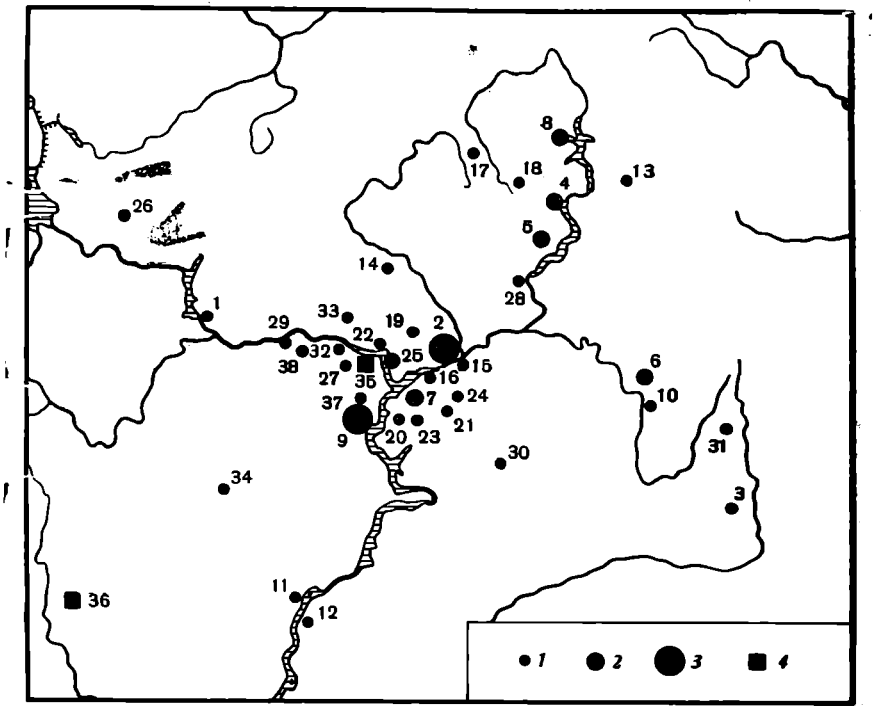


Рис. 5. Ареал топоров группы 3

1 — бывш. Нижний Новгород; *2* — Елабужский уезд; *3* — гора Таган-Таш; *4* — Пермская губ.; *5* — д. Китрюм, Ошья, Коровино; *6* — Бирский уезд; *7* — д. Карташиха и с. Болгары; *8* — Турбинский могильник; *9* — Тетюшский уезд; *10* — д. Миловка; *11* — г. Саратов; *12* — с. Подетённое; *13* — Горбуновский торфяник; *14* — Вятская губ.; *15* — Чистопольский уезд; *16* — Яранский уезд; *17* — д. Баглино; *18* — с. Сивинское; *19* — д. Гремячий Ключ; *20* — с. Девлезери; *21* — с. Билярск; *22* — Казанская губ.; *23* — Юрмары; *24* — д. Бакрчи; *25* — д. Куланга и с. Кайбицы; *26* — с. Туровское; *27* — д. Карамышево; *28* — д. Можары; *29* — Васильсурское городище; *30* — д. Соловка; *31* — Малокызильское селище; *32* — Урмары; *33* — д. Таныш-Касы; *34* — у г. Пензы; *35* — Пепкинский курган; *36* — д. Киевка; *37* — Свияжский уезд; *38* — Ядринский уезд.

Примечание: населенные пункты нанесены на карту с точностью в пределах района или уезда, области или губернии, если более подробные сведения о происхождении вещи неизвестны.

Условные обозначения: *1* — одна находка; *2* — две-три находки; *3* — четыре — шесть находок; *4* — литейные формы

учтенного топора группы 3 проанализирован металл 21. 11 из них изготовлены из естественно-мышьяковистых сплавов месторождения Таш-Казган в Приуралье. Восемь — из чистой меди медистых песчаников (табл. III). Зона распространения этих топоров находится главным образом в Казанском Поволжье и Прикамье (рис. 5). Для датировки этой группы прежде всего важны комплексы абашевской культуры, так как только в них, помимо топоров, найдены литейные формы, что может служить прямым доказательством производства таких топоров абашевскими племенами. Кроме того, большинство топоров группы 3 сделано из естественных медно-мышьяковых сплавов месторождения Таш-Казган, разрабатывавшегося в основном баланбашскими племенами (изделия из

[16] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 61, рис. 14, *4*.

[17] ЗРАО, т. 12, часть 1—2, СПб., 1901, стр. 303, рис. 99.

[18] Е. Н. Черных. Ук. соч., стр. 58, рис. 50, *12, 18*.

[19] А. М. Tallgren. Ук. соч., табл. II, *3, 5, 10*.

[20] А. Х. Халиков. Пепкинский курган. Йошкар-Ола, 1966, стр. 66, табл. 8, а, г.

[21] А. М. Tallgren. Ук. соч., стр. 169, рис. 7.

металла этого месторождения свойственны, главным образом, баланбашским племенам) [22]. Места находок топоров этой группы часто совпадают с ареалом абашевских и баланбашских памятников [23], поэтому ее можно датировать временем существования абашевской культуры, т. е. второй-третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Этому не противоречит ни химический состав металла топоров, по которому они входят в досейминский и сейминский периоды развития металлургии Уральской ГМО, ни присутствие их в Турбинском могильнике и в Горбуновском торфянике. Случайная находка топора этой группы у Ананьинской дюны, естественно, не может служить свидетельством доживания этих орудий до I тысячелетия до н. э. Помимо баланбашских и абашевских племен, с топорами этой группы были знакомы турбинцы, племена горбуновской и, возможно, приказанской культур. Ни один топор этой группы не найден на памятниках срубной культуры.

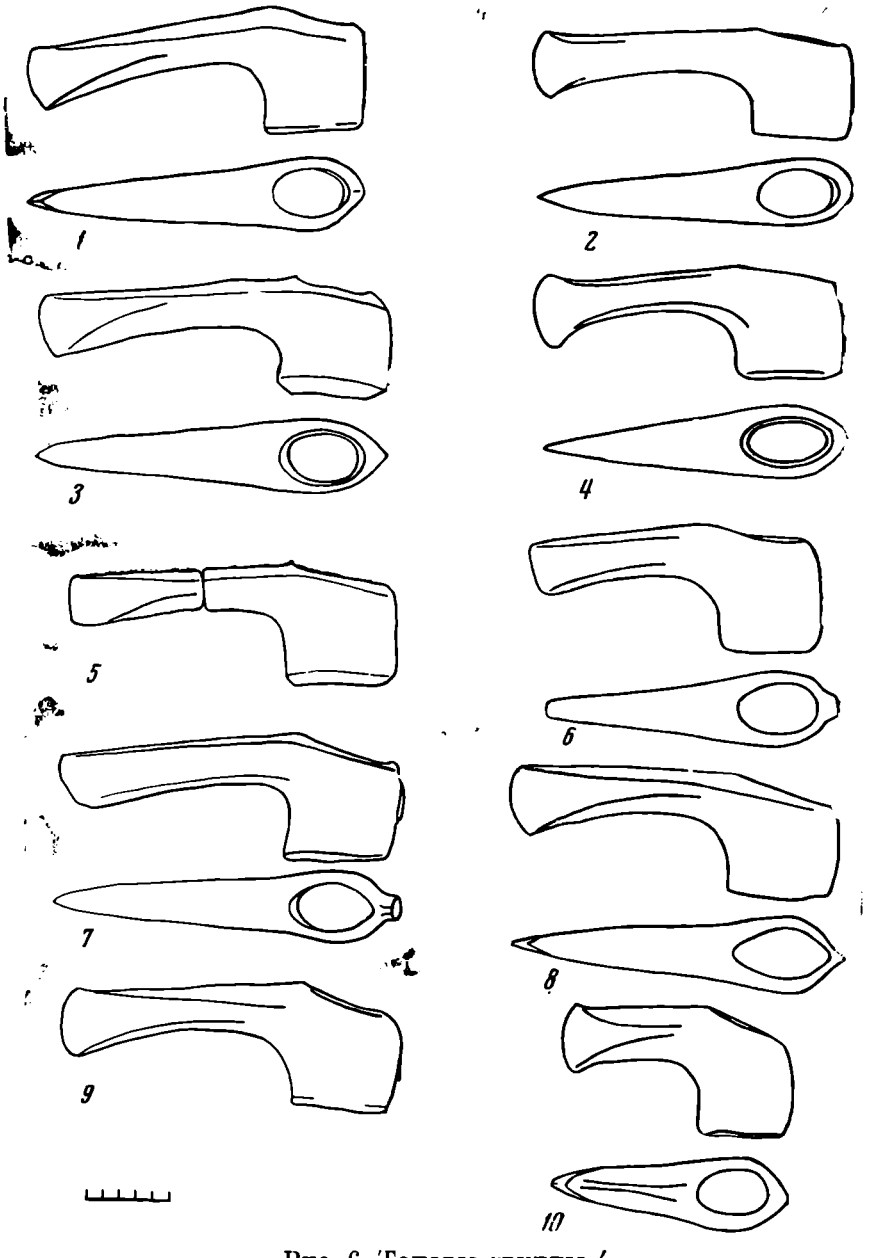


Рис. 6. Топоры группы 4

Группа 4. Топоры с выделенной втулкой, изогнутым коротким клином, линзовидным проухом, слабым скосом верхнего края втулки, широким планом, коротким обухом (рис. 6).

[22] Е. Н. Черных. Древнейшая металлургия..., стр. 28.

[23] См. карту К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 20.

Выделенные нами топоры групп 4 и 5 ранее определялись Б. Г. Тихоновым как единый южноуральский тип, а Е. Н. Черных как массивнообушной. Топоры этих групп близки друг к другу. Они обладают широким планом, овальным проухом, одинаковым углом скоса верхнего края втулки (8—25°). Характерной чертой топоров четвертой группы является наличие более короткой и узкой втулки, чем у топоров группы 5. Подобное различие в строении втулок подтверждается корреляционным графиком № 1. Как правило, клинья топоров группы 4 короче, чем у топоров группы 5. Кроме того, клинья топоров группы 5 почти всегда наклонены вниз (рис. 7).

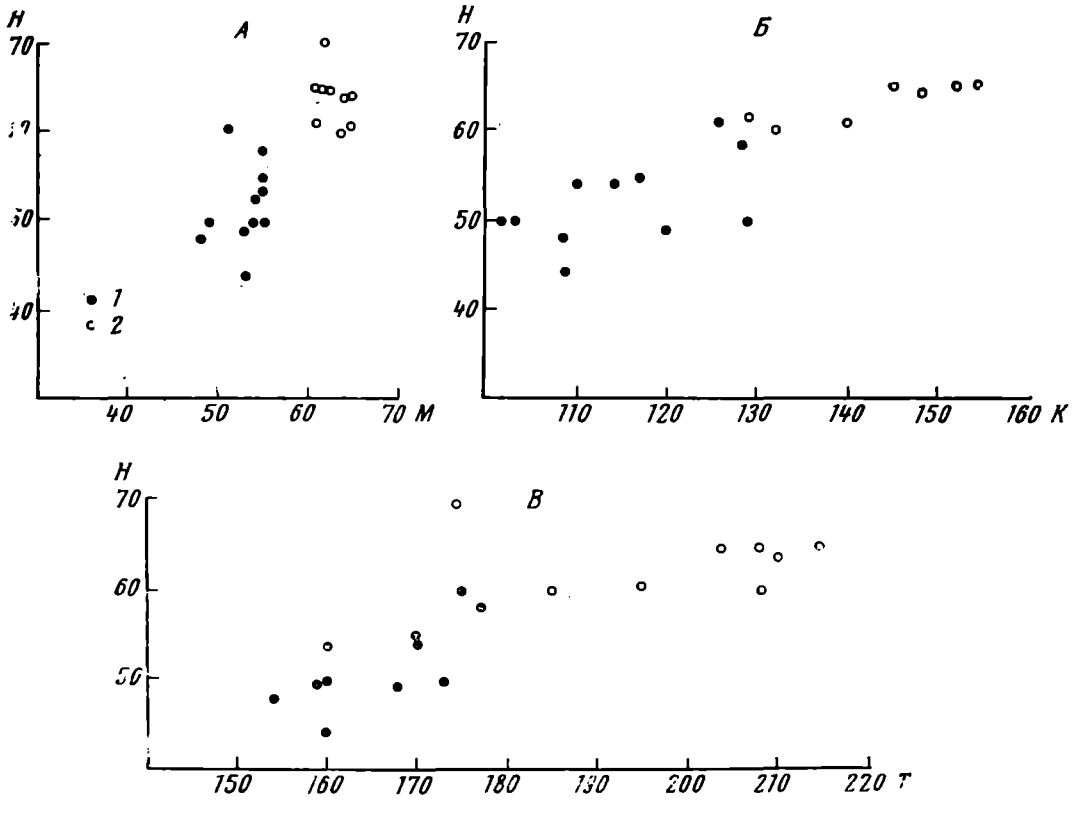


Рис. 7. Корреляционные графики для топоров групп 4 и 5.

А. График 1. Корреляция между высотой обуха (Н) и длиной втулки (М) в *мм*; Б. График 2. Корреляция между высотой обуха (Н) и длиной клина (К) в *мм*; В. График 3. Корреляция между высотой обуха (Н) и длиной топора в *мм*.
Примечание: коррелировались топоры, изображенные на рис. 6, *1—6, 9*; 9, *1—9*., а также опубликованные у Б. Г. Тихонова и А. М. Тальгрена. (Б. Г. Тихонов, Ук. соч. табл. XVII, 5 а, б; А. М. Тальгрен. Указ. соч. pL I, 2, 3) и в ОАК за 1902 год стр. 125, рис. 209.
Условные обозначения: *1* — топоры группы 4; *2* — топоры группы 5

Топоры из с. Дурасовки (рис. 6,*1*) и один топор Сейминского могильника (рис. 6,*9*) занимают как бы промежуточное положение между этими группами. Судя по профилю, первый из них является просто крупным экземпляром группы 4. Но на топоре из Сейминского могильника, даже при визуальном сравнении заметны признаки обеих групп. С группой 5 его сближает широкий обух, наклонный вниз прямой клин, с группой 4 — окружность обуха, короткая втулка, короткий клин. Поэтому мы включаем его в группу 4 условно.

Группа 4 насчитывает 20 экз.: д. Дурасовка бывшего Аткарского уезда (рис. 6,*1*; анализ 1682), Острогожский р-н Воронежской обл. (рис. 6,*2;* анализ 4561), с. Прейс Саратовской обл. (рис. 6,*3*; анализ 1789), неизвестного происхождения из коллекции Анучина (рис. 6,*4*; анализ 1532); д. Большая Тояба Казанской губ. (рис. 6,*5*; анализ 398); у Ивановского селища Хвалынского р-на Саратовской обл. (рис. 6,*6,* анализ 1681), Старая Яблонька Хвалынского р-на Саратовской обл. (рис. 6,*7*), станица

Николаевская на Дону (рис. 6, *8*), Сейминский могильник Горьковской обл. (рис. 6, *9*; анализ 330), д. Новопоселённая Тояба Казанской губ. (рис. 6, *10*; анализ 398); с. Шемышейка Пензенской обл.[24], с. Дивногорское Воронежской обл.[25], станица Нижнекурмоярская на Дону[26], станица Аргадинская Усть-Медведицкого округа[27], г. Изюм[28], хутор Поповка Хвалынского р-на Саратовской области[29], Тетюшский уезд Казанской губ.[30], а также топоры неизвестного происхождения[31]. Литейные формы топоров группы 4 найдены на Барковской стоянке срубной культуры у г. Пензы[32]. Обломки таких же литейных форм обнаружены на поселении раннесрубного типа под г. Воронежем[33]. Из 20 учтенных находок топоров этой группы проанализирован металл девяти орудий. В отличие от топоров группы 3 ни один из них не изготовлен из металла медистых песчаников и лишь единственный экземпляр из руд Таш-Казганского месторождения. Три топора этой группы сделаны из металла волго-камской группы, четыре — из руд Еленовско-Ушкатинского месторождения в Зауралье. Один топор связан по химическому составу металла с волго-уральской группой. Топоров, легированных оловом, в группе 4 нет (табл. II).

Топоры группы 4 распространены, главным образом, в нижнем и среднем течении Волги и Дона (рис. 8). Большинство их найдено в Среднем Поволжье. Ареал этих орудий совпадает с территорией, занимаемой племенами срубной культуры на ее раннем этапе (рис. 8).

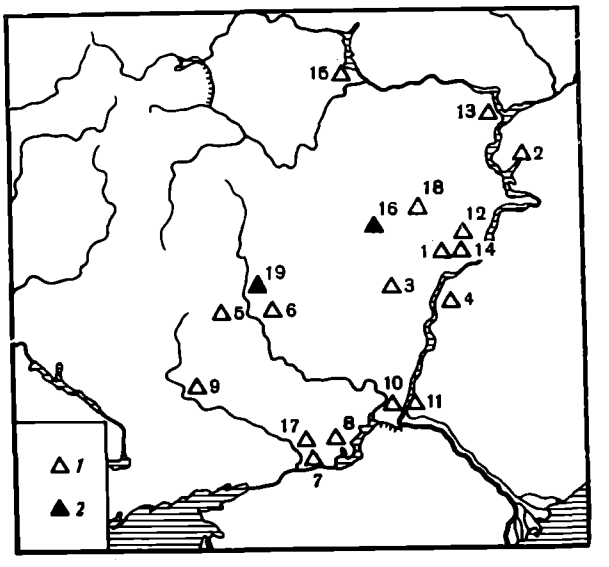


Рис. 8. Ареал топоров группы 4

1 — Ивановское селище; *2* — д. Большая Тояба; *3* — д. Дурасовка; *4* — с. Прейс; *5* — Острогожский район; *6* — с. Дивногорское; *7* — станица Аргадинская; *8* — станица Нижнекурмоярская; *9* — г. Изюм; *10, 11* — г. Волгоград; *12* — хутор Поповка; *13* — д. Новопоселённая Тояба; *14* — д. Старая Яблонька; *15* — Сейминский могильник; *16* — Барковская стоянка; *17* — станица Николаевская; *18* — с. Шемышейка; *19* — г. Воронеж.
Условные обозначения: *1* — топоры; *2* — литейные формы

Судя по находкам топоров группы 4 в культурно определимых памятниках (Барковская стоянка срубной культуры, раннесрубное поселение под г. Воронежем, Сейминский могильник), ареал этих орудий был связан главным образом со срубными племенами раннего этапа и менее с сейминцами. Таких топоров нет в комплексах других культур, нет их и среди комплексов срубной культуры хвалынского этапа. Поэтому группа 4 может быть, на наш взгляд, осторожно датирована временем

---

[24] Б. Г. Тихонов. Ук. соч., табл XVII, 5*а*, *б*.
[25] ОАК за 1902 г., стр. 125, рис. 209.
[26] Тр. VIII АС, IV, 1897, табл. LXXXIV, 21.
[27] Новочеркасский музей № 5077.
[28] Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 117, рис. *44*, *4*.
[29] В. П. Шилов. О древнейшей металлургии в Нижнем Поволжье. МИА, 60, 1959, стр. 21, рис. 2.
[30] A. M. Tallgren. Ук. соч., табл. I, *3*.
[31] A. M. Tallgren. Ук. соч., табл. I, *2*; В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 21, рис. 2, *г*, рис. 3.
[32] Б. Г. Тихонов. Ук. соч., табл. III, *4*.
[33] Г. В. Подгаецкий. Раскопки Воронежского поселения. Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—36 гг.». М.— Л., 1941, стр. 156 сл., табл. XXIV, *6*, *8*, *9*.

существования вещей сейминского хронологического горизонта Уральской ГМО.

Группа 5. Топоры с выделенной втулкой, изогнутым длинным клином, линзовым проухом, слабым скосом верхнего края втулки, широким планом и широким обухом (рис. 9).

Признаки, определяющие топоры этой группы, были изложены выше. Нами учтен 21 топор этого вида: Стерлитамакский р-н Башкирской АССР (рис. 9, *1*; анализ 3250); Приуралье, коллекция Анучина (рис. 9, *3*;

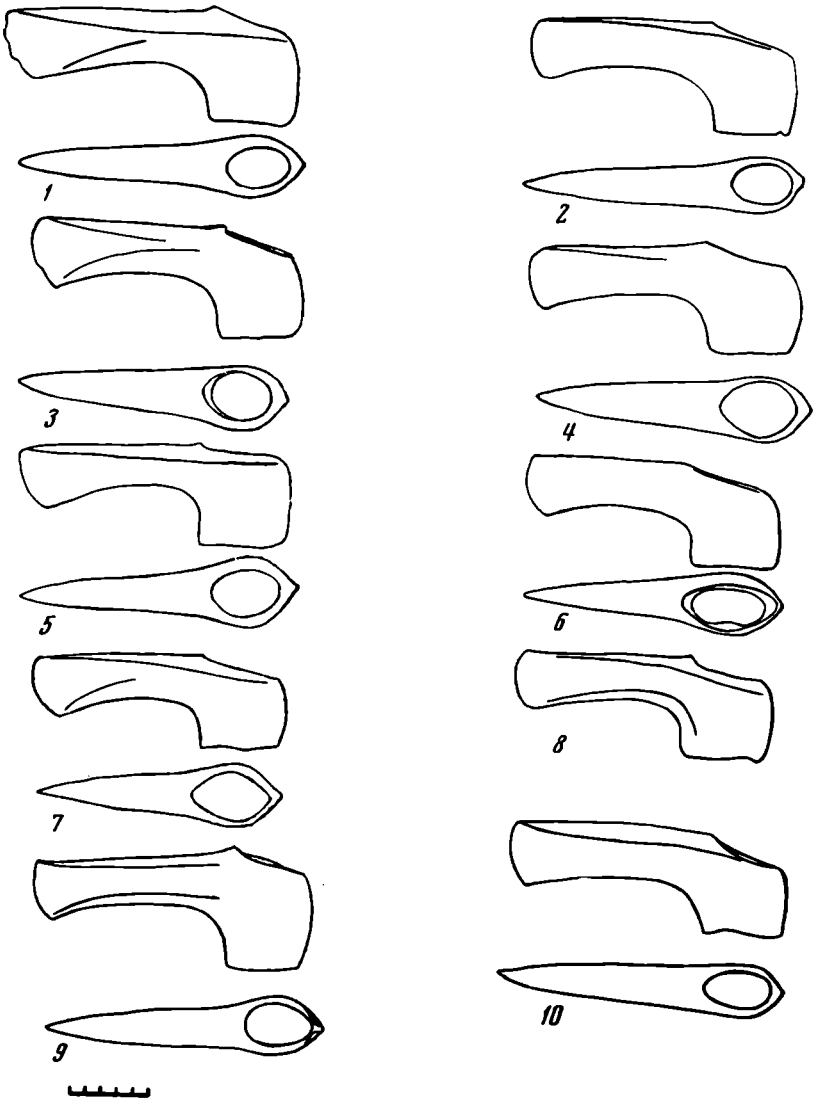


Рис. 9. Топоры группы 5

анализ 1533); Ибракаевский клад (рис. 9, *5;* анализ 3256); пос. Тимофеевский Челябинской обл. (рис. 9, *7*; анализ 4767); Чистопольский уезд Казанской губ. (рис. 9, *8*; анализ 786а); окрестности г. Елабуги Вятской губ. (рис. 9,*9*; анализ 4627); Владимирская губ. (рис. 9,*10*; анализ 3765); из коллекции Анучина, место находки неизвестно (рис. *9, 2, 4, 6;* анализы 1540, 1530, 1531); Алтай; Оренбургская губ., Сулакский прииск Бурзянского р-на БАССР [34]; пос. Майоровский Сакмарского р-на Оренбургской обл. [35]; Сейминский могильник [36]; Царев курган на Тоболе;

[34] И. Р. Аспелин. О потребности изучения форм предметов и постепенном развитии форм в доисторические времена. Тр. IV АС, I. Казань, 1884, рис. 7, 8.

[35] К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, 21, 1951, стр. 127.

[36] О. Н. Бадер. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, стр. 115, рис. 48, *1*.

Бакланское[37]; Ильдеряковский клад в Аксубаевском р-не ТАССР[38]; Шадринск[39]; Спасское Казанской губ.[40]. Литейная форма топоров этой группы найдена под г. Омском[41]. Один такой топор найден в Средней Азии у с. Чимбайлык УзССР[42].

Из учтенных находок топоров группы 5 проанализирован металл 10 орудий. В отличие от группы 4 топоры группы 5, насколько позволяют говорить данные спектрального анализа, изготовлялись из меди медистых песчаников (4 экз.). Изделия из металла месторождения Таш-Казган и волго-камской группы не обнаружены. В группе 5, так же как и в

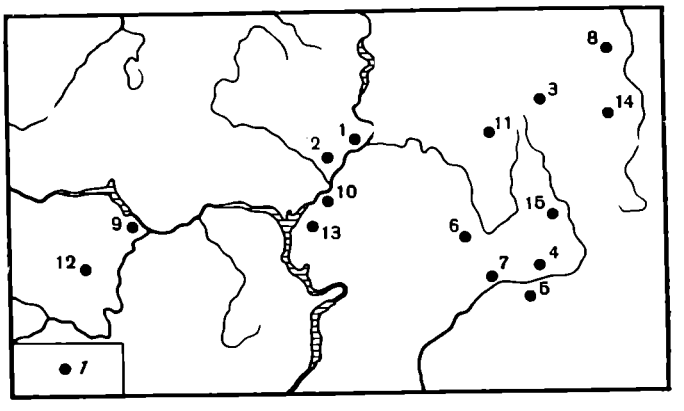


Рис. 10. Ареал топоров группы 5

1 — Елабужский уезд; *2* — с. Спасское; *3* — пос. Тимофеевский; *4* — Стерлитамакский р-н; *5* — Оренбургская губ.; *6* — Сулакский прииск; *7* — пос. Майоровский; *8* — Царев курган на реке Тобол; *9* — Сейминский могильник; *10* — г. Чистополь; *11* — Приуралье; *12* — Владимирская губ.; *13* — Ильдярековский клад; *14* — г. Шадринск; *15* — Ибракаевское селище. Условные обозначения: *1* — топоры группы 5

группе 4, присутствуют топоры, изготовленные из металла волго-уральской группы (пять экземпляров) и Еленовско-Ушкатинского месторождения (один топор). Топоры группы 5 выделяются из топоров рассматриваемых групп тем, что металл их легирован оловом (девять орудий из десяти) (табл. III).

Топоры группы 5 распространены главным образом в Приуралье, верховьях реки Урал, бассейне Камы (рис. 10). Самые западные находки топоров этого вида обнаружены в Волго-Окском междуречье. Отдельные представители группы 5 найдены в Минусинской котловине, на Алтае и Средней Азии. В зоне распространения топоров группы 4 — Среднем Поволжье, бассейне Дона — таких орудий не обнаружено. По находкам топоров в комплесках Царева кургана на Тоболе, Ибракаевского клада и клада у пос. Майоровское группа 5 связывается с андроновскими и срубными племенами Южного Приуралья. Находка такого топора в Сейминском могильнике указывает на то, что племена сейминской культуры были знакомы с этими орудиями. Комплексы показывают, что они входят в круг вещей сейминского периода Уральской ГМО и могут датироваться XIV—XII вв. до н. э. В более поздних памятниках их на этой территории нет. Как было указано выше, топоры группы 5 являются единственными орудиями этой категории Уральской ГМО, металл которых, независимо от его месторождения, легирован оловом. Олово, очевидно, было редким металлом, доступным лишь немногим племенам Приуралья. Больше всего оловянистых бронз встречается у андроновских племен[43]. Другие орудия, сделанные из сплава меди с оловом, бытующие у срубных и приказанских племен, очень часто связаны с андроновскими экспортами[44]. Поэтому весьма вероятно, что топоры группы 5 изготовлялись, главным образом, андроновскими племенами. Близкие по форме топоры группы

[37] К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала, стр. 320, рис. 51, *4*, *6*.

[38] А. А. Спицын. Археологические заметки, 4. М., 1928, стр. 482.

[39] N. N. Bortvin. The Verhny-Kizil Find. ESA. III. Helsinki, 1928, стр. 128, рис. 4.

[40] A. Ayräpää. Über die Streitaxtkulturen in Russland. ESA. VIII. Helsinki, 1933, стр. 49, рис. 45.

[41] A. M. Tallgren. Ук. соч., стр. 18, рис. 19.

[42] А. И. Терепожкин. Согд и Чач. КСИИМК, 33, 1950, стр. 163, рис. 70, *1*.

[43] Е. Н. Черных. Древнейшая металлургия..., стр. 111—112.

[44] Там же.

Н. Е. УРУШАДЗЕ

К СЕМАНТИКЕ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ДРЕВНЕГО КАВКАЗА И ЗАКАВКАЗЬЯ

Бронзовый пояс из Закавказья. На основании ряда исследований, опубликованных за последние годы [1], можно утверждать, что бронзовым поясам, получившим широкое распространение в Закавказье в начале I тысячелетия до н. э., принадлежит одно из ключевых значений в объяснении главных особенностей экономической и духовной жизни указанной эпохи. Пояса эти несли конкретную функцию магического смысла, будучи неразрывно связаны с раннеземледельческими представлениями и обрядовыми действиями. Вместе с тем, как это неоднократно подчеркивалось рядом авторов, при общности средств символики, приемов и мотивов каждый из этих поясов служит выражением вполне конкретных понятий, рожденных местными условиями.

Последнее обстоятельство придает исключительное значение раскрытию смысла каждой системы и изображения, имеющих свое собственное содержание и несущих определенную функцию, которая является воплощением идеи наивно олицетворяющего объяснения главных действующих факторов производительности сельскохозяйственного труда. Наиболее отчетливо удалось проследить это на примере группы Самтаврских бронзовых поясов [2], в чем сказались плодотворные результаты комплексного подхода к материалу, с учетом его историко-этнографического, экономического и историко-художественного аспектов.

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотрения с указанных позиций другой важной группы — Закавказских поясов из Азербайджана на конкретном примере пояса, хранящегося в коллекциях Государственного Эрмитажа (№ 1836). Пояс включен в материалы раскопок Реслера; время и местонахождение его точно не известно (рис. 1). По сохранившимся фрагментам пояс был реконструирован Б. Б. Пиотровским. Размеры пояса: ширина —15 *см*, длина —76 *см*. Цвет бронзовой пластины золотистый, без патины. На полукружных концах три равноотстоящие круглые отверстия, очевидно для шнуровки. Имеются древние латки и следы стягивания трещин.

Уже было замечено, что композиция поясных изображений в своеобразной символической знаковой форме воссоздает конкретный ландшафт, слу-

[1] Дж. Халилов. Бронзовые пояса, обнаруженные в Азербайджане. Сб. «Материальная культура Азербайджана». IV, Баку, 1962; Б. Техов. Бронзовые пояса Центрального Кавказа. ИЮОНИИ АН ГрузССР, XIII, Цхинвали, 1964; Т. Касаманлы. Погребение с бронзовым поясом из Хачбулага. СА, 1965, № 2; А. Каландадзе. Чабарухский и Пассанаурский клады. Тезисы докладов 1-й научной сессии Душетского краеведческого музея, Тбилиси, 1965; С. Есаян. Погребение № 4 Астхиблурского могильника, ИФЖ АН АрмССР, 1, 1967.

[2] Н. Е. Урушадзе. Бронзовые пояса из Самтаврского некрополя как памятники древнегрузинского прикладного искусства. Канд. дис., Тбилиси, 1970.

жа своего рода топографической картой определенного земледельческого района[3]. Характерно, что для соответствующих «обозначений» широко используется общепринятая и весьма распространенная раннеземледельческая символика. На всех поясах есть ромбы, треугольники, шахматные сетки, спирали, точки и др. Как известно, они представляют условные изображения: земля, горы, обрабатываемые земельные участки, водные артерии, семена или растения[4].

Конечно, при этом не исключается существование различных вариантов комбинаций, видоизменений указанных форм, что, однако, нисколько не меняет самого существа, т. е. земледельческой символики, хотя и отражает определенные локальные особенности, характерные для данного хозяйственного уклада и географической среды. С таким именно случаем мы, видимо, имеем дело на рассматриваемом поясном изображении, где присутствуют все перечисленные выше знаки-символы. Однако бросается в глаза преобладание в них символов, указывающих на горный пейзаж. Например, иначе никак нельзя понять столь подчеркнутое выражение элементов треугольника, составляющих орнамент пояса. Вершины его, расположенные в два ряда, образуют непрерывную линию зигзага. Основанием для треугольника служат две ладьеобразные фигуры и общая точечная обводка — в один ряд у края пояса и в два ряда, обращенная к внутреннему полю.

Образный сюжет известного красноглиняного расписного сосуда из Шахтахты, относящийся к более ранней эпохе (II тысячелетие до н. э.), передает «шествие» горных козлов как бы между вершинами гор, расположенных подобно приведенному выше орнаменту (рис. 2). Однако зигзаг-орнамент на

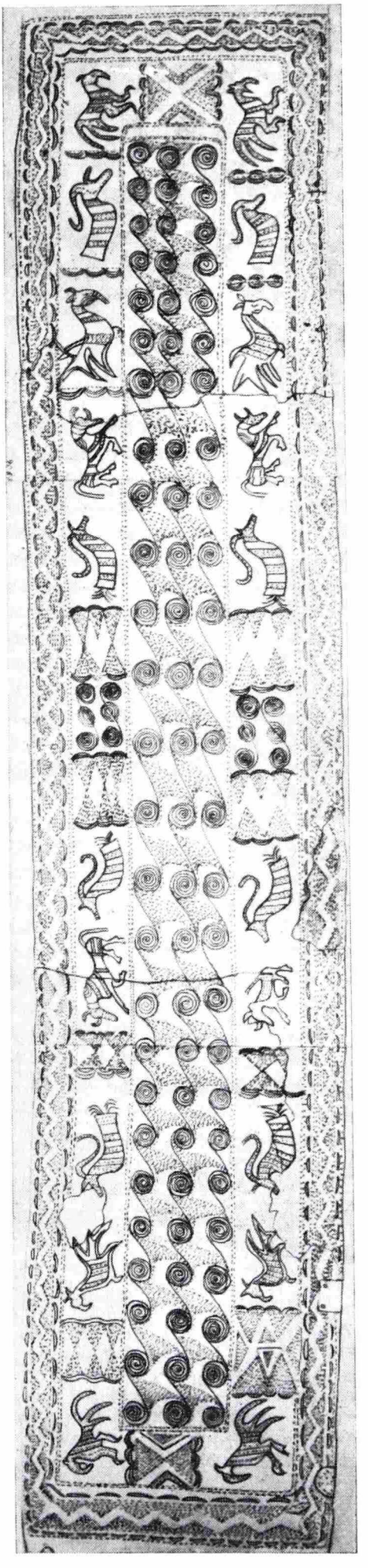


Рис. 1. Пояс из Азербайджана (Эрмитаж)

---

[3] Н. Е. Урушадзе. Бронзовый пояс из Самтавро, «Сабчота хеловнеба», 12, 1969 (на груз. яз.).

[4] Б. А. Рыбаков. Религия и миропонимание первых земледельцев юго-западной Европы (IV—III тысячелетия до н. э.), VII междунар. конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966, стр. 107—112; его же. Космогония и мифология земледельцев энеолита, СА, 1965, 1, 2 стр. 29, 30; А. К. Амброз. О символике крестьянской вышивки архаического типа. СА, 1966, 3, стр. 22.

Рис. 2. Красноглиняный сосуд из Шахтахты (II тысячелетие до н. э.)

бронзовом поясе графически воспроизводит знак, символизирующий воду [5], хотя и хранит мотив «шествующих» горных козлов. Что же касается фигур «ладьи», помещенных у оснований треугольников — гор, то не лишено основания считать их водохранилищами, колодцами, высеченными в скалах (как в Алинджакалах), или же, следуя известным параллелям из жизни горных племен Закавказья и современного Иранского Азербайджана, они могут обозначать водопои искусственные или естественные, обкладываемые камнями или керамикой.

Древний мастер придал важное значение и другому орнаменту. С этой целью вся средняя часть пластины заполнена спиральной вязью в три ряда, между которыми помещены точечные сегменты, близкие к треугольным фигурам. Знак спирали, символ воды [6], с чередующимися фигурами ромбов и треугольников, встречается не только на азербайджанских поясах, но и в грузинских орнаментальных и сюжетных поясных композициях. Этот комплекс, схематически приближаясь к шахматному орнаменту, как правило, увязывается с известным значением «обрабатываемых земельных участков» [7]. Заполнение фигур и рядов в подобных сюжетах точками являлось одним из символов растительности [8].

С магическим значением основной идеи — обеспечением хозяйства необходимыми водными ресурсами, надо полагать, связано появление и другого орнамента, составленного в виде «полудуг» [9]. Орнамент этот функционирует как самостоятельно, так и в сочетании с другими элементами. Подобный орнамент появляется на уровне земледельческих культур с примитивным искусственным орошением, оставаясь необходимым компонентом во всех последующих декоративных композициях, характерных не только для азербайджанских поясов. В дальнейших декоративных решениях он продолжает выступать в прямом значении воды, как это показано на фрагментах рисунка сасанидского блюда и грузинской фреске храма Светис-Цховели в Мцхета (рис. 3, *7*, *8*).

Итак, в орнаментальной композиции пояса выявлены следующие символы воды: «зигзаг», «спираль», «полудуги» и «ладья». Эти четыре специ-

---

[5] И. И. Мещанинов. Орнамент сузских чаш первого стиля. ИГАИМК, 5, Л., 1927; его же. Змея и собака на вещевых памятниках Кавказа. ЗКВ, 1, стр. 241—256; П. Уварова. МАК, VIII, стр. 336.

[6] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 36, 37.

[7] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 22.

[8] Это было прослежено автором в процессе художественно-семантического анализа Самтаврских поясов из погребений № 281, 211 и изложено в ряде статей, опубликованных в журнале «Сабчота хеловнеба» за 1968—1970 гг., а также в статье Н. Е. Урушадзе. Опыт семантического анализа бронзового пояса из Мцхета-Самтавро. СЭ, 1971, 6.

[9] Термин принадлежат В. М. Массону. В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964.

фических знака, объединенных общей идеей сюжета, вводят нас в круг основных забот земледельца и помогают найти ключ к оригинальным и характерным фигурным изображениям, воссоздающим на первый взгляд какие-то фантастические образы. По четырем углам поясного поля одинаково повторено изображение существа, имеющего петушиный хвост, грифонообразную голову и когтистые ноги. Далее, если смотреть слева направо, мы видим с одинаковой последовательностью как в верхнем, так и в нижнем ряду изображение пар грифонообразного существа и ритона, быка и ритона, ритона и быка, направленных в противоположную сторону, а затем одного грифонообразного существа и отдельно ритона.

Если образ быка в основном повторяет аналогичные изображения на поясах Ходжалы, а также Самтавро и Ахталы, то три остальные фигуры представляют собой нечто определенно новое. На поясах из раскопок Белька, описанных Р. Вирховым [10], которые до сих пор считаются типичными для декора азербайджанских бронзовых поясов, встречаются изображения, полностью согласующиеся с традиционным древневосточным образом грифона. В нашем же случае указанием на элементы этого образа служат как будто только головы с характерными ушами и носом. Между тем древний мастер явно преднамеренно передал с достаточной точностью и тщательностью характерный общий облик, в одном случае петушиный, в другом орлиный, подчеркнув в последнем мощный взмах крыла. В данном случае можно считать, что мы имеем дело с грифонообразными модификациями, но в их, так сказать, первоначальном виде, когда перед нами выступает реальный прообраз, сам по себе чем-то значительный для древнего мастера и его среды, но в то же время наделенный какими-то особыми атрибутами. Подобный прием совмещения по принципу агглютинации различных животных признаков в едином образе принято объяснять приданием дополнительных свойств основному образу [11]. Это явление характерно для большей части азербайджанских, самтаврских, армянских и других поясных композиций.

Археологически и этнографически Азербайджан и прилегающие к нему районы Закавказья и современного Иранского Азербайджана доносят до нас много интересных сведений о представлениях и ритуальных действиях, связанных с петухом — птицей, наделенной многими народами рядом сверхъестественных свойств. Петух почти неизменно фигурировал в земледельческих культах и был связан с астральными представлениями [12]. Изображением петуха часто украшается керамика как в Азербайджане, так и в соседней с ним Кахетии. Известно оно на других бронзовых поясах Азербайджана и на печати, найденной в Мингечаурском могильнике. Часто эта птица появляется в тематике Сасанидского искусства. Присутствие изображения петуха на рассматриваемом поясе будет тем более понятно, если мы вспомним, что вообще происхождение этой птицы неразрывно связано с Мидией [13], играющей, как известно, важную роль в генезисе и формировании азербайджанского народа [14]. Кстати сказать, уже само это обстоятельство помогает нам в определении племенной принадлежности создателя рассматриваемого нами пояса.

Но прежде, чем продолжать разговор на эту тему, нужно затронуть еще одну, пожалуй самую главную особенность рассматриваемого пояса. Как уже указывалось, на поясе в разных сочетаниях и самостоятельно

---

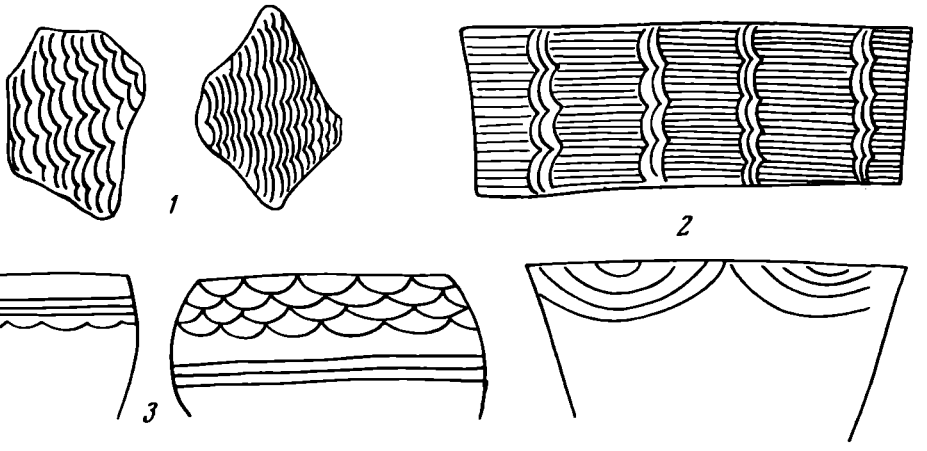
[10] R. Wirchow. Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, Kaukasus. Berlin, 1883.

[11] М. И. Артамонов. Происхождение скифского искусства. СА, 1968, 4, стр. 35—36.

[12] В. В. Бардавелидзе. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, стр. 218.

[13] И. Лурье, К. Ляпунова, И. Матье, И. Пиотровский, Н. Флитнер. Очерки по истории техники Древнего Востока, М., 1940, стр. 43.

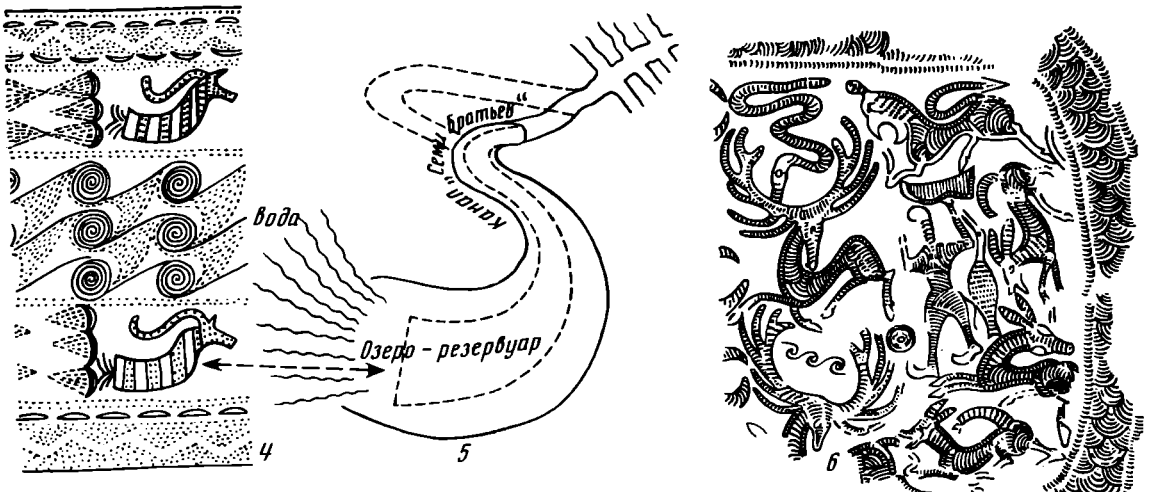
[14] И. А. Дьяконов. История Мидии. М.— Л., 1969, стр. 124.



1

2

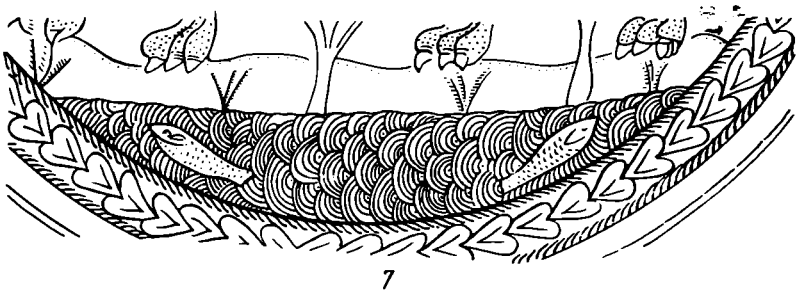
3



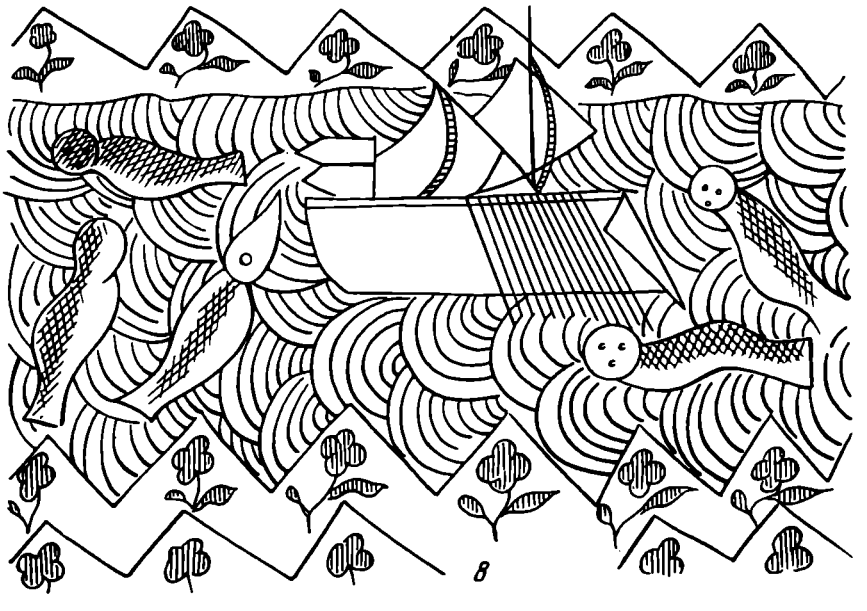
4

5

6



7



8

Рис. 3. Орнамент «полудуг», появление которого совпадает с древнейшей искусственной ирригацией.

1 — Джейтунская культура (неолит); *2* — Средняя Азия (Дашлыджи, IV тысячелетие до н. э.); *3* — Приурмийский р-н (III тысячелетие до н. э.); *4* — орнаментальные ряды «полудуг» на исследуемом поясе, расположенные рядом с изображением ритона; *5* — их реальное осмысление, предполагаемое на основе древнеармянской ирригационной системы, воспроизведенной автором по описанию Н. Я. Марра и Я. И. Смирнова; *6* — орнамент «полудуг», явление, характерное для азербайджанских поясов; *7* — Сасанидское блюдо; *8* — графическое воспроизведение фрески храма Светис-Цховели (Грузия): орнамент рядов «полудуг» в поздних декоративных решениях, выступающий как прямое значение воды

изображается ритон. Это пока единственное, известное нам его изображение. Ритоны, как известно, были широко распространены в прошлом, особенно у народов, занимающихся скотоводством с большим или меньшим преобладанием земледелия. С рогом вообще, а с ритоном в частности издревле связана символика изобилия даров природы (греческий «рог изобилия»). Есть основание предполагать, что в данном контексте это понятие имеет более конкретный и, возможно, именно свой первоначальный смысл: изобилия сохраняемой и используемой в утилитарных целях влаги, воды. На это, в частности, указывает расположение ритона близко к схематическим изображениям водных артерий. Такое изображение было повторено, правда в иных олицетворениях, на поясе из погребений № 281 Мцхета-Самтавро [15].

Нетрудно предположить, что подобный изобразительный прием на исследуемом поясе мог возникнуть из потребности наиболее полно и убедительно передать основную идею, постоянную заботу ирригационного хозяйства — обеспечение водой. В осуществлении этого важного производственного процесса в воображении современников могли возникнуть различные и, на наш взгляд, фантастические представления, каким мог, в частности, явиться удивительный образ ритона, культ которого с древнейших времен окрашен ореолом почитания. Видимо, это и породило в представлении древних земледельцев идею образного сопоставления ритона с таким жизненно важным объектом, как водохранилище или головной канал в сложной системе искусственно орошаемого хозяйства. Такое реальное осмысливание образа ритона возникает также при сравнении с древней гидрографией Армении, где, если следовать описанию Н. Я. Марра, водоснабжение Араратской долины, обеспечивающее процветание городов, садов и пашен, осуществлялось рекой Азат, получающей воду и направляющей ее с помощью грандиозного сооружения — бассейна на Гехамских горах, так называемого Агмаганского озера и арыка Семи братьев (схематическое сравнение с рисунком ритона показано на рис. 3, *4*, *5*). С культом воды и именно с древней ирригационной системой Армении и Южной Грузии связаны и другие не менее удивительные образы: гигантские каменные рыбы — «вишапы» [16], каменные бабы, древний обычай изготовления и бросания куклы в воду в обряде «Лазароба» [17].

Нельзя не учитывать тот факт, что ритон показан в основном совместно с быком, а с культом быка на Кавказе связаны различные земледельческие представления. Например, в древнегрузинской изобразительной практике, прослеженной на поясах из Самтавро, быку приданы атрибуты сельскохозяйственного инструментария, передающие основные земледельческие циклы, в которых он выступал в образе быка-пахаря, быка-сеятеля и быка-собирателя урожая [18]. Предполагается, что и в данном случае об-

[15] Н. Е. Урушадзе. Опыт семантического анализа..., К подобным изображениям относятся ассиро-вавилонские, урартские и греко-ионийские сюжеты; бараноптицу Артамонов видит в навершиях скифских жезлов.

[16] Н. Я. Марр, Я. И. Смирнов. Вишапы. Тр. ГАИМК, 1, Л., 1931; Л. М. Меликсет-Беков. Вишапы и вишапоиды в Грузии. Тбилиси, 1947.

[17] Г. Гегешидзе. Древняя ирригация Грузии. Тбилиси, 1967, стр. 28.

[18] Н. Урушадзе. Значение и место бронзового пояса из Самтавро как памятника древнедекоративного искусства Грузии. СА, 1970, 1.

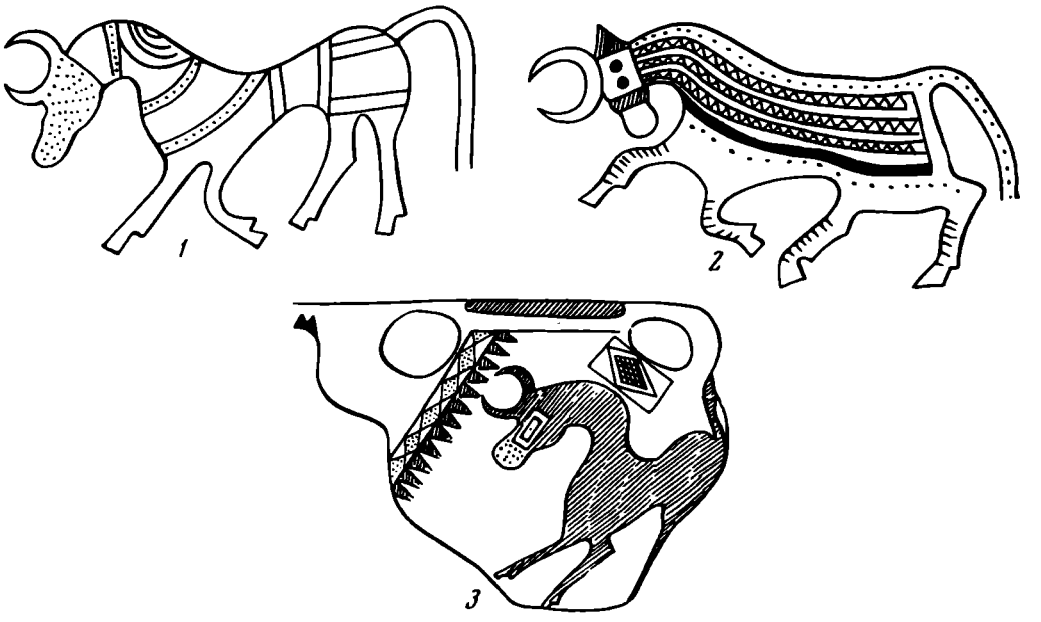


Рис. 4. Изображения быков:

1 — на азербайджанском поясе (Эрмитаж); *2* — на поясе из Ходжала; *3* — на мидийской вазе

раз быка связан с теми же основными земледельческими представлениями. Однако на этот раз наше внимание привлекает его странный декор, мало согласующийся с обычными орнаментальными решениями, а скорее напоминающий схематические начертания условных обозначений.

Художник не пытается придать разновидность и растительному орнаменту, как это делали самтаврские и другие азербайджанские мастера, а воспроизводит его только точками, что еще больше усиливает впечатление схематизма условного декора. Подобное восприятие может оказаться верным, если увязать его опять-таки с условиями искусственно орошаемого хозяйства, попытаться усмотреть в этих начертаниях схематическую передачу оросительных каналов. В несколько иных олицетворениях, характерных для ряда азербайджанских поясов из раскопок Белька, аналогичное решение несут декоративные элементы большинства образов, которые сочетают в своем орнаменте точки-семена, растения и ряды «полудуг».

«Орошение» на исследуемом поясе образно воссоздает последовательность земледельческого процесса, вплоть до вызревания и получения «обильного урожая»: по мере приближения к плечам и к шее животного «каналы», а затем голова быка заполняется точками, условно обозначая посевы, всходы, зерно, урожай. Подобная декоративная символика — украшать голову быка растительными элементами, листьями, ветками, колосьями — надолго сохранилась как в храмово-культовой архитектуре, так и в этнографических пережитках, связанных с обрядами дней «первого плуга», «сева и выгона скота», «сбора урожая» и т. д. То же можно сказать и о древней изобразительной символике мастеров бронзовых композиций, где с образом быка связаны главнейшие процессы земледельческих циклов. Иллюстрацией этому являются пояс из Ходжалы и другие азербайджанские пояса [19], а также изображение быка на известной Мидийской вазе, где улавливается не только стилистическая близость, но и тот же внутренний смысл (рис. 4)

Переходя к следующим компонентам поясной композиции, нельзя не обратить внимания на частое появление образа орла, опять-таки сов-

[19] Дж. Халилов. Бронзовые пояса, обнаруженные в Азербайджане, табл. VI, V.

местно с ритоном. Известно, что орел был наиболее почитаемой птицей как в соседнем Урарту, так и во всей Передней Азии. Приведенный выше (рис. 2) красноглиняный расписной сосуд из Шахтахты (II тысячелетие до н.э.) воспроизводит шествие горных козлов между треугольниками — горами, вершины которых увенчивались головами орлов. Естественно, что выгон скота и переход его на горные пастбища были связаны с различного рода опасностями: нападением хищников, обвалами, как это показывает сам сюжет шахтахтинского сосуда. Поэтому логичнее всего предположить, что в образном сочетании орла-горы воспроизводилось горное божество — оберег (подобно касситской богине Шималии). С умножением поголовья скота интересы скотоводства заставляют видеть в образе орла божество-покровителя, не только отвращающего враждебные силы, но и обеспечивающего скот водопоем и кормами. Видимо, это и заставило в композиции бронзового пояса увязать это горное божество с ритоном — символом воды, орошения, аналогично тому как это было сделано ранее с изображениями быка и ритона, обеспечивающих получение урожая. Отсюда понятно, что образ ритона сосредоточил в себе производственные процессы, связанные со сложной системой горного водоснабжения, а также с предгорной и равнинной ирригацией в смешанном хозяйстве. Здесь мы встречаемся со своеобразным проявлением обожествления процессов труда, его инструментария и сооружений, которое раскрылось рядом зооморфных и фантастических образов, что прослежено на примере грузинских поясов из Самтавро [20].

Возвращаясь к композиции исследуемого пояса, нельзя не заметить разницу в передаваемом сюжете правой и левой стороны. Спиральные отрезки делят композицию на две самостоятельные части. Полагают, что спиральные отрезки — условное обозначение определенного периода времени [21]. В средней части этих отрезков помещены рисунки сомкнувшихся «полудуг» — знака воды, искусственно отделенной от своего русла. По раскрываемому сюжету можно предположить земледелие с сильно развитым скотоводством, связанное с ведением яйлажного хозяйства, что естественно определяло два календарных периода: перегона скота на летние пастбища в горы и возвращения их на равнину или предгорье. Думается, поэтому художник и делит композицию спиральными отрезками, символизирующими эти два периода. В противном случае трудно объяснить такое кажущееся несоответствие знаков левой и правой стороны композиции. В первом случае характерны ромбические и треугольные фигуры, обозначающие участки обрабатываемой земли, питаемые ирригацией (в обозначении «полудуг»). Правая сторона как бы постепенно затопляется водой, в конце показана ненадобность искусственного орошения: головной канал-ритон бездействует; видимо, это время паводка, обилия влаги, а возможно, и зимний период.

Поэтому можно предположить, что этот пояс, как и все закавказские пояса, был предметом культового облачения жреца, который надевал его во время торжественного служения: в дни «первого плуга», выгона и пригона скота, вызывания дождя или его прекращения и др.

Следует остановиться на одной особенности изображений на поясе, заметно выделяющейся среди многих других поясных рисунков Закавказья своей композицией. На поясах из Самтавро, например, изображения строятся в один или два ряда, подобно фризу. Внутри них разворачивается определенный, различной сложности сюжет, причем изображаемое действие имеет свое развитие, выявляя в конечном счете общий образ всей композиции в целом. Пояса из Азербайджана подобно найденным Бельком и Ивановским, большей частью сплошь заполнены различными фигурами и кажутся своеобразным декоративным панно.

[20] Подробно в опубликованных нами статьях в журналах «Сабчота хеловнеба», 3, 8, 1967; 8, 12, 1968; 12, 1970 (на груз. яз.); СА, 1970, 1; СЭ, 1971, 6.

[21] Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология, стр. 38.

В рассматриваемом нами поясе представлены как бы вполне самостоятельные группы, напоминающие скорее не сюжетно-декоративные композиции, а изображения, близкие к иероглифическим формообразованиям. Это накладывает свой отпечаток на характер исполнения в целом, лишая их той художественной образности, которая свойственна названным выше другим закавказским поясам. Уникальность этого пояса весьма затрудняет его полную расшифровку. Видимо, одного собственно азербайджанского материала для этого недостаточно. Как уже указывалось выше, некоторые изобразительные компоненты пояса допускают возможность проведения прямых параллелей с синхронным Мидийским археологическим материалом.

Орнамент на керамических и бронзовых изделиях. Большинство изделий из керамики, кости и металла, относящиеся к предметам быта, труда, вооружения, а также одежда и украшения древних, покрывались линейно-геометрическими и сюжетными рисунками, связанными с зооморфной и антропоморфной тематикой [22].

Анализ декоративных мотивов, проведенный в художественно-семантическом плане, с учетом данных археологии, истории, этнографии, позволил восполнить в той или иной степени пробел в области дешифровки этих изображений [23]. Для данного исследования наибольший интерес представляют дошедшие до нас бронзовые изделия периода поздней бронзы и раннего железа (XI—VII вв. до н. э.) — времени развития различных видов ремесел и расцвета декоративно-прикладного искусства.

Прежде всего следует обратить внимание на особый характер декоративных мотивов, в которых замечается вполне закономерный порядок обращения древних художников к определенным видам животных и птиц и к столь же определенному кругу знаков и орнаментов. В этом усматривается вполне сформировавшаяся художественная традиция условно-символической системы, отражающая средствами искусства представления и взгляды своих современников. В процессе изучения древних знаков и орнаментов в связи с историей письменности, религии и искусства содержание некоторых из них получило свое научное обоснование [24]. Наиболее ярко это проявилось в различного рода орнаментальных композициях, благодаря чему некоторые декоративные мотивы получили вполне определенный смысл.

Нетрудно заметить, что орнаментальные композиции, как правило, строятся по принципу выделения определенных знаков, из которых основными следует считать: солярные, зигзаги и волнистые линии, а также спиральные соединения по принципу «бегущей волны» (рис. 5, *1, 5*, рис. 6, *4, 5, 6, 8, 11*).

Три последних декоративных мотива, как и другие, о которых уже говорилось раньше, принято считать символами воды [25]. Для древних земледельцев, понимавших животворное значение воды, без которой немыслимо было их существование, вода составляла постоянный источник забот и волнений. Отсюда понятен «драматизм» сюжетов, целиком завися-

---

[22] Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. ВГМГ, XIII Б, Тбилиси, 1943, стр. 24 сл.; Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту. Л., 1962; Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства. Тбилиси, 1957; Г. С. Читая. Мотив древа жизни в лазском орнаменте. ИИЯИМК, X, 1947.

[23] Н. Е. Урушадзе. Бронзовые пояса из Самтаврского некрополя как памятники....

[24] A. Hein. Kreuze, Hakenkreuze und andere urmotivische virbeornament. «Amerika», Vein, 1891.

[25] Н. Я. Марр. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории. Л., 1926; его же. Язык и письмо. Л., 1937; И. И. Мещанинов. Змея и собака на вещевых памятниках Кавказа, стр. 241—256; Б. Б. Пиотровский. Археология Кавказа. Л., 1949, стр. 90; Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита, стр. 36; Н. Я. Марр. Термин «скиф». ЯС, I, Пг., 1921, стр. 12; его же. Сб. «Вепхистскаосани и Висрамани». Тбилиси, 1966, стр. 351.

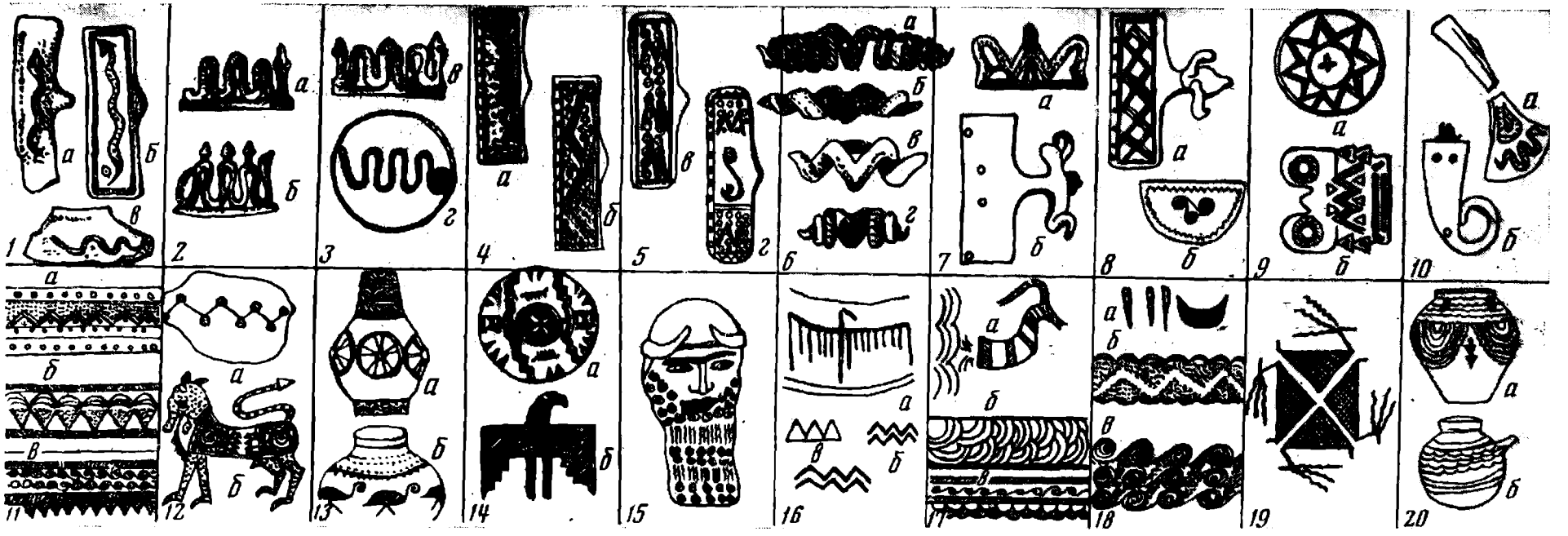


Рис. 5

1 а — рисунок змеи на кобанской пряжке (по П. Уваровой, МАК, VIII, табл. CXXII), 5); *б* — змея с атрибутом треугольника на месте головы (по П. Уваровой, МАК, VIII, табл. XIV, *6*); *в* — изображение змеи на энеолитической керамике (Госмузей Грузии). *2, 3 а, б, в* — фигурные пряжки в виде змей с атрибутами треугольников (по П. Уваровой, МАК, VIII, табл. XXXVIII; *1*, CIV, *15*; CIV, *14*); *г* — по А. А. Ивановскому, По Закавказью. М., 1911, табл. VII, *10*; *4, 5 а, б, в, г* — змея и зигзаги на спиральном фоне кобанских пряжек (по П. Уваровой, МАК, VIII, табл. XIV, *4*; XV, *1*; XVII, *3*; XVII, 1). *6 а, б, в, г* — привески в виде бараньей головы к композиции из двух змей; *а, г* — из Госмузея Грузии; *б, в* — по П. Уваровой, МАК, VII, табл. XCIII, *4*; XCIII, *3, 7 а* — фигурная пряжка (по П. Уваровой, МАК, VIII, табл. LVI, *3*); *б* — кобанская пряжка с головой барана, фон «чистое поле» (по П. Уваровой, МАК, VIII, табл. XXVI, *1*). *8 а* — кобанская пряжка с головой барана; *б* — полукружная пряжка со спиралью из зигзагов (по П. Уваровой, МАК, VIII, табл. XXXVII, *3*; XL, *12*). *9 а, б* — пряжки с орнаментами зигзага и солярными знаками (по П. Уваровой, МАК, VIII, табл. XLVI, *4*; XXIII, *3*). *10 а* — бронзовый топорик с изображением змеи (по Д. Коридзе К истории колхской культуры, табл. XLIV, *8*); *б* — рог со спиральным концом (по П. Уваровой, МАК, VIII, табл. CXV, *4*). *11 а, в* — орнаменты на поясах из Армении (по А. Мартиросяну, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, стр. 137, рис. 57); *б* — орнамент на поясе из Самтавро (Госмузей Грузии, № 1254/6591). *12 а* — орнамент на керамике из Вани (Грузия, по Б. Куфтину, Материалы к археологии Колхиды, II, табл. *46*); *б* — треугольные и солярные знаки на зооморфном изображении. Рисунок из сюжета на бронзовом поясе из Тли (по Б. Техову, Бронзовые пояса Центрального Кавказа). *13 а* — керамический сосуд из Уде (Грузия, по А. Джавахишвили, Т. Чубинишвили, Клад из Уде, «Сабчота хеловнеба», 1959, 4, стр. 60); *б* — рисунок из элементов треугольника и спирали на керамическом сосуде Армении (Б. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, рис. 2). *14 а* — расписной сосуд из Суз (Иран, Древний Восток. Атлас сост. И. Снегиревым, табл. *209*, 1); *б* — стилизованное изображение орла на энеолитической керамике Ср. Азии. Эрмитаж (Раскопки В. Массона). *15* — изображение головы Саргона II (Древний Восток, Атлас сост. И. Снегиревым, табл. *145*, *2*). *16* — стилизованное изображение птицы на энеолитической керамике Ср. Азии, Кара-Депе (раскопки В. Массона, Эрмитаж). *17 а, б* — ряды параллельных «полудуг», поздняя бронза (изображение и орнамент на Азербайджанском поясе № 3987—193а. Эрмитаж); *в* — рисунок «полуовалов» на орнаменте пояса из Бешташени (Госмузей Грузии 4264/117, раскопки Б. Куфтина), поздняя бронза. *18 а* — рельефный рисунок вертикальных отрезков пиалообразного знака на энеолитической керамике из Имирис-Гора (Грузия, раскопки А. Джавахишвили и О. Лордкипанидзе); *б, в* — орнаменты из знаков: треугольника, зигзага, пиалообразного и спирали на Азербайджанском поясе (Эрмитаж № 3987—193а), поздняя бронза. *19* — древний декоративный мотив «козла вокруг источника» (энеолитическая керамика Ср. Азии, Геоксюр, Эрмитаж, раскопки В. Массона). *20 а* — рисунок параллельных «полудуг» на архаическом сосуде Египта; *б* — орнамент в виде параллельных «полудуг» на энеолитической керамике Ирана (Древний Восток, Атлас сост. И. Снегиревым, табл. *209*).

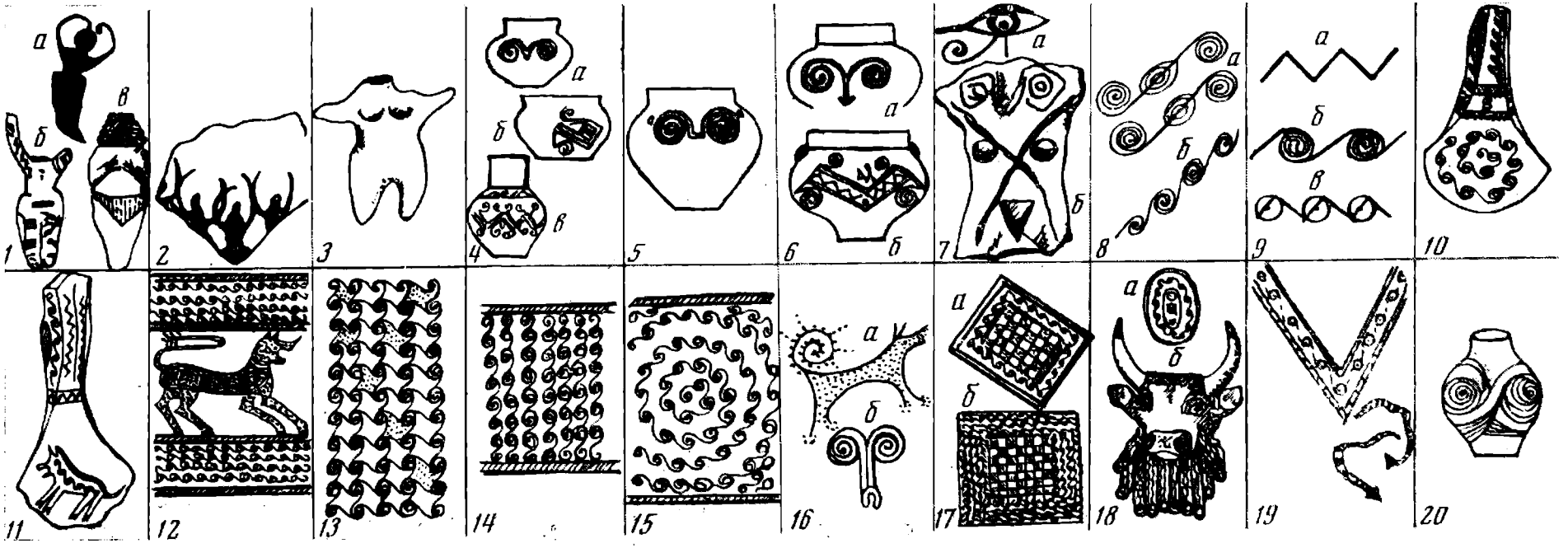


Рис. 6.

1 а — архаический рисунок на керамике из Египта; *б* — архаическая женская статуэтка из Египта; *в* — архаическая женская фигурка из Месопотамии (Древний Восток, сост. И. Снегиревым, табл. *108, 3; 108, 4; 171, 1*). *2* — рисунок на керамике из Элама (Древний Восток, Атлас сост. И. Снегиревым, табл. *212, 4*). *3* — женская фигурка (по К. Кушнаревой и Т. Чубинишвили, Древние культуры Южного Кавказа V—III тысячелетий до н. э., стр. 162, рис. *54, 13*). *4, 5, 6* — знаки спирали и зигзага на керамических сосудах (по К. Кушнаревой и Т. Чубинишвили, Древние культуры Южного Кавказа V—III тысячелетия до н. э., рис. *44, 3, 32, 118, 62, 121*). *7 а* — изображение глаза со спиралью из Египта (по М. Матье, Искусство древнего Египта, рис. *196*); *б* — архаическое изображение богини из Ирана (Древний Восток, Атлас сост. И. Снегиревым, табл. *212, 3*). *8 а* — парная (замкнутая) фигура спирали; *б* — спиральный орнамент по принципу «бегущей волны» из Азербайджана (Эрмитаж № 3987—193а). *9 а* — линия зигзага; *б* — замена одной линии зигзага спиралью; *в* — замена одной из сторон линии зигзага солярным знаком, кружком с точкой. *10* — бронзовый топорик со спиральным орнаментом (по Д. Коридзе, История колхской культуры, табл. XI, *11*). *11* — бронзовый топорик с изображением собаки со спиральным орнаментом (по П. Уваровой, МАК, VIII, табл. VIII, *1*). *12* — изображение собаки с атрибутами в виде знаков воды на месте хвоста и лап (рисунок из сюжета на бронзовом поясе из Самтавро, поздняя бронза, Госмузей Грузии, № 1254/7464). *13* — переплетение по вертикали и горизонтали спирального орнамента на поясе из Самтавро. Поздняя бронза (Госмузей Грузии, № 1254/6134). *14* — вертикальные цепочки спирального орнамента на поясе из Самтавро. Поздняя бронза (Госмузей Грузии № 1254/4646). *15* — концентрические круги спирального орнамента на поясе из Самтавро. Поздняя бронза (Госмузей Грузии № 1254/7551). *16 а* — изображение собаки со спирально закрученным хвостом на бронзовом поясе из Самтавро. Поздняя бронза (Госмузей Грузии № 1254/1643); *б* — бронзовая спиральная пряжка (по Б. Куфтину, Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию, табл. XVI). *17 а* — шахматно заштрихованный ромб; *б* — квадрат (рисунок на бронзовом поясе из Самтавро. Поздняя бронза. Госмузей Грузии № 1254/7464). *18 а* — спиральный орнамент на скарабее из Египта (по М. Матье, Искусство древнего Египта, стр. 126 б); *б* — золотая голова быка из Ура (Древний Восток, Атлас сост. И. Снегиревым, табл. III). *19* — изображение змей под треугольником с солярным орнаментом (рисунок из сюжета на бронзовом поясе из Самтавро. Поздняя бронза. Госмузей Грузии № 1254/1643). *20* — рисунок спирали на Трипольском сосуде (Эрмитаж)

щих от явлений природы, сцен молений (со сложенными в мольбе или воздетыми к небесам руками), красочно изображенных на ранней керамике Египта, Ирана, Кавказа, Триполья и др. (рис. 6, *1*, *2*, *3*). Поэтому круг изобразительной магии насыщен орнаментами из знаков воды, среди которых на Кавказе наибольшее значение получили зигзаг и спираль.

Мотив спирали появился задолго до бронзового века. На основании ряда исследований установлено, что спираль является одной из производных от знака солнца, огня, с унаследованным принципом движения [26]. Повсеместное значение этого солярного знака стало характерным явлением для Кавказа. На территории Грузии, начиная со II тысячелетия до н. э., этот знак на керамике интересно трансформируется, варьируя в парных решениях (см. рис. 6, *4*, *5*, *6*), среди которых наиболее устойчивую форму приобретает спиральный знак со связывающей «скамеечкой» [27].

Эта схема передает изображение глаз, в связи с чем интересно вспомнить известное изображение древнеиранского божества (рис. 6, *7б*), египетский рисунок, передающий прямую тождественность с солнцем (рис. 6, *7а*), имя хеттского солнечного божества Телепина («далеко светящий», глаз) [28], абхазское название солнца — а-мра или то же микрокосмическое солнце — глаз-свет, зрение [29] и, наконец, грузинское слово «мзе» (солнце), «мзера» (смотреть). Такое приобщение к космогоническому мировоззрению заставляет видеть в этой спиральной паре весьма важный смысл образного воспроизведения определенного понятия.

В связи с этим можно двойной солярный знак понимать как условную передачу солнечного пути, начатого от его зенита — центра, в направлении разворачивающейся спирали, откуда солнце, отправляясь к закату, исчезает за горизонт — в виде «скамеечки»; вновь поднимается с ее противоположного конца, следуя направлению заворачивающейся спирали снова к зениту. Подобное поведение солнечного светила расценивается как обычный суточный круговорот. Очевидно, такие же наблюдения и выводы еще до древних земледельцев были и у их предшественников; получили же они подобное графическое воспроизведение как возникшая потребность в исчислении не только суточного, но также месячного и годичного циклов. Свидетельство этому не только древний изобразительный материал [30], но и древнейшие религиозные верования, сохранившиеся в мифологии и фольклоре, связанные с идеей солнечного умирающего и воскресающего божества. На Кавказе только во II тысячелетии спиральная фигура модернизируется, иначе говоря, выступает на бронзе в том виде, в каком она была принята у египтян, хеттов и др. Видоизменяясь, фигура принимает и новое смысловое значение (см. рис. 6, *8а*,*б*). Совершенно очевидно, что этому предшествовал, как указывалось выше, период вариаций солярных орнаментальных решений на керамике (см. рис. 6, *4а*, *б*, *в*; *6а*, *б*). Теперь новое графическое воспроизведение упростило процесс «разворачивающейся» и «заворачивающейся» спирали, в парной фигуре со связывающей «скамеечкой» (рис. 6,*5*), тем более что в «бегущей» спиральной вязи (см. рис. 6, *8б*) можно выделить и парное соединение (рис. 6, *8а*). Известно, что повторение усиливает магическое действие (подобно композициям словесных трудовых пе-

---

[26] В. Р. Кабо. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969, стр. 300; А. Амброз. Раннеземледельческий культовой символ. СА, 1965, 3, стр. 14.

[27] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 110.

[28] И. А. Джавахишвили. История грузинского народа. Тбилиси, 1928 (на груз. яз.). стр. 159.

[29] Б. А. Куфтин. Материалы археологии Колхиды. 1, Тбилиси, 1949, стр. 83.

[30] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 110; М. И. Шахнович. Первобытная мифология и философия. Л., 1971, стр. 79.

сен) [31]. Орнамент также построен по принципу ритмичного повторения определенного комплекса знаков, ярким примером чему служит «бегущий» спиральный орнамент — общепринятый символ воды.

Удивительное явление! Казалось бы, со временем орнамент отошел от первоначального смысла и изменил свое значение. Но не так просто в это поверить. Уже только потому, что за знаком спирали неизменно сохраняется его солярная символика, следует предположить, что в изменении смысла участвует другой элемент орнамента, а именно косая линия, соединяющая спирали. Попробуем доказать это. Представим, что «косая» является фрагментом какого-то «бегущего» орнамента. Рассмотрим ее как часть от целого: «косая» линия может быть воспринята как элемент зигзагообразного орнамента, символа воды. Тогда попытаемся одну из сторон ломаных линий зигзага заменить спиралью... и перед нами образуется вязь спирального орнамента (см. рис. 6, *9б*). Для того чтобы убедиться в правильности нашего построения, возьмем другой орнамент (рис. 6, *9в*), имеющий то же значение, построенный по тому же принципу с той лишь разницей, что спираль-солнце заменяет один из его синонимов — кружок с точкой [32].

Отсюда возникает предположение, что знаки, составляющие спиральный орнамент, наделяют его способностью действовать в двух направлениях: выступать и солнечным и водным символами. По-видимому, во II тысячелетии на всем Кавказе прочно утвердился магический знак в виде «бегущего» спирального орнамента, содержащий «животворящее» тепло и влагу. Кроме того, утверждение этой фигуры, независимо от того, будет ли она «замкнутой» или «бегущей», напоминает о постоянном страхе перед угрозой нарушения этого «единства». Орнамент становится как бы единым символом, магическим требованием «равновесия» жизненных сил в природе, следы нарушения которого следует видеть в многочисленных мифах народов, отразившихся в сюжете о потопе, пленении солнца (замтении), рождении луны и др. Отсюда «равновесие» надо понимать как в широком смысле, в связи с возможностью разного рода катастроф, так и в узкоутилитарном, отвечающем интересам земледельца [33].

Труд земледельца ставит под угрозу и чрезмерная жара, и излишняя влага. Возникает необходимость магического воздействия в нужном для земледельца направлении. В этом отношении спиральный орнамент подобен песне, когда ее поют в ожидании дождя: «Не хочу больше сухих комьев земли, а хочу грязи», а в ожидании солнца: «Не хочу больше грязи, а хочу сухих комьев земли» [34].

Для большинства районов Кавказа и Закавказья характерно жаркое, порой засушливое лето. Множество сохранившихся в народе древних сказаний, поверий и обрядов связывается вызыванием дождя [35]. Это не могло не отразиться и на изобразительной магии. Орнамент приобретает значение в зависимости от многократного повторения его с целью магического воздействия, связанного с увлажнением полей, вызыванием дождя и т. д. Б. Б. Пиотровский в свое время обратил на это внимание, указав, что спиральный орнамент показан большей частью совместно с изображением собаки [36] (рис. 6, *12*); последняя семантически определяется как существо, «выходящее» из мира воды [37].

---

[31] Н. Я. Марр. Сб. «Вопросы Вепхисткаосани и Висрамиани», стр. 26, 27.

[32] В. В. Бардавелидзе. Ук. соч., стр. 196; А. Амброз. Ук. соч., стр. 14.

[33] Нарты. М., 1957, стр. 21, 84, 101, 120, 191 сл.; М. Джанашвили. Грузинское предание об Амиране СМОМПК, XXXII, 1903.

[34] Дж. Рухадзе. Аграрные культы. Село Акура Тбилиси, 1964, 132.

[35] М. Джанашия. Поверья грузин Телавского уезда. СМОМПК, 17, Тифлис, 1893; его же. Сванские сказания. Там же, 32, Тифлис, 1903; Народные сказки, собранные в Кахетии и Пшави Т. Разикашвили, Тифлис, 1909 (на груз. яз.); М. Я. Чиковани. Народный грузинский эпос о прикованном Амиране. М., 1966.

[36] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 90.

[37] И. И. Мещанинов. Змея и собака..., стр. 249.

Все приведенные факты позволяют предположить, что спиральный орнамент в эпоху поздней бронзы уже не связан с солярной магией. Но это неверно. Спираль продолжает оставаться солнечным символом, выступая в прямом его значении, о чем свидетельствуют рисунки на различных предметах декоративно-прикладного искусства, вплоть до нашего времени (рис. 6, *16а, б*). Магическое значение спирального орнамента в земледельческой тематике огромно: действуя самостоятельно и вкупе с различными знаками и символами, он часто становится декором зооморфных (рис. 6, *11*) и антропоморфных фигур; является одним из главных компонентов сюжетных композиций и определяет функции различных изображений (рис. 6, *10*). Показательны в этом отношении гравированные рисунки пластин бронзовых поясов из Мцхета-Самтавро [38].

Древние мастера сочетали смысловое значение спирали с ее декоративными свойствами. Подчеркивая ее динамичность, они создавали всевозможные вариации. Особый интерес в связи с этим приобретает гравированный рисунок на бронзовом поясе из Самтавро (рис. 6, *13*). Здесь спиральная вязь переплетается как по горизонтали, так и по вертикали, образуя сплошную ромбовую клетку. Заштрихованные пунктиром клетки намечают в свою очередь контур больших ромбов, разместившихся по всему поясному полю. Пунктирные ромбовые клетки ассоциируются с «шахматным» орнаментом — земледельческим символом со значением «обрабатываемых полей» [39] (рис. 6, *17 а, б*). На одном из поясов из Самтавро (рис. 6, *14*) ряды спиральных полосок расположены вертикально, как бы имитируя потоки дождя. Здесь помимо магического действия «бегущей» спиральной вязи, орнамент в целом выступает по принципу «подобное вызывает подобное».

Иная картина на другом бронзовом поясе из Самтавро (рис. 6, *15*). Здесь спиральный орнамент расположен концентрически по всему поясному полю. Если спиральный орнамент предыдущего пояса имитировал дождь, то композиция этого орнамента воссоздает солнце. Такая реставрация древнего солнечного символа в виде спирали встречается еще на одном сюжетном поясе из Самтавро. На нем изображена собака, хвост которой закручен в виде спирали, с отходящими солнечными лучами (рис. 6, *16а*).

«Прочитанные» сюжеты бронзовых поясов Грузии и Азербайджана отражают хозяйственную функцию воды — ее применение для естественного и искусственного орошения [40]. В связи с этим напомним смысловое содержание знаков квадрата, треугольника и «шахматного поля», являющихся производными от ромба, которые читаются как «земная твердь», «гора», последняя символизирует «обрабатываемые поля» [41] (рис. 6, *17*).

Композиции бронзовых поясов Самтавро показали, что расположение спирального орнамента, как правило, увязывается с ромбами, квадратами и «шахматными полями» (рис. 6, *17, 1, 2*), указывая на равнины, луга. В большинстве же случаев декоративные мотивы подчеркивают применение воды как в виде природных источников, так и отходящих от них сети, а иногда и целой системы оросительных каналов (рис. 5, *17а*; 6, *12*).

С фигурой треугольника, как указывалось раньше, связано понятие гор, горного хозяйства; к нему, как правило, примыкают зигзаг и волнистая линия — знаки древнего происхождения. Повсеместно они связывались с водой. У многих народов Кавказа и Закавказья [42] сохранилось мно-

---

[38] Н. Е. Урушадзе. Орнаментированные и гладкие пояса из Самтаврского некрополя, «Сабчота хеловнеба», 1970, 12 (на груз. яз.).

[39] Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита, стр. 12; В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 280.

[40] Н. Е. Урушадзе. Орнаментированные и гладкие пояса...

[41] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 14.

[42] И. И. Мещанинов. Змея и собака..., стр. 243.

жество поверий и преданий, приписывающих змее ряд сверхъестественных способностей: вызывание дождя, сохранение влаги, охранение содержимого в сосудах и др. (рис. 5, *1в*). Различные вариации древнейших знаков, производных от змеи, с присущим им универсализмом вошли в четкие художественно-декоративные традиции поздней бронзы и стали в дальнейшем изобразительным принципом кобанских пряжек, на которых, с нашей точки зрения, происходят удивительные змеиные трансформации. На кобанских пряжках наряду с реалистической змеей (рис. 5, *1а, в*) изображается извивающаяся, подобно горной реке, змея, у которой вместо головы треугольник, «читаемый» в значении горы (рис. 5, *3*). Подобную символику имеют и другие кобанские фигурные пряжки (рис. 5, *2, 3, 4*). Эти удивительно сходные изобразительные явления дают основание усмотреть в условном воспроизведении отражение вполне реальных понятий их создателей. «Прочесть» их помогает несколько иной изобразительный характер одной фигурной пряжки (рис. 5, *2*). Зрительно рисунок воспринимается двупланово: нижняя часть пряжки сохраняет очертания извилистой реки; верх решен иначе — три сгиба спины и голова змеи превратились в вершины, облекаемые треугольными шапками. Подключая к змее-воде атрибут в виде гор-треугольников, художник подчеркивал этим ее отношение к горному, скорее к высокогорному хозяйству. Сравним это изображение с изображением на пряжке плоскостного решения (рис. 5, *4а*), где плавно извивающаяся змея, с атрибутом треугольника вместо головы, помещена на спиральном поле, заставляя усматривать в скрещении этих символов выражение равнинного и предгорного хозяйства.

Приемы образной символики, используемые на предметах декоративно-прикладного искусства поздней бронзы, способствуют воссозданию «географии». Это свойство, как указывалось, проявилось особенно четко в сюжетах бронзовых поясов Кавказа и Закавказья, что помогло уловить локальный характер ландшафта в передаваемом хозяйстве. Именно с этой позиции следует подойти и к другой серии предметов в художественно-сематическом плане, на наш взгляд, тесно связанных с рассматриваемыми пряжками.

Речь идет о хорошо известных на Кавказе привесках, изображающих баранью голову со спирально расходящимися рогами (рис. 5, *6а*). По нашему мнению, между привесками и пряжками существует явная близость (рис. 5, *2а, б, 3а, 6а, б, в, г, 7а*) — скрещение символов воды и горы (змеи и треугольника) показывает горное, а иногда (рис. 5, *2б*) высокогорное хозяйство. Облик бараньей головы создается тем же способом, т. е. сочетанием двух змей-символов воды с нарочито подчеркнутой на них штриховкой, также знаком воды. Очевидно, что полученный таким способом реальный образ барана указывает на превалирующее значение овцеводства в данном высокогорном хозяйстве. Можно предположить, что в этом же плане следует рассматривать часто встречающиеся варианты подобных привесок, например (рис. 5, *6б в, г, 7а*), где соединение змей образует угол в виде бараньей головы. Так же воспринимается изображенная в виде зигзага привеска (рис. 5, *6 в*) и зигзаг на пряжках (рис. 5, *4б, 5а, б*). Сходные элементы встречаются и на другой категории пряжек (рис. 5, *5б, 7б, 8а, б*), среди которых следует отметить семантику «чистого поля» в сочетании с зигзагом и бараньей головой. В последнем случае представляется возможным трактовать овцеводческое хозяйство, предполагающее использование равнинных и высокогорных пастбищ.

Тот же мир символики представлен и за пределами Кавказа: в Египте (рис. 5, *11а, б, в, 12а, б, 13а, в, 14а*); в иных олицетворениях подобная символика, передающая образ «рогатого» (обожествленного) Саргона, существовала в Месопотамии (рис. 5, *15*); образ орла с крыльями-горами, с ниспадающими с них потоками воды известен в Передней и Средней Азии (рис. 5, *14б*). Специальные функции воды подчеркиваются и другими орнаментальными знаками. Из них следует напомнить о знаке «полудуг»,

часто встречающихся на керамике ранних земледельцев Средней Азии, Месопотамии, Египта (рис. 5, *17а, б*).

Содержание этого знака достаточно полно отражено в сюжете азербайджанского пояса эпохи поздней бронзы. В ходе художественно-семантического исследования выяснилось, что этот знак символизировал орошение, т. е. отражал функцию воды, искусственно отведенной от своего естественного русла (рис. 5, *17а*). На том же поясе был «прочтен» и другой знак воды, встречающийся преимущественно в орнаментальных мотивах, относящихся к горно-скотоводческому хозяйству. Речь идет о геометрических фигурах «ладьеобразного» типа (рис. 5, *18а, б*), чаще всего встречающегося в сочетании с зигзагом, углами, треугольниками. Напомним, что в разбираемом сюжете пояса вскрылась сущность этого знака, указывающего на водопои для скота. Такой же знак дан в рельефе на энеолитической керамике Имирис-Гора в Грузии [43], там он показан в сочетании с вертикальными полосками (рис. 5, *18а*). Частые вертикальные или наклонные отрезки ассоциируются с дождем. Многочисленные изображения их нередко служат атрибутами животного мира, указывающими на связь с водой, как это воспроизводилось на поясах Самтавро [44] (рис. 6, *12, 5, 16а, 18*).

Нельзя не указать на знаки «полуовалов», встречающиеся на керамике и бронзовых изделиях конца II и начала I тысячелетий до н. э. (рис. 5, *1, 7в*). Следуя выводу Б. А. Рыбакова [45], аналогичную образную символику имели древние трипольцы, воспроизводя в этих рисунках «груди и соски, источающие молоко — дождь» — благодатную влагу на поля земледельцев. На Бешташенских поясах (Грузия) эти «полуовалы» даны несколько иначе, показывая почти реально нависающие тучи и плывущие облака (рис. 5, *17в*).

Проведенным исследованием в свете художественно-семантического анализа удалось раскрыть основное содержание хозяйственной символики зигзага-воды и спирали-солнца, которые магически сочетают идею «равновесия» двух начал, определяющих ритм всего земледельческого цикла.

N. E. Ourouchadzé

A PROPOS DE LA SÉMANTIQUE DES ARTS DÉCORATIFS DE L'ANCIEN CAUCASE ET L'ANCIENNE TRANSCAUCASIE

Résumé

En se basant sur les recherches des ceintures en bronze protectrices de Samtavro, qui était effectuées par l'auteur, la tentative est faite d'étudier dans un groupe important de ces objets provenant de la Transcaucasie (notamment de l'Azerbaidjan). A titre de spécimen l'auteur prend une ceinture conservée dans la collection du Musée d'Etat de l'Ermitage sous le numéro 1836.

Aux ceintures de bronze, très communes en Transcaucasie au debut du Ier millénaire avant notre ère, on attribue une des valeurs principales permettant d'expliquer les particularités les plus importantes de la vie économique et spirituelle de l'époque en question.

Il ne faut pas démontrer une fois de plus car il va de soi que ces ceintures étaient chargées de la fonction concrète d'un sens magique car elles étaient étroitement liées aux croyances et aux actions rituelles des anciens agriculteurs. En plus, la composition des images figurants sur la ceinture reconstitue, sous forme des symboles particuliers, un paysage concret et représente ainsi une sorte de carte topographique d'une région

---

[43] Из раскопок экспедиции, руководимой А. И. Джавахишвили и О. Д. Джапаридзе, 1970.

[44] Н. Е. Урушадзе. Бронзовый пояс из Самтавро. «Сабчота хеловнеба», 3, 1969 (на груз. яз.).

[45] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 64.

agricole déterminée. Dans la composition ornementale de la ceinture étudiée on distingue quatre symboles différents de l'eau: «zygzag», «barque», «spiral», «demi-arcs» qui désignent non seulement des objets essentiels de preoccupations des laboureurs-éleveurs, liés à l'alimentation en eau et à l'obtention d'une récolte abondante mais leur caractère spécifique permet de trouver la clef à l'interprétation de ces figurations originales et caractéristiques. Certaines d'elles laissent percevoir les rapports à la Médie qui joua un rôle important dans la génèse et la formation du peuple azerbaïdjan.

L'étude des signes et des ornements sur la ceinture révélant des fonctions diverses de l'eau montrent que l'agriculture basée sur l'arrosage naturel par précipitations et sur l'irrigation est d'une origine très ancienne. L'analyse des motifs décoratifs permettent de ressortir les traits particuliers locaux propres à une économie concrète, en signalant parfois la prédominance de l'élevage sur l'agriculture. L'analyse artistique et sémantique permet de dégager une signification principale de la symbolique «économique» d'un zigzag (l'eau) et d'un spiral (le soleil) qui réunissent de façon magique l'idée de «l'équilibre» de ces deux phénomènes de la nature qui déterminent la marche de tout le cycle agricole.

En somme, l'analyse sémantique ci-mentionnée des décorations figurant sur des objets caucasiens de l'âge du bronze tardif montre un niveau de vie économique relativement élevé où les économies propres à des régions de plaines, piémonts, montagnes et hautes montagnes se combinaient d'une façon particulière.

Р. А. СИМОНОВ

ВИЗАНТИЙСКАЯ НУМЕРАЦИЯ В ЭПИГРАФИКЕ ПЕРВОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА И НАЧАЛО СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Цель настоящей статьи — изучение преемственных связей в употреблении цифровой символики в сохранившихся эпиграфических памятниках Первого Болгарского государства (царства), датируемых VIII — началом XI в., независимо от их языка и вида письма. Такое исследование имеет прямое отношение к проблеме происхождения славянской письменности.

Многие гипотезы о возникновении славянского письма не учитывают особенностей цифровых систем, употреблявшихся славянами[1]. Однако акад. Е. Ф. Карский свою концепцию об изобретении славянской азбуки связывал с теоретическим допущением, что первоначально в кириллице «все буквы обозначали числа, как это сохранилось в глаголице»[2]. Совершенствуясь далее после славянских первоучителей (Кирилла-Константина Философа и его брата Мефодия), кириллица, по мнению Е. Ф. Карского, «еще больше приблизилась к греческому уставу, заимствовав из него греческую систему чисел».

На вопрос об исторических изменениях в цифровой системе кириллицы ученые отвечают по-разному. Может быть, наиболее популярным является представление, что нумерация в кириллице, в основе своей,— византийская алфавитная, с добавлением в качестве отдельных цифровых знаков специфических славянских букв. Так, на месте греческих эписем (знаков 6, 90, 900) указываются: «зело» в качестве младшей эписемы, «червь» вместо средней, «юс малый» и «цы» — вместо старшей. Одни авторы прямо связывают акт замены греческих цифровых знаков славянскими буквами с творчеством создателей славянской письменности[3]. Другие ограничиваются простой констатацией фактов употребления славянских букв вместо греческих цифр, как правило, без разъяснений, каким образом и когда это произошло[4].

В научной литературе, кроме указанной, существуют две крайние альтернативные точки зрения по этому вопросу: 1) нумерация в кириллице первоначально представляла собой «точную копию византийской»[5]; 2) цифровая система в первоначальной кириллице была оригинальной, наподобие глаголической нумерации, как бы переписанной кириллическими

---

[1] В. А. Истрин. Возникновение и развитие письма. М., 1965, стр. 402—483.

[2] Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 363.

[3] Б. В. Гнеденко. Очерки по истории математики в России. М.— Л., 1946, стр. 17—18 и 228—229; О. Бородін. Історія разветку поняття про число і системи числення. Київ, 1963, стр. 29.

[4] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 138, переиздание: В. Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967; А. П. Юшкевич. История математики в России до 1917 года. М., 1968, стр. 9—10.

[5] А. И. Филиппов. О славянской нумерации. «Математическое образование», 2, 1913, стр. 49.

буквами (Е. Ф. Карский). Следует учитывать различия в понимании того, о какой кириллице идет речь у сторонника византийского облика «кириллической» нумерации А. И. Филиппова и приверженца строго алфавитного вида ее Е. Ф. Карского. Первый имел в виду кириллицу, как она представлена в сохранившихся древнейших источниках X—XI вв., второй — гипотетическую модель первоначальной кириллицы, предположительно созданной в IX в. Таким образом, оба взгляда могут взаимоисключать или дополнять друг друга в зависимости от того, как их оценивать во взаимодействии — одновременном или последовательном.

В работах болгарского ученого проф. Е. Георгиева как бы отражена ситуация охвата этих двух концепций единым ходом развития. Обратившись к цифровой системе кириллических источников, Е. Георгиев увидел в ней подтверждение взгляда об историческом развитии кириллицы из греческой азбуки. Он рассуждал так. Если нумерация в сохранившихся кириллических памятниках обладает чертами, свидетельствующими о ее развитии из византийской цифровой системы, то это могло произойти в связи с общим историческим процессом складывания кириллицы как вида славянского фонетического письма из практики употребления славянами для записи родной речи греческих букв[6]. В этой картине пока нет места фактам употребления «кириллических» цифр «по-глаголически» (В = 3 вместо 2, Г = 4 вместо 3, Д = 5 вместо 4 и т. д.), которые истолковывались Е. Ф. Карским как свидетельства возможного существования в гипотетической первоначальной кириллице оригинальной алфавитной нумерации. По мнению ряда ученых, это следы глаголического оригинала, с которого переписывался кириллический текст, причем отдельные цифры по недосмотру не были переведены с «языка» глаголической нумерации, а просто заменены соответствующими кириллическими буквами.

Е. Георгиев усомнился в последнем объяснении, будучи сторонником идеи об искусственном происхождении глаголицы и историческом кириллицы. Он полагает, что кирилло-мефодиевские ученики — глаголиты, после смерти Мефодия поселившиеся в Болгарии, столкнулись с употреблявшейся здесь кириллицей. Владея глаголической нумерацией, они и в кириллице стали употреблять буквы-цифры в глаголическом цифровом значении. Вместе с тем Е. Георгиев допускает, что в официальном кириллическом письме, принятом, по его мнению, в Болгарии в 893 г., для придания ему особого славянского вида, в отличие от греческого, цифры-буквы упорядочили в строго алфавитном порядке, т. е. «по-глаголически». Позднее византийское культурное влияние опять навязывало кириллице греческую нумерацию[7].

Итак, цифровые примеры, рассматриваемые Е. Ф. Карским в качестве следов первоначальной кириллической нумерации, могут быть, по мысли Е. Георгиева, отражением навыка кирилло-мефодиевских учеников в употреблении славянских графем не в греческом, а в славянском алфавитном порядке, переносимом ими в кириллицу из глаголицы. Эти же примеры могли служить следами цифровой системы официальной кириллицы конца IX в., если справедливо мнение болгарского ученого о ее введении. Однако изложенные представления основаны на определенных допущениях. Если их не делать, а исходить из факта параллельного употребления кириллицы и глаголицы в Болгарии, возможно, с конца IX в., то указанные примеры цифровых «курьезов» могут быть в действительности следами глаголического оригинала или остаточными свидетельствами глаголического посредника между двумя кириллическими списками независимо от

[6] Е. Георгиев. Славянская письменность до Кирилла и Мифодия. София, 1952, стр. 22—23; его же. Основные вопросы возникновения старославянской (староболгарской) литературы и старославянского (староболгарского) литературного языка. «Славянская филология», 1. М., 1958, стр. 226.

[7] Е. Георгиев. Разцветът на българската литература в IX—X вв. София, 1962, стр. 190—191.

того, какая письменность была создана Кириллом и Мефодием — глаголица или кириллица.

Можно ли дифференцировать такие цифровые примеры в соответствии с природой их появления? Ни постановки такого вопроса, ни ответа на него, кажется, в научной литературе не встречается. Можно попытаться выяснить, насколько предпочтительна та картина письменных систем у славян, которая вытекает из гипотез Е. Ф. Карского и Е. Георгиева, по сравнению с другими возможными случаями. В этой связи большой интерес представляет статья Л. П. Жуковской[8]. В ней выделены следующие три вида письменных систем у славян: глаголица (Г), кириллица (К) и цифровая система древнейших сохранившихся памятников кириллицы (цК). Учитывая, что перестановок из трех элементов будет шесть, она рассмотрела соответствующие варианты:

I.	II.	III.	IV.	V.	VI.
Г	Г	К	К	цК	цК
К	цК	Г	цК	Г	К
цК	К	цК	Г	К	Г,

поочередно исключив те, что в наименьшей степени удовлетворяют определенным данным о славянской письменной культуре. В результате произведенного отбора остался V вариант цКГК как наиболее «стойкий» в отношении изъянов, которыми обладает каждая из шести схем, поставленных в равные условия. Таким образом, наименее уязвимой среди них оказалась следующая последовательность письменных систем: 1) цифровая система, известная у славян по сохранившимся кириллическим памятникам; 2) глаголица, для письма одновременно фонетических и цифровых знаков; 3) кириллица, для письма фонетических знаков.

Следует иметь в виду, что Л. П. Жуковской фактически исключался вариант гипотетической первоначальной кириллицы с оригинальной нумерацией, иначе не был бы применим принцип отбраковки на основе невозможности употребления кириллицы до использования ее цифровой системы, по которому ею были отклонены варианты I, III и IV. Как раз гипотезой Е. Ф. Карского их возможность обеспечивается.

Из статьи Л. П. Жуковской вытекает, что у славян теоретически могла находиться в употреблении нумерация, известная теперь по сохранившимся памятникам кириллицы, в то время, когда, по Е. Ф. Карскому, существовала оригинальная нумерация первоначальной кириллицы. Следовательно, речь может идти о построении модели, допускающей или исключающей такое сосуществование. Еще до выхода статьи Л. П. Жуковой автор настоящей работы, излагая предварительные выводы изучения нумерации источников, написанных кириллицей, отметил не учтенную Е. Георгиевым возможность существования цифровой системы как самостоятельного вида письма у славян, независимо и до появления фонетического письма (кириллицы), в котором затем эта нумерация стала использоваться[9]. Более подробно материал об использовании византийской нумерации в кириллице изложен в статье автора[10], опубликованной в том же сборнике, что и работа Л. П. Жуковской. Однако проблему происхождения цифровой системы кириллицы пока нельзя считать исчерпанной. В частности, окончательную ясность могут внести лишь археологические изыскания о характере цифровой практики у славян соответствующего периода.

Некоторые соображения по этому вопросу можно найти в работах акад. Б. А. Рыбакова. Ему принадлежит выделение в самостоятельную категорию источников русской эпиграфики, начиная с X в., «надписей с числовыми расчетами». Кроме того, им было высказано суждение, что цифровая

---

[8] Л. П. Жуковская. К истории буквенной цифири и алфавитов у славян. Сб. «Источниковедение и история русского языка». М., 1964, стр. 37—43.

[9] Р. А. Симонов. За кирилска «буквена» номерация. «Език и литература», 1, София, 1964, стр. 67—70.

[10] Р. А. Симонов. О некоторых особенностях нумерации, употреблявшейся в кириллице. Сб. «Источниковедение и история русского языка», стр. 14—36.

система, находившаяся в употреблении в Древней Руси в X в., была одинакова по форме знаков с византийской нумерацией [11].

В этой связи интерес представляет открытие С. А. Высоцким неизвестного ранее древнерусского алфавита XI в. на стене Софийского собора в Киеве. Устанавливая историческое значение обнаруженной азбуки, С. А. Высоцкий проанализировал данные о письменности у славян, в том числе о числовой символике. В результате он пришел к выводу, что новая находка, в частности, подтверждает справедливость концепции об использовании восточными славянами византийской (ионийской) нумерации в дохристинское время [12]. Следует отметить, что в последнее время усилилось внимание ученых к проблеме начала древнерусской письменности. Более углубленно анализируются уже известные уникальные надписи, например Гнездовская [13], и вводятся в научный оборот новые источники. Так, В. Л. Янин в классификации русских булл выделяет возникшие в X в. княжеские печати архаичной традиции [14], являющиеся одним из древнейших памятников письменной культуры восточных славян.

Поэтому важное теоретическое и практическое значение приобретает исследование цифровой системы эпиграфики Первого Болгарского царства, последовательно представленной: а) памятниками на греческом языке VIII — начала X в.; б) предположительно определяемыми как славянские, возможно, являющимися древнейшими (из числа сохранившихся) славянскими конца IX — первой половины X в., в том числе с параллельным греческим текстом; в) точно датируемыми кириллическими источниками середины X — начала XI в.

Цифровая система греческих источников византийского времени достаточно подробно изучена. Она является этапом развития так называемой ионийской нумерации, история которой восходит к V в. до н. э. или более древней эпохе. В период IV—IX вв., в зависимости от времени, места и материала, на котором писался документ, графика цифровых знаков определенным образом варьировалась, о чем свидетельствует литература по греческой палеографии, эпиграфике и истории математических знаний [15].

Византийская нумерация состояла из 27 знаков, среди которых 24 были аналогичны буквам греческого классического алфавита, а три представляли специальные символы (эписемы) для записи 6, 90 и 900. Если из последовательности цифровых знаков исключить эписемы, то оставшиеся символы будут точно соответствовать греческому алфавиту (по составу и последовательному расположению букв). Над цифрами ставился горизонтальный значок («титло»), а в ряде случаев, по бокам, точки или вертикальные черты. Девять знаков от альфы до тэты обозначали единицы, от иоты до коппы — следующие девять символов — десятка, а от ро до сампи — последние девять графем — сотни (см. табл. 1). Цифры записывались слева направо от высших разрядов к низшим, например $\overline{\text{ΥΚΖ}}$ (427). Большие числа порядка тысяч обозначались с помощью основных цифр, нередко с дополнительным — «тысячным» — значком, например $/\overline{\text{ΣΤΠΘ}}$ (6389).

---

[11] Б. А. Рыбаков. Русская эпиграфика X—XIV вв. (Состояние, возможности, задачи.) «История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов», М., 1963, стр. 57.

[12] С. А. Высоцкий. Древнерусская азбука из Софии Киевской, СА, 1970, 4, стр. 137.

[13] Д. А. Авдусин. Гнездовская корчага. Сб. «Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 110—113; А. С. Львов. Еще раз о древнейшей русской надписи из Гнездова. ИАН СССР, сер. литер. и яз., 1. М., 1971, стр. 47—52.

[14] В. Л. Янин. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. 1. М., 1970, стр. 34—41 и др.

[15] V. Gardthausen. Griechische Palaeographie. II, 2 Auflage, Leipzig, 1913, стр. 354—372; W. Larfeld. Griechische Epigrafik. München, 1914, стр. 290—297; М. Я. Выгодский. Арифметика и алгебра в древнем мире. М., 1967, стр. 245—262 и др.; О. Нейгебауер. Точные науки в древности. М., 1968, стр. 25—26 и др.

От периода VIII — начала X в. сохранились греческие надписи Первого Болгарского царства, высеченные на скале (Мадарский всадник), каменных колоннах и плитах[16]. В этих памятниках (их насчитывается свыше 85) отражались подвиги и дела протоболгарских правителей и их приближенных, а также условия заключенных договоров и другие вопросы летописно-эпического характера. Цифровой материал каменных надписей согласуется с данными «Именника» болгарских князей, подлинник которого, возможно, первоначально был выдолблен на камне на греческом языке, наподобие других протоболгарских надписей[17].

Таблица 1

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Единицы	Α	Β	Γ	Δ	Ε	S	Ζ	Η	θ
Десятки	Ι	Κ	Λ	Μ	Ν	Ξ	Ο	Π	Ϙ
Сотни	Ρ	C	Τ	Υ	Φ	Χ	Ψ	∞	Ⱥ

В табл. № 1 приводятся типичные для VIII—IX вв. начертания цифровых символов, в основном по данным греческой эпиграфики Первого Болгарского царства. В обобщенной форме начертаний не отражены почерковые особенности отдельных источников, но сохраняются типичные черты графики рассматриваемого периода (см. знаки 1, 90, 400, 800). Указанные в табл. № 1 три знака C = 200, X = 600 и Ψ = 700 отсутствуют в болгарских источниках VIII—IX вв. Правомерность их включения в таблицу обусловлена тем, что остальные символы соответствуют византийской цифровой практике указанного периода. Графема «сампи» Ⱥ, выражавшая в византийской нумерации 900, встречается в нерасшифрованной болгарской надписи, где указанный знак мог выступать в качестве цифры 900 или в каком-то буквенном значении. Поэтому последний случай следует рассматривать как условный, относящийся скорее к категории дополнительно включенных в таблицу трех символов. Относительно других цифровых знаков необходимо учесть следующее. Отдельные из них употребляются в нескольких вариантах (пятерка, шестерка), в таблице приведены по одному типичному или встречающемуся чаще всего начертанию.

В 864 или 865 г. в Первом Болгарском царстве было установлено христианство по греческому обряду. Записи чисел в греческой эпиграфике Первого Болгарского царства после принятия христианства почти не дополняют цифрового материала, почерпнутого из протоболгарских источников предыдущего периода, но содержат новые данные об особенностях использования цифр. В христианское время расширился «круг обязанностей» цифровой символики за счет хронологии; с принятием христианства прочно утвердилась система записи лет в византийском летосчислении. Точно датированных надписей на камнях христианского периода три: 865/866 гг. (6374) с именем Михаила (князя Бориса), 871 г. (6379) — надгробие одного болгарского монаха, 904 г. (6412) с именем царя Симеона.

В качестве узловых, характеризующих тенденцию развития византийской цифровой культуры в Первом Болгарском царстве во второй половине IX — начале X в., применительно к служебной роли числовой символики, составу цифр и способам записи чисел, можно рассматривать следующие три признака.

1. Ведение хронологических записей в византийских формах летосчисления. В Византии за начало отсчета времени принималось мифическое

---

[16] V. Beševliev. Die Protobulgarischen Inschriften. Berlin, 1963.

[17] М. Н. Тихомиров. «Именник» болгарских князей. В кн. М. Н. Тихомиров. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, стр. 277—284.

событие «сотворения мира». При переводе большинства византийских дат в летосчисление от начала новой эры вычитают 5508 (константинопольское летосчисление). Александрийское летосчисление отличалось от константинопольского восемью годами (в этом случае нужно вычитать число 5500). Независимо от того, в каком из видов византийского летосчисления записывалась дата, она имела общие черты в рассматриваемый период: начиналась со знака, обозначавшего 6 тысяч; содержала максимум четыре цифры.

2. Употребление в качестве младшей эписемы знака S. Наряду с таким обычным в византийской эпиграфике начертанием изредка встречается зеркально-обернутый знак *ƨ*, например, на отдельных византийских монетах первой половины VII в.[18] В греческой эпиграфике Первого Болгарского царства шестерка в большинстве случаев передается символом S и ни разу знаком .

3. Запись чисел второго десятка по принципу «десяток — единицы». В греческой эпиграфике, как правило, компоненты следовали в указанном порядке, например I B (12), но встречается и противоположная форма (BI и др.) [19]. В сохранившихся каменных надписях на греческом языке Первого Болгарского царства во всех случаях записей чисел второго десятка компоненты располагаются в порядке «десяток — единицы».

Несмотря на неполноту данных, анализ цифрового материала болгарской эпиграфики на греческом языке, опирающийся на выделение указанных трех узловых особенностей византийской цифровой традиции, позволяет сделать следующий вывод: нумерация в болгарской эпиграфике на греческом языке во второй половине IX — начале X в., вероятно, полностью соответствовала византийской цифровой традиции.

Это заключение приобретает особое значение при том обстоятельстве, что в указанное время на территории Болгарии кроме глаголицы функционировала или складывалась славянская письменность типа кириллицы, в состав которой вошли все 24 буквы греческого классического алфавита. В указанной связи интересно проследить, насколько это возможно, цифровую традицию в соответствующих источниках начального периода существования письма типа кириллицы, т. е. до 943 г., к которому относится древнейшая точно датируемая кириллическая надпись (Добруджанская).

Древнейшими числовыми записями в славянском контексте, возможно, являются две одинаковые даты 6401 (=893 г.), обнаруженные на стенах Круглой церкви Преслава. Судя по прорисям и истолкованию этих записей болгарским академиком Ив. Гошевым, обнаружившим их, они отражают два из трех указаных выше узловых признаков византийской цифровой культуры: а) использование в хронологической записи византийского летосчисления и б) употребление в качестве шестерки знака S [20]. В этой связи особый интерес приобретает копия древней хронологической глоссы (Доксовой) начала X в., по содержанию примыкающей к болгарской летописно-эпической литературе на греческом языке, представленной надписями на камнях. В Доксовой приписке содержатся даты 6414 (906) и 6415 (907) гг. и рассказывается о славянском переводе с греческого языка книги «Св. Афанасия Александрийского слова против ариан». В Доксовой приписке по русскому списку XV в. этой рукописи, хранящемуся в ГИМе, указанные числа, а также число 14 записаны в соответствии с правилом «де-

---

[18] J. Sabatier. Description generale des monnaies byzantines, I. Leipzig, 1930, табл. XXX. На этот факт и источник мне любезно было указано Э. И. Кучеренко.

[19] И. И. Срезневский. Палеографические наблюдения по памятникам греческого письма. I—II. Обозрение русских трудов по греческой палеографии. Древние христианские написи в Афинах. «Приложение к XXVIII тому Записок Имп. Академии наук», 3, СПб., 1876, стр. 53; V. Beševliev. Spätgriechische und spätlateinische Inschriften aus Bulgarien. Berlin, 1964, № 231 и 252, стр. 164—165.

[20] Ив. Гошев. Старобългарски глаголически и кирилски надписи от IX и X вв. София, 1961, стр. 47—55, 130—132.

сяток — единицы» [21]. К XV в. в русской (как и в южнославянской) практике установился противоположный порядок записи чисел второго десятка, удовлетворяющий конструкции соответствующих славянских числительных. За несколько веков в процессе неоднократного переписывания первоначальный текст приписки мог претерпеть изменения. Действительно, в другом варианте доксовой глоссы, опубликованном А. Вайяном, указанные числа приводятся со «славянской» инверсией [22].

Можно предположить, что рассматриваемая приписка по рукописи ГИМа сохраняет первоначальный облик в части записей второго десятка. В таком случае эта глосса может служить примером, дополняющим два отмеченных для славянской письменной практики в годы правления царя Симеона (893—927) узловых признака византийской цифровой культуры третьим: применением в записи чисел второго десятка правила «десяток — единицы».

Преславская эпиграфика, в которой Ив. Гошев читает дату 893 г., и копия Доксовой глоссы начала X в. по списку рукописи ГИМа XV в. в сопостовлении с данными греческой эпиграфики Первого Болгарского царства VIII — начала X в. приобретают исключительную ценность для восстановления звена в цепи, связывающей цифровую культуру греческой и славянской письменной традиции в Болгарии. Указанные источники показывают, что представленная в них цифровая практика не расходится с протоболгарскими надписями на греческом языке. Это позволяет высказать следующее важное предположение: в конце IX — начале X в. в Первом Болгарском царстве употреблялась одна и та же византийская цифровая система как в греческой письменной практике, так и в складывавшемся (или уже сложившемся) славянском письме типа кириллицы.

Высказанное суждение находит подтверждение в исследованиях литературоведов и историков, изучающих проблему протоболгарских письменных памятников на греческом языке в свете происхождения и исторического развития болгарской литературы. В работах Д. Динекова, В. Бешевлиева, П. Н. Беркова и др. [23] период протоболгарских надписей на греческом языке трактуется в качестве первоначального этапа развития болгарской литературы, предшествующего появлению литературы на славянском языке. В вопросе преемственности между последними и протоболгарскими памятниками на греческом языке следует учитывать облик цифровой системы. Представление о том, что цифровая система сохранялась прежней при переходе от греческой языковой традиции к славянской, обеспечивает бóльшую убедительность указанной концепции о первоначальном периоде болгарского литературного развития. Исторический опыт свидетельствует, что если национальная литература начинается с произведений на чужом языке, то при появлении памятников на родном языке определенное время сохраняется двуязычие [24]. В этой связи интерес представляет недавно открытая в Болгарии славяно-греческая билингва на надгробном кресте с именем Анны. В. Гюзелев пришел к выводу, что крест с надписью был поставлен в первой половине X в., вероятно после 927 г., на могиле Анны — дочери князя Бориса [25]. Содержание надписи сводится к информации:

---

[21] Отдел рукописей ГИМ, фонд Син, № 20, л. 212 об.; Ив. Гошев. Ук. соч., стр. 26—27.

[22] A. Vaillant. Discours contre les Ariens de saint Athanase. Version slave et trad. en fr., София, 1954, стр. 6—7.

[23] P. Dinekov. Über die Anfänge der bulgarischen Literatur. International Journal of slavic linguistics and poeteics, III, 1960, стр. 109—121; V. Beševliev. Die Anfange der bulgarischen Literatur. Там же, IV, 1961, стр. 116—145; П. Н. Берков. Начало болгарской литературы и некоторые принципиальные вопросы общей литературной историографии. «Русская литература», 1, 1961, стр. 221—227; П. Динеков. Литературни въпроси. София, 1963, стр. 9—25.

[24] П. Динеков. Литературни въпроси, стр. 21.

[25] В. Гюзелев. Коя е Ана от новооткрытия двуезичен преславски надпис? «Исторически преглед», 6, 1967, стр. 82—85.

9 октября почила раба божья Анна. Греческий текст представлен полностью, число 9 выражено тэтой под титлом. Начальная часть кирилличеcкой фразы, включая запись числа, не сохранилась. Если иметь в виду, что греческий текст дословно воспроизводил славянский, то легко можно дополнить отсутствующие буквы его начала; из-за недостатка места на кресте месяц и день были представлены сокращенно [26]. Последнее наблюдение Т. Тотева свидетельствует, что в кириллической фразе число 9 было записано не в словесной, а в символической форме, очевидно, посредством тэты. Употребление одинаковой цифры в кириллической и греческой частях надписи способствовало правильному пониманию славянского и греческого текстов как тождественных.

Ранее была найдена двуязычная керамическая табличка из Преслава, на которой процарапаны острым орудием письма фразы из богослужебных текстов на греческом и славянском (кириллицей) языках. В обоих видах фраз встречается число 25; оно записано одинаково — в византийской нумерации. Неясен вопрос датировки этого памятника. Ив. Гошев в последних работах датировал его периодом византийского рабства в Болгарии — XI—XII вв., тогда как прежде относил к более раннему времени. Не определено точно, в связи с чем возникла эта двуязычная табличка. Кажется, можно согласиться, что указанный документ — учебного характера, но неясно, прав ли Ив. Гошев, считавший, что основным был славянский источник, по которому корректировался греческий богослужебный текст [27].

Независимо от решения всех этих вопросов данный документ является важным подтверждением мысли, что двуязычие, связанное с параллельным употреблением кириллицы и греческого письма, служило сохранению графики византийской цифровой системы в кириллице. Сохранилась ли византийская цифровая традиция в последующей кириллической эпиграфике? Или она претерпела определенные изменения, и какие именно? На эти вопросы можно попытаться получить ответы, изучая старославянские надписи на камнях середины X — начала XI в.

В трех содержащих точные даты старославянских кириллических каменных надписях X в. встречаются следующие числа: в Добруджанской 943 г.— 6451, Самуиловой 993 г.— 6501, Варошской 996 г.— 6504 и 17 [28]. Точная датировка надписей обеспечивается применением византийского летосчисления. Во всех трех надписях в разряде тысяч шестерка применяется в форме знака *г*. Среди фрагментарных образцов старославянской кириллической эпиграфики еще один раз засвидетельствована цифра шесть, причем в таком же новом начертании [29]. Такой знак нельзя рассматривать как принципиальное новшество, однако факт использования в кириллической эпиграфике, вместо типичного, редкоупотребительного в византийской практике варианта младшей эписемы говорит об определенной самостоятельности славян в использовании византийской нумерации.

Запись числа 17 в Варошской надписи 996 г., как она приводится Ив. Гошевым в расшифровке И. Иванова, имеет порядок компонентов «единицы—десяток», который редко встречается в византийских источниках. Поэтому и здесь можно видеть проявление самостоятельности в практике употребление славянами византийской нумерации в конце X в. Можно поставить вопрос об уровне понимания указанной автономности самими славянами. Правда, необходимые цифровые сведения непосредственно из первоисточников почерпнуть, к сожалению, невозможно из-за их малочисленности, и поэтому приходится прибегать к косвенным соображениям.

В подходе к цифровой практике в кириллице в Первом Болгарском царстве имеющиеся цифровые данные X в. допускают две альтернативы.

[26] Т. Тотев. Две нови старобългарски надписи от Преслав. «Български език», 1, 1966, стр. 44.

[27] Ив. Гошев. Ук. соч., стр. 95, 159.

[28] Ив. Гошев. Ук. соч., стр. 79, 88, 153, 157.

[29] Там же, стр. 103—104, 125.

1. В кириллице к середине X в. существовала нумерация, принципиально отличная от византийской, но в чем-то с ней общая, например в системе хронологии и пр. Причем существенные различия могли касаться цифровых знаков, сведения о которых в сохранившихся надписях не содержатся, например в разрядах десятков и сотен. 2. В кириллице употреблялся вариант византийской нумерации с рядом отклонений, как-то: в начертании младшей эписемы, записи чисел второго десятка и возможных других нетипичностей, которые, впрочем, не слишком нарушали рамки византийских традиций или даже оставались в их пределах.

Первое гипотетическое состояние цифровой системы кириллицы характеризует разрыв с византийской нумерацией, второе — сохранение единства с ней. Отношение к типичной византийской нумерации будет принципиально различным: на основе первой она будет восприниматься как чуждая «кириллической» цифровой системе, а на основе второй — как родственная.

Недавно открытая старославянская кириллическая надпись начала XI в. (на Битольской плите) последнего из князей Первого Болгарского царства — Ивана Владислава — содержит важный в указанном отношении цифровой материал. В. А. Мошин, опубликовавший эту надпись, датируемую им 1017 г.[30], читает в ней запись 6522 (1014) г.— года поражения Самуила выраженную в византийском летосчислении. По его данным, младшая эписема в указанной дате приводится в типично византийском начертании S. Встречающееся в надписи число второго десятка (12) записано в типично византийской традиции, в порядке «десяток — единицы». Следовательно, на Битольской плите присутствуют все три черты, рассматривавшиеся в качестве узловых особенностей византийской нумерации. Цифровые данные Битольской плиты как бы знаменуют поворот в кириллической цифровой практике к византийской нумерации, так сказать, ортодоксального вида. Такой поворот, очевидно, более вероятен в случае облика цифровой системы в кириллице, обрисованного во второй концепции, чем в первой.

Таким образом, старославянская кириллическая эпиграфика допускает следующую трактовку развития цифровой системы в последний период существования Первого Болгарского царства. В середине X — начале XI в. в кириллице шел процесс складывания регионального варианта нумерации, причем этот процесс не углубил расхождения между византийской и «кириллической» цифровыми системами настолько, чтобы исключалось проявление в славянской письменной практике византийской цифровой традиции в ее «чистом» виде.

На основе проведенного в настоящей работе изучения цифровой системы в эпиграфике Первого Болгарского царства можно проверить, как оправдывает себя теоретическая концепция Е. Ф. Карского об употреблении в первоначальной кириллице нумерации, построенной «по-глаголически», в конкретных условиях византийской цифровой практики. Это имеет важное значение в решении сложнейшего вопроса о происхождении славянской письменности. В теоретическом построении Е. Ф. Карского есть важная мысль о единстве (общности) подхода к вопросу об искусственном построении письменности по отношению как к ее буквенному алфавиту, так и к цифровой системе, используемой в ней. В глаголице новыми по сравнению с греческим классическим алфавитом и византийской нумерацией выглядят алфавит и определяющая в нем чередование букв цифровая система. В кириллице, судя по сохранившимся памятникам, большинство графем греческие, а употреблявшаяся нумерация византийская. Положение об оригинальной нумерации в первоначальной кириллице не только несколько уравнивает шансы обоих видов письма как искусственно созданных, но позволяет поставить кириллицу в хронологической шкале выше глаголицы

---

[30] В. А. Мошин. Битољска плоча из 1017 године. «Македонски јазик», XVII, 1966, стр. 51—61.

и рассматривать последнюю в качестве позднейшей графической модификации первоначальной кириллицы. Следовательно, гипотетическая первоначальная кириллица с оригинальной нумерацией служит обоснованию приоритета кириллицы перед глаголицей.

В соответствии с существующими взглядами появление славянской письменности, возможно, относится к 863 г.[31] на территории Первого Болгарского царства. Значит, если полагать, что этим видом письма была кириллица с оригинальной нумерацией, то ее возникновение нужно относить к указанному году. Если в этом году была создана глаголица, то первоначальная кириллица появилась раньше и не обязательно на территории Болгарии.

Исходя из идеи о том, что глаголица — позднейший графический вариант первоначальной кириллицы, можно реконструировать нумерацию последнего письма, заменяя глаголические цифры одноименными кириллическими графемами. Получим: А = 1, Б = 2, В = 3, Г = 4, Д = 5, Е = 6, Ж = 7 и т. д. Сопоставим отдельные пробные значения с теми, которые имеют ряд из указанных графем в византийской нумерации (см. табл. 2).

Таблица 2

Числовые значения графем в византийской нумерации	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	20
Графемы	А	В	Г	Д	Є	S	Z	Н	Θ	I	К
Числовые значения графем в гипотетической первоначальной кириллице	1	3	4	5	6	—	9	20	—	10	40

При условии параллельного употребления византийской нумерации и цифровой системы гипотетической первоначальной кириллицы на одной территории и в одно время, одни и те же знаки должны были бы выступать в разных значениях: В — 2 и 3, Г — 3 и 4, Е — 5 и 6, Z — 7 и 9, Н — 8 и 20, К — 20 и 40 и т. д. Нетрудно представить, к какой путанице могло это привести. Просвещенный славянин, гражданин Первого Болгарского царства, очевидно, должен был знать государственный, а затем церковный язык своей страны — греческий с соответствующей нумерацией (византийской). Встречаясь в тексте, написанном гипотетической первоначальной кириллицей, например, с такими числами IE (15), КГ (23), Н (8), которые ему были известны в указанных значениях византийской нумерации, он должен был мысленно их переводить в другие значения: соответственно 16, 44, 20.

Кирилл (Константин), которому приписывается создание славянского письма в начале второй половины IX в., должен был столкнуться с такой проблемой, если действительно у него возникла идея славянского письма типа кириллицы с нумерацией «по-глаголически», как полагал Е. Ф. Карский. В таком случае при написании первых славянских богослужебных книг (по греческим образцам) пришлось бы переделывать числа, записанные в византийской нумерации, на «язык» цифровой системы первоначальной кириллицы. Поскольку в условиях использования византийской цифровой культуры в Первом Болгарском царстве были неизбежны ошибки и неразбериха в записи чисел в алфавитной «кириллистической» нумерации «по-глаголически» и при их прочтении, то напрашивается вопрос: мог ли Кирилл не отказаться от идеи о создании первоначальной кириллицы с такой цифровой системой, когда был очевиден ее неуспех, и, следовательно, сознательно идти на ослабление создаваемой новой системы письма?

Думается, что положительный ответ на этот вопрос будет противоречить существующим данным и мнениям о целях, назначении и роли создания славянского письма.

[31] М. Н. Тихомиров. Начало славянской письменности и Древняя Русь. Кн. «Исторические связи России со славянскими странами и Византией», стр. 184.

Следует учитывать, что греческая эпиграфика Первого Болгарского царства, цифры в граффити 893 г., рассматриваемые Ив. Гошевым как написанные в контексте «первокириллицы», и точно датированная старославянская кириллическая эпиграфика не содержат примеров употребления цифр «по-глаголически». Поэтому маловероятно возникновение первоначального славянского письма типа кириллицы с алфавитной нумерацией «по-глаголически» в начале второй половины IX в., так же как употребление на территории Первого Болгарского царства после 893 г. такой цифровой системы в официальном кириллическом письме. Такие предположения не подтверждаются конкретными данными болгарской эпиграфики, противоречат практике употребления в Первом Болгарском царстве византийской нумерации и поэтому должны быть отвергнуты. В связи с этим еще более убедительными кажутся выводы о последовательном развитии славянских письменных систем, приведенные в упомянутой выше статье Л. П. Жуковской.

В каком отношении к цифровым данным эпиграфики Первого Болгарского царства и сделанным на основе ее изучения выводам находится практика употребления цифровой символики в старославянских кириллических рукописях X — XI вв.? Изучение цифрового материала южно- и восточнославянских соответствующих источников дало следующий результат. Ни одна из сохранившихся старославянских кириллических рукописей X—XI вв. не содержит новых черт, кроме двух, отмеченных выше в качестве особенностей регионального славянского варианта византийской нумерации (поворот шестерки, порядок записи чисел второго десятка). При этом обнаружилась важная особенность: ни один из старославянских источников не дает образцов начертаний цифровых знаков 600, 700, 800, 900.

Таким образом, старославянские рукописные материалы, казалось бы, не добавляют ничего существенного к основному выводу о развитии славянской цифровой традиции в эпиграфике Первого Болгарского царства, а именно: славяне первоначально использовали византийскую цифровую систему, которую продолжали употреблять и когда у них сложилось буквенное письмо типа кириллицы; лишь впоследствии в практике применения славянами этой нумерации появились черты, не типичные для византийской цифровой традиции. Однако рукописные источники X — XI вв., не проясняя до конца вопроса об окончательном облике старославянской цифровой системы в кириллице, указывают путь, на котором может находиться его решение. Вместо отсутствующих знаков сотен могли употребляться начертания, тождественные византийским, но могли использоваться и оригинальные по графике символы. Последнее допущение находит некоторое обоснование в позднейших южнославянских источниках. Здесь в качестве «кириллических» цифр, обозначающих сотни, зафиксированы в конце XII — начале XIII в. следующие символы в цифровых значениях «по-глаголически»: «от» = 700, «пе» (или «шта») = 800, «цы» = = 900 [32]. О том, что эти примеры действительно характеризуют существовавшую устойчивую цифровую традицию в кириллице южных славян, свидетельствует последующее закрепление в южнославянской письменной практике употребления Ц = 900. В результате второго южнославянского литературного влияния XIV—XV вв. применение «цы» в цифровом значении 900 было перенесено и в русскую письменную практику, где раньше использовался в качестве 900 другой символ — «юс малый».

Приведенные данные о традиции употребления в позднейших южнославянских кириллических текстах цифровых знаков сотен, выраженных «по-глаголически», говорят о том, что цифровая система в кириллице исторически складывалась как самостоятельный вид цифровой системы из византийской нумерации под влиянием глаголической цифровой систе-

[32] Паремийник Григоровича, рукопись, конца XII — начала XIII вв. Отдел рукописей ГБЛ, фонд 87, № 1685, лист 28 (32) об.

мы. Правда, не ясно, когда начался указанный процесс — уже в старославянский период или позже, в XII в. Не связаны ли два выделенных выше отличительных признака (поворот шестерки, порядок записи чисел второго десятка) единой причинной зависимостью с появлением знаков сотен, выраженных «по-глаголически»? Такой вопрос ставят южнославянские рукописные источники, но он пока остается без ответа.

R. A. Simonov

LA NUMÉRATION BYZANTINE DANS LES INSCRIPTIONS DU PREMIER ROYAUME BULGARE ET LE DÉBUT DE L'ÉCRITURE SLAVE

Résumé

L'article traite du système numérique dans les incriptions du Premier Royaume bulgare, représenté, dans l'esprit du suite, par a) les documents en langue grecque et en langue protobulgare écrits en caractères grecs; b) les inscriptions supposées slaves et rattachables probablement à la fin du IX-à la première moitié du Xe siècle; c) les sources cyrilliques datées avec précision et remontant aux Xe — début du XIe siècles. On tire la conclusion que pour toutes les trois catégories de documents la numération est commune et analogue au système alphabétique grec de chiffres (à la numération byzantine). L'auteur interprète le système numérique de l'alphabet cyrillien ancien slave des X—XIes siècles qui est représenté par les inscriptions et les livres en tant que résultat d'une évolution historique de la numération byzantine au cours de son fonctionnement dans la littérature du Premier Royaume bulgare. Les derniers cent ans de l'existence de cet Etat (la moitié du Xe — le début du XIe siècles), sous l'influence de la langue slave et en présence de l'emploi parallèle des deux types d'écritures (glagolitique et cyrillienne) se forma une variante locale (régionale) de la numération byzantine. Elle se distingue par l'utilisation des dessins rares des chiffres et les modes d'énoncer les nombres peu communs (citons la forme de l'épythème cadette, l'ordre d'énoncer les nombres du deuxième ordre).

L'auteur est porté à considérer comme peu soutenable l'hypothèse de E. F. Karsky affirmant que dans l'écriture slave qui se forma au milieu du IXe siècle (si elle était de type cyrillien) la numération était composée sur un strict principe alphabétique (c'est-à-dire selon celui de la glagolitique). Il est du même avis de l'hypothèse de E. Ghéorguiév disant qu'un tel système numérique fut officiellement adopté plus tard (en 893) dans l'alphabet cyrillien du Premier Royaume bulgare. Les hypothèses en question ne sont pas confirmées des données épigraphiques bulgares concrètes. D'autant plus, elles ne s'accordent pas, de facto, à la pratique courante de l'emploi de la numération byzantine au Premier Royaume bulgare. Paraît convaincante la conclusion faite par L. N. Joukovskaia sur le développement ci-dit des systèmes d'écritures chez les Slaves: 1) le systeme numérique connu d'apres les documents écrits cyrilliens conservés (la numération byzantine); 2) l'alphabet glagolitique qui représentait les signes phonétiques aussi bien que ceux numériques; 3) l'alphabet cyrillien pour noter les signes phonétiques.

В. П. ДАРКЕВИЧ, Н. А. СОБОЛЕВА

О ДАТИРОВКЕ ЛИТОВСКИХ МОНЕТ С НАДПИСЬЮ «ПЕЧАТЬ»

(по материалам Шанчайского клада)

Денежная система Литовского великого княжества XIV—XV вв. до настоящего времени мало исследована, хотя на протяжении уже ста лет польские, литовские и русские ученые и собиратели неоднократно обращали свое внимание на маленькие, простые по изображениям литовские монетки, на так называемые литовские рубли-слитки, пытаясь найти между ними взаимосвязь и поставить в соответствие с одновременным им денежным обращением соседних стран. Надо отметить, правда, что в основном интерес исследователей ограничивался публикацией отдельных литовских монет или высказыванием недостаточно аргументированных предположений по вопросу о месте и времени их чеканки.

Более или менее научный анализ литовского денежного дела был осуществлен лишь в 20-е годы нашего века польским ученым М. Гумовским [1]. Нельзя не назвать также публикации кладов литовских монет и слитков, предпринятые нумизматом П. Каразией [2]. В последние 30 лет вопросам денежного обращения в Литовском великом княжестве посвящен ряд работ советских ученых [3].

Основной причиной неизученности денежного обращения Литовского великого княжества в указанный период служит не столько недостаточность летописных данных или отсутствие системы и правильного метода в изучении литовских монет и слитков, сколько скудость самого нумизматического материала, отсутствие кладовых комплексов ранних литовских монет в крупнейших коллекциях нашей страны, за исключением музейных собраний Литвы.

Поэтому любая находка или обнаружение неопубликованного клада литовских монет и слитков XIV—XV вв. является большим событием, спо-

---

[1] M. Gumowski. Numizmatyka litewska wieków średnich. Kraków, 1920.

[2] P. Karazija. 1930m. Vilniaus lobis, Vilnius, 1932; Aluonos Šklerių ir Kruminių lobiai. Kaunas, 1941.

[3] А. А. Ильин. Классификация русских удельных монет. Монеты Великого княжества Литовского. Л., 1940, стр. 14—20; Н. Н. Щекатихин. Топография кладов с литовскими монетами на территории Древнего Литовского государства. Л., 1933—1934, рукопись (хранится в Архиве ЛОИА); Г. Б. Федоров. Классификация литовских слитков и монет. КСИИМК, XIX, 1949, стр. 114—115; его же. Топография кладов с литовскими слитками и монетами, там же, стр. 64—75; его же. Lobių su Lietuvos lydiniais ir monetomis topografija. Lietuvos istorijos instituto darbai, I. Vilnius, 1951, стр. 181, 228; A. Tautavičius. Papildomi duomenys apie naujus sidabro lydinių ir XIV a. II puses — XV a. pradzios lietuvos monetu radinius lietuvos T S R teritorijoje. Тр. АН ЛитССР, сер. А, I (18), 1965, стр. 67—84; В. Н. Рябцевич. К вопросу о денежном обращении западнорусских земель в XIV—XV вв. Нумизматика и сфрагистика, 2, Киев, 1965, стр. 121—134; Н. А. Соболева. К проблеме обращения пражских грошей в русских землях в XIV—XV вв. ВМГУ, 2, 1967, стр. 49—61; ее же. О чеканке монет Ольгердовичами в русских землях. НЭ, VIII, 1970, стр. 81—87; ее же. Grosze praskie w Wielkiem księstwie Litewskiem. Wiadomości numizmatyczne, XIV, 1970, 2, стр. 107—117; Н. Ф. Котляр. Клад монет Владимира Ольгердовича. НЭ, VIII, 1970, стр. 88—100.

собным пролить свет на недостаточно исследованный вопрос чеканки монет великими литовскими князьями и в значительной степени пополнить наши знания экономической истории этого государства.

Известно четыре типа литовских монет, принадлежащих чекану великих литовских князей XIV — XV вв.: 1) наконечник копья с крестом — надпись «печать»; 2) наконечник копья с крестом — ворота («колюмны»); 3) всадник с мечом — ворота; 4) всадник с мечом — двойной крест на щите.

В данном случае речь идет о кладе литовских монет с надписью «печать», хранящемся в Каунасском художественном музее имени Чёрлёниса. Краткие сведения об этом кладе имеются в топографии литовских слитков и монет, составленной Г. Б. Федоровым [4].

Клад был найден в предместье города Каунаса — Шанчае (в настоящее время Шанчай — район города) в начале 30-х годов. В 1938 г. музей приобрел его у П. Балелюнаса. Клад состоит из двух серебряных браслетов, нескольких обломков серебряных застежек, пяти серебряных слитков (гривен), четырех молдавских монет Петра Мушата (1375—1391), 87 литовских монет с надписью «печать», из которых в наличии — 85 экз., и литовского полугроша 1521 г. Сигизмунда I. Что касается последней монеты, то рукой П. Каразии, хранителя клада, в описи перед этой монетой поставлен знак вопроса. Действительно, она не соответствует материалу клада по времени и, по-видимому, случайно оказалась включенной в его состав.

Дата зарытия клада, как явствует из детального изучения его компонентов,— конец XIV — первое десятилетие XV в.

Браслеты Шанчайского клада — подлинные шедевры древнерусского искусства. Описание и тщательный анализ их произвел В. П. Даркевич.

I. Серебряный с чернью и позолотой широкий браслет-наруч (рис. 1). Он состоит из двух симметричных полукруглых створок на шарнирах (система петель с подвижным стержнем внутри). Длина каждой створки 8 *см*, ширина 5 *см*, толщина стенок 0,2 *см*. Изображения обрамлены накладной серебряной проволокой, образующей полукруглые арочки — по три на каждой створке. Проволока разделена частыми поперечными бороздками, что создает видимость зерни. Края браслета украшены бордюром из выпуклых кружков (имитация обнизи из шариков), покрытых тонкими листами позолоченного серебра. Ряды ложных зерен ограничены рубчатой проволокой. На стыках арочек сделаны круглые петли, в которые были вдеты кольца из такой же проволоки (сохранилось два кольца из восьми). Контуры фигур в арочках гравированы двойными мелкозубчатыми линиями, углубления между линиями заполнены чернью. Чернью оттенены и дополнительные обрамления фигур. Сплошной «чешуйчатый» фон изображений образован резными зигзагообразными линиями, выполненными техникой «передвижки». Промежутки между проволочными и черневыми арками заштрихованы косыми линиями. Орнамент на обеих створках браслета повторяется. В боковые клейма вписаны профильные фигуры птиц, в средние клейма — растительная плетенка из сердцевидных стеблей. Птицы показаны в одинаковой позе: они сидят, повернув голову назад и подняв крылья с трилистниками на концах.

Браслет относится к группе древнерусских широких браслетов галицкого типа, выделенной Б. А. Рыбаковым [5]. Центром их производства, возможно, был Галич — один из крупнейших городов древней Руси. Для галицких широких браслетов характерны следующие особенности: 1 — схематичный стиль орнамента, неумелый рисунок; 2 — преобладание контур-

---

[4] G. B. Fedorovas. Lobių su lietuvos lydiniais ir monetomis topografija, стр. 205, № 30; стр. 118, № 29.

[5] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 265, 269.

ной черни (контур и детали рисунка наведены жирной черневой линией); 3 — зигзагообразные насечки на фоновой площади, образующие сплошную штриховку; 4 — бордюры из кружков (имитация обнизи из шариков), покрытые тонкими листиками позолоченного серебра. Птицы и древовидные осевые композиции — излюбленные орнаментальные мотивы браслетов галицкой группы. Основные элементы растительного орнамента — трилистники и реже — пальметты, которыми заканчиваются раздвоенные по оси стебли. Стебли нередко переплетены.

Находки широких браслетов галицкого типа немногочисленны.

1. Браслет из клада серебряных украшений, найденного в конце XIX в. у с. Демидов (соврем. с. Молотово), недалеко от Николаева на Днестре (Ходоровский р-н Дрогобычской обл.) [6]. Он особенно похож на браслет из клада. Каждая створка разделена проволочными арочками на три части (рис 2, *1*). Контуры рисунка черневые по гравировке. Боковые клейма обеих половин наруча заняты симметрично сидящими птицами типа голубей (рис. 2, *2*). В одном из средних клейм гравирован древовидный орнамент, в другом — фигура «охотника» в большой конической шапке и подпоясанном кафтане до колен (рис. 2, *3*). В руках он держит копье и охотничью «добычу» (схематично изображенную птицу?). Края браслета и треугольники между арками украшены выпуклыми кружками. На стыках полукругов аркатуры частично сохранились маленькие петли, но проволочные кольца утеряны. Демидовский клад был зарыт не ранее первой половины XIV в., так как в его состав входило 65 чешских монет чеканки Вацлава II (1278—1305) и Иоанна I Люксембургского (1310—1346).

2. Браслет из окрестностей древнего Галича (с. Викторов Галичского р-на Станиславской обл.) [7]. Подражающие арочкам клейма (по три на каждой створке) заняты профильными фигурками птиц и узлами плетенки, аналогичными растительным мотивам на браслете из Шанчайского клада.

3. Два браслета в составе клада серебряных женских украшений из Войнешти (Яссы), найденного в 1926 г. [8] Каждая створка одного из браслетов делится на два квадратных клейма, отделенных выпуклыми кружками. Контуры рисунка черневые по гравировке. В одном клейме помещена геральдически распластанная хищная птица, похожая на орла. По сторонам ее головы вырезаны маленькие звездочки. В другом клейме видим стандартный мотив стоящей в профиль птицы с хвостом и крыльями в виде трилистника. Два других квадрата занимают обычные древовидные композиции. При изготовлении второго браслета шириной всего 3 *см* ювелир отказался от разделения поверхности на отдельные поля. Декор состоит из горизонтальной геометрической плетенки и вьющегося стебля с пальметками в S-видных завитках. На основании комплекса украшений Д. Теодору считает, что клад из Войнешти был закопан во время татарского нашествия 1241 г. Это утверждение не вполне доказательно, так как некоторые типы украшений, найденных в комплексе клада, продолжали бытовать в XIII — первой половине XIV в., что признает и сам автор. Ясский торг, где был найден клад, упомянут в списке русских городов на территории Молдовы только в конце XIV в. [9] Существование на этом месте города домонгольского времени пока не подтверждено и археологически.

Широкие браслеты галицкой группы обычно датируют первой половиной XIII в., но не исключено, что их продолжали изготовлять и во второй половине столетия. В кладе из Демидова широкий браслет сопровождали

---

[6] М. Грушевський. Молотовське срібло. Записки Наукового товариства им. Шевченка, XXV, Львов, 1898.

[7] О. Ратич. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ, 1957, стр. 44, табл. XI, *23*; Я. Пастернак. Старий Галич. Краків — Львів, 1944, табл. XV, *2*.

[8] Д. Теодору. Раннефеодальный клад украшений, найденный в Войнешти (Яссы). Dacia. V. Bucarest, 1961, стр. 507—510, рис. 4, 5; M. M. Popescu. Podoabe medievale în Tările Române. Bucureşti, 1970, No. 77, 78, рис. 38—40.

[9] Д. Теодору. Ук. соч., стр. 519.

монеты первой половины XIV в., вещевой комплекс из Войнешти включал поздние типы украшений. Стандартизация и схематизация орнаментального убранства галицких наручей, возможно, объясняется не столько локальными особенностями, сколько их более поздней датировкой. Деятельность ремесленных мастерских галицко-волынских городов могла быть достаточно интенсивной и после 1240 г., так как юго-западная Русь попала под власть Золотой Орды несколько позднее, чем северо-восточная. Упадок ремесла, вероятно, наступил не сразу. Только в конце 50-х годов XIII в. независимость Галицко-Волынской Руси была ликвидирована. Оборонительные сооружения ее важнейших городов были уничтожены. После смерти

Рис. 3. Витой браслет из Шанчайского клада

князя Даниила Романовича (1264) Галицко-Волынская Русь утратила свое политическое единство.

II. Серебряный витой браслет с несомкнутыми расширенными концами (рис. 3). Браслет изготовлен путем сложного переплетения четырех проволочных жгутов, каждый из которых сплетен из двух проволок. Щитковые концы браслета образованы треугольными пластинками. Они украшены рядами из крупных шариков зерни, а по краям — тонкой крученой проволочкой. Там, где заканчивается плетение и начинается пластинка, помещены круглые выступы из напаянных друг на друга шариков зерни. От замка, смыкавшего концы браслета, сохранилась одна петля, утрачен и металлический стержень вставлявшийся в петли.

Восемь серебряных браслетов того же типа найдены в составе клада из Войнешти (Яссы) [10]. Автор публикации относит их к украшениям южнодунайского (византийского) происхождения. Аналогичные экземпляры обнаружены в Молдове (Оцелени-Хуши), в Трансильвании (Амнаш) и в Банате. На основании татарских монет клад из Оцелени датируется концом XIII в. Сходные браслеты найдены также в Венгрии, в южном Крыму и к югу от Дуная в Болгарии Германии и Сливени). Болгарские экземпляры датируются XIII — XIV вв. [11]

В Литву, под Каунас, браслеты могли попасть непосредственно с Волыни (сначала по правым притокам Припяти, затем по Ясельде и левому притоку Немана Зельвянке). Через Галицко-Волынскую Русь шел Балтийско-Черноморский речной путь (Днестр — Сан — Висла или Днестр — Серет — Западный Буг — Висла). По притоку Западного Буга — Нареву — можно было проникнуть в бассейн Немана.

---

[10] Д. Теодору. Ук. соч., стр. 504—507, рис. 2 и 3.
[11] М. М. Popescu. Ук. соч., No. 85, рис. 35

Рис. 1. Серебряный браслет-наруч из Шанчайского клада

Рис. 2. Серебряный наруч из Демидовского клада

1 — общий вид, *2* — детали

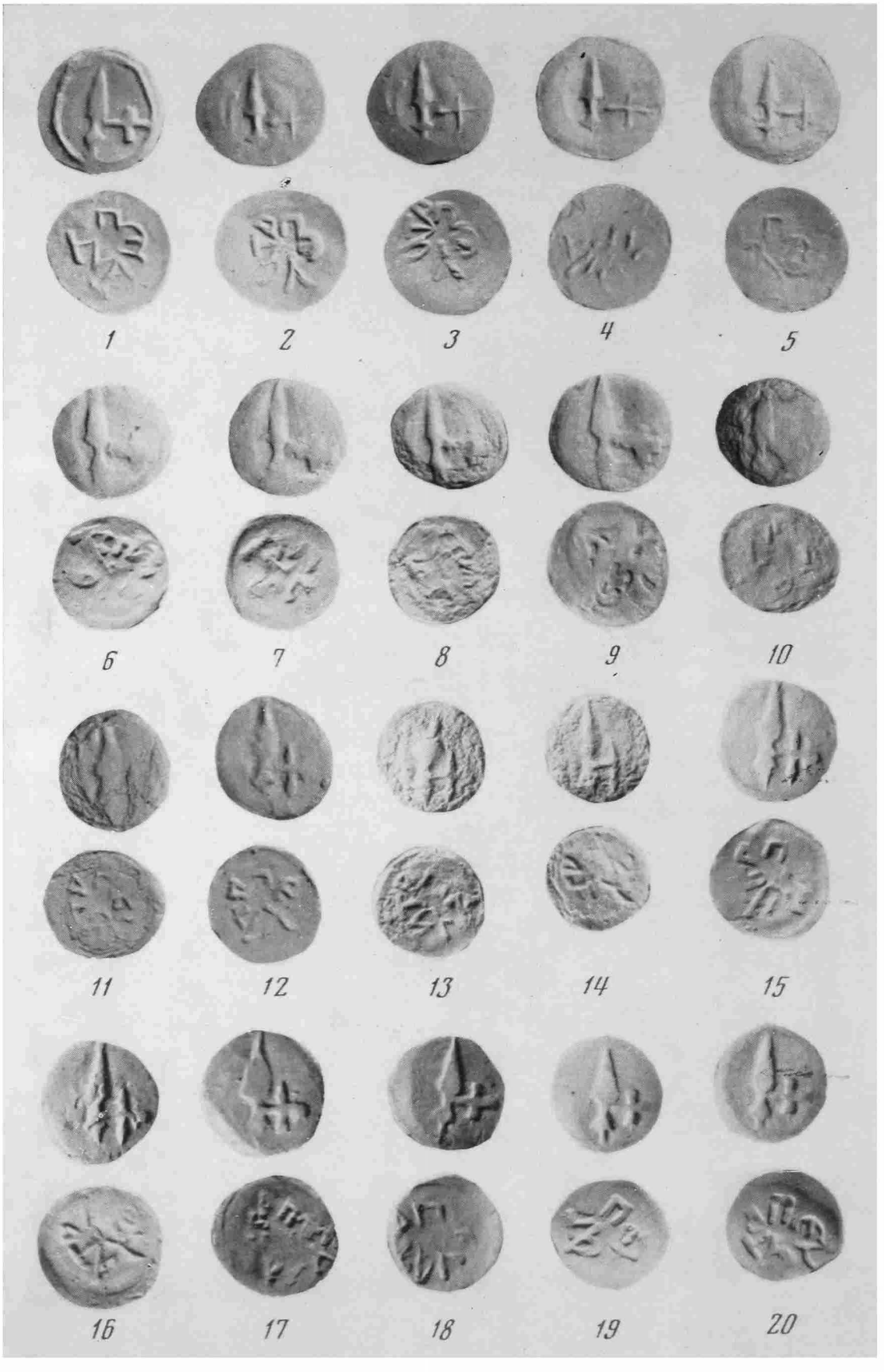


Рис. 7. Монеты из Шанчайского клада

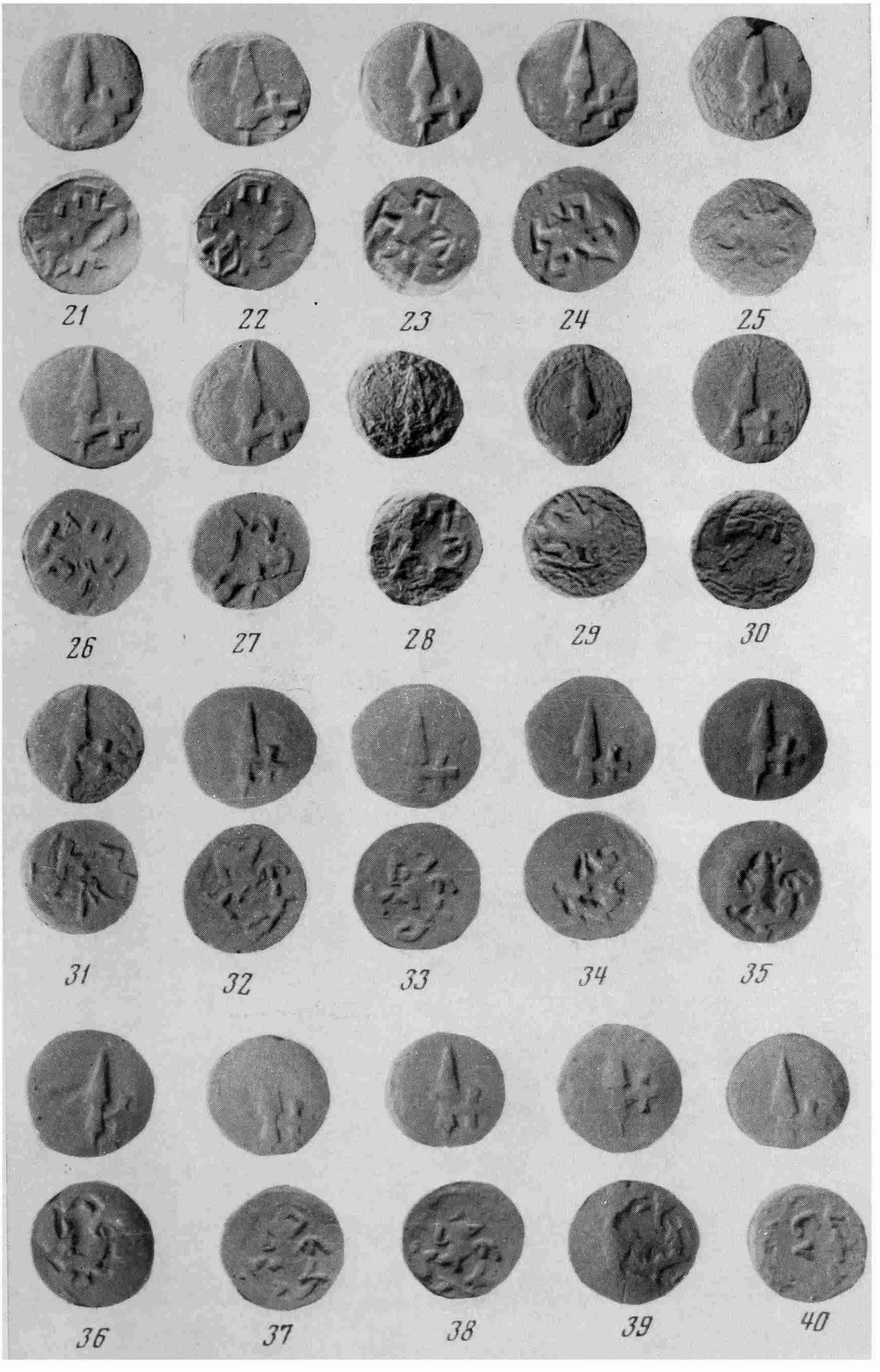


Рис. 8. Монеты из Шанчайского клада

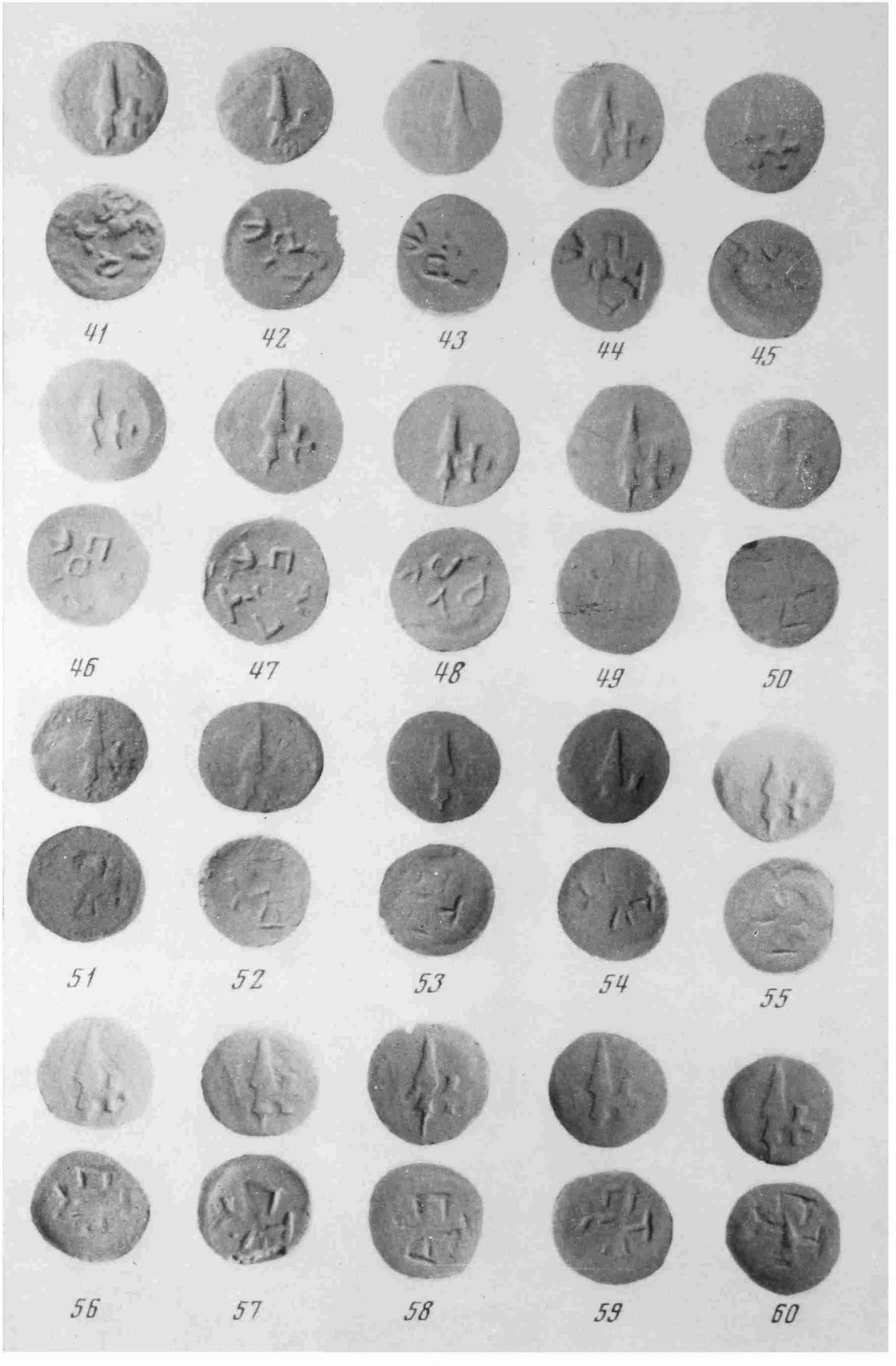


Рис. 9. Монеты из Шанчайского клада

Молдавские монеты, по всей вероятности, проникли в Литву аналогичным путем. Они не являются редкостью в литовских кладах, хотя, правда, присутствуют в небольших количествах. Четыре монеты из Шанчайского клада принадлежат к числу известных монет Петра Мушата [12].

Лицевая сторона. В точечном ободке голова быка, между рогами которого — звезда. С одной стороны головы — розетка (возможен вариант), с другой — полумесяц.

Легенда +SIM[13] PQTRI ☆ WOIWO.

Оборотная сторона. Гербовый щит, разделенный продольно на две части: справа три прямоугольные балки, слева лилии, лилии также с трех сторон щита.
Легенда +SI MOLDAVINSIS.

Слитки, найденные в кладе, Г. Б. Федоров относит к литовским [14] (рис. 4, 5). Один из слитков — целая гривна, а четыре — 1/2 гривны. Все слитки имеют трехгранную форму, горбатую спинку, поверхность их пористая. Вес и размер слитков следующий: 189,5 *г*, длина 10,72 *см*; 95,43 *г*, длина 6,5 *см*; 94,91 *г*, длина 6,4 *см*; 93,2 *г*, длина 6,4 *см*; 91,03 *г*, длина 6,6 *см*. Подобные слитки в нумизматической литературе классифицируются как новгородские. Н. Бауэр датирует их XIV — началом XV в. [15]

Наибольший интерес для нас представляют монеты с надписью «печать», и прежде всего потому, что впервые найдены в столь компактной массе. На одной стороне монет изображен наконечник копья, к которому примыкает крест. Многообразие вариантов крестов на монетах Шанчайского клада подтверждает, что с наконечником копья соседствует крест, а не меч [16] или листок растения [17], как предполагали некоторые исследователи. Другая сторона монет полностью занята русским словом «печать». Буквы надписи расположены в круг, как привило, по часовой стрелке. Только на отдельных экземплярах надпись читается в обратную сторону.

Характер расположения креста по отношению к копью дает возможность весь монетный материал клада разделить на две группы [18]. Они не одинаковы по числу монет: первая группа включает монеты, где крест расположен справа от копья,— 78 экз.; вторая — монеты с крестом слева — 10 экз. Незначительное изменение изображения не влечет за собой каких-либо существенных изменений вида и не меняет общего характера данного монетного типа. Не вызывает сомнения, что чеканка монет производилась в одном центре.

В результате штемпельного разбора выявлено 37 вариантов монет с надписью «печать». М. Гумовскому было известно только пять разновидностей [19], А. Ильину [20] — четыре.

Многообразие штемпелей, казалось бы, должно свидетельствовать о большом количестве выпущенных монет данного типа и о длительном обращении последних. Но немногочисленность их находок, а также отсутствие в известных нам кладах совместно с другими типами литовских монет делает это предположение маловероятным.

Можно допустить, что в производстве штемпелей участвовало одновременно значительное количество мастеров. Однако, во-первых, в Литовском великом княжестве указанного времени в силу недостаточно развитой

---

[12] D. A. Sturdza. Übersicht der Münzen u. Medaillen des Fürstenthums Romanien. NZ IV. Wien, 1875. № 7, стр. 55; E. Fischer. Beitrag zur Münzkunde des Fürstenthums Moldau. Czernowitz, 1901, 10, bap.

[13] SIM, SI — сокращение слова SIGNUM (знак, печать).

[14] G. B. Fedorovas. Ук. соч., стр. 205.

[15] N. Bauer. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters. NZ, 62 (Wien), 1929, стр. 68, табл. 6, № 139.

[16] J. Tyszkiewicz. Skorowidz monet litewskich. Warszawa, 1875, стр. 28.

[17] А. К. Кирков. Монетное дело в Литве. «Древности», II, М., 1870, стр. 95.

[18] См. приложение: таблицы разбора монет клада по штемпелям.

[19] M. Gumowski. Ук. соч., стр. 42.

[20] А. А. Ильин. Ук. соч., стр. 15.

экономики вряд ли могло возникнуть настолько крупное производство, чтобы в нем работало два десятка мастеров-резчиков, во-вторых, несмотря на кажущееся разнообразие штемпелей, они очень близки по технике изготовления. Особенно сходство проявляется в изображении копья с крестом, т. е. в рисунке лицевой стороны. Более разнообразна трактовка надписи «печать». Вряд ли штемпели оборотной стороны резал один человек.

Как показал детальный анализ соотношения осей лицевой и оборотной

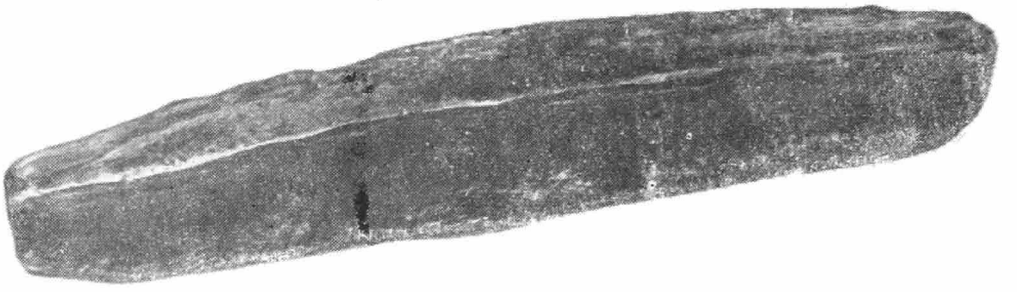


Рис. 4. Слиток-гривна из Шанчайского клада

Рис. 5. Половина слитка из Шанчайского клада

сторон, при чеканке исследуемых монет использовались не сопряженные штемпели. Это значит, что штемпель лицевой стороны — нижний — был закреплен неподвижно, а верхний штемпель накладывался на монетную заготовку и по нему производился удар. Ударить по верхнему штемпелю могли не один раз. Это хорошо заметно на монетах № 21—22, где слово «печать» оттиснуто дважды. Верхний штемпель изнашивался быстрее, поэтому естественно, что штемпелей оборотной стороны больше (первая группа — 20 штемпелей лицевой стороны, 27 — оборотной: вторая группа — 7 штемпелей лицевой стороны, 9 — оборотной). Нижний штемпель существовал не намного дольше. По-видимому, штемпели были низкого качества, они недолго находились в работе, разрушались, их необходимо было часто менять.

Самую большую группу монет Шанчайского клада (22 экз.), объединенных общим штемпелем и лицевой и оборотной сторон, составляют № 49—70. На этих монетах слово «печать» практически не читается: оно состоит из четырех букв, расположенных в виде креста. По крайней мере об одном из резчиков можно сказать, что он был или неграмотен, или не знал русского языка.

К сожалению, пока имеется единственный клад монет с надписью «печать», можно делать только отдельные замечания о способе их чеканки. На наш взгляд, некоторая примитивность монетного изображения, нечеткость в написании слова «печать», весовая неоднородность свидетельствуют о недостаточно развитом чекане. Следовательно, многообразие штемпелей в данном случае, вероятно, может свидетельствовать о низкой технике монетного производства.

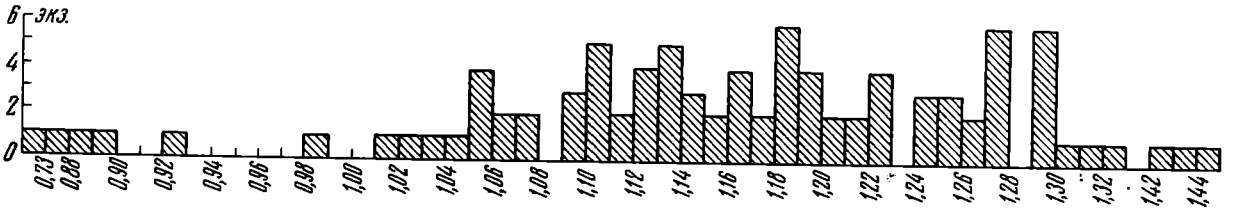


Рис. 6. Весовой график литовских монет с надписью «печать»

Из-за малочисленности известных монет с надписью «печать» до сего времени не ставился вопрос об их весовой норме. В настоящее время зафиксирован вес 92 экз. монет с надписью «печать» (87 монет Шанчайского клада, три монеты из коллекции отдела нумизматики Государственного Эрмитажа [21], две монеты из собрания Е. Гуттен-Чапского [22]):

0,73; 0,88; 0,89; 0,90; 0,93; 0,99; 1,02; 1,03; 1,04; 1,05; 1,06 (4); 1,07 (2); 1,08 (2); 1,10 (3); 1,11 (5); 1,12 (2); 1,13 (4); 1,14 (5); 1,15 (3); 1,16 (2); 1,17 (4); 1,18 (2); 1,19 (6); 1,20 (4); 1,21 (2); 1,22 (2); 1,23 (4); 1,25 (3); 1,26 (3); 1,27 (2); 1,28 (6); 1,30 (6); 1,31; 1,32; 1,33; 1,42; 1,44; 1,45 *г*.

Графическое изображение весов известной нам группы монет (рис. 6) наглядно свидетельствует, что явного преимущества монет какого-то определенного веса не наблюдается. Вес большей части монет колеблется в пределах 1,06—1,30 *г*. Можно отметить, что понижение или повышение веса не вызывает изменения штемпеля. Например, вес монет № 49—70, объединенных общими штемпелями лицевой и оборотной сторон, колеблется от 1,05 до 1,44 *г*; 28—29— от 0,99 до 1,27 *г* и т. д. Весовой график также показывает, что хотя колебания веса монет довольно ощутимые, резкого изменения веса не происходит. Скорее это «ползучее», связанное со способом чеканки al marco, понижение монетной нормы [23], исходной величиной которой мог быть вес 1,28—1,30 *г*.

По вопросу о времени и месте чеканки, а также о принадлежности монет с надписью «печать» литовским князьям, в литературе не существует единого мнения. Большинство исследователей считают их самыми ранними литовскими монетами, однако по поводу правителя, чеканившего их, существуют разногласия: называют имя то Альгирдаса [24], то Кестутиса [25]. Действительно, есть основания рассматривать монеты с надписью «печать» как самые ранние литовские монеты: архаичная форма, более высокий вес по сравнению с другими типами литовских монет этого периода (по Федо-

[21] А. А. Ильин. Ук. соч., стр. 15. В собрании отдела нумизматики Гос. Эрмитажа хранятся также девять монет того же самого типа, однако по характеру рисунка и по весу, приблизительно в два раза меньшему, они отличаются от монет Шанчайского клада. Девять монет связаны между собой штемпелями лицевой и оборотной сторон (три штемпеля лицевой и два — оборотной). Трудно сказать что-либо конкретное об этих монетах из-за их малочисленности. К тому же неизвестны ни место их находки, ни происхождение в коллекции.

[22] E. Hutten-Czapski. Catalogue de la collection des médailles et monnaies polonaises I, St-Pet.— Paris, 1871, No. 146, 2552.

[23] В. Л. Янин. О метрологических закономерностях в развитии русских монетных норм XIV—XVII вв. Археографический Ежегодник за 1957 г., М., 1958, стр. 18.

[24] Н. Н. Щекатихин. Ук. соч., стр. 77; A. Tautavičius. Ук. соч., стр. 84.

[25] А. А. Ильин. Ук. соч., стр. 15.

рову, литовские монеты II, III, IV типов соответственно имеют средний вес 0,3; 0,397; 0,422 *г*) [26]. Однако наиболее важным аргументом служит сопровождающий их в находках материал.

Литовским монетам в кладах сопутствуют обычно серебряные гривны, пражские гроши, польские монеты XIV—XV вв., венгерские, силезские, молдавские монеты этого же времени, татарские и русские монеты XV в. В одном кладе литовские монеты найдены с монетами ливонских магистров и монетами города Ревеля, в одном — с монетами дерптского епископа. В комплексе с монетами данного типа обычно встречаются серебряные слитки, а в Шанчайском кладе — наиболее ранний материал — браслеты XIII—XIV вв. Показательно, что монеты с надписью «печать» не найдены с пражскими грошами, столь обычными в соседстве со всеми остальными типами литовских монет. Наплыв пражских грошей в Литовское великое княжество, где они становятся общей для всего княжества монетой, наблюдается в конце первого — во втором десятилетии XV в.

Следовательно, верхней границей эмиссии монет с надписью «печать» является конец первого десятилетия XV в. Ранее этого рубежа монеты могли чеканить Витаутас, Ягайла, Альгирдас, Кестутис. Однако изображение на монете заставляет исключить два последних имени. Использование креста как одного из компонентов монетного изображения вряд ли можно рассматривать в качестве декоративного момента, как считает, например, Н. Н. Щекатихин [27]. Наличие креста свидетельствует, что монета чеканена не языческим князем, а христианским правителем [28].

Как известно, Литовское великое княжество было последним языческим государством в Европе. Христианизация Литвы произошла лишь в 1387 г., а в области Жемайтии — даже в 1413 г. [29] Кестутис был ярым противником христианизации своего государства, сам умер язычником и похоронен по языческому обряду [30]. О крещении в православие Альгирдаса источники передают разноречивые сведения [31]. По всей вероятности, Альгирдас, несмотря на то, что правил русскими землями, также не принял христианства [32].

Если предположить, что данные монеты чеканил Кестутис, то необъяснима русская надпись «печать» на оборотной стороне монет. Ведь в его управлении находилась западная окраина Литовского княжества: Жемайтия, Тракай, Каунас, Гродненская область, Подляшье [33], а великим князем он стал лишь на несколько месяцев. Наоборот, Альгирдас был хозяином в восточной части княжества, князем Витебским и Литовским великим князем. В случае чеканки монет с надписью «печать» Альгирдасом ареал их должен охватывать русские земли княжества, находки же сосредоточены на территории Литвы.

Если принять условие, что монеты чеканены после 1387 г., остаются два правителя, которые могли их выпускать. Однако Ягайла в это время предстает перед нами уже в качестве польского короля. На польских монетных дворах, прежде всего — краковском, в этот период чеканили совершенно отличные от наших виды монет [34].

[26] Г. Б. Федоров. Классификация, стр. 115.

[27] Н. Н. Щекатихин. Ук. соч, стр. 62.

[28] На этот момент обращал внимание и М. Гумовский, правда, он имел в виду другие монеты (Numizmatyka litewska..., стр. 37).

[29] Ю. М. Юргинис. Причины позднего распространения христианства в Литве. XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970, стр. 5.

[30] H. Paszkewicz. Jagiellonowie a Moskwa. I, Warszawa, 1933, стр. 358.

[31] В. Б. Антонович. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев, 1878, стр. 97.

[32] H. Paszkewicz. Ук. соч., стр. 358.

[33] А. Барбашев. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы. СПб., 1885, стр. 19; М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915, стр. 43.

[34] St. Kubiak. Monety pierwszych Jagiellonów (1386—1444). Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970, стр. 25.

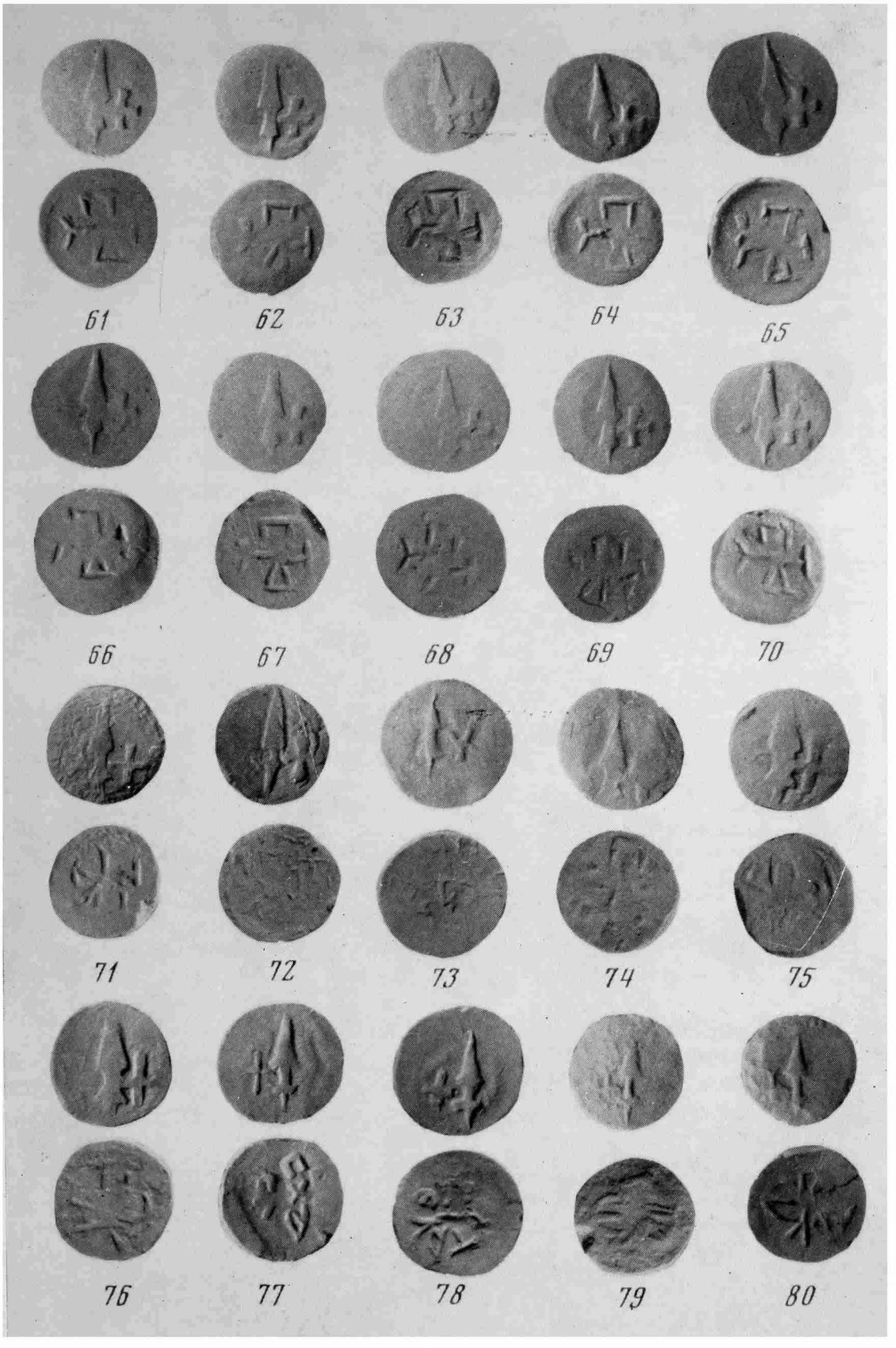


Рис. 10. Монеты из Шанчайского клада

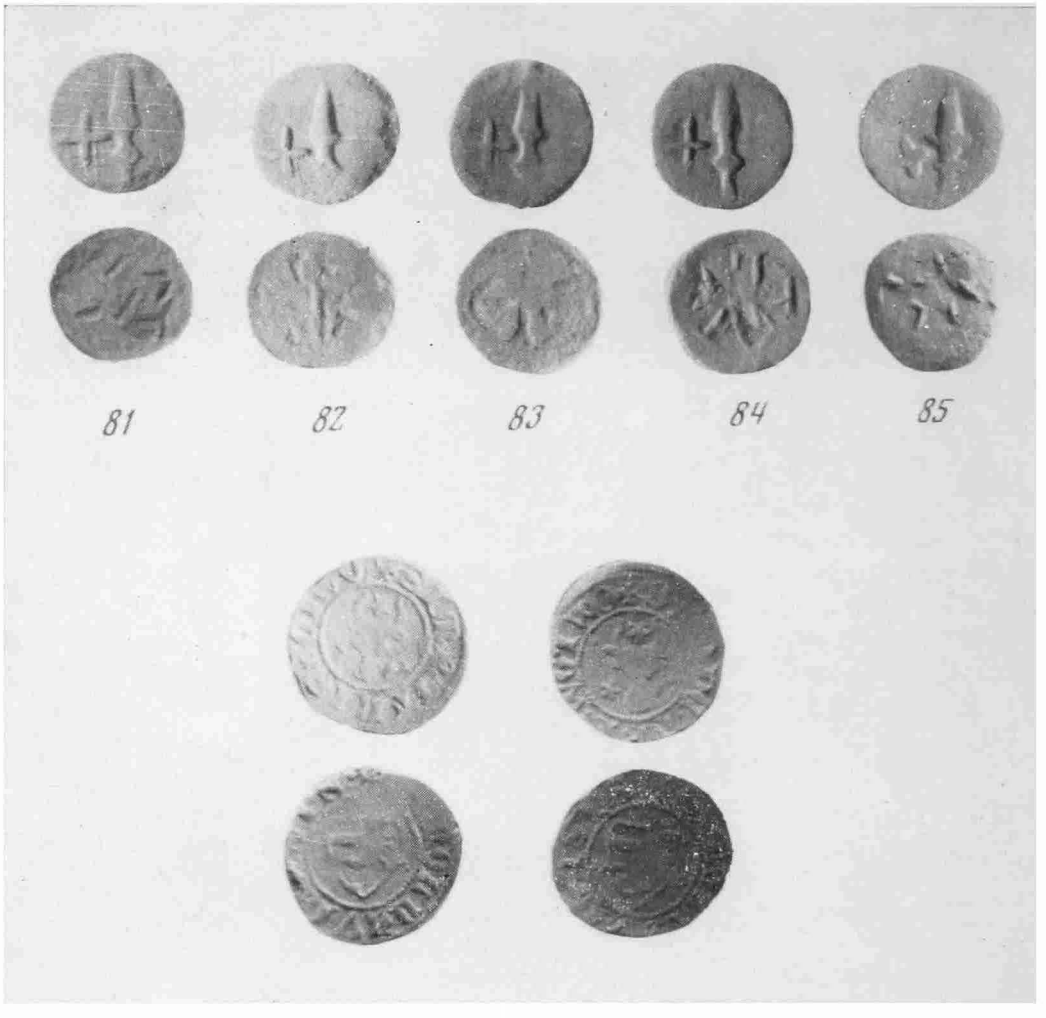


Рис. 11. Монеты из Шанчайского клада

По нашему мнению, монеты с надписью «печать» принадлежат великому князю Витаутасу. Витаутас был трижды крещен[35], и употребление креста на его монетах не может быть случайным, так же как и изображение копья. Копье считают национальным литовским оружием[36], и на печатях Витаутаса изображение человека с копьем (пешего или всадника) — явление частое. На самой ранней печати Витаутаса 1379 г. изображен пеший воин с копьем в правой руке[37]. Особенно известна большая печать Витаутаса 1404 г.[38]. На ней фигурируют в щите, разделенном на четыре части, следующие изображения: 1 — геральдический крест; 2 — литовский всадник («погонь») влево, отличающийся тем, что, как пишет Ф. Пьекосиньский[39], рыцарь держит не меч, а длинное копье; 3 — вооруженный рыцарь с копьем в левой руке, щитом в правой; 4 — медведь влево.

Пеший рыцарь, сжимающий копье в правой руке, изображен на одном из гербовых щитов большой печати Витаутаса 1407—1430 гг.[40] Копье с крестом в данном случае не является официальным гербом Литовского княжества. Вряд ли это старинный родовой знак Витаутаса. Родовым знаком можно считать известные «колюмны» — ворота, столбы, помещенные на литовских монетах иного типа. Подобный знак имеется на надгробии Товтивила — Конрада Кестутовича, брата Витаутаса, убитого под Вильнюсом в 1390 г. Н. П. Лихачев не без оснований видит в гербе «колюмны» увековечение с изменениями одного из старинных родовых знаков[41]. «Колюмны» помещал Витаутас, по-видимому, на монетах последующей более многочисленной эмиссии.

На литовских монетах третьего типа, кроме «колюмн», можно видеть также и всадника с занесенным мечем — «погонь». Это изображение исследователи считают официальным литовским гербом[42]. Очевидно, к моменту выпуска монет с надписью «печать» всадник еще не стал официальным гербом Литовского княжества или же не помещался на монетах по каким-то соображениям.

Известно, что на «малых» печатях некоторые литовские князья изображали свои знаки — родовые или личные[43]. Можно думать, что копье с крестом — какой-то личный знак Витаутаса, впоследствии замененный государственным гербом. Появление на литовских монетах русской надписи «печать» не удивительно. Литовские князья употребляли печати двух типов: с надписью на латинском языке западноевропейского типа и с надписью на русском языке[44]. Однако в данном случае возможен факт заимствования и, до известной степени, копирования аналогичных по времени русских монет.

Выпуск монет с надписью «печать» был кратковременным. Об этом свидетельствует малое число их находок, сосредоточенность последних исключительно в юго-восточной части Литвы, отсутствие в погребениях. Согласно имеющимся данным, монеты с надписью «печать» найдены: 1 — г. Каунас (район Шанчай) — 87 монет вместе со слитками, русскими браслетами

---

[35] А. Барбашев. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы, стр. 27.

[36] M. Gumowski. Ук. соч., стр. 37.

[37] F. Vossberg. Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern u. Preussen. Berlin, 1854, табл. 22; Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. 2, Тр. Музея палеографии, II, Л., 1930, стр. 237; M. Semkowicz. Sfragistyka Witolda. Wiadonośći numizmatyczno-archeologiczne, XIII, Kraków, 1931, стр. 66.

[38] F. Vossberg. Ук. соч., табл. 23.

[39] F. Piekosiński. Heraldyka polska viekow średnich. Kraków, 1899, стр. 389. Б. В. Кёне. О литовских гербах. Записки Санкт-Петербургского Археологического общества. I, 1849, стр. 227.

[40] W. Semkowicz. Ук. соч., стр. 81—82.

[41] Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 261.

[42] Там же, стр. 236.

[43] Там же, стр. 237.

[44] Там же, стр. 237.

XIII в.; 2 — г. Каунас — 1 монета [45]; 3 — Шавры, Лидский р-н, Гродненская обл.,— 1 монета [46]; 4 — Чёбишкис, р-н Укмерге — 1 монета [47]; 5 — Пиевагалей, р-н Алитуса — 7 монет [48] (с обломком серебряного слитка); 6 — Скрайщёнис, р-н Алитуса — 16 монет [49]. Кроме того, имеются публикации отдельных монет, вернее, прорисовки, без указания места находки.

Исходя из ареала монет с надписью «печать», можно предположить, что центром их чеканки был город Каунас. Каунас относился к городам, входившим во владения отца Витаутаса — Кестутиса. В период, предшествующий объявлению Витаутаса великим князем, крестоносцы помогли ему укрепиться в Каунасе, вокруг которого были возведены ими деревянные укрепления. Известно, что Риттерсвердер — укрепление около Каунаса — Витаутас сделал своеобразным семейным центром: в конце 1391 г. он начинает собирать сюда своих родственников, живших в качестве заложников в разных городах Пруссии [50]. В 1392 г., как известно, Витаутас получил наследственные земли отца, а также всю Литву с титулом Великого Литовского князя. Однако имеются документы, в которых Витаутас назван королем до официального принятия им титула великого князя, например в акте 1390 г. [51] На печати, привешенной к документу, также титул короля.

Если учесть, что в средние века монеты были одним из действенных способов показать политическую самостоятельность, то вполне допустимо, что монеты с надписью «печать» Витаутас выпустил в Каунасе еще до официального объявления его великим князем.

Наряду с анализом монетного изображения или ареала монет при решении вопросов хронологии наиболее существенным моментом является их метрологическое исследование и аналогии. При тесных контактах Литовского великого княжества с соседями, уже имеющими в обращении монету, не исключается заимствование весовой нормы, а может быть, и монетного типа.

М. Гумовский сделал предположение, что монеты с надписью «печать» составляют 1/2 пражского гроша [52]. С этим нельзя согласиться, так как становление пражских грошей в качестве денег в Литовском великом княжестве произошло, вероятно, позднее их кратковременной эмиссии. В соотношение с пражским грошем могут входить два другие типа ранних литовских монет, которые встречаются вместе с чешскими монетами в кладах, но никак не монеты с надписью «печать».

При чеканке первых собственных монет литовские князья с наибольшей вероятностью могли ориентироваться на Польшу или Немецкий Орден. Однако монеты с надписью «печать» ни по типу, ни по весу не похожи на монеты названных государств [53]. В Золотой Орде, у восточного соседа Литовского княжества, монетная норма, более или менее близкая первым литовским монетам — 1,4—1,42 *г*, была установлена только реформой Тохтамыша в 1380 г.[54]

В период, предшествующий появлению собственной монеты, денежное обращение Литовского великого княжества, как и в русских княжествах, обслуживалось слитками различного типа и веса. Допустимо, что и возник-

---

[45] E. Hutten-Czapski. Ук. соч., стр. 14.

[46] Н. Н. Щекатихин. Ук. соч., Топография, № 41; G. B. Fedorovas. Ук. соч., стр. 214, № 7.

[47] Там же, стр. 217, № 23; A. Tautavičius. Ук. соч., стр. 74, № 1.

[48] G. B. Fedorovas. Ук. соч., стр. 217, № 24; A. Tautavičius. Ук. соч., стр. 75, № 13.

[49] Там же, стр. 77, № 31.

[50] А. Барбашев. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы, стр. 60.

[51] J. Daniłowicz. Skarbiec diplomatów etc. I, Wilno, 1860, № 583.

[52] M. Gumowski. Ук. соч., стр. 44.

[53] St. Kubiak. Ук. соч., стр. 220—223; E. Waschinski. Die Münz- und Währungspolitik des Deutschen Ordens in Preussen, ihre historischen Probleme und seltenen Gepräge. Göttingen, 1952, стр. 72—73, 235.

[54] Г. А. Федоров-Давыдов. Клады джучидских монет. НЭ, I, 1960, стр. 111.

шая монета Литовского княжества была подобна русской. Возобновление чекана на Руси относят к 70-м — 80-м годам XIV в.[55]; на первых монетах некоторых русских княжеств помещалось слово «печать».

История денежной чеканки в русских удельных княжествах не изучена по-настоящему. Однако на основании имеющихся данных можно сделать вывод, что не монеты Москвы, Нижнего Новгорода или Твери послужили образцом для первых литовских монет. Гораздо ближе им весовая норма рязанских монет, чеканенных по типу джучидских в 80-х годах XIV в.[56] А. А. Ильин среди ранних рязанских монет выделяет группу с надписью «печать князя»[57]. Вес экземпляров, известных А. А. Ильину,— 1,07—1,32 *г*. В настоящее время доказано, что данные монеты принадлежат, правда, не самому Рязанскому княжеству, а его удельному княжеству Пронскому[58].

Альгирдас и Кестутис по времени своего правления не могли чеканить аналогичные монеты. Остается отнести первый литовский чекан только ко времени Витаутаса. Летописный материал, которым располагают историки, к сожалению, не дает оснований говорить о тесных торговых связях между Рязанскими землями и княжеством Витаутаса. Летописи сообщают, в основном, о военных действиях с обеих сторон. Слабый отзвук в письменных источниках получают притязания великих литовских князей, и прежде всего Витаутаса, на господство в Рязани и их постоянное соперничество с Москвой[59]. Только от более позднего времени имеется интересный документ, отмечающий тесные связи Литвы с Рязанским и Пронским княжествами. Это — договоры о подданстве Витаутасу князей Рязанского и Пронского 1430 г., в которых они подтверждают литовскому князю свою верность и послушание[60]. Вероятно, аналогичный документ был и предшествовал известному нам. А если между княжествами существовали более тесные взаимоотношения, чем о них можно судить по дошедшим до настоящего времени документам, то наше предположение о влиянии русских монет на ранний литовский чекан приобретает большую долю вероятности (рис. 7—11).

Итак, из сказанного выше о монетах с надписью «печать» вырисовывается следующая картина: чеканены они после 1387 г., т. е. после крещения Литвы. До сих пор этот тип монет не обнаружен в погребениях, находки крайне редки, ареал охватывает район Каунаса — Алитуса. На наш взгляд, налицо весьма эпизодическая эмиссия монет, не получивших широкого распространения в обращении на всей территории княжества. В связи с этим возможно и заимствование для них весовой нормы монет русских княжеств и русской надписи «печать», помещаемой на монетах возникшего вновь идентичного по времени русского чекана. На обратной стороне монет помещен не государственный герб, как на более массовом типе литовских монет, а личный знак князя Витаутаса, выпустившего данные монеты.

В настоящее время затруднительно дать точную хронологию всех известных типов ранних литовских монет и датировать их относительно друг друга. Во всяком случае материал, сопровождающий монеты с надписью «печать» в кладовом комплексе, позволяет считать их самими ранними из литовских монет. Отсутствие указанных выше монет в кладах с двумя другими наиболее распространенными типами свидетельствует, что было проведено официальное изменение типа и весовой нормы монет. В резуль-

---

[55] В. Л. Янин. Деньги и денежные системы. Очерки русской культуры XIII—XV веков. I, М., 1969, стр. 333—335.

[56] В. Л. Янин. Алтын и его место в русских денежных системах XIV—XV вв. КСИИМК, 66, 1956, стр. 28.

[57] А. А. Ильин. Ук. соч., стр. 24.

[58] П. А. Шорин. Монеты Пронского удельного княжества. ВМГУ, № 6, 1970, стр. 73—74.

[59] Д. Иловайский. История Рязанского княжества. М., 1858, стр. 272.

[60] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицею императорской Академии наук. 1 (1294—1598), СПб., 1836, № 25—26.

тате старые деньги — монеты с надписью «печать» — изъяли из обращения. Монетную реформу провел тот же Витаутас: как известно, монетная реформа не обязательно должна совпадать со сменой князей [61].

Обнаружение новых кладов, а также накопление материала за счет более тщательного изучения коллекций музеев страны будет способствовать установлению периодизации ранних литовских монет.

Приложение

Таблица поштемпельного анализа монет с надписью «печать»

Первая группа*

1. Л.с. 1 — О.с. 1; 1,13 *г*
2. Л.с. 2 — О.с. 2; 1,11 *г*
3. Л.с. 2 — О.с. 2; 1,21 *г*
4. Л.с. 2с — О.с. 4; 1,20 *г*
5. Л.с. 5 — О.с. 5; 1,28 *г*
6. Л.с. 6 — О.с. 6; 1,06 *г*
7. Л.с. 6 — О.с. 6; 1,07 *г*
8. Л.с. 8 — О.с. 8; 1,13 *г*
9. Л.с. 6 — О.с.9; 1,13 *г*
10. Л.с. 10 — О.с. 10; 1,30 *г*
11. Л.с. 11 — О.с. 11; 1,12 *г*
12. Л.с. 11 — О.с. 11; 1,19 *г*
13. Л.с. 11 — О.с. 13; 1,11 *г*
14. Л.с. 11 — О.с. 13; 1,17 *г*
15. Л.с. 11 — О.с. 13; 1,26 *г*
16. Л.с. 11 — О.с. 13;1,31 *г*
17. Л.с. 11 — О.с. 17; 1,13 *г*
18. Л.с. 18 — О.с. 18; 1,18 *г*
19. Л.с. 18 — О.с. 19; 1,06 *г*
20. Л.с. 18 — О.с. 19; 1,10 *г*
21. Л.с. 21 — О.с. 21; 1,07 *г*
22. Л.с. 21 — О.с. 21; 1,12 *г*
23. Л.с. 21 — О.с. 23; 0,99 *г*
24. Л.с. 21 — О.с. 23; 1,14 *г*
25. Л.с. 21 — О.с. 23; 1,15 *г*
26. Л.с. 21 — О.с. 23; 1,19 *г*
27. Л.с. 21 — О.с. 23; 1,19 *г*
28. Л.с. 21 — О.с. 23; 1,27 *г*
29. Л.с. 21 — О.с. 23; 1,15 *г*
30. Л.с. 30 — О.с. 30; 1,14 *г*
31. Л.с. 30 — О.с.30; 1,14 *г*
32. Л.с. 32 — О.с. 32; 1,06 *г*
33. Л.с. 32 — О.с. 32; 1,06 *г*
34. Л.с. 32 — О.с. 32; 1,10 *г*
35. Л.с. 32 — О.с. 32; 1,19 *г*
36 Л.с. 32 — О.с. 32; 1,20 *г*
37. Л.с. 32 — О.с. 32; 1,23 *г*
38. Л.с. 32 — О.с. 32; 1,25 *г*
39. Л.с. 32 — О.с. 32; 1,30 *г*
40. Л.с. 40 — О.с. 40; 1,32 *г*
41. Л.с. 40 — О.с. 40; 1,42 *г*
42. Л.с. 42 — О.с. 42; 1,15 *г*
43. Л.с. 42 — О.с. 42; 1,17 *г*
44. Л.с. 42 — О.с. 42; 1,19 *г*
45. Л.с. 42 — О.с. 42; 1,23 *г*
46. Л.с. 42 — О.с. 42; 1,26 *г*
47. Л.с. 42 — О.с. 47; 1,30 *г*
48. Л.с. 42 — О.с. 42; 1,45 *г*
49. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,22 *г*
50. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,05 *г*
51. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,17 *г*
52. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,21 *г*
53. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,28 *г*
54. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,28 *г*
55. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,30 *г*
56. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,11 *г*
57. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,11 *г*
58. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,14 *г*
59. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,16 *г*
60. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,19 *г*
61. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,20 *г*
62. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,23 *г*
63. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,23 *г*
64. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,25 *г*
65. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,27 *г*
66. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,28 *г*
67. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,28 *г*
68. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,30 *г*
69. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,33 *г*
70. Л.с. 49 — О.с. 49; 1,44 *г*
71. Л.с. 71 — О.с. 71; 1,04 *г*
72. Л.с. 72 — О.с. 72; 1,18 *г*
73. Л.с. 73 — О.с. 73; 1,03 *г*
74. Л.с. 74 — О.с. 74; 0,73 *г*
75. Л.с. 75 — О.с. 75; 1,08 *г*
76. Л.с. 75 — О.с. 75; 1,08 *г*

Л-I. Л.с. 2 — О.с. 2; 1,30 *г*

Л-III. Л.с. Л-III — О.с. Л-III; 1,17 *г*

* Крест справа от копья, 78 экз.
Штемпелей лицевой стороны (Л.с.) — 20; штемпелей оборотной стороны (О.с.) — 27.

Вторая группа**

77. Л.с. 77 — О.с. 77; 1,20 *г*
78. Л.с. 78 — О.с. 78; 1,22 *г*
79. Л.с. 79 — О.с. 79; 1,11 *г*
80. Л.с. 79 — О.с. 79; 1,14 *г*
81. Л.с. 81 — О.с. 81; 1,02 *г*
82. Л.с. 81 — О.с. 82; 0,90 *г*
83. Л.с. 81 — О.с. 83; 1,16 *г*
84. Л.с. 84 — О.с. 84; 0,89 *г*
85. Л.с. 85 — О.с. 85; 1,10 *г*

Л-II. Л.с. Л-II — О.с. Л-II; 0,93 *г*

** Крест слева от копья, 10 экз.
Штемпелей лицевой стороны (Л.с.) — 7; штемпелей оборотной стороны (О.с.) — 9.

[61] В. Л. Янин, С. А. Янина. Начальный период рязанской монетной чеканки. Тр. ГИМ, XXV, НС, I, М., 1955, стр. 112.

V. P. Darkévitch et N. A. Soboléva

SUR LA DATATION DES MONNAIES LITUANIENNES PORTANT L'INSCRIPTION «ПЕЧАТЬ» («CACHET») (D'APRÈS LES MATÉRIAUX DU TRÉSOR DE CHANTCHAÏ)

Résumé

Le système monétaire du Grand principauté de Lituanie depuis les XIV—XVes siècles jusqu'à nos jours est peu connu vu la pauvreté du matériel numismatique. De ce fait toutes la trouvaille d'un ensemble des monnaies anciennes lituaniennes comblent les lacunes de nos connaissances concernant l'histoire économique de cet Etat. L'article fait l'analyse d'un trésor des monnaies lituaniennes munies de l'inscription «печать» et des parures en argent mis au jour dans une banlieue de la ville de Kaunas au début des trentièmes années et conservé au Musée des beaux arts Ciurlionis de Kaunas. L'époque de l'enrouissement du trésor est la fin du XIVe — la première décennie du XVe siècles Les monnaies à l'inscription en caractères russes «печать» et à l'image d'une lance à croix sont battues sous le grand prince Vitautas. L'époque de leur battage n'était que courte (à 1387), la ville de Kaunas était le centre du battage. Il est probable que leur norme de poids fût empruntée dans les principautés russes. Le matériel accompagnant les monnaies à l'inscription «печать» dans l'ensemble du trésor donnent lieu à les considérer comme les plus anciennes des monnaies lituaniennes.

Г. К. ВАГНЕР

ДЕКОРАТИВНАЯ СИСТЕМА «ЗОЛОТЫХ ДВЕРЕЙ» СУЗДАЛЬСКОГО СОБОРА И ВОПРОС О ИХ ДАТИРОВКЕ

Выполненные на меди техникой горячей золотой наводки южные и западные двери Суздальского собора 1222—1225 гг. широко известны в литературе под названием «Суздальские врата»[1]. Однако, несмотря на их выдающееся значение для истории русского искусства, несмотря на то, что почти каждый исследователь культуры Древней Руси считает своим долгом говорить о них, двери до сих пор настоящим образом не изучены и не опубликованы. Даже в отношении их датировки ученые все еще не пришли к единому мнению.

Суздальские двери будут интересовать нас здесь не со стороны своей иконографической программы и, следовательно, конкретного идейного содержания (для этого нужно специальное исследование), а как элемент общего художественного организма — Суздальского собора, его архитектуры, резьбы и живописи.

Насколько декоративная система и стиль дверей совпадают с резьбой и росписью собора? Нетрудно заметить, что даже и при столь ограниченном подходе к Суздальским дверям нельзя миновать вопроса их датировки. Поэтому необходимо подытожить все, что в этой области было достигнуто исследователями.

После периода крупных разногласий, в течение которого двери датировались и XII, и началом XIII, и серединой XIII, и даже XIV в.[2], установилось мнение Е. С. Медведевой, датировавшей южные двери временем между 1222 и 1233 гг., а западные — периодом между 1227 и 1238 гг.[3] Эта датировка была принята в академическом издании «Истории русского искусства»[4]. Однако в последнее время В. Л. Янин пересмотрел этот вопрос и пришел к заключению, что западные двери относятся к рубежу XII—XIII вв., а южные — к периоду вскоре после татаро-монгольского нашествия[5].

Для выяснения художественной системы дверей, а также для их датировки очень важно установить, являются ли сами пластины створ и их каркас из орнаментированных валиков одновременными и каково взаимоотношение орнамента с фигурными изображениями.

Южные и западные двери идентичны по своей конструкции и композиции. Они состоят из двух полотен (створ), каждое из которых имеет семь рядов пластин (клейм), по две пластины в ряде. Всего каждый ряд

---

[1] Т. В. Николаева верно заметила, что это традиционное название неточно. Врата ведут в алтарь, наружные же створы надо называть дверями.

[2] См. об этом подробно в работах: Е. С. Медведева. О датировке врат Суздальского собора. КСИИМК, 11, 1945, стр. 106 сл.; В. Л. Янин. О датировке врат Суздальского собора. СА, 1959, 3, стр. 91—98; см. также канд. дис. В. И. Антонова. Памятники живописи Ростова Великого. ГБЛ, 1948.

[3] Е. С. Медведева. О датировке врат Суздальского собора, стр. 109—110.

[4] В. Н. Лазарев. Живопись Владимиро-Суздальской Руси. История русского искусства, I, М., 1953, стр. 478—479.

[5] В. Л. Янин. О датировке врат Суздальского собора, стр. 96, 98.

имеет четыре пластины с сюжетными композициями. Места стыковки пластин прикрыты накладными валиками, на которых в местах их перекрещивания приклепаны полусферические «умбоны» (рис. 1, 2). И валики и «умбоны» металлические. Особый большой вертикальный вал приклепан к левой створе каждых дверей. Он прикрывает щель между створками и тоже разделен накладными валиками. На месте центральных «умбонов» четвертого ряда западные двери имеют рельефные львиные маски с кольцами-ручками в пасти. Таким образом, западные двери содержат 44 «умбона», а южные — 46.

В старину Суздальские двери имели деревянную основу, а в XVIII в. были переведены на металлическую. Нет никакой уверенности в том, что пластины сохранили прежний распорядок. Но на этом вопросе мы специально останавливаться не можем. Достаточно сказать, что многие «умбоны» приклепаны с поворотом на 45° против нормального, а некоторые оказались перевернутыми вверх «ногами». Видимо, переборка дверей производилась без понимания их художественной системы, примерно так же, как в 1471 г. была «восстановлена» скульптура Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. Но и такого рода сборке мы должны быть глубоко благодарны, так как отдельные части дверей легко могли исчезнуть.

Поскольку двери состоят из сборных элементов, то естественно возникает вопрос: одновременны ли эти элементы? Как это ни странно, до сих пор такой вопрос никем не ставился. Как увидим ниже, это было одной из причин неточностей в датировке дверей. Между тем достаточно внимательного взгляда на них, чтобы увидеть стилистическую разнородность пластин и их обрамления. Оставим в стороне сюжетные композиции, так как их трудно (и методически неверно!) сравнивать с орнаментом валиков. Обратимся к орнаменту пластин, который занимает в них немалое место. Этот орнамент прежде всего поражает своей линейностью, даже графичностью, т. е. чертами, не свойственными ни фасадной резьбе, ни фресковой орнаментальной росписи (за исключением отдельных ее мотивов).

Примечательно, что орнамент на пластинах занимает полосу только по нижнему их краю (рис. 1). При наличии валиков, разделяющих пластины, эти полосы представляются функционально неоправданными. Наоборот, их можно понять, если допустить, что в первоначальной композиции валики не предполагались. Допустимость же этого вполне возможна, если вспомнить, что, например, на «Лихачевских» вратах по краям валиков не было, а на вратах Благовещенского собора они исчезли совсем. Валиков не было и на гнезнинских дверях [6], а также на ряде дверей XI в., например на дверях церкви св. Михаила на Горе св. Ангела (Италия) [7], к которым южные двери Суздальского собора особенно близки сюжетно [8]. Следовательно, валики на дверях не были устойчивым элементом [9].

На основе анализа фасадной резьбы и внутренней орнаментальной росписи Суздальского собора мы можем выделить два слоя в стиле орнамента Суздальских дверей: первый, предшествующий резьбе и росписи собора (т. е. до 1225 г., во всяком случае до 1233 г.), и второй после 1233 г.

К предшествующему слою относится орнамент пластин, а следовательно, и сами пластины (кроме нижних). Здесь речь может идти не только об указанных выше орнаментальных полосах внизу пластин, но и о растительных мотивах, примененных в самих сюжетных композициях. И вот что примечательно: среди этих растительных мотивов нет ни одного, кото-

[6] «Drzwi Gniezniénskie. Dokumentacja fotograficzna». Wroclaw, 1955, табл. 1.

[7] А. С. Уваров. Двери бронзовые, византийские и русские. В кн.: А. С. Уваров. Сборник мелких трудов. I, М., 1910, табл. 112.

[8] На это обратил внимание еще Ф. И. Буслаев (Ф. И. Буслаев. Соч., I, СПб., 1908, стр. 132—134).

[9] Отсутствие валиков не означает, что не было «умбонов» или каких-то иных бляшек в местах соединения углов пластин. Последние изготовлялись явно в расчете на такие бляшки и даже с «угловыми» отростками, о чем свидетельствует рисунок рамок на пластинах.

Рис. 1. Рождественский собор в Суздале. Западные двери. Фрагмент. На «умбонах» рамки изображены борьба льва с драконом, грифон и две птицы

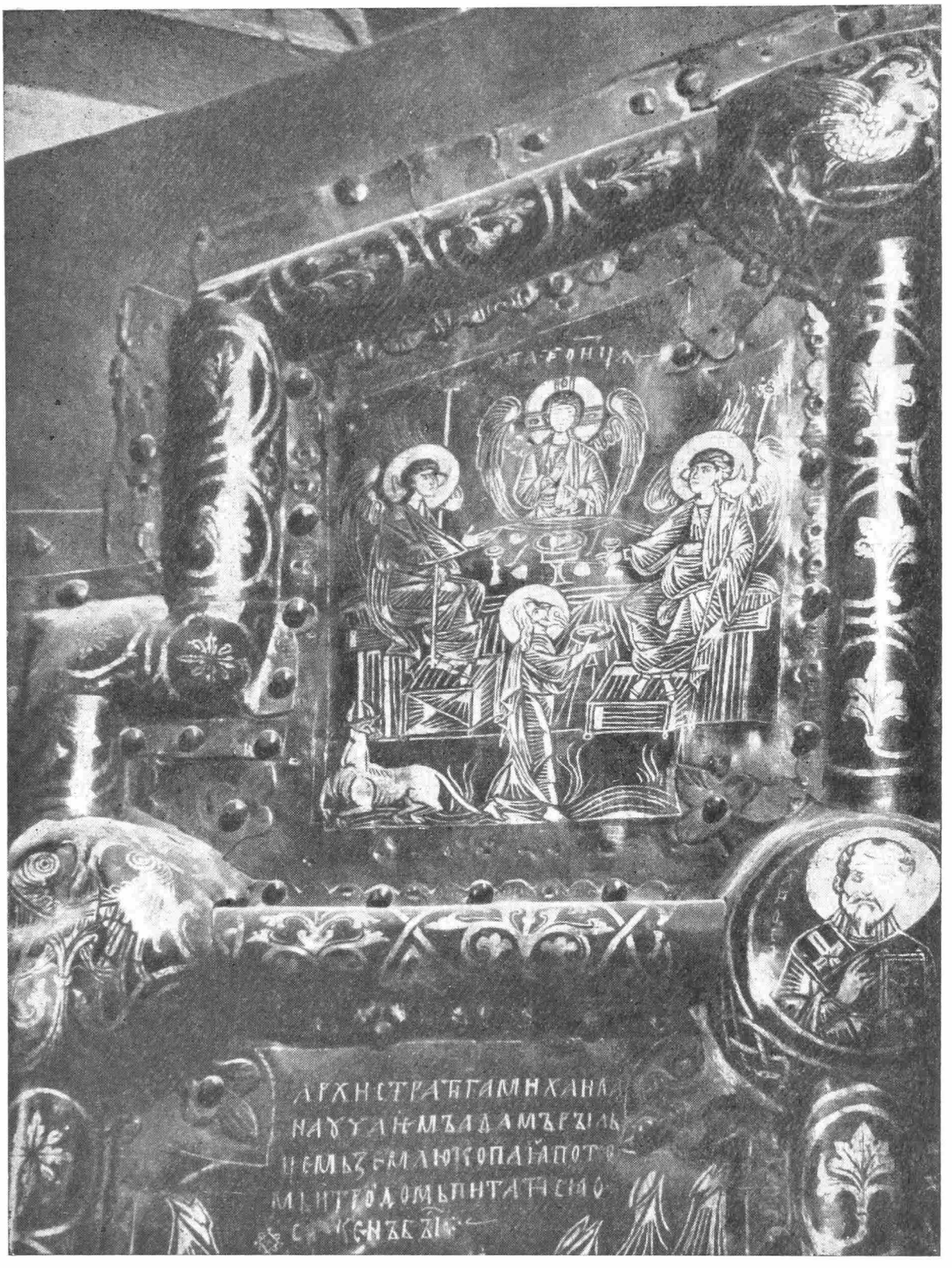


Рис. 2. Рождественский собор в Суздале. Южные двери. Фрагмент. На «умбонах» рамки изображены птица и двуглавый орел

рый хоть сколько-нибудь перекликался бы с мотивами резного или фрескового орнамента собора. Перед нами либо сравнительно «натуральные» деревья («Вход в Иерусалим» на западных дверях), либо весьма замысловатые древовидные, кустовидные и букетовидные композиции очень острых и сухих форм, нередко с змеевидными росчерками (южные двери). В ряде случаев они напоминают остролистые акантовидные формы. Лишь в нижних клеймах дверей, заполненных изображениями львов, грифонов и драконовидных существ (сэнмурвов?) в окружении концентрических растительных побегов, встречаются пальметты, приближающиеся к мотивам резьбы и фресковой росписи собора. Создается впечатление, что художники, создававшие пластины (кроме нижних), творили вне влияния той орнаментальной стихии, которая владела фантазией резчиков и живописцев Суздальского собора.

Конечно, можно сказать: сюжеты пластин таковы, что формы резного и фрескового орнамента и не могли отразиться в них в чистом или прямом виде. Но они должны были отразиться в орнаментальных полосах, пропущенных понизу пластин. Между тем и здесь этого отражения мы не находим. Орнамент этих полос сводится к четырем видам: линейно-геометрическому, линейно-растительному, растительному и смешанному.

Первый состоит из: треугольников, заштрихованных перпендикулярно друг другу; таких же треугольников, но заштрихованных веерообразно из одного угла; поставленных на угол квадратов с вписанным кругом, в который в свою очередь вписан крест с точками между его концами; противопоставленных S-видных завитков.

Линейно-растительный орнамент гораздо однообразнее. Он сводится по существу к трем мотивам: концентрическим кругам, заполненным восьмилепестковой розеткой; горизонтальным S-видным фигурами с трилистниками, пятилистниками или восьмилепестковыми розетками по концам; горизонтальной волнистой линии, к которой сверху и снизу обращены спиральные завитки с трилистниками.

Еще беднее мотивами растительный орнамент. Он состоит из расположенных рядом пальметт с волютами внизу и тремя зубчатыми лопастями вверху. Эта бедность растительных мотивов очень примечательна.

Немного разнообразнее смешанный орнамент. Его основу составляют главным образом треугольники и поставленные на угол квадраты, в одном случае килевидные арки. Пустые площади заполнены спиралевидными завитками с трилистниками и полупальметтами.

Таков орнамент пластин. Подчеркнем, что он выполнен тонкими линиями, местами тоньше 1 *мм*. И в этом отношении он очень хорошо художественно согласуется с рисунком самих пластин.

Но стоит только перейти к орнаменту валиков, «умбонов» и центральных валов с их перемычками, как картина резко меняется. Мы попадаем в то самое царство «растительной стихии», которая составляла душу резного и фрескового орнамента Суздальского собора. Если Суздальские двери действительно являются, по словам Е. С. Медведевой, «плотью от плоти и костью от кости» владимирского искусства 20—30-х годов XIII в., то именно благодаря впечатлению, производимому их пышной рамой.

Орнаментальные мотивы поражают своим разнообразием. На валиках между пластинами они одного рода, на центральных валах другого, на перемычках этих валов — третьего, на «умбонах» — четвертого. К этому присоединяются различные вариации внутри каждого ряда. И все время нужно учитывать, что западные и южные двери вовсе не повторяют одни другие, как считают чуть ли не все исследователи. Перед нами такая же «орнаментальная симфония», какую мы видим в фасадной резьбе.

Чтобы облегчить задачу и сделать выводы наиболее убедительными, начнем с самого простого — с того, что ближе всего к резьбе и орнаментальной росписи собора. Такова орнаментация валиков, прикрывающих места стыковки пластин.

Как правило, она состоит из очень близкого к росписи диаконника вьющегося побега, но с еще более крутыми закруглениями ответвлений, заканчивающихся разнообразными пальметтами. На всех валиках закругления расположены так, что пальметты смотрятся вертикально. Исключения очень редки, часть их связана с путаницей валиков во время переборки дверей. Закругления побега настолько крутые, что весь орнамент похож на цепочку кругов или овалов, заполненных пальметтами. Такому впечатлению способствует и то, что переход одного завитка побега в другой приходится на боковую часть валика, т. е. спереди он не виден. Это же обстоятельство выдвигает на первый план пальметты, в разнообразии форм которых их творцы превзошли и резьбу, и орнаментальную роспись собора.

Интересны попытки мастеров использовать некоторые мотивы орнамента из тех полос, которые пропущены внизу сюжетных пластин. Так, они взяли отсюда фигуру из трех спиральных завитков и превратили ее в своеобразную трехлопастную растительную форму очень динамичного вида. Отсюда же, т. е. из орнамента пластин, взяты восьмилепестковые розетки, но им придана большая сочность. Чаще же всего их осевые лепестки из ланцетовидных превращены в листья дуба, отчего вся форма приобрела «кудрявый» цветочный вид, ранее владимиро-суздальскому искусству совершенно неизвестный.

Еще более оригинальные формы получились от соединения этих «кудрявых» розеток с полупальметтами и волютовидными завитками, переходом к которым служит ромб. Получившаяся четырехъярусная композиция по сложности находит аналогии только в орнаменте Георгиевского собора г. Юрьева-Польского.

Имеющаяся в росписи диаконника «крылатая» («сасанидская») пальметта разработана в орнаментации валиков в десятках вариантов. Листьям придана и зубчатая (пилообразная) форма, и волютообразная с загибом вверх и вниз, и вихрящаяся, и копьевидная (в подражание пальметтам пластин), и такая, когда одна пара непосредственно переходит в другую.

Таким же характером отличается орнамент перемычек, расчленяющих центральный продольный вал западных дверей. Об орнаменте перемычек вала южных дверей будет сказано особо.

В свое время автор настоящей работы допускал восхождение пальметт Георгиевского собора к пальметтам Суздальских дверей[10]. Это плод невнимательного анализа. Слов нет, резной орнамент Георгиевского собора во многом еще сложнее, роскошнее, чем орнамент рассматриваемых нами валиков Суздальских дверей. В нем есть такие «древовидные» пальметты, до создания которых фантазия суздальских мастеров не доходила. Но это не означает, что юрьевские мастера исходили из орнамента Суздальских дверей. Можно указать на две формы, повторяющиеся и там и тут: довольно широко распространенная[11] так называемая «вихрящаяся» пальметта, центральная лопасть которой как бы загнута ветром в одну сторону; в орнаменте валиков Суздальских дверей широко варьируется форма «крылатой» пальметты, нашедшей не менее широкое применение и в резьбе Георгиевского собора. Но в декоре Георгиевского собора мы не найдем ни розеток из дубовых листьев, ни соединений их с пальметтами, ни зубчатой листвы типа чертополоха и т. п.[12] Из этого ясно, что, как ни сложен декор Георгиевского собора, он создавался до появления валиков Суздальских дверей, т. е. валики эти (включая валики центрального вала) созданы после 1234 г.

Конечно, было бы наивным решать столь сложные вопросы на основе только орнамента одних валиков. И мы бы не стали заниматься этим неблагодарным занятием, если бы не имели в резерве «умбоны», Декор

[10] Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964, стр. 140.

[11] Там же, стр. 142.

[12] Разумеется, нет их ни в резьбе, ни в росписи Суздальского собора.

«умбонов» еще более интересен и показателен, чем орнамент валиков. Чтобы ввести его в действие, необходимо рассмотреть «умбоны» западных и южных дверей раздельно и прежде всего перечислить их сюжеты по рядам (сверху вниз), тем более что это никогда не делалось.

На «умбонах» западных дверей изображены (слева направо): 1—4— линейно-растительный орнамент; 5 — лев, хвост которого переходит в сложный растительный завиток; 6 — грифон, окруженный растительным побегом с отростками; 7—8 — линейно-растительный орнамент; 9 — два птицедракона (сенмурва?) в геральдической композиции; 10—11 — линейно-растительный орнамент; 12 — два геральдических птицедракона с длинными шеями и растительными хвостами; 13—14 — линейно-растительный орнамент; 15 — лев, сражающийся с драконом; 16—17 — линейно-растительный орнамент; 18 — барс в окружении растительного побега стоит на драконовидном (чешуйчатом и крылатом) существе, хвост барса переходит в растительный завиток; 19—23 — линейно-растительный орнамент; 24 — на месте «умбона» приклепана большая рельефная львиная маска с кольцом-ручкой в пасти; 25—26— линейно-растительный орнамент; 27 — вторая львиная маска; 28—29— линейно-растительный орнамент; 30— крылатый барс (!) в окружении растительного побега, хвост барса переходит в растительный завиток; 31— линейно-растительный орнамент; 32— изображение стерто; 33, 35 и 37 — линейно-растительный орнамент; 34, 36, 38—48— изображения стерты.

На «умбонах» южных дверей в том же порядке изображены: 1 — птица типа орла среди плетенки; 2—3 — ленточно-растительный орнамент; 4 — птица, окруженная растительным побегом с отростками; 5 — двуглавый орел с расправленными крыльями и длинным хвостом, переходящим в два пышных растительных завитка; 6 — св. Иоанн; 7 — две птицы в геральдической композиции у дерева; 8 — линейно-растительный орнамент; 9 — св. Григорий; 10 — барс в окружении растительного побега; 11 — птицедракон, хвост которого переходит в круговой растительный побег; 12— св. Власий; 13 — линейно-растительный орнамент; 14 — две птицы у дерева; 15 — св. Евпатий; 16 — лань и дракон; 17 — растительный орнамент; 18 — св. Василий; 19—20 — растительный орнамент; 21 — св. Климент; 22 — грифон, терзающий медведя (?); 23 — лев в растительном побеге; 24 — пустой «умбон», вероятно заменивший ранее бывшую здесь львиную маску; 25 — растительный орнамент; 26 — птица с развернутыми крыльями в растительном побеге; 27 — пустой «умбон», вероятно заменивший львиную маску; 28 — человек в круговом растительном побеге; 29—40 — изображения стерты.

С изображениями «умбонов» южных дверей тесно сближается декор перемычек их центрального вала. В отличие от перемычек вала западных дверей он состоит не только из растительного орнамента, но и зооморфного. На перемычках изображено (сверху вниз): 1 — два птицедракона (сенмурва?) у дерева в геральдической композиции; 2 — горизонтальный «вьюнок», среди которого бродят две цапли; 3 — в завитковых побегах лев преследует лань, повернувшую голову назад; 4 — растительный орнамент; 5 — бегущая лань среди двух драконов птичьего облика; их хвосты переходят в растительные завитки; 6 — птицедракон с хвостом в виде растительного побега. Кругом растительный орнамент. На двух нижних перемычках изображения стерты.

Для перечисленных изображений следует отметить прежде всего увеличение в них таких зооморфных мотивов, каких владимиро-суздальское искусство ранее не знало. Это лев и барс, сражающиеся с драконом, крылатый барс[13], двуглавый орел, грифон на спине медведя, человек, как бы кружащийся в колесе из растительного побега, лань между двумя дра-

[13] Крылатый барс в скульптуре Дмитриевского собора (на западном фасаде) — поддельный рельеф.

конами и т. п. Надо сказать, что и геральдические птицедраконы (сенмурвы?) появились только на нижних пластинах западных дверей Суздальского собора, одновременность которых с остальными пластинами весьма сомнительна. Фантастический образ птицедраконов особенно полюбился мастерам «умбонов» западных дверей и перемычек центрального вала южных дверей. Они воспроизвели его в разных вариантах три раза.

В орнаментальной части «умбонов» западных и южных дверей заметно увеличилось ленточное плетение. Конечно, того, кто хорошо знает орнамент Дмитриевского и Суздальского соборов, сказанное нисколько не поразит. Ленточное или ременное плетение занимало в их декоре большое место. Но одно дело, когда это плетение покрывает равномерным слоем, например, колонку, и совсем другое дело, когда оно врывается в сам сюжет, сливается с ним, являясь продолжением хвоста или ноги зверя, крыла птицы (или дракона), даже руки человека. Это уже признак некой тератологии. В резьбе Суздальского собора тератология как таковая, т. е. дающая только признак животного, чудовища, сливающийся с растительным или ременным (змеиным) плетением [14], отсутствовала.

В рельефах Дмитриевского собора только намечались первые признаки слияния зооморфных мотивов с плетением (например, птицы, крылья которых переходят в плетение) [15], но это было еще далеко от тератологии. В резьбе Георгиевского собора встречается такой типично тератологический мотив, как переплетающиеся змеи-драконы [16], но он запрятан в гущу резьбы растительного характера, и нужна особая наблюдательность, чтобы его разыскать. Тем интереснее появление близких к тератологии мотивов на «умбонах» Суздальских дверей (рис 1, 2). Для настоящей тератологии здесь недостает только того, чтобы образ зверя или человека как бы полурастворился в плетении, оставив только свой условный признак, условный настолько, что уже нельзя говорить, например, о льве, барсе, а все будет выглядеть «драконовидно».

Выше уже отмечалось особое пристрастие мастеров «умбонов» к образам птицедраконов. Вероятно, это был первый шаг к «тератологизации» орнамента. Художников неудержимо влекло в мир не фантастики вообще — образы каких-нибудь сиринов не менее фантастичны, и мастера Георгиевского собора пошли именно по этому пути,— а в мир именно «драконологии». Помимо птицедраконов мастера изобразили льва, барса и лань, единоборствующих с драконами, драконов, преследующих лань, и т. д. А главное, они стали вплетать их фигуры в плетенку. Хвосты не только драконов, но и львов, барса, орла переходят в длинный побег, который окружает иной раз все изображение, образует петли, ответвления, плетенку, чем приближает стиль орнамента к тератологическому. Это совершенно новое явление во владимиро-суздальском декоративном искусстве, новое даже по сравнению со сложнейшей резьбой Георгиевского собора. Что явление это не случайное, видно из обрамления изображений святых на «умбонах» южных дверей ленточным плетением довольно затейливого книжного характера.

Таким образом, перед нами не только новые мотивы, но и новый стиль или по крайней мере элементы нового стиля. Этот нарождающийся новый стиль было бы неправильно ставить в непосредственную связь с черниговской скульптурой начала XII в., в которой известны фантастические барсодраконы с туловищами, переходящими в сложное змеиное плете-

---

[14] В. Н. Щепкин. Болонская псалтырь. СПб., 1906, стр. 43 сл.; А. И. Некрасов. Очерки из истории славянского орнамента. В кн.: Памятники древней письменности и искусства, CLXXXIII, б/м, 1913, стр. 6.

[15] Г. К. Вагнер. Скульптура Древней Руси. Владимир, Боголюбово (XII в.). М., 1969, стр. 288.

[16] В. П. Даркевич. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). САИ, Е1-57, М., 1966, стр. 41—42, рис. 4—8.

ние [17]. Но между черниговскими рельефами и «умбонами» Суздальских дверей лежала вековая полоса развития искусства «малых форм», и здесь переход фигуры зверя или птицы в плетение был своего рода эстетическим каноном [18]. Мы пока затрудняемся сказать, насколько он был народным каноном, но, видимо, это «направление» пользовалось широким признанием именно в малых формах искусства, в том числе и владимиро-суздальского, но не в архитектурном декоре. Оно по существу и явилось подготовкой русского тератологического стиля XIII—XIV в., развившегося позже главным образом в книжном орнаменте.

Но и с этим «направлением» рисунки «умбонов» Суздальских дверей непосредственно связывать нельзя. В предметах прикладного искусства зооморфные фигуры переходят в запутанную ленточную плетенку (решетку), и в этом отношении их стиль ближе к тератологии XIV в.

На «умбонах» Суздальских дверей вырастающий из хвоста зверя длинный побег скорее растительного, а не ленточного характера, только окружает фигуру, делает в свободных пространствах поля изображения петли или выпускает отростки, но самой фигуры не пересекает. Он здесь не более как декоративная рама для фигуры. Эта была, если можно так выразиться, суздальская интерпретация тератологического стиля, который в XIII в. все шире «захватывал позиции» в орнаментике рукописей [19].

Так или иначе, но стиль рисунков на «умбонах» несомненно отразил общее «наступление» тератологического стиля как в прикладном искусстве Руси, так и в орнаментике рукописей XIII в. И в этом отношении он резко отличен от стиля самих пластин Суздальских дверей, даже от стиля орнамента валиков.

Когда же могли появиться такие рисунки? Учитывая, что резьба Георгиевского собора г. Юрьева-Польского, представляющая по сложности венец владимиро-суздальского декоративного искусства, почти не знала ничего подобного, рисунки на «умбонах» следует относить ко времени после 1234 г. В русском (новгородском) книжном орнаменте второй половины XIII в. (например, в Евангелии Лотыша 1270 г.) фантастические звериные изображения уже оплетаются лентами, что связывается с влиянием болгарской тератологии [20]. Но в Евангелии Лотыша подобный орнамент появился не сразу, ему предшествовал орнамент, в котором фигуры зверей не пересекаются лентами, а вписываются в поле между лентами (Трефологион 1252 г.) [21]. Рассматриваемые нами рисунки «умбонов» Суздальских дверей в свою очередь предшествуют этой стадии, поскольку сами звери в них сохраняют свою анатомическую целостность, не являются полузверями и полужгутами. Как видно, «умбоны» синхронны валикам, хотя отразили различные стилистические тенденции.

На первый взгляд сказанное не представляет ничего нового, так как некоторые исследователи давно уже датировали Суздальские двери временем росписи собора, т. е. приурочивали их к 1233 г.[22] (или к ближай-

---

[17] Н. В. Холостенко. Неизвестные памятники монументальной скульптуры Древней Руси. «Искусство», 1951, 3.

[18] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. История культуры древней Руси. II, М.— Л., 1951, стр. 427, рис. 213, 214.

[19] Ф. И. Буслаев. Исторические очерки по русскому орнаменту в рукописях. Пг., 1917, стр. 9; А. И. Некрасов. Очерки из истории славянского орнамента. «Памятники древней письменности и искусства», CLXXXIII, стр. 5 сл.; О. С. Попова. Новгородская рукопись 1270 г. «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», 25, М., 1962, стр. 204 сл.; Г. И. Вздорнов. Рукописные книги Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков как памятники искусства. Автореф. канд. дис., М., 1967, стр. 7.

[20] О. С. Попова. Ук. соч., стр. 205.

[21] Там же, стр. 210.

[22] А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 135.

шему после этого времени), а южные — даже к 1248 г.[23] Мы еще вернемся к этому вопросу, а пока проследим, но теперь уже на материале зооморфных мотивов, чем стиль «умбонов» отличается от стиля самих пластин дверей, и здесь мы сразу сталкиваемся с интереснейшим, до сих пор никем не отмечавшимся явлением: стиль «умбонов» един со стилем, в котором выполнены экспрессивные фигуры львов и грифонов на нижних пластинах дверей, и совершенно отличен от изображений тех же львов и иных зверей на пластинах южных дверей (например, в сценах «Адам нарицает имена зверем» и «Даниил во рву львином»)[24].

В полном соответствии со сказанным об «умбонах» образы львов и грифонов на нижних пластинах Суздальских дверей поражают своей новизной, таких образов не было во владимиро-суздальской пластике XII в. Не было их и в резьбе Суздальского собора. И львы и грифоны отличаются какой-то не владимиро-суздальской свирепостью, из их облика полностью устранен элемент возвышенности, присутствующий даже в поджарых фигурах Дмитриевского собора. Мало того, изобразив внизу западных дверей двух грифонов и двух львов, художники над каждым из них поместили по паре геральдических сэнмурвов, которые, таким образом, дополняют «драконологию», развернутую на «умбонах». Хвосты грифонов и львов, раздваиваясь, переходят в спиральные завитки побега, которые у львов южных дверей окружают фигуру зверя, образуя узорчатую раму, как на «умбонах». На пластинах западных дверей эту функцию с еще большим эффектом выполняют фантастические хвосты сэнмурвов. Если сопоставить (чисто формально, а не семантически) суздальских сэнмурвов с юрьев-польскими драконами[25], то станет ясным, что первые сложнее вторых и могли появиться во владимиро-суздальском искусстве только после 1234 г. Они тоже отразили «наступление» тератологического стиля. Таким образом, есть все основания предполагать[26], что нижние пластины обеих Суздальских дверей были выполнены одновременно с валиками и «умбонами».

Перейдем теперь к сравнению рисунков зверей на «умбонах» с звериными образами на южных дверях. Сравнение оказывается «не в пользу» последних, если только здесь уместна такая терминология. Звери на южных дверях — тот же лев, которого владимиро-суздальские мастера, кажется, могли изображать с закрытыми глазами,— весьма наивны. Это отнюдь не признак профессиональной слабости мастеров — человеческие фигуры выполнены ими великолепно,— а результат действия совсем иной художественной среды и, надо полагать, иного времени. Правда, и этих львов уже нельзя сопоставлять со скульптурами, в них увеличились черты хищности, уменьшились элементы сказочности. Но до экспрессивных львов на нижних пластинах дверей им все же далеко. Особенно наивны фигурки львов у ног Даниила. Естественно, элементы тератологии в них полностью отсутствуют.

Итак, мы приходим к заключению, которое высказываем пока в предварительной форме, что пластины западных и южных дверей (за исключением нижних) принадлежат дверям, выполненным до резьбы и росписи Суздальского собора, а нижние пластины, валики и «умбоны» этих дверей выполнены после росписи и даже после резьбы Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском, т. е. после 1234 г. При изготовлении валиков не во

---

[23] И. И. Толстой, Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. VI, СПб., 1899, стр. 72—74.

[24] На пластинах западных дверей изображений зверей (не считая нижних пластин) нет.

[25] Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской, табл. XIII*б*, XIV.

[26] Для того чтобы высказать окончательное мнение, Суздальские двери нужно так же подробно исследовать, как это сделано коллективом польских ученых при изучении гнезнинских дверей.

всех случаях принимался в расчет размер старых рамок вокруг сюжетных изображений, поэтому ряд валиков и «умбонов» выходит за эти рамки, что тоже говорит в пользу более позднего их происхождения.

Таким образом, Суздальские двери пережили примерно такую же сложную историю, какую веком позже пережили так называемые Васильевские двери [27].

Теперь нам осталось рассмотреть роспись средних вертикальных валов. Роспись этих частей дверей очень важна, так как на валах помещены патрональные изображения, и вполне естественно, что именно они в последнее время привлекались в качестве аргументов для датировки дверей [28]. Последняя и наиболее аргументированная в отношении патрональных изображений работа принадлежит В. Л. Янину. По мнению В. Л. Янина, группу патрональных изображений на валу западных дверей правильнее всего отнести к рубежу XII—XIII вв. [29] Патрональные изображения на южных дверях могли возникнуть только после татаро-монгольского нашествия 1238 г. [30] Центральные валы состоят из таких же пластин и валиков, как и створы дверей, с тем лишь отличием, что пластины валов имеют изогнутую форму. Эти пластины держатся на особых заклепках. Как уже говорилось, перемычки центральных валов одновременны валикам створ, т. е. возникли после 1234 г. Когда же возникли сами пластины валов?

В отношении пластин вала южных дверей не возникает никаких сомнений в том, что они возникли вместе с «умбонами» и валиками этих створ. Все «колена» вала между перемычками, равно как и эти перемычки, составляют одно конструктивное и художественное целое с композицией створ. Иначе говоря, когда перебирали южные двери (очевидно, после 1234 г.) и делали для них валики, «умбоны» и нижние четыре пластины, то в это время сделали и срединный большой вал с патрональными изображениями, Самсоном, побеждающим льва, и грифоном (в самом низу). Растительный орнамент центрального вала идентичен орнаменту валиков на створах. Изображения святых на «умбонах» и на центральном валу тоже тождественны по стилю.

Сложнее обстоит дело с валом западных дверей. Его пояски, хотя и родственны по орнаменту с валиками створ, но не совпадают с ними самым странным образом. Уже второй (сверху) поясок оказывается чуть ниже смежного валика. Чем далее вниз, тем больше разрыв между поясками и валиками. В конце концов пояски приходятся на уровне середины пластин, а в итоге вал оказывается расчлененным не на семь, а на шесть регистров.

Такое расположение поясков и членение вала вовсе не явилось результатом прихоти, оно вызвано масштабом патрональных изображений. Как доказал В. Л. Янин, княжеский патронат выражался при помощи парного изображения святых (патрона князя и его отца) [31].

Размер членения вала западных дверей и определен расположением в нем друг под другом двух изображений святых в рамках, как мы видели это на южных дверях. Но если бы вал западных дверей был одновременен с пластинами или «подгонялся» под масштаб пластин (как это было с южными дверями), то, несомненно, патрональные изображения сделали бы меньшего размера, чтобы пояски вала совпадали с валиками дверей. Невозможно допустить, чтобы суздальские мастера с их обостренным чувством художественной логики могли внести такой масштабный разнобой (не градацию, а именно разнобой) в декор главных церков-

---

[27] В. Н. Лазарев. Васильевские врата 1336 г. СА, XVIII, 1953, стр. 392—393.

[28] Е. С. Медведева. О датировке врат Суздальского собора; В. Л. Янин. О датировке врат Суздальского собора.

[29] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 96.

[30] Там же, стр. 97—98.

[31] Там же, стр. 94 сл.

ных дверей кремлевского собора. Возникает, следовательно, новое предположение, что вал западных дверей старше самих пластин, не говоря уже о промежуточных валиках между ними, «умбонах» а также пластин нижнего ряда. Иначе говоря, мы как будто находим объяснение датировке В. И. Янина. Но это только догадка, нуждающаяся в обосновании.

Обращает на себя внимание, что патрональные изображения на западных дверях занимают только три «колена» вала. В четвертом видим лишь одного св. Федора с мечом в руках. Вряд ли так было изначально, нижние изображения просто не сохранились [32], и уже одно это свидетельствует о пережитой дверями, которым принадлежал вал, большой катастрофе.

Растительные мотивы орнамента центрального вала гораздо элементарнее роскошных пальметт «умбонов» и промежуточных валиков. Вместе с тем они намного лапидарнее изящного орнамента на пластинах дверей. В основном эти мотивы состоят из трилистников (закругленной формы) и отходящих от главного стебля полупальметт. И та и другая форма не характерны ни для резьбы, ни для росписи Суздальского собора, ни для орнамента валиков и «умбонов» дверей. Изображения святых на центральном валу, конечно, трудно сопоставлять с звериными мотивами на «умбонах», здесь скорее решающее слово остается за орнаментом. Но со святыми на южных дверях изображения на центральном валу западных дверей сравнить можно, и из этого сравнения видно, что между ними временного и художественного разрыва нет. Особенно близки изображения св. Василия, на ризах которого кресты даны в виде восьмилепестковых розеток, что встречается редко.

Соглашаясь с В. Л. Яниным, что на рубеже XII—XIII вв. в знак примирения Всеволода III со своим дядей Ярополком Ростиславичем для Суздальского собора были изготовлены «златые» двери, мы должны признать, что они могли быть сделаны только для собора постройки Юрия Долгорукого. Эта церковь к 1222 г. пришла в ветхость, и, как сообщает летописец, «верх ея впал бе» [33]. Падение верха такого большого здания, как шестистолпный Суздальский собор,— громадная катастрофа. Трудно даже представить, какой урон храмовому интерьеру она могла принести. Во всяком случае допущение, что при этой катастрофе «златые» двери сильно пострадали, более чем возможно. От них могла сохраниться верхняя часть центрального вала. Вероятно, этот вал первоначально был не шести-, а пятиколенчатым. От этих дверей сохранились и львиные маски.

Скорее всего около 1225 г., при окончании строительства Юрием Всеволодовичем на нижних частях стен старого здания нового собора, были заказаны новые «златые» двери [34], возможно для всех трех порталов. Их замысел и разработку программы можно связывать с епископом Симоном. По-видимому, эти двери изготовлялись заблаговременно, во всяком случае их орнамент не отразил в себе стиля резьбы собора, тем более стиля его росписи. Наоборот, в росписи 1230—1233 гг. появились сцены, которые есть на дверях («Исцеление больных» в диаконнике). Южные и западные двери выполнены разными дружинами мастеров [35]. Первоначально двери не имели ни промежуточных, ни бортовых валиков, не гово-

[32] Это обстоятельство, несомненно, ослабляет аргументацию и В. Л. Янина, и нашу, но пока нет возможности выдвинуть какую-либо иную.

[33] ПСРЛ, I, 2, Л., 1927, стлб. 445.

[34] Выводить двери, вернее, их пластины за границы XIII в. мы не можем из-за палеографических данных (см. Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XVI веков. САИ, Е1-44, М., 1964, стр. 37—38).

[35] Вопрос о принадлежности южных и западных дверей не только разным мастерам, но разным художественным традициям впервые поставлен А. Н. Овчинниковым (А. Н. Овчинников. Суздальские Златые врата. «Сокровища Суздаля», М., 1970, стр. 115—153).

ря уже об «умбонах». Для западных дверей была приспособлена сохранившаяся часть центрального вала врат времени Всеволода III. Не известно, как прикрывалась щель между створами южных дверей. Первоначально новые двери либо задумывались шестирегистровыми, либо их низ состоял из каких-то полос без рисунков. По-видимому, они предназначались для меньших проемов, так как общая ширина пластин западных дверей равна 202 *см*, а ширина проема на 4—5 *см* больше. Такое же несоответствие наблюдается в южных дверях.

В 1238 г. Суздальский собор пережил вместе с городом, Владимиро-Суздальской землей и почти всей Русью трагедию татаро-монгольского нашествия. Трудно объяснить, как сохранились «златые» двери. Возможно, что татары довольствовались одними северными, если, конечно, таковые существовали. Во всяком случае западные и южные двери должны были очень пострадать. Их восстановление, т. е. перевод со старой основы на новую (предшествующую нынешней), изготовление валиков, «умбонов», нижних пластин и центральных валов [36] мы и склонны относить ко времени вскоре после 1238 г. [37] Скорее всего это действительно произошло в конце 30-х — начале 40-х годов, и, таким образом, с высказанными выше оговорками и уточнениями датировка В. Л. Янина представляется вполне убедительной.

Отметим, что до сих пор для датировки южных дверей никем не привлекались изображения святых на «умбонах». Здесь изображены святые Иоанн, Григорий, Власий, Евпатий, Василий и Климент. Включение в группу избранных святых Власия, Евпатия и Климента можно, конечно, объяснить их мученической смертью. Но небезынтересно, что Василий, Евпатий и Климент, эти любимые новгородские святые [38], изображены и на новгородских дверях 1336 г. (Васильевских), причем Ипатий — дважды. Не исключено, что обновление Суздальских дверей отражало и какие-то суздальские интересы в Новгороде. Возможно также, что не характерный для Суздаля набор святых (Власий, Ипатий) указывает на патронов мастеров дверей. Работа по обновлению дверей отразила все достижения домонгольского владимиро-суздальского декоративного искусства и те новые стилистические веяния тератологического характера, которыми начинала жить «художественная общественность» послемонгольской Руси.

Хотя части Суздальских дверей разновременны, но в сохранившемся до нас виде они прекрасно демонстрируют художественную систему, во многом совпадающую с системой резьбы и росписи собора. Из сказанного можно заключить, что система эта к концу 30-х годов XIII в. превратилась в нечто стойкое и органичное. Нам остается вскрыть степень ее оригинальности и тем самым установить ее значение для последующего русского искусства.

Композиционно Суздальские двери восходят к романо-византийской традиции. Для них характерно соединение сюжетных пластин с выпуклым каркасом, несущим тот или иной орнамент. Лучшим примером могут служить двери Трани (1160 г.) [39], Монреаля (между 1174

[36] Для западных дверей вторично использовался старый вал времени Всеволода III, но изображения святых обновили.

[37] Следует обратить внимание на отличную сохранность живописи валиков и «умбонов» (за исключением стертых мест). Она производит впечатление свежей работы, не видавшей пожара. Пока остается необъяснимым наличие заплечиков в верхних наружных углах южных дверей. Возможно, что это отражало особенность предшествующей конструкции створ, учитывающей капители портала. Здесь же отметим, что на пластинах, вообще более тусклых, видно много отверстий от старых заклепок. Технологическое изучение дверей несомненно принесет множество интереснейших открытий.

[38] Н. Г. Порфиридов. Два произведения новгородской становой живописи. Сб. «Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода», М., 1968, стр. 143; В. Н. Лазарев. Васильевские врата 1336 г., стр. 382, 430.

[39] А. С. Уваров. Ук. соч., стр. 62, табл. 117.

и 1179 гг.) [40] и Равелло (1179 г.) [41]. Здесь же, по-видимому, возник обычай изображать внизу дверей львов с двумя сэнмурвами над ними. Наконец, различные зооморфные мотивы на круглых бляшках в местах перекрестий рамы тоже характерны для рассматриваемой традиции [42]. Двери чисто романского происхождения обнаруживают гораздо большее равнодушие мастеров к миру растительного орнамента. На ряде дверей орнамент совсем отсутствует [43]. Собственно византийская традиция, наоборот, характеризуется скептическим отношением к зооморфным мотивам.

Однако художественная система Суздальских дверей не идентична ни византийской, ни итало-византийской. Различие состоит главным образом в понимании и трактовке орнамента. На византийских и итальянских дверях растительный орнамент сильно стилизован. По существу он представляет набор растительных элементов изолированных друг от друга, иногда даже заключенных в специальные рамки. На Суздальских дверях слегка стилизованный растительный побег с пальметтами развивается как стихийное произрастание почти реальной лозы, оплетающей все валики. В этом несомненно сказалась большая близость художников к природе, более цельное, сильное и яркое ее ощущение [44].

Конечно, художественная система Суздальских дверей явилась результатом длительного развития. Не следует забывать, что «золотые» двери имелись и у более ранних владимирских храмов [45]. Но наибольшее воздействие на творчество мастеров Суздальских дверей должен был оказать великолепный растительный орнамент Суздальского и Юрьев-Польского соборов, при этом использовались, конечно, и другие источники.

Здесь мы сталкиваемся с вопросом: был ли весь созданный мастерами Суздальских дверей конгломерат растительных, зооморфных и полутератологических форм чисто декоративным произведением или в выборе мотивов был заложен некий глубокий смысл? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Церковные двери в средневековом толковании символизировали Христа, противящегося злу и указывающего путь к святому месту [46]. Конечно, мастера могли не отдавать себе отчета в богословской сложности этого толкования, но для них оно было своего рода традицией, с которой связывался обычай изображать на дверях борьбу светлых и темных сил [47]. Остальное, т. е. художественность, декоративность и т. п., зависело от мастерства исполнителей, от глубины и поэтичности образного восприятия и преломления идеи.

Было бы неправильно искать в каждом рисунке на нижних пластинах и на «умбонах» какой-то замкнутый в себе определенный смысл. Но что они подбирались не случайно, а именно в соответствии с символикой дверей — в этом не может быть сомнения. Отчасти это видно из внима-

---

[40] Там же, табл. 119.

[41] Там же, табл. 121.

[42] Там же, стр. 162. На дверях Трани в круглых медальонах изображены парные птицы, всадники, грифоны, кентавры, змееногие человеческие фигуры, борьба зверей и даже Самсон побеждающий льва.

[43] Например, на дверях аугсбургского и гильдесгеймского соборов (XI в.). Там же, стр. 124; К. Верман. История искусств всех времен и народов. II, СПб., 1896, табл. 13.

[44] Заключение Ф. И. Буслаева, что Суздальские двери «убраны замечательным по чистоте византийского стиля орнаментами» (Ф. И. Буслаев. Соч., I, СПб., 1908, стр. 134), представляется недоразумением. Может быть, Ф. И. Буслаев относил эту характеристику к орнаменту на самих пластинах?

[45] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. I, М., 1961, стр. 170, 223.

[46] L. Kalinowski. Tresci ideove i estetyczne Drzwi Gnieznienskich. «Drzwi Gnieznienskie». II, Wroclaw, 1959, стр. 150.

[47] Так было и в резьбе порталов Дмитриевского собора. Г. К. Вагнер. Скульптура Древней Руси. Владимир, Боголюбово, стр. 304.

тельного отношения к средневековой традиции. Изображение на нижних пластинах дверей львов, грифонов и сдвоенных драконов можно считать такой традицией. Грифон и лев, несомненно в качестве стражей храма, изображены внизу дверей аугсбургского собора, а на дверях Трани и Равелло мы отмечали над львами и сдвоенных драконов. Последние как будто намекают на демоническое начало, хотя в данной композиции (так же, как и на Суздальских дверях) они помещены над львами, и вовсе не в агрессивной, а в чисто геральдической позе. Все же присутствие этих драконов примечательно, так как на «умбонах» их образ будет развит в разных вариантах и явно определит собой сюжетику всего замысла.

В сценах единоборства льва, барса и лани с драконом, конечно, отразились очень давние представления о борьбе светлого и темного начал. Они были в средние века настолько оторваны от своей первоначальной почвы, настолько слиты с бродячими и с туземными эпическими сюжетами, что искать сейчас их непосредственный источник — занятие весьма неблагодарное. Изображение льва, борющегося с драконом, было хорошо известно в романском искусстве [48] и уже в XI в. запечатлено в росписях лестничной башни Софии Киевской [49]. Но композиция на Суздальских дверях ближе к романскому оригиналу. Грифона, единоборствующего со змеей, мастера могли видеть на привозных херсонесских поливных блюдах [50]. Грифона нетрудно было заменить барсом, тем более что в резьбе западного портала Дмитриевского собора имелось изображение барса, схватившего какое-то существо [51]. Что касается лани, то ее образ издавна символизировал христианина, так что сцена нападения дракона на лань (на «умбоне» южных дверей) выдержана в традиционной формуле борьбы добра и зла.

Таковы главные «драконоборцы» Суздальских дверей. К ним следует добавить и грифона, клюющего какого-то зверя, похожего на медведя. Медведь в средневековой символике наравне с драконом олицетворял сатану [52]. Что это было знакомо художнической практике, доказывает замечательная фасадная скульптура церкви в Шенграберне под Веной (1217 г.) [53]. Но тема борьбы светлого и темного начал развертывалась на «умбонах» и валиках не только прямо, т. е. физически, но и, так сказать, косвенно. В одних сценах злые и светлые силы просто противопоставлены, между ними нет борьбы, в лучшем случае изображено преследование. Такова, например, сцена преследования лани двумя драконами. Лань здесь символ христианина в миру, которого на каждом шагу подстерегает дьявол.

В других сценах нет даже противопоставления. Изображены главным образом «охранители» — орел, лев, барс, сдвоенные сэнмурвы, а также благожелательные символы — птицы у древа жизни. Цапли (среди растений) считались в средние века символом бдительности [54], что хорошо согласуется с замыслом декора дверей. Что же касается человеческой фигуры в круговом растительном побеге, то на кого она могла намекать, как не на запутавшегося в сети грехов человека! [55]

---

[48] W. Blankenburg. Heilige und dämonische Tiere. Leipzig, 1943, табл. 84.

[49] «Древности Российского государства. Киевский Софийский собор», I—III, СПб., 1871, табл. 32.

[50] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. V, СПб., 1897, стр. 28—29, рис. 18.

[51] Г. К. Вагнер. Скульптура Древней Руси, Владимир, Боголюбово, стр. 298.

[52] L. Réau. Iconographie de l'art chrétien. I, Paris, 1955, стр. 110, 137. Медведь, кроме того, олицетворял Персидское, а иногда и Римское царство (в росписях Страшного суда). Грифон в немецкой скульптуре чаще всего борется с драконами (W. von Blankenburg. Heilige und dämonische Tiere. Leipzig, 1943, табл. 112—114).

[53] R. Feuchtmüller. Die steinerne Bibel. Die romanische Kirsche von Schöngrabern. Wien — Linz — München, 1962, табл. 91—93.

[54] L. Réau. Ук. соч., стр. 137.

[55] Родственные по семантике мотивы есть в скульптуре Шенграберской церкви.

Пока мы имеем все основания сказать, что мастера, обновлявшие в конце 30-х или в начале 40-х годов XIII в. Суздальские двери, прекрасно сочетали свою работу с основными пластинами створ. Если темой западных дверей было «историческое» изображение искупительной миссии Христа и деятельности богоматери [56], то зооморфная сюжетика на «умбонах» тоже отразила в себе «христологическую» символику: и лев, и грифон понимались как символы Христа [57]. В какой-то степени эта символика отразилась и на «умбонах» южных дверей, где помимо льва изображен двуглавый орел, конечно не в геральдическом значении, а скорее всего как символ бессмертия души [58] (рис. 2).

Наконец, словно для закрепления своего замысла или подведения под ним черты, мастера южных дверей поместили внизу центрального вала два символа Христа — грифона и Самсона, разрывающего пасть льву. Последний мотив самым непосредственным образом связывался с идеей борьбы Христа с сатаной, в чем предшественниками его считались Самсон и Давид [59].

Кто же были мастера, авторы «последней редакции» [60] Суздальских дверей? Выше уже отмечалось, что с иконографической точки зрения орнамент западных и южных дверей почти идентичен, так как в основном восходит к общей «художественной базе» — фасадной резьбе и фресковой росписи собора. Но эта общность «базы» могла предопределить только относительное единство изобразительных форм, отчасти даже единство стиля, но не его идентичность.

Остановимся сначала на нижних пластинах с изображением львов и грифонов. На западных дверях над львами и грифонами помещены довольно добродушные сэнмурвы, на соответствующих пластинах южных дверей их нет. Сами львы и грифоны на западных дверях тоже не столь хищного вида, как на южных. Хвосты сэнмурвов, окружая своими завитками изображения зверей, образуют сложные петли, прорисованные очень тонко, изящно. Растительные элементы сводятся в основном к трилистникам и полупальметтам. Пальметты если и встречаются, то зубчатой формы. На южных дверях растительный орнамент вокруг зверей более сочный, линии более толстые, пальметты очень пышные. Такая же разница наблюдается и в орнаментике валиков. На западных дверях он изящен, на южных более лапидарен. Но мотивами растительных форм орнамент южных дверей богаче. Именно здесь кроме пальметт широко применены розетки и новые образования из пальметт в сочетании с розетками, причем листьям придана кудрявая форма, напоминающая листья дуба [61]. Вместе с розетками на валиках южных дверей применен лировидный орнамент, что более тесно связывает декоративную роспись этих дверей с росписью диаконника.

Подобные сравнения можно было бы распространить и на декор центральных валов, а также «умбонов», но и из сказанного с достаточной ясностью вытекает, что нижние клейма и оправа западных и южных дверей исполнены по единой системе, в едином стиле, но в разных манерах. Мастера декора западных дверей более тонко чувствовали орнамент. Мастера, делавшие южные двери, работали вдохновенно, но менее тонко. Мастера декора западных дверей больше оглядывались на итало-визан-

---

[56] Е. С. Медведева. Этюды о Суздальских вратах, I, стр. 4.

[57] L. Réau. Ук. соч., стр. 84, 88, 92, 117.

[58] А. Василиев. Камени релефи, София, 1959, стр. 43.

[59] L. Réau. Ук. соч., 110, 240.

[60] «Последней редакцией» я называю редакцию конца 30-х и начала 40-х годов XIII в. Все остальные перемонтировки дверей не внесли никаких изменений в их художественную систему и привели лишь к путанице деталей.

[61] Основа таких лиственных форм восходит к византийской традиции (см. орнамент на византийском ковчеге XI в. в собрании Гос. Оружейной палаты. Л. В. Писарская. Искусство Византии V—XV веков. Л.— М., 1965, табл. X), но до XIII в. на Руси не было распространена.

тийскую традицию, в то время как художники южных дверей работали больше в местных традициях [62].

Работа и тех и других, вероятно, была направлена на восстановление былого блеска Суздаля.

Напомним, что с 1238 по 1252 г. Суздаль стал резиденцией князя Святослава Всеволодовича, который предпочел его своему Юрьеву-Польскому и перешел из Суздаля во Владимир только на два года своего великого княжения (1247—1249 гг.). В Суздале велось летописание Святослава [63], здесь, видимо, сосредоточивались его идейные сподвижники. Со Святославом, с его стремлением возвысить свой авторитет и следует связывать обновление «золотых» дверей кремлевского собора. Оно могло произойти либо вскоре после обоснования Святослава в Суздале (вскоре после 1238 г.), либо в те годы, когда Святослав занимал великокняжеский стол во Владимире (1247—1249 гг.). Аргументом против такой датировки дверей, точнее, их декоративного обрамления вряд ли может служить отсутствие средств или мастеров. До 1257 г. татары еще не установили системы переписи русского населения [64] и взимания с него дани, а золота для обновления дверей требовалось не так уж много. Ризница любого захолустного храма могла его дать. О наличии мастеров говорят летописные известия, повествующие о возобновлении поруганных святынь [65].

Несколько сложнее объяснить выбор святых на «умбонах» южных дверей. Если Григорий Богослов особо прославился четким изложением догмата о Троице [66] и мог интересовать составителей программы южных дверей именно с этой стороны; если Климент Александрийский был одним из тех, кто высказал наиболее глубокие мысли о прообразовании Ветхим Заветом Нового Завета [67], то как объяснить интерес мастеров южных дверей к таким излюбленным в Новгороде святым, как Власий и Ипатий? Не проявилось ли в этом стремление Святослава к возрождению общерусских притязаний всеволодичей? Поскольку Ярослав считался старшим князем в «Русском языце» [68], то и Святославу политически выгодно было выступить от лица не только «суздальцев», но и других русских земель, прежде всего Новгорода [69]. Напомним, что эта тенденция наметилась уже в программе скульптуры Георгиевского собора [70]. В монгольское время она не снималась с повестки дня владимиро-суздальских князей. В обновлении «золотых» дверей Суздальского собора можно видеть ее яркое проявление [71].

Все созданное суздальскими мастерами по украшению своего древнего собора (резьба, роспись и пр.) составило богатейший, поистине золотой фонд, оказавший немалое влияние на последующее русское искусство.

---

[62] Любопытно, что в сюжетных композициях западных и южных дверей наблюдается противоположное соотношение: иконография пластин южных дверей традиционнее, и недаром Ф. И. Буслаев сближал их с иконографией дверей церкви Михаила на Горе св. Ангела (XI в.).

[63] Ю. А. Лимонов. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967, стр. 174—178.

[64] А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.— Л., 1940, стр. 14 сл.

[65] В 1239 г. после ремонта освящается церковь Бориса и Глеба в Кидекше (ПСРЛ, I, 2, Л., 1927, стлб. 469). Успенский собор Владимира был приведен в порядок тоже довольно быстро.

[66] Н. П. Кондаков. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1875, стр. 168.

[67] Там же, стр. 91.

[68] ПСРЛ, I, 2, 1927, стр. 470.

[69] Святослав был не менее связан с Новгородом, нежели Ярослав.

[70] Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской, стр. 157—158.

[71] Показательно, что двуглавый орел появляется на южных дверях Суздальского собора почти одновременно с изображением его на одежде князя Ярослава Всеволодовича в нередицкой фреске. Этот интересный сюжет достоин специального рассмотрения.

G. K. Vagner

SYSTÈME DÉCORATIF DES «PORTES EN OR» DE LA CATHÉDRALE DE SOUZDAL ET PROBLÈME DE LEUR DATATION

Résumé

La datation des «portes en or» occidentale et méridionale de la cathédrale de Souzdal prête aux divergences. Celles-ci ont pour la cause le fait que les images en «médaillons» sur les portes représentant les sujets différents aussi bien que leur encadrement ornemental en forme des sortes de rouleaux avec les saillies sur les croisées sont considérés comme concomitants. Tandis que l'analyse des motifs végétaux et tératologiques des châssis prouve la postériorité de leur origine. Les châssis des deux portes aussi bien que la traversine centrale de la porte méridionale appartiennent sans aucun doute à la période après mongols alors que les «médaillons» des portes aussi bien occidentale que méridionale sont antérieures à l'époque de l'envahissement mongol. La peinture est réalisés par les équipes d'artisans différentes émanant des traditions balkaniques et byzantines. L'ornementation des châssis y compris les sujets tératologiques sur les saillies des croisées est l'ouvrage des artisans locaux qui travaillaient dans le cadre de la tradition ornementale vladimiro-souzdalienne. Les sujets tératologiques marquent les débuts de cette tradition dans l'art russe.

В. Ф. ГЕНИНГ

ПРОГРАММА СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ КЕРАМИКИ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК

Появление керамики [1] было, очевидно, конвергентным явлением, самостоятельным изобретением многих и многих автономных коллективов на определенной ступени хозяйственного развития. Поэтому, несмотря на единство функционального назначения, в посуде нашло отражение огромное многообразие конкретных форм и технологии ее изготовления. Кроме того, в очень многих местах посуда покрывалась орнаментом, как полагают археологи, с определенной магической целью, что внесло еще большее разнообразие и специфику в общий облик посуды отдельных групп населения. Форма, технология и орнаментация глиняной посуды отличались необычайной устойчивостью традиций у разных групп населения. Именно это и послужило в археологии основанием для ряда важных выводов. По типу керамики определяется культурная и хронологическая принадлежность многих археологических памятников, устанавливается генетическая связь между отдельными культурами, определяется археологическая специфика культуры и т. д.

Огромная значимость керамики как особой категории археологических источников заключается прежде всего в массовости ее рапространения — никакой другой вид археологических остатков не встречается так часто и в таком изобилии, как керамика. Даже при сравнительно небольшом объеме работ можно обычно получить довольно значительные серии.

И несмотря на все это, до сих пор в археологии нет ни единой системы первичной обработки этого ценнейшего источника, ни общепринятой терминологии при описании, ни единых принципов классификации. В публикациях керамике как особому виду источников уделяется крайне мало внимания, а при обработке нередко проявляется субъективистский подход. Все это лишает данный вид источника его основной ценности — объективности и не позволяет в большинстве случаев использовать его для широкого сравнительного анализа, основанного на всесторонних статистических данных.

Попытки статистической обработки отдельных комплексов керамики с той или иной полнотой предпринимаются многими археологами. Но при отсутствии единства методики обработки результаты ее, как правило, оказываются несопоставимыми.

В археологии глиняная посуда как собственно предмет бытового назначения представляет весьма ограниченный интерес. Исключительную ценность составляют сопутствующие стороны этого объекта, отражающие глубокие и весьма устойчивые традиции отдельных первобытных коллективов. Именно эти стороны позволяют в простом и чрезвычайно массовом археологическом материале находить отражение взаимодействия реальных первобытных коллективов, использовать его для вскрытия их исторических судеб, особенно этнического развития.

Поскольку в рассматриваемом аспекте керамика как источник представляет главный интерес не в ее прямом функциональном назначении,

[1] Термин «керамика» употребляется в данной работе только в узком смысле, как синоним термина «глиняная посуда».

и даже не в значении определяющих ее качеств, так как эти стороны должны быть предметом специального изучения, постольку мы вправе формализовать характеристики ее деталей, выразить их математическим языком и в известной мере оторваться от функциональной сущности.

Результаты обработки отдельных комплексов керамики необходимы в исследовании для широкого сравнительного анализа, который наилучшим образом может быть выполнен тогда, когда все данные, определяющие керамику, выражены в математических показателях и мера сходства или различия отдельных комплексов между собой может быть определена в конкретных величинах.

Керамика как массовый материал требует строгой и единой системы обработки, чтобы получить надежные объективные данные для сравнительного анализа. Здесь широко должна быть применена математическая статистика, при этом, однако, не следует усложнять ни систему характеристики, ни применение статистики, с одной стороны, потому, что все это имеет в археологии подсобное значение, а с другой — сама система обработки должна быть достаточно простой и широко доступной для выполнения ее в любых условиях.

Предлагаемая «Программа статистической обработки керамики» не содержит готовой классификации для любого комплекса, а лишь определяет основные исходные принципы первичного учета признаков, характеризующих керамику, и некоторые показатели для характеристики комплекса в целом. Применение единой методики первичного учета и характеристики комплексов керамики позволит в дальнейшем разработать более или менее единый метод сравнительного анализа отдельных комплексов между собой.

Методика и терминология

Статистическая обработка массового материала требует прежде всего согласования основных принципов первичного учета для получения тех или иных характеристик или показателей.

Для характеристики комплексов керамики необходимо установить: а) единую терминологию; б) единую методику получения характеристик; в) категории и группы показателей, характеризующих каждый комплекс керамики; г) относительные и абсолютные величины для показателей.

Лишь строго придерживаясь единой системы первичного учета и обработки коллекций керамики, можно будет широко применить сравнительный статистический анализ при исследовании различных комплексов, причем это уже область, требующая специальной разработки. Здесь опять-таки необходимы будут, с одной стороны, какие-то общие методы сравнительного анализа, применимые для любых комплексов, а с другой — частные, отражающие специфику комплексов определенных культурных групп.

Некоторые общие методы сравнительного анализа, приведенные в последнем разделе статьи, естественно, не претендуют на исчерпывающий охват.

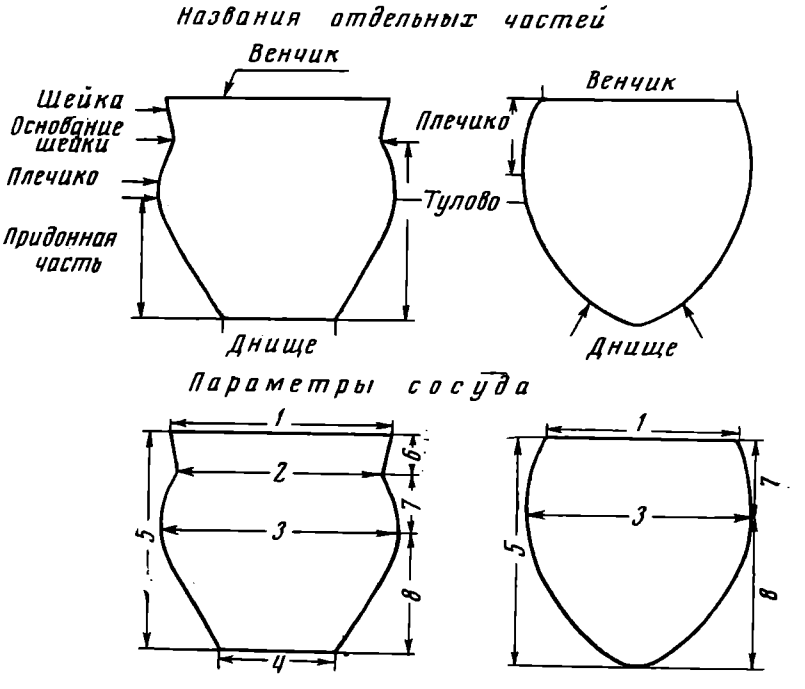
1. Детали форм сосудов и их названия. Глиняные сосуды при всем разнообразии конкретных форм обычно имеют одни и те же составные части: горловину, тулово и дно. Различные дополнительные детали — ручки, поддоны и пр., не имеющие массового распространения, здесь не рассматриваются.

Отдельные детали сосудов (рисунок): *шейка* — верхняя часть сосуда, отличающаяся от нижележащей особой формой; *венчик* — верхний обрез (край) сосуда; *основание шейки* — место перехода от шейки к тулову сосуда; *горловина* — вся верхняя часть сосуда, его устье, включающее шейку, венчик и основание шейки, а у сосудов, не имеющих четко выраженной шейки,— верхнюю часть тулова; *тулово* — основная емкость сосуда; *плечико* — верхняя часть тулова от основания шейки, а у сосудов без

шейки от венчика до наибольшего диаметра по тулову; *придонная часть* — нижняя часть сосуда, от его наибольшего диаметра по тулову до дна; *дно* — основание сосуда.

У сосудов различных форм те или иные детали (шейка, основание шейки, горловина, дно) могут быть выражены четко или очень слабо, а нередко и полностью отсутствовать.

Наличие у сосудов тех или иных деталей определяет их конкретную форму — тип сосуда (горшки, банки, чаши, кринки и т. д.). В дальнейшем



Характеристика сосуда:

1 — диаметр по венчику, *2* — диаметр по основанию шейки, *3* — наибольший диаметр по тулову, *4* — диаметр днища, *5* — общая высота, *6* — высота шейки, *мм*, *7* — высота плечика, *8* — высота придонной части тулова

необходимо согласовать термины для названия конкретных типов и дать им четкое определение.

2. Основные категории показателей. Для характеристики как отдельных сосудов, так и всего комплекса керамики в целом вводятся четыре основные категории показателей: по абсолютным размерам; форме сосудов; орнаментации; по технике изготовления их. Каждая категория включает определенный перечень показателей, имеющих свое название и условное обозначение — цифровое или буквенное. Категории же соответственно обозначим: Р — размеры, Ф — форма, О — орнаментация, Т — техника изготовления.

В тех случаях, когда комплекс имеет какие-либо специфические особенности, не учтенные в данной программе, могут быть введены дополнительные категории или показатели с особыми условными обозначениями. Каждая категория показателей является самостоятельной характеристикой определенных признаков, присущих керамике, поэтому для различных категорий различны методы получения показателей, а также система их выражения для всего комплекса.

Таблица I дает общее представление о системе распределения показателей по категориям, их условных обозначениях, методе получения и общего выражения. Подробно же каждая категория будет раскрыта ниже в соответствующем разделе.

3. Первичный учет. Обработка комплекса керамики начинается с учета всех данных, характеризующих каждый отдельный сосуд (или его части). Подобный учет проще всего проводить в обычной статистической

Таблица I

Основные категории показателей для характеристики керамики

Характеристика	Название категорий показателей	Условный шифр показателей	Наименование показателей	Метод первичного учета	Система суммарной характеристики показателей
Абсолютные размеры сосудов	Параметры	Р 1	Диаметр по венчику	Измерение абсолютных размеров (для Р6 в *мм*, остальных в *см*)	Средне-арифметическое абсолютных размеров каждого показателя
		Р 2	» по основанию шейки		
		Р 3	Наибольший диаметр по тулову		
		Р 4	Диаметр по днищу		
		Р 5	Общая высота		
		Р 6	Высота шейки		
		Р 7	» плечика		
		Р 8	» придонной части		
Форма сосудов	Указатели формы	Ф А	Высотный	Отношения соответствующих параметров каждого сосуда	Средне-арифметическое каждого указателя
		Ф Б	Высотногорловинный		
		Ф В	Широтногорловинный		
		Ф Г	Профилировка шейки		
		Ф Д	Высотный тулова		
		Ф Е	Высотный плечиков		
		Ф Ж	Выпуклость плечиков		
		Ф И	Широтный днища		
Орнаментация сосудов	Индекс орнаментации	OI-1 OI-2 OI-*n*	OI — элементы узора 1,2 ... *n* — отдельные элементы орнамента	Количественный учет отдельных показателей (1, 2 ... *n*) внутри каждой группы (I, II)	% каждого показателя внутри своей группы (100%)
		OII-1 OII-2 OII-*n*	OII — техника орнаментации 1,2 ... *n* — технические приемы выполнения элементов орнамента		
		OIII-1 OIII-2 OIII-*n* OIII-*a*	III—степень орнаментированности ... 1,2 ... *n* — степень орнаментированности частей сосудов *a* — абсолютная орнаментированность	Наличие орнамента на соответствующих частях; средне-арифметических показателей 1,2 ... = *n*	% каждого попоказателя от общего количества сосудов (100%)
		OIV	Насыщенность узора отдельными элементами орнамента	Общее количество элементов узора и орнаментированных сосудов	Среднее кол-во элементов на 1 орнаментированный сосуд
Техника изготовления сосудов	Техника	Тп-1 Тп-2	Тп — примеси к глине 1,2 ... *n* = консистенты	Количество отдельных показателей (1, 2 ... *n*) внутри группы (Тп, Тп, Тв)	% каждого показателя внутри своей группы (100%)
		Тн-1 Тн-2 Тн-*n*	Тн — обработка наружной поверхности 1,2 ... *n* — способы обработки		
		Тв-1 Тв-2 Тв-*n*	Тв — обработка внутренней поверхности 1,2 ... *n* — способы обработки		
		Твп	Водопоглощаемость	Погружение *n* количества на 30 *мин* в воду	Весовые проценты от *n* количества

Таблица II

Таблица обработки керамики по полной программе (образец)

Памятник ________
Автор ________
Раскоп, жилище ________
Год раскопок ________

№ п/п	Шифр сосуда	Параметры 1–8	Указатели А – И	Степень орнаментированности					Элементы узора	Техника выполнения элементов узора	Технология			Примечание
				венчик	шейка	плечико	придонная часть	дно			Примеси к глине	Обработка поверхности: наружной	внутренней	

таблице (см. табл. II). Количество таких таблиц для одного комплекса зависит от количества типов сосудов, так как каждая таблица служит для учета определенного типа. Поэтому всю коллекцию керамики вначале визуально разделяют на резко различающиеся типы (горшки, банки, чаши и т. д.). Основой для такой типологии служит наличие у каждого сосуда определенного набора параметров и указателей. В одну группу должны быть собраны все сосуды, имеющие шейки, тулово с плечиками и плоское дно, в другую — тулово без плечиков и плоское дно, в третью — тулово с плечиками и округлое дно и т. д. и т. п.

Статистические таблицы по типам сосудов и служат исходными для получения суммарных показателей всего комплекса, внутренней типологии и т. д.

4. О п и с а т е л ь н ы е в е л и ч и н ы п о к а з а т е л е й. В практике характеристики посуды широко используются термины описательного типа — большой, малый, средний, очень малый и т. д. Подобные описательные термины необходимы, и их не избежать, хотя каждый такой термин большой, малый — весьма относителен и никакого конкретного представления о величине без специального разъяснения, по отношению к чему она определяется, не дает. Поэтому есть необходимость: а) установить единую систему применения этих терминов; б) для каждого показателя уточнить название термина (например, широкогорлые, узкогорлые и т. д.); в) за каждым термином для каждого показателя закрепить определенную абсолютную величину. Единую описательную систему лучше всего принять по пяти категориям величин: 1 — очень малая, 2 — малая, 3 — средняя, 4 — большая, 5 — очень большая. Закрепляя за каждым понятием определенную абсолютную величину (в каждом отдельном случае для определенных деталей или соотношений), можно будет широко использовать эти термины в описаниях уже без дальнейшего разъяснения. Абсолютные величины этих категорий будут даны ниже в соответствующих разделах.

Параметры сосудов

Каждый сосуд имеет определенную величину, которая складывается из абсолютных размеров всех его деталей — диаметров или высот.

1. Описание параметров. Абсолютные размеры отдельных деталей сосуда составляют его параметры. В зависимости от конкретных форм (типа) находится и количество параметров, всего же их предлагается восемь (табл. III). За каждым параметром закрепляется постоянный номер. При необходимости для особых типов сосудов могут быть введены дополнительные параметры и соответственно нумерация. Все измерения, за исключением высоты шейки, производятся в сантиметрах и записываются целыми (округленными) числами. Высота шейки измеряется в миллиметрах и запись производится соответствующей цифрой (например, высоту 55 *мм* следует записать цифрой 55, а не 5,5 *см*). Такое исключение для этого параметра необходимо для удобства дальнейших вычислений. Все измерения параметров проводятся по наружной поверхности сосуда.

Таблица III

Параметры сосудов и категории их размеров

Условное обозначение параметров	Значение параметров	Единица измерения	Категории размеров (для суммарных показателей)				
			очень малый, до	малый	средний	большой	очень большой, свыше
P1	Диаметр по венчику	*см*	10	11—15	16—25	26—35	36
P2	» по основанию шейки	»	10	11—15	16—25	26—35	36
P3	Наибольший диаметр по тулову	»	15	16—25	26—35	36—45	46
P4	Диаметр дна	»	5	6—10	11—15	16—25	26
P5	Общая высота	»	15	16—25	26—35	36—45	46
P6	Высота шейки	*мм*	10	11—25	26—50	51—100	100
P7	» плечика	*см*	5	6—15	16—25	26—35	36
P8	» придонной части	»	5	6—15	16—25	26—35	36

Данные параметров каждого сосуда вносятся в статистическую табл. II.

2. Суммарная характеристика. Нередко для характеристики размеров сосудов прибегают к группировке их по размерам, беря за основу какой-либо один параметр, чаще всего диаметр по венчику. Недостаток такой группировки вполне очевиден.

Лучшие результаты дает определение среднеарифметического каждого параметра ($\bar{x}$ с соответствующим номером параметра). Среднеарифметический показатель в описательной части характеристики керамики можно дополнить указанием на вариационный размах или среднее квадратическое отклонение для каждого показателя. Критерии размеров отдельных категорий и их описательные названия даны в табл. III. Следует, однако, иметь в виду, что приведенные в таблице абсолютные размеры отдельных категорий отражают лишь суммарные показатели комплекса.

Для отдельного сосуда в зависимости от его конкретной формы и размера категория каждого параметра будет зависеть от всех других. Так, высота шейки в 15 *мм* может быть очень малой, если весь сосуд крупный, и, наоборот, средний, если сосуд небольшой величины.

3. Сокращенная программа. Полное измерение всех параметров сосудов может быть выполнено на целых экземплярах. Когда же коллекция содержит только фрагменты сосудов, измерения параметров производятся по сокращенной программе, причем здесь могут быть разные варианты по полноте данных, особенно если коллекции сравнительно немногочисленны. Так, в коллекции можно выделить группу фрагментов, по которым измеряются диаметры по венчику, основанию шейки,

Таблица IV

Указатели формы сосудов и их относительные величины

Условное обозначение указателя	Наименование указателей	Отношения параметров	Категория размера				
			очень малый	малый	средний	большой	очень большой
ФА	Высотный	$\frac{Р\ 5}{Р\ 3}$	До 0,40	0,41—0,80	0,81—1,20	1,21—1,60	Свыше 1,60
ФБ	Высотногорловинный	$\frac{Р\ 6}{Р\ 1}$	» 0,50	0,51—1,50	1,51—3,00	3,01—5,00	» 5,00
ФВ	Широтногорловинный	$\frac{Р\ 1}{Р\ 3}$	» 0,32	0,33—0,50	0,51—0,65	0,66—1,00	» 1,00
ФГ	Профилировки шейки	$\frac{(Р\ 1-Р\ 2)\times 5}{Р\ 6}$	» 0,00	0,01—0,26	0,27—0,57	0,58—1,0	» 1,00
ФД	Высотный тулова	$\frac{Р\ 7+Р\ 8}{Р\ 3}$	» 0,50	0,51—0,85	0,86—1,15	1,16—1,50	» 1,51
ФЕ	Высотный плечика	$\frac{Р\ 7}{Р\ 8}$	Свыше 2,00	1,01—2,00	0,51—1,00	0,26—0,50	До 0,25
ФЖ	Выпуклости плечиков	$\frac{Р\ 3-Р\ 2}{Р\ 7\times 2}$	До 0,25	0,26—0,57	0,57—1,00	1,01—1,50	Свыше 1,51
ФИ	Ширина днища	$\frac{Р\ 3-Р\ 4}{Р\ 8\times 2}$	Свыше 1,50	1,01—1,50	0,57—1,00	0,25—0,57	До 0,25

наибольшему по тулову, и высоту плечиков и шейки. Если эта выборка будет мала то для более полной характеристики, особенно остальных категорий показателей, необходимо учесть большее количество фрагментов. В таком случае можно составить выборку, где измеряются только диаметры по венчику, основанию шейки и высота шейки. При отсутствии целых экземпляров параметры придонных частей у плоскодонных сосудов также измеряются по обломкам и сводятся в отдельную таблицу. Суммарные показатели каждой группы следует вычислять отдельно по выборкам, и только при отсутствии больших расхождений их можно объединять. При описании каждого комплекса необходимо указывать методику получения суммарных показателей.

Указатели форм сосудов

Форма сосуда — один из важнейших его отличительных признаков. Сравнительно легко сосуды можно разделить на основные типы — по наличию определенных деталей, хотя и здесь необходимо разработать четкие критерии для отнесения сосуда к тому или иному типу (горшки, банки, чаши и т. д.). Классификация же внутри типа и даже уточнение характеристики конкретного типа сопряжено с большими трудностями и в большинстве случаев выполняется визуально и интуитивно. Прочную основу типологическая классификация приобретает лишь в том случае, когда она базируется на вполне объективных математических данных, каковыми являются параметры сосудов. Но абсолютные размеры деталей сосудов, взятые каждый в отдельности и даже вместе, не дают пред-

ставления о форме ни в целом, ни отдельных частей. Не позволяют они также судить и о величине отдельных деталей — как уже указывалось, они зависят друг от друга. Так, например, невозможно однозначно решить, какой из сосудов высокий: имеющий абсолютную высоту 50 или 20 *см*? Первый сосуд, безусловно, выше второго, но сам по себе он может быть низким, если его наибольший диаметр будет 60—80 *см*.

Для получения данных, которые можно будет использовать в типологической классификации форм сосудов, необходимы относительные показатели, которые отражали бы относительные величины для каждого конкретного сосуда. Эти данные получаются путем определения соотношений отдельных параметров сосуда.

Такие относительные величины можно назвать указателями форм и обозначить прописными буквами от А до И (буква З пропускается, так как по начертанию близка к цифре).

1. Описание указателей формы. Предлагается ввести восемь указателей, каждый из которых характеризует определенную часть общей формы сосуда. Для каждого указателя вычислены относительные категории размеров (по пяти группам), приведенные в табл. IV, а ниже предлагаются описательные термины каждой категории. Напомним, что указатели дают представление только о форме, а не об абсолютных размерах. Высотный указатель сосуда может быть очень малым, даже при абсолютной высоте сосуда в 60—70 *см*.

ФА. *Высотный указатель* определяет общую пропорцию сосуда из отношения общей высоты к наибольшему диаметру по тулову

$$\text{ФА} = \frac{\text{Р5}}{\text{Р3}} \qquad (1)$$

У сосудов, не имеющих наибольшего диаметра по тулову (банки, стаканы и пр.), высота соотносится к наибольшему диаметру по венчику (Р1) или дну (Р4). Описательные термины отдельных категорий и их показатели:

очень низкий (до 0,40)
низкий (0,41—0,80),
средний (0,81—1,20),
высокий (1,21—1,60),
очень высокий (свыше 1,60).

ФБ. *Высотно-горловинный указатель* определяет высоту горловины (шейки) по отношению к ее диаметру.

$$\text{ФБ} = \frac{\text{Р6}}{\text{Р1}} \qquad (2)$$

Это отношение дает возможность выделить сосуды:

очень низкогорлые (до 0,50),
низкогорлые (0,51,—1,50),
среднегорлые (1,51—3,00),
высокогорлые (3,01—5,00),
очень высокогорлые (свыше 5,00).

ФВ. *Широтноголовинный указатель* определяет ширину горловины сосуда. Наиболее точно этот указатель может быть получен по формуле

$$\text{ФВ} = \frac{\text{Р1} + \text{Р2}}{2} : \text{Р3} \qquad (3)$$

Однако не будет большой ошибкой упростить вычисления и взять только параметр Р1 по отношению к параметру Р3. Категории и их показатели:

очень узкогорлые (до 0,32),
узкогорлые (0,33—0,50),
со средней шириной горловины (0,51—0,65),
широкогорлые (0,66—1,00),
очень широкогорлые (свыше 1,00).

ФГ. *Указатель профилировки шейки* определяет степень отгиба шейки сосуда от ее основания.

Угол отгиба шейки определяет соответственно и угол между плоскостью венчика и линией шейки. Сама шейка может быть различной формы — выгнутая, вогнутая и т. д., линия шейки представляет собой воображаемую прямую между наружной стороной венчика и основанием шейки. Для вычисления угла отгиба шейки используем линейные данные. Перпендикуляр от основания шейки к плоскости венчика образует треугольник, основание которого равно $\frac{P1 - P2}{2}$.

Высоту шейки переведем в соизмеримые величины: $\frac{P6}{10}$, тогда

$$ФГ = \frac{P1 - P2}{2} : \frac{P6}{10} = \frac{(P1 - P2) \times 5}{P6} \quad (4)$$

что представляет собой котангенс угла между плоскостью венчика и линией шейки. При отрицательном значении шейка имеет наклон во внутрь, при всех положительных — наружу.

Названия категорий и их показатели:

с наклоном внутрь (до 0,00),
слабопрофилированная (0,01—0,26),
среднепрофилированная (0,27—0,57),
сильнопрофилированная (0,58—1,00),
очень сильно профилированная (свыше 1,00).

ФД. *Высотный указатель тулова* служит для определения общей профилировки линии тулова сосуда. Для сосудов с четко выраженной шейкой этот указатель высчитывается по формуле

$$ФД = \frac{P7 + P8}{P3} \quad (5)$$

Для сосудов без шейки указатель Д однозначен с высотным указателем ФА. Термины для различных категорий и их показатели:

сильно приплюснутое тулово (до 0,50),
приплюснутое (0,50—0,85),
округлое (0,86—1,15),
вытянутое (1,16—1,50),
сильно вытянутое (свыше 1,50).

ФЕ. *Высотный указатель плечика.* В зависимости от высоты расположения наибольшего диаметра по тулову изменяется общая конфигурация самого тулова, что отражается на высоте плечика. Чем больше абсолютная высота плечика (Р7) по отношению к высоте придонной части (Р8), тем ниже будет расположен наибольший диаметр и наоборот:

$$ФЕ = P7 : P8. \quad (6)$$

Категории и их показатели:

очень низкое плечико (свыше 2,00),
низкое (1,01—2,00),
среднее (0,50—1,00),
высокое (0,26—0,50),
очень высокое (до 0,26).

ФЖ. *Указатель выпуклости плечика* позволяет определить изгиб верхней части тулова сосуда. Указатель вычисляется по тангенсу угла, образованного линиями между тремя точками: у основания шейки, у наибольшего диаметра и на вертикали из основания шейки и пересечения с горизонтальной линией наибольшего диаметра:

$$ФЖ = \frac{P3 - P2}{P7 \times 2} \quad (7)$$

Для сосудов, не имеющих шейки, но с выпуклым туловом (наибольший диаметр по тулову), этот указатель характеризует форму верхней части — фактически горловины сосуда:

$$ФЖ = \frac{Р3 - Р1}{Р7 \times 2} \quad (7а)$$

Категории и их показатели:
очень слабо выпуклые плечики (до 0,25),
слабовыпуклые (0,26—0,57),
средневыпуклые (0,58—1,00),
сильновыпуклые (1,01—1,50),
очень сильно выпуклые (свыше 1,50).

ФИ. *Указатель ширины днища* определяет конфигурацию придонной части сосуда по степени отгиба нижней части тулова. Степень этого отгиба определяется по соотношению

$$ФИ = \frac{Р3 - Р4}{Р8 \times 2} \quad (8)$$

Это тангенс угла, как и в указателях Г и Ж. Для круглодонных сосудов с шейкой получение данного указателя упрощается:

$$ФИ = \frac{Р3}{Р8 \times 2} \quad (8а)$$

а для чашевидных без шеек

$$ФИ = \frac{Р1}{Рэ \times 2} \quad (8б)$$

и характеризует общую форму, так же как для баночных сосудов с прямыми стенками:

$$ФИ = \frac{Р1 - Р4}{Рэ \times 2} \quad (8в)$$

Категории и их показатели:
очень узкодонные сосуды (свыше 1,50),
узкодонные (1,01—1,50),
среднедонные (0,57—1,00),
широкодонные (0,25—0,56),
очень широкодонные (до 0,25).

2. Вычисление указателей для каждого сосуда весьма трудоемкая работа, если не применить какие-либо упрощения. Все указатели вычисляются главным образом при помощи деления (сложение, вычитание и умножение в указателях Ф — Г, Д, Ж, И не представляют больших затруднений, так как они весьма просты), поэтому для облегчения работы и ее ускорения можно воспользоваться таблицей деления простых чисел (см. приложение), причем здесь достаточно иметь их в пределах до 50 с точностью до единицы, а далее через 5 единиц. В верхнем горизонтальном ряду таблицы записано делимое (во всех формулах вычисления указателей это первая часть отношения), а в левом вертикальном ряду — делитель (второй показатель в отношениях), искомый указатель (частное) находим на пересечении колонок. Эта таблица может широко использоваться и для других вычислений. Указатели записываются в статистическую таблицу II лучше в цифровых значениях, что позволяет при необходимости внутри категории произвести еще большую детализацию.

3. Типологическая классификация. Используя указатели, каждый тип сосудов можно детализировать по форме, выделив различные их разновидности. Вся процедура этого деления сводится к последователь-

ной корреляции отдельных указателей, для чего необходимо определить интервалы показателей для группировки и последовательность самой корреляции.

Первое определяется сравнительно просто. Для каждого указателя вычисляется вариационный размах и в зависимости от него определяется интервал. Может быть, целесообразно установить и единый критерий интервалов — $^1/_2$ категории принятых величин. В данном случае мы будем иметь не 5 категорий величин, а 10, что, очевидно, вполне достаточно для классификации внутри типа. Последовательность корреляции указателей может быть выполнена двояко. 1. По заранее определенным признакам. Пример: вначале по общей высоте (ФА) и степени отгиба шейки (ФГ), затем — учитывая результат по высоте плечика (ФЕ) и т. д. Очевидно, что в данном варианте классификация определяется спецификой конкретного комплекса и типа. В каждой культуре керамика имеет свои особенности в форме, которые и могут определить последовательность корреляции. 2. Корреляция в порядке уменьшения различий в показателях. Определить этот порядок можно, основываясь на коэффициенте вариации.

Коррелирование выполняется на обычной турнирной таблице (табл. V), где в графы записывают номера сосудов.

Таблица V

Корреляция указателей сосудов первого порядка

	ФЖ / ФА	Интервалы показателя			
		0,26—0,41	0,42—0,57	0,58—0,74	и т. д.
Интервалы показателя	0,41—0,60		1,3,6,15	12	
	0,61—0,80		2,4,5,7 10,11,13		
	0,81—1,0	8,9	14,16,17		
	и т. д.				

Записав все сосуды в корреляционной таблице первого порядка, приступают к корреляции следующих ступеней (табл. VI).

В конечном итоге получаются группы сосудов, характеризующиеся очень близким сходством формы по всем деталям. Дробность классификации можно избежать за счет увеличения интервалов, поэтому в некоторых случаях достаточно основных пяти категорий величин.

Таблица VI

Корреляция указателей сосудов второго порядка

ФА	ФГ	Интервалы показателя				
		до 0,0	0,01—0,13	0,14—0,26	0,27—0,30	и т. д.
0,41—0,60	0,42—0,57	1,15	3,6			
0,41—0,60	0,58—0,74	12				
0,61—0,80	0,42—0,57	2	7	4, 5, 10, 11, 13		
0,81—1,0	0,26—0,41		9	8		
0,81—1,0	0,42—0,57			16, 14	17	
	и т. д.					

Конечные итоги классификации вводятся в таблицу, и по количеству каждой разновидности вычисляется их процентное распределение. Возможно, практика подскажет и какие-нибудь более совершенные методы классификации. Во всяком случае пока важно использовать единые исходные данные и по ним искать пути дальнейшего совершествования общей типо-

логической классификации и использовать в описаниях единую терминологию.

При полной характеристике формы сосудов в каждой культуре, несомненно, будет выявлен ряд других деталей. Так, очевидно, следует ввести учет формы венчика, линии изгиба профиля шейки, наличие всевозможных дополнительных деталей (ушки, поддоны, ручки и т. п.). Все эти детали пока трудно унифицировать в силу большого разнообразия. Принципы их учета и классификации должны разрабатываться дополнительно для каждого комплекса.

4. Суммарная характеристика комплекса по указателям формы. Выделение отдельных типов сосудов внутри комплекса уже дает характеристику его состава. При отсутствии резких различий внутри отдельных типов общая характеристика основных признаков формы каждого типа может быть получена путем выведения среднеарифметического для каждого указателя, дополненного показателем вариационного размаха и средним квадратическим отклонением. Конечно, нас интересует, какие конкретно формы содержит тот или иной тип посуды, но при сравнительном анализе нескольких комплексов важно определить тенденцию развития, которая наилучшим образом отражается в средних показателях каждого указателя. Сравнивая средние показатели каждого указателя в нескольких комплексах, можно будет проследить общую тенденцию изменения сосудов данного типа, и в соответствии с ней найти место каждого комплекса (хронологическое или локальное).

Результаты типологической классификации по каждому типу сводятся в общую таблицу типологии всего комплекса, где вычисляется в процентах доля каждого типа и его разновидностей. Эти результаты используются в определении степени близости различных комплексов керамики по форме между собой. Степень близости выражается в коэффициенте сходства.

5. Обработка коллекций из фрагментированных сосудов. Приведенная выше программа рассчитана на обработку коллекции, включающей сосуды, сохранившиеся целиком. Чаще же, особенно при раскопках поселений, собираются коллекции содержащие в массе только обломки сосудов. В таких случаях обработка ведется по сокращенной программе. Для этого из коллекции выбираются фрагменты верхних частей сосудов, на которых сохранились шейки и верхние части тулова до наибольшего диаметра по тулову. В таких коллекциях измеряются параметры Р — 1, 2, 3, 6, 7 и вычисляются указатели Ф — Б, В, Г, Ж.

Отдельно обрабатываются придонные части сосудов, которые также выбираются из коллекций по сохранившимся частям с наибольшим диаметром по тулову. Измерив параметры Р — 3, 4 и 8, вычисляем указатель ФИ. При малочисленности этих выборок и необходимости расширить коллекцию для характеристики по другим показателям (орнаментации, технике и т. д.) могут быть использованы все фрагменты, имеющие хотя бы один-два параметра, например диаметр по венчику, основанию шейки и т. д. Результаты обработки таких сосудов записываются в отдельную таблицу.

Орнаментация сосудов

Характеристика орнаментации сосудов наиболее сложная и трудоемкая работа. Затруднительно найти единую систему не только получения характеристик, но и первичного учета орнамента для разнообразных типов керамики. Характеристика керамики по орнаментации может быть дана по следующим группам признаков (обозначим их римскими цифрами): I — по отдельным элементам узора; II — по технике выполнения отдельных элементов; III — по степени орнаментированности; IV — по насыщенности узора. Кроме того, можно уточнить систему орнаментации по сочетаемости отдельных элементов узора с техническими приемами, которыми

они выполнены, и по взаиморасположению различных элементов узора на сосуде.

Первоначальный учет орнаментации производится отдельно для каждого типа сосудов внутри комплекса, что позволяет выявить характерные особенности каждой формы (типа). Если между ними нет существенных различий в орнаментации, все данные по типам можно объединить для характеристики всего комплекса в целом.

1. Показатели элементов узора. Орнаментальный узор сосуда состоит обычно из простейших элементов, включающих упрощенные геометрические или линейные фигуры: зигзаги, треугольники, горизонтальные или вертикальные линии, ряды прямых или наклонных отрезков, елочки, волнистые линии и т. д. Чаще всего узор состоит из различных комбинаций этих фигур, расположенных обычно горизонтальными поясками.

Первичный учет по каждому сосуду производится по всем встречаемым элементам, причем учитывается также повторяемость простейших элементов на одном сосуде. Например, если на сосуде три ряда треугольников, два ряда сгруппированных линий и четыре ряда «елочек», то в соответствующих графах табл. II записывается 3, 2, 4. Затем суммируются данные по каждому элементу и их общее количество. Индекс встречаемости каждого элемента в данном комплексе определяется следующим образом:

$$\text{OI} - 1 = \frac{\text{количество данных (1) элементов} \times 100}{\text{сумма элементов OI} - 1, 2 \ldots n} \qquad (9)$$

Достоинство данной системы учета орнаментации состоит в том, что определяется повторяемость отдельных элементов узора не только на сосудах (этот метод учета наиболее широко распространен), но и внутри сосуда. Тем самым представляется возможность определить удельный вес каждого элемента в общей системе орнаментации.

2. Показатели техники орнаментации. Узоры на сосудах бывают выполнены различными техническими приемами: гребенчатым или фигурным штампами, накалыванием или прочерчиванием острой палочки, глубокими ямочными наколами и т. д., причем нередко на одном сосуде разные элементы узора выполнены различными техническими приемами, поэтому учет техники орнаментации производится на каждом сосуде для каждого элемента, при этом также отмечается повторяемость. Например, на сосуде всего пять элементов из них три выполнены гребенкой и два прочерчиванием. Запись, следовательно, должна содержать в графе гребенка — 3, прочерчивание — 2. Общая сумма всех данных здесь, таким образом, та же, что и в предыдущем показателе. Показатель значимости каждого технического приема определяется как и показатель значимости отдельных элементов узора:

$$\text{OII} - 1 = \frac{\text{количество данного (1) приема} \times 100}{\text{сумма приемов OII} - 1, 2 \ldots n} \qquad (10)$$

3. Показатель степени орнаментированности. Орнамент на сосудах располагается не только отдельными зонами, но и на определенных частях его — венчике, шейке, плечике или придонной части, а иногда даже на дне. Поэтому одним из показателей характеризующих комплекс, может быть индекс орнаментированности отдельных частей и индекс абсолютной орнаментированности. При первичной обработке необходимо учитывать наличие или отсутствие орнамента на тех или иных частях сосуда. Суммируются данные по каждому разделу и вычисляется индекс встречаемости:

$$\text{OIII} - 1 = \frac{\text{количество сосудов с орнаментом 1} \times 100}{\text{сумма сосудов в коллекции}} \qquad (11)$$

Индекс абсолютной орнаментированности представляет собой среднеарифметическое орнаментированности по отдельным частям:

$$\text{ОIIIа} = \frac{\text{ОIII} - 1 + \text{ОIII} - 2 + \text{ОIII} - 3}{3} \qquad (12)$$

Например, индекс орнаментированности по венчику 50, по шейке 40, по придонной части 6, следовательно,

$$\text{ОIIIа} = \frac{50 + 40 + 6}{3} = 32$$

4. Показатель насыщенности узора. Предыдущий показатель дает представление лишь о наличии или отсутствии узоров на той или иной части сосуда. Комплексы керамики отличаются часто по насыщенности узора отдельными элементами на сосуде. Зная общее количество всех элементов в комплексе (показатели I, II) и общее количество сосудов с орнаментом, вычисляем насыщенность элементами на один сосуд:

$$\text{OIV} = \frac{\text{общее количество элементов}}{\text{количество сосудов с орнаментом}} \qquad (13)$$

5. Суммарная характеристика орнаментации. При большом разнообразии выполнения отдельных элементов узора различными техническими приемами необходимо бывает выявить их устойчивые сочетания. Первичный учет для этого производится в специальной таблице турнирного типа. В горизонтальном ряду обозначаются технические приемы, в вертикальном — элементы узора.

Таблица VII

Взаимовстречаемость элементов узора и техники их выполнения

Элемент узора	Техника выполнения				Всего количество
	гребенка	ямка	накол	резной	
Зигзаг	 7	. 1	... 3	. 1	12
Горизонтальная линия	. 1	 4		. 1	6
Ромб	... 3		.. 2	 6	11
Всего количество	11	5	5	8	29

Результаты табл. VII не только повторяют показатели I и II, но и органически соединяют их, определяя сразу, каким техническим приемом выполнен тот или иной элемент узора.

Для характеристики отдельного типа или комплекса и сравнения комплексов между собой бывает необходимо произвести сравнительный анализ как по элементам узора и технике их выполнения, так и по их сочетаемости. Каждая из этих сторон отражает различные тенденции в развитии, в одних случаях хронологические и культурные, в других — локальные и т. д. Так как все показатели орнаментации вычислены в процентах, близость отдельных комплексов можно выразить в коэффициенте сходства.

Отдельные элементы узора могут устойчиво располагаться на определенных частях сосуда (венчик, шейка, основание шейки, плечико и т. д.) или в определенной последовательности сверху вниз по зонам на сосудах, не имеющих четко выраженной шейки. Устойчивое взаиморасположение отдельных элементов узора на сосуде можно выявить также

при помощи турнирной таблицы, как и в предыдущем случае, заменив в вертикальных колонках технические приемы обозначением отдельных частей или последовательной нумерацией зон орнамента. Результаты таблицы также могут быть использованы для сравнительного анализа.

6. Сокращенная программа. Большинство археологических коллекций, как известно, содержит лишь фрагменты сосудов. Выше, при описании программы обработки таких коллекций по форме, было указано, что здесь для получения характеристики используются фрагменты верхних частей сосудов, сохранившиеся до наибольшего диаметра по тулову. Следовательно, и все характеристики орнаментации в подобных коллекциях будут ограничиваться лишь верхней частью сосудов до наибольшего диаметра по тулову. Отдельную характеристику получают и для придонных частей, если они орнаментированы.

Встречаются коллекции, содержащие сильно фрагментированные части сосудов, когда невозможно выделить достаточное количество крупных экземпляров. В таком случае можно прибегнуть к обработке по сокращенной программе по всем сохранившимся фрагментам или достаточному количеству более крупных обломков. При этом, если по обломкам можно определить, от каких частей они происходят — шеек, плечиков, тулова, днищ,— обрабатываются отдельные части и в сумме получается довольно полное представление о коллекции. Показатели OI и OII учитываются по каждому фрагменту, на котором можно определить элемент узора и технику его выполнения. Вычисление индекса производится обычным путем.

Показатель OIII подсчитывается по соотношению количества орнаментированных и неорнаментированных фрагментов шеек, плечиков, венчиков, днищ и тулова. Дальнейшие вычисления производятся обычным способом. Показатель IV (по отдельным фрагментам) не поддается вычислению. Целый ряд контрольных подсчетов, проведенных на различных частях коллекций,— по сохранившимся крупным фрагментам верхних частей сосудов и по сильно фрагментированным частям,— показал, что расхождения сравнительно невелики, в пределах 3—4%, лишь изредка до 8—9%.

Техника изготовления сосудов

Технология производства глиняной посуды имеет свою специфику в отдельных культурах, поэтому данные о ней также отражают устойчивые традиции населения и представляют большой интерес для полной характеристики комплекса. Технология изготовления сосудов включает характеристики по трем группам показателей: 1) составу глины; 2) технике обработки поверхности сосудов; 3) обжигу сосудов.

Массовое определение техники изготовления сосудов производится у нас пока визуально, без применения как-либо приборов или анализов. Достаточно твердых эталонов для визуального определения различных градаций каждой характеристики также пока не выработано, поэтому при описании каждого комплекса керамики необходимо описать способ определения того или иного признака. Статистический учет отдельных показателей также ведется по табл. II, а конечные данные по комплексу выражаются в процентах по каждой группе показателей.

1. Состав глины, из которого изготовлены сосуды, предусматривает выделение искусственных примесей к глине: песка, толченой посуды (шамота), раковины, камня (дресва) органических веществ (травы, соломы, и пр.) и т. д.

2. Обработка поверхности сосуда учитывается раздельно — по внутренней и наружной поверхности. Этот показатель фиксирует последнюю стадию окончательной обработки: лощение (сплошное или частичное), заглаживание мягким предметом (кожицей, тряпкой или рукой), щепкой, гребенкой и т. д.

3. Обжиг посуды определяется как по общему цвету черепка, так и излому, где выявляются прослойки различного цвета. Вообще следует отметить, что этот показатель не очень надежен. Нередко встречаются фрагменты от одного сосуда, имеющие совершенно разные цвета.

Можно предложить более объективный способ установления различий — по пористости, которая определяется по поглощаемости воды черепками. Подобный способ широко практикуется в современном керамическом производстве [2]. Для этого берем совершенно определенное по весу количество черепков (лучше всего 1 *кг*) и опускаем их на 30 мин. в воду. Затем, вынув из воды, в течение 5 мин. оставляем подсохнуть, стечь воде и вновь взвешиваем. Плотные черепки будут поглощать меньше воды, пористые — больше. Для коллекции лучше всего сделать несколько проб и высчитать среднюю водопоглощаемость, выразив ее в весовых процентах:

$$\frac{в - а}{а} \times 100 \qquad (14)$$

где $а$ — первоначальный вес образцов в граммах, $в$ — вес образцов после насыщения водой.

Сравнительный анализ комплексов керамики

Таблица суммарной характеристики сосудов (табл. VIII) содержит сведенные воедино все основные результаты обработки конкретной коллекции (или типа). Вместе с таблицами классификации типов, взаимовстречаемости элементов узора и техники их исполнения, а также взаиморасположения элементов узора, они дают исчерпывающую информацию о каждой коллекции или типе сосудов.

Всесторонняя характеристика комплекса керамики по отдельным признакам необходима в исследованиях прежде всего для сравнительного анализа с другими комплексами. Так как вся система обработки керамики построена на статистическом методе, достигается максимум объективности в получении характеристик-показателей, которые выражаются в конкретных величинах. Эти данные и должны быть основой для сравнительного анализа, который также в значительной мере может быть осуществлен математическими методами.

1. Некоторые сведения по статистическим методам анализа. Сравнительный анализ отдельных коллекций представляет собой уже этап исследовательской работы и может быть выполнен различными путями и методами. В нашей и зарубежной литературе появился уже ряд статей, в которых изложены некоторые методы такого анализа [3], к сожалению, не получивших у нас пока практического применения [4].

Изложение всех уже найденных методов сравнения не имеет смысла, и здесь мы остановимся лишь на наиболее простых (первичных) методах обобщенного выражения характеристик-показателей и сравнения их между собой. Наиболее простой путь обобщенного выражения для комплекса какого-либо показателя (M), содержащего множество единиц (N) различной величины (x), состоит в вычислении его *среднеарифметическо-*

---

[2] И. Я. Юрчак. Методы испытания фарфоровой и фаянсовой посуды. М., 1955, стр. 34—35.

[3] Приведем перечень некоторых статей в советской литературе, где можно найти и указания на аналогичные работы за рубежом: В. Б. Ковалевская. Применение статистических методов к изучению массового археологического материала. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 286—301; Б. И. Маршак. К разработке критериев сходства и различия керамических комплексов. Там же, стр. 308—417; В. Б. Ковалевская, И. Б. Погожев, А. П Погожева (Кусургашева). Количественные методы оценки степени близости памятников по процентному содержанию массового материала. СА, 1970, 3.

[4] Единственное, кажется, исключение составляет работа Д. В. Деопик. Классификация и статистический анализ керамического комплекса поселения у с. Кирово. Сб. «Древности Восточного Крыма». Киев, 1970.

Таблица VIII

Суммарная характеристика сосудов (образец)

Памятник. _____ год раскопок. _____ автор _____

Состав коллекции керамики:

Общее количество.. _____ Выбрано для обработки _____

Состояние коллекции: 1) целые сосуды _____

2) крупные фрагменты _____ 3) мелкие фрагменты _____

Категории характеристики	Шифр показателей	Наименование показателя	Количество	Показатель	Категории характеристики	Шифр показателей	Наименование показателя	Количество	Показатель
Параметры	Р1	Диаметр по венчику			Указатели формы	ФА	Высотный		
	Р2	Диаметр по основанию шейки				ФБ	Высотно-горловинный		
	Р3	Наибольший диаметр по тулову				ФВ	Широтно-горловинный		
	Р4	Диаметр днища				ФГ	Профилировка шейки		
	Р5	Общая высота . .				ФД	Высотный тулова		
	Р6	Высота шейки . .				ФЕ	Высотный плечиков		
	Р7	Высота плечиков				ФЖ	Выпуклости плечиков		
	Р8	Высота придонной части				ФИ	Широтный днища.		
Индекс орнаментации	ОI-1	(Название или рисунок элементов узора)			Индекс орнаментации	ОII--1-5	(Название технических приемов орнаментации)		
	2					ОIII-1	Степень орнаментированности		
	3					1	венчика		
	4					2	шейки		
	5					3	плечиков . . .		
	6					4	придонной части		
	7					5	днища		
	8					*а*	абсолютный . .		
	9								
	10								
	11								
	12					ОIV	Насыщенность узора		
	13								
Техника	Тп-1	(Примеси к глине).			Техника	Тн-1	(Способы обработки наружной поверхности) . . .		
	2								
	3					2			
	4					3			
	5					4			
	ТВп	Водопоглощаемость				Тв-1	(Способы обработки внутренней поверхности) . . .		
						2			
						3			
						4			

го $(\bar{x})$, которое равно частному от деления суммы (Σ) всех значений данного признака на число единиц:

$$\bar{x}M = \frac{\Sigma x}{N} \qquad (15)$$

Недостаток среднеарифметического показателя состоит в том, что он не дает представления о степени разнообразия тех величин, из которых

вычислен. Мерой такого разнообразия может служить *вариационный размах* — разность между наибольшей и наименьшей величиной данного показателя:

$$RM = x_{\text{макс}} - x_{\text{мин}} \tag{16}$$

Но вариационный размах зависит только от крайних членов ряда величин, которые нередко могут быть случайными. В связи с этим в статистике чаще используют *среднее квадратическое отклонение* σ

$$\sigma M = \sqrt{\frac{\Sigma (x - \bar{x})^2}{N}} \tag{17}$$

при сравнительно небольших выборках:

$$\sigma M = \sqrt{\frac{\Sigma (x - \bar{x})^2}{N - 1}} \tag{18}$$

Эта система обобщения признаков керамики применима для тех показателей, которые выражают абсолютные или относительные размеры — параметры сосудов и указатели их формы.

При классификации керамики по типам, а также в ряде других случаев встает необходимость найти наиболее устойчивые признаки, в порядке которых и производить последовательность классификации. В данном случае можно применить *коэффициент вариации*

$$VM = 100 \frac{\sigma M}{\bar{x} M} \tag{19}$$

В. Б. Ковалевская [5] рекомендует, кроме того, определять достоверности различия между коэффициентами вариации двух признаков путем вычисления ошибки коэффициента вариации

$$m_V = V \sqrt{\frac{0{,}5 + \left(\frac{V}{100}\right)^2}{N}} \tag{20}$$

при критерии

$$\frac{(V_1 - V_2)^2}{m_{V_1}^2 + m_{V_2}^2} \geqslant 9. \tag{21}$$

При сравнительном анализе по показателям параметров и формы серий коллекций керамики можно выяснить основные тенденции развития и наметить их хронологическое или локальное размещение, причем если суммарные данные по каждому показателю из всех коллекций рассматривать как конкретный показатель, можно получить среднеарифметический показатель и среднее квадратическое отклонение для данного показателя в пределах всех комплексов (внутри культуры). Основываясь же на коэффициенте вариации, можно определить последовательность в развитии данного признака и в известной мере степень близости различных комплексов между собой.

Сравнительный статистический анализ значительно лучше может быть выполнен в тех случаях, когда распределение различных показателей внутри какого-либо признака выражено в процентах, что позволяет

---

[5] В. Б. Ковалевская. Применение статистических методов..., стр. 291; Ю. Поморский. Вариационная статистика. 1. Л., 1929, стр. 192.

вычислить *коэффициент сходства* двух и более комплексов. В нашей программе в процентах выражены все показатели орнаментации, типология сосудов, техника их изготовления.

В американской археологии широкое распространение для вычисления коэффициента сходства двух комплексов получил метод Д. Брейнерда — В. Робинсона [6]. Суть его сводится к следующему: между двумя комплексами вычисляется разность каждого показателя, сумма которых дает общий процент различия по отношению к обоим комплексам. Коэффициент сходства определяется по разности максимального отличия (200%) и полученной суммы фактического различия. Недостаток этого метода, на наш взгляд, состоит в том, что результаты его даются не в обычном для нас 100%-ном исчислении, а в 200%-ном и здесь возможно сравнение только одной пары. Эти недостатки легко устраняются, если вычислять сразу процент абсолютного сходства для каждого признака, а затем суммировать их и получить таким образом коэффициент сходства. Для сравнения проиллюстрируем оба метода (табл. IX).

Таблица IX

Вычисление коэффициента сходства двух комплексов

Показатель	Комплексы		Абсолютная разность	Абсолютное сходство
	А	Б		
I — 1	15,4	21,6	6,2	15,4
2	38,2	30,3	7,9	30,3
3	22,7	36,5	13,8	22,7
4	10,4	2,4	8,0	2,4
5	13,3	9,2	4,1	9,2
	100,0%	100,0%	40,0%	80%

По методу Брейнерда — Робинсона коэффициент сходства двух комплексов будет: 200% — 40% = 160%. По предлагаемому нами методу для этих же комплексов коэффициент сходства вычисляется сразу — 80%, причем в 100%-ном исчислении это та же величина, что 160 в 200%-ном исчислении.

Коэффициент сходства ρ между комплексами l и m по группе показателей будет состоять из суммы (Σ) минимальных величин однотипных показателей (a, b, c... n) данной группы M:

$$\rho_{lm}M = \Sigma\,(a^{(lm)}_{\text{мин}} + b^{(lm)}_{\text{мин}} + c^{(lm)}_{\text{мин}} + \ldots n^{(lm)}_{\text{мин}}) \qquad (22)$$

Кроме того, по предлагаемому нами методу может быть вычислен общий коэффициент сходства практически для неограниченного количества комплексов, что бывает необходимо при сопоставлении ряда очень близких комплексов, допустим одной культуры. Процедура вычисления здесь та же самая — для каждого показателя выбирается наименьший, сумма которых дает коэффициент сходства (табл. X):

$$\rho_{lm\ldots n}M = \Sigma\,(a^{(lm\ldots n)}_{\text{мин}} + b^{(lm\ldots n)}_{\text{мин}} + c^{(lm\ldots n)}_{\text{мин}} + \ldots + n^{(ln\ldots n)}_{\text{мин}}) \qquad (23)$$

Когда имеется серия комплексов и необходимо определить последовательность их распределения по степени сходства [7], вычисляется коэффи-

[6] Подробное изложение его см. в статье: В. Б. Ковалевская, И. Б. Погожев, А. П. Погожева. Количественные методы оценки..., стр. 26—27.

[7] Этот метод также применялся Д. Брейнердом и В. Робинсоном, см. В. Б. Ковалевская и др. Ук. соч., стр. 27—28.

Таблица X

Вычисление коэффициентов сходства нескольких комплексов

Показатель	Комплексы					Абсолютное сходство
	А	Б	В	Г	Д	
I — 1	15,4	21,6	27,8	22,4	23,8	15,4
2	38,2	30,3	29,6	49,3	37,2	29,6
3	22,7	36,5	30,6	18,3	32,8	18,3
4	10,4	2,4	20,0	—	0,8	—
5	13,3	9,2	—	10,0	5,4	—
	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	63,3%

Таблица XI

Неупорядоченная матрица парных коэффициентов сходства

Комплекс	А	Б	В	Г	Д
А	—	80,0	69,1	81,9	81,5
Б	80,0	—	84,2	79,4	90,9
В	69,1	84,2	—	70,3	84,8
Г	81,9	79,4	70,3	—	83,3
Д	81,5	90,9	84,8	83,3	—
	312,5	334,5	308,4	314,9	340,5

циент сходства для каждой пары, результаты которого записываются в матрицу (табл. XI), а затем производят ее упорядочение. Для этого комплексы располагаются таким образом, чтобы рядом оказались показатели наивысшего коэффициента сходств, а наиболее различающиеся — в разных концах таблицы, т. е. были максимально удалены друг от друга (табл. XII).

Таблица XII

Упорядоченная матрица по парным коэффициентам сходства

Комплекс	А	Г	Д	Б	В
А	—	81,9	81,5	80,0	69,1
Г	81,9	—	83,3	79,4	70,3
Д	81,5	83,3	—	90,9	84,8
Б	80,0	79,4	90,9	—	84,2
В	69,1	70,3	84,8	84,2	—
	312,5	314,9	340,5	334,5	308,4

Известно, что коллекции керамики весьма различны по своему количественному составу и сохранности материала. Отсюда вполне естественно встает вопрос: какова должна быть коллекция для наиболее объективного отражения состояния керамики того или иного памятника? Нет сомнения, что лучшими по качеству будут коллекции целых сосудов. Но подобные коллекции происходят, как правило, из памятников особых — могильников, жертвенных мест и т. п., где могли употребляться и, очевидно, употреблялись сосуды специального назначения или выборочные из числа

бытовых. Наиболее полную картину массового, стихийного и случайного накопления (а в случайном есть проявление закономерности) сосудов дают, конечно, поселения. Но здесь, как правило, целые сосуды встречаются изредка и даже достаточно крупные фрагменты не так уж часты. Поэтому и приходится из огромных коллекций, насчитывающих нередко несколько тысяч и даже десятков тысяч фрагментов, выбирать лишь десятки и сотни.

Количественная сторона достаточного основания для объективной характеристики решается уже математической статистикой. Всякая коллекция керамики представляет собой выборку из генеральной совокупности всей керамики памятника. Практика работы показала, что выборка из 200 единиц вполне достаточна для характеристики всей генеральной совокупности.

Количественный объем коллекции особенно важен при сравнительном анализе. Общие показатели, характеризующие коллекцию в целом, при сравнении выступают как равнопредставительные. В то же время ясно, что коллекция из 200—300 сосудов, конечно, гораздо полнее и достовернее отражает состояние керамики, чем, допустим, коллекция из 20—30 сосудов.

Учитывая это, Д. Леммер[8] предложил при исчислении коэффициента сходства в коллекциях, насчитывающих менее 200 единиц, учитывать стандартную ошибку для каждого типа в сравниваемых коллекциях, вычисляемую по формуле

$$S \pm \sqrt{\frac{p(1-p)N}{n_1 n_2}} \qquad (24)$$

где p — сумма частот в обеих коллекциях (значение от 0 до 1); n_1 и n_2 — число экземпляров в первой и второй коллекции, N — число экземпляров.

2. Вопросы методологии изучения керамики.

Единичный комплекс керамики, даже при самой тщательной обработке, взятый сам по себе, еще не становится достаточно ценным источником для исторических исследований. Лишь при сравнительном анализе целого ряда комплексов перед исследователем открывается широкое поле для исторических построений. Керамика, как и вообще вся материальная культура, претерпевает постоянные изменения, находясь в непрерывном развитии. Сравнительный статистический анализ позволяет детально вскрыть направленность различных сторон этого развития.

Используя настоящую «Программу», можно проследить изменения в абсолютных размерах и форме глиняной посуды, в орнаментации по узорам и технике их выполнения и, наконец, по технологии изготовления посуды. Определенные методы позволяют выявить взаимосвязь изменчивости различных сторон, а в некоторых случаях и их взаимозависимость. Так как большинство признаков, характеризующих керамику, более или менее независимы друг от друга, направленность изменчивости их может быть различной. Полнота и достоверность сведений о развитии керамики того или иного региона или культуры зависят лишь от количества накопленного материала. Очевидно, также эмпирически, с большей или меньшей достоверностью для различных признаков и регионов, можно будет определить, в каких случаях те или иные изменения в керамике связаны с локальными различиями синхронного развития, а в каких отражают явления диахронного характера и т. д.

Однако все эти сугубо эмпирические исследования констатируют лишь факты и не объясняют их. Для того чтобы вникнуть в суть фактов, найти им правильное историческое истолкование, необходимо знать, что отражают эти факты, с какими сторонами развития общества они связаны. И здесь перед нами встает масса нерешенных, фактически совершенно

---

[8] В. Б. Ковалевская и др. Ук. соч., стр. 28.

неисследованных вопросов. Действительно, в чем суть изменения орнаментации или формы сосудов? Почему в одни эпохи и на одних территориях наблюдается пышный расцвет орнаментики сосудов, а в других — почти полное исчезновение? Как объяснить переход у одного и того же населения от плоскодонных форм сосудов к круглодонным или наоборот? Что отражает эволюция орнамента на сосудах как по узорам, так и технике их выполнения? Каков смысл орнаментации посуды? Эти и многие другие вопросы требуют специального методологического исследования.

Эмпирическим путем можно выявить немало общих тенденций и закономерностей в развитии керамики, но этого еще мало. Для того чтобы керамика могла стать достаточно надежным и полноценным источником для исторических исследований, необходимо изучить проблему закономерности взаимосвязи различных признаков керамики с определенными явлениями социально-экономического развития. В археологических работах широко используются результаты анализа керамики для исторических выводов по вопросам хронологии, этнокультурного, а иногда и экономического развития. Но насколько правомерны и методологически обоснованны такие выводы? К сожалению, закономерности «овеществления» в материальной культуре различных социально-экономических явлений изучены в археологии еще довольно слабо, особенно для керамики.

В зависимости от того, насколько глубоко удастся изучить общие закономерности такой взаимосвязи, определятся возможности раскрытия конкретного исторического содержания изменений, сходств и различий тех или иных комплексов керамики и правильной оценки направленности тенденций их развития. В решении этой большой и чрезвычайно важной задачи необходимо будет широко использовать как эмпирические результаты изучения археологического материала, так и этнографические параллели, основываясь на общеисторических закономерностях развития общества.

В дальнейшем, очевидно, статистический метод обработки керамики позволит найти и достаточно определенные величины критериев для определения значимости различий или сходств отдельных признаков керамики, столь необходимых в практической работе археологов. Поиски в этом направлении должны учитывать важность отдельных признаков для различных эпох и состояние источников. Если нам удастся достичь таких результатов, что определенные критерии сходства или различий позволят решать вопросы однокультурности памятников или их генетической связи, определять относительную хронологию памятника в ряду других, то мы сможем быть уверенными, что метод изучения керамики по достоверности и объективности выводов стоит на одном уровне с методами естественных наук.

Предлагаемая «Программа» — первый опыт изложения методики обработки керамики из археологических раскопок на основе всестороннего применения статистических методов для получения характеристик. Практика работы выявит, очевидно, отдельные недостатки, которые потребуют уточнения, а может быть, в ряде случаев и нового подхода. Но для этого требуется массовая проверка «Программы» на конкретных материалах различных эпох и различных территорий, отличающихся своеобразием глиняной посуды. Не менее важной задачей ближайшего будущего должна стать также методологическая разработка проблемы закономерности отражения в керамике как особом виде археологических источников, различных сторон социально-экономического развития. Первые опыты обработки керамики по настоящей «Программе», проведенные в Лаборатории археологических исследований Уральского университета, дали весьма обнадеживающие результаты.

V. F. Ghéning

LE PROGRAMME D'UNE ÉLABORATION STATISTIQUE DE LA CÉRAMIQUE PROVENANT DES FOUILLES ARCHÉOLOGIQUES

Résumé

On fait souvent recours à la céramique en vue de tirer des conclusions sur son appartenance culturelle, la chronologie etc, qui n'ont pas de rapports directs avec sa destination fonctionnelle. D'où le problème se pose d'obtenir ses caractéristiques formelles qui seraient d'un caractère objectif à maximum et de choisir une méthode de l'élaboration qui permettraient d'appliquer largement l'analyse comparative.

Le programme ci-dessous mentionné donne la description de la méthode d'estimation, de quatre points de vue, des vases trouvés:

1. Les dimensions absolues. Les paramètres des récipients, notamment le diamètre des bords (P 1), celui de la base du col (P 2), le plus grand diamètre de la panse (P 3), le diamètre du fond (P 4), les hauteurs: du vase en entier (P 5), du col (P 6), de l'épaulement (P 7), de sa partie inférieure (P 8).

2. Les indices de forme obtenus d'après les rapports des paramètres suivants: ФА — hauteur générale du vase (le plus grand diamètre de la panse; ФБ — hauteur du col) diamètre des bords; ФВ — diamètre des bords + diamètre de la panse;— catangente de l'angle entre le plan des bords et le penchant du col; ФГ — hauteur de l'épaulement + hauteur de la partie inférieure (le plus grand diamètre de la panse: ФЕ — hauteur de l'épaulement) hauteur de la partie inférieure; ФЖ — différence entre le plus grand diamètre de la panse et le diamètre du col à la base (hauteur double de l'épaulement; ФИ — le plus grand diamètre de la panse + diamètre du fond) hauteur double de la partie inférieure. La corrélation des indices permet de dégager les formes diverses des récipients. La caractéristique sommaire d'un ensemble céramique est composée des moyennes arithmétiques de tout paramètre et tout indice complétées des oscillations variationnelles et d'un écart quadratique.

3. La caractérisque des ornementations: OI — éléments du dessin (la détermination de fréquence de répétition des tracés les plus simples (zigrag, ligne etc) sur chaque récipients); OII — technique de décoration (par quel moyen tout élément du dessin est-il fait). L'importance de chaque élément est calculée en pour cent du total des éléments; OIII — indice du degré de la densité d'ornementation. On évalue la présence des dessins sur 1) les bords du vase, 2) le col, 3) l'épaulement, 4) la partie inférieure, 5) le fond (OIII-1, OIII-2 etc). Pour chaque partie du vase on calcule les pour cent du nombre total des récipients dont la moyenne arithmétique montre l'indice de l'ornementation absolue (OIII-a); OVI-1a diversité du dessin (la détermination du nombre moyen d'éléments du dessin sur chaque récipient).

4. La technique de fabrication. On définie de visu la composition de l'argile (Tr) et le finissage de la paroi du vase à l'extérieur (Tн) et à l'intérieur (Tb). TBn — indice de l'absorption de l'eau par la céramique.

Pour les collections composées de fragments on peut employer des programmes abrégés.

Les résultats des études figurent dans le tableau récapitulatif VIII. L'analyse comparative permet de déterminer le dégré d'affinité des types, ensembles etc, compte tenu de divers indices.

Публикации

К. В. ЗИНЬКОВСКИЙ

НОВЫЕ ДАННЫЕ К РЕКОНСТРУКЦИИ ТРИПОЛЬСКИХ ЖИЛИЩ

Несмотря на имеющиеся реконструкции трипольских жилищ, глинобитные площадки все еще нуждаются в показательном изучении. Чрезвычайную сложность раскопок и интерпретации остатков наземных построек отмечали еще А. А. Спицин в начале изучения трипольской культуры [1] и Т. С. Пассек в период, когда проблема трипольских площадок казалась уже разрешенной и материал по домостроительству привлекался для решения важнейших вопросов истории трипольских племен [2].

Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевским была разработана методика раскопок трипольских площадок и предложена реконструкция их как многокамерных длинных домов с обожженными глинобитными полами, лежащими на земле.

Исследования трипольских памятников на территории Молдавии, проводимые в последние годы под руководством Е. К. Черныш и В. И. Маркевича, дали новые материалы, свидетельствующие о существовании иного типа наземных домов. Особое внимание привлекли поселения у с. Раковец и у с. Варваровка, открытые В. И. Маркевичем [3].

Поселение у с. Раковец Сорокского района МолдССР расположено на отлогом склоне левого берега небольшой реки [4]. Оно датируется временем перехода от этапа B/I к этапу B/II по Т. С. Пассек. В процессе разведки на поселении были обнаружены 42 площадки, из них 4 подвергнуты раскопкам (1, 1а, 3, 3а).

Основания жилищ залегали на суглинке под слоем чернозема мощностью 0,2—0,5 *м*. Площадки состояли из напластований обожженной глины

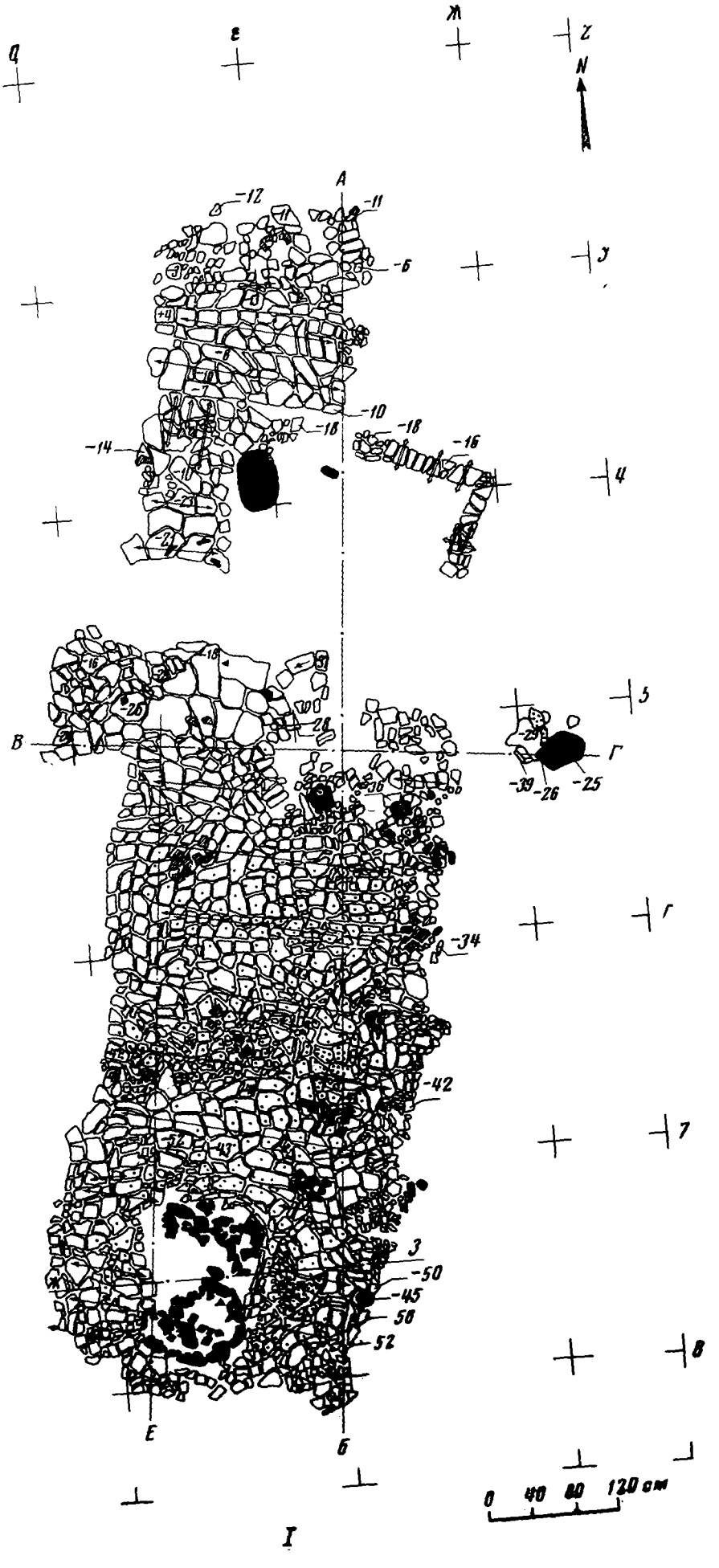
---

[1] А. А. Спицин. Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого Киевской губ. ИАК, 12, СПб., 1904.

[2] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, 10, 1949; Е. Ю. Кричевський. Розкопки на Коломийщині і проблема трипільських площадок. Сб. «Трипільска культура», I, Київ, 1940; Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевский. Трипольское поселение Коломийщина (опыт реконструкции). КСИИМК, XII, 1946.

[3] Специально изучая трипольскую архитектуру, автор участвовал в раскопках некоторых строительных комплексов, открытых на этих памятниках. Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность Е. К. Черныш за переданный мне материал по домостроительству раковецкого поселения.

[4] Раскопки производились в 1967—1969 гг. Молдавской экспедицией Института археологии АН СССР совместно с Институтом истории АН МолдССР и Сорокским краеведческим музеем; работы возглавляла Е. К. Черныш. Предварительные сведения о раскопках опубликованы: Г. В. Григорьева, Г. Ф. Коробкова, В. И. Маркевич, Т. С. Пассек, Т. А. Попова, Е. К. Черныш. Итоги работ Молдавской экспедиции, АО-1967, М., 1968, стр. 288—290; Г. В. Григорьева, В. И. Маркевич, Т. А. Попова, Е. К. Черныш. Работы Молдавской экспедиции, АО-1968, М., 1969, стр. 387—389; Е. К. Черныш, Г. В. Григорьева, Т. А. Попова, К. В. Зиньковский. Итоги работ Молдавской экспедиции. АО-1969, М., 1970, стр. 347, 348.



I

Рис. 1. Раковец. Площадка № 3а.

I — нижний пласт глиняной обмазки; II — уровень земляного пола жилища

с примесью половы, поверх которых находились развалы сосудов, орудия труда и кости животных, прикрытые мелкой обожженной глиняной крошкой. Находки лежали на слое глины, растрескавшемся на куски размерами 0,15×0,12, 0,1×0,08, 0,05×0,03, 0,02×0,01 *м*, толщиной в среднем 0,03—0,04 *м*. Обжиг верхнего пласта слабый; цвет глины желтый и лишь местами встречались участки, прокаленные до степени шлака. С нижней стороны кусков глины были отпечатки расколотого дерева, идущие параллельно узким сторонам жилища. Взаиморасположение оттисков свидетельствует о том, что деревянные детали (плашки, горбыли и пр.) шириной не более 0,1 *м* укладывались вплотную друг к другу, образуя деревянный настил, который затем обмазывался глиной.

Под верхними кусками обожженной глины открылись раздавленные сосуды и другие предметы, лежавшие на нижних пластах глины (рис. 1, *I*). Обжиг нижнего слоя сильнее чем, верхнего, цвет интенсивно желтый, переходящий в красный и малиновый, реже фиолетовый (на ошлакованных участках). Нижний пласт, растрескавшийся на куски размерами 0,3×0,4, 0,2×0,3, 0,1×0,15 *м*, представляет собой более компактное залегание по сравнению с верхними слоями и достигает мощности 0,1—0,18 *м*. Судя по отпечаткам на нижней стороне глиняной обмазки, идущим поперек площадки, сырая глина накладывалась на деревянные настилы, состоящие из заготовок шириной около 0,2—0,25 *м* и толщиной не менее 0,06 *м*.

Ниже, на земле, находились раздавленные сосуды, зернотерки из камня, кремневые орудия, остатки глиняных вымосток и печных сооружений (рис. 1, *II*).

Часть кремневых орудий и костей животных, обнаруженных в жилищах, обожжены, а на керамике заметны следы вторичного обжига, причем фрагменты и даже целые сосуды оказывались сплавившимися с пластами глины. Для площадок характерно залегание пластов глины буграми именно там, где они прикрывали скопления находок (рис. 2).

Перечисленные особенности залеганий остатков жилищ не позволяют интерпретировать напластования глины с отпечатками дерева как остатки полов, лежавших на земле, хотя такое объяснение служило много лет отправным пунктом при реконструкции площадок. Против этого положения можно привести следующие аргументы.

Нецелесообразность трудной и сложной плотницкой работы, связанной с созданием деревянного настила, в котором дерево почему-то укладывалось именно поперек, а не вдоль жилища. И все это делалось только для того, чтобы сделанный с таким трудом настил сгорел до тла при обжиге пола.

Растрескивание глины происходило при обжиге, о чем свидетельствуют находки фрагментов глиняных пластов, обожженные с боковых сторон.

Нижняя поверхность кусков глины, покрытая отпечатками дерева, неровная. При преднамеренном обжиге площадки это привело бы к тому, что после выгорания дерева куски, на которые растрескался пласт глины, просели по-разному относительно друг друга. По такому неровному полу невозможно было бы ходить и вряд ли он смог бы хорошо защитить от сырости запасы зерна, как это предполагалось до сих пор.

Судя по всему, пласты обожженной глины являются остатками перекрытий верхних этажей или чердаков погибших от пожара домов. Отпечатки дерева на глине и направление их вдоль узких сторон жилища указывают на то, что основой перекрытий служили деревянные настилы, опиравшиеся на длинные стены дома. Пожары, разрушившие жилища, сохранили глину от двух перекрытий. Поэтому можно считать, что в Раковце открыты двухэтажные дома. Верхний слой глины (с отпечатками расколотого дерева) некогда покрывал пол чердака, где хранились сосуды и другие предметы, обнаруженные лежащими сверху площадок, а нижний пласт служил полом второго этажа жилища.

Гибель жилищ в результате пожаров подтверждается следующими

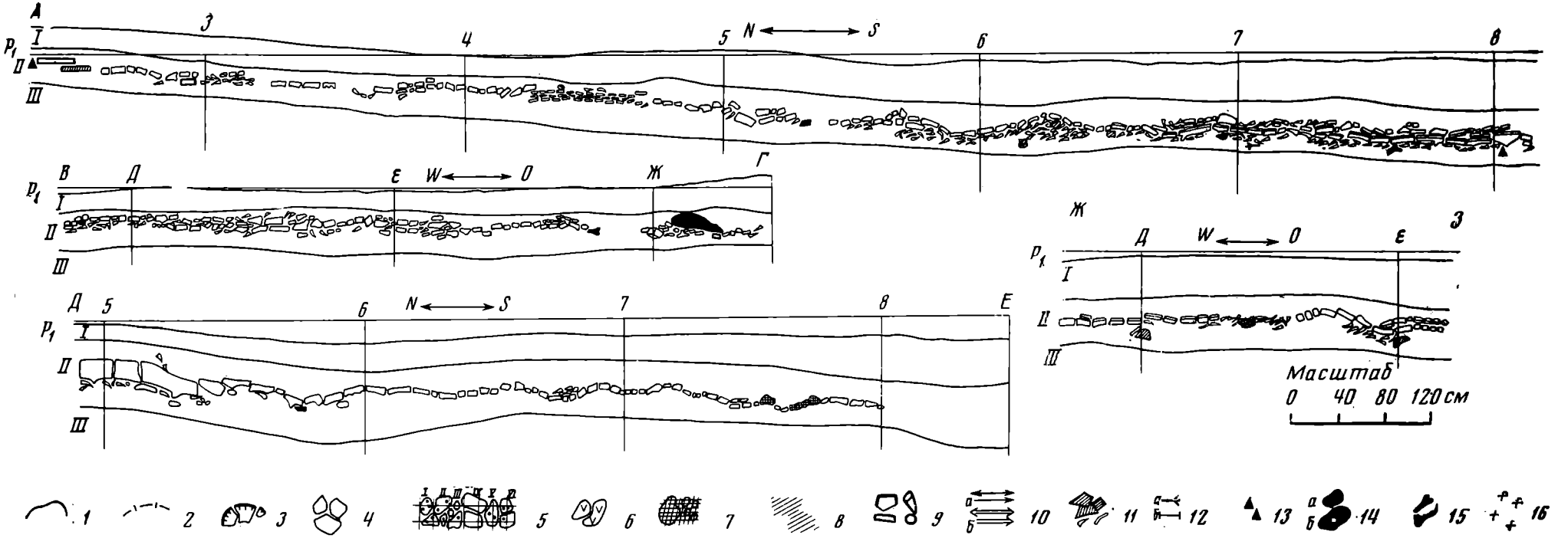


Рис. 2. Раковец. Площадка № 3а. Продольный и поперечные разрезы.

I — слой чернозема, II — культурный слой, III — суглинок. *1* — контуры ям; *2* — контуры печи; *3* — контуры мест специального назначения; *4* — куски обожженной глины; *5* — с примесью половы. (Обозначение изменения цвета глины в зависимости от степени обжига: I — фиолетовый (шлак), II — малиновый, III — красный, IV — желтый, V — серый, VI — черный (V—VI — окислительный обжиг); *6* — без примеси половы; *7* — белая глина; *8* — рыхлые комки обожженной глины; *9* — глиняные пластины и конусы; *10* — отпечатки «плах» и жердей на кусках глины. *а* — снизу, *б* — сверху; *11* — обломки сосудов; *12* — статуэтки. *а* — антропоморфные, *б* — зооморфные; *13* — кремни; *14* — камни. *а* — зернотерки, *б* — камни пода печи; *15* — кости; *16* — уголь

фактами: 1) неравномерностью обжига глины, покрывавшей деревянные конструкции; 2) следами огня на некоторых орудиях труда, костях и вторичным обжигом керамических изделий; 3) обжигом глинобитного покрытия со всех сторон и случаями сплавления сосудов с ними. Эти моменты свидетельствуют о том, что огонь местами продолжал действовать и после того, как потолки осели, растрескавшись и придавив сосуды и другие вещи, находившиеся в помещении.

Наблюдения, произведенные в процессе раскопок в Раковце, приводят к следующему заключению: трипольские глинобитные жилища этого поселения имели вертикальное развитие и погибли вследствие пожаров. Эти два момента являются ключом к пониманию строительных остатков и выявлению характерных особенностей построек.

Краткая характеристика залеганий строительных остатков может быть сведена в таблицу.

Раковец	Номер площадки			
	1	1а	3	3а
Форма в плане	Неправильно прямоугольная, края неровные	Та же	Та же	Та же
Размеры, *м*	17×3,5	10×3,5	14×3,5	11,6×3,2
Ориентировка	СВ—ЮЗ	СВ—ЮЗ	СВ—ЮЗ	СВ—ЮЗ
Количество слоев глины	3	3	3	3
Размеры кусков глины (длина, ширина, толщина)				
I слой (сверху)	0,02—0,03	0,02—0,03	0,02—0,03	0,02—0,03
II слой	0,1×0,1	0,1×0,1	0,1×0,1	0,1×0,1
Толщина	0,03—0,05	0,03—0,05	0,03—0,05	0,03—0,05
III слой	0,3×0,2	0,4×0,3	0,3×0,35	0,3×0,2
	0,2×0,1	0,2×0,1	0,3×0,15	0,2×0,15
	0,1×0,1	0,1×0,15	0,2×0,1	0,1×0,1
Толщина	0,05—0,15	0,05—0,12	0,05×0,15	0,05—0,15
Ширина и диаметр (в метрах) дерева, отпечатавшегося на глине				
I слой (сверху)	Камыш (прутья?)	Камыш (прутья?)	Камыш (прутья?)	Камыш (прутья?)
	0,01—0,02	0,01—0,02	0,01—0,02	0,01—0,02
II слой	Колотое дерево	Колотое дерево	Колотое дерево	Колотое дерево
	0,08—0,1	0,08—0,1	0,08—0,1	0,08—0,1
III слой	Колотое дерево	Колотое дерево	Колотое дерево	Колотое дерево
	0,1—0,2	0,1—0,2	0,1—0,2	0,1—0,2 жерди —0,04

Теперь перейдем к планировке домов и реконструкции отдельных узлов.

Жилище № 1. Между первым и вторым, вторым и третьим, а также под третьим (нижним) слоем обожженной глины были встречены находки, среди которых особого внимания заслуживают развалы сосудов, лежащие более компактно под третьим пластом глины. По сравнению с ними фрагменты сосудов, лежащих на втором и, особенно, на первом слое глины, имеют больший радиус разброса. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что сосуды в жилище находились не на одинаковой высоте.

На расстоянии 3—4 *м* к юго-западу от площадки № 1 были раскопаны остатки наземного жилища № 1а. Пространство между постройками было

заполнено обломками керамики, тогда как с внешних сторон обеих площадок находки почти не встречались.

Жилище № 1а. Юго-западная часть постройки, размерами 8 × 3,2 *м*, состояла из верхнего и нижнего помещений, между которыми было мощное перекрытие. От последнего сохранились массивные куски глины (нижний слой площадки). С нижним помещением была связана яма, в которой оказались остатки рухнувших потолков дома. Яма имела диаметр 1,8 *м* глубина ее от древней поверхности достигала 1,3 *м*, ко дну яма сужалась. В золистом заполнении были обнаружены обломки глиняных статуэток, фрагменты керамики и кости животных.

К северо-востоку от описанной части площадки нижний пласт глины от междуэтажного перекрытия отсутствовал. На обломках междуэтажного перекрытия была обнаружена обожженная глиняная плита размерами 1,8 × 1,5 *м*, толщиной 0,1 *м*. Сверху лежал разбитый зерновик. Благодаря огню, бушевавшему в этой (средней) части дома с особенной силой, здесь сохранились куски глины от чердачного перекрытия, аналогичные фрагментам второго слоя по толщине и ширине отпечатков дерева. На земле под обломками чердачного перекрытия были обнаружены глиняные предметы в виде округлых плит диаметром 0,4 *м* и толщиной в среднем 0,02—0,04 *м*. Они напоминают по форме хлебные лепешки. Некоторые из них были покрыты спиральным, а в одном случае геометрическим орнаментом в виде елочки. На нескольких плитах имелись отпечатки козьих копыт. Здесь же были найдены конусообразные изделия, вылепленные, как и первые, из глины с большой примесью мякины и зерен. Высота этих конусов колеблется от 0,14 до 0,2 *м*, а диаметр у основания равен 0,09—0,13 *см*. Очень похожие по массе и по размерам конусообразные предметы, хранящиеся в Одесском археологическом музее, были найдены при раскопках раннетрипольского поселения Александровка в Одесской области. Поскольку утилитарное назначение описанных предметов трудно представить, их можно отнести к предметам культа.

Округлые плиты были сложены в несколько стопок, рассыпавшихся при разрушении жилища к юго-западу от стены, отделявшей эту среднюю часть постройки от северо-восточного помещения. След от стены обозначен пространством шириной 0,8 *м*, идущим поперек дома, и довольно ровной линией, образованной залеганием конусов и плит. Юго-западная и средняя части жилища, видимо, разделялись простенком. Таким образом, размеры средней части равны 1,8 × 2,8 *м*. Не исключено, что средняя часть имела верхнее и нижнее помещения, но перекрытие между ними не имело глиняного покрова.

Северо-восточное помещение, вероятно, было одноэтажным, о чем свидетельствует однослойное залегание слабо обожженной глины на всем этом участке.

Большой интерес представляют несколько фрагментов нижнего слоя глины, расчищенные у северо-западного края площадки. Их края, обращенные к капитальной стене дома, имели совершенно гладкую поверхность, что в определенной мере может служить указанием на характер материала, из которого были изготовлены стены постройки.

Таким образом, жилище № 1 обнаруживает деление на три части. При этом обширная юго-западная часть достоверно, а средняя часть предположительно делятся на верхние и нижние помещения. Находка плиты, на которой, возможно, выполнялись хозяйственные работы; яма, связанная с нижним этажом; вотивные предметы (округлые плиты и конусы) в средней камере; существование северо-восточной одноэтажной пристройки, в которой почти не обнаружено обломков посуды — все это указывает на различное назначение помещений.

Жилище № 3 также имело два этажа. Что же касается горизонтальной планировки дома, то до полной раскопки жилища можно лишь предполагать наличие трех помещений.

В юго-западной части площадки, как и в жилище № 1а, обнаружены обломки обожженной массивной глиняной плиты, гладкой с обеих сторон, толщиной до 0,1 *м*. Эта плита покоилась на остатках междуэтажного перекрытия, а на ней лежали раздавленные сосуды. С северо-западной стороны площадки удалось проследить яму, уходящую в стену раскопа. Юго-восточный край углубления оказался прикрытым кусками глины, причем крайние куски сползли в яму. Видимо, яма входила в состав жилища и оказалась заваленной обломками строения. В кв. В/3 у края площадки был расчищен участок глиняного настила со следами примазки к гладкой поверхности капитальной стены дома.

Жилище № 3а располагалось параллельно площадке № 3 на расстоянии около 1 *м* к юго-востоку. В средней части обе площадки соединялись компактным участком обожженной глины от междуэтажного перекрытия шириной 1 *м*. Пространство между обеими залеганиями площадок было заполнено находками. Это обстоятельство не оставляет сомнений в том, что оба дома представляли единый строительный комплекс.

На земле около северо-западного угла жилища № 3а на пространстве между площадками 3 и 3а, почти свободном от обломков обожженной глины перекрытий, были расчищены остатки печного пода из пережженной гальки. Форму свода печи установить не удалось из-за сильной разрушенности его. В средней части жилища у юго-восточной стены была обнаружена вымостка размерами 1,3 × 1 *м*, устроенная на земляном возвышении, покрытом черепками, обмазанными двумя слоями глины (толщина каждого слоя 0,05—0,01 *м*). Последнее обстоятельство, видимо, указывает на то, что глиняная поверхность возвышения однажды подновлялась. Сверху на вымостке лежали фрагменты посуды.

В северо-восточной половине площадки (кв. Е/3 и Е/4) и было расчищено пространство, на котором мощный пласт глины междуэтажного перекрытия отсутствовал. Этот участок с северо-запада и юго-востока ограничивался разрушенным по краю нижним слоем глины, а с юго-запада и северо-востока — двумя бортиками из обожженной глины. Один из них, лежавший вдоль площадки, по внешнему краю имел следы примазки к гладкой стене дома. Другой бортик, направленный поперек площадки, на своей внешней стороне также нес следы примазки к гладкой поверхности стены, делившей жилище на две части: бóльшую — юго-западную размерами 9 × 3,2 *м*, и меньшую — северо-восточную, размерами 2,5 × 2 *м*. Таким образом, пространство, на котором нижний глиняный пласт отсутствовал, занимало восточный угол юго-западной половины площадки. Здесь залегали лишь обломки обожженной глины верхнего слоя, происходившие от обмазки чердачного перекрытия. Они прикрывали собой вымостку, находившуюся в помещении первого этажа, и несколько сосудов, лежавших ближе к северо-восточной стене, а также глиняные бортики. Этот слой глины был обожжен до степени шлака и лежал сплошным участком, так что можно было четко проследить стратиграфию и представить себе, как разрушался дом в этой части. Вначале подверглись обжигу и обрушились бортики, примазанные к стенам и входившие в конструкцию междуэтажного перекрытия, поскольку с нижней стороны бортиков имелись отпечатки толстых жердей диаметром до 0,05 *м* и такие же отпечатки продолжались на нижней стороне обломков междуэтажного перекрытия в противоположном западном углу этой части площадки, тогда как на остальных участках нижнего слоя обожженной глины были зафиксированы следы деревянной основы из плах, горбылей и других деталей. Все это позволяет предположить, что бортики обрамляли участок настила из жердей, лишенный глиняной забутовки. Во время пожара, при сгорании настила, между первым и вторым этажами возникла сильная тяга воздуха и весь жар оказался устремленным к потолку 2-го этажа, в результате обмазка чердачного перекрытия, местами превратившись в шлак, упала и прикрыла сосуды в нижнем помещении.

Подобная картина разрушения открылась при разборке строительных остатков на квадрате Д/4. Здесь ошлакованный участок обмазки чердачного перекрытия, к которому сверху приварился раздавленный оплавленный сосуд, находившийся на чердаке, прикрывал овальное отверстие, размерами 0,8 × 0,85 *м*, сделанное в глиняной забутовке междуэтажного перекрытия. Края отверстия были тщательно вылеплены и заглажены. В помещении первого этажа отверстию соответствовало скопление сосудов на земляном полу жилища. В их числе оказалось пять мисок, аккуратно сложенных в стопку. Возможно, отверстие служило люком, через который сообщались с помощью лестницы помещения первого и второго этажей. Под лестницей, вероятно, и стояли сосуды (рис. 3).

С помещением второго этажа оказалось связанным оригинальное сооружение, расчищенное в юго-западном конце площадки (кв. Д/7). Здесь было обнаружено пространство площадью 1,4 × 0,7 *м*, ограниченное бортиком, хорошо сохранившимся с северо-восточной и юго-восточной стороны. Бортик выведен из загибающегося по его линии кверху глиняного пола (нижней слой площадки), причем внутри этого сооружения деревянное перекрытие не было покрыто глиной. Бортик был вылеплен из горизонтальных лент толщиной 0,03—0,04 *м* и шириной около 0,08 *м*. По верхней кромке он был облицован белой глиной. Обломки облицовки и ленты глины, треснув по местам их скрепления между собой, упали внутрь сооружения. На основании измерения ширины лент можно предполагать, что высота бортика достигала 0,2—0,3 *м*.

Небольшая северо-восточная часть жилища № 3а состояла из верхнего и нижнего помещений, которые соответственно соединялись с помещениями юго-западной половины дома посредством проходов. Ширина последних была не менее 1 *м*, о чем можно судить по протяженности гладкого юго-западного края глиняного настила междуэтажного перекрытия, примазанного к простенку в направлении к северо-западной стенке жилища.

Помещения обоих этажей юго-западной части дома сообщались с жилищем № 3; на это указывает участок обожженной глины шириной 1 *м*, соответствующий забутовке междуэтажного перекрытия. Эти проходы расположены в непосредственной близости с люком, соединяющим нижний и верхний этажи жилища № 3а, и неподалеку от проходов между обеими половинами дома. Такое сочетание дает представление о системе сообщения в жилом комплексе.

О расположении находок в доме можно сказать следующее. В нижнем этаже юго-западной части дома было обнаружено около 35 сосудов различной величины, при этом основная масса керамики находилась ближе к юго-восточной стороне постройки, что, впрочем, характерно и для помещения верхнего этажа. В противоположной, северо-западной, половине жилища встречались нередко целые небольшие сосуды, было обнаружено скопление столовой посуды под люком на второй этаж. Выделяется залегание больших сосудов в восточном углу помещения, недалеко от вымостки. На земляном полу были найдены камни зернотерок. В северо-восточной части дома на первом этаже найдены раздавленные сосуды и обломки округлых плит, подобных тем, что хранились также в нижнем помещении северо-восточной половины жилища № 1а. Это заставляет предполагать, что помещения, в которых хранились упомянутые предметы, имели схожее назначение у обитателей жилищ.

В верхнем этаже юго-западной части жилища обнаружено не менее 15 сосудов, среди которых интересна находка дуршлага рядом с парой камней зернотерки. В северо-восточном помещении второго этажа было найдено около 30 сосудов и среди них обломок статуэтки. Возможно, это помещение предназначалось специально для хранения сосудов и продуктов, принимая во внимание небольшие размеры камеры и обилие керамики.

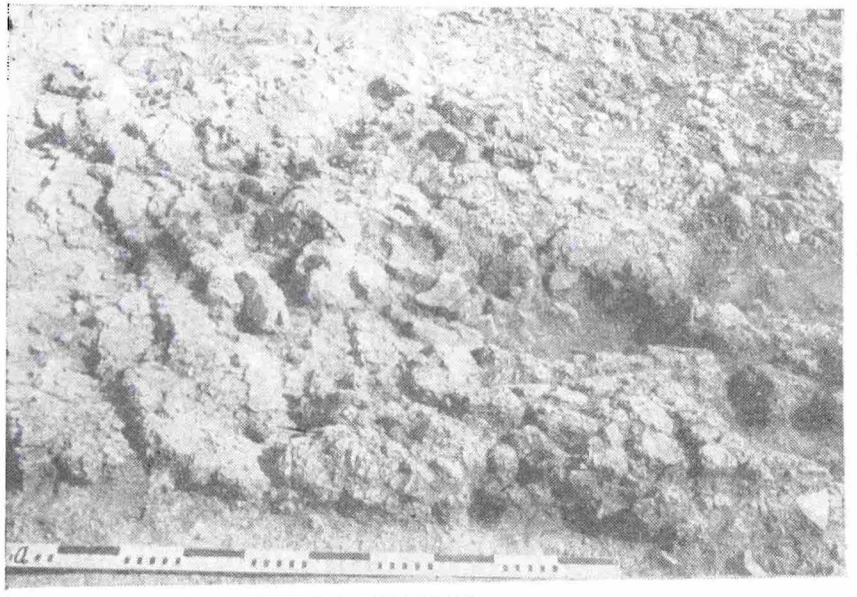


Рис. 3. Раковец. Площадка № 3а.

а, б — начало расчистки сосудов из-под кусков глины междуэтажного перекрытия; *в* — скопление сосудов на земляном полу первого этажа глинобитного дома, справа хорошо видно обрамление круглого люка глиняной обмазкой (начало расчистки)

Чердак дома, видимо, использовался для хранения домашней утвари. Об этом можно судить по значительным скоплениям развалов посуды на обломках обожженной глины, покрывавшей чердачное перекрытие.

За северо-западным краем площадки было обнаружено место обработки кремня. Об этом свидетельствуют многочисленные находки отходов кремневого производства.

Жилища позднетрипольского поселения Варваровка Флорештского района МолдССР, открытого и изучаемого В. И. Маркевичем, во многом напоминают раковецкие постройки. Как и в Раковце, площадки Варваровки VIII состоят из двух напластований обожженной глины с отпечатками дерева снизу. Слои глины чередуются с находками керамики и орудий труда, т. е. здесь наблюдается вертикальное развитие жилищ. В первые же годы раскопок жилищ в Варваровке В. И. Маркевич обратил внимание на то, что огромное количество посуды находится не на глиняной хорошо прокаленной обмазке, а под ней и поставил вопрос о существовании глинобитных перекрытий в трипольских жилищах [5].

Предположение о существовании многоэтажных трипольских жилищ находит подтверждение в модели двухэтажного дома, вылепленного в трипольское время и обнаруженного Е. В. Цвек на поселении Рассоховатка [6].

Что касается стен построек, то пока нет никаких данных об их плетневой основе, так как плетень должен крепиться на кольях, от которых обязательно остались бы ямки. Не приходится говорить и о срубной конструкции стен (в противном случае остался бы обугленный нижний венец сруба). Зато есть факты, указывающие на то, что стены и простенки в жилищах Раковца и Варваровки VIII были глинобитными. Как указывалось, в ряде случаев по краям площадок и на их углах, образованных капитальными стенами, а также капитальной стеной и простенками, сохранились закругленные фрагменты обожженной глины перекрытий, некогда примазанных к совершенно гладкой поверхности. Если бы стены были деревянными, то на глиняной забутовке по краям отпечатались бы бревна, а на угловых участках не было бы такого плавного закругления. Да и на моделях трипольских жилищ из Попудни и Владимировки прямых углов между стенками нет.

Остатков стен на площадках почти нет, так как пламя, устремляясь вверх, обжигало стены гораздо слабее, чем потолок. Кроме того, глинобитные стены обладают отличными теплоизоляционными свойствами, благодаря которым обжигу подвергается лишь незначительный слой внутренней поверхности стен, от которого сохранились бесформенные кусочки, присыпавшие сосуды на верхнем пласте глины площадок и незначительные скопления их у краев жилищ. Остальная масса стены разрушилась под действием стихии и бесследно исчезла. Автором были проведены наблюдения над современной глинобитной архитектурой юга Одесской области и процессами, происходящими при разрушении так называемых «чамурных» стен, выстроенных из смеси суглинка и соломы. Такие стены стоят под крышей несколько десятков лет даже неоштукатуренными. Но стоит только разрушиться крыше, как в течение 20—30 лет стены выветриваются и от них по периметру дома остается невысокий валик, который скоро сравнивается с землей, окончательно размываясь дождями.

Крыши трипольских домов рассматриваемого района, видимо, были из камыша, обмазанного глиной с примесью половы, о чем свидетельствуют находки кусков обмазки сверху площадок, имеющие отпечатки камыша (прутьев?). В современных жилищах Одесской области такая крыша бывает односкатной или двускатной и делается следующим образом. На стропила укладывается камыш, который покрывается глиной, смешанной

[5] В. И. Маркевич. Трипольское поселение Варваровка VIII. Тезисы докладов первого симпозиума по археологии и этнографии Юго-Запада СССР, Кишинев, 1964.

[6] Археология Украины. I, Киев, 1971.

с половой (рубленой соломой). Этот процесс называется валькованием. Почти так же делается кровля двухэтажных глинобитных домов у каякентских кумыков [7].

В отношении конструктивно-функциональных особенностей жилищ Раковца и Варваровки VIII можно сказать следующее. Для раковецких жилищ № 1а и 3а характерно деление на две части. Самыми обширными были южные помещения обоих этажей, где обнаружено больше всего

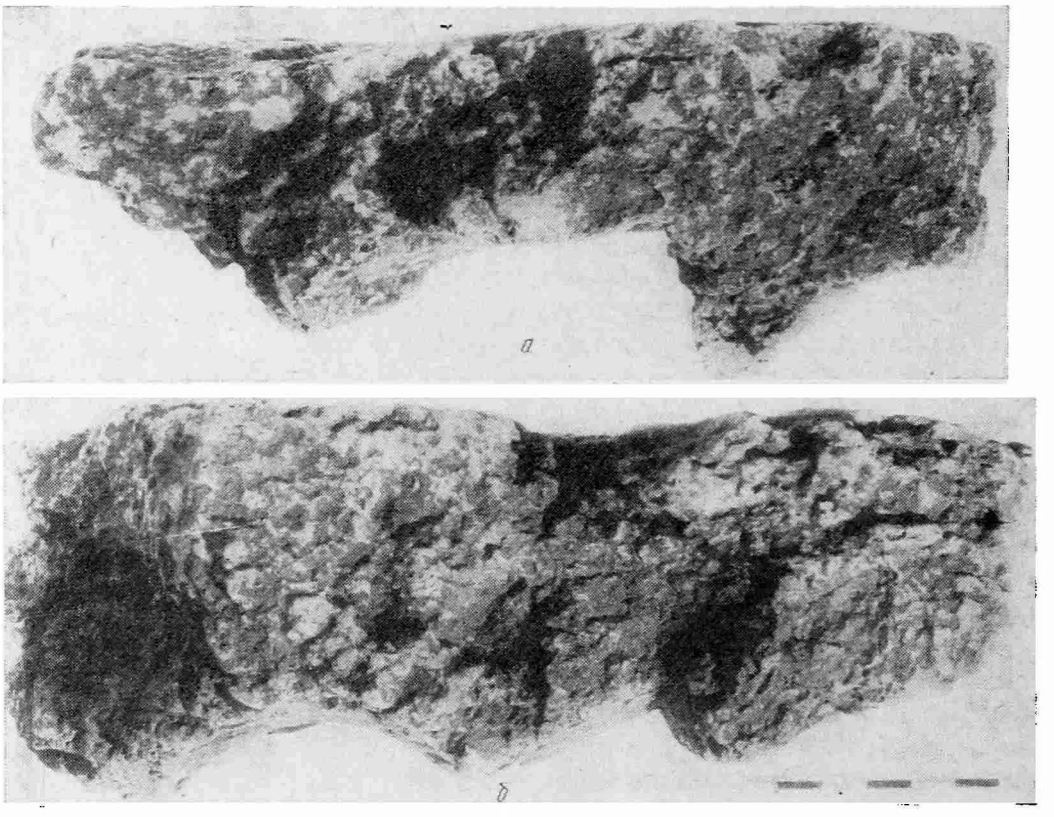


Рис. 4. Раковец. Отпечатки дерева на глине. Снимок кусков глины в профиль

находок. Остальные камеры имели меньшие размеры. Пол помещений второго этажа местами не имел глиняного покрытия. Узкие, шириной не более 1 *м*, участки обожженной глины (один — между площадками № 3 и 3а, другой у границ юго-западной и северо-восточной камер жилища № 3а) можно интерпретировать как места проходов между домами и отдельными помещениями. Нижние камеры северо-восточных частей домов, где были найдены загадочные предметы в виде конусов и пластин округлой формы из глины, имели, безусловно, специальное назначение. Деление на камеры присуще и варваровским жилищам.

Судя по размещению очагов, хозяйственных вымосток, кухонных сосудов, грузил от ткацкого станка и орудий труда в первых этажах раковецких и варваровских домов, основные домашние работы проводились в нижних помещениях. На втором этаже и чердаке, очевидно, хранилось продовольствие и прочее имущество, о чем свидетельствует большое количество сосудов, находимых на обломках перекрытий, а также сильно обожженные участки, указывающие на хранение легко воспламеняемых предметов, а возможно, и сухого зерна.

На основании изучения строительных остатков и частичной реконструкции жилищ раковецко-варваровского типа можно говорить о высоком уровне строительства глинобитных домов на трипольских поселениях и, в частности, о значительном развитии плотницкого ремесла.

[7] С. Т. Гаджиева. Каякентские кумыки. Тр. ИЭ, XLVI, М., 1958.

О последнем свидетельствует хорошо отработанния техника раскалывания бревен и соединения деревянных конструкций с помощью пазов, как нами установлено при обследовании отпечатков дерева на обожженной глине (рис. 4). Скрупулезное исследование последних в дальнейшем должно привести к новым интересным результатам.

Основные итоги изучения жилищ трипольских поселений Раковец и Варваровка VIII сводятся к следующему.

Напластование обожженной глины с отпечатками дерева снизу, из которых состоят площадки, не что иное как обрушившиеся потолки наземных домов, погибших от пожаров. Стены домов скорее всего были глинобитными (чамурными). Крыши жилищ были сделаны из камыша, обмазанного глиной. Жилища делятся на ряд помещений, соответствующих друг другу в верхнем и нижнем этажах. Помещения различаются по функциональному назначению как в вертикальном, так и в горизонтальном плане.

Техника строительства глинобитных домов высока, в частности, очень развитым представляется плотницкое дело.

Все это свидетельствует о высокой культуре трипольских племен, позволяя предполагать значительный уровень материального благосостояния и прогрессивное развитие общественных отношений.

K. V. Zinkovsky

DE NOUVELLES DONNÉES RELATIVES A LA RECONSTITUTION DES HABITATS TRIPOLIENS

Résumé

Des recherches effectués dans les dernières années donnent lieu à compléter la reconstruction d'une habitation de Tripolié proposée par T. S. Passek et E. Yu. Kritchevsky. Les fouilles exécutées par V. I. Markovitch au voisinage du village de Varvarovka et celles par E. K. Tchernych près du village de Rakovets témoignent de la présence des habitats à deux niveaux.

Les terrains de pisé se composent, en général, de deux couches d'argile intercalées de celles de poteries et d'outils d'os et de pierre brisés. Les couches d'argile cuite aux empreintes de bois servent d'enduits aux planchers d'habitats abimés par des incendies. L'implantation, sur le sol en terre, des foyers, lots pavés destinés aux divers travaux de ménage, poids de fuseau des métiers à tisser et outils nous portent à penser qu'aux premiers niveaux d'habitats étaient exécutés tous les travaux essentiels de ménage. Les deuxièmes niveaux furrent destinés à l'habitation: Quant aux greniers et à certains locaux des deuxiémes niveaux ils jouaient le rôle des dépôts aux produits d'alimentation et à toute sorte d'objets.

А. Л. БОБРИНСКИЙ, М. Г. ГУСАКОВ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ГОНЧАРНОЙ МАСТЕРСКОЙ III—IV вв.

В 1963 г. при раскопках поселения черняховского типа близ с. Журавка Корсунь-Шевченковского р-на Черкасской области, которыми руководил Э. А. Сымонович, были обнаружены остатки гончарной мастерской с находившимся близ нее горном для обжига керамики.

Открытие гончарной мастерской — событие довольно редкое в археологической практике. Судя по публикациям, за более чем полувековую историю исследований памятников черняховской культуры археологам только в двух или трех случаях удалось зафиксировать остатки гончарных мастерских, причем весьма неудовлетворительной сохранности [1]. Гончарная мастерская в Журавке — по существу первый производственный комплекс такого рода, оказавшийся пригодным для детального археологического изучения.

Э. А. Сымонович уже опубликовал результаты раскопок этой мастерской. Он дал общую характеристику производственному комплексу и датировал его III—IV вв. по типичной для черняховских памятников круговой керамике и находке бронзовой фибулы [2].

В предлагаемой статье на основании детального разбора остатков производственной деятельности, зафиксированных при раскопках [3], сделана попытка реконструировать общий облик внутренней части мастерской.

Остатки мастерской обнаружены при раскопках восточной части поселения. Еще до ее открытия здесь были отмечены остатки двух гончарных горнов. Первый сохранился чрезвычайно плохо. Примерно в 200—250 *м* к востоку от него были обнаружены остатки второго горна значительно лучшей сохранности. При его раскопках, в трех с небольшим метрах к югу, и обнаружены остатки гончарной мастерской. Еще до того, как показались первые следы постройки, примерно в 4 *м* к юго-западу от горна, рядом с помещением мастерской, были открыты запасы сырья — глины красноватого цвета, очень пластичной лежавшей кучно на участке

---

[1] На основании анализа литературных и некоторых архивных данных существование таких мастерских можно предполагать в Леськах, Лепесовке и Рипневе II (см. соответственно: А. Т. Смиленко, М. Ю. Брайчевский. Черняховское поселение в с. Леськи близ города Черкассы. МИА, 139, 1967, стр. 35—61; Полевой дневник А. Т. Брайчевской (научный архив Ин-та археологии АН УССР, фонд «Экспедиции АН УССР», 3186/3); В. Д. Баран. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга. МИА, 116, 1964, стр. 213—252.

[2] Э. А. Сымонович. Гончарная мастерская III—IV вв. н. э. в Журавке. КСИА, 107, стр. 117—121.

[3] Один из авторов статьи (А. А. Бобринский) принимал непосредственное участие в разборе остатков производственной деятельности, обнаруженных в мастерской после снятия верхнего гумусированного слоя. Пользуемся случаем выразить признательность Э. А. Сымоновичу за приглашение принять участие в раскопках гончарной мастерской в Журавке.

2 × 1 *м*; близ припечной ямы горна найдены нижние части двух больших сосудов, по-видимому, врытых в землю.

После снятия гумусированного слоя и выборки заполнения ям от столбов довольно четко обрисовались общие контуры постройки. Это наземное сооружение с небольшой «пристройкой» в юго-западной части, которая придавала всей постройке вид Г-образного сооружения размерами немногим более 5 *м* в длину и 3 *м* в ширину (в восточной части). Западная часть постройки имела ширину около 4,5 *м*. Постройка заглублена

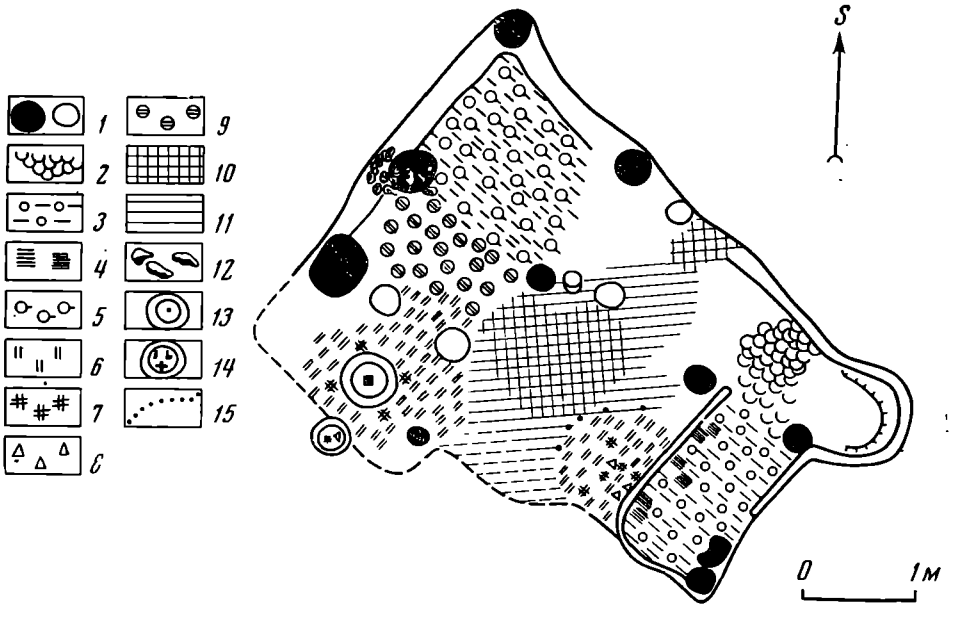


Рис. 1. Общий вид остатков гончарной мастерской в Журавке.

1 — столбовые ямы (черным цветом залиты ямы, связанные с конструкцией постройки, светлые — ямы, связанные с планировкой внутри мастерской); *2* — скопление глины белого цвета (каолина); *3* — остатки коричнево-красной глины в глиннике; *4* — отпечатки древесины, зафиксированные на комках глины, находившейся в глиннике; *5* — скопление красно-коричневой глины с признаками ее топтания; *6* — слой затоптанной глины, образовавшийся в результате использования обточки сосудов ножом; *7* — находки «обломков» стенок сырых (необожженных) сосудов; *8* — находки обломков слегка обожженных (?) сосудов; *9* — скопление глины разного цвета, расположенных слоями; *10* — участок с сильно прокаленной поверхностью; *11* — участки со слабой обожженностью; *12* — развал камней с признаками пребывания в огне; *13* — яма с подпятником, в которой устанавливался гончарный круг; *14* — сосуд с глиной; *15* — следы от прутьев корзины.

в материк по северной стенке примерно на 50 *см*, но это было вызвано необходимостью выровнять площадку, а не традиционными нормами домостроительства (рис. 1).

Вход располагался у северо-восточного угла и при раскопках выявился в виде небольшого подковообразного заглубления в материковом слое. Стены помещения, как и кровлю, поддерживали деревянные столбы, о чем свидетельствуют четкие ямы круглых очертаний, которые по своему заполнению резко выделялись на общем светло-желтом фоне материкового слоя. Заполнение их — в виде супеси серого цвета. Диаметр ям около 40—20 *см* при глубине около 30 *см*. Помимо этих ям, представляющих собой конструктивные остатки самого сооружения, внутри помещения обнаружены ямы иного рода, связанные с внутренней планировкой помещения.

Как только мы оказываемся у входа в мастерскую, взгляд сразу же останавливается на двух объектах — корытообразном углублении и скоплении белой глины, расположенном прямо перед входом примерно в полуметре от него (рис. 1). Корытообразная яма расположена слева от входа и занимает весь восточный угол постройки. Сверху ее прикрывал гумусированный слой с включениями кусочков глины. Когда этот слой

был выбран, то выяснилось, что яма содержит остатки глины, покрывавшей неравномерным слоем (от 5—6 до 10 *см* и более) донную часть всей ямы и ее стенки. При выборке этой ямы отмечено несколько любопытных деталей, связанных с ее устройством. Прежде всего было отмечено, что под слоем глины на боковых стенках ямы на глине остались отпечатки продольных волокон древесины, указывающие на то, что яма по бокам была обложена досками или плахами, обращенными своей плоской стороной внутрь ямы. Эти отпечатки древесных волокон отмечены нами при расчистке западного бортика углубления, параллельного восточной стенке постройки, а также при расчистке северо-восточного бортика, перпендикулярного этой стене. Причем, на некоторых участках вдоль западного бортика слой глины с отпечатками древесных волокон был как бы проложен тонким слоем серой супеси с отдельными включениями кусочков глины, отделявшим его от материкового слоя. Возможно, эта прослойка возникла на месте деревянных плах, о которых говорилось выше. При расчистке боковых стенок, прилегающих к восточной стене постройки и юго-восточной стенке, отпечатков древесных волокон на глине замечено не было. Возможно, их отсутствие связано с тем, что яма была огорожена только по вытянутым сторонам, но возможно и другое объяснение. Дело в том, что на стенках бортиков к моменту разборки ямы слой глины сохранился лишь на некоторых участках. Он был, по-видимому, счищен при начальном этапе исследования, когда производилось определение общих очертаний сооружения. Косвенным указанием на существование ограждения и у стенок можно считать обнаруженные в материке при расчистке вдоль вытянутых сторон ямы следы от небольших колышков, которыми, видимо, удерживались плахи.

Назначение этой ямы выяснить не трудно — подобные сооружения хорошо известны и у современных гончаров на Украине. Они служат для замачивания и предварительного замешивания глины и носят нередко название «глинник», «творильная яма» или «глиняная яма». Донная часть глинника, судя по отсутствию отпечатков древесины, по-видимому, не была обложена досками. Для его сооружения вначале в материковом слое была вырыта продолговатая яма глубиной около 30 *см*, шириной около 100 *см* и длиной около 150 *см*. Стенки ее оставлены немного наклонными, а донная часть — плоской. Отмеченные следы использования плах указывают на создание с их помощью более глубокой емкости. Примерная ее глубина около 50 *см*.

Теперь обратимся к остаткам глины, оказавшимся в непосредственной близости от входа в мастерскую. Эта глина прежде всего резко отличается по цвету. Если в глиннике содержались остатки глины главным образом красно-коричневого цвета, то здесь находилось скопление глины белого цвета. Оно занимало пространство примерно $1 \times 0{,}5$ *м* в виде линзы, слегка изогнутой в сторону от входа. Глина лежала непосредственно на земляном полу мастерской. Но судя по тому, что в направлении глинника слой ее заметно утоньшался, достигая у самой ямы толщины нескольких сантиметров, а у стены находилось скопление меньшего диаметра, но толщиной более 10 *см*, можно предполагать, что первоначально эта глина хранилась в какой-то сравнительно небольшой и высокой емкости. Возможно, что такой емкостью была корзина. У противоположной стены мастерской близ глинника были зафиксированы следы второй корзины. С одной стороны участок со следами корзины примыкал к северо-западному углу глинника, с другой — был ограничен довольно ровной площадкой, имеющей ясные признаки прокаленности материкового слоя, а с третьей стороны стеной постройки. Доступ к этому участку был открыт с двух сторон — с северо-востока и с северо-запада. Еще до начала расчистки этот участок довольно отчетливо выделялся по цвету — в отличие от участка с глинником, где обнаружились запасы коричневато-красной глины, и участка с прокаленной площадкой бледного розоватого цвета,

здесь отчетливо прослеживалось «пятно» светлого коричневато-желтого цвета с включениями супеси. При расчистке оказалось, что это пятно состоит из остатков глины, которая отличалась по цвету и структуре от глины, находившейся в яме, своей однородностью и светло-коричневатым тоном. Причем эти остатки представляли собой не аморфное скопление в виде однородной линзы, а скопление с комковатой структурой. При осмотре в нем были обнаружены обломки еще не обожженной керамики, в частности обломки венчиков от круговой макитры с «рельсовидным» венчиком [4]. По своим очертаниям описываемое пятно приближается к кругу и только на границе с глинником эти очертания не сохранились. По периметру скопления при зачистке были замечены довольно регулярно идущие углубления, заполненные серой супесью, диаметром 1—1,5 *см*. Эти отверстия не могли быть оставлены корневищами деревьев или грызунами. При выборке заполнения углублений было прослежено, что отверстия располагаются в слое глины с небольшим наклоном в стороны, но всегда представляют собой однородные каналы без разветвлений, продолжающиеся до материкового слоя, где неожиданно прекращаются. Такие следы могли оставить только искусственные деревянные конструкции из прутьев. Их расположение по периметру округлого участка позволяет думать, что это следы вертикальных прутьев от находившейся здесь корзины. Назначение ее достаточно полно характеризуют обнаруженные остатки: в корзину складывались отходы глины, образующиеся при формовке керамики и сосуды, пришедшие в негодность, по-видимому, при сушке, чтобы затем использовать эти отходы готового сырья для подготовки новой партии теста. В практике современных гончаров такое использование бракованной, но необожженной керамики — явление обычное и чрезвычайно широко распространенное как на Украине, так и за ее пределами.

В центральной части мастерской, еще до снятия гумусированного слоя, как и в остальной части постройки, были отмечены большие куски обожженной глины. Здесь же открылся и наиболее возвышенный участок в помещении. Он оказался обожженной площадкой. При ее зачистке в некоторых местах по периметру площадки прослежены на желтовато-розовой поверхности обожженного слоя пятна ярко-малинового цвета, располагавшиеся подковообразно и окаймлявшие площадь 1 *м* в ширину. Такой же цвет имели обнаруженные при расчистке помещения куски обожженной глины и некоторые камни со следами пребывания в огне, рассеянный развал которых был обнаружен при снятии верхнего слоя у западной стены постройки. Эти остатки позволяют говорить о существовании в мастерской какого-то печного устройства. Судя по следам, на поверхности материкового слоя, служившего, вероятно, подовой частью этой печи, она имела в плане подковообразную форму и при ее изготовлении были использованы камень и глина. Вряд ли эти остатки можно связывать с каким-то временным очагом [5]. Скорее всего речь идет о печи закрытого типа. Но ее реконструкция весьма затруднена. Этот объект мастерской может быть реконструирован только условно. Судя по обожженности материка, печь при разрушении рухнула в сторону северной стены помещения, оставив на полу довольно четкие следы в виде языка, распространенные до самой стенки. Впрочем, повторяем, что ничего более определенного сказать относительно этого объекта невозможно.

У северного угла постройки открывается довольно обширный участок (размером 1,5×1,5 *м*), свободный от каких-либо следов застройки, но почти весь занятый довольно значительным слоем глины (толщиной около

[4] Некоторые из этих обломков оказались немного обожжены, но не целиком и очень незначительно (при размачивании глина восстанавливала свои пластические свойства). По-видимому, эти следы пребывания обломков в огне связаны не с производственной деятельностью, а с гибелью мастерской.

[5] Э. А. Сымонович. Ук. соч., стр. 118.

10 *см*). При разборке этого слоя выяснилось, что он лежит непосредственно на земляном полу мастерской, покрывая весь северный угол довольно равномерным слоем вплоть до северной и западной стенок постройки. Причины присутствия здесь слоя глины удалось выяснить несколько позже, когда было установлено, что описываемый слой являлся смесью двух глин, находившихся в глиннике. Ее перенесли сюда для подготовки теста.

К югу от этого слоя глины при расчистке гумусированного слоя был выявлен резко повышающийся участок в виде «гряды», тянущейся вдоль центральных столбов от западной стенки в направлении печи. Причем, если в сторону северной стенки эта гряда имела довольно резкий скат, то в сторону южной он был значительно менее резким. Это обнаружилось после снятия гумусированного слоя. Когда же была предпринята расчистка гряды, то выяснилось, что она сложена сплошь из сырой глины двух цветов — белой и красновато-коричневой. Глины залегали слоями: слой белой глины толщиной около 3—5 *см*, перекрывался более толстым слоем красноватой глины (толщиной до 10 *см* и более), затем следовал другой слой белой глины и т. д. Сложенная здесь глина составляла вытянутую немного гряду высотой более 35 *см*. Лежала ли она непосредственно на полу или на какой-либо вымостке из дерева проследить не удалось. Нужно заметить, что к моменту разборки этой гряды не совсем понятны были причины слоистого расположения глины. Поэтому основное внимание при выборке этого участка было уделено наблюдениям, которые могли бы в какой-то мере ответить на поставленный вопрос. Но никаких особых выводов так и не удалось тогда сделать. Единственное, пожалуй, что привлекло внимание,— красноватая глина в гряде чрезвычайно близка по виду глине, обнаруженной рядом в распластанном состоянии. Но причины их сходства и присутствие в мастерской этой своеобразной гряды из слоев глины различного цвета, окончательно стали понятны только позже, когда было произведено массовое обследование современной гончарной техники в различных сельских районах Украины. Выяснилось, что слоями специально складывают разные сорта глины для их смешивания. Делают это путем стругания глины проволокой, или специальным стругом, изготовленным чаще всего из старой косы. Таким образом, этнография позволила дать надежные объяснения причинам слоистости и собранности глины в кучу — эта глина была подготовлена к обработке.

Обратимся к юго-западной части мастерской. Эта часть постройки, как уже отмечалось, имела некоторое расширение к югу, придавая всему сооружению в плане очертания буквы «Г». Почти в центре участка под серым слоем обнажилась довольно ровная площадка, поверхность которой была покрыта слоем плотной глины светло-коричневатого цвета. На фоне этого слоя четко выделялись три ямы, заполненные темно-серой супесью, по своему расположению в плане напоминающие равнобедренный треугольник с основанием, обращенным к северной стене постройки, длиной около 1 *м* (между центрами ям) и сторонами длиной около 80 *см*. В углах основания этого воображаемого треугольника находились ямы диаметром около 20 *см*, причем одна из них имела в плане эллипсоидную форму и вытянутой стороной обращена к западной стенке помещения. Вершина треугольника включала яму диаметром около 60 *см*.

В ямах небольшого диаметра были обнаружены каменные лощила — четыре лощила различных форм, но все изготовленные из одной породы кремня желтовато-коричневого цвета. В большой яме, судя по описанию Э. А. Сымоновича, кроме глины никаких находок не было. При осмотре вскрытого участка внимание прежде всего привлек слой глины, который покрывал площадку ровным и довольно тонким слоем — около 2—3 *см*. По цвету и структуре глина эта довольно резко отличалась от ранее описанных. Особенно резкими были различия в структуре. Если в «глиннике», на месте топтания глины и в слоеной куче, глина красновато-коричневого цвета в изломе давала довольно отчетливые различия в

цвете (смешение, но грубое, двух сортов глины), то глина вокруг большой ямы оказалась в изломе удивительно однородной. При этом было отмечено, что она все же не представляет собой комковатую массу, а скорее всего является чешуйчатой, составленной из отдельных тонких расплющенных кусочков однородной глины. Это обстоятельство весьма любопытно и заставило предположить, что перед нами остатки глины, образовавшиеся при обточке посуды. Дело в том, что ранее уже неоднократно приходилось наблюдать точно такое же структурное состояние глины вокруг рабочего места при обследовании техники современных гончаров на территории Средней Азии. И в Гиждуване, и в Ташкенте, и в Самарканде, знакомясь с работой гончаров обычно удавалось наблюдать, как при обточке посуды вокруг рабочего места постепенно образуется слой сточенной глины. Обычно эта глина после окончания обточки собирается и вновь идет на приготовление теста, но часть ее неизбежно втаптывается в пол, постепенно образуя у рабочего места своеобразное глиняное покрытие из струганых чешуек глины. При осмотре этой затоптанной ногами глины и были отмечены особенности ее структуры [6].

То обстоятельство, что и вокруг большой ямы оказалась глина с чешуйчатой структурой, давало основание предполагать, что перед нами остатки рабочего места гончара. Но почему на рабочем месте оказалась большая яма? Аналогии со среднеазиатскими гончарами не могли объяснить ее присутствие. Наоборот, они как бы шли в разрез со сделанными там наблюдениями. У среднеазиатских гончаров на рабочем месте не делается каких-либо выемок в земле: оно или все «утоплено» в обширную яму, в которой устанавливается круг, или же это исключительно наземные деревянные конструкции.

Объяснение назначения большой ямы дали результаты ее зачистки. Стенки ямы были покрыты довольно плотным, но тонким (около 1 *см*) слоем коричневатой глины, обнаруженной вокруг нее на поверхности (рис. 2). Слой глины покрывал стенки ямы по всему периметру. На плане этот слой глины не показан из-за технических соображений. Прослежен он и на поверхности донного основания у его краев, где он был несколько толще, до 2 *см*, под слоем этой глины оказался другой слой глины серовато-белого цвета. Трудно судить, являются ли эти слои результатом специального обмазывания стенок ямы, или они возникли из-за естественного сползания глины в яму после гибели мастерской. Но все же кажется более правдоподобным предположение о неспециальном обмазывании стенок. Косвенным подтверждением этому является именно разная цветность слоев. Но самое любопытное открылось при расчистке донного основания этой ямы. В центре, на фоне желтоватого материкового слоя, четко обрисовались квадратные контуры какого-то дополнительного углубления со сторонами 10×10 *см*, находившегося в яме. Оно было заполнено слоем черной почти углистой и жирной супеси, сходной с заполнением, оставшимся на месте столбовых конструкций помещения, отличаясь, однако, более густым черным цветом. Если бы не правильная (почти квадратная) форма этого второго углубления, то его можно было бы принять за одну из многочисленных кротовин, прорезающих материковый слой на площади мастерской в самых различных участках и направлениях. Но квадратная форма исключала такое предположение.

При зачистке квадратного заполнения выяснилось, что оно не совсем однородно. В центральной его части оказался участок округлых очертаний диаметром около 4 *см*, на площади которого заполнение было неоднородным: оно состояло не только из черного слоя супеси, но и мельчайших и мелких кусочков глины коричневатого цвета, очень сходной

---

[6] Наблюдения сделаны А. А. Бобринским во время обследования техники современного гончарства указанных городов в 1960 г.

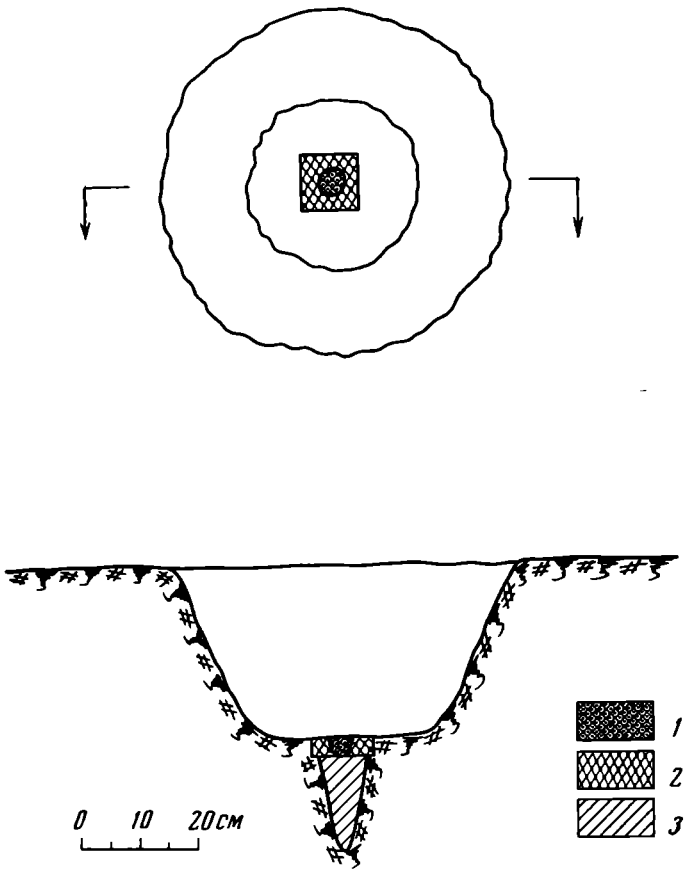


Рис. 2. Общий вид ямы для установки гончарного круга со следами подпятника (опорно-скользящего подшипника).

1 — слой углисто-черной жирной супеси с мелкими включениями красно-коричневой глины; *2* — слой углисто-черной супеси без включений кусочков глины; *3* — слой темно-серой супеси

с обнаруженной на стенках вокруг ямы. Когда был счищен слой квадратного заполнения на 1—1,5 *см*, то диаметр центральной части с включениями глины уменьшился до 3,5 *см*, тогда как общие контуры квадратного заполнения оставались прежними. Это обстоятельство позволило предположить, что в центре квадратного заполнения существовало какое-то другое углубление конусовидной формы, которое после гибели остатков дерева (а именно о нем в данном случае мы вправе говорить), заполнилось не только продуктами разрушения дерева, но и частицами глины. Чтобы проверить это предположение и выяснить особенности формы и размеров открывшегося углубления, был произведен разрез ямы по диаметру с таким расчетом, чтобы срезать и половину центрального участка. Выяснилось, что в профиле центральное углубление прослеживается на очень незначительную величину — всего на 3—3,5 *см* (учитывая и слой, снятый при зачистке) и имеет форму, приближающуюся к полусфере (рис. 2). Квадратные же контуры заполнения в профиле на глубине 3—4 *см* (включая счищенный ранее слой) сменились конусовидным заполнением, причем оно оказалось более светлого цвета, чем верхняя часть. Этот цветовой переход хорошо заметен в профиле и начинается почти сразу же вслед за изменением формы на конусовидную. Судя по особенностям заполнения и цвету второго углубления, оно оставлено деревянным предметом, который был вбит в центре ямы и имел конусовидное окончание. Общая длина этого предмета около 20 *см*. Его реконструкция представлена на рис. 3, *1*. Такого типа деревянные детали, вбитые или вмонтированные в землю, хорошо известны по этнографическим данным, они являются подпятниками гончарных кругов (рис.3, *2*). Выявление подпятника позволило твердо установить, что на описываемом участке располагалось рабочее место гончара.

Устройство рабочего места было восстановлено довольно точно, за исключением некоторых частностей. Дело в том, что в отличие от северной стенки, обрисованной четко в результате нивелировки площадки при строительстве, когда пришлось срезать этот край и врезаться в материковый слой, южная сторона такого приложения сил не потребовала и уровень пола здесь смыкался, видимо, с уровнем древней поверхности. Поэтому четких границ постройки здесь почти не удалось проследить за исключением участка в юго-восточном углу, где находился «глинник» и корзина с бракованной посудой. Был ли открытым или закрытым с южной стороны участок, где располагалось рабочее место? Вот первый вопрос, который

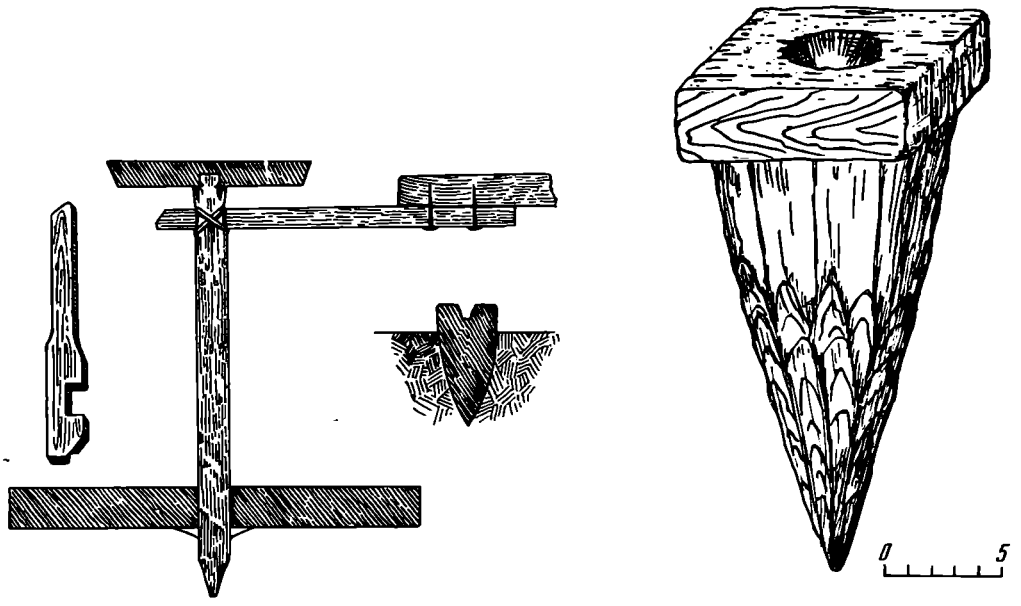


Рис. 3. Реконструкция подпятника из мастерской в Журавке и этнографический образец сходного подпятника

1 — реконструкция подпятника из мастерской в Журавке; *2* — общий вид ножного круга и подпятника в разрезе, применявшихся украинскими гончарами Подолии (по Ю. Самарину)

мы вынуждены рассматривать в предположительной форме. Но исходя из результатов изучения признаков, указывающих на положение мастера при работе на гончарном круге, можно думать, что с южной стороны имелся достаточный доступ света.

Положение мастера позволяет выяснить одна деталь. Близ большой ямы, в которой оказался след от опорного подшипника круга, к юго-западу от нее, при раскопках обнаружен целый круговой горшок обычного для черняховских памятников облика, наполненных почти на три четверти глиной. Он стоял, однако, не на самом полу, а обнаружен упавшим на бок на довольно значительный слой глины [7].

Почему здесь оказался горшок и почему в нем была глина? Вначале о причинах обнаружения самого сосуда. Видеть здесь случайное сочетание фактов, по-видимому, нет оснований. Его присутствие на рабочем месте надежно объясняет этнография. Современные гончары при формовке обязательно применяют воду для увлажнения глины. Ее, как правило, содержат в горшке или его обломке, и помещают справа от себя. Это явление связано с самой техникой работы на круге — ручном или ножном — неважно. Поэтому правомерно предположение, что положение сосуда по отношению к гончарному кругу указывает и на положение мастера по отношению к этому кругу. Он мог занимать место только напротив ямы, в которой был установлен круг, имея по правую руку от себя сосуд с водой. Здесь еще важно учитывать и другую деталь — положение его по отношению к свету. Современные гончары, использующие круг, обычно стремятся поставить его так, чтобы свет падал именно справа, т. е. со стороны руки, которая более всего находится в работе. Именно эти особенности расположения рабочего места и были использованы при интерпретации и реконструкции рабочего места гончара.

Справедливость этого предположения подтверждается и результатами изучения глины, обнаруженной в сосуде. В нем оказалось не однородное,

---

[7] Это наблюдение сделано Г. А. Вознесенской, которой авторы приносят благодарность.

а довольно сложное по своему составу глиняное заполнение. На боковых стенках, примыкавших к внутренним стенкам сосуда, хорошо прослеживается в изломе слой светло-серой глины толщиной 4—7 *мм,* который как бы обволакивал остальную часть глины совершенно иного цвета, находившуюся в сосуде. Она в целом производит впечатление коричневатой, но со слоями более темной или более светлой окраски. Очень любопытно, что в нижней части сосуда (у его дна) эта коричневатая глина находилась в смешанном состоянии со светло-серой глиной, тогда как на боковых участках излома такого смешения не наблюдается. Здесь серая глина как бы проникла в толщу коричневатой глины, но лишь на пограничных участках, т. е. участках их непосредственного контакта. У донной части сосуда, где слой смешанной глины в среднем достигает 25 *мм*, в нем все же хорошо заметны отдельные полоски (все это в продольном изломе) коричневатой глины, свободной от примеси светло-серой. В самом центре заполнения оказался комок глины белого цвета — каолин. Он находился в придонном слое и лежал непосредственно в слое светло-серой глины и только на одном-двух участках выходил непосредственно к стенкам сосуда. Сверху эту своеобразную кучу каолина перекрывал значительный слой коричневатой глины. Она очень интересна по своей структуре. В изломе хорошо заметно, что коричневатая глина располагается в сосуде слоями толщиной от 4 до 10 *мм,* причем между ними заметны бело-розовые прослойки глины с включениями глины белого цвета, однородное скопление которой, но с включениями бело-розового цвета, отмечено в центральной части сосуда, у дна.

Чем объясняется это, казалось бы, странное заполнение глиняного сосуда? Ответ на этот вопрос достаточно определенно дает характер заполнения. Судя по тому, что основную массу коричневатой неоднородной глины обволакивает светло-серая глина, не имеющая, особенно на боковых сторонах, заметных включений, в момент наполнения сосуда она находилась во влажном, возможно взвешенном состоянии (состоянии эмульсии), и только на дне был слой этой же глины, но значительно более плотный и содержавший минеральные примеси в виде зерен кварца различной величины. По своему составу и цвету коричневатые темные слои глины оказались идентичными глине, обнаруженной вокруг рабочего места и предположительно являющейся отходами после обточки сосудов на круге. Но если эти отходы имели незначительную толщину, то толщина коричневатой глины в сосуде никак не может быть принята за такие же отходы обточки. Толщина этих слоев 0,4—0,5 *см.* Это скорее всего стенки сформованного сосуда, который стоял неподалеку от горшка с водой и, вероятно, в момент гибели мастерской упал вслед за сосудом с водой, частично заполнив его емкость.

Таково в общих чертах происхождение заполнения сосуда. Однако мы еще совершенно не коснулись другого вопроса, возникающего при подобной интерпретации заполнения: на причинах присутствия в сосуде небольшого однородного скопления каолина и образования бело-розового заполнения между стенками упавшего в сосуд сырого сформованного сосуда.

Ответы на эти вопросы найти удалось не сразу и в какой-то мере даже случайно. Спустя несколько лет после раскопок журавской мастерской в лаборатории ИА АН СССР, пытаясь выявить визуальные признаки, с помощью которых возможно было бы производить, предварительную систематику материалов по особенностям глиняного теста, мы предприняли опыты по вторичному обжигу изделий, заведомо имеющих различный состав глиняного теста. Этими опытами хотелось, в частности, проверить надежность контрольных определений однородности и неоднородности состава теста с помощью такого простого приема, как повторное нагревание сосудов. В первой серии этих опытов были использованы сосуды, происходящие из раскопок журавского могильника и поселения. Оказалось, что при внешнем сходстве их по составу теста, они имели различия в цветовой окраске поверхностей, хотя изломы их и не имели такого различия. Так, горшок из погребения 42 (сосуд 3, № 90, раскопки 1962 г.), имев-

ший до повторного обжига в изломе коричневато-красный цвет и поверхности черного цвета (для лощения), после повторного обжига окрасился в равномерный терракотовый цвет как в изломе, так и на поверхности. Но другой горшок из погребения 24 (сосуд 5 № 73, раскопки 1960 г.), имевший до повторного обжига в изломе и на поверхности серый цвет, после обжига окрасился следующим образом: внутренняя его поверхность, как и цвет в изломе, стали терракотового цвета, а внешняя — бледно-изабелловая. Горшок из погребения 4 (сосуд, 7, раскопки 1959 г.), имевший до повторного обжига темно-серый цвет в изломе и серые поверхности, после обжига в изломе стал терракотовым, а внутренние и внешние поверхности приобрели такой же бледно-изабелловый цвет, как и у сосуда из погребения 24.

Такого рода окраску на изделиях современных украинских гончаров приходилось наблюдать неоднократно. Во всех случаях ее возникновение связано с обмазыванием сформованного сосуда, еще не снятого с круга, тонким слоем белой глины (каолином). При этом происходит нередко частичное смешение слоя каолина с поверхностным слоем основной глиняной массы сосуда, что после обжига в окислительной среде ведет к образованию покрытия не белого, а бледно-розового цвета.

Проверкой установлено, что все горшки, включая и горшок с глиной, обнаруженный на рабочем месте, а также горшки, оказавшиеся в заполнении припечной ямы горна, имеют поверхности, обмазанные тонким слоем каолина. Это и позволило в конечном счете объяснить причины обнаружения каолина на рабочем месте. То, что он оказался в сосуде с водой, по-видимому, следует объяснить случайностью ситуации, возникшей при гибели мастерской. Очевидно, каолин находился в какой-то иной емкости, возможно деревянной, которая опрокинулась вместе с другими предметами, находившимися на рабочем месте, и частично ее содержимое попало внутрь сосуда с водой. Так или иначе, но присутствие каолина следует объяснить здесь именно способом обработки поверхностей горшков, а не иными причинами. Розоватая окраска включений каолина в этой ситуации находит себе надежное объяснение: она могла возникнуть только в результате частичного смешения каолина с глиной иного цвета в условиях повышенной влажности самих глин.

Какие археологические наблюдения можно использовать для выяснения подробностей организации рабочего места? В нашем распоряжении их немного, но они все же позволяют внести некоторую ясность в этот вопрос. Прежде всего обращает на себя внимание одна особенность размещения глины, представляющей собой готовое тесто и обнаруженной вокруг ямы, в которой был установлен гончарный круг. Глиняное тесто обнаружено не только вокруг ямы, но и в самой яме. Осмотр этой глины показал, что она ничем не отличается от глиняного теста, покрывавшего поверхность земляного пола вокруг гончарного круга. По словам автора раскопок, такой глиной была заполнена вся яма [8]. Это одно важное обстоятельство, которое полезно для выяснения подробностей, связанных с устройством рабочего места.

Еще более важно наблюдение о неравномерном распределении глиняного теста на рабочем месте. Если к западу от гончарного круга, там, где, по нашим расчетам, находился при работе ремесленник, слой растоптанной глины-теста оказался незначительным и уже в полуметре от ямы совершенно не прослеживался, то иная картина наблюдается при обращении к восточной половине рабочего места, т. е. на противоположном от гончара участке. Здесь слой глиняного теста по мере удаления от гончарного круга не только не уменьшался, а наоборот, значительно возрастал, особенно в северо-восточном направлении от круга между столбовыми ямами. По-

[8] Э. А. Сымонович. Ук. соч., стр. 118.

чему важны эти особенности размещения глиняного теста на рабочем месте? Дело в том, что сохранившиеся ямы от столбов наземных конструкций рабочего места не позволяют строго выяснить его устройство. По существу имеется только один столб, врытый в землю, который можно непосредственно связывать с устройством рабочего места. Но, зная рабочее положение гончара, можно уверенно реконструировать это место в виде скамьи, на которой гончар сидел при работе. Была ли эта скамья единственной деталью интерьера рабочего места? Если обратиться к данным

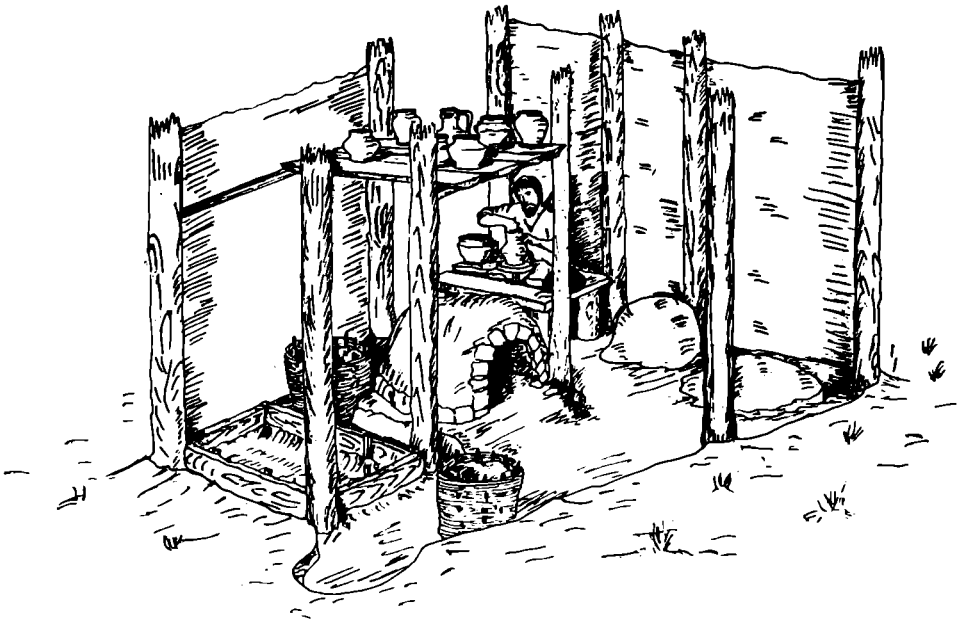


Рис. 4. Реконструкция гончарной мастерской III—IV вв. (внутренний вид)

этнографии, в частности, рассмотреть особенности устройства рабочего места у современных украинских или русских гончаров, работающих на ножном круге валикового типа, то вполне правдоподобной может показаться именно такая реконструкция рабочего места. Однако отмеченные особенности размещения глиняного теста заставляют с осторожностью подходить к такой возможности. Можно предположить, что увеличенный слой глиняного теста к востоку от гончарного круга образовался в результате того, что здесь мастер ставил только что сформованные сосуды, и представить себе Г-образное расположение лавок на рабочем месте. Такое размещение известно по данным этнографии. Но и предположив это, мы оставили бы без объяснения причины обнаружения не менее значительсо слоя глиняного теста к северо-востоку от круга, а главное — причины заполнения этим тестом самой ямы, где был установлен гончарный круг. Отмеченное размещение глиняного теста могло произойти скорее всего при условии, если напротив рабочего места гончара находился стол или помост для установки на нем только что сформованных сосудов. Поэтому, видимо, более справедлива реконструкция рабочего места в виде П-образного в плане помоста. Только в этом случае могут быть объяснены причины неравномерного размещения глиняного теста, отмеченные при раскопках.

Теперь, когда мы рассмотрели каждый из выявленных объектов внутри мастерской и выяснили назначение их в производстве, обратимся к общей картине, открывающейся в результате предлагаемой реконструкции внутреннего облика мастерской (рис. 4). Что прежде всего бросается в глаза при знакомстве с ней? Конечно чрезвычайная концентрация всех элементов производства. На небольшой площади разместились и творильная яма, и печь, и место для подготовки теста, и само рабочее место гончара. Невольно напрашивается предположение, а не является ли данное помещение случайным? Не было ли использовано для устройства мастерской какое-то

помещение, первоначально имевшее другое назначение? На этот вопрос мы должны ответить отрицательно. Никаких признаков, указывающих на вторичное использование постройки для мастерской гончара в нашем распоряжении нет. Но зато есть все основания считать эту постройку специально задуманной при сооружении в качестве мастерской: устройство и планировка указывают на это с достаточной определенностью. Создается впечатление, что перед нами в какой-то мере опробированный вариант планировки мастерской. Однако сегодня нельзя сказать ничего определенного о том, насколько планировка журавской мастерской является типичной для памятников черняховского типа. Вероятным кажется предположение, что они устраивались не по одному плану. На чем основано это предположение? Прежде всего на результатах сравнительного изучения журавской мастерской и следов от других мастерских, открытых на черняховских поселениях. В этой связи хотелось бы обратить внимание на остатки мастерской в Лесках Черкасской области. В ней, по-видимому, не было печного устройства, а рабочее место отличалось уже тем, что гончарный круг устанавливался не в специальной земляной выемке, как в журавской мастерской. Связаны ли эти различия с существенными различиями в самой планировке, сказать трудно, но несомненно, что какие-то различия все же были. Иначе в раскопках удалось бы проследить и остатки печного устройства, и земляную выемку для круга.

Как долго существовала гончарная мастерская в Журавке, и в результате каких обстоятельств она погибла? Ответить на эти вопросы тоже удалось далеко не сразу, хотя некоторые полезные наблюдения и были сделаны непосредственно при раскопках. Так, при изучении горна для обжига керамики, находившегося рядом с мастерской, внимание привлекли следы неоднократного мелкого ремонта обжигательной камеры. Ремонт состоял главным образом в дополнительном промазывании внутренних стенок камеры слоем глины. Всего удалось насчитать около 5—7 случаев ремонта, но каких-либо суждений о связи этих следов ремонта горна со временем существования самой мастерской составить тогда не удалось. Только позже, спустя несколько лет, когда было произведено массовое обследование современных сельских очагов гончарного производства на территории Украинской ССР, наблюдения за числом мелких ремонтов обжигательной камеры стало возможным использовать для уточнения времени существования гончарной мастерской в Журавке. Оказалось, что многие современные украинские, как впрочем, и русские гончары, производят такой мелкий ремонт регулярно — каждый год, обычно в весеннее время, готовя горн к обжигу посуды, которую они изготовили и высушили в зимнее время. Необходимость ремонта объясняется тем, что обычно глинобитные стенки таких горнов за зиму успевают немного растрескаться, даже в случаях существования специальных навесов или срубов, в которых строят горн. Одна из наиболее частых причин растрескивания стенок — резкие температурные колебания воздуха и повышенная влажность его в зимнее время.

Исходя из этих этнографических наблюдений, можно предположить, что отмеченное при изучении горна в Журавке число мелких ремонтов примерно соответствует числу лет, которые существовала мастерская. По-видимому, даже учитывая возможности не столь регулярного ремонта горна, как то делают современные гончары, время существования мастерской может быть ограничено рамками 8—10 лет, не более.

Значительно сложнее ответить на вопрос, когда именно и при каких обстоятельствах мастерская перестала функционировать. По мнению автора раскопок, хронологические рамки существования мастерской находятся в пределах III—IV вв. Определить десятилетие, когда функционировала мастерская, в этих пределах довольно сложно. Можно лишь высказать предположение, не настаивая, однако, на его справедливости.

При раскопках мастерской были обнаружены довольно многочисленные признаки незавершенности производственного цикла, связанного

с изготовлением керамики: в частности, в ней обнаружена глина разных сортов, которая должна была подвергнуться смешению, но эта работа так и не была закончена. Судя по особенностям расположения скоплений сырой глины с признаками тщательной промешанности на рабочем месте, здесь к моменту прекращения работы находились сформованные, но еще не высушенные сосуды. На самом рабочем месте остались инструменты и приспособления, которые использовались при формовке. Все эти детали указывают скорее всего на то, что прекращение работы в мастерской произошло неожиданно, в результате какого-то резкого изменения привычного ритма жизни. Такими резкими изменениями ритма характеризуются обычно военные набеги, сопровождавшиеся угоном ремесленников. Возможно, что именно в результате такого события и была прервана работа в мастерской. Если предположить, что это событие связано с движением гуннов после разгрома державы Германариха в 375 г., то существование мастерской может быть, по-видимому, локализовано в рамках 60-х—70-х годов IV в.

A. A. Bobrinski, M. G. Goussakov

RECONSTITUTION DE L'ATELIER DE POTERIE DES III—IVss APRÈS J.— C.

Résumé

L'atelier de poterie à Jouravka est le premier complexe de production de ce genre propre pour l'examen archéologique détaillé.

Les vestiges de l'activité productrice aussi que les matériaux ethnographiques ont permis de reconstituer l'aspect intérieur de l'atelier et de suivre certains procédés technologiques de la fabrication de poterie propre aux monuments de la civilisation tcherniakhovienne (composition de la pâte argileuse de deux espèces d'argile, utilisation de kaolin pour l'engobage des surfaces de poteries, utilisation d'un tour). A en juger sur la quantité de petites réparations annuelles de la chambre à calciner du fourneau, lesquelles, selon les données ethnographiques, se font au printemps, l'atelier de poterie à Jouravka fonctionnait probablement environ 5—7 ans à la fin du IV s. après J.-C. Il a péri vraisemblablement à la suite de l'incursion guerrière, ce qui est prouvé par de nombreux indices du cycle de production inachevé: le malaxage non terminé de diverses espèces d'argile, les poteries modelées mais non cuites posées sur la place de travail etc.

А. П. РУНИЧ

О КОНСКОЙ СБРУЕ ИЗ РАЙОНА ПЯТИГОРЬЯ

Наиболее ранний амулет с изображением лошади из Пятигорья (рис. 1, *1*) был найден при исследовании Султан-горского могильника вместе с бронзовыми удилами и другим инвентарем, который относится к VIII—VII вв. до н. э.[1], а наиболее поздний был обнаружен в катакомбе VII—VIII вв. около Кисловодска (рис. 1, *2*) [2]. Амулеты, изображающие лошадь, известны также из скальных погребений в Хасауте [3], из Балкарии [4], из Салтовского и Дмитровского могильников [5] и из ряда других мест.

Значение лошади для человека в древности хорошо подтверждается находками конской сбруи, которую клали умершим вместе с «необходимым» им оружием, орудиями труда, бытовыми предметами, украшениями и т. п. Анализ находок остатков конской сбруи дает возможность проследить ее эволюцию. Собранный этнографический материал, дополняя археологический, позволяет осветить ряд вопросов, которые до настоящего времени остаются не вполне выясненными не только для Пятигорья.

Наиболее важными являются материалы из Березовского могильника 1, могильника 1 в «Мокрой балке», из катакомб на Рим-горе.

В каменных ящиках Березовского могильника 1, относящегося к VIII—VII вв. до н. э., в могиле воина вместе с традиционной керамической чашкой и железным наконечником копья находились «строгие» бронзовые удила с псалиями (рис. 1, *4*). В двух других могилах воинов, с таким же копьем и чашкой, были найдены только псалии, в одном случае костяные (рис. 1, *6*), в другом бронзовые (рис. 1, *5*) [6]. Расстояние между лежавшими в могиле бронзовыми псалиями было 14 *см*, между ними прослежены остатки от скрученного сыромятного ремня, пропитанного окисью меди (рис. 1, *5*). Никаких следов конской сбруи в остальных 12 могилах воинов с таким же вооружением не оказалось.

В Эчкевашском могильнике того же времени только в одном наиболее богатом погребении вождя или знатного воина были найдены бронзовые удила с псалиями. Кроме удил в этом комплексе были: булава из низкопробного серебра, железный наконечник копья и железный кинжал [7]. Никаких следов конской сбруи в других могилах воинов не оказалось.

---

[1] В. Б. Виноградов, А. П. Рунич. Новые данные по археологии Северного Кавказа. Археолого-этнографический сборник. III., Грозный, 1969, стр. 134, рис. 14, *39*.

[3] А. П. Рунич. Катакомбный могильник VII—VIII вв. около г. Кисловодска. СА, 1968, 3, рис. 2, *5*.

[3] А. П. Рунич. Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска. СА, 1971, 2, рис. 5, *32*.

[4] Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы древние народы Кавказа. Черкесск, 1963, табл. XIII, рис. 4, 5.

[5] С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, рис. 49, *13*, *14*, *15*.

[6] А. П. Рунич. Отчеты в Институте археологии за 1963 и 1966 гг.

[7] А. П. Рунич. Отчет в Институте археологии за 1966 г.

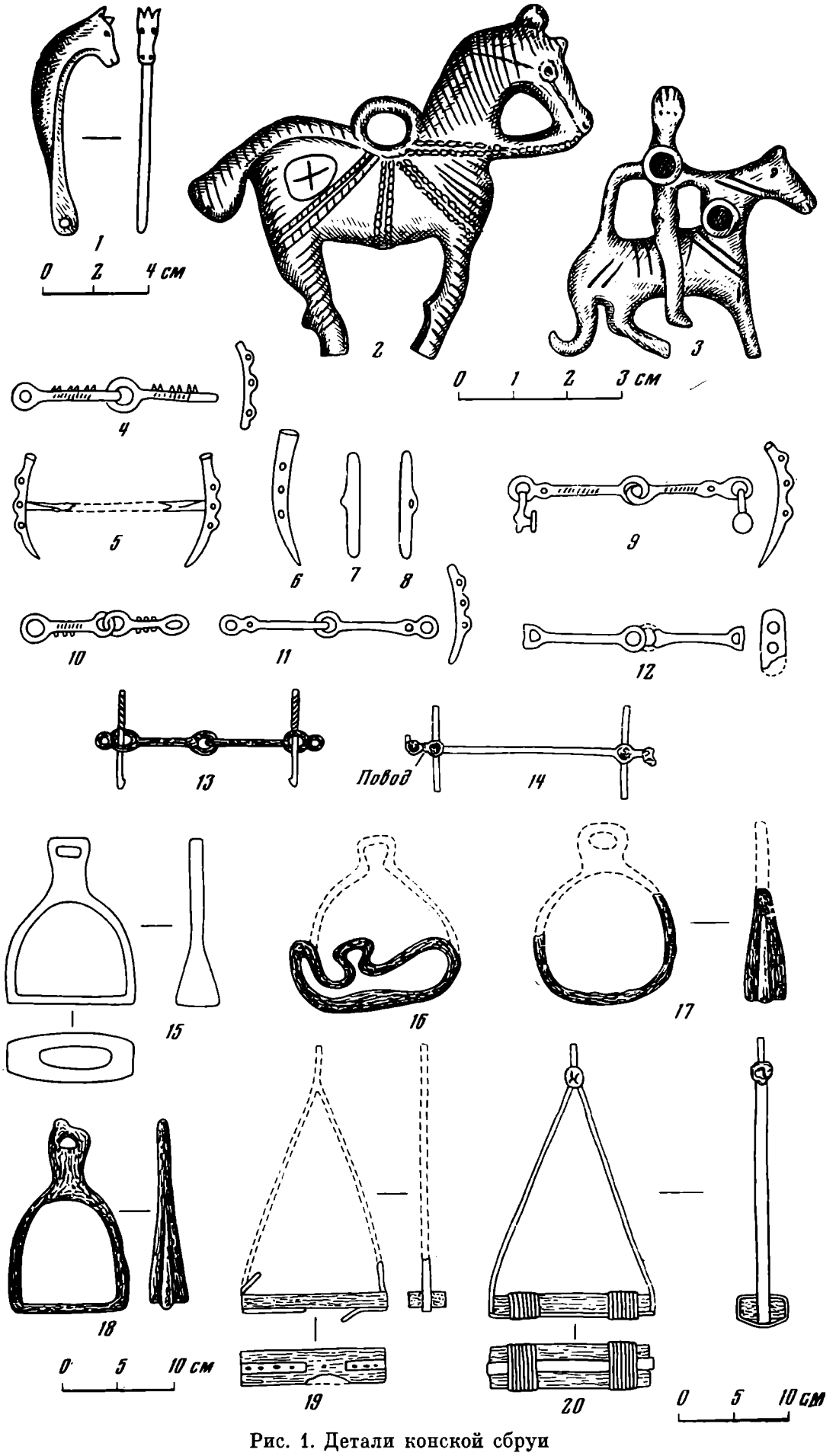


Рис. 1. Детали конской сбруи

То же явление отмечается в погребениях VIII—VII вв. до н. э. на территории Кисловодской мебельной фабрики и в других могильниках этого времени.

В могильнике у горы Джуцы, около Пятигорска, погребенному в каменном ящике были положены сломанные бронзовые удила с костяными псалиями (рис. 1, *12*), копье с железным наконечником, оселок и поставлен керамический сосуд. В других могилах воинов конской сбруи не оказалось [8].

В Минераловодском могильнике скифского времени, который частично описал Н. М. Егоров [9], в мужских погребениях были найдены железные наконечники копий, бронзовые наконечники стрел и т. п., но ни в одном не было конской сбруи.

Аналогичная картина обнаруживается и в катакомбных могильниках V—XII вв.

Нет конской сбруи в катакомбных могильниках V—VIII вв., около Кисловодска [10].

То же самое отмечено в катакомбных захоронениях VII—VIII вв. у г. Кисловодска [11], в катакомбах XI—XII вв. на территории Кисловодской мебельной фабрики и в других катакомбах этого времени [12].

Из исследованных 98 катакомб в «Мокрой балке» только в трех наиболее богатых усыпальницах были найдены железные удила и всего в одной следы от седла и железные стремена. Этот могильник хорошо датируется найденными в погребениях монетами и индикациями VI—VII вв.

При исследовании 58 катакомб X—XII вв. на Рим-горе был найден особенно интересный инвентарь. Катакомбы этого могильника в основном вырублены в песчанике, в них не проникала вода, и они обычно не были заполнены грунтом. В камерах сохранились остатки тканей, деревянные, керамические и стеклянные сосуды, остатки кожаных колчанов, деревянные ложки и шкатулки, дубовые столики, кожаные сумочки, различные украшения, сабли, почти полностью сохранились древки стрел и дротиков и т. д. Кроме того, здесь найдены сравнительно хорошо сохранившиеся части седел, луки которых украшала резьба и обкладка из листовой бронзы [13]. Из восьми найденных здесь остатков седел только при трех были железные стремена двух типов (рис. 1, *17*, *18*). В катакомбе 54 находились остатки седла, но металлических стремян при седле не оказалось [14]. Вместо них были прослежены две ременные петли, в которые вставлены дощечки с прорезями по торцам. Ремень к дощечке прибит бронзовыми гвоздиками (рис. 1,*19*). Остатки от таких же дощечек с кусками прибитого к ним ремня были обнаружены еще при двух седлах в ограбленной катакомбе 31 и в камере 8 (рис. 2, *4*), но металлических удил в катакомбах Рим-горы не оказалось.

Таким образом, в перечисленных могильниках VIII—VI вв. до н. э. и V—XII вв. н. э. в районе Пятигорья конское снаряжение встречается довольно редко и только в наиболее богатых погребениях, а в ряде могильников конской сбруи вообще не было. Трудно допустить на основании этого, что в VIII—VI вв. до н. э. лишь богатые воины имели лошадей,

---

[8] Из личного архива автора. Инвентарь хранится в Пятигорском музее.

[9] Н. М. Егоров. Могильник скифского времени близ г. Минеральные воды. КСИИМК, 58, стр. 53—62.

[10] А. П. Рунич. Аланские катакомбные могильники V—VIII вв. около Кисловодска. Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. II. Орджоникидзе, 1969, стр. 97—111.

[11] А. П. Рунич. Катакомбный могильник VII—VIII вв. около г. Кисловодска. СА, 1968, 3, стр. 208—214.

[12] А. П. Рунич. Катакомбные могильники в районе Кисловодска. СА, 1963, 3, стр. 241—244.

[13] А. П. Рунич. Катакомбы Рим-горы. СА, 1970, 2, стр. 198—208.

[14] Там же, стр. 206.

а остальные соплеменники, вооруженные такими же копьями, передвигались пешком и воевали в пешем строю [15].

Объяснить это явление в первую очередь помогает Березовский могильник 1, в котором из 15 могил воинов только в одном богатом погребении были найдены «строгие» бронзовые удила, а в двух — псалии с остатками от мягких ременных удил. По-видимому, всем остальным воинам, покоящимся в этом могильнике, были положены мягкие удила с костяными или деревянными псалиями, которые не сохранились. Существование мягких удил доказано Г. Потратцем [16] и убедительно подтверждается

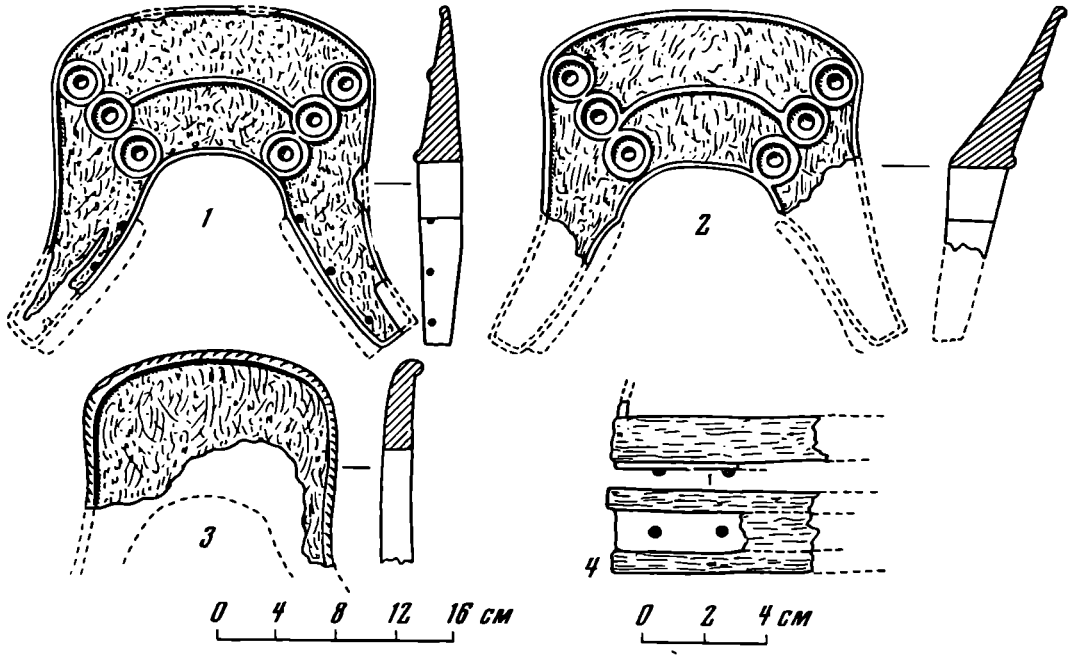


Рис. 2. Остатки седел, найденных в районе Пятигорья

на материалах VIII—VII вв. до н. э. из района Поволжья и Приуралья [17]. О применении мягких удил говорят и данные этнографии. Так, подобные мягкие удила часто делали крестьяне глухих деревень царской России. Для этого на куске ремня или веревки обычно завязывали узлы. Расстояние между средними узлами делалось на 5—7 *см* больше ширины челюсти лошади. Чтобы уздечка не «продергивалась», в эти узлы вставляли по одной палочке длиной около 8—10 *см* с вырезами в середине. Затем «удила» обильно смазывались дегтем или жиром. После «зануздывания» концы ремня соединялись и заводились за затылок лошади, а между средними и крайними узлами крепился повод (рис. 1, *14*).

Значительно реже мы находим остатки от такой важной части конского снаряжения, как седла и связанные с ними стремена. К сожалению, седло VI—VII вв., найденное в катакомбе «Мокрая балка», полностью истлело и конструкцию его выяснить не удалось. У седел X—XII вв., найденных в катакомбах на Рим-горе, наиболее хорошо сохранились передние луки (рис. 2, *1, 3*) и задние (рис. 2, *2*), украшенные резьбой и обкладкой из листовой бронзы. Здесь также найдены остатки от ленчиков и подушек. Но полностью выяснить вид этих седел также не удалось. Мягкие стремена здесь сохранились только частично (рис. 1, *19* и рис. 2, *4*).

[15] Это целиком относится и к более позднему времени (VI—XII вв.), когда появляется сабля, которая стала оружием конного воина. Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 142.

[16] H. A. Potratz. Die Pferdegebisse des Zwischenstramländischen. Raumes. Archiv fur Orientalforschung. XIV, 1/2, Berlin, 1941, стр. 28—33.

[17] К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, 1, стр. 46, 47.

Железные стремена VI—VII вв., найденные в «Мокрой балке», оказались сильно погнутыми и были сделаны очень примитивно из квадратного стержня, со слегка расширенной подножкой. Петля для подвешивания стремени отделена перехватом с зазором (рис. 1, *16*). На подножке прослежен след от дерева. Железные стремена X—XII вв., найденные в катакомбах на Рим-горе, более массивны и совершенны. Оба типа стремян имеют на подножке, с нижней стороны, продольное ребро жесткости в виде валика. У первого типа стремян подножка вогнутая, боковые прутья имеют вид полуовала, верхняя часть стремени не сохранилась (рис. 1, *17*). Второй тип стремян имеет ровную подножку и полуовальные боковые прутья. Петля для подвешивания отделена перехватом (рис. 1, *18*). Нужно сказать, что аналогичные стремена известны из Вознесенского погребения и с Правобережного Цимлянского городища [18], а также из катакомб Змейского могильника [19]. Близки по форме и стремена из кургана у села Ново-Татарское Минераловодского района, раскопанного в 1913 г. И. А. Еременко, ныне работающего фельдшером. Судя по описанию и рисунку И. А. Еременко (рис. 1, *15*), стремена были отлиты из бронзы, полуовальные с петлей для подвешивания. Овальная подножка имела в средней части овальное отверстие. Стремена происходят из погребения человека с конем, находившегося в грунтовой могиле ниже подошвы кургана, под слоем сгнившего дерева и навалом камней. Инвентарь погребения состоял из железных удил с двумя парами крупных бронзовых колец, плохо сохранившегося короткого железного меча или сабли, крупного керамического сосуда типа корчаги. Все материалы погибли во время немецкой оккупации г. Минеральные Воды, поэтому точно судить о датировке погребения трудно.

Третьим наиболее примитивным типом являются стремена, состоящие из ременной петли и деревянной подножки, которые были найдены в катакомбе 52 и в двух камерах на Рим-горе (№ 8, 31). Необходимо отметить, что ребро жесткости, имеющееся снизу у железных стремян (рис. 1, *17*, *18*), как бы повторяет ремень, проходящий под деревянной подножкой мягких стремян (рис. 1, *19*, *20*), что указывает на преемственность между ними (рис. 1, *17—20*).

Нужно сказать, что мягкие стремена, аналогичные Рим-горским, еще в недавнем прошлом можно было часто видеть в селах Ставрополья, в деревнях Воронежской области и в других местах центральной России. Такие стремена делали крестьяне, когда им приходилось ехать верхом на дальнее расстояние. Эти примитивные стремена делались из ремня или веревки следующим образом: на соответствующей длине ремня или веревки завязывались две петли, которые не могли затянуться. Чтобы петля не стягивала ногу, в нее вставляли деревянную подножку, привязанную тонким ремешком или веревкой (рис. 1, *20*). Чтобы не потереть спину лошади, под ремень подкладывали кусок толстой полсти, к которой и крепили этот ремень, а сверху клали второй слой полсти, или подушку, набитую соломой. Все это притягивалось подпругой.

Интересно отметить, что аналогичное мягкое седло без ленчика изображено на Чертомлыцкой вазе, где «скиф стреноживает оседланную лошадь» [20]. Здесь на лошади хорошо видна уздечка, подпруга, мягкое седло и свисающий ремень от стремени. Конечно, можно доказывать, что это большая пряжка от подпруги. Но такое предположение опровергается

---

[18] С. А. Плетнева. Ук. соч., рис. 46, *5*, *8*.

[19] В. А. Кузнецов. Змейский катакомбный могильник. Археологические раскопки в районе Змейской в Северной Осетии, стр. 63—102. Тр. Археологической экспедиции 1953—1957 гг. Орджоникидзе, 1961.

[20] Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1966, рис. 175.

следующими доводами: 1) если скиф «треножит» оседланную лошадь [21], то подпруга должна быть подтянута и пряжка от нее висеть не может, 2) никогда не отпускают спутанную лошадь со свободно лежащим на ней седлом. Из практики конника известно, что если нужно дать лошади отдохнуть, то необходимо несколько отпустить подпругу или снять седло, потом путать или треножить лошадь и после этого, ее разнуздать или снять уздечку. В случае, если нужно оседлать спутанную лошадь, всегда сначала надевают уздечку, зануздывают лошадь, потом снимают путы и тогда уже седлают лошадь. Значительно реже надевают седло, а потом снимают путы, что, очевидно, и изображено на вазе.

Описывая средневековое оружие, Н. Я. Мерперт писал о значении стремян для конного воина, подчеркивая, что без стремян для всадника весьма трудно наносить рубяще-секущие удары, невозможно рубить в конном строю [22].

Найденные в мужских погребальных комплексах Пятигорья наконечники копий и бронзовые удила убедительно свидетельствуют о том, что здесь были похоронены конные воины, но стремян в погребениях не оказалось. В связи с этим невольно возникает вопрос: мог ли конный воин успешно действовать копьем или метнуть его, сидя на скачущей лошади, не имея опоры для ног? Совершенно очевидно, что после нанесения удара или метания копья всадник неизбежно терял равновесие и часто не был в состоянии удержаться на лошади. Без стремян невозможно было успешно действовать копьем так же, как рубить в конном строю. Кроме того, и сама езда верхом на лошади, даже по ровной или слабопересеченной местности, без стремян являлась очень тяжелым и утомительным способом передвижения, а по горной местности была практически невозможна. При езде по горам очень большое значение имела и конструкция седла (типа «казачьего»), и опора для ног, а следовательно, стремена. Все это дает основание утверждать, что седло со стременами прежде всего должно было появиться у жителей гор.

Особенность горного седла и его укрепление на лошади хорошо видны на бронзовой фигурке VII—VIII вв. (рис. 1, *2*). Здесь на спине лошади показано короткое седло. Хорошо видны особенности крепления горного седла — две подпруги, одна из которых, возможно, изображает ремень с мягким стременем, нагрудный ремень и ремень под крупом лошади. Седло с луками показано и на фигурке лошади из Салтовского могильника [23].

На бронзовой фигурке конного воина VII—VIII вв. (рис. 1, *3*) из катакомбного захоронения у Кисловодска хорошо виден нагрудный панцирь, шлем, небольшой круглый щит, седло и его крепление на лошади [24]. Воин изображен в статичной позе, привставшим на стременах, но сами стремена не показаны, хотя в погребениях этого времени в районе Кисловодска уже известны даже железные стремена. На другой статуэтке конного воина из этого могильника конская сбруя совсем не показана [25].

Совершенно очевидно, что так же как и орудия труда, оружие, украшения, конская сбруя прошла длинный путь развития от самого примитивного приспособления к более совершенным формам. Первоначально удила, видимо, делали просто из палки, к концам которой привязывали уздечные ремни и поводья. Это подтверждается древнейшими типами удил из Микен и Переднего Востока, которые представляли собой сплош-

---

[21] Треножить — значит связать две передние ноги лошади и к ним привязать одну из задних. Путать — связать только две передние ноги, что и изображено на вазе (примеч. автора).

[22] Н. Я. Мерперт. Ук. соч., стр. 142.

[23] С. А. Плетнева. Ук. соч., рис. 49, *15*.

[24] А. П. Рунич. Катакомбный могильник VII—VIII вв. около г. Кисловодска, рис. 2, *1*.

[25] Там же, рис. 2, *3*.

ной металлический стержень без шарнира в середине[26]. Конечно, удила из палки были малонадежны, так как палка ломалась, ее могла перекусить лошадь и т. п.

Безусловно, более надежными оказались удила из сыромятного ремня или сухожилий. При сопоставлении «палочек» от современных мягких удил (рис. 1, *14*) и псалий из «Мокрой балки» (рис. 1, *13*) с костяными пластинками, «назначение которых неясно» (рис. 1, *7*, *8*), найденными в энеолитическом поселении[27], обнаруживается полное их сходство. Это дает основание считать, что древние обитатели Пятигорья начали использовать лошадь в качестве верховой уже в III тысячелетии до н. э., как и на Украине[28].

Когда человеку приходилось объезжать лошадь или иметь дело с «горячей лошадью», требовались «строгие удила» (рис. 1, *4*, *10*), которые могли быть сделаны только из металла — сначала они были бронзовыми (рис. 1, *4*, *9*, *10*, *11*, *12*), потом железными (рис. 1, *13*). Такие металлические удила безусловно были очень дороги, поэтому они встречаются сравнительно редко и только в наиболее богатых захоронениях. Рядовые же воины продолжали пользоваться мягкими удилами, которые, как правило, в погребениях не сохраняются. Следует подчеркнуть, что все типы металлических удил, в том числе и современные, в средней их части имеют шарнирное соединение, придающее им известную гибкость.

Безусловно, вначале люди ездили на неоседланных лошадях. Потом для удобства начали подкладывать на спину лошади подстилку из шкуры или полсти, но такое «седло» сползало и его начали укреплять на лошади ремнем. Таким образом, появилась подпруга. Следующим этапом в развитии стало мягкое седло без ленчика, аналогичное седлу, изображенному на Чертомлыцкой вазе. Но езда на таких седлах без стремян была очень неудобна, утомительна, в условиях горной местности просто невозможна. Совершенно очевидно, что до появления металлических стремян[29] в течение длительного времени существовали примитивные приспособления в виде ременной петли.

С течением времени в петлю для удобства вставляли деревянную подножку. Очевидно, этот тип стремян оказался достаточно удобным в эксплуатации, дешевым и простым в изготовлении. Не случайно, что такие мягкие стремена с деревянной подножкой наряду с железными еще бытовали у древних обитателей Рим-горы до X—XII вв.

Мягкие стремена имели узкие боковые ременные прутья и тонкую подножку, которая скрывалась под стопой ноги всадника. Они как бы сливались с ногой всадника и были едва заметны, а ремень, на котором висело стремя, вообще не был виден, так как он всегда находился за голенью всадника. Очевидно, в этом заключается причина, почему такие стремена не были обозначены на древних изображениях (рис. 1, *3*).

A. P. Rounitch

A PROPOS DES HARNAIS PROVENANT DE LA RÉGION DE PIATIGORSK

Résumé

Dans les caisses funéraires en pierre rattachables aux VIII—VIIes siècles avant notre ère et dans les catacombes des V—XIIes siècles de notre ère on a découvert, outre des armes et objets de ménage et de parure, des amulettes représentant les chevaux et

[26] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., рис. 6, *7*, *8*.

[27] А. П. Рунич. Энеолитическое поселение близ Кисловодска. СА, 1, 1967, рис. 3, *7*, *8*, *14*.

[28] Д. Я. Телегин. Основні риси та хронологія середньосточівської культури. «Археологія», XXIII, Київ, 1970, стр. 16, 22.

[29] Н. Я. Мерперт. Ук. соч., стр. 142.

leurs harnais. Cela montre que les chevaux avaient une grande importance pour des habitants anciens de la région de Piatigorsk. Dans les sépultures datant des VIII—VIIes siècles avant notre ère ont été mis au jour des mors de bride non seulement en bronze mais aussi en cuir munis des psalions (tiges verticales retenant les mors de bride) en os et en bronze. Les catacombes des VI—XIIes siècles de notre ère ont livré des étriers en fer et ceux en cuir à grille de bois. Il est à noter que les mors et les étriers métalliques ne sont présents que dans de riches sépultures de guerriers.

Le matériel ramassé donne lieu à constater que l'évolution des mors de bride dura quelques deux millénaires et connut toutes les étapes à partir des objet primitifs jusqu'à ceux de haute perfection remontant aux VIII—VIIes siècles avant notre ère. Des selles et des étriers parcoururent également cette longue voie de développement. Les courses à cheval étant dures dans les montagnes, les selles et les étriers devraient paraître, en premier lieu, chez les montagnards.

Ю. Н. ВОРОНОВ, В. А. ЮШИН

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЦЕБЕЛЬДИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В АБХАЗИИ

В проблематике раннесредневековой хронологии Восточной Европы в последнее время особое значение приобретают большие могильники Абхазии [1], характеризующиеся, в первую очередь, соответствующими памятниками цебельдинской культуры. Настоящая работа посвящена публикации материалов из двух семейных кладбищ [2] Шапкинского могильника [3]. Первый комплекс погребений доследован, в течение 1968—1970 гг. на ежегодно распахиваемом поле (площадь 100 *м*²) в 200 *м* восточнее Вороновской церкви (Церковный холм) [4], второй — в 500 *м* севернее, в средней части западного склона продолговатой возвышенности («Юстинианов холм») [5]. Все погребения, особенно керамика, в той или иной степени повреждены при пахоте и в результате эрозии почвы.

Погребение ЦХ-4—1. Трупоположение головой на северо-восток (рис. 1, *1*). В головах большой двуручный фрагментированный кувшин (рис. 1, *2*), прикрытый краснолаковой миской (рис. 1, *3*). На груди бронзовая фибула с двуспиральной подвеской (рис. 1, *5, 6*), бронзовая игла (рис. 1, *12*) и половинка хрустальной бусины (рис. 1, *4*), поломанной при сверлении. У локтя правой руки три связанные бронзовые фибулы (рис. 1, *14—16*) и двуспиральная подвеска (рис. 1, *13*). В ногах еще одна связка из пяти бронзовых фибул (рис. 1, *7—11*).

Погребение ЦХ-4—2. Трупоположение головой на северо-восток (рис. 2, *1*). В головах фрагменты кувшина типа рис. 4, *3*. У висков пара серебряных серег с сердоликовыми вставками (рис. 2, *7—8*). На груди четыре бронзовых фибулы (рис. 2, *2—5*), бронзовый набор туалетных принадлежностей (рис. 2, *6*), две хрустальных (рис. 2, *10, 11*) и пять темно-синих бусин с белыми глазками из стеклянной пасты (рис. 2, *12—16*). В области пояса железный нож (рис. 2, *9*).

---

[1] А. К. Амброз. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. СА, 1971, 2, стр. 106.

[2] Как уже отмечалось (Ю. Н. Воронов. История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья (по данным археологии). Автореф. канд. дис., М., 1971, стр. 26), на Шапкинском могильнике зафиксировано около 45 семейных кладбищ, к числу их относится и рассматриваемое.

[3] Шапкинский могильник расположен к юго-западной части Цебельдинской долины между поселками Марамба, Юрьевка и Октомбери (Ольгинское). Для основной характеристики цебельдинской культуры до сих пор привлекался материал, главным образом, из этого могильника (А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 106—111), хотя в настоящее время известно уже около 50 поселений, крепостей и могильников этой культуры в Центральной и Южной Абхазии (Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, стр. 59—65).

[4] На Церковном холме ранее зафиксировано еще 3 семейных кладбища того же времени — на юго-восточном, южном и юго-западном склонах (ЦХ-1, 2 и 3). Соответственно рассматриваемый комплекс получил шифр ЦХ-4.

[5] На этом холме зафиксировано еще два семейных кладбища — на северо-западной оконечности и на северном склоне (ЮХ-1 и 2). Рассматриваемый комплекс получил поэтому шифр ЮХ-3.

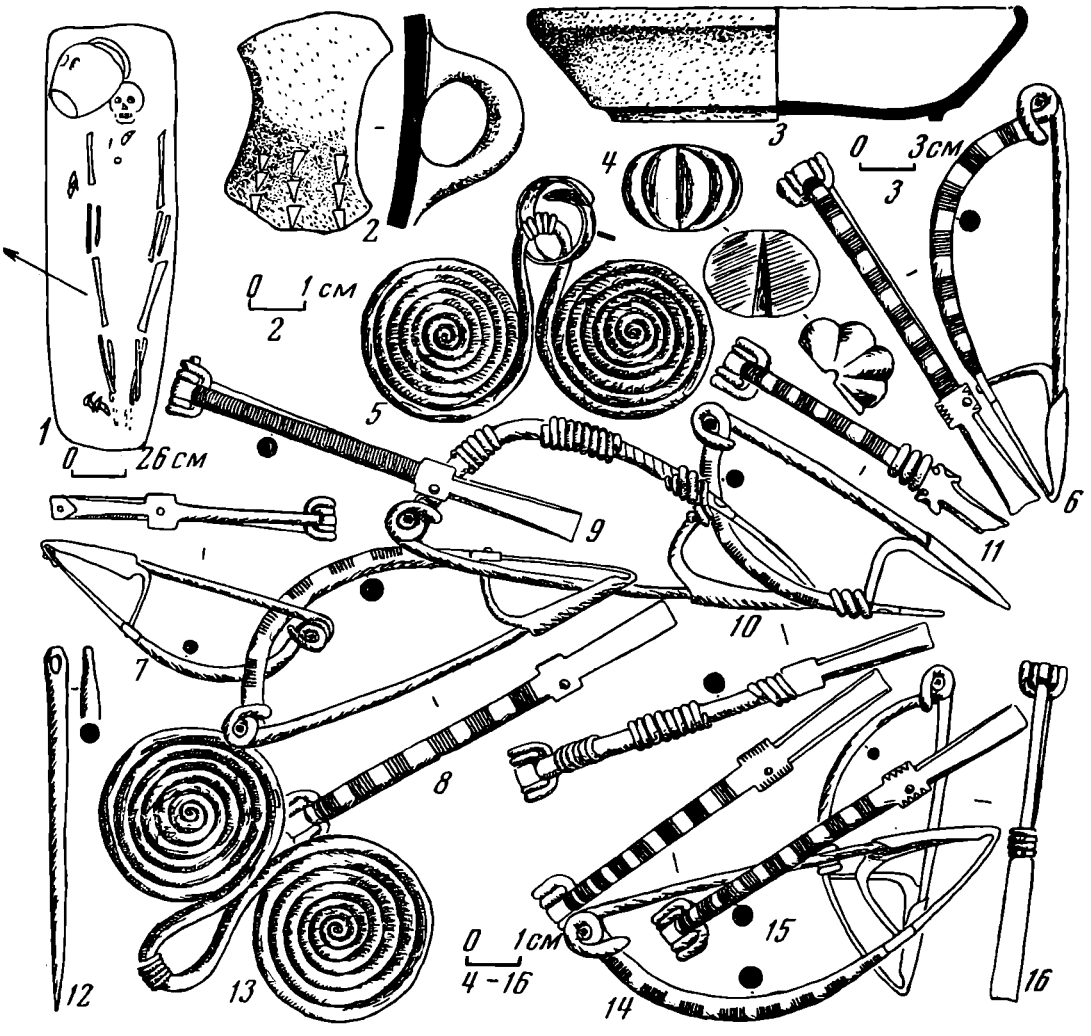


Рис. 1. Церковный холм. Инвентарь погр. 1

Погребение ЦХ-4—3. Трупоположение головой на восток (рис. 3, *1*). В головах фрагменты кувшина типа рис. 4, *3* и стеклянный стакан (рис. 3, *3*). У висков пара серебряных серег-подвесок с сердоликовыми вставками (рис. 3, *4*, *5*). На груди две серебряные фибулы (рис. 3, *12, 13*), бронзовый набор туалетных принадлежностей (рис. 3, *9*), серебряная брошь (?) со вставкой из голубого стекла (рис. 3, *6*), бронзовое колечко (рис. 3, *15*) и 40 бусин — семь янтарных (рис. 3, *16—21*), три гешировых (рис. 3, *24—26, 30*), три сердоликовых (рис. 3, *22—33*), одна из бесцветного стекла (рис. 3, *36*), две из стекла медового цвета (рис. 3, *34*), одна из стекла медового цвета со вставкой из голубой пасты (рис. 3, *35*), 21 из стеклянной пасты — 10 голубых (рис. 3, *23*), две красных (рис. 3, *29, 31*), одна сине-белая (рис. 3, *28*), пять бело-синих (рис. 3, *32*), одна красно-белая (рис. 3, *27*), одна черная с желтыми, синими и красными крапинами (рис. 3, *38*), одна мозаичная с желтыми, красными, голубыми и коричневыми вставками (рис. 3, *39*) и одна белая (рис. 3, *37*). У левого плеча бронзовый игольник (рис. 3, *8*) с бронзовой иглой (рис. 3, *7*). У правого плеча связка из двух серебряных фибул (рис. 3, *10, 11*). В области пояса лежал железный нож (рис. 3, *40*), а ниже бронзовый перстень с сердоликовой вставкой (рис. 3, *14*). В ногах большой двуручный кувшин (рис. 3, *2*).

Погребение ЦХ-4—4. Трупоположение головой на северо-восток (рис. 4, *1*). В головах кувшин (рис. 4, *3*), на правом плече стеклянный стакан (рис. 4, *4*) и 2 железных наконечника копий (рис. 4, *26*, *29*). У пра-

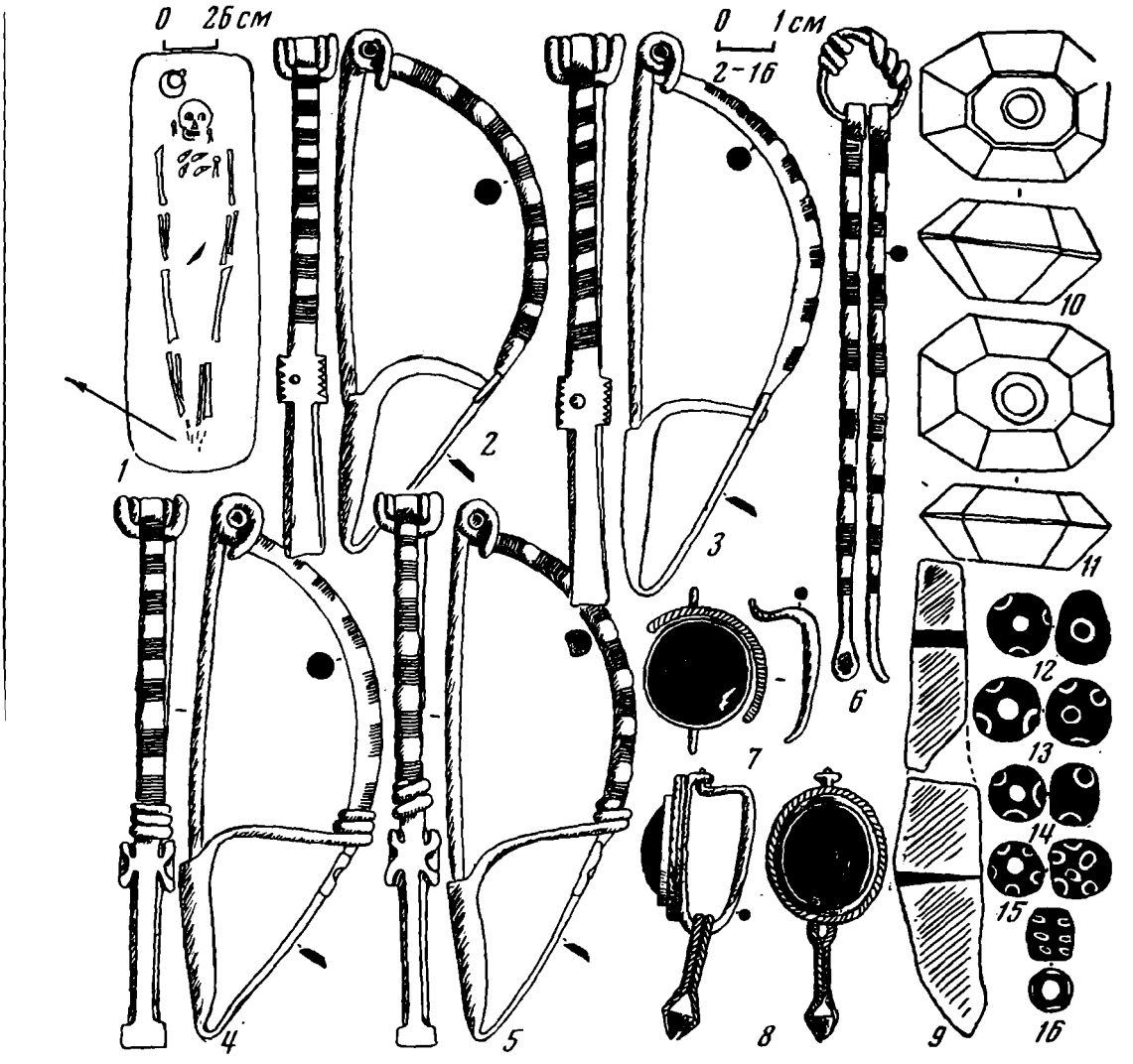


Рис. 2. Церковный холм. Инвентарь погр. 2

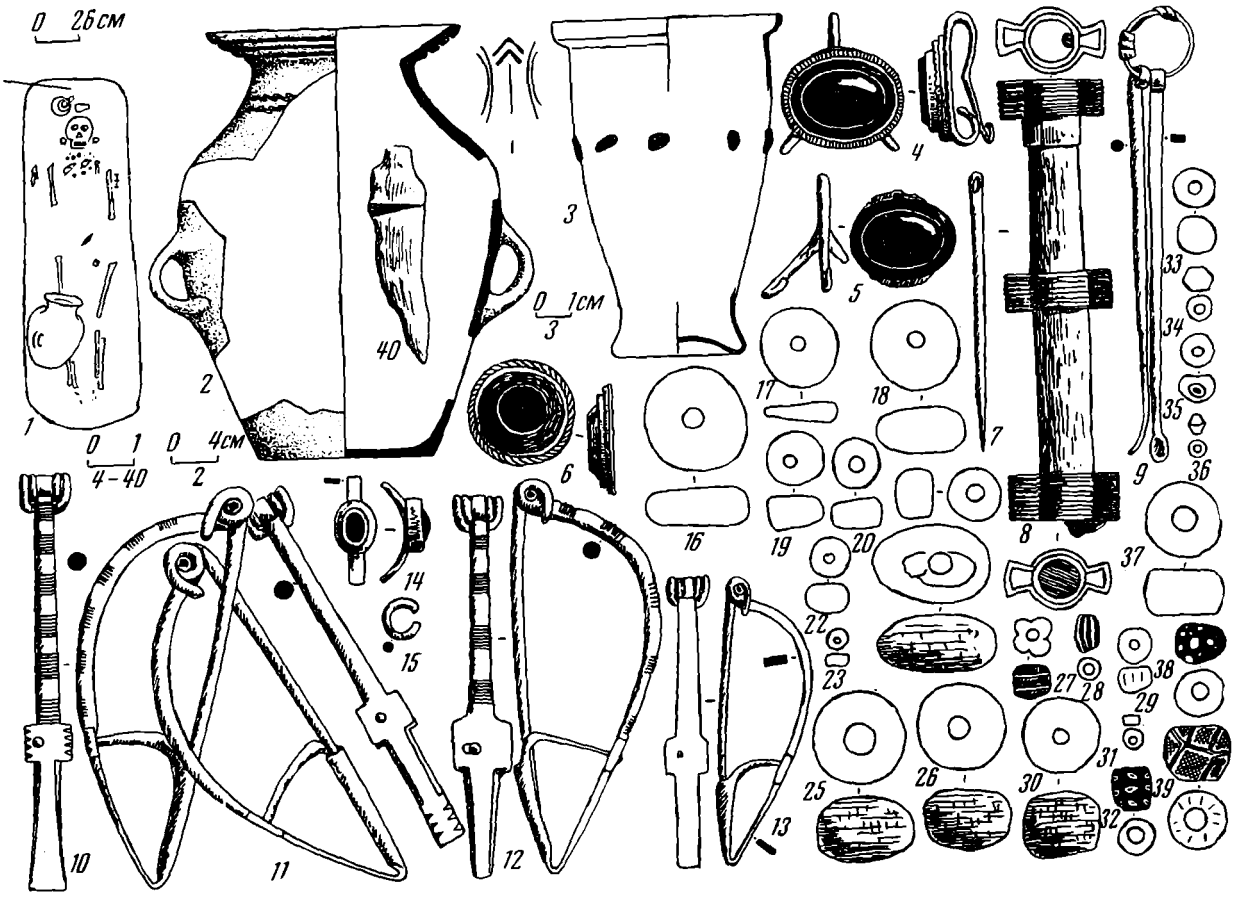


Рис. 3. Церковный холм. Инвентарь погр. 3

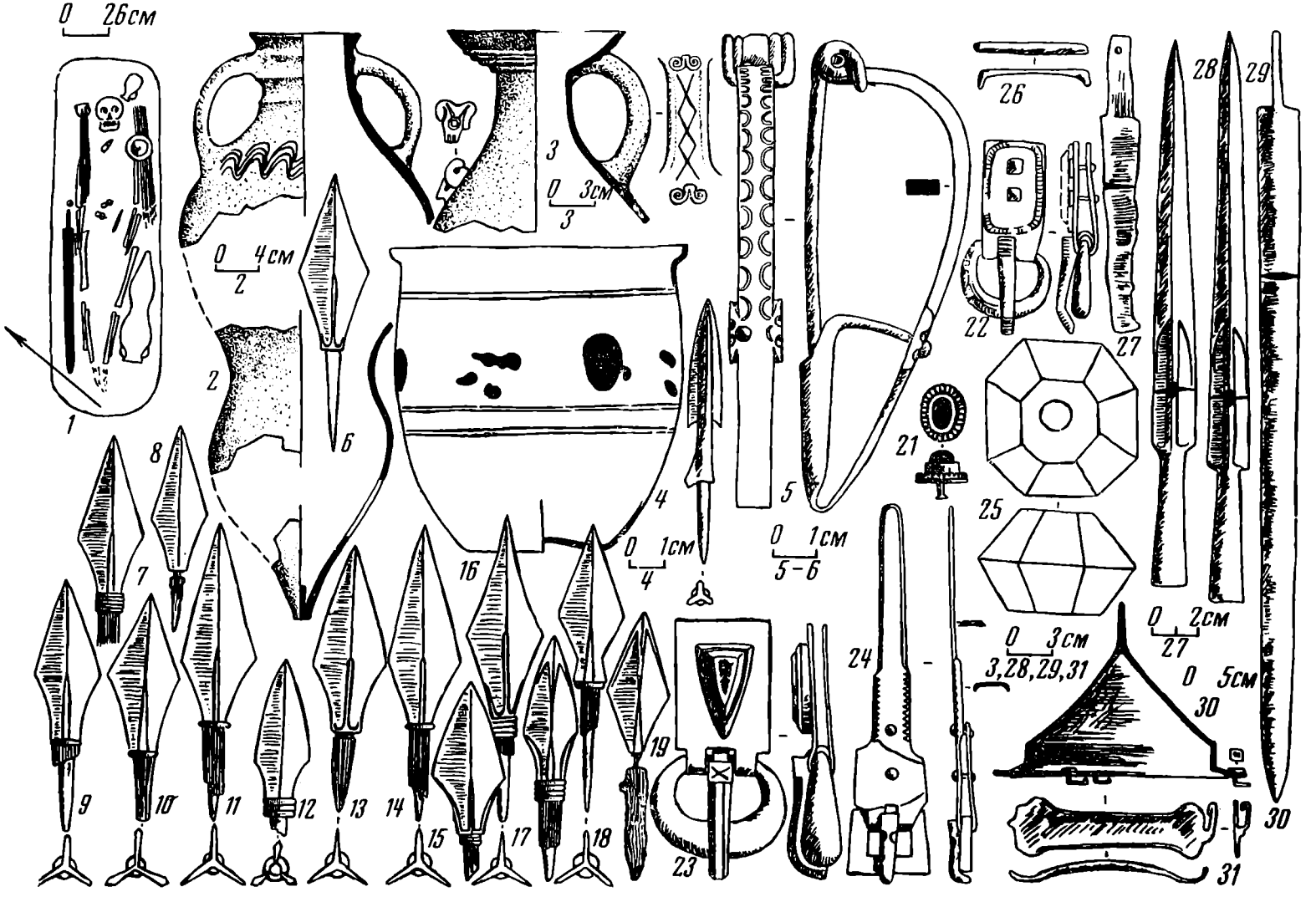


Рис. 4. Церковный холм. Инвентарь погр. 4

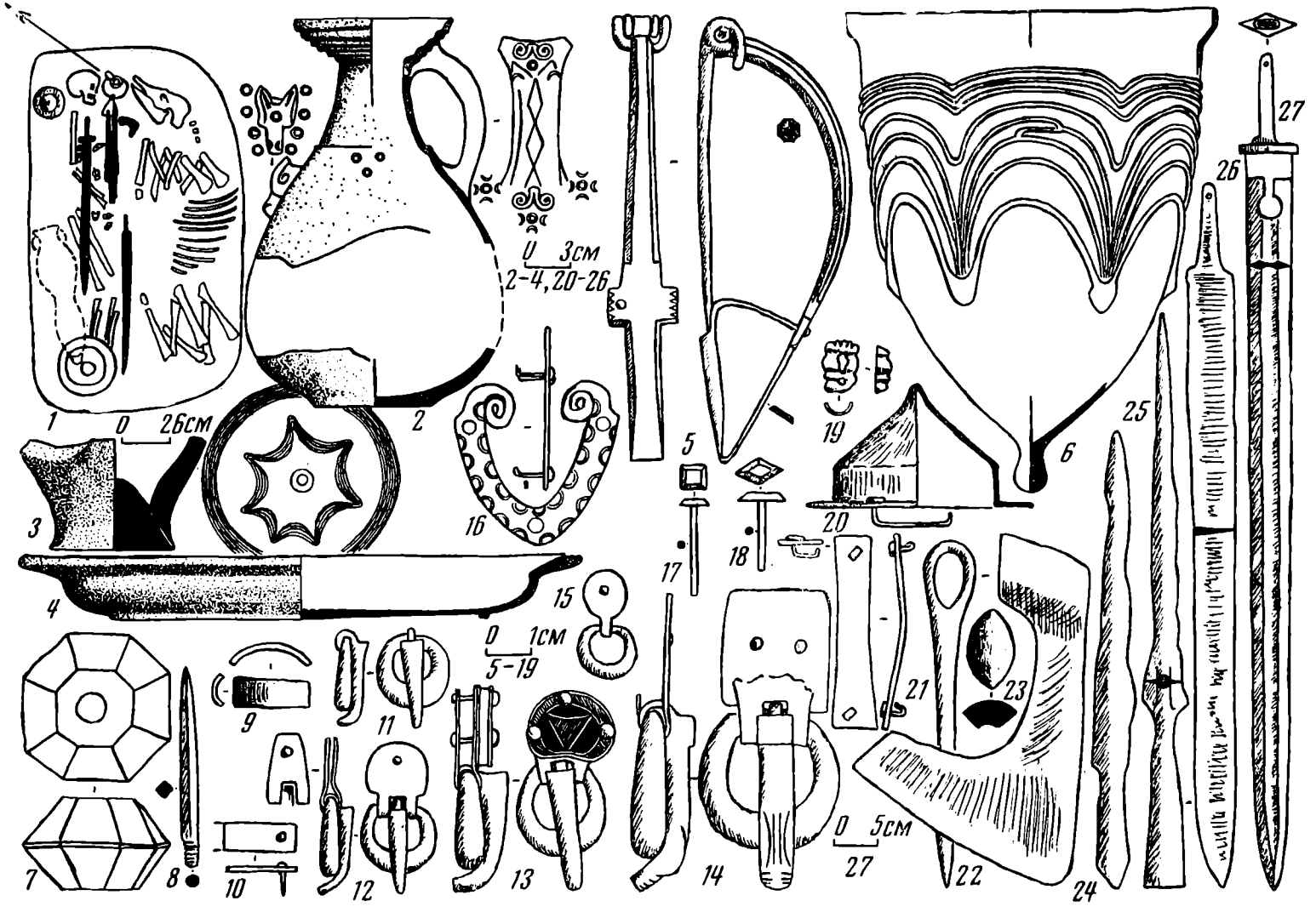


Рис. 5. Церковный холм. Инвентарь погр. 5

вой ноги железный обоюдоострый меч (рис. 4, *30*), у рукояти которого находились хрустальная бусина (рис. 4, *25*), бронзовая пряжка (рис. 4, *24*) и бляшка с сердоликом (рис. 4, *21*). На груди серебряная фибула (рис. 4, *5*). В области пояса две бронзовые пряжки с сердоликовыми вставками (рис. 4, *22, 23*), железный нож (рис. 4, *27*) и железная пластинка (рис. 4, *26*). На левом плече железный умбон (рис. 4, *31*), под ним следы древков стрел, 15 железных наконечников которых найдены у локтя левой руки (рис. 4, *6—20*). У левой ноги фрагментированная амфора (рис. 4, *2*).

Погребение ЦХ-4—5. Трупоположение на боку головой на северо-восток (рис. 5, *1*). У лицевой части черепа фрагментированный кувшин (рис. 5, *2*), ниже стеклянный бокал (рис. 5, *6*), в котором находились концы двух железных наконечников копий (рис. 5, *24, 25*), рядом железный топор (рис. 5, *22*). Сзади черепа железный умбон (рис. 5, *20, 21*). На груди серебряная фибула (рис. 5, *5*). Железный обоюдоострый меч (рис. 5, *27*) с бронзовым перекрестием лежал поверх скелета. У его рукояти находились три серебряные пряжки (рис. 5, *11, 12, 14*) и бронзовая со щитком (основа — серебряная, обойма с инкрустацией на лицевой стороне — бронзовая, рис. 5, *13*), бронзовое портупейное кольцо (рис. 5, *15*), бронзовые гвозди (рис. 5, *17, 18*), бронзовые фрагменты (рис. 5, *9, 10*), хрустальная бусина (рис. 5, *7*), серебряный предмет (рис. 5, *19*), железный стержень (рис. 5, *8*), возможно наконечник стрелы, серебряная орнаментированная пластина (рис. 5, *16*), по-видимому, от наконечника ножен. Слева у ног железный однолезвийный меч (рис. 5, *26*). Справа в ногах фрагменты амфоры (рис. 5, *3*) и красно-лаковое блюдо (рис. 5, *4*). Здесь же железистая конкреция (?) (рис. 5, *23*). Рядом сильно разрушенный при пахоте конский костяк.

Погребение ЦХ-4—6. Трупоположение головой на северо-восток (рис. 6, *1*). В головах слева стеклянный кубок (рис. 6, *6*) и кувшин (рис. 6, *3*). На правом плече два железных наконечника копий (рис. 6, *18, 19*) и железный топор (рис. 6, *16*). Рядом верхняя часть пифоса (рис. 6, *2*), прикрытого красно-лаковой тарелкой (рис. 6, *5*). У локтя правой руки две бронзовые бляшки (рис. 6, *11, 12*), шлифованный камешек (рис. 6, *21*) и серебряная кесарийского чекана монета императора Адриана (рис. 6, *7*). На груди серебряная (рис. 6, *8*) и бронзовая (рис. 6, *9*) фибулы. У пояса железная пряжка (рис. 6, *13, 14*), серебряный наконечник ремня (рис. 6, *15*) и железный нож (рис. 6, *17*), рядом непонятный предмет (рис. 6, *10*), возможно от рукояти ножа. У правого бедра железный однолезвийный меч (рис. 6, *20*) и фрагментированная амфора (рис. 6, *4*).

Погребение ЦХ-4—7. Трупоположение головой на северо-восток (рис. 7, *1*). В головах фрагменты кувшина. На груди серебряная фибула (рис. 7, *2*), черная с коричневыми и белыми полосками бусина из стеклянной пасты (рис. 7, *16*), бронзовая пряжка (рис. 7, *6*). На поясе бронзовая пряжка (рис. 7, *7*) и железный нож (рис. 7, *23*). На периферии погребения собраны: два железных наконечника копий (рис. 7, *20, 21*), бронзовые накладки от пояса (рис. 7, *9—15*), бронзовая пряжка со щитком, инкрустированным красным стеклом, перегороженным золотыми пластинками (рис. 7, *5*), бронзовая пряжка (рис.7, *4*), кремень (рис. 7, *8*), железный топор (рис. 7, *17*), два железных ножа (рис. 7, *18, 19*), железный однолезвийный меч (рис. 7, *22*), детали серебряной обкладки ножен (рис. 7, *22а*) и бронзовая фибула (рис. 7, *3*).

Погребение. ЦХ-4—8. Трупоположение головой на северо-восток (рис. 8, *1*). В головах фрагментированный кувшин (рис. 8, *2*), у висков две серьги (рис. 8, *7, 9*). На груди две бронзовых (рис. 8, *6, 14*) и железная (рис. 8, *15*) фибулы, бронзовое колечко (рис. 8, *8*,) бронзовый завиток (рис. 8, *16*), 18 раковин каури (рис. 8, *22*) и 49 бусин: одна хрустальная (рис. 8, *30*), одна янтарная (рис. 8, *28*), две из стекла медового цвета (рис. 8, *29, 32*), одна из бесцветного стекла (рис. 8, *31*), одна сердоликовая

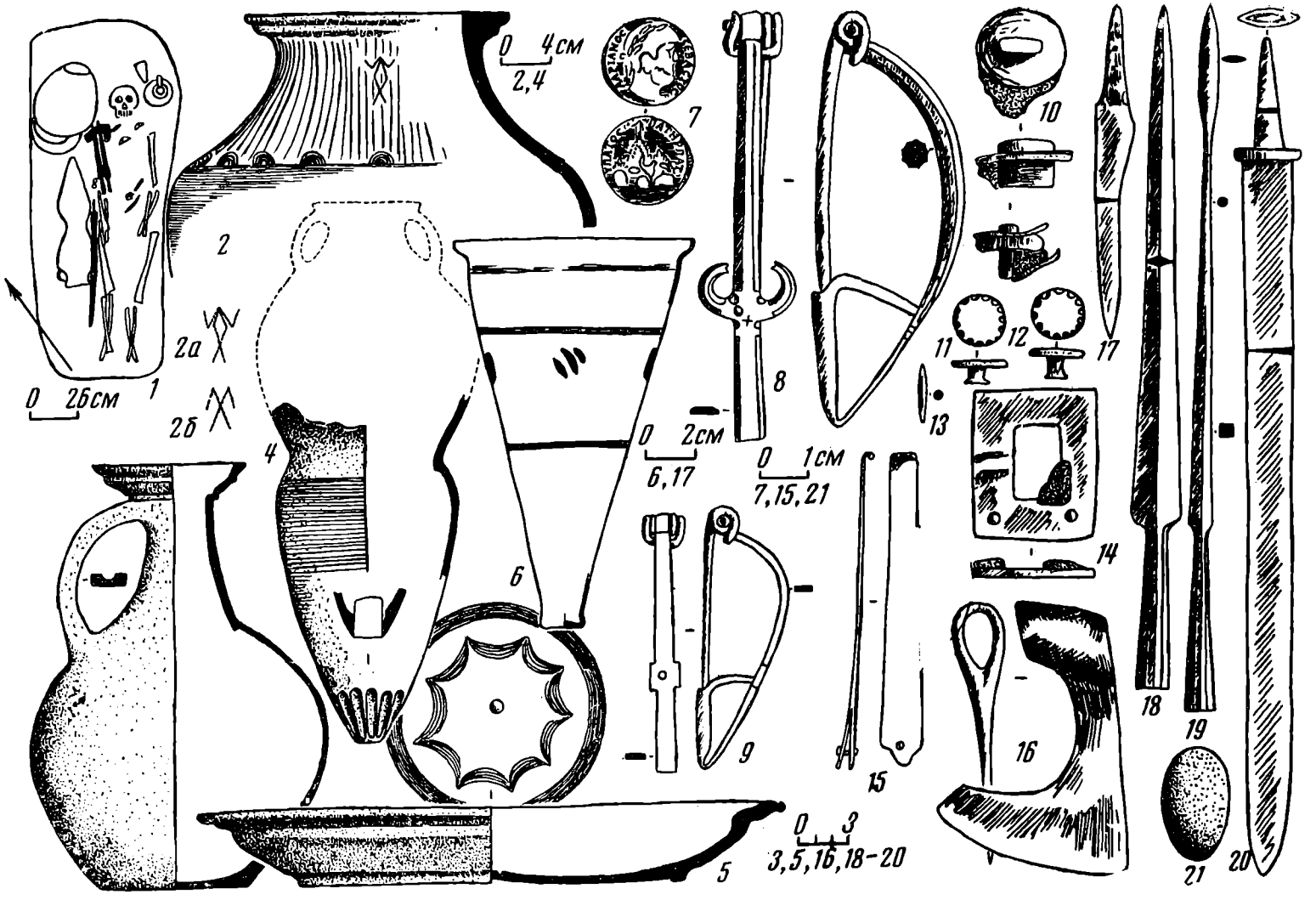


Рис. 6. Церковный холм. Инвентарь погр. 6

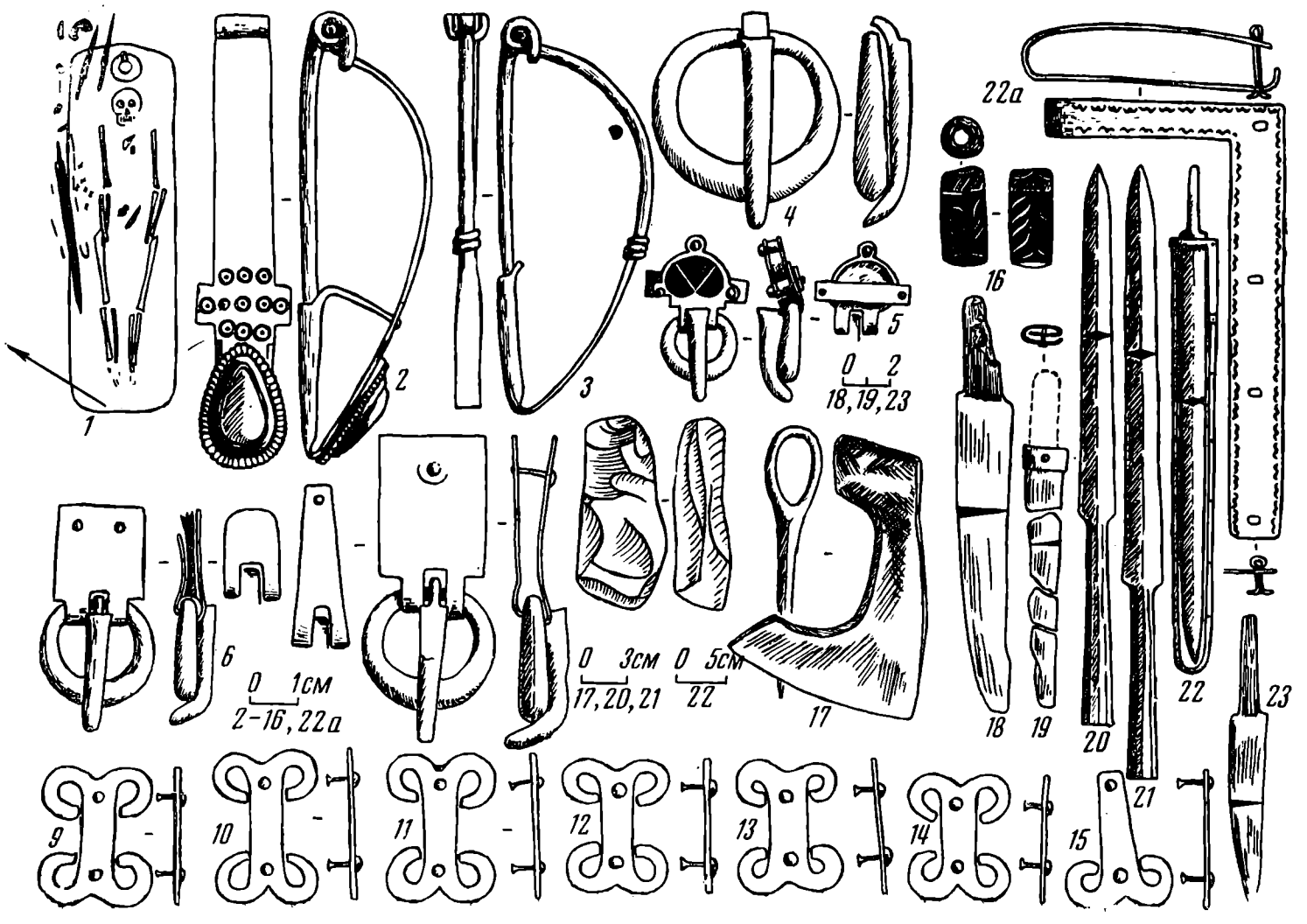


Рис. 7. Церковный холм.
Инвентарь погр. 7

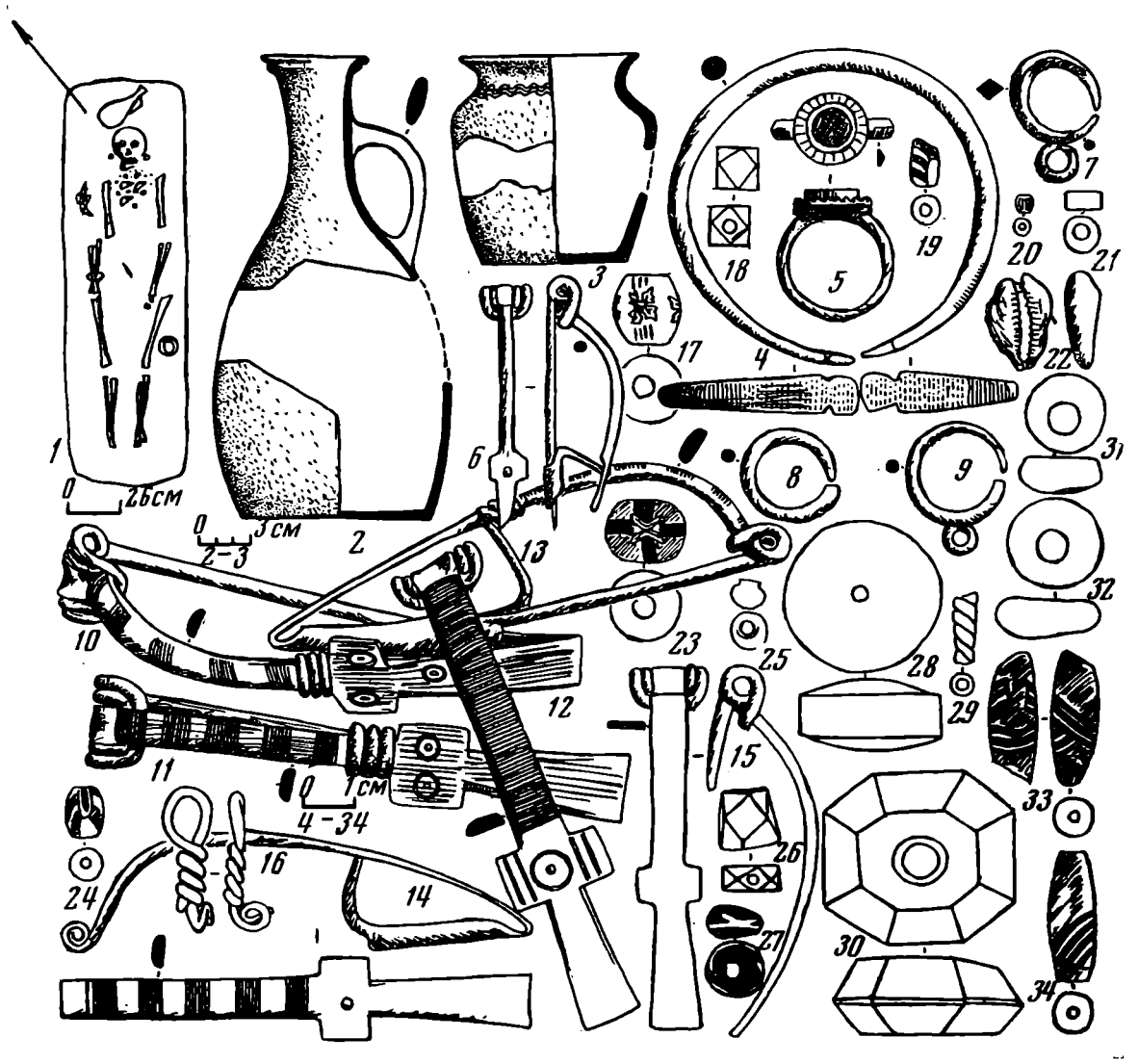


Рис. 8. Церковный холм. Инвентарь погр. 8

(рис. 8, *21*), восемь бесцветных стеклянных ребристых (рис. 8, *20*), две из стекла коричневого цвета (рис. 8, *25*), три хрустальных 14-гранных (рис. 8, *26*), пять из стекла зеленого цвета (рис. 8, *18*) и около 25 бусин из стеклянной пасты: одна зеленая с белыми полосами (рис. 8, *19*), две белые с зелеными, красными и коричневыми полосами (рис. 8, *24*), одна синяя с белым пояском (рис. 8, *27*), четыре красных с синими поясками и разноцветными вставкими (рис. 8, *23*), восемь зеленых с желто-красными вставками (рис. 8, *17*), две красных с синими и желтыми поясками (рис. 8, *33, 34*) и др. На правой руке бронзовый браслет (рис. 8, *4*). У правого локтя связка из четырех бронзовых фибул (рис. 8, *10—13*). На левой руке бронзовый перстень со вставкой из желтого стекла (рис. 8, *5*). У левой ноги фрагменты горшочка (рис. 8, *3*).

Погребение ЦХ-4—9. Трупоположение головой на северо-восток (рис. 9, *1*). В головах фрагментированный кувшин. У висков серебряная подвеска с бесцветным стеклом (рис. 9, *5*) и бронзовая серьга (рис. 9, *6*). На груди три бронзовые фибулы (рис. 9, *2—4*), две раковины каури (рис. 9, *26*) и 21 бусина: одна хрустальная (рис. 9, *11*), три янтарных (рис. 9, *12, 14*), четыре из стекла медового цвета (рис. 9, *15, 16, 20, 21*), одна из стекла зеленого цвета (рис. 9, *17*), одна из бесцветного стекла (рис. 9, *18*), одна из стекла синего цвета (рис. 9, *19*), одна бронзовая (рис. 9, *9*) и 9 бусин из стеклянной пасты: две зеленые с сине-красными вставками (рис. 9, *24*), одна черная с белым и желтым поясками (рис. 9, *25*), темно-синяя с голубым, белым и желтым поясками (рис. 9, *25*), одна — темно-

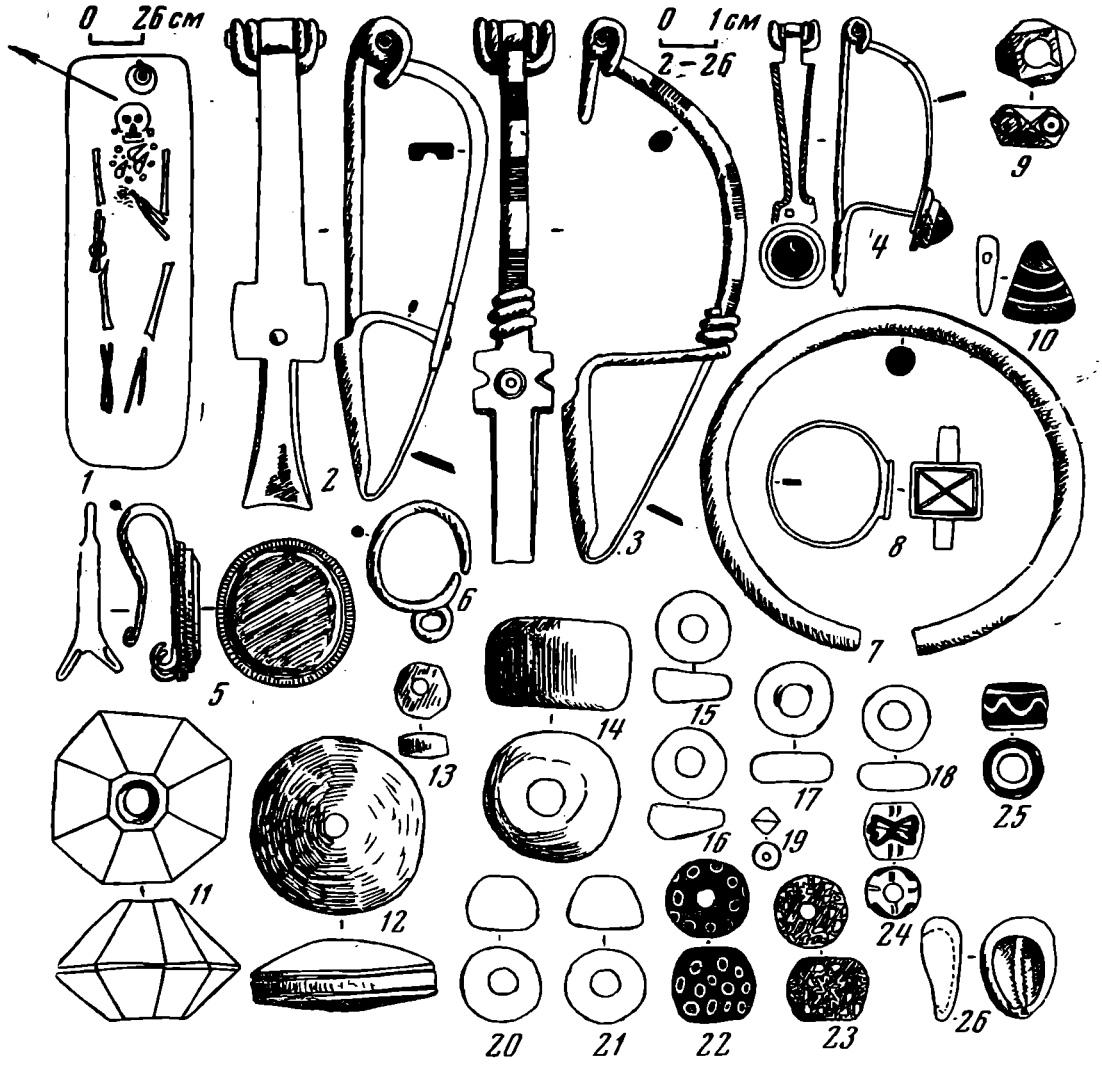


Рис. 9. Церковный холм. Инвентарь погр. 9

синяя с голубым, белым и желтым поясками (рис. 9, *10*), три зеленых с красно-желтыми вставками (рис. 9, *23*), две синих с голубыми глазками (рис. 9, *22*). На правой руке железный браслет (рис. 9, *7*). На левой руке бронзовый перстень с печаткой (рис. 9, *8*).

Погребение ЦХ-4—10. Трупоположение головой на северо-восток (рис. 10, *1*). В головах фрагментированный кувшинчик. На правом плече двуручный кувшин (рис. 10, *6*). У висков две бронзовые серьги (рис. 10, *12*, *13*). На груди серебряная (рис. 10, *7*) и три бронзовые (рис. 10, *8—10*) фибулы; на одной фибуле подвеска из кабаньего клыка на двух бронзовых колечках (рис. 10, *10*). Здесь же найдены раковина каури (рис. 10, *16*) и 31 бусина: пять из стекла голубого цвета (рис. 10, *19*), одна двучастная из стекла синего цвета (рис. 10, *21*), семь из стекла синего цвета (рис. 10, *22*), одна из стекла зеленого цвета (рис. 10, *30*), две из стекла медового цвета (рис. 10, *17*, *18*), 15 из стеклянной пасты: две красные (рис. 10, *20*, *31*), одна синяя с желтыми поясками и красными вставками (рис. 10, *25*), одна красная с синими и зелеными вставками (рис. 10, *26*), одна синяя с желтыми пятнами (рис. 10, *24*), одна зеленая с желтыми поясками (рис. 10, *23*), одна красная с белыми и синими поясками (рис. 10, *29*), восемь красных с желто-голубыми поясками (рис. 10, *27*, *28*). На правой руке бронзовый браслет(рис. 10, *11*). На поясе фрагменты железного ножа (рис. 10, *15*) и бронзовая бляшка (рис. 10, *14*). На коленных суставах ног два кувшина (рис. 10, *4*, *5*). В ногах фрагменты большого кувшина (рис. 10, *2*) и красно-лаковой миски (рис. 10, *3*).

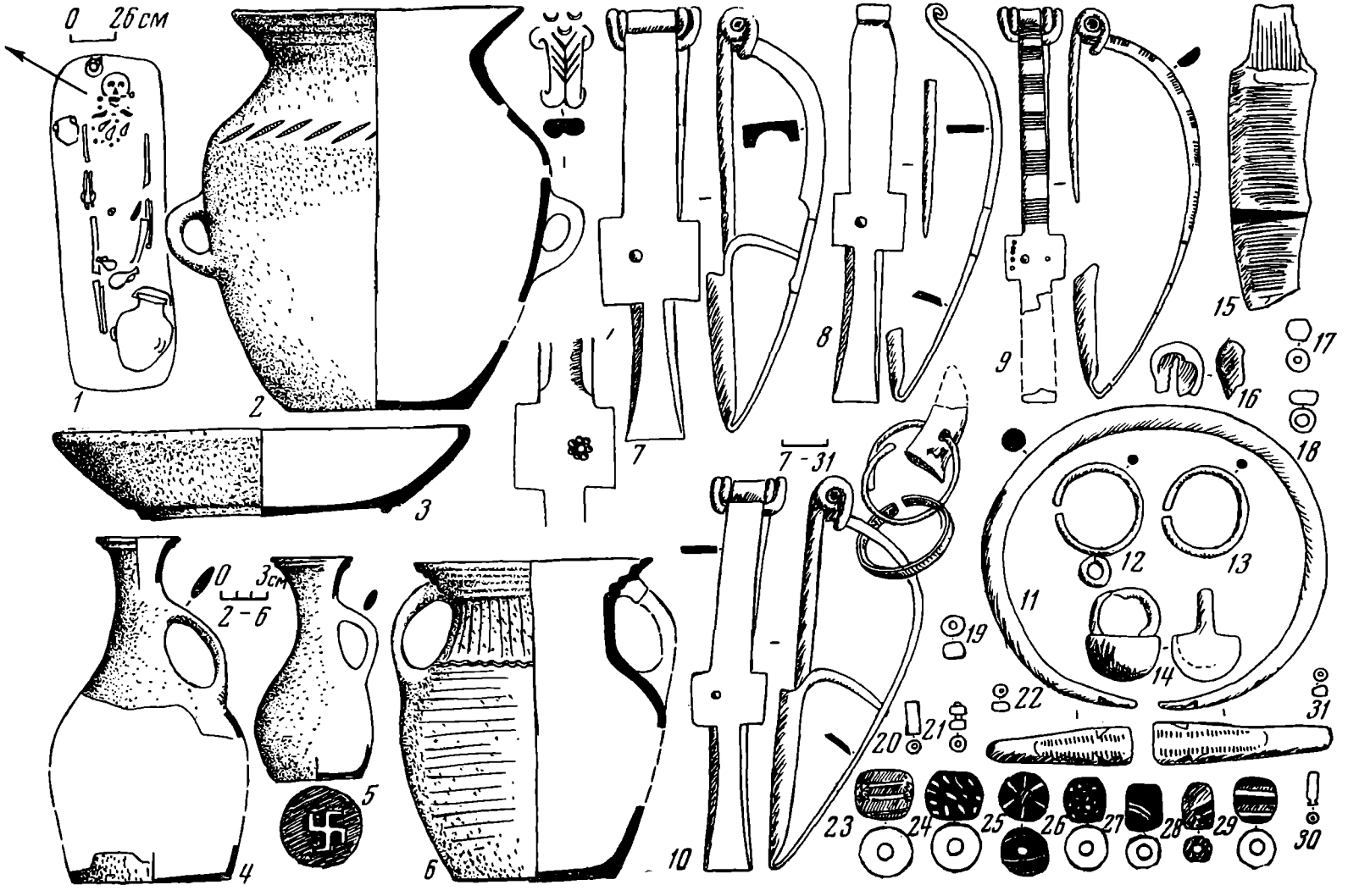


Рис. 10. Церковный холм. Инвентарь погр. 10

Погребение ЮХ-3—2[6]. Трупоположение головой на север (рис. 11, *1*). В головах кувшин (рис. 11, *2*), у левого плеча горшочек (рис. 11, *3*). На груди бронзовая фибула (рис. 11, *8*) и сталактит (рис. 11, *10*). На левом плече кирковидное орудие (рис. 11, *11*). В области пояса две бронзовые позолоченные пряжки с щитками, инкрустированными прозрачным стеклом поверх желто-зеленого пастовидного заполнителя (рис. 11, *4, 5*), бронзовый ременный наконечник (рис. 11, *6*), два

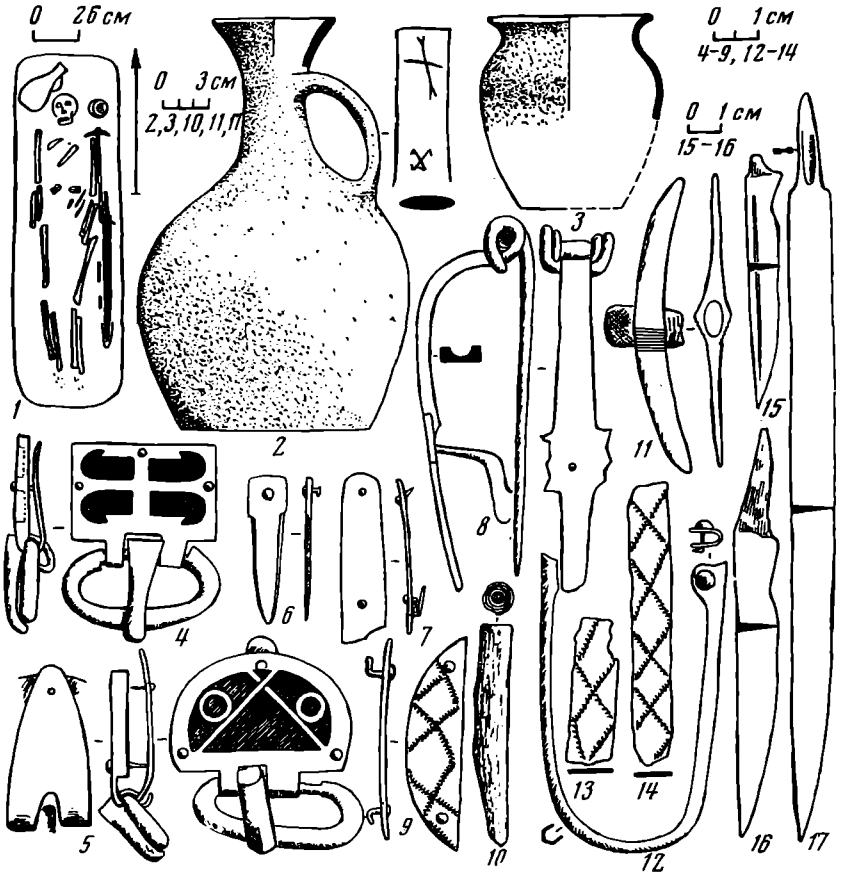


Рис. 11. Юстинианов холм. Инвентарь погр. 2

железных ножа (рис. 11, *15, 16*). У левого бедра железный однолезвийный меч (рис. 11, *17*) и бронзовые детали от ножен (рис. 11, *7, 9, 12—14*).

Погребение ЮХ-3—3. Трупоположение головой на север (рис. 12, *1*). У висков две серебряных серьги (рис. 12, *17, 18*). На груди одна серебряная (рис. 12, *6*) и четыре бронзовые фрагментированные фибулы (рис. 12, *11—14*), наборы туалетных принадлежностей — бронзовый (рис. 12, *8*) и фрагментированный железный (рис. 12, *10*), бронзовое колечко (рис. 12, *19*), до 12 раковин каури (рис. 12, *24*) и бусины: две агатовые (рис. 12, *25, 26*), девять янтарных (рис. 12, *28—30*), шесть хрустальных, из них две круглые (рис. 12, *27*), две — 14-гранные (рис. 12, *41*), две — 32-гранные (рис. 12, *38*), 16 сердоликовых (рис. 12, *40*), девять — 14-гранных из синего стекла (рис. 12, *39*), 18 пастовых — шесть красных с желто-черными поясками (рис. 12, *34*), одна желтая с зелеными вставками (рис. 12, *33*), четыре красных с желто-синими полосками (рис. 12, *42*), одна красная с зелеными крапинами (рис. 12, *36*), две красные с желто-коричневыми полосками (рис. 12, *31*), две красных с желто-зелеными вставками (рис. 12, *32, 43*), одна красная с сине-желтыми полосами (рис. 12, *37*), одна зеленая с желтыми поясками (рис. 12, *35*). На правой руке серебряный браслет (рис. 12, *23*), на левой — бронзовый (рис. 12, *22*).

[6] Погребение ЮХ-3 — 1 доследовано нами в 1967 г. (Ю. В. Воронов, В. А. Юшин. Погребение VII в. из села Цебельда. КСИА, АН СССР, 128, 1971, стр. 100—105).

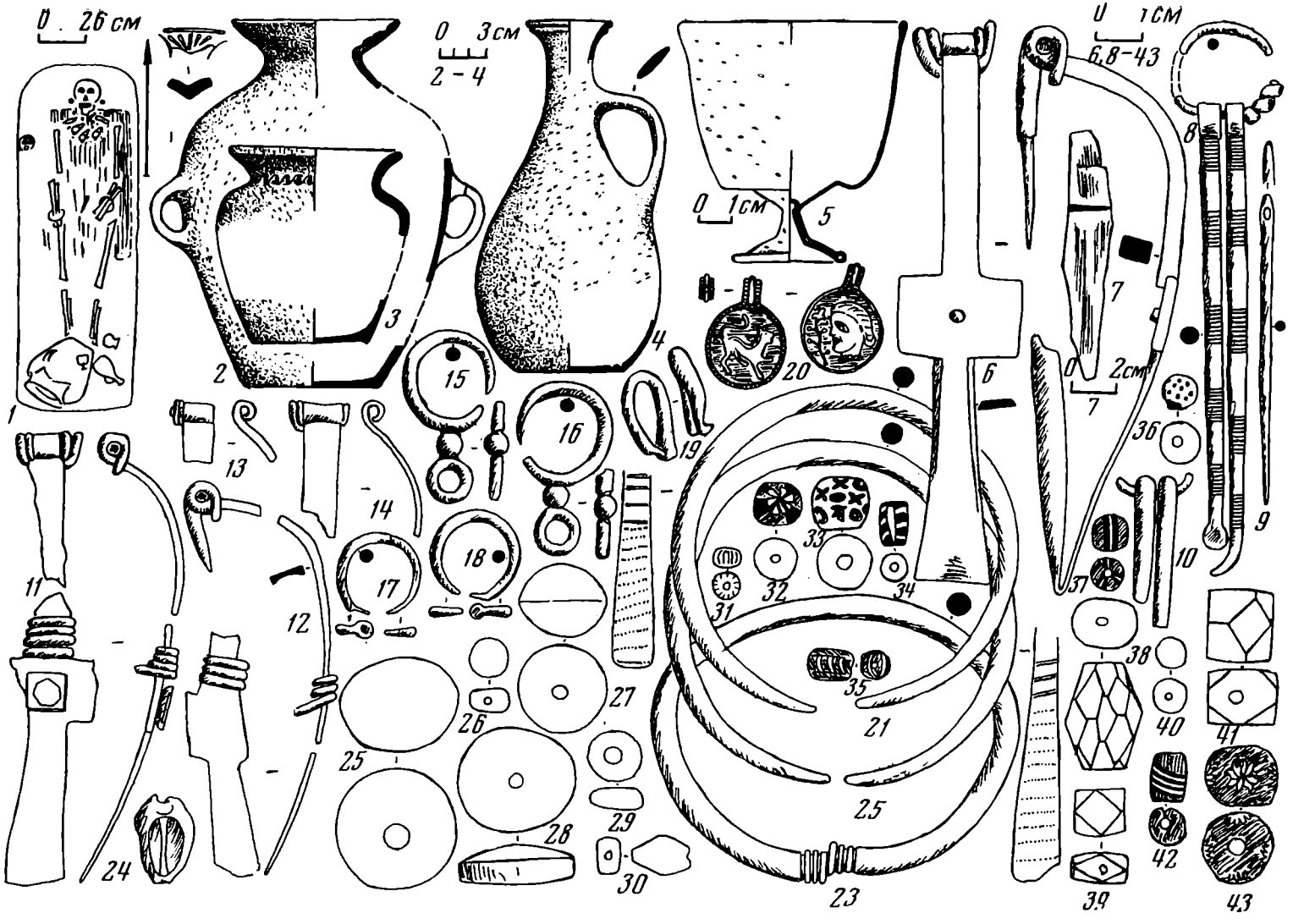


Рис. 12. Юстинианов холм. Инвентарь погр. 3

На поясе железный нож (рис. 12, *7*). В ногах большой двуручный кувшин (рис. 12, *2*), кувшинчик (рис. 12, *4*), горшок (рис. 12, *3*) и стеклянный сосуд (рис. 12, *5*). У правого плеча отдельно лежал бронзовый браслет (рис. 12, *21*), а в нем две оловянные серьги (рис. 12, *15, 16*), оловянный медальон (рис. 12, *20*) и бронзовая игла (рис. 12, *9*). Под костяком зафиксированы следы дощатой подстилки.

Погребение ЮХ-3—4. Трупоположение головой на север (рис. 13, *1*). На груди — одна серебряная фибула (рис. 13, *5*), две бронзовые, украшенные полупрозрачным стеклом (рис. 13, *6, 7, 22*) и одна круглопроволочная бронзовая фрагментированная (рис. 13, *8*), бронзовая пластинчатая инкрустированная светло-синим стеклом фибула в виде птицы (рис. 13, *21*), бронзовый набор туалетных инструментов (рис. 13, *10*), бронзовый колокольчик (рис. 13, *16*), две бронзовые серьги (рис. 13, *13, 14*) и остатки подвесок к ним (рис. 13, *15*), верхняя бронзовая часть кожаного игольника (рис. 13, *20*), две бронзовые иглы (рис. 13, *18, 19*) и бронзовый игловидный стержень с остатками оправы (рис. 13, *17*) и 139 бусин: 128 сердоликовых (рис. 13, *24—29*), 8 янтарных (рис. 13, *31, 32, 34, 35*), одна из стекла голубого цвета (рис. 13, *33*), одна из стекла синего цвета (рис. 13, *36*), одна из стеклянной пасты синяя с белыми глазками (рис. 13, *30*). На руках бронзовые браслеты (рис. 13, *11, 12*). У пояса железный нож (рис. 13, *23*) и бронзовая фибула (рис. 13, *9*), заключенная в кусок деревянной доски (рис. 13, *9а*) от подстилки, прослеживающейся под торсом погребенной. В ногах остатки трех сосудов (рис. 13, *2—4*).

Погребение ЮХ-3—5. Трупоположение головой на север (рис. 14, *1*). В головах кувшин (рис. 14, *2*) и железный нож (рис. 14, *7*). У висков две серебряные серьги с сердоликовыми подвесками (рис. 14, *10, 11*). На груди три бронзовые фибулы (рис. 14, *4—6*), бронзовый колокольчик (рис. 14, *17*), бронзовая петля, возможно, от шейной гривны (рис. 14, *15*), бронзовый пластинчатый завиток (рис. 14, *16*) и 101 бусина: одна — известняковая 12-гранная (рис. 14, *27*), одна хрустальная 14-гранная (рис. 14, *26*), 22 янтарных (рис. 14, *21—24*), 76 сердоликовых (рис. 14, *18—20*), одна белая с синими полосками из стеклянной пасты (рис. 14, *25*). На руках бронзовые браслеты (рис. 14, *8, 9*). На правой руке два бронзовых перстня (рис. 14, *12, 13*), на левой — один серебряный перстень (рис. 14, *14*). У бедра правой ноги горшочек (рис. 14, *3*).

Поскольку оба могильных комплекса близки хронологически и удачно дополняют друг друга, мы даем ниже общую характеристику их погребального инвентаря.

Все выявленные погребения ингумационные. Головой они ориентированы на север или на северо-восток, лежат обычно на спине, за исключением одного случая (ЦХ-4—5), когда погребенный лежал на боку лицом к коню, слегка согнув ноги. Впервые фиксируется в наиболее поздних могилах использование досчатой подстилки. Пол погребенных определяется по инвентарю: мужские погребения отличает оружие, женские — украшения. Соответственно из 14 описанных погребений пять мужских (ЦХ-4—4, 5, 6, 7; ЮХ-3—2), девять — женских (ЦХ-4—1, 2, 3, 8, 9, 10; ЮХ-3—3, 4, 5). Обращают на себя внимание довольно частые пожертвования близких покойнику, состоящие обычно из связок фибул (ЦХ-4—1, 3, 8), а иногда и более ценных приношений (ЦХ-4—5— меч с портупеей; ЮХ-3—3— медальон, серьги и др.).

Керамика рассмотренных погребений может быть разделена на 10 типов: 1) Большие кувшины с чашеобразным венчиком и двумя боковыми ручками (ЦХ-4—1, 3, 11; ЮХ-3—3), венчик либо гладкий, либо оформлен рядом глубоких борозд, орнаментация бывает на горловине в виде волнистых линий (рис. 3, *2*), в верхней части тулова — насечки (рис. 10, *2*) и по верхней части ручек — клиновидным штампом (рис. 1, *2*), врезными уголками (рис. 3, *2*), полукруглым штампом (рис. 10, *2*), насечками (рис. 12, *2*). Этот тип сосудов фиксируется до середины VII в. 2) Пифос с мас-

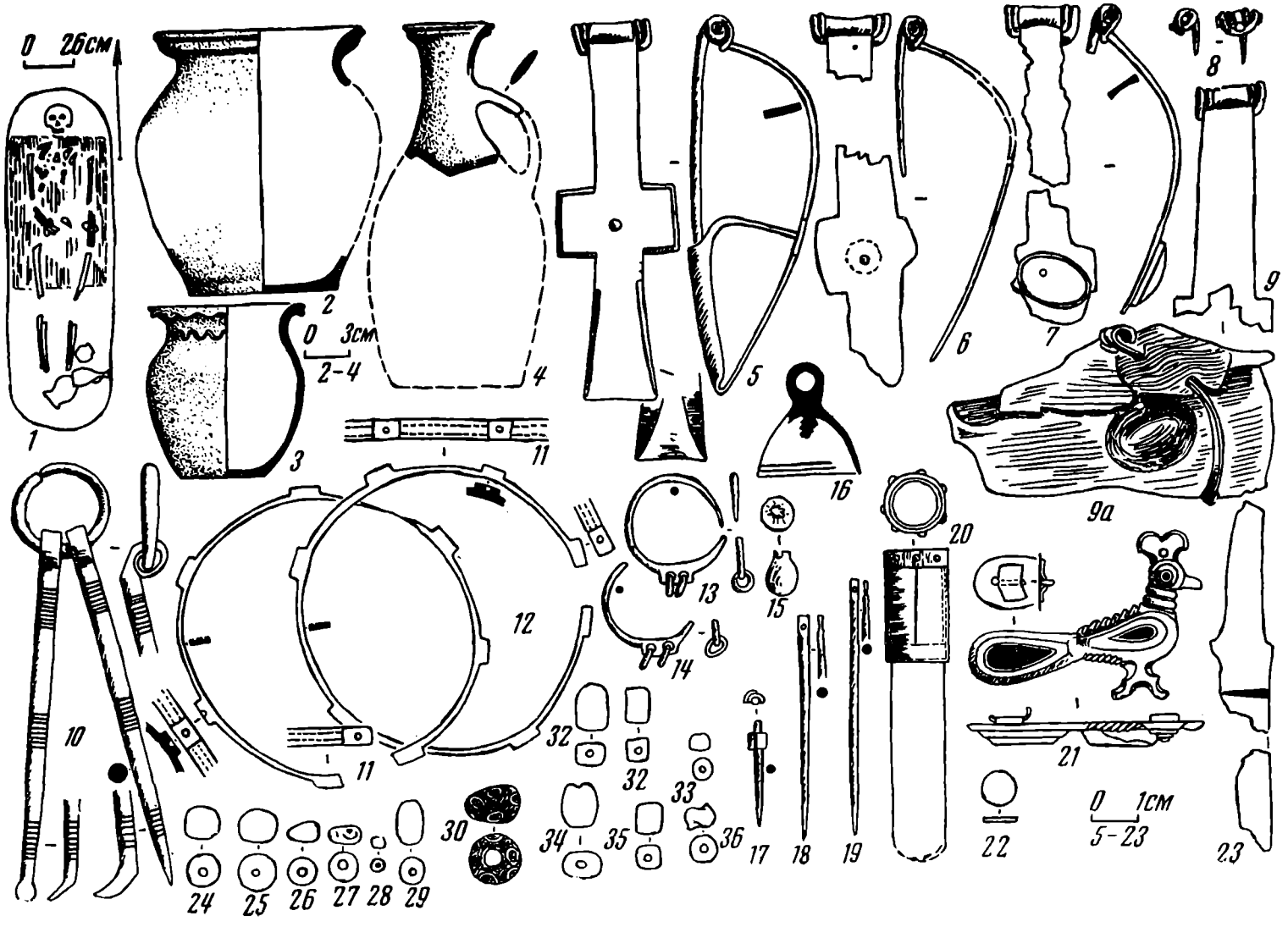


Рис. 13. Юстиниапов холм. Инвентарь погр. 4

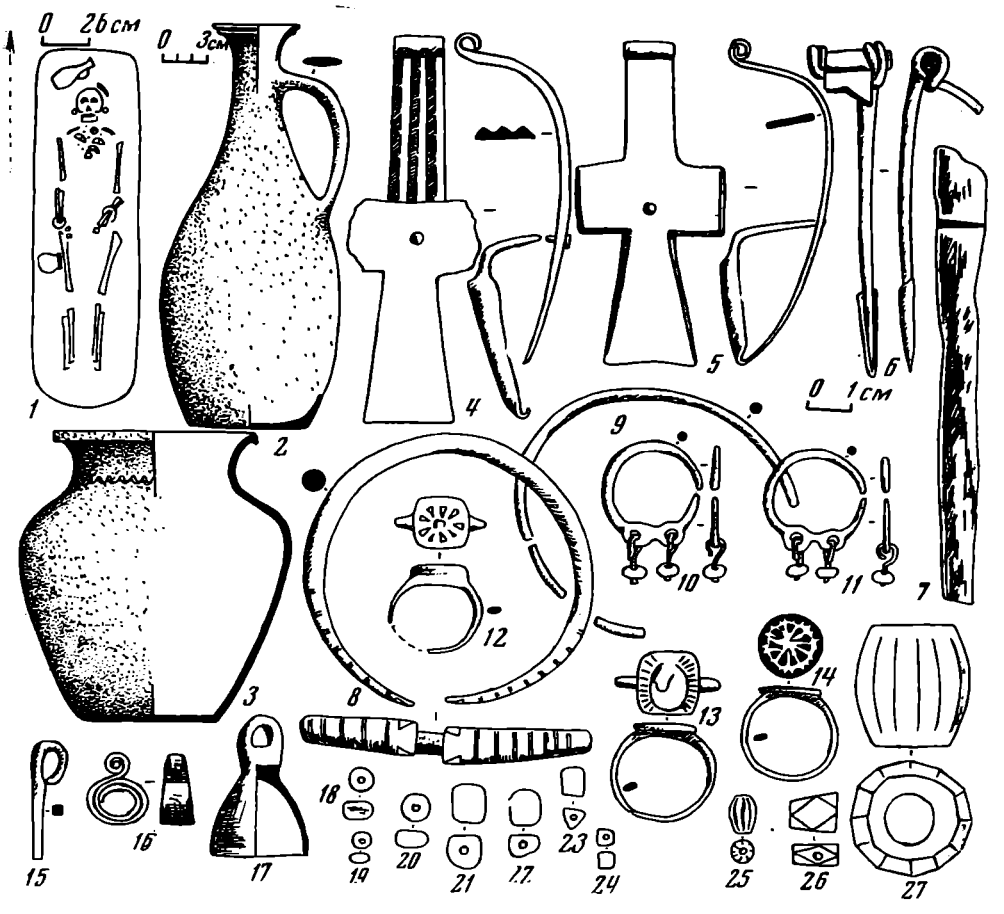


Рис. 14. Юстинианов холм. Инвентарь погр. 5

сивным уплощенным сверху венчиком (ЦХ-4—6), орнаментированный рядом многослойных полукругов вдоль верхней части тулова (рис. 6, *2*) и антропоморфными знаками (рис. 6, *2а, 2б*), датируется второй половиной VI в. 3) Амфоры двубрюшные (ЦХ-4—4, 5, 6) с массивным венчиком, ребристым горлом, резким перехватом, формованным с помощью пробки, слегка уплощенным снизу дном, орнаментированы крупной волной вдоль горла (рис. 4, *2*) и вертикальными желобками у днища (рис. 6, *4*), дата этих амфор — вторая половина VI в.[7] 4) Кувшинчики с чашечкообразным венчиком (ЦХ-4—2, 3, 4, 5, 6), распадающиеся на два подтипа: а) с наружной или двусторонней гофрировкой венчика, налепными зооморфными головками, орнаментацией штампованными кружочками, полукругами, ромбическими поясками вдоль ручек, двуспиральными налепами (рис. 4, *3*; 5, *2*), датируются обычно V— серединой VI в.; б) гладкостенный с резкими круговыми ребрами вдоль утолщенного кверху венчика и прямоугольно-желобчатой в сечении ручкой (рис. 6, *3*). 5) Кувшинчики из хорошо отмученной светло-корпчневой глины с подлощенной поверхностью, воронкообразным венчиком и тонкой овальной в сечении ручкой, отходящей верхним концом от середины горла (ЦХ-4—8, 9, 10; ЮХ-3—3, 4, 5), распадаются на два подтипа: а) приземистый большой кувшин с гладким венчиком и крестовидными изображениями по ручке (рис. 11, *2*) — начало — первая половина VII в.; б) небольшие с оформленным плавной круговой бороздой венчиком (рис. 8, *2;* 10, *4, 5;* 12, *4;* 13, *4;* 14, *2*), в одном случае (рис. 10, *5*) на днище рельефная свастика, дата этих изделий — VII в. 6). Двуручный сосуд (ЦХ-4—10) с гофрированным венчиком, орнаментированный волной ниже горловины (рис. 10, *6*), эти сосуды были распространены в Цебельде в VI— первой половине VII в. 7) Крупный горшок с утолщенным венчиком (ЮХ-3—4; рис. 13, *2*), судя по комплексу, отно-

[7] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 107.

сится к середине — третьей четверти VII в. 8) Кухонные горшки (ЦХ-4—8; ЮХ-3—2, 3, 4, 5,), лепные от руки в отличие от остальной посуды, формовавшейся с помощью круга, распадаются на два подтипа; а) с откинутым венчиком плавного контура, обычно орнаментированные многорядной или двухрядной волной вдоль горла (рис. 8, *3;* 11, *3;* 12, *3*), в Цебельде датируются обычно IV — первой половиной VII в.; б) с сильно откинутым венчиком, украшенным жгутом (рис. 13, *3*) или гладким (рис. 14, *3*) круговым выступом вниз, распространяются широко во второй половине VII в. 9) Краснолаковые миски (ЦХ-4—1, 10) из светло-коричневой тонко-отмученной глины, лак бурый, очень плохого качества, сохраняется обычно в изгибах придонной части, эти изделия датируются в Цебельде второй половиной V — началом VII в. 10) Краснолаковые блюда (ЦХ-4—5, 6). Глина коричневых оттенков, хорошо отмучена, темно-бурый лак довольно хорошей сохранности. Эти изделия найдены в Цебельде впервые и по комплексам датируются серединой — второй половиной VI в.

Стеклянная посуда представлена стаканом из стекла зеленоватого цвета с синими напаями (рис. 3, *3*), чашей из стекла зеленоватого цвета с синими напаями (рис. 4, *4*), сосудом с каплевидным дном из светло-зеленого стекла с рельефным орнаментом (рис. 5, *6*), коническим кубком из стекла зеленоватого цвета с синими напаями (рис. 6, *6*) и рюмковидным сосудом из бесцветного очень тонкого стекла (рис. 12, *5*).

Оружие включает следующие изделия. 1) Топоры с расширенным лезвием (ЦХ-4—5, 6, 7) фиксируются в Цебельде с IV по VII в. 2) Кирковидное орудие (ЮХ-3—2; рис. 11, *11*), встречено в Цебельде впервые. 3) Обоюдоострые мечи (ЦХ-4—4, 5), сопровождаемые обычно набором портупейных пряжек (рис. 4, *22*, *24*; 5, *11—14*), колец (рис. 5, *15*), бляшек (рис. 4, *21*), гвоздиков (рис. 5, *17, 18*) и др., и ножнами, имеющими металлические украшения (рис. 5, *16*). Судя по комплексам, бытование этих мечей в Цебельде ограничивается рамками IV—VI вв., причем в третьей четверти VI в. они постепенно вытесняются однолезвийными мечами. 4) Однолезвийные мечи (ЦХ-4—5, 6, 7; ЮХ-3—2), сопровождаемые ножнами с металлической обкладкой (рис. 7, *22*, *22а*; 11, *9—14*), портупейными пряжками (рис. 7, *5*) и т. д., судя по комплексам, они появляются в Цебельде в середине VI в. 5) Наконечники копий 3 типов: а) с вытянутым пером со срединным ребром в первой его трети и гладкой тульей (ЦХ-4—4, 5), характерны для первой половины — середины VI в.; б) с двускатным пером без срединного ребра и граненой тульей (рис. 6, *18; 7, 20, 21*) — относятся ко второй половине VI в.; в) с 4-гранным корпусом и концевым острием (рис. 6, *19*) — вторая половина VI в. 6) Ножи зафиксированы во всех как мужских, так и женских захоронениях. 7) Железные наконечники стрел 3 типов: а) трехлопастные ромбические (рис. 4, *6—11, 13, 14, 16, 18—19*); б) трехлопастные килевидные (рис. 4, *12, 15, 17*) [8]; трехлопастные удлиненные (рис. 4, *20*); г) четырехгранные (рис. 5, *8*). Все эти наконечники, судя по комплексам (ЦХ-4—4, 5) датируются в Цебельде серединой — третьей четвертью VI в. 8) Умбоны конической формы (ЦХ-4—4, 5), иногда с длинным шипом (рис. 4, *31*); по комплексам датируются серединой — третьей четвертью VI в.

Фибулы можно разделить на следующие типы. 1) Дуговидные двучленные с круглой (рис. 1, *16*) или полукруглой (рис. 7, *3*) в сечении проволочной дужкой. Последний признак обычно характеризует фибулы первой половины VI в.[9] 2) Крестовидные: а) с дужкой круглой (рис. 1, *6—13*; 2, *2—4*; 3, *10—12*; 8, *6*; 13, *8*), полукруглой (рис. 2, *5*; 10, *9*) или массивной овальной в сечении (рис. 8, *10—14*; 9, *3*), гладкой (рис. 1, *7;* 3, *11;*

[8] Близкие к рассматриваемым килевидные трехлопастные с плечиками наконечники стрел были распространены в VII—IX вв. (А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв., САИ, Е1-36, М., 1966, стр. 59).

[9] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 109, рис. 4, *10*.

8, *6*) с проволочной обмоткой (рис. 1, *10*) или орнаментированной групповыми (рис. 1, *6, 8, 11, 14, 15*; 2, *2—5;* 3, *10, 12*; 8, *10, 11, 14*; 9, *3;* 10, *9*) или сплошными полукруговыми насечками (рис. 1, *9;* 8, *12*), с перекрестием, украшенным насечками (рис. 1, *14*), зубчиками (рис. 1, *6, 15*; 2, *1, 2*; 3, *10*), выемками (рис. 1, *11*; 2, *4, 5*), кружочками (рис. 8, *10—12*; 9, *3*), с подтреугольной или равномерной ширины обычно ограненной ножкой, к которой приклепана или реже прикручена подвязка. Как показывает анализ рассматриваемых погребений, этот тип фибул был характерен не только для второй половины V— первой половины VI вв.[10], но, постепенно изменяя свой облик, просуществовал до начала VII в; б) с 8-гранной в сечении массивной дужкой, с оформленной зубчиками (рис. 5, *5*) или фигурной (рис. 6, *8*) крестовиной, равномерной ширины ножкой и приклепанной подвязкой. Этот тип фибул, как показывают комплексы, бытовал в третьей четверти VI в.; в) с пластинчатой массивной спинкой с перекрестием, оформленным выемками, с ножкой равномерной ширины и приклепанной завязкой (рис. 4, *5*). Датировка — вторая половина VI в.[11]; г) с широкой пластинчатой спинкой, ярко выраженным перекрестием, орнаментированным кружочками, равномерной ширины ножкой и приклепанной завязкой (рис. 7, *2*), датируются второй половиной VI в.[12]; д) с массивной пластинчатой спинкой с продольным желобком снизу, треугольно расплющенной ножкой и приклепанной к нижней трети корпуса подвязкой (рис. 9, *2*; 10, *7*; 11, *8*), по основным признакам относятся уже к первой половине VII в.[13]; е) редкая форма с пластинчатой ступенчато расширяющейся спинкой (рис. 9, *4*); ж) с пластинчатой обычно прямой, иногда овальной (рис. 10, *8*) спинкой с приклепанной (рис. 10, *8*) или, реже, прикрученной к нижней трети корпуса подвязкой (рис. 12, *11, 12*) и треугольной ножкой, датируются обычно первой половиной VII в.[14]; з) с пластинчатой плоской (рис. 13, *5*; 14, *5*) или продольно ребристой (рис. 14, *4*) спинкой, короткой треугольной ножкой и приклепанной к середине корпуса подвязкой, датируются второй половиной VII в[15]. Фибула из погр. ЮХ-3—3 (рис. 12, *6*) занимает промежуточное место между последним и предыдущим типом фибул из Цебельды, следовательно может датироваться серединой VII в.; и) пластинчатая литая фибула в виде птицы, инкрустированная (хвост, крыло, глаз) цветным стеклом; ближайшая ей аналогия — гораздо менее эффектная «позднеримская (?)» птицевидная застежка из Восточного Средиземноморья[16].

Пряжки встречены лишь в мужских погребениях. Они распадаются на 6 типов: 1) прямоугольные пластинчатые (рис. 6, *13, 14*); 2) трапециевидные пластинчатые с вытянутым щитком с насечкой (рис. 4, *24*); 3) с округлым утолщенным впереди кольцом с зооморфной (рис. 4, *22*; 5, *14*), граненой (рис. 4, *23*), либо гладкой (рис. 5, *11, 12*; 7, *4, 6, 7*) иглой. К ним по форме примыкает портупейное колечко (рис. 5, *15*); эти пряжки обычны в Цебельде в комплексах второй половины V—VI в.[17]; 4) с полукруглым щитком и округлым утолщенным спереди кольцом (рис. 5, *12*); 5) с округлым слегка утолщенным спереди кольцом и щитком, украшенным плоской полихромной инкрустацией стеклом (рис. 5, *13*; 7, *5*), близкие по форме пряжки фиксируются уже с V в.[18] На длительное использование в Цебельде этого вида пряжек может указывать ремонт одной из них (рис. 7, *5*); 6) с овальным равномерной толщины кольцом

[10] Там же, стр. 107.
[11] Там же, стр. 110.
[12] Там же, стр. 110, рис. 4, *12*.
[13] Там же, стр. 110.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] J. Werner. Die Fibeln der Sammlung Diergardt. Völkerwanderungszeitlicher Schmuck. Berlin, 1961, s. 54, Taf. 49, 322.
[17] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 110.
[18] Там же, стр. 102, рис. 2, *13*.

и щитком с плоской, обычно монохромной инкрустацией цветным стеклом (рис. 11, *4, 5*), пряжки этого типа характерны для VII в.[19], в данном случае, по-видимому, для его первой четверти и должны быть связаны с восточносредиземноморским (византийским) производством, дающим сходные формы (в частности, из Сирии) [20]. Сечение язычков пряжек обычно полукруглое или уплощенное снизу. С поясными наборами связаны бронзовые фигурные накладки (рис. 7, *9—15*), ременные наконечники (рис. 6, *5*; 11, *6*) и др.

В связи с устанавливаемым фактом широкого распространения в памятниках Цебельды второй половины VI— первой половины VII в. изделий с инкрустацией большой интерес представляет уздечный набор, обнаруженный нами несколько лет назад под завалом у стен Цибилиума — центра Апсилии VI—VII вв., в 7 *км* восточнее рассматриваемого могильника. В состав набора входили железные удила со своеобразными «псалиями» и ряд бронзовых позолоченных предметов: один гвоздь (рис. 15, *5*), два ременных наконечника с инкрустацией (рис. 15, *3*, *4*), три прямоугольные инкрустированные бляшки (рис. 15, *13—15*), две инкрустированные бляшки сложной конструкции (рис. 15, *21*, *22*), 12 инкрустированных бляшек почковидной формы (рис. 15, *6—11*, *16—18*), два цилиндрических ребристых наконечника непонятного назначения (рис. 15, *19*, *20*) и пропеллеровидная пластина (рис. 15, *2*). Инкрустация исполнена темно-красными стекловидными вставками, положенными на золотую фольгу поверх белой пастовидной массы (рис. 15, *6*). 8-гранное оформление стержней, В-образная форма «псалий», полые захваты, общий характер бляшек, пропеллеровидная пластинка — все эти признаки свидетельствуют в пользу определения даты этого набора (вообще для Цебельды совершенно нехарактерного) приблизительно VII в. Общие условия находки исключают отнесение ее к погребению и должны быть связаны со штурмом крепости, во время которого голова коня с уздечкой была засыпана обломками стен и потому сохранилась.

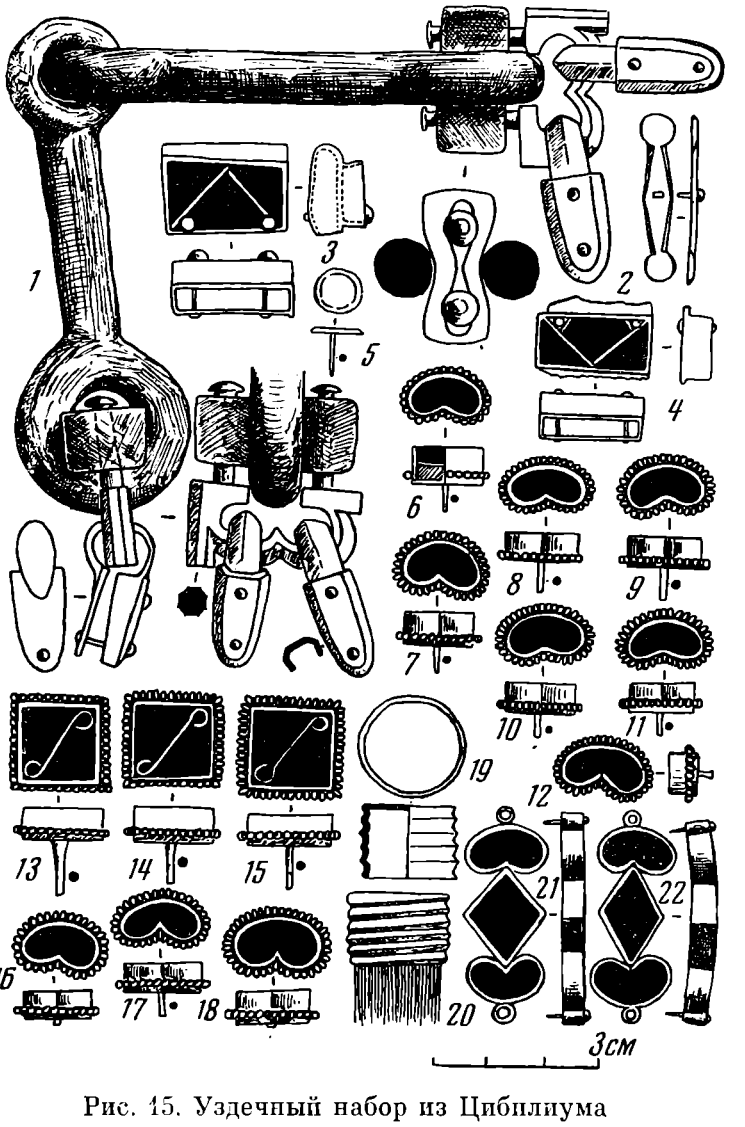


Рис. 15. Уздечный набор из Цибилиума

Браслеты зафиксированы лишь в женских погребениях. Они делятся на 5 типов: 1) круглопроволочные массивные с расплющенными концами, украшенными точечной и линейной

[19] Там же, стр. 110, рис. 6, *4*.

[20] J. Werner. Zu den donauländischen Beziehnungen des alamannischen Gräberfelds am alten Gotterbarmweg in Basel. Helvetia Antiqua, Zürich, 1966, S. 288, Abb. 2.

насечкой и угловыми врезами (рис. 8, *4*; 10, *11*; 12, *21*, *22*; 14, *8*); круглопроволочные массивные с обрубленными гладкими концами (рис. 9, *7*); 3) круглопроволочные массивные овальные с обрубленными, украшенными глубокими круговыми врезами концами (рис. 12, *23*); 4) пластинчатые с нечетным числом прямоугольных утолщений, с ямкой в центре, орнаментированные точечными дорожками (рис. 13, *11*, *12*); 5) тонкопроволочные с обрубленными концами (рис. 14, *9*). Все эти браслеты характеризуют VII в.

Серьги делятся на 7 типов: 1) с вытянуто-овальным кольцом, камнем в оправе, подвеской с грузиком и верхней застежкой (рис. 2, *7*, *8*), характерны для V — первой половины VI в.; 2) серьги или височные подвески с зажимом, петлями для подвесок и с камнем в оправе (рис. 3, *4*, *5*; 9, *5*), время бытования — VI — начало VII в.; 3) круглопроволочные либо ромбические (рис. 8, *7*) в сечении кольцевидные с припаянным снизу маленьким колечком (рис. 8, *7*, *9*; 9, *6*; 10, *12*) или без него (рис. 8, *8*; 10, *13*), датируются по комплексам первой половиной VII в.; 4) круглопроволочные с нижним уплощенным концом для припоя какого-то украшения (рис. 12, *15*, *16*), датируются по комплексам первой половиной — серединой VII в.; 5) круглопроволочные с припаянным снизу шариком, а ниже колечком (рис. 12, *15*, *16*), судя по комплексу, середина VII в.; 6) круглопроволочные, расплющенные в нижней части, где в отверстиях закреплены колечки с подвесками из бусин (рис. 13, *13—15*; 14, *10*, *11*), судя по комплексам, датируются второй половиной VII в.

Перстни 3 типов: 1) пластинчатые с припаянной пластинкой с камнем в оправе (рис. 3, *14*; 8, *5*) — середина VI — начало VII в.; 2) пластинчатые с припаянным щитком с печаткой (рис. 9, *8*; 14, *13—14*) — VII в. 3) цельнолитой с печаткой (рис. 14, *12*) — вторая половина VII в.

Бусы представлены 486 единицами, из них 19 хрустальных, 50 янтарных, три гешировых, две гагатовых, 56 стеклянных, 96 из стеклянной пасты, 225 сердоликовых, одна бронзовая, одна каменная и 33 раковины каури. Янтарные и сердоликовые бусины встречаются в наиболее поздних захоронениях, отличающихся вообще наибольшим количеством этих украшений (ЮХ-3—4,5).

Особняком стоит замечательный медальон с изображениями на обеих его сторонах: на лицевой (?) его стороне женская голова в профиль лицом к цветку, на оборотной стороне изображено животное кошачьей породы (рис. 12, *20*); материал: основа — олово, примеси — железо, медь, серебро и др. Найден медальон в комплексе середины VII в. среди предметов, по-видимому, пожертвованных покойнице близкими при погребении.

Из других украшений следует отметить колокольчики (рис. 13, *16*; 14,*17*), характеризующие комплексы главным образом второй половины VII в., двуспиральные подвески (рис. 1, *5*, *13*), относящиеся в данном случае к первой половине VI в., пластинчатые завитки (рис. 8,*16*; 14,*16*), подвеску из клыка на колечках (рис. 10,*10*), бронзовую «корзиночку» (рис. 10,*14*), по своему облику относящуюся к бляшкам, фиксируемым в Абхазии обычно с инвентарем скифского типа IV—III вв. до н. э.[21]

Набор туалетных инструментов состоит из стержня с лопаточкой или отогнутым затупленным острием. Обычно стержни круглые, орнаментированные круговыми врезами, подобно крестовидным фибулам первого типа (рис. 2,*6*; 3,*9*; 12,*9*,*10*; 13,*10*), или очень редко четырехугольные в сечении, гладкие (рис. 3,*9*); стержни подвешены на кольце. Обычно наборы бронзовые, но в одном случае он сделан из железа (рис. 2,*10*). Имели широкое распространение в VI—VII вв.

Игольники двух типов 1) кожаный с широким бронзовым двухслойным ободком сверху (рис. 13,*20*); 2) бронзовый с тремя рядами ребристых петель (рис. 3,*8*). Иглы в погребениях встречаются обычно

[21] Ю. Н. Воронов. Археологическая карта..., стр. 58, табл. XLV, 25.

в одном экземпляре, хотя однажды в погребении ЮХ-3—4 их было две (рис. 13,*18,19*).

Серебряная монета, найденная в погребении ЦХ-4—6 (рис. 6, 7) чеканена в Кесарии Каппадокийской в период правления императора Адриана (121—122 гг.). Ее описание [22]; дидрахма, вес — 5,5 *г*, на лицевой стороне надпись: ADPIANEC — CEBACTOC, голова Андриана в лавровом венке вправо; на оборотной стороне надпись ҮПАТОС Г — ПАТНР ПАТР, гора Агей, на вершине которой обнаженная фигура с жезлом и сферой в руках, слева звезда. Присутствие монеты начала II в. в погребении с инвентарем второй половины VI в. свидетельствует о том, что в районе Цебельды эти монеты иногда бытуют значительно позднее.

Таким образом, анализ погребального инвентаря, и в первую очередь фибул и пряжек, свидетельствует, что все описанные погребения должны быть отнесены суммарно к VI—VII вв. Комплексный анализ взаимовстречаемости всех элементов в погребениях позволяет предложить следующую последовательность рассмотренных погребений внутри этого хронологического диапазона: погр. ЦХ-4—1—рубеж V—VI — первая четверть VI в.; погр. ЦХ-4—2 — вторая четверть — середина VI в.; погр. ЦХ-4—3 — середина VI в.; погр. ЦХ-4—4, 5, 6, 7— середина — вторая половина VI в., погр. ЦХ-4—8— рубеж VI—VII вв.; погр. ЮХ-3—2— начало VII в.; погр. ЦХ-4—9— первая четверть VII в.; погр. ЦХ-4—10— вторая четверть VII в.; погр. ЮХ-3—3— середина VII в.; погр. ЮХ-3—4— третья четверть VII в.; погр. ЮХ-3—5—четвертая четверть — конец VII в.

I. N. Voronov, V. A. Youchine

NOUVEAUX MONUMENTS DE LA CIVILISATION DE TSÉBÉLDA EN ABKHAZIE

Résumé

Les nécropoles de la civilisation de Tsébélda en Abkhazie tiennent une place importante dans le système des monument du précoce Moyen Age de l'Europe Sud-Est. L'article contient la description de 14 tombes découvertes sur le territoire de 2 sépultures familiales dans la nécropole près de la forteresse Chapka au Sud-Est de la bourgade de Tsébélda et qui se rapportent aux VI—VII ss. L'article contient également la tentative d'une analyse chronologique détaillée des sépultures qui a permis de les dater avec l'approximation de 20—30 ans.

---

[22] К. В. Голенко. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л, 1964, стр. 98—99.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

РАСКОПКИ КУРГАНОВ у с. БИТЯГОВО в 1968—1970 гг.

В 1968—1970 гг. автором были произведены раскопки 26 курганов в группе у с. Битягово Домодедовского р-на Московской области. Ранее, до раскопок, в этой группе подмосковных курганов насчитывалось 65 насыпей, из которых 25 курганов было исследовано. (В 1930 г. В. А. Городцовым и в 1932 г. А. П. Смирновым). Оставшиеся в настоящее время в группе курганы испорчены при строительных работах или изрыты кладоискателями. В Битяговской курганной группе сосредоточены наиболее крупные по размерам насыпей курганы (высотой до 3,4 *м*). Все раскопанные в группе курганы дали погребения с трупоположениями.

Кург. 1, высота 0,9 *м*. Погребение на материке головой на запад, руки вдоль корпуса. Погребение женское. На левой руке погребенной медный проволочный витой браслет (1 × 3), на правой — литой ложновитой сомкнутый бронзовый браслет и серебряный широкосрединный перстень. У кости голени правой ноги медный рубчатый перстень. У стопы левой ноги горшок с линейным орнаментом, сделанный на кругу, без клейма на днище (рис. 2, *3*). На фалангах пальцев левой руки три перстня: литой рубчатый, широкосрединный сомкнутый (рис. 1,*18*) и широкосрединный завязанный (рис. 1, *8*). На пальцах правой руки два перстня: широкосрединный сомкнутый (рис. 1, *20*) и литой с плоским квадратным щитком (рис. 1, *21*). На правом виске были два семилопастных височных кольца без петель (типа рис. 3, *3*), одно из них на куске кожи и одно пятилопастное кольцо (рис. 3, *5*). На левом виске лежали четыре вятических семилопастных височных кольца, из которых одно с петельками по сторонам щитка (рис. 3, *7*), другое без них (рис. 3, *3*) и третье малое с надетой на дужку шаровидно-уплощенной стеклянной бусиной (рис. 3, *2*), четвертое миниатюрное пятилопастное (типа рис. 3, *5*). На шее погребенной ожерелье из медной трефовидной подвески (типа рис. 3, *20*), трех крупных шаровидных бус из белого прозрачного стекла, одной стеклянной витой бусины, 13 сердоликовых бипирамидальных бусин, трех серебряных бипирамидальных бусин и, по-видимому, найденного в области груди медного бубенчика с линейной прорезью, который мог служить и пуговицей для застегивания ворота одежды. Под височными кольцами был найден хорошо сохранившийся остаток шерстяной ткани с геометрическим узором, выполненным в бранной технике.

Кург. 2, высота 0,5 *м*. Погребение женское на горизонте, головой на запад. При нем три вятических семилопастных височных кольца и обломки четвертого разрушенного кольца (типа рис. 3, *1*). На груди две шаровидные бусины из горного хрусталя, а в ногах глиняная миска с орнаментом линейным и нанесенным зубчатым колесиком (рис. 2, *2*). В насыпи кургана обломки еще одного горшка с орнаментом, тоже нанесенным зубчатым колесиком и куски угля.

Кург. 3, высота 1 *м*. Погребение мужское на глубине 0,8 *м* на спине, головой на запад, руки погребенного вытянуты вдоль корпуса. На левом

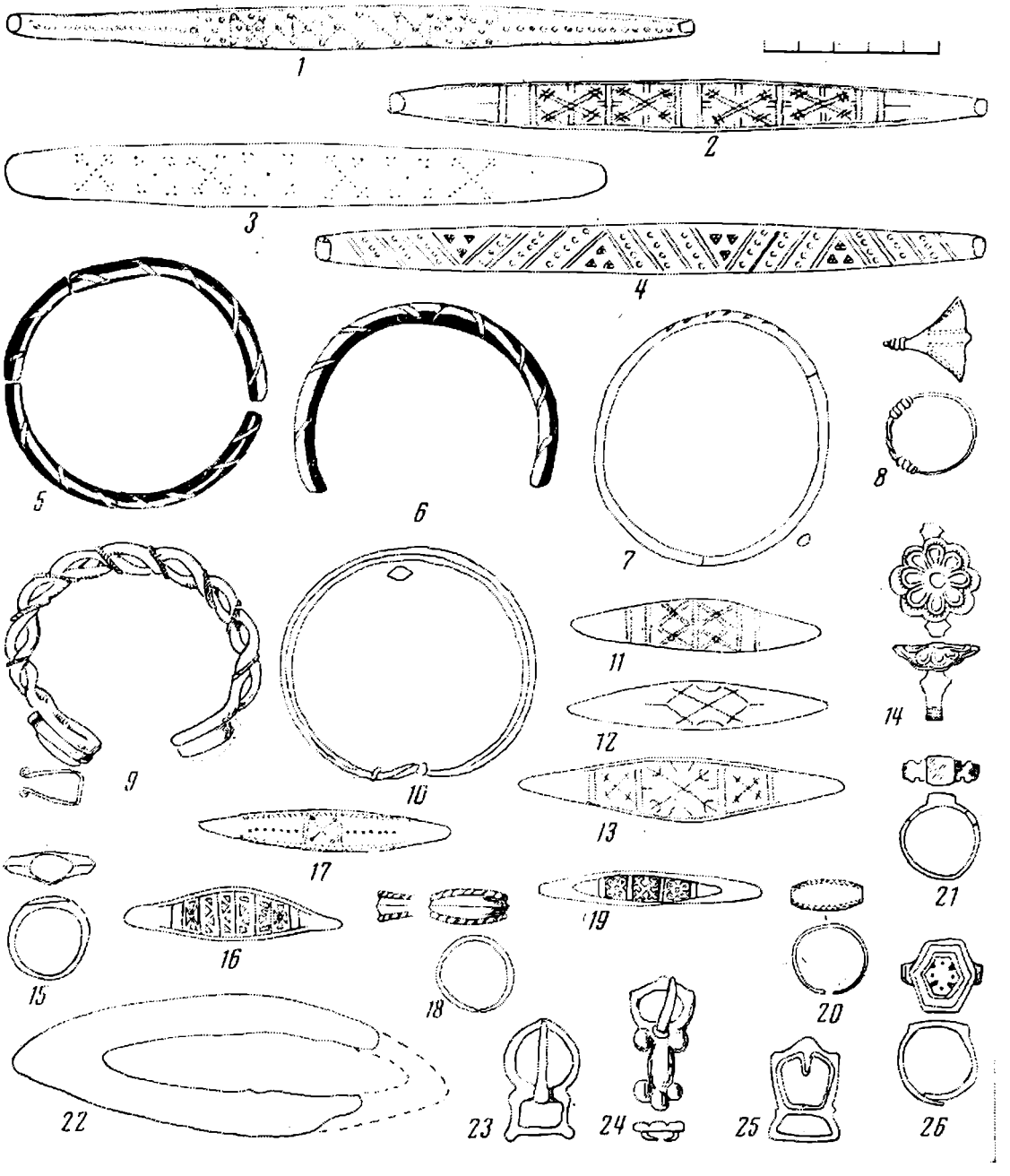


Рис. 1. Находки из Битяговских курганов.

1 (кург. 26); *2* (кург. 6); *3* (кург. 5); *4* (кург. 7); стеклянные браслеты: *5, 6* (кург. 5); рубчатый браслет — *7* (кург. 5); плетеный браслет — *9* (кург. 14); ложнозавязанный браслет — *10* (кург. 18); перстни: *15* (кург. 5); *8, 18, 20, 21* (кург. 1); *11* (кург. 4); *12* (кург. 6); *13* (кург. 9); *14, 26* (кург. 25); *16* (кург. 15); *17* (кург. 21); *19* (кург. 26); кресало — *22* (кург. 18); пряжки: *23* (кург. 18); *24* (кург. 21); *25* (кург. 25)

виске найдена медная проволочная серьга в полтора оборота (рис. 3, *21*).

Кург. 4, высота 1,8 *м*. Погребение женское на горизонте, головой на запад. Справа от черепа два вятических височных кольца и одно перстнеобразное височное колечко с заходящими концами. На другом виске четыре вятических височных кольца (все они типа, изображенного на рис. 3, *9*) и второе перстнеобразное височное колечко. В области шеи были две бусины: одна шаровидная из горного хрусталя, а другая сердоликовая бипирамидальная. На левой руке два перстня: пластинчатый широкосрединный (рис. 1, *11*) и решетчатый, шестирядный.

Кург. 5, высота 0,7 *м*. Курган находится на склоне, поэтому, погребение положено на горизонтальном уступе, вырезанном в материке на глубине 1,3 *м* от вершины кургана. Под насыпью кургана женское погребение, головой на запад. Левая рука вытянута, правая полусогнута

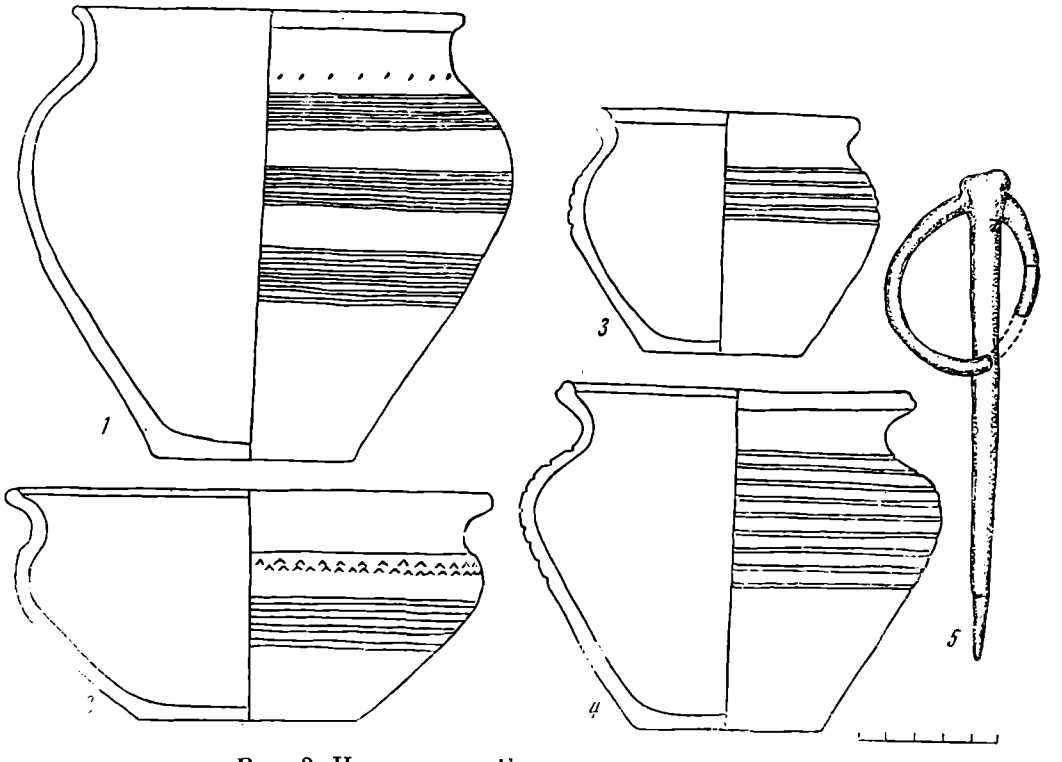


Рис. 2. Находки из Битяговских курганов.

1 (кург. 9); *3* (кург. 1); *4* (кург. 17); миска — *2* (кург. 2); железный штырь с кольцом — *5* (кург. 20)

в локте. По-видимому, это скелет подростка. При нем в области шеи лежали 19 зонных бус из голубого стекла, 13 бус боченковидной формы из того же материала, 20 бус той же формы из черного стекла и 22 бисерины, которые составляли ожерелье. На правой руке медный пластинчатый браслет с сомкнутыми концами (рис. 1, *3*), а на левой — два гладких черного стекла браслета с желтой спиральной оплетой (рис. 1, *5, 6*). На пальце левой руки медный литой перстень с овальным щитком (рис. 1, *15*).

Кург. 6 высота 1,9 *м*. В южной поле кургана находилось женское погребение на глубине 1,7 *м* в узкой могильной яме. Скелет оказался положенным на левый бок, головой на запад. При нем были найдены с левой стороны черепа два вятических трехлопастных подзорчатых височных кольца (рис. 3, *10*), сильно разрушенное семилопастное кольцо с орнаментом на лопастях (рис. 3, *12*) и медный пластинчатый широкосрединный перстень (рис. 1, *14*). С правой стороны черепа тоже находилось височное семилопастное кольцо (рис. 3, *16*) и стеклянная зонная бусина. На левую руку был надет медный проволочный браслет 3×2 и медный решетчатый шестирядный перстень. На правой руке были два браслета: медный пластинчатый с завернутыми концами (рис. 1, *2*) и проволочный витой (2×3). У стопы правой ноги медный литой рубчатый перстень. Основное погребение (по-видимому, мужское), которое располагалось в центре кургана на уровне горизонта,— не сохранилось.

Кург. 7, высота 0,5 *м*. Погребение на горизонте, головой на запад. Костяк оказался разрушенным. На остатках костяка на левой руке медный пластинчатый браслет (рис. 1, *4*).

Кург. 8, высота 0,85 *м*. Он был частично разрушен кладоискателями. В нем находилось погребение мужчины на горизонте, головой на запад. По сведениям местных жителей, при погребенном были два горшка размещавшиеся в ногах.

Кург. 9, высота 0,9 *м*. Погребение (женское) было в могильной яме размером 180×50 *см* и глубиной 90 *см*. Костяк лежал на спине, головой

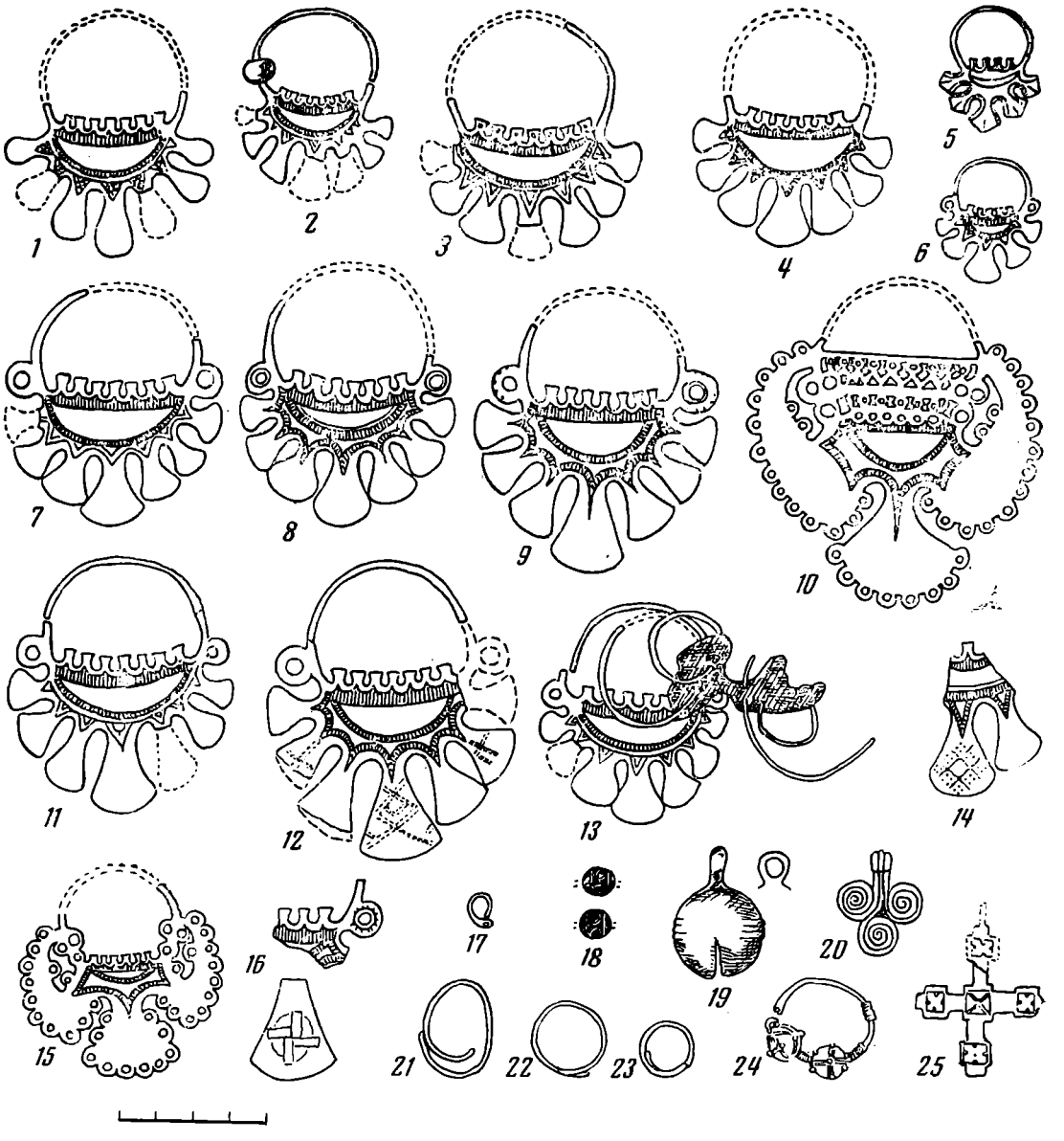


Рис. 3. Находки из Битяговских курганов.

2, 3, 5, 7 (кург. 1); *1* (кург. 2); *10, 12, 16* (кург. 6); *9* (кург. 11); *4* (кург. 15); *8, 13, 14* (кург. 17); *6, 18* (кург. 18); *11* (кург. 21); *15* (кург. 22); проволочная петелька — *17* (кург. 18); бубенчик — *19* (кург. 15); трефовидная подвеска — *20* (кург. 15); серьги: *21* (кург. 3); *22* (кург. 4); *23* (кург. 18); нательный крест — *25* (курган из раскопок А. П. Смирнова 1932 г.)

на запад, руки погребенной были вытянуты вдоль корпуса. На правой руке медный витой проволочный браслет (2×4) и пластинчатый широкосрединный перстень с заходящими концами (рис. 1, *13*), а на левой руке медный кольчужного плетения браслет с двумя гнездами на концах для стеклянной пасты. Под браслетом кусок шерстяной ткани с остатками вышивки. На этой же руке решетчатый четырехрядный перстень. У ступни правой ноги глиняный горшок с линейным и ямочным орнаментом, на дне которого плохо различимое клеймо в виде треугольника (рис. 2, *1*). В основании насыпи кургана обломки еще одного разбитого горшка с линейным орнаментом над могильной ямой.

Кург. 10. Погребение не сохранилось.

Кург. 11, высота 1, 3 *м*. Основное погребение кургана мужское, на горизонте головой на запад с отклонением к югу, руки вытянуты вдоль корпуса. При погребенном одно поясное железное кольцо с остатками ремня. Вводное погребение женское, размещалось в южном поле кургана на той же глубине, что и основное погребение. Ориентировано головой на запад.

При костяке у черепа находилось шесть вятических семилопастных височных кольца (рис. 3, *9*). На правой руке медный витой браслет (1×3).

Кург. 12, высота 1,26 *м*. Погребение в центре кургана на материке, головой на запад, левая рука вытянута вдоль корпуса, правая полусогнута. С правой стороны черепа два перстнеобразных височных кольца, а с левой — одно. На левой руке погребенной (молодой девушки) два медных проволочных витых браслета (2×3) и решетчатый шестирядный перстень. На правой руке такой же браслет, рубчатое литое кольцо и медный широкосрединный сомкнутый перстень с прорезным щитком (рис. 1, *16*).

Кург. 13, высота 1,2 *м*. Под центральной частью насыпи кургана два костяка, лежащие один над другим, оба несколько выше уровня горизонта, головами на запад. Нижнее, основное погребение, женское, верхнее впускное — мужское. На правой руке женского костяка серебряный ложновитой литой браслет и два рубчатых литых медных перстня. У черепа четыре или шесть частично разрушенных вятических семилопастных кольца (типа рис. 3, *1*). На шее найдено ожерелье из девяти сердоликовых бипирамидальных и 10 шаровидной формы стеклянных бусин из прозрачного белого стекла. В этом ожерелье, кроме того, были зонная бусина из зеленого стекла, зонная бусина из фиолетового стекла и двойная бусина из того же материала. У локтя левой руки обрывки железной цепочки с восьмеркообразными звеньями, в составе которой медное колечко. При костяке вводного погребения была медная пряжка от поясной сумки, обнаруженная на тазовых костях, а у стопы правой ноги — глиняный горшок.

Кург. 14, высота 1,7 *м*. Под центральной частью кургана основное мужское погребение. Оно лежало на горизонте, головой на запад и руки находились на тазовых костях. Находок при мужском погребении нет. В северном поле кургана было вводное погребение девочки на глубине 1,4 *м*. Правую руку девочки украшал проволочный витой браслет, левую — серебряный проволочный плетеный браслет с гнездами на концах для синей стекловидной пасты. Браслет оплетен тонкой двойной перекрученной проволочкой. (рис. 1, *9*).

Кург. 15, высота 2,1 *м*. Под насыпью кургана два погребения: основное на уровне горизонта и вводное в южной поле кургана на глубине 1,05 *м*. Основное погребение сохранилось плохо. Вещей при нем нет. По-видимому, это было погребение мужчины, головой на запад. Вводное погребение женское, тоже головой на запад. Справа от черепа находилось два вятических семилопастных кольца (типа рис. 3, *4* и 3, *3*) и трефовидная привеска (рис. 3, *20*), на левой стороне черепа еще два височных кольца (рис. 3, *4* и типа рис. 3, *3*). На шее ожерелье из пяти бипирамидальных сердоликовых бусин, медной сферической полой бусины, составленной из двух половинок, биконической бусины из голубого непрозрачного стекла и трех шаровидной формы бусин из белого прозрачного стекла. Тут же в области груди обломок железной дужки от деревянного ведерка. У головки бедренной кости правой ноги найден большой медный бубенчик с линейной прорезью (рис. 3, *19*) и гладкое литое колечко. С внутренней стороны бедренной кости левой ноги обломок гладкого литого браслета.

Кург. 16, высота 1,3 *м*. В центральной части кургана на материке, головой на запад, мужское погребение. Левая рука погребенного полусогнута в локте. Правая не сохранилась. В области таза два медных поясных кольца.

Кург. 17, высота 2 *м*. В нем два погребения. Основное погребение на материке в центре кургана — мужское, головой на запад, с вытянутыми вдоль корпуса руками. Вводное женское погребение в северной поле кургана на глубине 1,7 *м* от вершины кургана. Руки погребенной вытянуты вдоль корпуса. При мужском погребении слева от черепа

находилась серебряная проволочная серьга в полтора оборота, на животе железное поясное кольцо. В ногах стоял глиняный горшок с линейным орнаментом, сделанный на кругу, и лежал обломок серпа. При вводном женском погребении с правой стороны черепа было два вятических семилопастных кольца (рис. 3, *8, 14*), с левой стороны еще два таких же кольца и несколько перстневидных височных колечек, закрепленных на полоске кожи (рис. 3, *13*). На шее ожерелье из 14 сердоликовых бипирамидальных бусин, серебряной бипирамидальной бусины, четырех шаровидных бусин из горного хрусталя и одной стеклянной. В ожерелье была бусина дисковидной формы из перламутра. На левую руку погребенной надето гладкое литое колечко.

Кург. 18, высота 2,8 *м*. Под насыпью кургана два погребения: основное на материке — мужское, головой на запад, вводное погребение — в южной поле кургана на глубине 2,6 *м* — женское, тоже головой на запад. Последний костяк сохранился плохо. При мужском погребении найдена на черепе проволочная серьга (рис. 3, *23*). На тазовых костях были два медных поясных кольца с остатками ремня. С левой стороны на поясе пряжка от сумки (рис. 1, *23*), рядом кусок ручки от ножа и овальное кресало (рис. 1, *22*). На ногах остатки сильно разрушенной кожаной обуви. При женском костяке, у черепа, три вятических височных семилопастных кольца (типа рис. 3, *9*), два малых пятилопастных кольца (рис. 3, *6*) и одно серебряное трехбусинное кольцо (рис. 3, *24*). На шее ожерелье из 41 сердоликовой бипирамидальной бусины, пяти сердоликовых бусин шаровидной формы, украшенных узорами белого цвета в виде колечек (рис. 3, *18*), двух колечек из серебряной проволоки (рис. 3, *17*) и медного бубенчика с линейной прорезью. На правой руке погребенной серебряный литой ложнозавязанный браслет (рис. 1, *10*), а на левой — медный проволочный витой браслет (1×3) с разрушенными концами.

Кург. 19, высота 2,1 *м*. В центре кургана на материке погребение мужчины, головой на запад, с вытянутыми вдоль корпуса руками. На его тазовых костях медное поясное кольцо.

Кург. 20, высота 2,4 *м*. В центре на горизонте, головой на запад, мужское погребение. При нем встретилось бронзовое поясное кольцо с остатками кожаного ремешка, рядом небольшое бронзовое колечко у головки бедренной кости правой ноги с внутренней стороны. Тут же второе поясное железное кольцо и штырь с кольцом наверху (рис. 1, *5*) [1]. Рядом была небольшая железная пряжка. Погребение лежало между двумя толстыми дубовыми плахами, поставленными на ребро. Толщина каждой около 10 *см*. Они сохранились в длину на 70—80 *см*.

Кург. 21, высота 3,4 *м*. Это один из самых высоких курганов в группе. В нем два погребения — вводное женское в северной поле кургана на глубине 1,35 *м* с плохо сохранившимся костяком, ориентированным головой на запад, и мужское, (основное), на материке в центре кургана, головой на запад. При женском погребении на шее было ожерелье из 10 бусин шаровидной формы из горного хрусталя, 10 сердоликовых бусин и обломок стеклянной бусины шаровидной формы из белого прозрачного стекла. В области поясницы, у левой руки, была железная цепочка длиной до 10 *см* из крупных звеньев (одно из них медное), а ниже, у тазовых костей, небольшой железный черешковый нож. На пальцы левой руки было надето литое рубчатое кольцо и решетчатый двухрядный перстень. На правой руке медный широкосрединный перстень с орнаментом (рис. 1, *17*) и гладкое колечко. Рядом крупный медный бубенчик с линейной прорезью. У черепа два вятических височных кольца типа изображенного на рис. 3, *13*. При мужском погребении у поясницы с ле-

---

[1] Л. А. Голубева называет эти предметы вилками (Л. А. Голубева. Назначение железных игол с кольцами. СА, 1971, 4, стр. 114 сл.). Автор полагает, что это предположение Л. А. Голубевой осталось недоказанным.

вой стороны найдены пряжка от кожаной сумки (рис. 1, *24*). На тазовых костях медное поясное кольцо. Справа от тазовых костей нож с разрушенной деревянной рукоятью, а на месте сумки или в ней (с левой стороны) — шило. У стопы правой ноги медный бубенчик с линейной прорезью. На стопе той же ноги остатки кожаного сапога с короткими голенищами и ремешком для подвязывания его к ноге. У сапога берестяной задник.

Кург. 22, высота 1,5 *м*. Под насыпью кургана два погребения: основное, мужское, и вводное, женское. Мужское погребение в центре кургана на материке, головой на северо-запад, руки вытянуты вдоль корпуса. Женское погребение в южной поле кургана на глубине 0,95 *м* от вершины кургана головой тоже на северо-запад, руки вытянуты. При мужском погребении два медных поясных кольца, на одном из которых остатки кожаного ремня и рядом с ними на тазовых костях медная пряжка с неподвижным язычком от кожаной сумки. При женском погребении были найдены у черепа два вятических семилопастных кольца (типа рис. 3, *9*), а на правом виске еще и трехлопастное подзорчатое височное кольцо (рис. 3, *15*). Медный браслет кольчужного плетения со стеклянными вставками на концах был на левой руке, а на фаланге пальца правой руки — решетчатый четырехрядный перстень. Под височными кольцами обнаружены остатки шерстяной ткани полотняного переплетения типа пестрядины, у которой в утке и в основе употреблены нити растительного и животного происхождения. Там же был кусок шерстяной тесьмы, шедший на украшение одежды. Третий образец — это кусок шерстяной ткани с меандровым орнаментом.

Кург. 23, высота 0,9 *м*. Под насыпью кургана мужское погребение в могильной яме глубиной около 1 *м*, головой на запад, без вещей. В насыпи кургана обломок горшка, сделанного на кругу, без орнамента.

Кург. 24, высота 1,2 *м*. В кургане погребение мужчины на горизонте, головой на запад, руки вытянуты вдоль корпуса. На пояснице два медных литых поясных кольца. Между тазовыми костями и костью левой руки медная пряжка от кожаной поясной сумки, рядом железный нож с остатками дерева на черешке.

Кург. 25, высота 1,6 *м*. Основное погребение в кургане мужское, в центре кургана на материке, головой на запад. Руки вытянуты вдоль корпуса. При погребенном найдены два железных поясных кольца и пряжка от сумки. В южной поле кургана было вводное женское погребение на глубине 1,2 *м* головой на ЗСЗ. Левая рука вытянута вдоль корпуса, правая полусогнута в локте. У черепа погребенной вятическое височное кольцо типа рис. 3, *9*. В области шеи были найдены две бипирамидальные сердоликовые бусины и бочонковидная стеклянная бусина. На правой руке был медный витой проволочный браслет (2×3) и перстень с шестиугольным щитком, на котором изображен крестообразный рисунок (рис. 1, *25*). На левой руке проволочный витой браслет (1×3) и два перстня: один рубчатый литой и другой со щитком в виде розетки (рис. 1, *14*).

Кург 26, высота 2 *м*. В нем должны были быть два погребения: основное (мужское), которое разрушено кладоискателями и остатки которого нам обнаружить не удалось, и вводное (женское), которое оказалось в северной поле кургана на глубине 1,05 *м*. Костяк лежал головой на северо-запад, руки вытянуты вдоль корпуса. На месте плохо сохранившегося черепа три вятических семилопастных кольца типа рис. 3, *3, 8*. На шее перевитая серебряная гривна с пластинчатыми концами и ожерелье из 14 бипирамидальных сердоликовых бусин и 10 шаровидных из горного хрусталя. На правой руке пластинчатый браслет с завернутыми концами (рис. 1, *1*), а на левой два перстня: пластинчатый с крестовидными узорами (рис. 1, *19*) и решетчатый четырехрядный. На правой стороне груди железный черешковый ножичек.

Раскопки, проведенные в Битяговской курганной группе, позволили датировать наиболее ранние из раскопанных курганов (кург. 2) концом XI в., а наиболее поздние (кург. 6 и 22) второй половиной XIII—началом XIV в. Все курганы в группе насыпаны для одиночных погребений, вторые погребения в курганах все вводные и, как правило, женские. Характерная черта мужских захоронений этой группы — проволочные сережки, которые носили в мочке левого уха. Находки стеклянных браслетов в погребении, в котором не было характерных вятических украшений взрослой женщины, позволяют предполагать, что украшения этого типа носили преимущественно незамужние женщины и девушки. Все погребения в группе совершены по христианскому обряду, что доказывает наличие в отдельных курганах группы нательных крестов (рис. 3, *25*). Отмечается, что в захоронении вещи клали иногда символически; например, вместо полного ожерелья помещали только несколько бус. В погребения наряду с предметами современными погребенным иногда помещали и украшения, мода на которые прошла, более древние.

Часто помещали с погребенными и поломанные вещи, например височные кольца, перстни. Отмечается, что пластинчатые широкосрединные перстни женщины носили преимущественно на правой руке, а решетчатые — на левой. Что касается соответствия курганной группы месту поселения, то многочисленные наблюдения, так же как и пример Битяговской курганной группы, показывают, что курганы располагались в непосредственной близости от территории поселения в удалении не более 200—300 *м* и на том же берегу реки, что и поселение. Древнее поселение при Битяговской курганной группе располагается на территории современного с. Битягово у церкви.

R. L. Rozenfeldt

FOUILLES DES TUMULUS PRÈS DU VILLAGE BITIAGOVO EN 1968—1970

Résumé

Dans la publication il est question des fouilles de 26 tumulus près du village Bitiagovo dans le district de Moscou. Il s'agit des tumulus de Viatitchi, de la fin du XI — la deuxième moitié du XIII siècles. L'usage funéraire consiste à mettre le cadavre sur le dos, la tête à l'Ouest, généralement au niveau de sol d'autrefois. Parmi les trouvailles les plus importantes sont celles des anneaux de tempe et, quant aux sépultures masculines, des boucles d'oreilles. Il est intéressant de noter dans une sépulture de la jeune fille des bracelets en varre et dans hombre de cas a mise avec les défunts des enjolivements cassés. Dans une sépulture masculine on a trouvé un pivot à l'anneau qui est considéré comme une fibule de ceinture.

К. Б. ПАВЛОВА, П. А. РАППОПОРТ

ГОРОДИЩЕ ОСОВИК

Городище у с. Осовик уже давно упоминается в научной литературе. В 1918 г. здесь провел небольшие раскопки рославльский археолог-краевед С. М. Соколовский. Материалы этих раскопок были опубликованы несколько позже А. Н. Лявданским [1]. В послевоенные годы городище было обследовано Е. А. Шмидтом и Ф. М. Заверняевым [2]. Опубликованные материалы не оставляли сомнений в том, что городище представляет собой остатки небольшого древнерусского города. Несколько неясными оставались хронологические рамки поселения, хотя наличие слоя XII—XIII вв. не вызывало сомнений. Исследователи отмечали, что поблизости от городища имеется селище с лепной керамикой, и высказывали предположение о существовании на детинце городища нижней прослойки культурного слоя, также связанного с наличием лепной керамики.

В 1969 г. на городище были проведены археологические раскопки, позволившие значительно уточнить данные об этом замечательном памятнике [3].

Городище расположено у северной окраины с. Осовик (Дубровский район Брянской области), на высоком правом берегу Десны. Площадка городища возвышается над поймой реки примерно на 16 *м* и обрывается крутыми склонами — на востоке в пойму Десны, а на западе в долину речки Серебрянки (рис. 1). Городище состоит из двух площадок: детинца и окольного города. Очень маленький детинец имеет в длину (вместе с валом) всего 35 *м* при наибольшей ширине до 30 *м*. Вал детинца сильно оплыл, но все же имеет до 2 *м* высоты. Примерно такую же глубину имеет ров детинца. Площадка окольного города значительно больше по размерам: ее длина, не считая вала, достигает 100 *м* при ширине до 120 *м*. Вал окольного города хорошо сохранился и имеет в высоту более 4 *м*, а глубина рва перед этим валом — более 3,5 *м*. С наружной стороны рва сохранился очень невысокий (менее 1 *м* высотой) дополнительный вал. Городище ничем не застроено, не распахивается и свободно от деревьев; восточный край его несколько поврежден окопами времен Великой Отечественной войны. На западном краю городища имеется участок, подмываемый речкой; здесь в обрезе культурного слоя встречаются человеческие кости.

---

[1] А. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Смаленшчыне. Працы, 3, Менск, 1932, стр. 7. По данным А. Н. Лявданского, городище было приведено в работе: П. А. Раппопорт. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV веков. Л., 1967, стр. 236.

[2] Е. А. Шмидт и Ф. М. Заверняев. Археологические памятники бассейна верхней Десны. Материалы по изучению Смоленской области, 3. Смоленск, 1959, стр. 208.

[3] Раскопки проведены Отрядом по изучению древнерусских жилищ Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Начальник отряда — П. А. Раппопорт, заместитель — К. В. Павлова, лаборанты — Р. Аликов, О. Дугаев, Ю. Евдокимов, С. Емельянов, Н. Мачерет, В. Шпиренок, В. Щелканов.

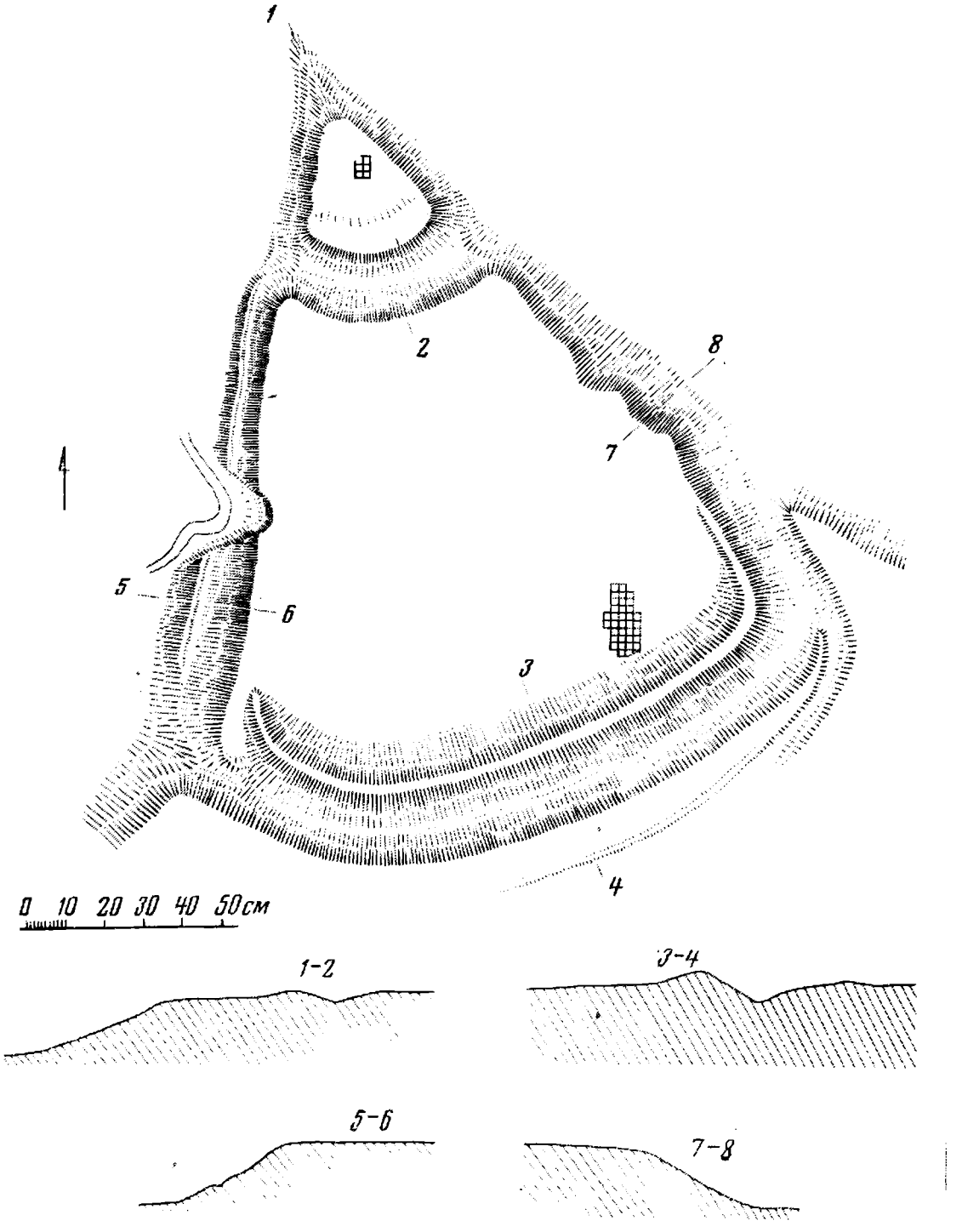


Рис. 1. План городища Осовик

На городище были заложены два раскопа: раскоп I площадью 140 $м^2$ в юго-восточной части окольного города и раскоп площадью 20 $м^2$ в центральной части детинца. Раскопки показали, что городище — памятник, целиком относящийся к XII—XIII вв. Никаких культурных напластований более раннего или более позднего времени здесь не обнаружено. Селище с лепной керамикой, расположенное на 400—500 *м* ниже по Десне, оказалось никак не связанным с городищем и относится к середине или третьей четверти I тысячелетия н. э. Отдельные находки такой же керамики были сделаны и на детинце городища, но слоя этого времени здесь не обнаружено. На городище были найдены также два глиняных грузила и каменный топор эпохи бронзы. Очень возможно, что к

эпохе бронзы относилось и то курганное погребение на площадке окольного города, которое было раскопано в 1918 г. С. М. Соколовским [4]. Все находки более раннего времени (эпоха бронзы и I тысячелетия н. э.) на городище единичны.

Культурный слой городища отличается превосходной сохранностью: он не перемешан, не поврежден и насыщен значительным количеством древних материалов. Культурный слой имеет темный, почти черный цвет, начинается непосредственно под дерном и залегает до глубины 60—80 *см*. Ниже лежит слой серой земли без культурных включений — древняя почва, образовавшаяся до основания поселения. На окольном городе этот предматериковый слой имеет толщину не более 10 *см*, а на детинце местами значительно утолщается. Материк — светлый суглинок, ниже переходящий в красноватую глину.

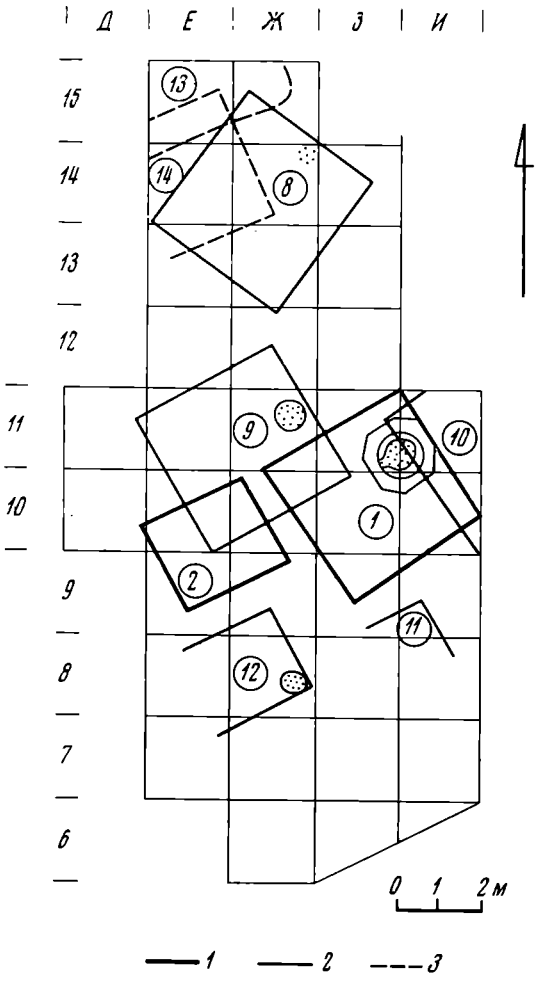


Рис. 2. Раскоп I. Схема расположения жилых и хозяйственных построек

Строительные горизонты: *1* — верхний; *2* — средний; *3* — нижний

На участке раскопа, примыкающем к оборонительному валу окольного города, удалось установить что культурный слой не заходит под вал и, таким образом, укрепления были основаны на необжитой территории, одновременно с основанием поселения.

В раскопе на окольном городе было вскрыто несколько жилых и хозяйственных построек. Остатки одной жилой постройки были обнаружены также в раскопе на детинце. Все жилые постройки наземные, срубные. От их стен кое-где сохранились остатки сгоревших или наполовину обгоревших бревен, а иногда неглубокие канавки-отпечатки нижних бревен срубов в земле. Полы подмазывались глиной, а поверх глины настилались доски. Дерево, которое использовалось в строительстве,— сосна и, частично, ель. Печи круглые глиняные с подом, расположенным на уровне пола. Иногда печи подняты на деревянных (срубных) забитых глиной опечках. Там, где поверх разрушенных жилищ не было возведено никаких более поздних построек, удалось определить, что развал жилищ сверху перекрыт тонкой глиняной прослойкой, очертания которой более или менее совпадают с планом сооружения. Иногда этот верхний завал глины позволял даже определять (хотя бы приблизительно) границы постройки в тех случаях, когда плохая сохранность стен и пола не давали возможности этого сделать. Очевидно, такая глиняная прослойка представляет собой остатки глиняной подмазки крыши. Хозяйственные постройки — наземные, деревянные — по конструкции близки жилым. От жилищ они обычно отличались меньшими размерами, отсутствием печи и глиняной подмазки крыши.

Постройки, раскопанные на площадке окольного города, удалось расчленить на три строительных горизонта (рис. 2). Основанием для такого

[4] См. А. Ляўданскі. Ук. соч., стр. 7.

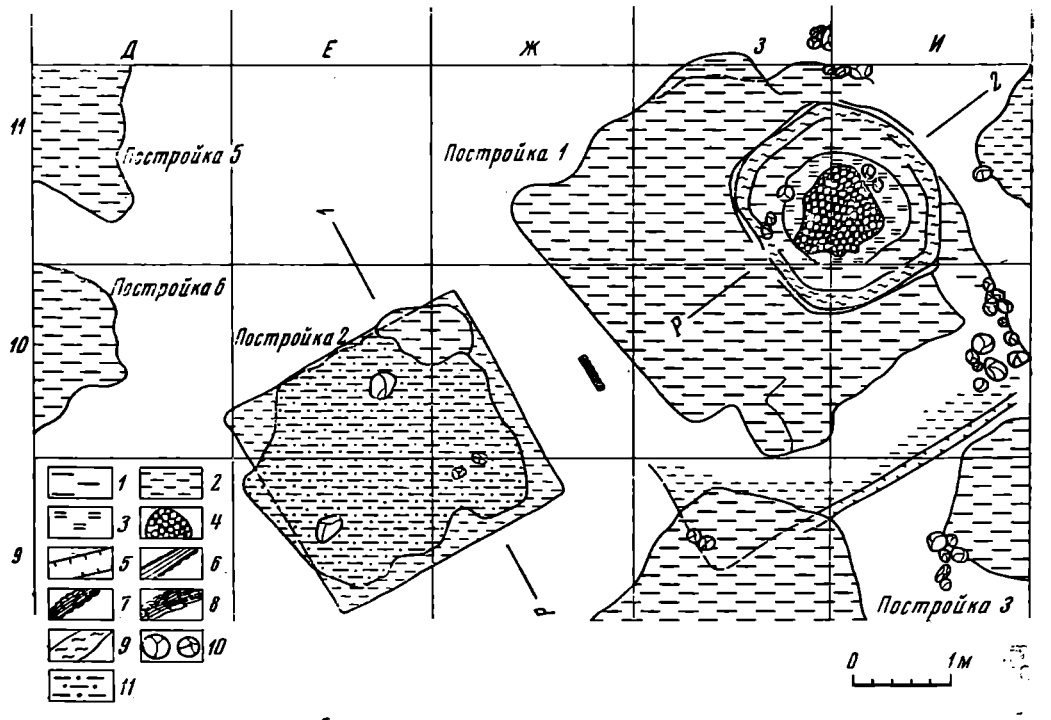
разделения были стратиграфические наблюдения, а также то обстоятельство, что все постройки среднего горизонта имеют явные следы пожара, тогда как постройки верхнего горизонта не горели.

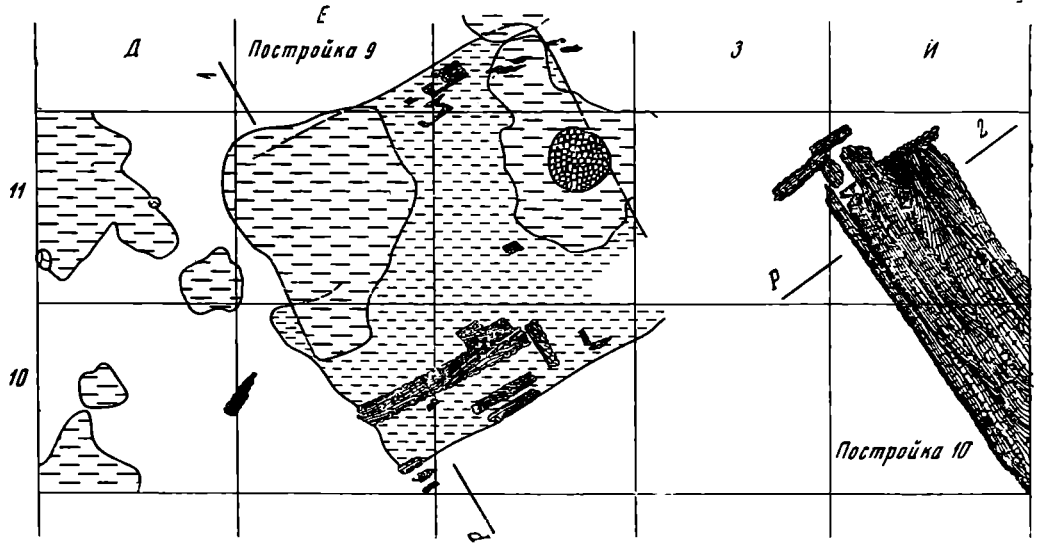
В верхнем горизонте (рис. 3, верхний) были целиком вскрыты две постройки — жилая (постр. 1) и хозяйственная (постр. 2). Помимо этого в верхнем горизонте было обнаружено несколько плохо сохранившихся сооружений, расположенных по краям раскопа. Характер этих сооружений не удалось определить.

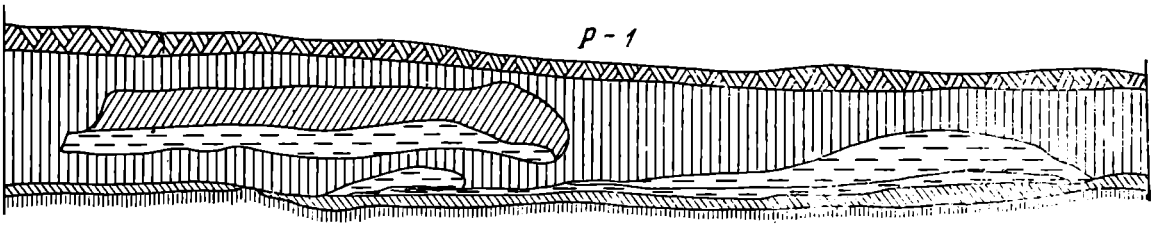
Постройка 1. В основании постройки лежит тонкая глиняная подмазка. Она плохо сохранилась; местами ее толщина менее 1 *см*, а местами она вообще отсутствует. Тем не менее пятно глиняной подмазки все же ограничивает площадь постройки достаточно определенно. Поверх глины почти всюду прослеживаются следы древесной трухи — очевидно, остатки деревянного пола. Южный угол постройки и ее юго-восточная и юго-западная границы определены более точно, так как здесь сохранилась канавка от бревна нижнего венца сруба, а на одном из участков юго-западной стены — даже остатки сгнившего бревна. Близ углов постройки почти всюду лежат скопления камней, очевидно развалившиеся стулья — каменные основания под углами сруба. Размер постройки — приблизительно 3,9 × 3,9 *м*. Над полом постройки лежит черно-коричневый слой гумуса, достигающий в средней части постройки толщины до 20 *см*. Поверх этого гумусного слоя имеется завал светлой глины, составляющий местами тонкую прослойку, а местами более толстые пятна. Завал глины занимает несколько меньшую площадь, чем площадь пола, и не вполне совпадает с полом: на северо-западной стороне он немного переходит наружу за границы постройки, а на юго-восточной и юго-западной сторонах не доходит до границ. Завал этот имеет примерно прямоугольные очертания и, очевидно, представляет собой остатки рухнувшей сверху глиняной подмазки крыши.

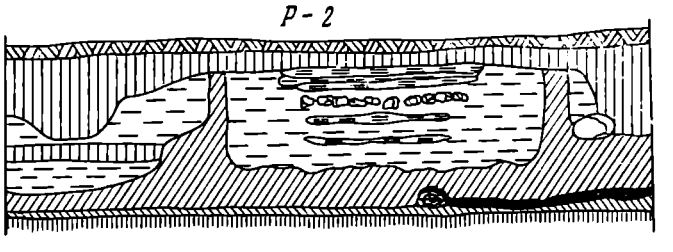
Вблизи северного угла постройки 1 расположена печь. Первоначально под этой печи находился приблизительно на уровне пола жилища (50 *см* от современной поверхности). Затем печь была обновлена и ее под был поднят примерно на 10 *см*. На этом уровне под имеет два слоя обожженной глины, т. е. он был со временем перемазан. Позднее печь была полностью перестроена: поднята значительно выше пола с помощью деревянного опечка. Следы опечка хорошо видны как в плане, так и в разрезе печи в виде полосы темного гумуса, образовавшегося здесь после того как дерево сгнило. Судя по толщине гумусной полосы, бревна опечка имели толщину около 10 *см*. Опечек имел в плане восьмиугольную форму с наибольшей шириной 2,1 *м*, причем стороны его неодинаковы: самая длинная сторона (почти 1,2 *м*) — со стороны устья печи. Пространство внутри опечка было забито красной глиной с кусками печины, а снаружи бревна опечка обмазаны желтой глиной (толщина слоя обмазки 4—7 *см*). В середине опечка на глиняной забивке была сделана вымостка из мелких камней, а выше расположен глиняный под (на 28 *см* выше первого печного пода). Под был дважды перемазан и имеет поэтому три слоя. Самый верхний слой расположен уже́ на 34 *см* выше первоначального и лежит на глубине всего 12 *см* под современной поверхностью. Поды глиняные, сильно прожженные, потрескавшиеся. Верхний под округлый, диаметром около 80 *см*; с юго-западной стороны находится вытянутое устье. Вокруг пода проходит полоса несколько менее обожженной глины, отмечающая место уничтоженных стенок печи. Толщина этих стенок в нижней части — 20—24 *см*. Небольшие куски глиняных стенок были найдены здесь же, в развале, и, судя по этим кускам, стенки печи не имели деревянного каркаса. В конструкцию печи, видимо, входили также и камни, три из которых сохранились на своих первоначальных местах.

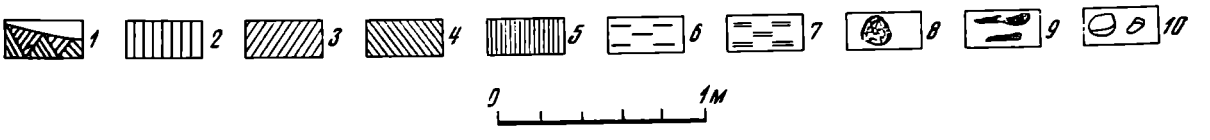
В развале постройки 1 были найдены обрывок кольчуги (рис. 4, *5*), два наконечника стрел (рис. 4, *2, 3*), топор, ножницы (рис. 5, *9*), бронзо-


Д
Е
Ж
З
И
11
10
9
Постройка 5
Постройка 1
Постройка 6
Постройка 2
Постройка 3
Р
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
0
1м


Е
Д
Постройка 9
З
И
11
10
Р
Постройка 10


Р - 1


Р - 2


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
0
1м

вый цилиндрический замок, медная скоба — ушко от котла (рис. 4, 7), инструмент типа стамески, 4 ножа, 2 пробойника, игла, оселок, кресало, обломок фигурного медного крестика, 1 шиферное и 1 каменное пряслице, около 50 фрагментов стеклянных браслетов. Близ основания печи лежали 2 куска железного шлака, а у юго-западной стены постройки — днище горшка, заполненное мелко истолченной и спрессовавшейся железной рудой (болотной).

Постройка 2 расположена к юго-западу от постройки 1 и почти точно ей параллельна. Расстояние между этими постройками — всего около 70 *см*. В основании постройки 2 лежит подушка, состоящая из чистого светлого суглинка толщиной около 12 *см*. Подушка имеет поразительно четкие очертания: как стороны, так и углы ее совершенно прямые и ровные. Размер постройки с юго-запада на северо-восток — 2,64 *м*, а поперек — 2,42 *м*. Поверхность глиняной подушки лежит на глубине около 40 *см* от современной поверхности земли. На подушке лежит завал темно-коричневой земли, явно представляющий собой остатки разложения каких-то органических веществ. Толщина завала — 18—22 *см*. В этом слое обнаружены пятна железной ржавчины и несколько кусков железного шлака. Печи в постройке нет. От деревянных стен постройки ничего не сохранилось.

Находки в постройке 2 были сделаны в слое темно-коричневого завала и на самой глиняной подушке. Здесь найдены целые удила (рис. 5, *6*), кольцо от еще одних удил, 2 железные пряжки (рис. 4, *9*), кремень от огнива, 6 ножей, много гвоздей и костылей. Отмечено, что особенно много гвоздей найдено вдоль границ постройки. В постройке 2 найдено 26 обломков стеклянных браслетов.

К юго-востоку от постройки 1 в завале глины, условно названном постройкой 3, найдено обгорелое зерно — ячмень и мягкая пшеница, а также мелкосеменной горох.

Следы какой-то постройки (постр. 4) в виде завала глины были отмечены в южной части раскопа, близ оборонительного вала. Судя по тому, что здесь найдены остатки двух печей, возможно, что завал образовался от разрушения не одной, а двух построек. Остатки одной из печей представляют собой глиняный под овальной формы (52 × 84 *см*). От второй печи сохранились остатки сгоревшего деревянного опечка, пространство внутри которого (59 × 73 *см*) было заполнено глиной. При разборке завала постройки 4 отмечено большое количество костей животных и много керамики, большей частью в виде крупных кусков. Кроме того, здесь найдены 2 цилиндрических замка, 4 ножа, железная накладка, гвозди (в том числе несколько подковных), бубенчик, 2 шиферных пряслица, 5 обломков стеклянных браслетов.

У западного края раскопа обнаружены два глиняных завала, условно названные постройками 5 и 6. В действительности это, видимо, остатки одного сооружения, лежащего в основном вне раскопа, западнее его границы. Форма и характер этого сооружения не установлены. Здесь найдены большой сошник (рис. 5, *8*), топор (рис. 5, *13*), удила, шпора с колесиком (рис. 4, *8*), декоративная железная накладка (рис. 5, *14*), игла, 2 ножа, роговой гребень (рис. 4, *13*), 2 опиленных рога оленя, 3 обломка стеклянных браслетов. Здесь же найдены обломки двух поливных

Рис. 3. Средняя часть Раскопа I

Вверху — верхний строительный горизонт; внизу — средний строительный горизонт. *1* — завал глины, *2* — глиняная подмазка, *3* — обожженная глина, *4* — печной пол, *5* — канавка, *6* — бревно, *7* — обгоревшее бревно, *8* — горелая доска, *9* — истлевшее дерево, *10* — камни, *11* — земля с органическими остатками

Разрезы. Р-1 — разрез построек 2 и 9; Р-2 — разрез печи постройки 1 и постройки 10

1 — дерн, *2* — культурный слой, *3* — черная земля, *4* — серая предматериковая земля, *5* — материк, *6* — глина, *7* — обожженная глина, *8* — дерево, *9* — горелое дерево, *10* — камни

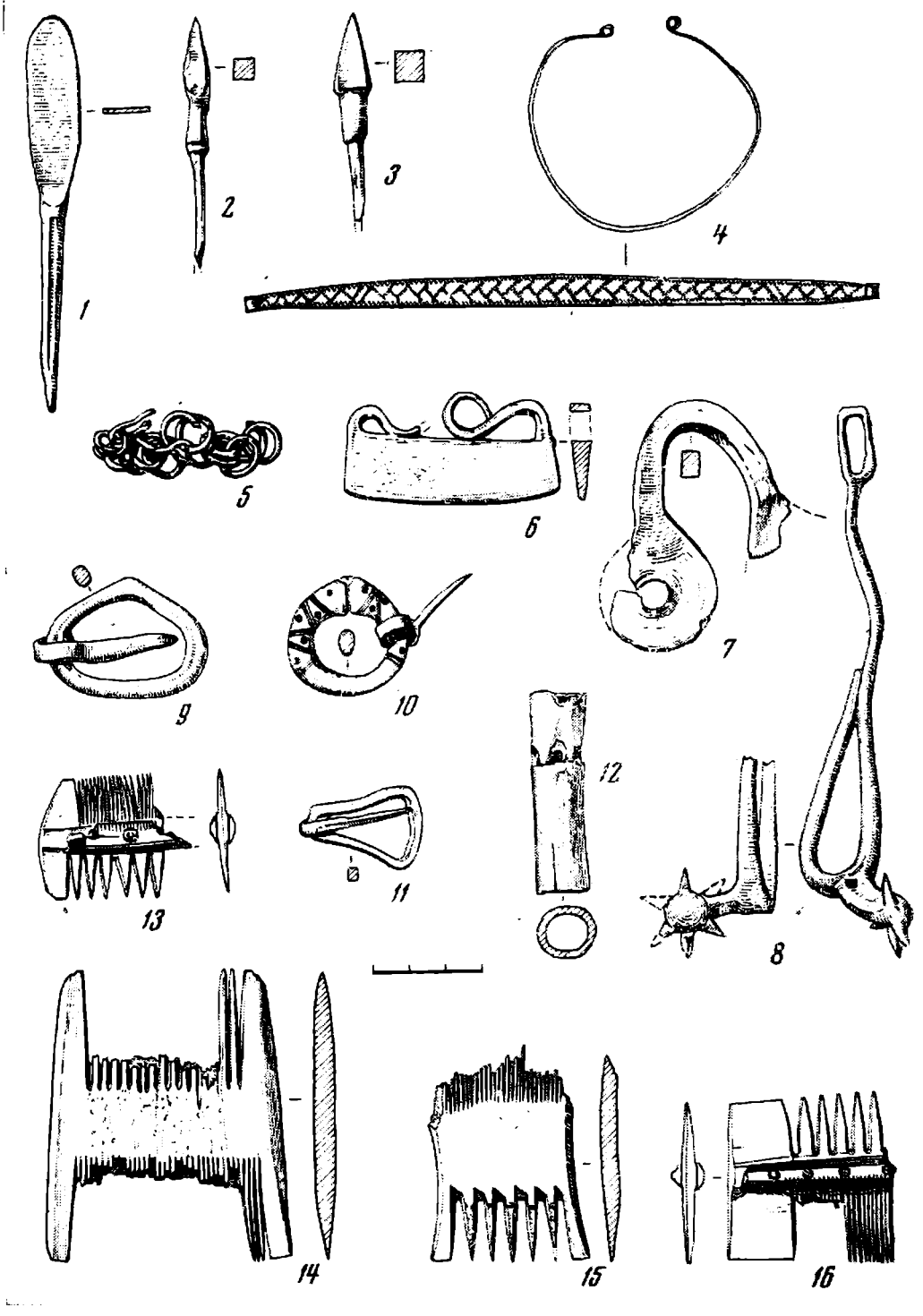


Рис. 4. Городище Осовик

1—3 — наконечники стрел, *4* — пластинчатый бронзовый браслет, *5* — обрывок кольчуги, *6* — кресало, *7* — медное ушко от котла, *8* — шпора, *9*, *11* — железные пряжки, *10* — бронзовая пряжка, *12* — костяное кольцо для ссучивания нитей, *13—16* — роговые гребни. Места находки: *2*, *3*, *5*, *7* — постройка 1, *9* — постройка 2, *1*, *4*, *6*, *11* — верхний горизонт (вне комплексов), *8*, *13* — постройки 5—6, *10* — постройка 8, *16* — под постройкой 1, *14* — под постройкой 9, *15* — под постройкой 12, *12* — верхняя постройка на раскопе II

кувшинов. Следует отметить, что перечисленные находки были сделаны главным образом ниже слоя глиняного завала, и поэтому данный комплекс находок вполне может относиться не к верхнему, а к среднему горизонту.

В уровне верхнего горизонта в раскопе найдены также два каменных жернова (из мелкозернистого гранита).

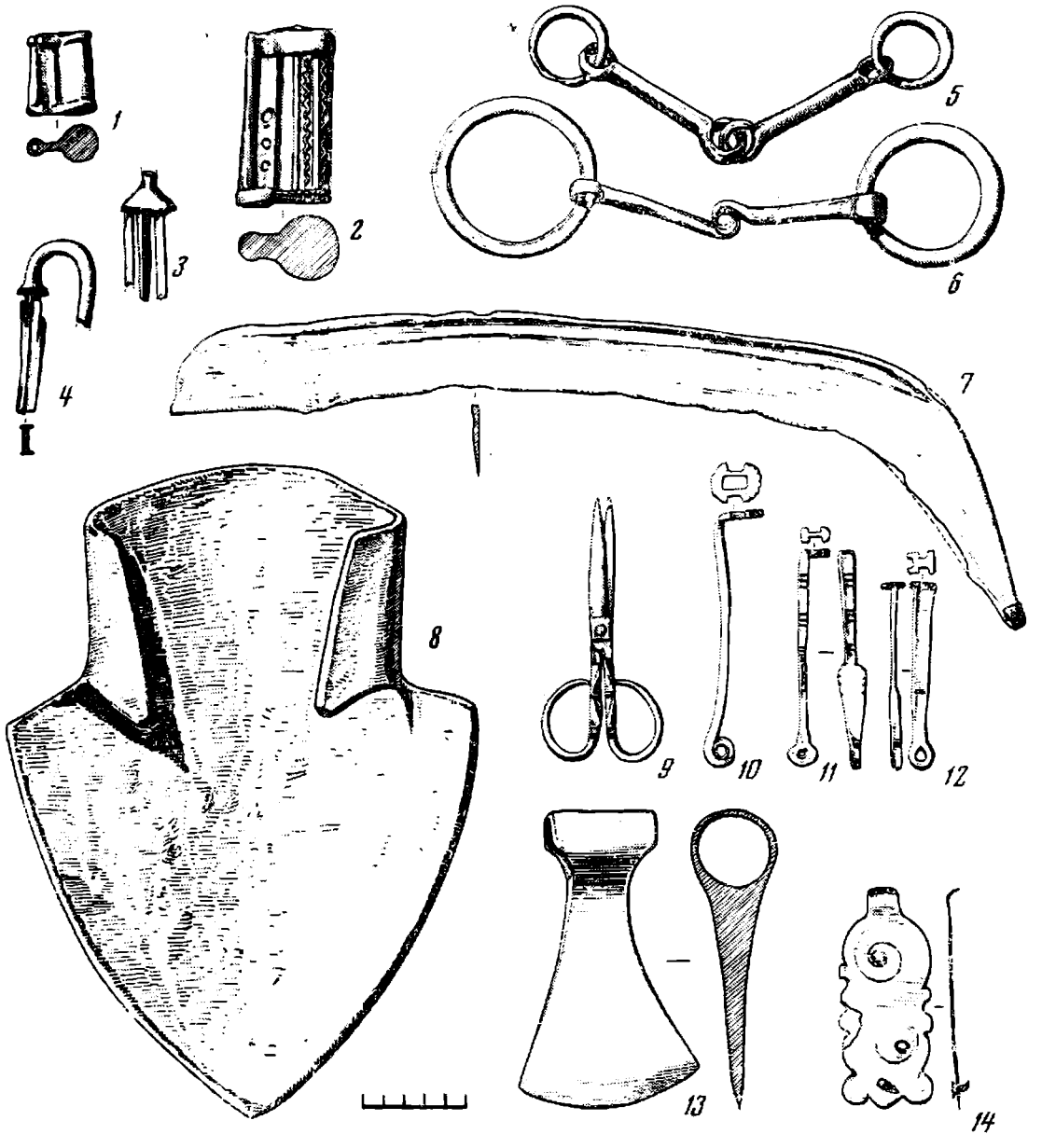


Рис. 5. Городище Осовик

1, 2 — железные цилиндрические замки, *3, 4* — внутренние части цилиндрических замков, *5, 6* — удила, *7* — коса-горбуша, *8* — сошник, *9* — ножницы, *10—12* — ключи, *13* — топор, *14* — железная декоративная накладка. Места находки: *9* — постройка 1, *6* — постройка 2, *8, 13, 14* — постройки 5—6, *1, 3, 12* — под постройкаой 1, *5* — постройка 8, *7* — постройка 9, *2, 4, 10* — под постройкой 11, *11* — верхняя постройка на раскопе II

В среднем горизонте (рис. 3, нижний) были полностью вскрыты две жилые постройки (постр. 8 и 9), а также значительная часть третьей постройки (постр. 10). Кроме того, здесь обнаружены еще две постройки (постр. 11 и 12), границы которых определены лишь частично.

Постройка 8 расположена в северной части раскопа. Пол ее был деревянным, настланным поверх глиняной подмазки. Подмазка эта сохранилась не на всей площади постройки, а лишь отдельными пятнами. От деревянного настила пола сохранились кое-где пятна мелких угольков. Ни границ пола, ни даже направления волокон сгоревшего дерева определить не удалось. От юго-восточной стены постройки 8 сохранились куски обгоревшего бревна, однако эти куски, по-видимому, частично раскатились и поэтому не вполне точно определяют границу постройки. Больше оснований для определения границ дает сохранившийся восточ-

ный угол — куски двух обгоревших бревен, некогда соединенных, вероятно, рубкой «в обло». Южный угол постройки также определяется по наличию остатков сгоревших бревен. Размер юго-восточной стены определяется равным приблизительно 3,6 *м*.

Поверх всей постройки, на 4—5 *см* выше ее пола, сохранилась тонкая прослойка глиняного завала. Этот завал сохранился не везде; местами он обрывается. Тем не менее контур завала более или менее совпадает с границами постройки, определенными по остаткам бревен ее стен. Судя по завалу глины, постройка была приблизительно квадратной.

У середины северо-восточной стены сохранились остатки печи в виде скопления кусков пода и печины. Ниже залегает слой угля и золы, в котором найден разбитый глиняный кувшин, покрытый желтой поливой (рис. 8, *4*). Неподалеку, вдоль стены постройки, отмечена полоса кусков печины.

Находки в постройке 8 были сделаны в основном на полу и, частично, в культурном слое над полом, но ниже завала глины. Близ южного угла постройки на полу, на тонком слое деревянной трухи лежала куча разбитых стеклянных браслетов. Вообще в этой постройке найдено очень большое количество (более 150) обломков стеклянных браслетов. В постройке 8 найдены 2 обломка витых бронзовых браслетов, обломок гладкого круглого в сечении бронзового браслета, бронзовая пряжка (рис. 4, *10*), бубенчик, удила (рис. 5, *5*), 1 шиферное и 1 каменное пряслице, оселок, 3 ножа, железная дужка, обломки 2 (почти полностью собпрающихся) поливных кувшинов.

Постройка 9 частично заходит под постройки 1 и 2. В основании постройки лежит глиняная подушка, состоящая из чистой светлой глины и имеющая различную толщину — местами всего около 1 *см*, а местами до 8—9 *см*. На этой подушке лежал деревянный настил пола, частично сохранившийся в виде обгорелых досок. Доски имеют ширину 23—26 *см* и толщину 3—4 *см*. Судя по остаткам одной поперечной доски, возможно, под досками пола были проложены лаги.

По юго-восточному краю постройки 9 сохранились куски нижнего бревна срубной стены. Бревно это слегка обгорело сверху; его диаметр 12 *см*. Положение юго-восточной стены постройки определяется как бревном стены, так и границей глиняной подушки. Северо-восточная и северо-западная стены определяются только по границе глиняной подушки. Величина постройки 9 в направлении с юго-востока на северо-запад — 3,52 *м*. Юго-западная стена не имеет точных границ.

Поверх пола постройки 9 лежал завал глины. В тех местах, где над этой постройкой были расположены постройки 1 и 2, завал либо отсутствовал, либо имел очень небольшую толщину. Там же, где поверх постройки 9 не было построек верхнего горизонта (в северо-западной половине постройки), слой глиняного завала достигал толщины 25 *см*. Очертания завала позволили (хотя бы очень приблизительно) определить положение западного угла и юго-западной стены постройки. Выяснилось, что постройка была приблизительно квадратной.

У середины северо-восточной стены на уровне пола расположен круглый печной под диаметром около 60 *см*. Все находки, связанные с постройкой 9, были сделаны на горелом полу или при разборке этого пола. Здесь найдены коса (рис. 5, 7), 4 ножа, бронзовый перстень, железное кольцо (ременное?), 3 оселка, 1 шиферное и 1 глиняное пряслице, опиленный рог лося, 9 обломков стеклянных браслетов. В одном комке на полу постройки были найдены стремя, цилиндрический замок, наконечник копья, звенья железной цепи, железный стержень неизвестного назначения (рис. 6).

Постройка 10 вскрыта меньше, чем наполовину, так как вся ее остальная часть находится вне раскопа, за его восточной границей. Постройка частично заходит под постройку 1. В основании пола постройки 10

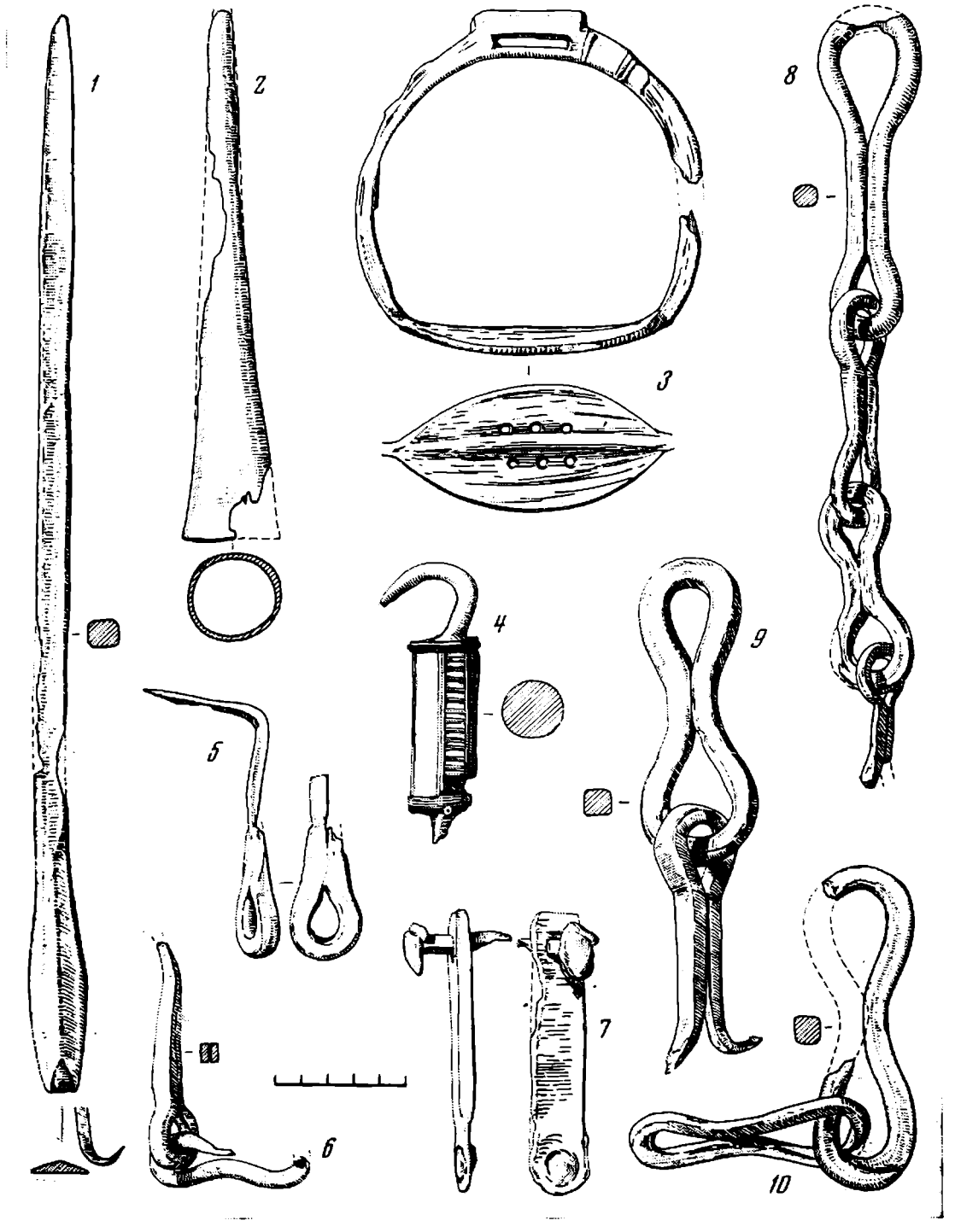


Рис. 6. Вещи, найденные на полу постройки 9

1 — железный стержень, *2* — наконечник копья, *3* — стремя, *4* — замок, *5* — скоба, *7* — накладка, *6, 8, 9, 10* — звенья железной цепи

лежит очень тонкая глиняная подмазка. Местами эта прослойка прослеживается с трудом, а на ряде участков она, видимо, отсутствует. На глиняной прослойке лежат горелые доски пола, имеющие ширину 25—34 *см* при толщине 4—5 *см*. На одном из участков ниже досок проходит перпендикулярная им доска, видимо лага. Юго-западная стена постройки хорошо определяется, так как здесь полностью сохранилось нижнее бревно стены. Диаметр бревна 16—17 *см*; сверху оно обуглилось, но в южной части стены имеется необгорелый кусок этого бревна. Западный угол постройки разрушен, но сохранился кусок бревна северо-западной стены. Юго-

восточный конец бревна не обнаружен, так как он уходит в стенку раскопа; вскрытая часть этой стены имеет длину 4,1 *м*.

На одном из участков постройки 10 деревянный пол отсутствует, и именно здесь на 10—16 *см* ниже уровня пола обнаружен другой настил, тоже горелый. Этот нижний настил состоял из плах, обращенных плоскими сторонами вниз, а горбылями кверху. Ширина плах 20—22 *см*, толщина до 5 *см*. Под плахами был обнаружен слой золы толщиной несколько более 1 *см*, а под ним глиняная подушка толщиной 2—3 *см*. Выше настила из плах отмечены куски обожженной глины, доходившие вверху до уровня пола постройки 10. Нижний настил из плах и пол постройки 10 имеют почти одинаковые, хотя и не совсем точно совпадающие направления. Представляет ли нижний настил своеобразную субструкцию, имеющую отношение к постройке 10 (быть может, основание печи), или это различные постройки — не ясно, поскольку соотношение двух описанных настилов прослежено лишь на очень небольшой площади в самом углу раскопа.

Постройка 11 сохранилась очень плохо. Обнаружены участки сгоревшего деревянного пола, лежавшего на глиняной подмазке, а также небольшой кусок обгорелого бревна стены. Удалось определить северный угол постройки и небольшие участки двух прилегающих стен. Следов печи не найдено. В постройке обнаружены обломок топора, нож, 3 шиферных пряслица, ручка из оленьего рога, 1 обломок стеклянного браслета.

Пятно постройки 12 определено по слою земли, имеющей явные следы пожара, насыщенной углями и горелым зерном. Слой горелого зерна занимает значительную площадь, причем в средней части этого завала он достигает толщины 6 *см*. Северо-восточная и юго-восточная границы постройки 12 определяются, кроме того, по обгорелым бревнам стены. Северо-западная граница определяется несколько менее уверенно, по небольшому куску обгорелого бревна, по-видимому, от стены постройки. Ширина постройки — 2,3 *м*, длина ее неизвестна, но во всяком случае не менее 3 *м* (судя по протяжению юго-восточной стены). В восточном углу сохранился под печи, лежащий на уровне пола. Размер пода 45—50 *см*. Рядом с подом расчищена кучка камней, а также завал печины, частично перекрывающий под.

Зерно, найденное в постройке 12,— в основном ячмень, хотя в меньшем количество здесь же обнаружены овес, рожь и мягкая пшеница. Вместе с зерном найдены 2 оселка, 1 шиферное пряслице, 5 обломков стеклянных браслетов.

Следует отметить скопление находок и кусков печины, обнаруженное под полом постройки 1. Здесь найдены серебряная шейная цепь (рис. 7, *4*), обломок серебряного височного кольца (рис. 7, *5*), медальон-подвеска (рис. 7, *1*), гребень (рис. 4, *16*), 2 оселка, 2 ключа (рис. 5, *12*), цилиндрический замок и части второго замка (рис. 5, *1, 3*), железная пряжка, несколько мелких железных колечек, бронзовая обоймочка, необработанный кусочек янтаря, ручка из оленьего рога, 2 опиленных рога лося, несколько обломков стеклянных браслетов. Очевидно, эти вещи лежали на земле, на уровне дневной поверхности построек среднего горизонта, между постройками 9, 10 и 11.

В нижнем горизонте обнаружены лишь две плохо сохранившиеся постройки (постр. 13 и 14) в северной части раскопа.

Постройка 13 вскрыта лишь частично, поскольку остальная ее часть уходит в северную стенку раскопа. Пятно постройки определяется по плотной глиняной подушке (или, вернее, глиняному завалу), имеющей толщину от 2 до 5 *см*. В глиняной подушке имеется большое количество мелких камней. Местами камни лежат вплотную друг к другу, образуя сплошную вымостку. Камни распространяются и несколько южнее, вне глиняной подушки. Границы постройки 13 очень неопределенные. В ее вос-

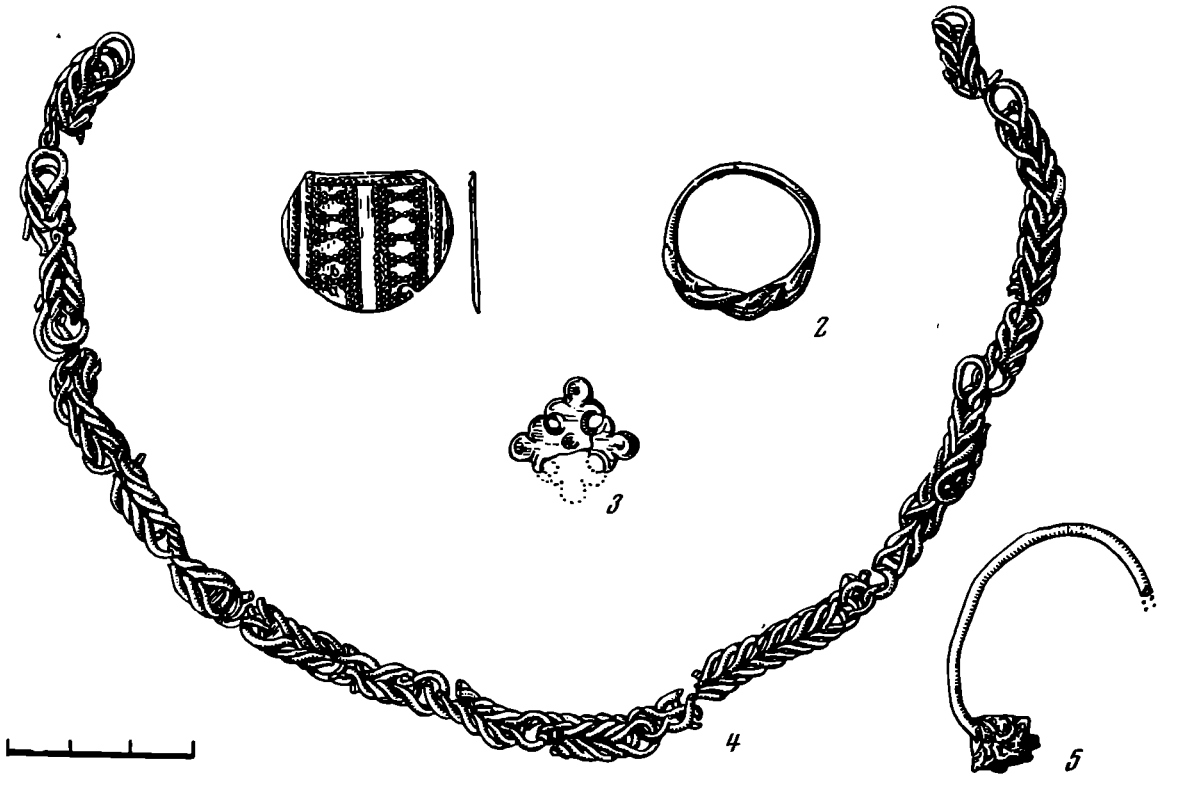


Рис. 7. Городище Осовик

1 — серебряный медальон-подвеска, *2* — бронзовый перстень, *3* — крестик, *4* — серебряная шейная цепь, *5* — обломок серебряного височного кольца. Места находки: *3* — постройка 1; *2* — верхний горизонт (вне комплексов); *1, 4, 5* — под постройкой 1

точном углу сохранились остатки печи — под и куски обожженной глины,— лежащие на глиняной подушке. Находки были сделаны только на слое глины и выше его, в самом же слое камней и глины находок уже не было. Находки — исключительно фрагменты керамики.

Постройка 14. Контур этой постройки обрисован канавкой в материке (шириной 8—10 *см* и глубиной в материке до 3 *см*), заполненной темной землей. По-видимому, эта канавка — отпечаток лежавшего здесь нижнего бревна стен постройки. Канавка обрисовывает прямоугольник, северо-западная и северо-восточная стороны которого сохранились полностью, а юго-восточная — только на небольшом участке. Северо-восточная сторона прямоугольника равна 3,44 *м*.

Постройка 14 частично перерезает постройку 13, хотя на некоторых участках глиняная подушка постройки 13, видимо, затекла в канавку от стен постройки 14. Во всяком случае, обе эти постройки несомненно заходят под постройку 8.

Помимо построек 13 и 14 к нижнему горизонту может относиться также настил из плах, лежащий под постройкой 10, в том случае, если он не является субструкцией самой постройки 10. Кроме того, к нижнему горизонту относится скопление находок под постройкой 12. Судя по кускам горелого дерева, здесь, видимо, стояла какая-то постройка. Кроме керамики и костей животных на этом участке найдены гребень (рис. 4, *15*), нож, железная накладка, несколько костылей и гвоздей, несколько обломков стеклянных браслетов. Под постройкой 11 найдены 2 цилиндрических замка (рис. 5, *2,4*), ключ (рис. 5, *10*), большая железная пряжка, 2 ножа, оселок, гвозди, несколько обломков стеклянных браслетов.

В материке обнаружено несколько круглых ям диаметром от 18 до 28 *см*. Расположение ям, по-видимому, не имеет определенной системы. Связи этих ям с раскопанными постройками также не удалось уловить. На глубине около 20 *см* ниже поверхности материкового суглинка отме-

чено наличие воды (верховодка). В раскопе на детинце обнаружены остатки постройки. От пола этой постройки сохранилось лишь пятно тонкой глиняной прослойки, а поверх глины — местами слабые следы коричневой трухи — по-видимому, остатки деревянного настила. Пол настолько фрагментирован, что определить границы постройки оказалось невозможно. Сравнительно неплохо сохранилась печь, имеющая значительно больший размер, чем печи, вскрытые на окольном городе. Под печи представляет собой слой обожженной глины, имеющий толщину около 4 *см* и диаметр 1,5 *м*. К югу под имеет явно выраженное устье. Вокруг пода частично сохранилась полоса обожженной глины — основание стенок печи. Толщина стенок 20—22 *см*. В качестве основания внутренней стенки печи были уложены два куска разломанного жернова. Сверху под печи был завален кусками печи, среди которых найдены куски свода. Эти куски свода не имеют следов деревянного каркаса.

С комплексом данной постройки связаны следующие находки: замок, 2 ключа (рис. 5, *11*), гребень, 2 ножа, железное кольцо от пряжки, оселок, костяное кольцо для ссучивания нитей (рис. 4, *12*), железный костыль, несколько обломков стеклянных браслетов, фрагменты поливного кувшина. По-видимому, к этому же комплексу относится каменный жернов из мелкозернистого гранита и половина жернова, состоящего из керамического материала, отформованного и обожженного при высокой температуре. В керамической массе этого жернова около 30% объема составляют обломки глиняных пород, кварца и полевого шпата [5].

Ниже описанной постройки отмечены слабые следы другой постройки, от которой сохранились ничтожные обрывки пола и под печи, имеющий диаметр около 40 *см*. На уровне этого пода найдены обломок косы, цилиндрический замок, нож, бронзовая пластинка (по-видимому, обломок пластинчатого браслета), несколько обломков стеклянных браслетов.

К югу от городища, за его наружным валом расположено селище. Территория эта распахивается, и, судя по находимому на пашне материалу, поселение простиралось к югу от городища не менее чем на 0,5 *км*. Керамика селища полностью совпадает с керамикой городища.

Среди многочисленного вещевого материала, найденного при раскопках на городище Осовик, первое место по количеству, как обычно, занимает керамика. Вся керамика изготовлена на гончарном круге из хорошо промешанной глины с добавкой мелкого песка. Обжиг хороший, большей частью равномерный. Лишь иногда встречаются черепки, поверхности которых обожжены лучше, чем середина, благодаря чему эти черепки состоят как бы из трех слоев. Цвет сосудов чаще красновато-коричневый, реже розовый, серый или белый. Встречаются почти исключительно горшки; другие формы сосудов (миски) единичны (рис. 8, *2, 3*). Горшки имеют разные размеры и пропорции. Венчики как правило, сильно отогнутые и профилированные. Довольно часто встречаются венчики плавно отогнутые наружу, с завернутым внутрь краем, образующим бороздку с внутренней стороны венчика (рис. 9, *1, 5*). Но встречаются и другие венчики, например с низкой шейкой или с горизонтально срезанным сверху краем (рис. 9, *6*). Очень характерен вариант профиля с крупной впадиной по внутренней стороне венчика (рис. 9, *8*). На днищах сосудов довольно часто встречаются клейма. Подавляющее большинство сосудов орнаментировано, причем орнамент проходит обычно только по плечикам сосудов и лишь изредка украшает почти весь сосуд. Основные формы орнамента — горизонтальные линии или волна, а также сочетание этих элементов.

При раскопках не найдено ни одного фрагмента амфор, но зато обнаружены фрагменты не менее 10 сосудов, покрытых желтой (изредка зе-

[5] Определение состава жернова исполнено Г. М. Ковнурко. О древнерусских керамических жерновах см. Г. Г. Мезенцева. Новые данные об изготовлении древнерусских жерновов. СА, 1963, 4, стр. 224.

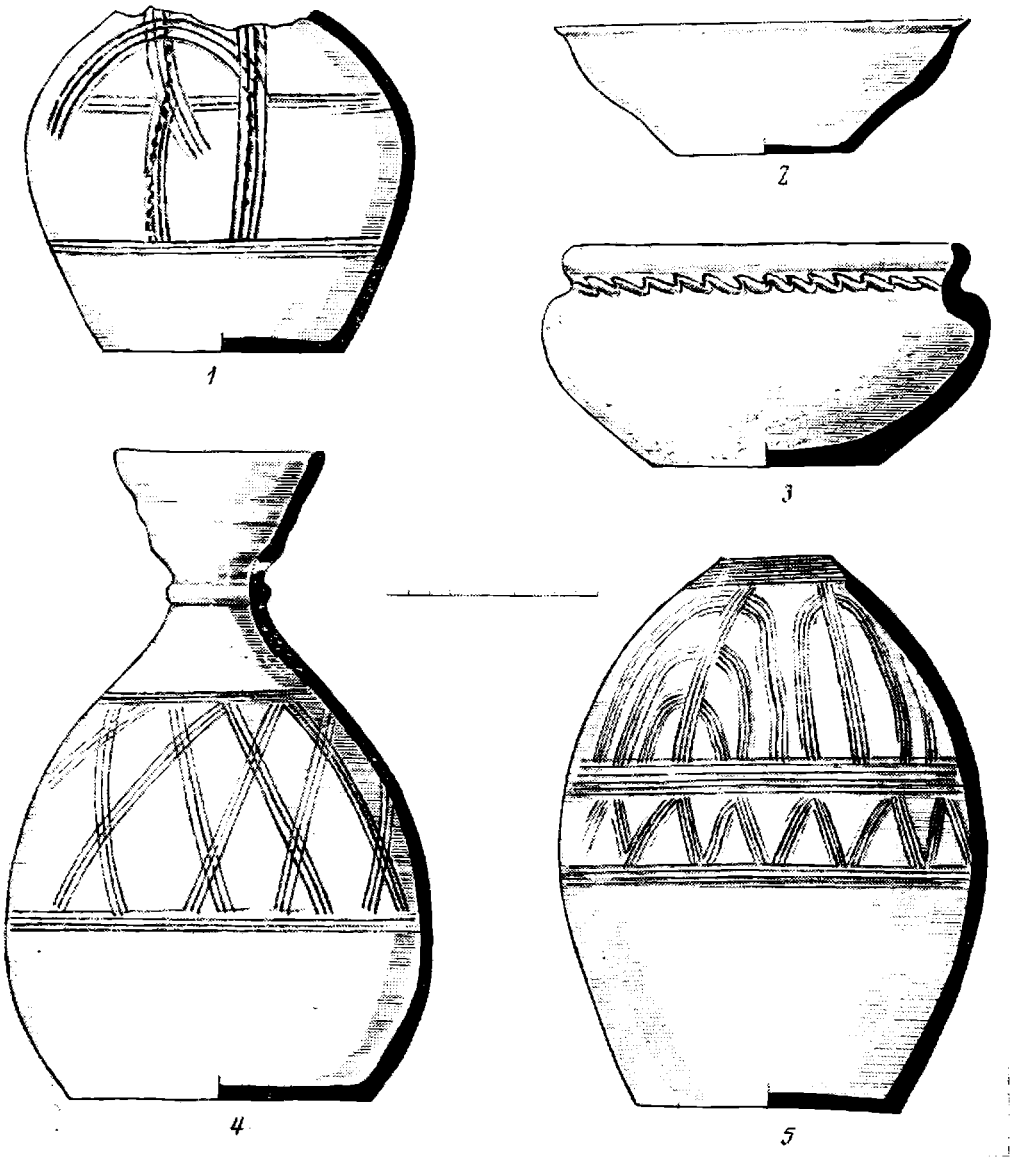


Рис. 8. Керамика с городища Осовик.

1, 4, 5 — поливные кувшины, *2, 3* — миски. Места находки: *3* — верхний горизонт (вне комплексов), *1, 5* — постройки 5—6, *2* — под постройкой 1, *4* — постройка 8

леновато-желтой) поливой. Четыре таких поливных сосуда удалось собрать почти целиком (рис. 8, *1, 4, 5*). Это кувшины с плоским дном, без ручек, с узким горлом, по которому проходит валик, и с расширяющимся в виде раструба венчиком. Глина их однородная, светло-серая, почти белая. Полива покрывает сосуды снаружи целиком, включая дно, и заходит на внутреннюю сторону горла. Состав поливы свинцово-кремнеземный [6]. Кувшины покрыты чрезвычайно своеобразным орнаментом, исполненным зубчатой гребенкой с 3—6 зубцами. Сходство форм сосудов, их технологии и системы убранства настолько велико, что заставляет думать об изготовлении их в одной мастерской.

В очень незначительном количестве были найдены фрагменты сосудов из бесцветного прозрачного стекла. Куски были настолько мелкими, что не давали возможности судить о форме сосудов.

В раскопках хорошо представлены орудия труда — большой сошник, косы-горбуши (1 целая и 1 обломок), топоры (1 целый и 2 обломка), ножницы, очень много ножей, жернова, гвозди, оселки, иглы и пр. В верхнем

[6] В составе поливы 70% окиси свинца и 23% кремнезема. Анализ выполнен Д. В. Наумовым.

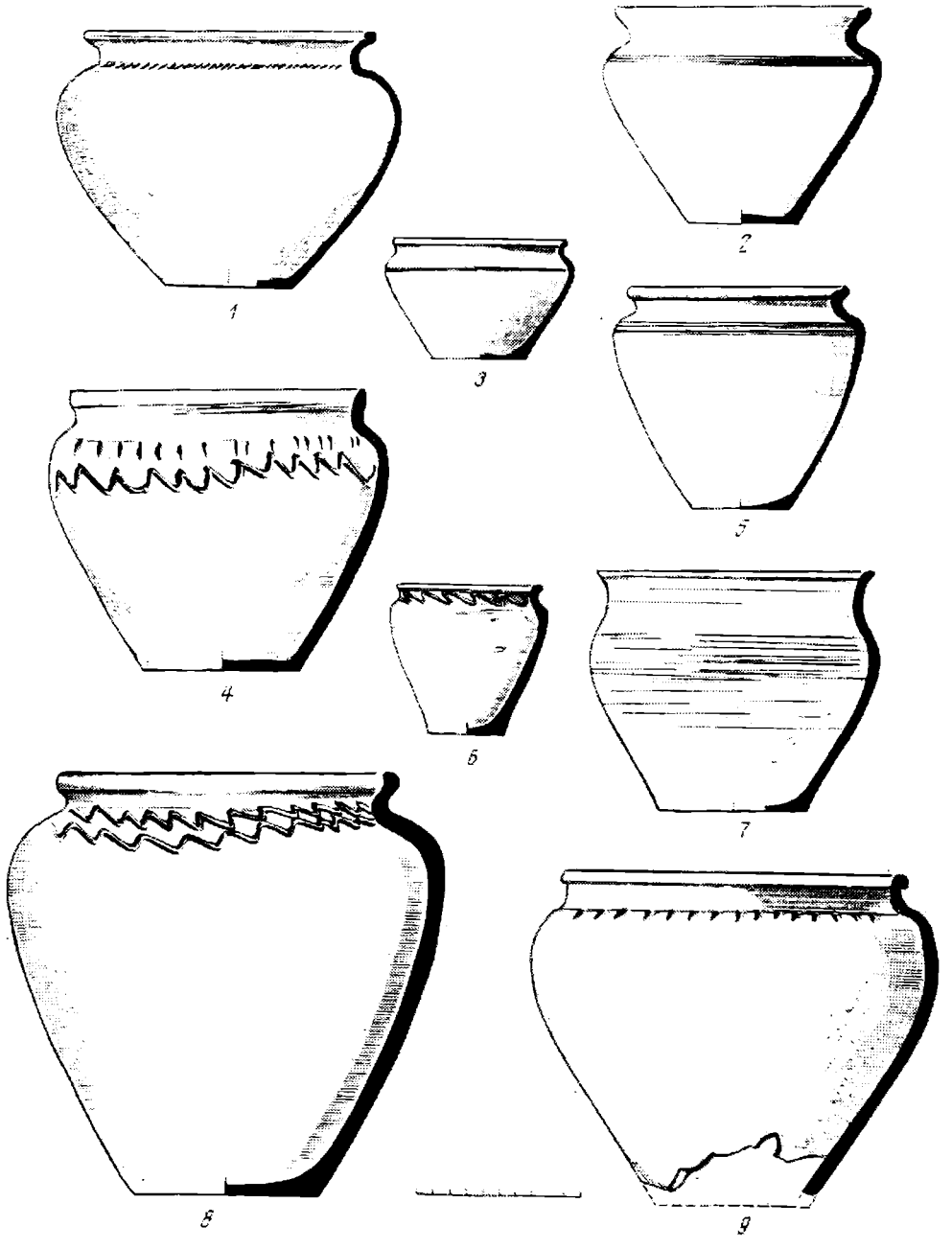


Рис. 9. Керамика с городища Осовик.

Места находки: *5* — постройка 1; *9* — постройка 2; *4, 6, 8* — верхний горизонт (вне комплексов); *3* — под постройкой 1; *2* — постройка 8; *1, 7* — под постройкой 12

строительном горизонте были обнаружены явные следы металлургического производства — куски железной руды, шлаки. В одном случае мелко измельченная железная руда была найдена в разбитом горшке. Найдено много хозяйственного инвентаря — цилиндрические замки, ключи, различные скобы, кресала. Почти в каждой постройке обнаружены пряслица. Всего найдено 19 пряслиц, из них одно из песчаника, одно из серого сланца, одно из обожженной глины и все остальные из пирофилитового сланца («красный шифер»). Пряслица имеют как биконическую, так и бочонковидную форму. Толщина их от 8 до 16 *мм*, хотя встречаются и совсем тонкие, как бы сколотые экземпляры, имеющие толщину всего 3—5 *мм*. Наружный диаметр пряслиц большей частью 21—22 *мм*, а диаметр внутренних отверстий 6—7 *мм*.

Оружия и военного снаряжения найдено сравнительно мало — всего один наконечник копья, три наконечника стрел и обрывок кольчуги. Несколько больше предметов, связанных с конем и верховой ездой — стремя, обломанная железная шпора с колесиком, 6 экз. удил (как с большими, так и с малыми кольцами), подковные гвозди.

Среди украшений первое место по количеству занимают стеклянные браслеты, которых было найдено около 400 фрагментов. Некоторые обломки удалось соединить и склеить в цельные браслеты, а один браслет был найден даже не разломанным. Лишь сравнительно небольшая часть фрагментов браслетов (14 шт.) относится к нижнему строительному горизонту, остальные были обнаружены либо в среднем горизонте (182 шт.), либо в верхнем (130 шт.), либо в таких условиях, что происхождение их определить не удалось. Все браслеты изготовлены в южнорусских, вероятнее всего киевских, мастерских[7]. Наиболее близкие аналогии браслетам среднего горизонта — браслеты Райковецкого городища, а браслетам верхнего горизонта — из Колодяжина. Браслеты, найденные в жилище 8, судя по цвету (около $^2/_3$ браслетов имеют коричневый и фиолетовый цвет) и преобладанию крученых, быть может, привезены из Рязани.

Название видов	Количество костей	Минимальное количество особей
Домашние животные		
Корова	71	6
Свинья	46	12
Лошадь	8	1
Коза	7	6
Овца	5	2
Собака	4	2
Неопределенные остатки мелкого рогатого скота	6	—
Дикие животные		
Лось	22	4
Бобр	9	2
Кабан	5	1
Барсук	3	1
Медведь	1	1
Лисица	1	1
Птицы		
Курица	9	4
Утка	4	2
Итого	201	45

Кроме стеклянных были найдены также бронзовые браслеты — пластинчатые, витые и гладкие круглые, а также несколько перстней, несколько экземпляров бусин, декоративные железные накладки и другие украшения. Очень интересен обломок серебряного височного кольца с напускной бусиной (рис. 7, *5*). Кольцо это близко по типу к трехбусинным кольцам, но в данном случае, по-видимому, имело лишь одну бусину с тисненой орнаментацией. Вместе с височным кольцом найдена серебряная шейная цепь плотного плетения, составленная из звеньев в виде изогнутых колец, выполненных из гладкой проволоки (рис. 7, *4*). Цепь квадратная в сечении; толщина ее 6 *мм*. При раскопках найдено также 5 роговых гребней.

Обнаруженные при раскопках кости систематизированы в таблице.

[7] Все определения, относящиеся к стеклянным браслетам, любезно исполнены Ю. Л. Щаповой.

По составу костей необходимо отметить следующее:[8] 1) остатки лошади принадлежат одной особи и не являются кухонными отбросами; 2) коровы, судя по величине костей, были довольно мелкими; 3) домашние свиньи забивались в основном в возрасте до 1 года; 4) бобер, лисица и барсук представлены главным образом остатками черепов. Целостность их костей свидетельствует, что в пищу они не употреблялись.

Помимо костей, при раскопках были найдены опиленные куски рогов благородного оленя (6 экз.), лося (6 экз.) и барана (1 экз.).

Датировка поселения в целом не представляет затруднений: весь материал, найденный при раскопках, полностью укладывается в рамки XII—XIII вв. Более детальный анализ позволяет несколько уточнить время возникновения и гибели поселения. Так, отсутствие среди находок, в том числе и в керамике, форм, характерных для XI в. и даже для рубежа XI и XII вв., позволяет утверждать, что поселение возникло не в самом начале, а, по-видимому, ближе к середине XII в. Возникло это поселение на незаселенном до этого месте и сразу же заняло довольно большую территорию (площадь укрепленной территории около 1 *га*). Судя по тому, что в нижнем строительном горизонте обнаружено меньше всего построек и находок, поселение на первых порах не было плотно заселено и имело, вероятно, не столько экономическое, сколько военно-административное значение. Есть все основания связывать это поселение с известным по письменным источникам городком смоленской земли, носившим наименование Заруб[9]. Наиболее раннее упоминание этого города помещено в Уставной грамоте Смоленской епископии, относящейся к 30-м годам XII в.

Расцвет города, судя по археологическому материалу, относится ко второй половине XII в. и, в еще большей степени, к XIII в. Среди керамики имеется большое количество форм (например, рис. 9, *8, 9*), получивших распространение лишь в XIII в. и перешедших даже в XIV в. К тому же времени могут быть отнесены и некоторые предметы (например, кресало — рис. 4, *6*, стрелы квадратного сечения — рис. 4, *2, 3*). По-видимому, поселение продолжало существовать до второй половины или даже до конца XIII в. Затем поселение было брошено. Никаких следов уничтожения или разгрома не обнаружено. Быть может, участившиеся к концу XIII в. литовские набеги вынудили население оставить город и переселиться в какое-либо безопасное место, возможно в соседний город Рославль.

K. V. Pavlova et P. A. Rappoport

LA GORODICHTCHÉ D'OSSOVIK

Résumé

En 1969 on a effectué les fouilles sur la gorodichtché ancienne russe à proximité du village d'Ossovik (la région de Briansk). Cette gorodichtché n'est, paraît-il, que les vestiges d'une petite ville de Zaroub qui faisait partie de la principauté de Smolensk. La couche archéologique de ce site urbain s'est très bien conservée.

Lors des fouilles dans la couche archéologique on a dégagé trois niveaux de construction. Les bâtiments à destination d'habitation et de ménage ont été déblayés. Ils sont tous en bois, de type huttes. La couche archéologique a livré un mobilier: outils, objets de ménage et de parure (bracelets en verre sont surtout abondants).

La gorodichtché est parue à la première moitié du XIIe siècle, on l'abandonna à la deuxième moitié ou à la fin du XIIIe siècle.

---

[8] Все определения костей исполнены Н. Ермоловой.

[9] П. А. Раппопорт. О местоположении смоленского города Заруба. КСИА АН СССР, 129.

Н. Н. БУСЯТСКАЯ

СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

Исследование Селитренного городища Харабалинского района Астраханской области во время полевых сезонов 1965—1969 гг. дало большое количество находок из стекла, таких, как бусы, браслеты, перстни, кулоны, фрагменты сосудов и оконных дисков. В 1967 г. на территории городища у северного склона бугра Кочегуры был заложен раскоп 12 × 10 $м^2$, который позволил вскрыть остатки стеклоделательной мастерской. Культурный слой мощностью от 20 до 50 *см* был насыщен стеклянными украшениями, кусками оплавленного стекла, шлаками, заготовками для глазков. При снятии культурного слоя были обнаружены остатки горнов для варки стекла [1].

Открытие стеклоделательной мастерской на территории столицы Золотой Орды представляет значительный интерес, поскольку позволяет ставить вопрос о существовании местного производства определенных видов стеклянных изделий, и прежде всего бус — наиболее многочисленной категории стеклянных украшений, найденных среди остатков стеклоделательной мастерской и на остальной территории Селитренного городища.

При анализе бус мы придерживаемся принятой классификации [2]. Рассматриваемые бусы классифицируются по материалу (группа), технологии (разряд), форме (поперечное сечение определяет отдел, продольное сечение — тип изделия (рисунок).

В данной статье анализируется лишь одна группа — бусы, изготовленные из стекла. По способам изготовления бусы Селитренного городища подразделяются на три разряда: I — бусы, полученные накручиванием на твердую основу (металлический или деревянный стержень) расплавленной стеклянной массы; II — бусы из разрезанной стеклянной трубки; III — бусы, изготовленные из разноцветных обломков стекла, спрессованных в горячем состоянии. В разряде I выделяются подразряды, определяющие особенности орнаментации бус.

РАЗРЯД I

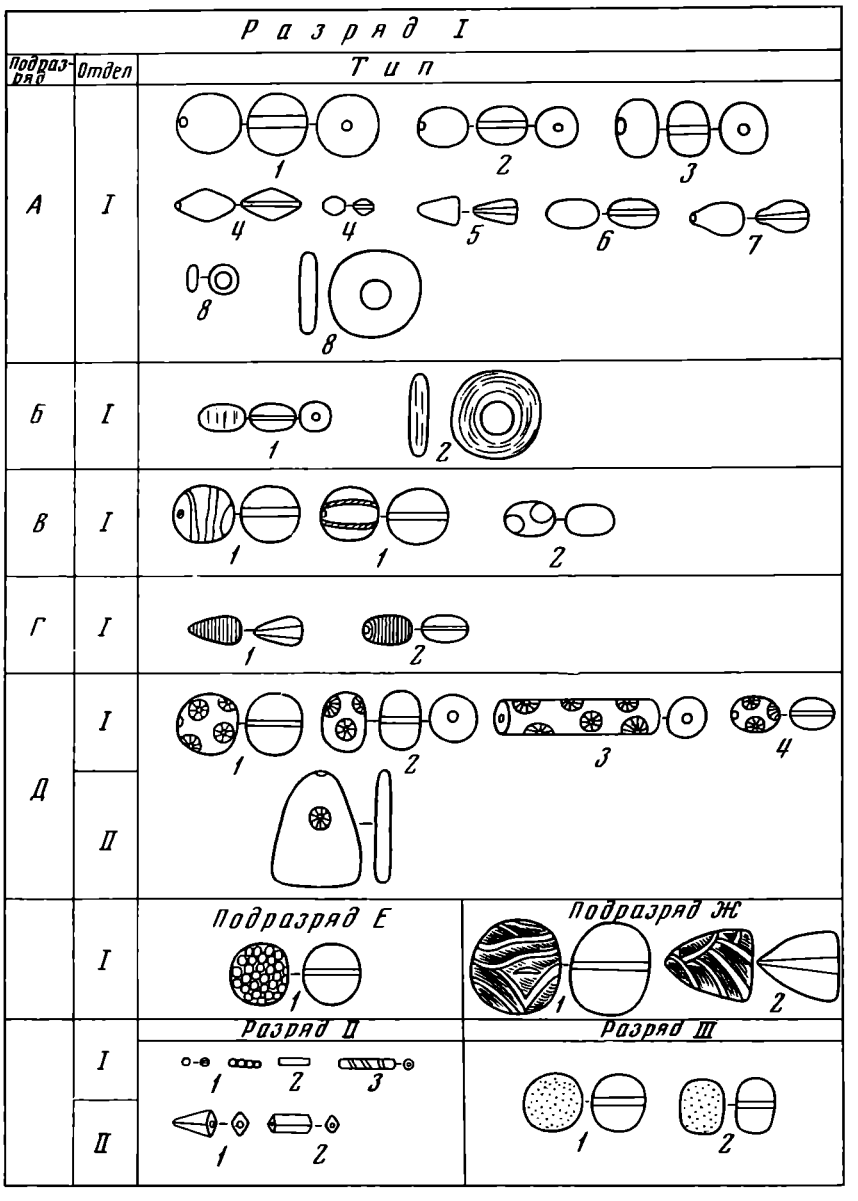
Подразряд А

Бусы одноцветные гладкие, полученные накручиванием на твердую основу расплавленной стеклянной массы с последующим заглаживанием поверхности бусины.

---

[1] Л. Л. Галкин. Отчет о раскопках на Селитренном городище за 1967 г. Архив ИА АН СССР, № 3534, стр. 246.

[2] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 28; В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. СА, 1959, 3; е е ж е. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. СА, 1961, 3; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы. М., 1966, стр. 71—74.



Классификация бус Селитренного городища

Отдел I, круглые

Тип 1. Шаровидные (11 экз.). Размеры бус различны, от 8 до 14 *мм* в диаметре. Преобладают бусы голубого непрозрачного стекла, встречаются бусы черного, светло-зеленого и оранжевого непрозрачного стекла. Аналогии им известны в кочевнических погребениях Восточной Европы X—XIV вв.[3], в Новом Сарае[4], мордовских могильниках XII—XIV вв.[5], в Саркеле — Белой Веже X—XII вв.[6]

Тип 2. Боченковидные (24 экз.). Размеры бус колеблются от 4 до 10 *мм* в диаметре, наиболее типичен диаметр 5 *мм*. Бусы изготовлены из голубого (16 экз.), черного (6 экз.), зеленого (1 экз.) и желтого непрозрачного

---

[3] Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы, стр. 73.

[4] Г. А. Федоров-Давыдов. Отчеты о раскопках в Новом Сарае за 1960—1970 гг. Архив ИА АН СССР.

[5] А. Е. Алихова. Старосотенский могильник. Археологический сборник, 1, Саранск, 1948, стр. 212—246, табл. III; В. Н. Поливанов. Муранский могильник. М., 1896, рис. 5.

[6] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935, рис. 7.

стекла. Аналогии встречаются в древнерусских памятниках [7], в Болгарах и Новом Сарае [8].

Тип 3. Зонные (2 экз.). Размеры бус — 11 и 14 *мм* в диаметре. Стекло голубое и черное, непрозрачное. Аналогии известны в древнерусских памятниках [9] и кочевнических погребениях [10].

Тип 4. Бипирамидальные (5 экз.). Диаметр бус в среднем 5 *мм*. Стекло непрозрачное, черного, голубого и синего цвета.

Тип 5. Конусовидные (7 экз.). Размеры бус от 5 до 14 *мм* в диаметре. Стекло непрозрачное, голубого и желтого цвета. Аналогии встречаются в культурных слоях городища Саркела — Белой Вежи [11].

Тип 6. Эллипсоидные (5 экз.). Размеры бус колеблются в пределах 5—12 *мм* в диаметре. Цвет стекла голубой, зеленый, белый. Стекло непрозрачное. Аналогии известны в кочевнических погребениях [12].

Тип 7. Грушевидные (2 экз.). Стекло непрозрачное, зеленого цвета.

Тип 8. Кольцевидные. Внутри данного типа бус выделяются два подтипа: 1) небольшие кольцевидные бусины (диаметр 6—7 *мм)* из желтого, синего, голубого и зеленого непрозрачного стекла (9 экз.) и 2) крупные плоские кольцевидные бусины (до 20 *мм* в диаметре) из голубого и желтого непрозрачного стекла (4 экз.).

Из 69 экз. бус подразряда А — 17 экз. бракованных.

Подразряд Б

Бусы одноцветные, полученные накручиванием на твердую основу расплавленной стеклянной массы; поверхность их украшена нарезными линиями, нанесенными от руки заостренным стержнем по мягкой, еще не остывшей бусине.

Отдел I, круглые

Тип 1. Боченковидные (4 экз.). Диаметр бус колеблется от 4 до 7 *мм*. Цвет голубой, стекло непрозрачное. Аналогии известны в Саркеле — Белой Веже [13].

Тип 2. Кольцевидные (1 экз.). Диаметр бусины 15 *мм*. Стекло непрозрачное, голубого цвета.

Подразряд В

Бусы одноцветные, с рельефным орнаментом в виде зигзагообразных линий и округлых пятен, полученных в результате наложения на тело бусин нитей и капель разноцветного стекла и их последующего заглаживания.

Отдел I, круглые

Тип 1. Форма бусин шаровидная, зонная и переходная между ними (13 экз.); диаметр бус от 7 до 9 *мм*. Стекло непрозрачное, черного цвета с белыми, красными и желтыми нитями и круглыми пятнами.

Среди рассмотренных бусин три бракованные. Аналогии известны

---

[7] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, 55, 1956, стр. 166—169; ее же. О происхождении некоторых типов древнерусских бус. СА, 1962, 2, стр. 83, 84, рис. 1, 2.

[8] Г. А. Федоров-Давыдов. Отчеты о раскопках в Новом Сарае. Архив ИА АН СССР.

[9] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода, стр. 166.

[10] Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы, стр. 73.

[11] М. И. Артамонов. Ук. соч., рис. 7.

[12] Г. А. Федоров-Давыдов. Ук. соч., стр. 73.

[13] З. А. Львова. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 324.

в мордовских могильниках XII — XIV вв.[14], на городищах по р. Каме XIII — XIV вв.[15], в Болгарах, Саркеле — Белой Веже (XI—XII вв.) [16], в могильниках Кавказа [17], древнерусских памятниках XI — начала XIII в.[18]

В этом типе бус следует выделить немногочисленную группу (6 экз.) красивых бусин из черного блестящего непрозрачного стекла с вертикальной рельефной полосой прозрачного белого с синими или черными полосками стекла. Аналогии такого типа бусинам пока неизвестны.

Тип 2. Боченковидные (3 экз.). Диаметр бусин колеблется в пределах от 6 до 10 *мм*. Стекло непрозрачное черное, с белыми рельефными зигзагообразными нитями. Аналогии встречаются в мордовских [19], болгарских [20] и древнерусских памятниках [21].

Подразряд Г

Одноцветные бусы, изготовленные навивкой стеклянной нити на твердую основу и впоследствии незаглаженные, «витые».

Отдел I, круглые

Тип 1. Конусовидные (6 экз.), стекло непрозрачное, голубого цвета.

Тип 2. Боченковидные (4 экз.). Диаметр бусин 5 *мм*. Стекло непрозрачное, голубого и черного цвета.

Интересно заметить, что «витые» бусины представлены большим числом бракованных экземпляров (66 экз.); это составляет приблизительно половину всего количества бракованных бус, найденных при раскопках стеклоделательной мастерской.

Подразряд Д

Глазчатые бусы, изготовленные накручиванием на твердый стержень стеклянной массы с последующим вдавлением в размягченное тело бусины глазка.

Отдел I, круглые

Тип 1. Шаровидные (89 экз.). Из них 13 бусин бракованных. Наиболее характерны бусины с диаметром 11—12 *мм*. Стекло непрозрачное, черного (56 экз.), голубого и желтого цвета. Число глазков на бусине более или менее постоянно — от 3 до 4. Глазки округлой формы, утопленные в тело бусины. Аналогии известны в болгарских и мордовских памятниках [22], в древнерусских памятниках [23], на Северном Кавказе [24] и в горо-

---

[14] А. Е. Алихова. Старосотенский могильник. Археологический сборник, 1, стр. 212—246, табл. III; В. Н. Поливанов. Муранский могильник. М., 1896, рис. 5.

[15] Древности Камской чуди. МАР, т. 26, СПб, 1902, стр. 44, 45, табл. XXIV, рис. 34, 35.

[16] О. А. Артамонова. Могильник Саркела — Белой Вежи. МИА, 109, 1963, рис. 52.

[17] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, табл. XC, *1*.

[18] М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». М., 1959, 2, рис. 6, *24*, приложение VI, *24*.

[19] А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 212—246, табл. III; В. Н. Поливанов. Ук. соч., рис. 5.

[20] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1954, стр. 204—206.

[21] М. В. Фехнер. Ук. соч., рис. 6, *10*.

[22] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 205, 206; А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 212—246; табл. III; А. Ф. Лихачев. Бытовые памятники Великой Булгарии. Тр. II АС, СПб., 1876, 1, стр. 33, 34; Гагинский могильник, ОАК за 1894 г. СПб., 1896, стр. 148, 149.

[23] Ю. А. Щапова. Стеклянные бусы..., стр. 177, 178.

[24] В. Б. Деопик. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв., стр. 222, 223; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, табл. XC, *1*.

дах Золотой Орды (Увек, Сувар, Биляр, Новый Сарай) [25], в кочевнических погребениях X—XIV вв. [26].

Тип 2. Зонные (50 экз., из них 10 бракованных). Диаметр бус постоянно равен 11—12 *мм*. Стекло непрозрачное, черного, голубого, зеленого и желтого цвета. Аналогии встречаются в болгарских [27], мордовских [27], золотоордынских памятниках [28], в Саркеле — Белой Веже и на Северном Кавказе [29].

Тип 3. Цилиндрические (4 экз.). Стекло непрозрачное, черного и желтого цвета, с числом глазков от 6 до 9. Аналогии известны в могильниках Северного Кавказа [30].

Тип 4. Эллипсоидные (2 экз.). Стекло непрозрачное, черного и голубого цвета.

Отдел II, плоские

Крупные плоские овально-вытянутые бусы — «медальоны» (12 экз.). Стекло непрозрачное, черного (6 экз.), голубого (3 экз.) и желтого (2 экз.) цвета с одним мозаичным глазком, слегка углубленным в тело бусины. Аналогии не известны.

Следует отметить, что глазки в бусинах Селитренного городища и в аналогичных им бусинах из перечисленных памятников представлены двумя разновидностями. С одной стороны, это простые глазки однородного цвета (белые, голубые, желтые), которые получали из капли размягченного цветного стекла; такую каплю накладывали на мягкую поверхность бусины и слегка сглаживали. С другой стороны, это так называемые мозаичные глазки, состоящие из темного (чаще всего темно-красного) центра и отходящих от него красных и белых лучей-ресничек. Подобные глазки получали, разрезая многослойную стеклянную палочку, полученную при последовательном погружении ее в жидкое стекло разных цветов, на отдельные куски, которые представляли собой уже готовые глазки (их оставалось только вдавить в тело еще не оставшей бусины) [31]. Техника изготовления мозаичных глазков применялась с давних пор. На территории Поволжья и Кавказа мозаичные глазки известны в предшествующий период и продолжают существовать в золотоордынскую эпоху. Подтверждением служат найденные при раскопках Селитренного городища в стеклоделательной мастерской многоцветные стеклянные палочки для изготовления глазков.

Подразряд Е

Мозаичные бусы, полученные при вкраплении в размягченное черное тело бусины разноцветной стеклянной крошки.

Отдел I, круглые

Тип 1. Шаровидные, зонные и промежуточные между ними формы (14 экз., 3 экз. бракованные). Размеры бусин от 5 до 13 *мм* в диаметре. Стекло непрозрачное, в черную основу бусины вкраплены белые, желтые, красные и голубые пятна.

---

[25] Сб. «Поволжье в средние века». М., 1970, табл. VII, рис. 7.
[26] Г. А. Федоров-Давыдов. Ук. соч., стр. 73.
[27] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 206; А. Е. Алихова. Ук. соч., табл. III.
[28] Г. А. Федоров-Давыдов. Ук. соч., стр. 73.
[29] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, табл. XC, *5*.
[30] Там же.
[31] G. Eisen. The Characteristics of Eye-Beards from the Earliest Times to the Present. AJA, 1916, XX, 1, стр. 5, 6.

Подобные бусы характерны для Саркела — Белой Вежи и болгарских памятников XI—XII вв.[32] Мозаичные бусы продолжают существовать и в XIII—XIV вв., о чем свидетельствуют их находки в древнерусских курганах XIII—XIV вв.[33], в болгарских и мордовских памятниках[34], на Кавказе[35] и в городах Золотой Орды[36].

Подразряд Ж

«Зебристые» бусины с разноцветными разводами. Такие бусы получали, покрывая тело бусины полосками стекла другого цвета.

Отдел I, круглые

Тип 1. Шаровидные (15 экз.). Бусины крупные, до 20 *мм* в диаметре. Стекло непрозрачное. Цвет тела бусины черный, поверхность ее украшена чередующимися черными и белыми, голубыми и белыми полосами.

Тип 2. Конические (1 экз.). Стекло непрозрачное. Бусина черная с белыми полосами.

РАЗРЯД II

Одноцветные, изготовленные разрезанием стеклянной трубки.

Отдел I, круглые

Тип 1. Рубленый бисер (23 экз., из них 6 бракованных). Встречается бисер голубого, желтого и черного цвета. Аналогии известны в раннеболгарских памятниках[37], славянских памятниках X—XII в.[38], в Саркеле[39] и погребениях кочевников[40].

Тип 2. Цилиндрические гладкие (9 экз.). Стекло непрозрачное, голубого, светло-зеленого и желтого цвета. Аналогии есть в древне-русских памятниках[41], в Саркеле[42] и кочевнических погребениях[43].

Тип 3. Цилиндрические бусины с орнаментом в виде рельефных нитей и пятен (4 экз.). Стекло непрозрачное, черного и темно-синего цвета с белыми рельефными нитями.

Отдел II, ребристые

Тип 1. Четырехгранные. Внутри данного типа можно выделить два подтипа: 1) пирамидальные (21 экз.). Стекло непрозрачное и полупрозрачное (4 экз.), цвет темно-синий (15 экз.), темно-фиолетовый

---

[32] З. А. Львова. Восточноевропейские стеклянные украшения VIII—XII вв. Л., 1961.

[33] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, 20, СПб., 1896, табл. 2, *14, 15*.

[34] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 205, 206; А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 212—246; табл. III.

[35] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XC, рис. 1.

[36] Г. А. Федоров-Давыдов. Отчеты о раскопках в Новом Сарае. Архив ИА АН СССР.

[37] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 58, 59.

[38] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы..., стр. 172, 173.

[39] З. А. Львова. Стеклянные браслеты..., стр. 325.

[40] Г. А. Федоров-Давыдов. Ук. соч., стр. 72.

[41] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы..., стр. 171.

[42] З. А. Львова. Стеклянные браслеты..., стр. 325.

[43] Г. А. Федоров-Давыдов. Ук. соч., стр. 72.

и голубой; 2) призматические (10 экз.). Стекло непрозрачное и полупрозрачное (2 экз.), цвет темно-синий, голубой, желтый и черный.

Тип 2. Эллипсоидные (1 экз). Светло-синее прозрачное стекло. Аналогии есть в древнерусских памятниках X—XII вв.[44] и кочевнических погребениях[45].

Тип 3. Зонные (1 экз.). Стекло голубое непрозрачное.

РАЗРЯД III

Бусы, изготовленные из разноцветных обломков стекла, спрессованных в горячем состоянии.

Отдел I, круглые

Тип 1. Шаровидные (1 экз.). Аналогии известны в Саркеле[46] и погребениях кочевников[47].

Тип 2. Зонные (3 экз). Аналогии есть в Саркеле[48] и погребениях кочевников[49].

Рассмотренные бусы Селитренного городища представлены 532 экз. целых бусин и обломков, из них 116 бракованных (около 21% всего числа) и 48 бусин, формы которых не восстанавливаются. Наличие брака позволяет с определенностью ставить вопрос о местном производстве стеклянных бус, бракованные экземпляры которых были найдены в стеклоделательной мастерской. Основная масса бусин (76%) получена накручиванием на твердую основу расплавленной стеклянной массы, 23% всех бусин выполнено разрезанием стеклянной трубки и лишь 1,1% бусин получено из разноцветных обломков стекла, спрессованных в горячем состоянии. Интересно отметить, что подобное процентное соотношение (преобладающее количество бусин I разряда по отношению к количеству бусин II и особенно III разряда) складывается на территории Поволжья начиная с X—XI вв.[50] и продолжает существовать, судя по материалам Селитренного городища, в XIII—XIV вв. Бусы Селитренного городища изготовлены из непрозрачного, заглушенного стекла (из 532 экз. только 6 сделаны из синего или темно-фиолетового полупрозрачного стекла), причем излюбленным цветом стекла был черный и голубой. Характерно, что и в XI—XII вв. на территории Поволжья были распространены украшения из черного непрозрачного стекла[51]. Около 260 экз. бус Селитренного городища сделано из одноцветной (черной, голубой, желтой, реже зеленой) стеклянной массы, 172 бусины глазчатые (каждая бусина украшена 3—4 глазками), часть бус украшена накладными нитями и каплями стекла (32 экз.), часть — разноцветными крошками стекла, вмятыми в размягченную поверхность черного тела бусины,— так называемые мозаичные бусы (около 20 экз.), незначительная часть всех бус представлена «зебристыми» бусинами и бусинами из спрессованных разноцветных обломков стекла. Эти приемы украшения стеклянных бус (глазки, накладные нити и капли стекла, стеклянная крошка), были известны и в предшествующий период —XI—XII вв., особенно на территории Поволжья и Кавказа[52].

Все сказанное выше, преемственность в технологии производства и приемах орнаментации стеклянных бус, сохранившееся преобладание

---

[44] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы.., стр. 176.
[45] Г. А. Федоров-Давыдов. Ук. соч., стр. 72.
[46] З. А. Львова. Стеклянные браслеты..., стр. 326.
[47] Г. А. Федоров-Давыдов. Ук. соч., стр. 74.
[48] З. А. Львова. Стеклянные браслеты..., стр. 326.
[49] Г. А. Федоров-Давыдов. Ук. соч., стр. 74.
[50] З. А. Львова. Восточноевропейские стеклянные украшения..., стр. 13.
[51] Сб. «Древности мордовского народа». Саранск, 1941, табл. XII.
[52] З. А. Львова. Восточноевропейские стеклянные украшения..., стр. 13.

бус из черного заглушенного стекла, характерное для районов Поволжья и Кавказа XI—XII вв., позволяет предположить сохранение местных традиций в изготовлении стеклянных бус стеклоделами золотоордынской столицы Сарай-Бату (Селитренное городище).

N. N. Boussiatskaïa

LES PERLES EN VERRE PROVENANT DE LA GORODICHTCHÉ SÉLITRENNOÏÉ

Résumé

L'article est consacré à la classification des perles de verre trouvées au cours des fouilles d'un atelier de verrerie sur le territoire de Saraï-Batou, ancienne capitale de la Horde d'Or des XIII—XIVes siècles (la gorodichtché Sélitrennoïé). En partant de la technologie de fabrication des perles ces dernières sont réparties en trois groupes dont chacun se subdivise, à son tour, en sections et types.

Les vestiges de l'atelier de verrerie et les restes de production (laitiers, pièces de verre fondues, perles mises au rebus) donnent lieu à supposer qu'à Saraï-Batou il y avait une fabrication locale des perles dont la technologie d'éxécution et l'ornementation révèlent les traditions des X—XIIes siècles.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ СТЕКЛА СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

Лабораторией спектрального анализа ЛОИА АН СССР был исследован материал стеклоделательной мастерской Селитренного городища. Отобранная для анализа часть материала была представлена различными кусочками: отходами производства стекла (семь кусков), стеклом, оставшимся на стенках тиглей и керамики (два образца), бракованными стеклянными изделиями (три образца), полуфабрикатами (одна штука) и готовыми стеклянными изделиями (19 предметов). Всего было выполнено 35 анализов для 32 предметов из стекла. Три стеклянные бусины были проанализированы дважды: для установления химического состава основного тела бусины и для цветного глазка. Изготовленные из цветного стекла бусы и подвески были украшены разноцветными стеклянными глазками и полосками, сочетавшими красный, желтый, зеленый, синий, коричнево-бурый, черный и белый цвета. Весь этот качественно разнообразный материал из стекла представлен двумя химическими типами, которые можно объединить в первоначальный исходный химический тип стекла. Спектральный анализ показал, что все исследованные образцы стекла содержат постоянные главные компоненты, определяющие химический тип, который образован пятью главными компонентами Na_2O — CaO — MgO — Al_2O_3 — SiO_2.

Соотношение этих компонентов показывает, что мастера-стеклоделы, по всей видимости, использовали местное сырье — кварцевый песок и золу местных, т. е прикаспийских, растений или морских водорослей, причем кварцевый песок (SiO_2) содержал в качестве примесей окислы железа и титана, а также некоторое количество окислов кальция, магния, алюминия, а в состав золы входили окислы натрия, калия, кальция, магния, алюминия и марганца [1]. Стекла, содержавшие набор таких компонентов, в зависимости от условий варки могли быть бесцветными, прозрачными (см. таблицу состава, анализ № 10 — оконный диск) или окрашенными окислами железа и марганца в желто-зеленые и буро-коричневые тона (кусок стекла, анализ № 6, бусина — анализ № 29) [2]. Стекло этого же состава, возможно, содержащее сульфидное

[1] М. А. Безбородов. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969, стр. 44—59.

[2] М. А. Безбородов, Э. Ж. Мазо, М. Т. Мельник. Обесцвечивание марганцевых стекол. Ж. прикл. химии, 1962, 8.

железо, настолько густо окрашивалось, что казалось черным (анализы № 6, 11, 12, 14, 15, 19, 22, 23, 25, 34). Как показало исследование, черное стекло использовалось в качестве основного ядра и служило фоном при производстве глазчатых бус и инкрустированных цветной стеклянной крошкой или полосками.

При производстве однотонных и многоцветных стеклянных украшений, орнаментированных глазками и змейчатыми узорами, применялись красители стекла из свинца и меди. Одновременно с красителем в стекло вводилась двуокись олова, которая делала стекло непрозрачным, глухим. Свинец, добавлявшийся в стекла в виде красителя, в некоторых образцах содержался в таких количествах, что мы были вправе отнести эти стекла к новому химическому типу:

$$PbO — Na_2O — CaO — MgO — Al_2O_3 — SiO_2.$$

Если за условную границу концентрации, определяющую химический тип, считать содержание компонента выше 3%, то из 35 проанализированных стекол 19 относятся к свинцовому типу стекла. Остальные 16 образцов стекла содержали окись свинца в количестве от 2,5% до сотых долей процента и следов. Снижение содержания свинца в стекле в одних случаях можно рассматривать как свинец, использованный в качестве красителя, а в других — как случайную примесь.

В зависимости от условий, при которых проходила варка стекла, свинец и медь образовывали различные химические соединения, которые окрашивали стекла в красный, коричневый, желтый, зеленый и синий цвета. Некоторые из свинцовых стекол содержали такие соединения свинца, которые не были красящими, и стекла оставались бесцветными. К таким относились молочно-белые, заглушенные оловом стекла. Они использовались для получения орнамента в виде полосок и глазков (анализы № 20, 30). Примененное в производстве украшений желтое стекло содержало красящие соединения свинца. Желтое, заглушенное оловом стекло широко применялось

Химический состав стекла Селитренного городища

	Шифр лаборатории												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
	Наплывы стекла на керамике, № 361	Кусок стекла без номера					Наплывы стекла на шлаке без номера	Кусок стекла без номера		Оконный диск без номера	Бусина без номера		
	Синие, глухие	буро-желто-зеленый, глухой	зеленовато-красный, глухой	голубой, глухой		темно-коричневый, прозрачный	Красно-коричневый глухой	голубой, прозрачный	желтый, глухой	Бесцветный, прозрачный	черно-бурый, прозрачный	черный, прозрачный	желтый, глухой
SiO_2	65,0	57,0	61,5	63,0	63,0	66,0	63,8	67,0	62,5	65,5	66,0	61,5	60,0
Na_2O	13,3	11,5	17,5	13,2	15,5	16,5	13,8	17,0	10,5	16,6	12,7	18,5	11,8
K_2O	2,7	?	?	2,0	?	1,8	?	2,0	2,0	2,3	2,2	2,2	?
CaO	4,6	3,9	7,1	7,8	4,8	5,8	4,1	4,7	3,0	7,9	10,2	6,1	3,0
MgO	1,8	1,4	2,3	2,0	2,0	2,0	1,6	2,2	1,0	2,4	2,5	2,4	1,3
Al_2O_3	4,8	2,8	5,1	4,8	5,4	5,2	3,1	5,2	2,3	4,5	5,1	5,3	2,7
Fe_2O_3	0,8	1,2	1,2	0,7	1,2	0,9	2,2	0,9	0,8	0,8	0,8	1,3	1,2
MnO	0,6	1,2	0,5	0,2	0,1	0,4	0,6	0,05	1,2	0,09	0,04	0,5	1,2
Sb_2O_5	—	0,05	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
PbO	3,5	17,0	2,2	1,7	2,4	0,08	5,3	0,02	13,4	0,4	Следы	0,6	14,5
CuO	1,3	0,3	0,1	1,5	2,2	0,1	2,0*	0,05	Следы	Следы	»	0,05	0,01
TiO_2	0,4	0,6	0,5	0,5	0,4	0,5	0,5	0,5	0,5	0,3	0,4	0,6	0,5
SnO_2	2,7	3,5	1,5	2,6	2,7	0,4	2,9	0,04	2,8	0,2	Следы	0,8	3,0
Ag_2O	0,001	0,002	—	0,002	0,003	0,001	0,003	—	0,001	—	—	—	0,001

Шифр лаборатории	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
	Бусина											
	№ 319		№ 309	№ 504	(подвеска) № 458	№ 465 (основа)	№ 465 (глазок)	(подвеска) № 329	№ 400	(подвеска) № 402 (основа)	Бусина, (подвеска) № 402 (глазок)	Бусина (подвеска) № 362 (основа)
	Черный, глухой		Зеленый, глухой	Голубой, глухой	Желтый, глухой	Черный, глухой	Белый, глухой	Красно-коричневый, глухой	Черный, глухой		Желто-белый глухой	Буро-коричневый, глухой
SiO_2	60,6	62,2	59,1	67,0	59,4	63,0	63,5	65,5	64,6	67,0	64,0	61,0
Na_2O	18,5	19,2	9,1	10,7	11,3	18,0	9,2	8,0	13,0	15,3	10,5	17,2
K_2O	?	?	1,4	1,3	?	1,3	?	1,2	1,8	2,2	?	2,0
CaO	6,9	10	3,3	3,3	3,2	6,2	4,5	4,6	11	6,5	4,0	8,5
MgO	2,2	2,6	1,3	1,2	1,3	2,2	1,4	1,2	2,4	2,0	1,4	2,4
Al_2O_3	5,2	5,4	2,6	2,4	2,4	5,5	2,5	2,3	4,9	5,2	2,7	5,4
Fe_2O_3	1,2	1,2	1,0	0,8	1,2	1,2	0,6	1,2	0,9	0,9	1,1	1,4
MnO	0,6	0,1	0,05	0,07	1,2	0,3	1,1	0,9	0,08	0,4	1,4	0,1
Sb_2O_5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
PbO	3,2	Следы	16,2	7,8	17,0	1,0	12,5	10,9	0,25	0,4	10,4	0,6
CuO	0,15	0,01	1,8	1,9	0,15	0,03	0,03	0,4*	0,01	0,05	0,05	0,01
TiO_2	0,5	0,5	0,4	0,4	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4	0,5	0,6	0,6
SnO_2	1,2	0,08	3,5	3,0	3,0	0,6	4,0	3,2	0,6	0,5	3,6	1,0
Ag_2O	—	—	0,002	0,002	0,005	—	—	—	—	—	—	—

Шифр лаборатории	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35
	Бусина (подвеска № 362 (глазок)	Бусина (проницка) № 308	Стержень-заготовка для глазков, № 306	Бусина						
				№ 307	(пуговица) № 559	(пуговица) № 559	(пуговица) № 559	№ 550	№ 361	№ 42
	Желтый, глухой	Красный, глухой		Буро-коричневый, глухой?	Белый, глухой	Желтый, глухой	Желтовато-зеленоватый, глухой	Голубой, глухой	Черный, глухой?	Красный, глухой
SiO_2	62,0	66,5	65,9	63,5	59,2	60,5	61,9	61,0	59,0	63,0
Na_2O	8,9	10	11,7	19,0	10,7	11	10,5	15,5	17,8	14,8
K_2O	1,8	1,5	?	2,6	2,5	?	?	?	3,5	?
CaO	7,5	3,5	2,8	4,4	5,1	2,6	2,8	5,9	8,4	7,0
MgO	1,4	1,3	1,5	2,1	1,4	1,3	1,3	2,0	2,5	2,2
Al_2O_3	2,4	2,4	2,8	5,4	2,6	2,5	2,7	4,7	5,6	4,7
Fe_2O_3	0,8	1,4	1,6	1,3	1,1	0,8	1,1	1,2	1,4	1,2
MnO	0,7	0,3	0,9	0,1	0,7	1,4	1,3	0,8	0,1	0,9
Sb_2O_5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
PbO	11,5	8,0	7,3	0,15	11,7	16,2	15,3	4,0	0,1	2,5
CuO	0,01	1,8*	2,2*	0,1	0,04	0,04	0,03	1,6	0,05	1,8*
TiO_2	0,4	0,4	0,5	0,4	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
SnO_2	2,5	2,7	2,7	0,5	4,5	3,0	2,5	2,7	0,3	1,3
Ag_2O	—	0,002	0,003	—	0,001	—	—	0,002	—	0,003

* Содержание закиси меди Cu_2O.

при изготовлении однотонных бус и подвесок, при сочетании с другими цветными стеклами составляло элементы глазков и полосок (анализы № 9, 13, 18, 24, 26, 31, 32).

Медный краситель в восстановительной среде образует закись меди (Cu_2O), которая окрашивает стекла в красно-коричневый цвет различной тональности, причем стекла, окрашенные этим соединением меди, становятся непрозрачными и не требуют специального введения двуокиси олова как глушителя. Но тем не менее во всех изученных красных и коричневых стеклах, окрашенных закисью меди, содержалось олово (анализы № 7, 21, 27, 28, 35). Как компонент-глушитель красно-коричневого стекла двуокись олова была лишней. Не исключена вероятность того, что олово вводилось в стекло не самостоятельно, а одновременно со свинцом, находясь в его сплаве. По всей видимости, именно этим и объясняется увеличенное содержание олова в тех стеклах, где больше свинца, и его отсутствие или малое количество в стеклах с низким содержанием свинца.

Медный краситель в окислительной среде окрашивает стекла окисью меди (CuO) в голубой и синий цвета (анализы № 1, 4, 5, 8, 17, 33), а в присутствии желтого свинцового красителя образуется стекло, окрашенное в зеленый цвет (анализы № 2, 3, 16).

На основании изученного материала стеклоделательной мастерской Селитренного городища можно заключить, что в мастерской производили зольные стекла с постоянным составом пяти компонентов:

$$Na_2O — CaO — MgO — Al_2O_3 — SiO_2.$$

Свинец, вводимый в стекло указанного состава в качестве красителя, образовывал новый химический тип:

$$PbO — Na_2O — CaO — MgO — Al_2O_3 — SiO_2.$$

Имея в своем распоряжении в качестве красителей свинец и медь, а также постоянно находящиеся в стекле железо и марганец, стеклоделы так изменяли производственные режимы варки стекла, что могли получать бесцветные прозрачные стекла и окрашенные в красный, желтый, зеленый, синий, коричневый, черный цвета.

Д. В. Наумов

Заметки

Н. К. АНИСЮТКИН

ОРУДИЯ КЛЮВОВИДНЫХ ФОРМ В РАННЕМ И СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ

В раннем и среднем палеолите наиболее распространенной техникой вторичной обработки орудий была выемчато-зубчатая ретушь, особенно характерная для клектоно-тейякских индустрий, где выемчатые и зубчатые орудия зачастую преобладали над остальными. Выемки (зубчатая ретушь — это цепь соприкасающихся выемок) использовались не только для оформления лезвия орудий, а применялись иногда как конструктивные детали. Так, две смежные выемки выделяли выступ, который затем переделывался вторичной обработкой в скребки, долотовидные орудия, острия. Подобные инструменты можно назвать, учитывая их форму, клювовидными. Они не должны отождествляться с клювовидными формами позднего палеолита и неолита, которые, за некоторым исключением, иначе обработаны и, как правило, редки. Кроме того, многие из так называемых клювовидных орудий совсем не имеют выемок, и основой для их выделения является только форма [1].

Изделия с выемчатыми рабочими краями, или, иначе, клювовидные формы, были в ряде древних комплексов весьма распространенными орудиями. В клектонском местонахождении Сент-Анне-д'Эвеноз (Южная Франция) таких изделий обнаружено более 23%, а в тейякских слоях грота Бом-Бон их было более 14% [2]. Столь же обильны орудия клювовидных форм и в синхронных памятниках Центральной Европы [3].

Подобные формы известны в мустье, но почти везде в небольшом числе. В различных вариантах мустье имеется разное количество этих орудий. Если в типичном мустье их нет или они единичны, то в зубчатом мустье они обычны, хотя, судя по публикациям, и немногочисленны. Исключением является зубчатое мустье с тейякской традицией Приднестровья — стинковская культура, открытая и исследованная автором на правобережье Днестра в окрестностях Хотина Черновицкой области [4].

На основе стратиграфических и технико-типологических данных выделено три хронологических этапа этой культуры: древнейший — осыпский (местонахождения Осыпка, Стинка II и IV), «средний» — нижний слой

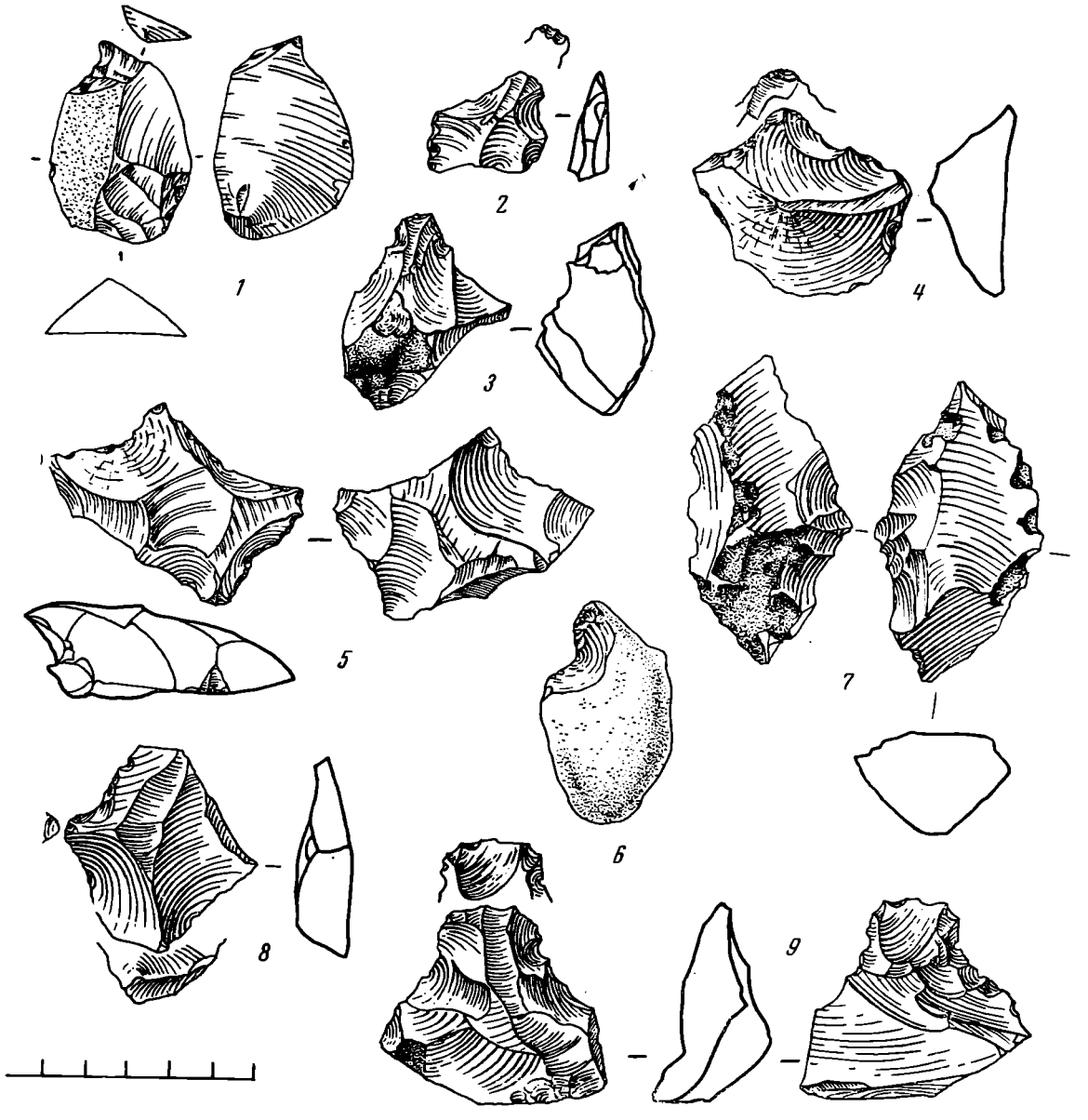
---

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 196, рис. 60; А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. МИА, 71, 1958, рис. 48.

[2] H. de Lumley-Woodyear. Le Paléolithique inferieur et moyen du midi Mediterraneén dans son cadre géologique. 1. Paris, 1969, стр. 204, 249.

[3] A. Rust and G. Steffens. Die Artefakte der Altonaer Stufe. Offa — Büchêr, 1962, стр. 17.

[4] Н. К. Анисюткин. Мустьерская стоянка Стинка на Среднем Днестре. «Археологический сборник ГЭ», II. Л., 1969.



Некоторые формы клювовидных орудий.

1 — клювовидный резак; *2* — стамескообразное орудие; *3* — скребок; *4* — стамескообразное орудие с рабочим краем на месте ударной площадки; *5* — клювовидное острие типа 3 (комбинировано со скребком); *6* — клювовидный резак на расколотой гальке (обушок — плоскость гальки); *7* — острие типа 2 (подтип «чопперовидные»); *8* — острие типа 1; *9* — долотовидное орудие.

1, 2 — Осыпка; *3* — верхний слой Стинки I; остальные — нижний слой Стинки I

стоянки Стинка I и «поздний» — верхний слой этой же стоянки, соответствующий, вероятно, финальному мустье [5] (рисунок). Клювовидные формы особенно обильны на ранних этапах и редки на позднем. Так, среди 101 орудия (исключены отщепы с ретушью и отдельные леваллуазские сколы без обработки, т. е. все малоопределимые орудия) осыпского этапа 27 относится к клювовидным, из 294 орудий нижнего слоя Стинки I — 37 клювовидных, а из 96 орудий верхнего слоя — 6.

В основу предлагаемой автором классификации клювовидных орудий положены материалы стинковской культуры, а также следующие комплексы тейякского типа Попрутья: грот Старые Дуруиторы [6] и местонахождение Мерсына [7], а также открытый автором в 1971 г. на Днестре

[5] Н. К. Анисюткин. Мустье Пруто-Днестровского междуречья. Автореф. канд. дис. Л., 1971.

[6] Н. А. Кетрару. Исследования палеолита в Молдавии. «ИАН Молд.ССР», 2. Кишинев, 1969.

[7] Н. А. Кетрару, Н. К. Анисюткин. Мерсына. Кишинев, 1967.

тейякский памятник Хоробра (с. Рашков Каменского района Молдавской ССР). Всего использовано более 200 подобных орудий.

Одним из первых на эти формы обратил внимание немецкий ученый Руст. Он выделил их не только в раннем и среднем палеолите Германии, но и в клектонских индустриях Англии [8]. Однако все клювовидные орудия, независимо от характера оформления рабочего края, названы скребками «с носиком» (Nasenschaber). В данном случае исследователь обратил внимание на главную деталь — выделение рабочего края выемками. Почти аналогично поступил и французский ученый А. Люмлей, положивший в основу выделения клювовидных форм две смежные выемки [9]. В отличие от зарубежных исследователей И. И. Коробков отдал предпочтение не конструктивным деталям, а форме орудия и характеру оформления рабочего конца (короткие острия) [10]. Предлагаемая нами классификация учитывает все эти разработки. Она построена с учетом соподчинения признаков. За основу взят основной прием выделения рабочего элемента двумя выемками, далее следует принцип оформления лезвия, т. е. речь идет о сумме общих признаков. Признаки частные характеризуют тип орудия.

Под клювовидными орудиями следует понимать такие изделия, рабочий край [11] которых выделен двумя смежными выемками. Они могут быть клектонскими, т. е. образованы одним сколом, или ретушированными. Иногда отмечается сочетание обычных выемок, т. е. ретушированных, и клектонских. Как правило, они крупные, отчетливо выделяющие основной рабочий элемент — выступ, который иногда бывает образован выемкой в сочетании с обломом или поперечной ретушью. Эти признаки, а также форма орудий имеют первостепенное значение и являются общими.

Типы объединены в группы, характеризующиеся способом оформления рабочего края, и названы с учетом предполагаемой функции: острия, долотовидные орудия, резаки, скребки. В одном случае удалось установить по следам работы, что клювовидный резак использовался в качестве своеобразного ножа — возможно, как предполагает В. Е. Щелинский, для раскройки шкур. Для типов характерно устойчивое сочетание признаков более конкретных, свойственных определенной и повторяющейся совокупности предметов.

Если речь идет о комбинированных орудиях, то можно либо каждый из элементов считать самостоятельным и учитывать отдельно, либо использовать предложенный Ф. Бордом метод преимущества [12]. Кроме того, возможно такое описание: большой латинской буквой обозначается группа, арабской цифрой — тип. К примеру, если обычное клювовидное острие (верхний слой Стинки I) может иметь такое обозначение — А2, то комбинированное со скребком (нижний слой) — А3Д1. В данном случае первым ставится тот рабочий элемент, который ярче выражен.

А. Клювовидные острия. Обязательно наличие выделенного смежными выемками острого конца, подправленного с нижней плоскости подтеской. В ряде случаев это следы утилизации. В отличие от проколок, тонкое жальце которых оформлено крутой или противолежащей ретушью, клювовидные острия имеют массивные и относительно короткие концы; форма их ладьевидная. В качестве заготовок использовались укороченные и толстые отщепы, а также осколки и даже остаточные нуклеусы. Можно

---

[8] A. Rust und G. Steffens. Ук. соч., стр. 56—58.

[9] H. de Lumley-Woodyear. Ук. соч.

[10] И. И. Коробков. Относительно подхода к разработке типологии тейякских индустрий. «Тезисы доклада на заседании, посвященном 75-летию со дня рождения Г. А. Бонч-Осмоловского», 1970.

[11] Обязательное правило — выделение рабочего края, а не черешка, как в ателийских памятниках. В том же случае, если между выемками нет рабочего края, речь идет о двойном выемчатом орудии. Кроме того, черешок выделяется чаще всего крутой ретушью.

[12] F. Bordes. Typologie du Paléolithique ancien et moyen. I, Bordeaux, 1961, стр. 10—11.

выделить следующие типы: 1) простые на отщепах с одним или несколькими остриями; 2) нуклевидные высокой формы; 3) массивные с клектонскими выемками, нанесенными со стороны брюшка, чаще всего это комбинированные орудия; 4) острия-ножи дуруиторского типа; 5) изделия с противолежащими выемками.

1. Простые клювовидные острия. Выемки чаще всего ретушированные и очень редко клектонские. Подправка конца со стороны брюшка незначительная, напоминающая следы употребления. Обычно ось орудия не совпадает с осью отщепа, и речь может идти о боковых остриях. Возможно выделение двух подтипов: типичных и атипичных. Последние характеризуются сочетанием отчетливой выемки и намеренного или естественного облома. Второй подтип следует выделять лишь в том случае, если в коллекции имеются типичные образцы.

2. Нуклевидные высокой формы. Орудия на массивных осколках, остаточных нуклеусах и иногда укороченных отщепах. Наибольшая длина не совпадает с осью орудия. Острый конец выделен выемками различного вида. Массивное жальце подправлено с нижней плоскости подтеской, напоминающей иногда обработку бифасов. Характерен «обушок» — противолежащий острию массивный край заготовки. Можно выделить три подтипа: укороченные — «чопперовидые» — с плоской ретушью конца и обушком, на нуклеусах с относительно удлиненным, но массивным острием, а также атипичные. От первого типа отличаются укороченными пропорциями, характером подправки рабочего края с нижней плоскости, массивностью и наличием обушка.

3. Массивные клювовидные острия, жальца которых выделены с брюшка выемками клектонского типа. В качестве заготовок использовались толстые отщепы. В большинстве случаев это комбинированные орудия. Выступы являются чаще остриями, реже долотовидными орудиями и иногда скребками [13]. Предварительно можно выделить два подтипа: обычные на обломках отщепов и орудия с острием на месте ударной площадки.

4. Острия-ножи дуруиторского типа [14]. Орудия на массивных, но удлиненных сколах, острия которых расположены обычно на месте ударной площадки, а обработка нанесена с брюшка. Ось заготовки, как правило, совпадает с осью орудия. Короткое острие образовано клектонской выемкой и прилегающей ретушью края. Жальце подправлено ретушью с нижней стороны. Очень часто один из краев превращен дополнительной обработкой в скребло с острым лезвием, что предполагает использование этого орудия в качестве ножа. Предварительно можно выделить два подтипа: типичные и атипичные. В широком смысле слова острия дуруиторского типа близки клювовидным формам типа 3. Как в одном случае, так и в другом обработка нанесена со стороны брюшка, отчетливо выражена подправка острия плоской ретушью. Отличаются они формой и прежде всего характером выделения рабочего края: если для типа 3 характерны клектонские выемки, то для дуруиторских острий существенно сочетание выемок с ретушью или, что очень редко, намеренным обломом.

5. Острия с противолежащими выемками. Орудия на различных заготовках с выемками клектонского типа. Напоминают клювовидные резцевидные острия (Bec burinante), выделяемые Ф. Бордом [15], отличаясь массивностью заготовок и характером оформления острого конца. В памятниках стинковской культуры не обнаружены. Орудия, напоминающие клювовидные острия, известны в ряде мустьерских стоянок. Они присутствуют, к примеру, в нижнем слое Ильской. Однако их обработка совер-

---

[13] Подобный предмет происходит из рисских слоев грота Бом-Бон. H. de Lumley et B. Bottet. Remplissage et évolution des industries de la Baum-Bonne. Congres préhistorique de Monaco. XVI, 1959, рис. 2.

[14] Предварительное описание см. Н. К. Кетрару, Н. К. Анисюткин. Мерсына, стр. 30.

[15] F. Bordes. Ук. соч., стр. 37.

шенно иная: острый конец выделен не выемками, а типичной мустьерской ретушью, и речь может идти либо о массивных остроконечниках, либо о конвергентных (по терминологии Ф. Борда) скреблах.

В. Долотовидные или стамескообразные орудия. От острий отличаются характером оформления рабочего края — выступа, который также выделен смежными выемками. Он двусторонней или, что реже, односторонней обработкой превращен в долотовидное лезвие. В качестве заготовок использовались отщепы и, по-видимому, осколки. Можно выделить два типа: первый — изделия с широким лезвием желобчатого типа, второй — с узким.

1. Рабочий край долотовидных орудий образован двусторонней подтеской. Лезвие всегда относительно острое. Можно выделять два подтипа: типичные и атипичные. Последние характеризуются только одной выемкой и выделяются в том случае, если в коллекции имеются типичные образцы. К примеру, в комплексе французской стоянки ашельского времени Орньяк (Ардеш) имеются долотовидные орудия только с одной выемкой [16], выделяющей затесанный рабочий конец, но их не следует рассматривать как подтип стинковских долот, а нужно считать самостоятельным типом.

2. Стамескообразные орудия. Очень узкий рабочий край образован односторонней или, что реже, двусторонней подтеской. Обычно это очень мелкие изделия на отщепах или их фрагментах. Могут быть два подтипа: один — с лезвием, которое противолежит основанию скола, и второй — с рабочим краем на месте ударной площадки. В принципе можно говорить об одном типе с двумя или тремя подтипами, но, учитывая то обстоятельство, что стамескообразные орудия в основном характерны для более ранних памятников, целесообразно, на наш взгляд, выделять два типа.

С. Клювовидные резаки. Речь идет о специфическом орудии, которое иногда описывается зарубежными исследователями как Bill-Hook — типичное для клектонских индустрий Англии [17]. Выделяемый нами клювовидный резак отличается от последних рядом признаков, и прежде всего характером выемки, которая бывает не только клектонской, но и ретушированной.

Клювовидным резаком называется такое орудие, режущая кромка которого находится на углу заготовки. Она образована поперечным концом и прилегающей выемкой, выделяющей «клюв» — рабочий конец. Основные и необходимые признаки: приуроченная к концу заготовки выемка, «обушок» — поперечный конец и короткое острие, часто подправленное или ретушированное с одной или двух сторон. Все три элемента взаимосвязаны и обязательны. Это один тип, состоящий из нескольких подтипов, за основу выделения которых взят принцип «оформления обушка». У первого он образован обломом или намеренным сечением верхней (или нижней) части заготовки, у второго подтипа обработан крутой ретушью, у третьего — естественный обушок (желвачная корка, плоскость гальки или грань скола), и у четвертого подтипа обушком является скошенная ударная площадка отщепа или пластины. Два последних подтипа выделяются в том случае, если представлены остальные разновидности, т. е. речь может идти о типичных резаках (первый и второй подтипы) и атипичных (третий и четвертый подтипы). Режущая кромка бывает образована плоской, иногда двусторонней, ретушью, микрорезцовыми сколами или просто имеет следы утилизации. Различными бывают и выемки.

D. Скребки. Рабочий край, выделенный двумя смежными выемками, обработан крутой скребковой ретушью. Можно выделить два типа: первый — ладьевидные высокой формы, второй — на плоских сколах.

---

[16] J. Combier. Le Paléolithique de l'Ardeche dans son cadre paléoclimatique. 4, Bordeaux, 1967, рис. 14, *3*.

[17] D. M. Collins. Metrischer und typologischer Beweis für die Selbstständigkeit der Kulturtraditionen des Acheuléens und des Clactoniens in England und Deutschland. Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. 52, Halle (Saale), 1968, стр. 28—29.

В отличие от скребков позднего палеолита, где скребковый выступ часто случаен, выделяемый нами тип должен иметь сочетание признаков, т. е. двух смежных выемок и скребкового рабочего края между ними. В отличие от вышеописанных групп орудий клювовидные скребки встречаются не только в среднем палеолите, но и обычны в позднем, а особенно в памятниках ранней поры, к примеру в ориньякских.

На территории СССР орудия клювовидных форм в значительном количестве известны только в комплексах клектоно-тейякского типа и в зубчатом мустье. Они обнаружены на Кавказе (пункты 3 и 9 Яштуха, в группе местонахождений Западного Азербайджана и северо-западной части Кавказа: Шиш-Гузей, Кёчаскар, Чахмахлы — материалы М. М. Мансурова, а также в Ходыженской — материалы В. Е. Щелинского), в Приднестровье (стинковская группа памятников, Хоробра, нижний слой грота Выхватинцы — раскопки Н. К. Анисюткина в 1971 г.), на северо-западе Молдавии (Мерсына, грот Старые Дуруиторы, Бобулешты V) и в Средней Азии (Куль-Булак в Узбекистане — материалы из раскопок М. Р. Касымова). Наиболее многочисленны эти орудия в комплексах Пруто-Днестровского междуречья, местонахождениях Шиш-Гузей (Западный Азербайджан) и Яштухском [18]. Однако всюду, где клювовидные орудия многочисленны, они имеют свою специфику: в Западном Азербайджане [19], к примеру, почти нет резаков и, исключая Шиш-Гузей, настоящих острий, но представлены долотовидные орудия. Даже территориально и культурно близкий стинковской культуре комплекс Мерсыны имеет свои отличия [20]. Здесь среди 300 орудий обнаружено 40 клювовидных изделий, среди них 16 острий, 7 долотовидных орудий, 11 резаков и 6 скребков. Если количественные соотношения до известной степени сопоставимы, то типологические их характеристики различны. Среди острий преобладают дуруиторские (7 экз.), совершенно отсутствующие в стинковской культуре, много атипичных (4 экз.) клювовидных острий, а среди долотовидных орудий мало типичных. Атипичными являются и резаки. Особенно показательны скребки — формы сравнительно редкие даже в верхнем слое Стинки I. Среди них — два на площадках отщепов, что типично для дуруиторо-мерсынской культуры и почти не характерно для стинковской. Скребки на площадках, многочисленные в Мерсыне и в Старых Дуруиторах, встречаются относительно часто (5%) в инвентаре осыпского этапа, но только как скребки, а не клювовидные формы. Правда, что касается Старых Дуруитор, то здесь клювовидных орудий относительно немного, и среди них преобладают скребки.

Все это свидетельствует о том, что данные формы специфичны в каждой территориальной группе памятников в зависимости от времени и культурной принадлежности их.

В стинковской культуре отмечена эволюция клювовидных орудий. Если в инвентаре осыпского этапа их около 27%, то в нижнем слое Стинки I — только 12,5%, а в верхнем слое этой же стоянки (на позднем этапе) клювовидных форм было лишь 6%. На осыпском этапе острий имелось 9%, долотовидных орудий — 6%, резаков — 12%, а скребков не обнаружено. На следующем этапе — в нижнем слое Стинки I — острия составляли 5%, долотовидные орудия — около 2%, резаки — 5%, скребки, не считая комбинированного с острием,— менее 1%. На позднем этапе обнаружено всего одно атипичное острие, резаков — почти 3%, скребков —2%. Долотовидные формы отсутствовали. Все это согласовывалось с общими изменениями всего каменного инвентаря: на заключительном этапе почти исчезают типичные

[18] И. И. Коробков. Итоги пятилетних исследований Яштухского палеолитического местонахождения. СА, 1967, 4, рис. 1 и 2.

[19] Все памятники открыты и изучаются. М. М. Мансуров. Мустьерское местонахождение Чахмахлы. «Материалы к сессии археологических и этнографических исследований 1970 г. в Азербайджане». Баку, 1971, стр. 4—5.

[20] В публикации эти формы почти не были выделены.

скребла, выемки клектонского типа и увеличивается процент позднепалеолитических форм, пластин и зубчатых орудий, причем количественные изменения вели к качественным изменениям: все эти формы, исключая скребки, достаточно атипичны.

Памятники стинковской культуры существовали в течение всей мустьерской эпохи, т. е. с конца последнего межледниковья и, по-видимому, до интерстадиала Подградем-Хенгело [21]. В течение этого периода происходит постепенное исчезновение клювовидных форм, особенно острий и долотовидных орудий. Присутствие их на завершающем этапе, который соответствует самому концу мустье, свидетельствует о специфике этой культуры. Она состоит в том, что здесь сравнительно долго существуют архаичные формы клювовидных орудий. В этом нас убеждает не только эволюция их в рамках стинковской культуры, но и период распространения массивных клювовидных орудий. Они не характерны в полном объеме для позднего палеолита (даже ориньяка, где представлены главным образом только скребки, и не всегда клювовидные), но зато многочисленны в некоторых индустриях среднего и раннего палеолита. В большинстве комплексов этой эпохи представлены все те группы типов клювовидных орудий, которые описаны выше. Характерно, что в очень древних индустриях эти формы часто изготовлены из галек или кусков камня. В данном случае предполагается связь их с галечными комплексами [22]. Как показал в своих исследованиях К. Валох, памятники гейдельбергской культуры с обильными клювовидными орудиями, относящиеся еще к кромерскому времени — гюнц-миндель, получают дальнейшее развитие [23]. И поэтому логично предположить, что индустрии типа стинковской, а может быть, и дуруиторской культур появились на основе центральноевропейского клектона с обилием клювовидных форм, на ранних этапах развития. В этом плане мустье с ашельской традицией юго-запада Франции является своеобразной моделью, которая может быть применена (только как модель) к зубчатому мустье с тейякской традицией Среднего Приднестровья. Сущность данного сопоставления состоит в том, что как в Перигоре, так и в междуречье Днестра и Прута (к подобным памятникам относится и местонахождение Бобулешты V на Реуте) существовали такие среднепалеолитические культуры, которые очень долго сохраняли древние традиции. В одном случае это ручные рубила, в другом — клювовидные формы орудий.

Разумеется, отсюда не следует, что клювовидные орудия и их количество повсюду являются хронологическим показателем. Справедливость этого положения следует доказывать на конкретных материалах. Известно, что ашель Франции часто очень беден бифасами. Однако это еще не свидетельство его возраста. Так, для позднеашельских комплексов Средиземноморья характерен невысокий процент рубил, в то время как в синхронных индустриях Северной Франции они всегда встречаются в изобилии [24]. Необходимо принимать во внимание различие темпов переживания тех или иных архаичных форм орудий, которые были свойственны конкретным территориям, конкретным палеолитическим культурам.

Разумеется, предложенная нами классификация будет в дальнейшем уточнена и дополнена новыми материалами и новыми наблюдениями, тем более что орудия, о которых шла речь в данной статье, только начинают выделяться исследователями палеолита.

---

[21] Н. К. Анисютин. Мустье Пруто-Днестровского междуречья, стр. 19.

[22] В этом плане представляют интерес находки А. Руста в Южной и Северной Германии. A. Rust. Artefakte aus der Zeit des Homo heidelbergensis in Süd- und Norddeutschland. Bonn, 1956. Можно указать на типичные долотовидные орудия из галек (местонахождение рисского времени Кастель в южной части Франции). H. de Limley-Woodyear. Le Paléolithique ancien et moyen, стр. 225, рис. 144, 1—2.

[23] K. Valoch. Les Paléolithiques inferieur et moyen en Europe Centrale. Actes du VIII Congres international des Sciences préhistoriques et protohistoriques. 1. Beograd, 1971, стр. 29.

[24] H. de Lumley-Woodyear. Ук. соч., табл. 20.

А. А. ФОРМОЗОВ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СЕГМЕНТОВ И ТРАПЕЦИЙ В КАМЕННОМ ВЕКЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

В 1953 г. автор опубликовал статью о распространении геометрических орудий на территории СССР. Картографирование находок кремневых изделий в виде сегментов, трапеций, низких асимметричных треугольников показало, что эти характерные для мезолита и неолита орудия встречаются отнюдь не повсеместно. Их совершенно нет в Сибири, в бассейне Оки и Верхней Волги и в районах, лежащих севернее (Карелия, Беломорье и т. д.). Основной ареал геометрических орудий в пределах СССР охватывает Крым, Кавказ и междуречье Волги и Днепра до широты Киева и Самарской луки. Помимо этого отмечалось распространение геометрических орудий в Туркмении, составляющей, очевидно, окраину того ареала, куда входят Кавказ и Передняя Азия, и в Литве и Белоруссии. Эту область мы склонны были связывать с западной группой стоянок с геометрическими орудиями (так называемый «польский тарденуаз») [1]. Правобережную Украину, вслед за С. Н. Бибиковым [2], мы рассматривали как район, где геометрические орудия почти не употребляли. Поскольку на Кавказе эти орудия известны еще в палеолите — в стоянках типа Гварджилас-клде, а в Северном Причерноморье эти изделия появляются позднее, высказывалось предположение о продвижении групп мезолитического населения с Кавказа на Север по Днепру, Донцу и Волге.

За истекшие двадцать лет при успешных полевых исследованиях советских археологов обнаружено много новых мезолитических и неолитических стоянок, содержащих сегменты, трапеции, треугольники. Большинство памятников связано с теми же областями — с Крымом, Кавказом, Поднепровьем, Нижним Поволжьем, Туркменией. Но впервые были открыты такие памятники и в иных местах, вне очерченного нами ареала. Не претендуя на составление новой карты распространения геометрических орудий в СССР, что потребовало бы статьи большого объема, дадим здесь краткий обзор новых материалов и поделимся соображениями, на которые эти материалы наталкивают.

Наиболее важной новостью надо считать открытие стоянок с геометрическими орудиями в Молдавии и на Правобережье Украины в пределах Одесской области [3], в Побужье [4] и Поднестровье [5]. Вывод, сделанный в 1953 г. С. Н. Бибиковым и повторенный нами, тем самым опровергнут. Доля истины в этом выводе все же была. Для ранних мезолитических памятников Правобережья геометрические орудия не характерны. Они появляются здесь не во второй половине верхнего палеолита, как на Кавказе, не в начале мезолита, как в Крыму, а главным образом в позднем мезолите и представлены в основном не ранними формами — низкими треугольниками и сегментами, а самыми поздними — трапециями и трапециями со струганной спинкой. Последняя форма и в Крыму, и на Кавказе встречается только в неолите вместе с керамикой.

---

[1] А. А. Формозов. Из истории передвижений групп первобытного человека в эпоху мезолита. СЭ, 1953, 1, стр. 168—172.

[2] С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука Врублевецкая на Днестре. МИА, 38, 1953, стр. 101, 102.

[3] В. Н. Станко. Мезолит Северо-Западного Причерноморья. Автореф. канд. дис., Киев, 1967; его же. Мезолитическая стоянка Гиржево в Одесской обл. СА, 1966, 2, стр. 96—103; его же. Некоторые вопросы позднего мезолита Северо-Западного Причерноморья, ЗОАО II, 1967, стр. 115—173.

[4] В. Н. Даниленко. Неолит Украины. Киев, 1969, стр. 46—147.

[5] В. И. Маркевич. Неолит Молдавии. Автореф. канд. дис., М., 1968; его же. Исследования неолита на Среднем Днестре. КСИА АН СССР, 105, 1965, стр. 85—90.

В. Н. Станко выделяет в Одесской обл. две группы мезолитических памятников. В первой — стоянки Белоселье, Анетовка, Ново-Архангельск — геометрических орудий почти нет. Только в Белоселье есть несколько сегментов. Эти стоянки В. Н. Станко связывает со среднедунайским мезолитом (Сексард — Палинк, Хонт, Лумберг — Мюльсберг), также почти лишенным таких орудий. В большом числе появляются эти изделия в поселениях второй группы — Гребенки, Гиржево и др., которую В. Н. Станко сопоставляет с памятниками более восточных причерноморских районов.

Сравнивая материалы из-под Одессы с находками на Буге и Днестре, можно заметить, что чем дальше от берега Черного моря, тем меньше на стоянках трапеций. На одной стоянке Гиржево найдено 210 трапеций [6]. У г. Сорок в Молдавии В. И. Маркевич раскопал пять стоянок. На двух из них по три слоя — верхние с керамикой, нижние — без нее, так что памятников в сущности девять. В этих девяти комплексах имеется 77 трапециевидных орудий [7]. На всех поселениях Южного Буга, обследованных В. Н. Даниленко, обнаружена только 21 трапеция [8]. Это показывает, что Правобережье Украины вошло в зону распространения геометрических орудий относительно поздно и здесь, как и на Левобережье, техника изготовления подобных изделий (а может быть и ее создатели) распространялась с юга на север.

Раскопки на Правобережье позволяют поставить вопрос — не было ли появление стоянок с геометрическими орудиями в Белоруссии и Литве результатом южных, а не западных влияний. По данным Р. К. Яблонските-Римантене, геометрические орудия широко употреблялись в Литве лишь с начала неолита. Они входят в один бескерамический комплекс с двустороннеобработанными топориками и поздними типами наконечников стрел из пластинок. Эта «микро-макролитическая культура» существовала до IV тысячелетия до н. э., когда на ее основе сложился древнейший керамический неолит Литвы типа Дубичай [9]. Керамика Дубичая во многом похожа на посуду днепро-донецкой культуры (растительные примеси в тесте, накольчатый орнамент) [10]. Близкая картина прослежена В. Ф. Исаенко и в Белоруссии. Здесь тоже выявлены бескерамические стоянки с микро-макролитическим инвентарем, включающим трапеции, и стоянки, где такой инвентарь сочетается с керамикой, напоминающей днепро-донецкую (Литвин 3 и др.) [11].

Сходство неолитической керамики из Литвы и Белоруссии с днепро-донецкой дает право предположить, что и появление геометрических орудий на Северо-Западе Русской равнины в несколько более раннюю эпоху отражает проникновение нового населения не с запада, а с юга. В пользу этого свидетельствует находка на стоянке Радикяй в Литве

---

[6] В. Н. Станко. Мезолитическая стоянка Гиржево, стр. 97.

[7] В. И. Маркевич. Неолит Молдавии. Рукопись диссертации и альбом к ней в архиве ИА АН СССР, р. 2, № 2006, табл. 12, 15, 19, 25, 29, 32, 36, 42, 48.

[8] В. Н. Даниленко. Ук. соч., рис. 17, 21, 48, 63, 73, 76, 81, 105, 113.

[9] Р. К. Яблонските-Римантене. Периодизация мезолитических стоянок Литвы. МИА, 126, 1966, стр. 75—87; R. Jablonskytė-Rimantienė. Zemųjų, kaniukų, IV — I tūkstantmecio pr., m. e. stovyklos. Тр. АН ЛитССР. Сер. А, 1963, 1, стр. 65—91, ее же. Veluvojo mezolito stovykla Lampedžiuose. Тр. АН ЛитССР. А, 1963. 2, стр. 39—53; ее же. Radikių, akmens amziaus stovyklos. Тр. АН ЛитССР. Сер. А, 1965. 1, стр. 33—45; ее же. Ankstyvojo neolito stovyklo Ežerynų, kaime. Тр. АН ЛитССР Сер. А, 1969, 2, стр. 101—109.

[10] Р. К. Римантене. Стоянки раннего неолита в юго-восточной Литве. Сб. «Древности Белоруссии». Минск, 1966, стр. 54—62.

[11] В. Ф. Исаенко. Мезолит восточного Полесья. Сб. «Вопросы истории и археологии». Минск, 1966, стр. 322—337; его же. Неолитические памятники типа Литвин на Нижней Припяти. Сб. «Древности Белоруссии», стр. 48—106; его же. Литвин 3 — памятник восточно-полесского варианта днепро-донецкой культуры. «Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии». Минск, 1969, стр. 37—45; его же. Основные орудия каменного века на западе Полесья. Там же, стр. 53—56.

двух трапеций со струганной спинкой — формы, характерной для Крыма, Северного Причерноморья, Предкавказья, но не для западных районов [12].

Один из основных исследователей мезолита и неолита Европы Г. Кларк опубликовал в 1958 г. специальную статью о трапециях в каменном веке Севера. Он считает, что распространение этого чуждого северным культурам типа орудий обусловлено продвижением причерноморских и средиземноморских племен к берегам Балтики в связи с увеличением численности населения на юге в период доместификации животных [13]. Имеющиеся у нас факты как будто подтверждают это предположение. На буго-днестровских мезолитических и неолитических поселениях обнаружены кости домашних быка и свиньи, остатки зерен пшеницы и ячменя [14], на днепро-донецких стоянках — кости домашних быка, свиньи, овцы и козы [15]. На поселении Камень в Пинском районе Белоруссии, где есть и трапеции и керамика, похожая на днепро-донецкую, найдены кости домашних быка и свиньи [16].

Новые материалы о распространении геометрических орудий получены и на востоке Русской равнины. В 1953 г. наиболее северные находки трапеций отмечались здесь в районе Самарской луки. Теперь открыты стоянки с трапециями и выше по Волге, и в Прикамье. При раскопках III Тетюшской стоянки собрано 22 трапеции. По одному экземпляру подобных орудий дали II Чингарская, Косяковская и VIII Атабаевская стоянки в том же районе [17]. На Каме три трапеции встречены на стоянке Огурдино, а на Вычегде — одна на стоянке Пезмог [18]. Все это памятники бескерамические. Видимо, южные элементы культуры так глубоко проникли по течению Волги в лесную зону не позднее IV тысячелетия до н. э. Можно ли и тут говорить о расселении скотоводческих племен, пока не ясно, но интересно, что как и в Литве и Белоруссии, в неолите Среднего Поволжья выделяется группа керамики, похожей на днепро-донецкую [19].

Наконец, немало нового узнали мы и о распространении геометрических орудий в мезолите и неолите областей, лежащих к востоку от Урала. В Башкирии Г. Н. Матюшин раскопал двенадцать стоянок, содержащих трапеции, сегменты и треугольники (Янгелька, Карабалыкты V, Мурат, Суртанды 6 и др.). Он расценивает их как мезолитические, но стратиграфически это не всегда четко доказано. В большинстве пунктов есть и неолитическая керамика. Возможно, значительная часть стоянок характеризует уже неолитическую эпоху. Появление геометрических орудий в Башкирии Г. Н. Матюшин связывает с влиянием южных прикаспийских районов [20].

---

[12] R. Jablonskyte-Rimantene. Radikiu, akmens..., рис. 5, 18, 22.

[13] J. G. Clarck. Blade and Trapeze Industries of the European Stone Age. PPS, XXIV, London, 1958, стр. 24—42.

[14] В. И. Маркевич. Ук. соч.

[15] Д. Я. Телегін. Дніпро-Донецька культура. Київ, 1968, стр. 209.

[16] В. Ф. Исаенко. Неолитическое поселение Камень в верховьях Припяти. Сб. «Вопросы истории». Минск, 1969, стр. 3—20.

[17] М. Г. Косменко. Мезолит Среднего Поволжья. Автореф. канд. дис., М., 1971.

[18] О. Н. Бадер. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита. МИА, 126, 1966, стр. 197, рис. 1, *17—19*.

[19] А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 73—74.

[20] Г. Н. Матюшин. О характере культуры Южного Урала в эпоху мезолита. СА, 1969, 4, стр. 23—48; и в начале, и в конце своей статьи (стр. 23, 43) Г. Н. Матюшин пишет об ошибке А. А. Формозова, проводившего границу распространения геометрических орудий между Волгой и Уралом. Не знаем, результат ли это слабого знакомства с литературой или сознательное искажение. Первая серия геометрических орудий из района к востоку от Урала — 7 трапеций из Агисае в Приаралье — опубликована именно нами (А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, XXV, 1949, рис. 15, *18—24*). На карте распространения геометрических орудий нами впервые отмечена трапеция на Южном Урале — на стоянке Кысы-куль. т. е. там, где позднее вел раскопки Г. Н. Матюшин (А. А. Формозов. Из истории передвижений..., стр. 169). В 1959 г. упомянута, помимо ранее учтенных четы-

При сборах и раскопках на развеянных дюнных стоянках Казахстана также сделаны новые находки единичных геометрических орудий, в том числе и в районах, расположенных восточнее намеченного ранее ареала — на двух стоянках у Караганды (Караганда, XV и Зеленая балка 4), в Пеньках Павлодарской области и Новой Шульбе в Семипалатинской [21]. Коллекции, собранные в песках около Карабагаза и в Фергане [22] и полученные при раскопках стоянки Туткаул в Таджикистане [23], тоже содержат серии геометрических орудий. Благодаря этим находкам обособленный туркменский район распространения геометрических орудий вошел в одну большую область, охватывающую Северо-Восточный Прикаспий, Южный Урал и Казахстан, и смыкающуюся с единой зоной распространения таких орудий в южной полосе СССР, как в европейской, так и в азиатской его части.

Новые материалы указывают, следовательно, на гораздо более широкое распространение геометрических орудий в мезолите и неолите СССР, чем принималось ранее. Эти изделия были свойственны всему Северному Причерноморью, а не только Левобережью Украины, всему Казахстану, а не только Приаралью. Установлено далекое продвижение стоянок с геометрическими орудиями на север двумя языками: через Белоруссию — в Литву, и по Волге — в Прикамье. Неизменными остались выводы относительно двух регионов — Сибири, с одной стороны, и Волго-Окского бассейна с прилегающими к нему с севера районами — с другой. И там, и тут археологические раскопки велись очень интенсивно, раскопаны многие десятки стоянок, но находок геометрических орудий нигде сделано не было. Обе территории выступают как области с совершенно иными культурными традициями, чем южная полоса СССР.

В Волго-Окском бассейне в мезолите были распространены стоянки с наконечниками стрел из ножевидных пластинок. Те же наконечники были здесь в употреблении и в неолите, в период древнейшей ямочной керамики [24]. В Литве, Белоруссии и северной полосе Украины мы знаем памятники, где геометрические орудия сочетаются с наконечниками стрел из пластинок (Перетичок, Дарница, Никольская слободка под Киевом, Бузьки в Черкасской обл., Петровское, Петровские пески и Кицевка на Донце) [25]. Севернее этой зоны контакта южных и северных элементов на данном участке Русской равнины геометрические орудия не проникают. В неолитическое время керамика днепро-донецкого типа появляется в Литве и Белоруссии и на Средней Волге, но опять же не в бассейне Оки и Верхней Волги. Точно так же в железном веке в Прикамье в изобилии попадали вещи скифского и античного происхождения,

---

рех находок в Западном Казахстане, и трапеция со стоянки Самель-кум в Бет-пакдале (А. А. Формозов. Микролитические памятники Азиатской части СССР. СА, 1959, 2, стр. 55).

[21] М. Н. Клапчук. Неолитические стоянки Караганда XV и Зеленая балка 4. «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», 36, 1969, рис. 2 и 3; его же. Археологические находки в Карагандинской обл. в 1952 г. СА, 1965, 3, рис. 3 и 4; Л. А. Чалая. О типах неолитических стоянок Казахстана. «Сборник научных работ аспирантов Исторического факультета МГУ». М., 1970, рис. 1, *19, 29;* ее же. Новые материалы по неолиту Казахстана. ВМГУ, история, 1970, 6, рис. 2, *15, 29.*

[22] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйства неолитических племен Средней Азии. МИА, 158, 1969, рис. 19, *4;* 20, *5*; 21, *22, 23*; 31, *4*; 33, *10, 11.*

[23] В. А. Ранов и Г. Ф. Коробкова. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в южном Таджикистане. СА, 1971, 2, рис. 4, *12, 16*; рис. 5.

[24] А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 76—79, 99; В. М. Раушенбах. Древнейшая стоянка Льяловской культуры. СА, 1964, 2, стр. 188—191, рис. 2.

[25] Д. Я. Телегін. Ук. соч., рис. 6, *21, 28*; 36, *9, 10.* Его же. Мезолит Левобережной Украины и его роль в сложении днепро-донецкой неолитической культуры. МИА, 126, 1966, рис. 1, *57—59,* 2, *12—15,* 31; его же. К вопросу о днепро-донецкой культуре. СА, 1961, 4, рис. 2, *29;* М. В. Сібільов. Старовинності Ізюмщини, вып. 1. Изюм, 1926, табл. III, *15*; IV, 1930, табл. XI, *15, 16.*

тогда как на Оке их почти нет [26]. Создается впечатление о мощном ядре волго-окских племен, на протяжении веков успешно противостоящем южному влиянию. В этом ядре с давних пор принято видеть область формирования финно-угорских народов.

Зона контакта южных и северных компонентов (стоянки Литвы, Белоруссии, Северной Украины, где встречаются и геометрические орудия и наконечники стрел из пластинок) соответствует представлениям многих лингвистов об области формирования индоевропейцев. Н. С. Трубецкой [27], А. Шерер [28], Э. Форрер [29], Х. Уленбек [30], П. Кречмер [31] говорили, что индоевропейцы сложились скорее всего на пограничье финно-угорского и кавказского мира. Поскольку геометрические орудия на юге СССР имеют, видимо, кавказское происхождение, а наконечники стрел из пластинок являются наследниками наконечников копий из пластин верхнепалеолитических стоянок Сейма, Десны, Среднего Дона, намеченную нами полосу можно считать искомой зоной скрещения северных и кавказских влияний. Граница области, где встречаются и те, и другие орудия, с областью, где есть только наконечники стрел из пластинок [32], в Прибалтике отвечает отличию индоевропейских летто-литовских племен от финно-язычных эстонцев.

Разумеется, процесс формирования финно-угров и индоевропейцев был сложен и охватывал несколько тысячелетий, вплоть до эпохи металла. С помощью суммированных здесь фактов мы не рассчитываем решить эти труднейшие проблемы. Но представляется, что собранный материал интересен для их исследования и работу по составлению новых карт распространения геометрических орудий надо продолжить.

---

[26] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966, стр. 156.

[27] Н. С. Трубецкой. Мысли об индоевропейской проблеме. «Вопросы языкознания», 1958, 1, стр. 65—77.

[28] A. Scherer. Das Problem der indogermanischen Urheimat vom Standpunkt der Sprachwissenschaft. «Archiv für Kulturgeschichte», 33, H. 1. Marburg, 1950, стр. 3—16.

[29] E. Forrer. Neue Probleme zur Ursprung der indogermanischen Sprachen. «Mannus», Jg. 26, 1/2. Leipzig, 1934, стр. 115—127.

[30] C. Uhlenbeck. The Indogermanic Mother Language and Mother Tribus Complex. «American anthropologist», 39, 3, 1937. Philadelphia, стр. 385—393.

[31] P. Kretschmer. Die protindogermanische Schicht. «Glotta», 14. Göttingen, 1925, стр. 300—319.

[32] Наконечники стрел из ножевидных пластинок, ранее известные только в мезолите Эстонии (Кунда), теперь обнаружены и в неолите (стоянка Кяпа). См.: L. Jaanits. Die frühneolithische Kultur in Estland. «Congressus secundus fennougristarum», II. Helsinki, 1968, abl. 6, 8, 9.

Л. В. ПРИЩЕПЕНКО

РАСТИТЕЛЬНЫЕ ОСТАТКИ С ПОСЕЛЕНИЯ АК-ТЕПЕ

В 1970 г. заведующий сектором первобытной археологии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркм. ССР О. Бердыев передал нам для определения обугленные зерна, собранные при раскопках поселения Ак-Тепе, расположенного на юго-западной окраине Ашхабада. Верхние слои памятника, к которым относятся находки обугленных зерен, датируются временем Намазга IV, т. е. второй половиной III тысячелетия до н. э. Точных данных о месте и условиях сбора материала нет.

Находки обугленных остатков растений на памятниках Туркмении довольно редки, тем не менее на Ак-Тепе в 1955 г. уже были собраны обугленные зерна, принадлежавшие, по определению М. М. Якубцинера, мягкой и частично карликовой пшенице [1].

---

[1] М. М. Якубцинер. К истории культуры пшеницы в СССР. «Материалы по истории земледелия», II. М., 1956, стр. 109.

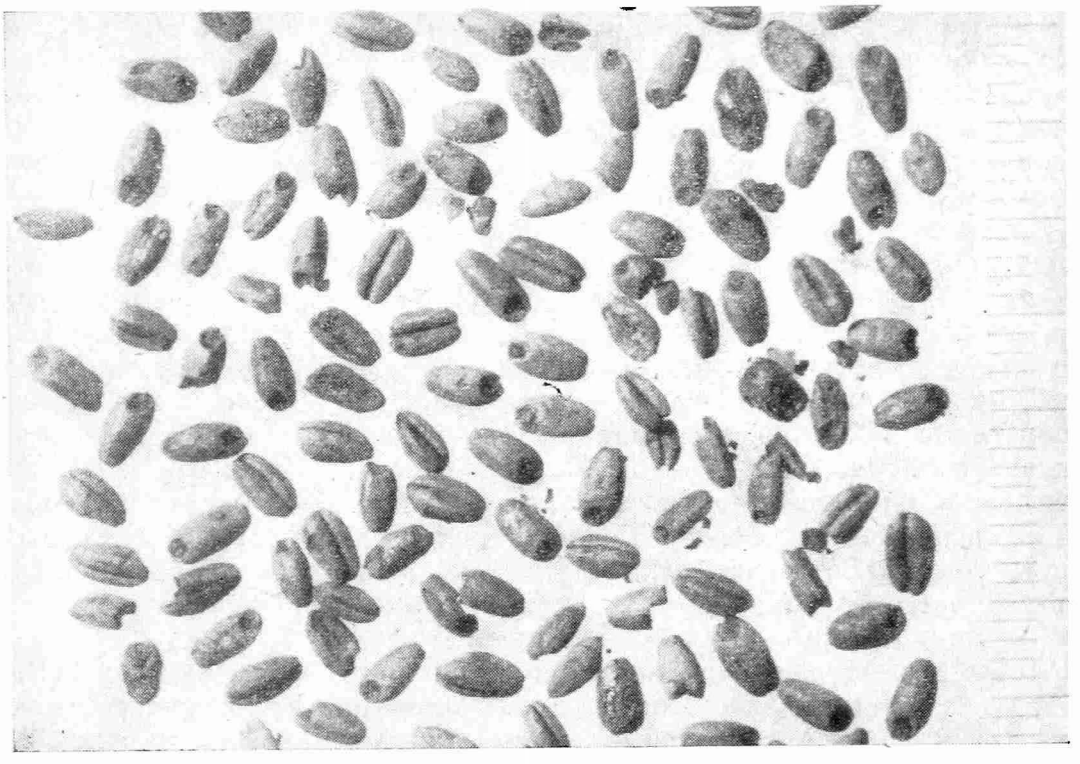


Рис. 1. Обугленные зерна мягкой пшеницы

Переданная нам для исследования коллекция содержит 4690 обугленных зерен, подавляющее большинство которых является семенами культурных растений. Представляется возможным выделить три группы растительных остатков: 1) хлебные злаки, составляющие 51,2% от всех рассматриваемых семян; 2) бобовые — 48,5%; 3) сорная растительность — 0,3%.

Хлебные злаки представлены двумя видами — пшеницей и ячменем. Все зерна пшеницы (406 шт.) принадлежат к широко распространенному в Туркмении виду — мягкой пшенице — (рис. 1) Triticum aestivum L. (Triticum vulgare vill.). Зерновки этого вида довольно мелкие, вытянуто-овальные, с глубокой брюшной бороздкой. Ширина зерновки примерно равна толщине (см. ниже).

Размеры зерновок мягкой пшеницы с поселения Ак-Тепе (в *мм*)

	средняя	максим.	миним.
Длина	4,0	5,7	3,0
Ширина	2,0	2,1	1,6
Толщина	2,0	2,3	1,3

Соотношение длины и ширины зерновки — 1,7 или 2,0.

Гораздо более многочисленна фракция ячменя — 1994 зерновки, т. е. по количеству почти в пять раз больше, чем пшеницы. Подобное соотношение этих двух зерновых культур не ново для территории Туркмении. Так, на энеолитическом поселении Муллали-Депе было найдено ячменя в 30 раз больше, чем пшеницы[2]. Вполне вероятно, что на Ак-Тепе существовала распространенная на Древнем Востоке и встречающаяся до сих пор практика смешанных посевов[3] с преобладанием в данном случае ячменя.

[2] И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.— Л., 1964, стр. 93.

[3] Г. Н. Лисицына. Культурные растения Ближнего Востока и юга Средней Азии в VIII—V тысячелетиях до н. э. СА, 1970, 3, стр. 62.

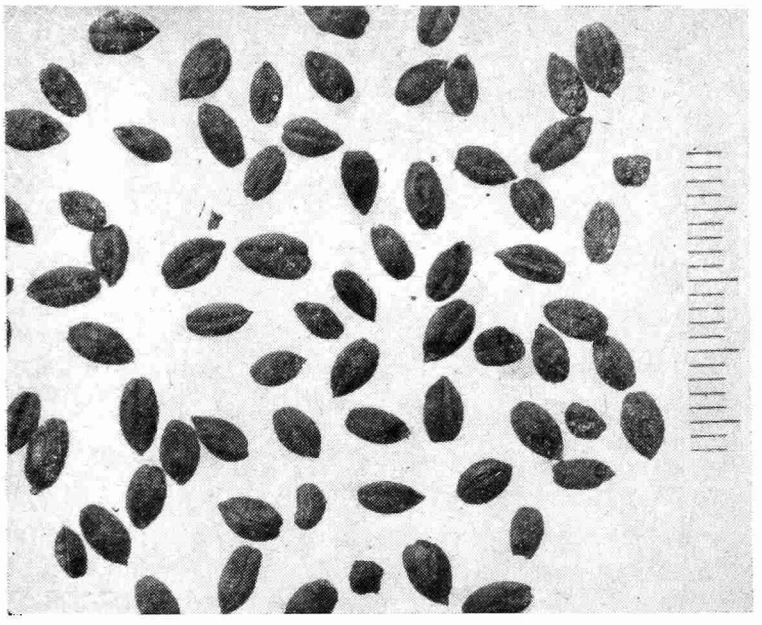


Рис. 2. Обугленные зерна голозерного ячменя

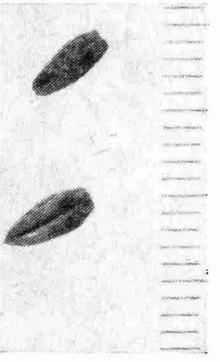


Рис. 2*а* — обугленные зерна пленчатого ячменя

Ячмень представлен на Ак-Тепе двумя формами. Первая из них, преобладающая (1970 экз.), имеет довольно мелкие, овальные, уплощенные зерновки с характерной формой зародыша: спинной впадиной, идущей от зародыша к вершине зерновки (рис. 2). Эти признаки позволяют отнести данную группу к голозерным ячменям. Ширина зерновки значительно превышает толщину (см. ниже).

Размеры зерновок ячменя с поселения Ак-Тепе (в *мм*)

	средняя	максим.	миним.
Длина	5,0	6,0	4,0
Ширина	2,9	3,3	2,5
Толщина	2,0	2,4	1,9

Вторая группа ячменя весьма немногочисленна — всего 24 экз. (рис. 2). Она включает зерновки удлиненной формы, уплощенные, с характерной расширяющейся к вершине брюшной бороздкой — признаками пленчатого ячменя (см. ниже).

Размеры зерновок пленчатого ячменя с поселения Ак-Тепе (в *мм*)

	средняя	максим.	миним.
Длина	5,0	6,0	4,5
Ширина	2,2	2,5	1,9
Толщина	1,5	1,7	1,2

Обращает на себя внимание то, что зерна хлебных злаков весьма мелкие, причем не только в сравнении с современными зерновками, но и с образцами, относящимися к другим древнеземледельческим культурам Средней Азии и Ближнего востока. Можно было бы предположить, что размеры зерен на Ак-Тепе зависят от условий произрастания растений — поселение расположено в предгорьях Копет-Дага, где практиковались низкоурожайные богарные посевы[4], и не исключено, что это могло привести к уменьшению размеров зерен. Однако А. В. Кирьянов, определявший коллекцию обугленных зерен с Геоксюра, где существовало орошаемое земледелие, также отмечал, что зерна ячменя мелкие и имеют

[4] А. И. Шахназаров. Сельское хозяйство в Туркестанском крае. СПб., 1908, стр. 119.

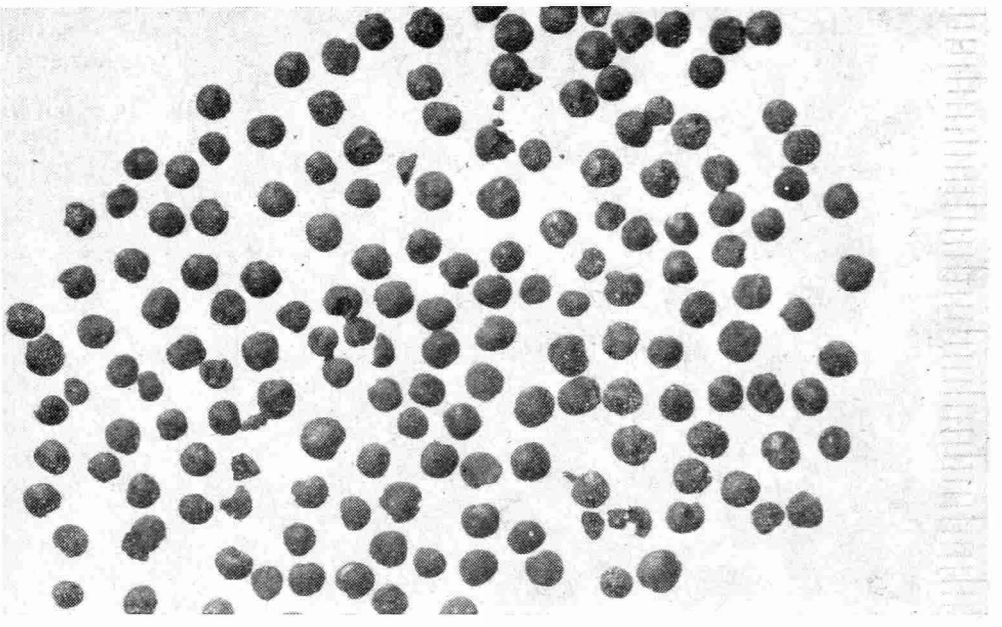


Рис. 3. Обугленные зерна чечевицы

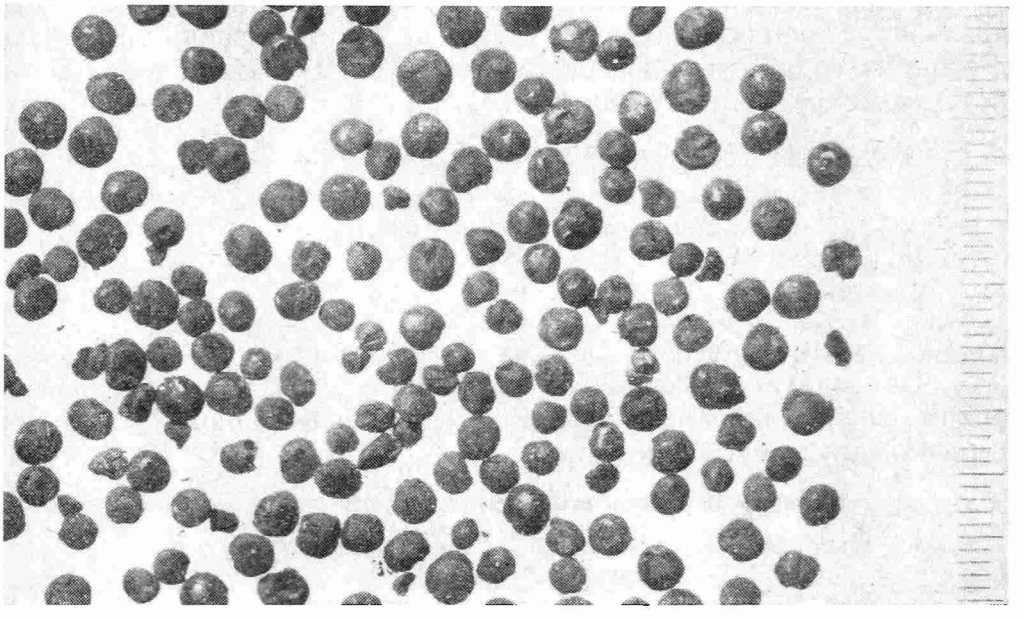


Рис. 4. Обугленные зерна чечевицеобразной сорной вики

много общего с диким видом Hordeum spontaneum C. Koch[5]. В связи с этим любопытно проследить на материалах других поселений Южной Туркмении размеры зерновок пшеницы и ячменя. Не исключено, что миниатюрность зерен характерна для данного района.

Семейство бобовых представлено двумя видами, составляющими почти половину всей рассматриваемой коллекции (48,5%). Это чечевица — Lens esculenta Moench (рис. 3) и чечевицеобразная сорная вика — Vicia sativa L. var. lensisperma L. Barab. (рис. 4), засоряющая посевы чечевицы. Вообще количество сорных растений на Ак-Тепе очень невелико. Удалось определить восемь видов (не считая чечевицеобразной сорной вики), которые составляют ничтожный процент (0,3). Ниже приведены все виды сорной растительности, их количество и про-

[5] Г. Н. Лисицына. Орошаемое земледелие энеолитических племен юго-восточной Туркмении. Сб. «Земли древнего орошения». М., 1969, стр. 119.

центное содержание по отношению к остаткам культурных растений (данные даются на 4690 зерен культурных растений).

Виды	Количество, абс. цифры	Количество, %
1. Капуста полевая (Brassica campestris)	2	0,046
2. Тысячеголов посевной (Vaccaria segetalis (Neck) Garcke)	1	0,023
3. Мышей зеленый (Setaria viridis L.)	3	0,069
4. Ясменник полевой (Asperula arvensis)	3	0,069
5. Рожь (Secale cereale L.)	3	0,069
6. Петушье просо (Echinochloa crus galli L.)	1	0,023
7. Солодка обыкновенная (Glycirriza galbra L.)	1	0,023
8. Рожь дикая (Secale silvestra Host)	1	0,023

Все виды сорной растительности, обнаруженные на Ак-Тепе, довольно обычны для районов Южной Туркмении и принадлежат к числу засорителей зерновых культур. Такие виды, как тысячеголов посевной и ясменник полевой, засоряют посевы на поливных землях, а также на обеспеченной и полуобеспеченной богаре [6]. В отличие от них мышей зеленый чрезвычайно редок на богаре и встречается в оазисах на поливных землях [7]. Лишь одно из сорных растений — рожь дикая — относится к сорнякам, произрастающим в песчаной пустыне и обычно не заходящим в посевы. Однако наличие ее в коллекции семян довольно интересно, так как она выколашивается весной и, не являясь жароустойчивым растением, засыхает даже на влажных почвах во второй половине июня [8]. Скорее всего, она была убрана вместе с яровыми посевами. К числу специфических засорителей принадлежит рожь, которая в Туркмении встречается как сорняк на посевах озимой пшеницы или, гораздо реже, озимого ячменя [9].

Заканчивая описание небольшой коллекции обугленных зерен с Ак-Тепе, следует отметить, что видовой состав культурной растительности в основном обычен для памятников Южной Туркмении. На Ак-Тепе, как и на других поселениях подгорной зоны и Геоксюрского оазиса, возделывались мягкая пшеница и преимущественно голозерный ячмень. Существовали посевы чечевицы. Естественно, рассматриваемый материал невелик, чтобы можно было делать выводы о сравнительной чистоте посевов, но тем не менее необходимо подчеркнуть, что сорная растительность, несмотря на достаточное разнообразие видов, составляет ничтожный процент от общего количества остатков культурных растений.

Было бы весьма любопытно сравнить материал Ак-Тепе с аналогичными материалами памятников того же времени других районов Южной Туркмении как по видовому составу растительности, так и по размерам зерновок культурных растений. К сожалению, пока это невозможно из-за отсутствия достаточно полных публикаций уже обработанных коллекций.

---

[6] В. В. Никитин. Сорная растительность Туркмении. Ашхабад, 1957, стр. 333, 480.

[7] Там же, стр. 217.

[8] Там же, стр. 246.

[9] Д. Д. Букинич. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. «Хлопковое дело», 1924, 3—4, стр. 103.

В. И. ТРЕТЬЯКОВ, Е. А. ШМИДТ

СТОЯНКА КАМЕННОГО ВЕКА В БАССЕЙНЕ р. КАТЫНИ В СМОЛЕНСКОМ ПОДНЕПРОВЬЕ

В результате археологических изысканий последних лет в бассейне р. Катыни (правый приток Днепра) удалось выявить несколько поселений эпохи мезолита и неолита, материалы которых освещены в нескольких публикациях [1]. Настоящую заметку авторы посвящают описанию коллекции орудий труда ещє одного памятника (Катынь-7), открытого в этом же районе [2].

Напомним, что первоначально сплошное обследование бассейна р. Катыни (ее длина — 6 — 7 *км*; ширина поймы в среднем — 2 *км*) началось с разведок в ее пойме, где были открыты и раскопаны четыре неолитических поселения (Катынь-1, 2, 3, 4)с хорошо сохранившимся культурным слоем. Вследствие того, что в весеннее половодье пойма р. Катыни заливается водой (уровень Днепра поднимается на 6—9 *м*), представились перспективными поиски поселений каменного века и на коренных берегах — сюда могли переселяться обитатели пойменных стоянок во время разлива. Здесь удалось собрать значительные коллекции каменных орудий, пластин и отщепов с трех пунктов, находящихся на границе наивысшего разлива реки. Анализ находок показал, что перед нами разновременные памятники, один из которых близко напоминает пойменные стоянки: одинаковые типы скребков, наконечников стрел, нуклеусов, долот и т. п. (Катынь-5); второй в своих материалах, наряду с неолитическими, содержит изделия более раннего времени (резцы, микроскребки, пластины с боковой выемкой), что послужило причиной отнесения его к начальному неолиту (Катынь-6). Третья коллекция состоит лишь из предметов мезолитической эпохи — сечения пластин, резцы, пластины с боковой выемкой, микронуклеусы и т. д. (сборы у д. Ладыжицы). Сравнение материалов этих трех памятников позволило высказать предположение о формировании неолитической каменной индустрии в данном микрорайоне на местной мезолитической основе, о чем свидетельствовали общие черты в инвентаре стоянок у д. Ладыжицы и Катынь-6 (скобели, скребки, округлые, концевые, с высоким профилем, с двумя рабочими краями, из отщепов с одной гранью на спинке, резцы, ножевидные пластины), с одной стороны, и стоянок Катынь-6 и Катынь-5 (нуклеусы, скребки концевые, округлые, с двумя рабочими краями, с высоким профилем) — с другой. Отмечалось также некоторое сходство орудий поселения у д. Ладыжицы и Катынь-5: наличие одинаковых долот и скребков с подчетырехугольным рабочим краем, концевых, округлых, с высоким профилем, с двумя рабочими краями.

Нам представляется, что в связи с тезисом о формировании неолитической каменной индустрии в бассейне р. Катыни на местной мезолитической основе значительный интерес приобретают материалы памятника Катынь-7, описание которого дается ниже.

Поселение Катынь-7 находится на незаливаемом весенним половодьем коренном берегу поймы р. Катынь вблизи неолитической стоянки Катынь-5, несколько выше ее по склону (рис. 1). Культурный слой поселения не сохранился — так же, как и на всех стоянках бассейна р. Катыни, расположенных на высоких коренных берегах, он разрушен пашней. В результате сборов с поверхности пашни на площади 100—150 $м^2$ была получена не-

[1] Е. А. Шмидт. Результаты исследования археологических памятников Смоленской области в 1949—1955 гг. «Сборник научных работ, посвященных 25-летию Смоленского краеведческого научно-исследовательного института». Смоленск, 1957, стр. 281—284; В. П. Третьяков. Исследование неолитических памятников в верхнем Поднепровье. АО, 1969, М., 1970, стр. 48; его же. Древности верхнего Поднепровья. АО — 1970, М., 1971, стр. 52—53.

[2] Материалы хранятся в Смоленском областном краеведческом музее.

большая, но довольно интересная коллекция каменных орудий, нуклеусов, пластин, отщепов и осколков кремня. Керамики не найдено. Серия законченных изделий состоит из 28 предметов. Кроме того, здесь обнаружены незаконченные и сломанные орудия, не позволяющие судить об их форме и назначении.

Все находки на стоянке Катынь-7 сделаны из темного кремня, месторождение которого, по данным А. Н. Лявданского, находились сравнительно недалеко, в Гнездове (9—10 *км* от Катыни) [3]. Всего на стоянке найдено 14 скребков, 2 скребла, 1 наконечник стрелы, 2 долота, 4 проколки, 2 нуклеуса, 1 резец, 2 законченных орудия необычной формы, выполнявших, по-видимому, функцию скребков.

Скребки по своей форме делятся на несколько групп. Самая многочисленная из них (5 экз.) представлена округлыми изделиями, обработанными ретушью почти по всему краю. Диаметр 3—3,5 *см* (рис. 2, *1*). Кроме

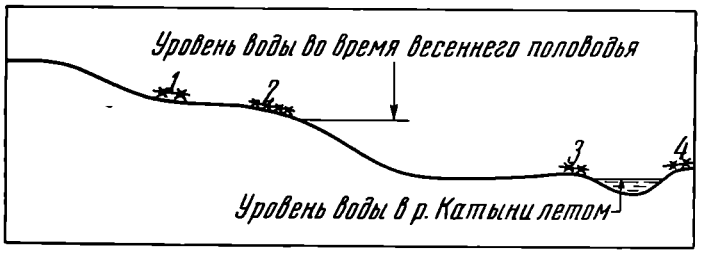


Рис. 1. Схема расположения поселений каменного века в бассейне р. Катыни на коренных берегах и в пойме.

1 — поселение Катынь-7;
2 — поселение Катынь-5;
3, 4 — поселение Катынь-1, 2, 3, 4

них в коллекции представлены два скребка того же размера, сделанные из плоских отщепов с двумя гранями на спинке. Ретушь наносилась лишь по одному краю (рис. 2, *2, 3*). Следующую группу составляют два концевых скребка. Длина первого 4,3 *см*, второго — 7,8 *см*. Они изготовлены из ножевидных пластин с двумя гранями на спинке (рис. 2, *4, 5*). Интересны также скребок, сделанный из кремневой пластины с гранями на спинке и скошенным рабочим краем (рис. 2, *6*), и близкий ему по форме скребок со скошенным рабочим краем, но с тщательно отретушированным острием, что позволяет предполагать двойную функцию этого изделия — скребок-проколка (рис. 2, *7*). К группе «скребущих» изделий коллекций поселения Катынь-7 относятся два плоских овальных скребка, размером 6,7 и 9 [4] *см* с ретушью по одной из сторон (рис. 2, *12, 16*).

Следующий вид находок со стоянки Катынь-7 составляют проколки (4 экз). Две из них изготовлены на плоских отщепах подтреугольной формы, размером 4 *см* (рис. 2, *10*). Две других сделаны из ножевидных пластин. Они имеют несколько бóльшую величину (5,2 *см*), тщательно оформленное острие и боковую выемку, обработанную ретушью (рис. 2, *9*).

Кроме перечисленных изделий, на стоянке Катынь-7 найден один наконечник стрелы из ножевидной пластины с двумя гранями на спинке. Ретушью оформлены лишь боевой конец наконечника со стороны брюшка и черенок со стороны спинки (рис. 2, *8*). Были обнаружены также два кремневых долота овальной формы, обработанных крупными сколами. Их длина составляет 8—10 *см*, и ширина — 3 *см* (рис. 2, *15*). Интересны и два изделия вытянутых пропорций (длина 6 *см*; средняя ширина — 3 *см*) с боковыми выемками. Одна сторона (верхняя на рисунке) обработана крупной ретушью. Скорее всего, эти орудия выполняли функцию скребков (рис. 2, *13*). Кроме того, найден двусторонний резец бокового типа величиной 4 *см*. Его наибольшая ширина 11 *мм* (рис. 2, *17*). Кроме того, найдены два одноплощадочных нуклеуса, с которых в древности скалывались ножевидные пластины, шириной от 0,7 до 1,1 *см* (рис. 2, *11, 14*).

---

[3] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии. Научн. изв. Смоленского гос. ун-та, IV, 3. Смоленск, 1927, стр. 229.

[4] Данное скребло сломано и его размеры указаны приблизительно (рис. 2, *16*).

Таковы материалы поселения Катынь-7. Устанавливая возраст этого памятника, следует обратить внимание на его высотное расположение относительно среза воды в р. Катыни по сравнению со стоянкой Катынь-5. Последняя лежит ниже по склону, что позволяет предполагать разновозрастность этих памятников (рис. 1). Однако точнее осветить этот вопрос помогает типологическое сравнение орудий труда. Общим здесь является наличие на той и другой стоянках скребков — округлых, концевых и со скошенным рабочим краем, небольших овальных долот, скребел из плоских

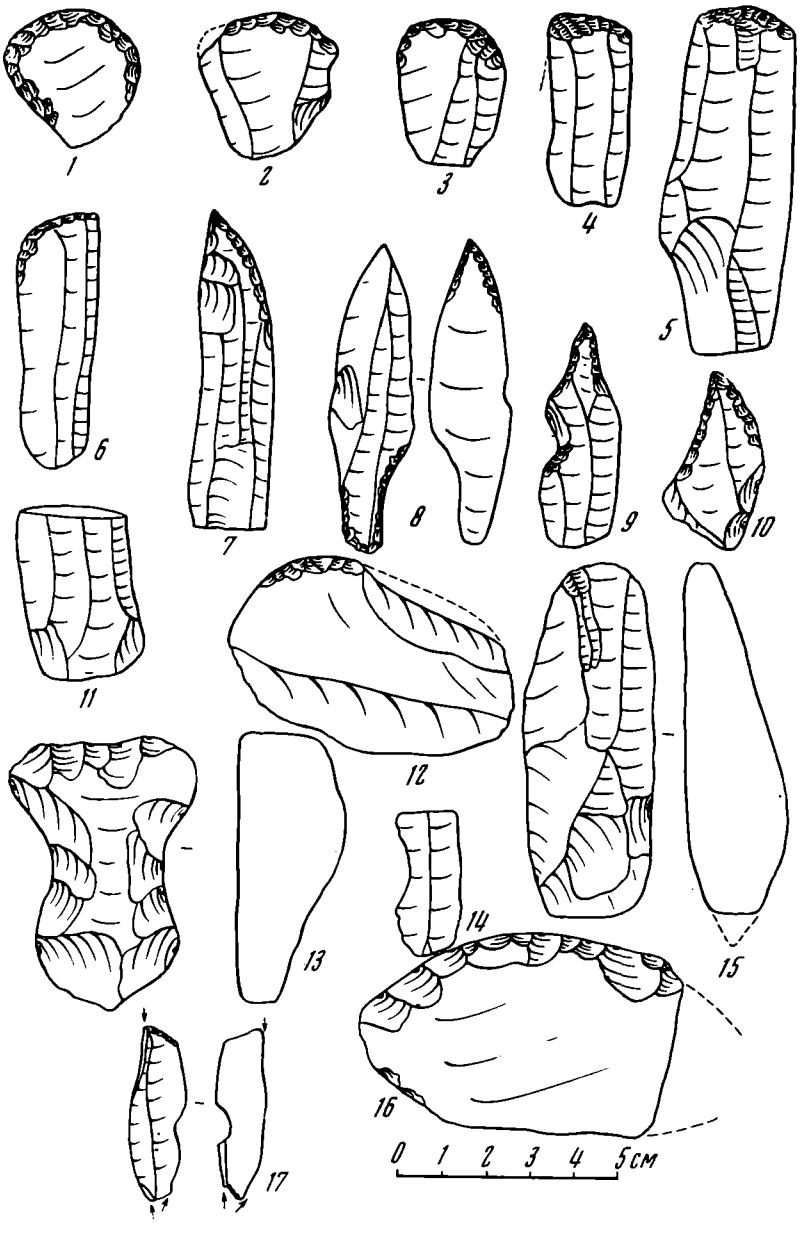


Рис. 2. Кремневые изделия со стоянки Катынь-7

1—6 — скребки; *7* — скербок-проколка; *8* — наконечник стрелы; *9, 10* — проколки; *11* — нуклеус; *12, 16* — скребла; *13* — скребок (?); *14* — ножевидная пластина; *15* — долото; *17* — резец

отщепов, проколок. Эти черты сближают материалы поселения Катынь-7 и с пойменными стоянками (Катынь-1, 2, 3, 4).

В коллекции Катыни-7 мы также видим нуклеусы, аналогичные найденным на мезолитическом поселении у д. Ладыжицы в этом же микрорайоне, большое количество мелких ножевидных пластин, резец, наконечник стрелы свидерского типа, проколки из кремневых пластин с обра-

ботанной ретушью боковой выемкой. Добавим, что долота стоянки Катынь-7 находят аналогии не только на неолитических стоянках, но и в мезолитическом комплексе у д. Ладыжицы.

Все это свидетельствует о более раннем возрасте поселения Катынь-7 по сравнению с неолитической стоянкой Катынь-5. Однако говорить о мезолитической принадлежности этого памятника нельзя, поскольку в его материалах все же содержатся перечисленные выше типично неолитические орудия и отсутствует ряд изделий, характерных для мезолита этого микрорайона (сечения ножевидных пластин, микроскребки) и представленных на поселении у д. Ладыжицы. По-видимому, материалы стоянки Катынь-7 наиболее сопоставимы с инвентарем поселения Катынь-6. Общим здесь являются мелкие ножевидные пластины, боковые резцы, пластины с боковой выемкой, концевые, округлые, с гранями на спинке скребки и т. д. Поселение Катынь-6 относится к начальному этапу неолита в смоленском Поднепровье (эта стоянка по своим материалам отличается от поселения у д. Ладыжицы в основном появлением новой формы нуклеусов и отсутствием сечений ножевидных пластин).

Таким образом, мы склонны отнести поселение Катынь-7 к раннему неолиту — к периоду, следующему за временем существования поселения у д. Ладыжицы и предшествующему возникновению таких памятников, как стоянки Катынь-1, 2, 3, 4, 5. Отсутствие керамики на стоянке Катынь-7 объясняется скорее всего тем, что обломки посуды были размыты и уничтожены водными потоками, как это имело место, например, на целом ряде памятников Валдайской возвышенности. Напомним в связи с этим, что на поселении Катынь-5 с прекрасной серией неолитических кремневых орудий найден всего лишь один фрагмент керамики. Кроме того, место, где располагалась стоянка Катынь-7 постоянно запахивается, что также способствует размельчению и уничтожению керамики. Тот факт, что изделия в коллекции поселения Катынь-7, находят себе аналогии и в более поздних стоянках каменного века бассейна р. Катыни, служит дополнительным подтверждением тезиса о формировании неолитической каменной индустрии в данном микрорайоне на местной мезолитической основе.

А. П. ЖУРАВЛЕВ

КЛАД ЗАГОТОВОК СЛАНЦЕВЫХ ОРУДИЙ НА СТОЯНКЕ ПЕГРЕМА I

Клад обнаружен во время раскопок энеолитического поселения Пегрема I[1] у обрыва берега. Он залегал на глубине 0,2 *м* в ямке диаметром 40 × 40 *см*, врезанной дном на 0,15 *м* в материк. Состоит из шести заготовок кирок, четырех заготовок топоров, двух заготовок тесел, шести заготовок других рубящих орудий (рис. 1). Находки плотно прижаты друг к другу, и это создает впечатление, что они были во что-то завернуты. Все они сделаны из плотного темно-зеленого сланца; по всей вероятности, использовался один блок породы.

Заготовки кирок различной величины[2] (рис. 2). Среди них есть орудия, достигающие длины 40 *см*. Очертания их приблизительно соответствуют форме орудия: одна крупная заготовка кирки в виде сегмента с четко оформленными рабочими концами, грани ее обработаны грубыми сколами; три кирки имеют изогнутые формы, у одной хорошо намечены два рабочих конца, у двух других отчетливо выделяются обуш-

[1] Стоянка Пегрема I расположена в Уницкой губе Онежского озера в 1,5 *км* к северу от одноименного поселка.

[2] Размеры их следующие: 40 × 9 × 5; 29 × 8 × 5,5; 29 × 6 × 3; 23 × 3 × 5; 24 × 4 × 3; 23,5 × 7 × 4 *см*.

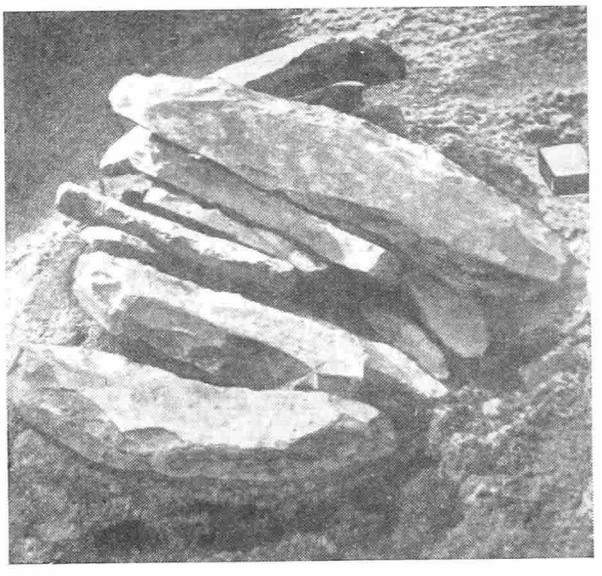


Рис. 1. Клад заготовок сланцевых орудий на стоянке Пегрема I

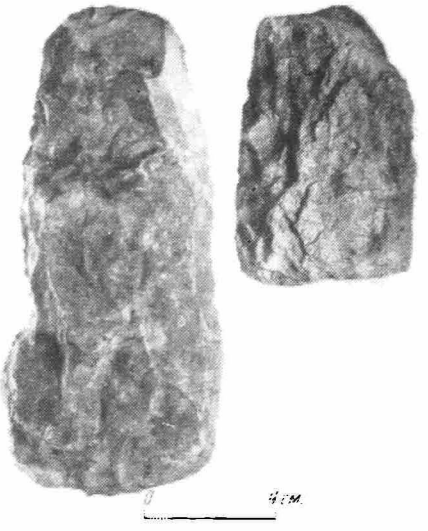


Рис. 3. Сланцевые заготовки топоров

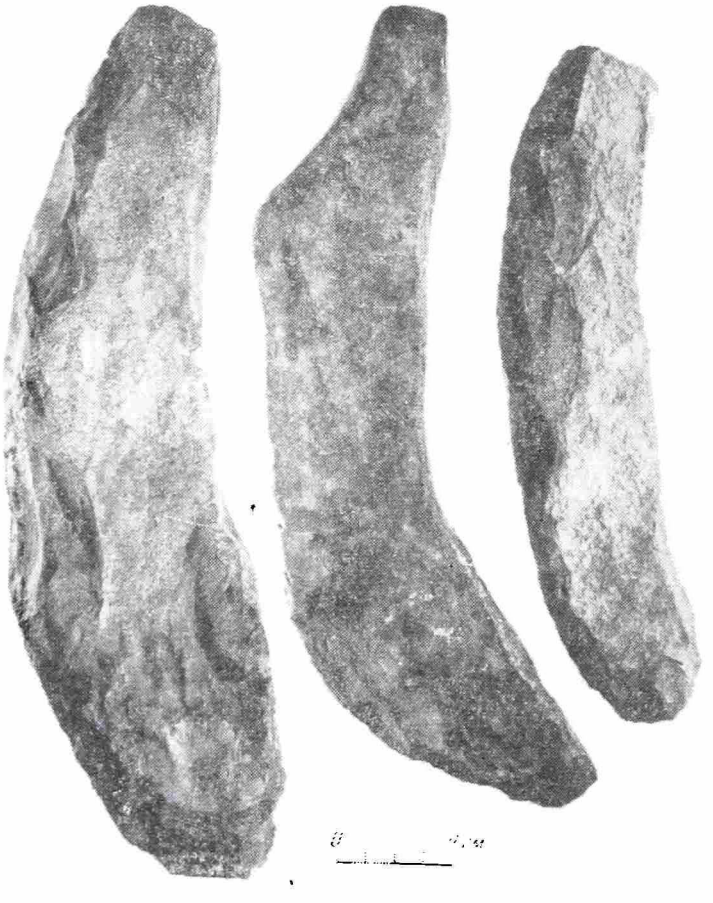


Рис. 2. Сланцевые заготовки кирок

ковые части. Имеются заготовки двух прямых кирок, их рабочие края слегка намечены двумя чрезвычайно грубыми сколами.

Заготовки топоров[3] двух типов (рис. 3). Две сделаны из широких и сравнительно тонких сланцевых пластинок, которые обработаны с двух сторон грубыми сколами, рабочие концы еще не оформлены. У двух других четко выделяются обушковые части, боковые грани сформированы довольно хорошо, рабочие края оформлены четко.

Заготовки тесел по своим очертаниям не одинаковы. Одна из них, размерами 18 × 7 × 3,5 *см*, имеет сегментовидное сечение и обработана с трех сторон грубыми сколами; четвертая сторона совершенно не подвергнута первичной обработке. Рабочий край несколько утончен за счет более мелких выбоин, а с внутренней стороны он четко направлен одним грубым сколом. Второе тесло значительно меньше по величине (11 × 5,5 × 2 *см*). Плоская сторона его образована с помощью одного сильного удара, противоположная имеет несколько округлую форму. В тыльной части и на лезвии обработка произведена менее крупными сколами, так же обработаны боковые грани. Оба тесла совершенно не имеют следов сработанности.

Клад содержит шесть чрезвычайно аморфных заготовок рубящих орудий: они представляют собой четырехугольные продолговатые куски сланца с грубой обработкой некоторых граней, рабочие края не оформлены. У двух заготовок слегка обозначены лезвия, на одной из них поверхность сильно патинирована[4].

Все предметы клада подвергнуты лишь первичной обработке. Не пройдены еще две фазы изготовления орудий: а) оббивка более мелкими сколами, придающими заготовкам уже совершенно определенную форму и б) оббивка и шлифовка. Кстати, место вторичной обработки сланцевых орудий находилось на стоянке недалеко от жилища, о чем свидетельствует скопление мелких отщепов и осколков сланца. Тут же найдены сланцевые полированные топоры.

Раскопанный в Пегреме клад позволяет судить о первоначальной стадии обработки сланцевых орудий. Он свидетельствует также о широком использовании сланца в энеолите, несмотря на то что в это время в Карелии уже знали медь.

---

[3] Размеры топоров: 16 × 6 × 1,5; 22 × 8 × 2; 10 × 6 × 3; 15 × 3 × 2,5 *см*.

[4] Это свидетельствует о том, что для изготовления орудий использовался сланец, выходящий прямо на поверхность. Такие выхода сланца в Карелии встречаются повсеместно, поэтому, видимо, специальных шахт по добыче сланца здесь не было.

В. Е. МАКСИМЕНКО

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЭПОХЕ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА НИЖНЕМ ДОНУ

Исследование Койсугских курганов (левобережье Донской дельты) ведется археологической экспедицией Ростовского университета с 1966 г.[1]. В семи раскопанных курганах (№ 1—6 и «Радутка») вскрыто свыше 170 погребений различных эпох — от палеометаллической до позднесредневековой. В настоящей заметке мы публикуем четыре наиболее выразительных погребальных комплекса палеометаллической эпохи из кург. 5 (раскопки 1968 г.) и «Радутки» (раскопки 1969 г.).

Погребение 18 кург. 5 (рис. 1). Глубина могилы от сохранившейся вершины кургана 2,05 *м*. Четырехугольная с округлыми углами и слегка

---

[1] Предварительные сведения о раскопках Койсугских курганов опубликованы: В. Е. Максименко. Исследование курганного могильника в дельте Дона. АО — 1967, М., 1968; В. Е. Максименко, В. А. Кореняко, А. А. Горбенко. Исследования в дельте Дона. АО — 1970, М., 1971.

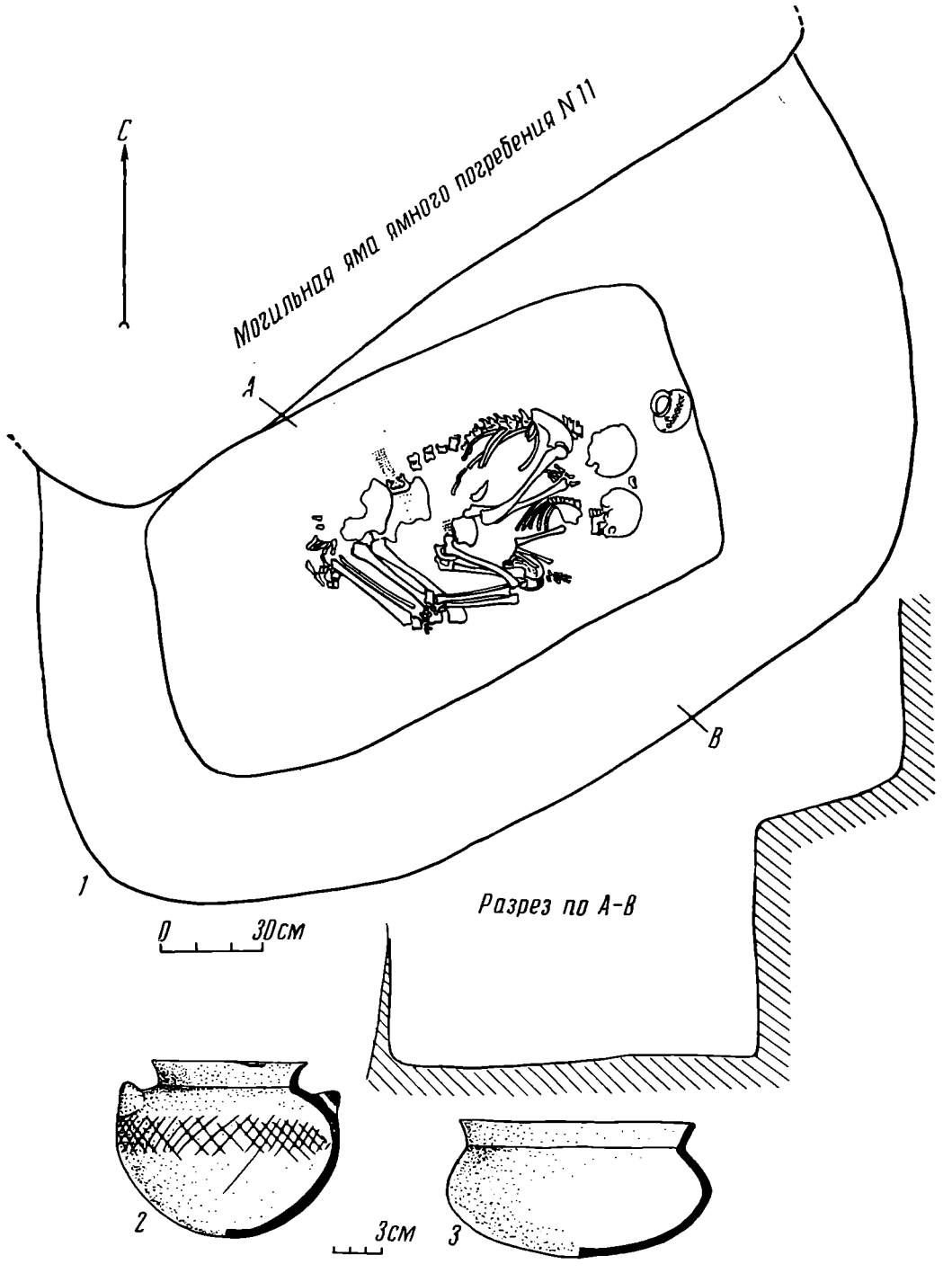


Рис. 1. Койсугские курганы. План погр. 18 кург. 5 и вещи из него (*1—3*)

скошенными сторонами яма размером 2,9 × 2 *м* была ориентирована длинными сторонами по линии ВСВ —ЗЮЗ. Она была зафиксирована сразу же под пахотным слоем. Яма имела уступы-заплечики шириной от 0,3 до 0,5 *м*. На уступах сохранились остатки деревянных плах и камышового настила от перекрытия. В центре настил провалился в меньшую яму, размеры которой 1,75 × 0,95 *м*. Дно ямы располагалось в материковом суглинке. Глубина от уступов до дна ямы 0,8 *м* в восточной части и 0,5 *м* — в западной.

Северная часть могилы была срезана погребением (11) ямной культуры, в котором костяк лежал в прямоугольной яме, перекрытой бревнами, на спине, с подогнутыми в коленях ногами, головой на ЗЮЗ. Могила 18, в свою очередь, прорезала глинистый выкид из основного погр. 27, в котором покойник был похоронен в яме овальной формы, на спине, го-

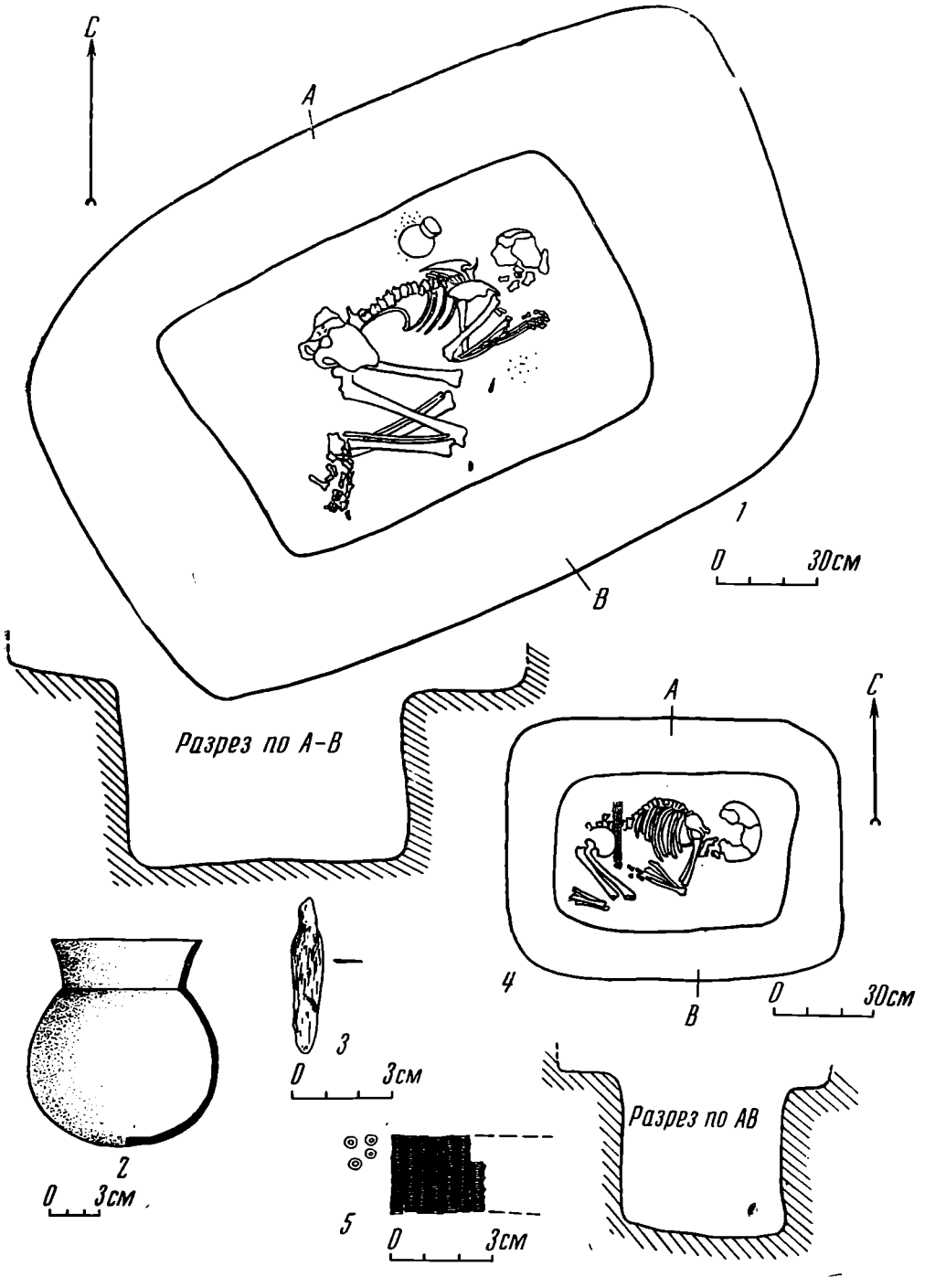


Рис. 2. Койсугские курганы. Планы погребений и вещи из них

1—3 — погр. 24 кург. 5; *4—5* — погр. 32 кург. 5

ловой на СВ, с подогнутыми ногами, и густо засыпан охрой. Юго-восточный угол могилы 18 срезал также частично костяки двух погребений, аналогичных по обряду основному погр. 27. В заполнении могилы 18 были обнаружены два отщепа, охра и фаланги стоп из разрушенных погребений. До уровня перекрытия заполнение могильной ямы было плотным, глинистым, под перекрытием — рыхлым, гумусированным, с угольками.

В яме были погребены двое — взрослый и подросток. Костяки лежали на левом боку, головой на ВСВ. Ноги сильно подогнуты. Кисти согнутых в локтях рук покоились у головы. Стопы костяка подростка лежали на коленных суставах взрослого. Под костями стоп и кистями рук найдено большое количество охры. Костяки находились не на дне ямы, а на земляной подсыпке, состоящей из смеси гумуса, охры, углей и мела. Толщина слоя 15—20 *см*.

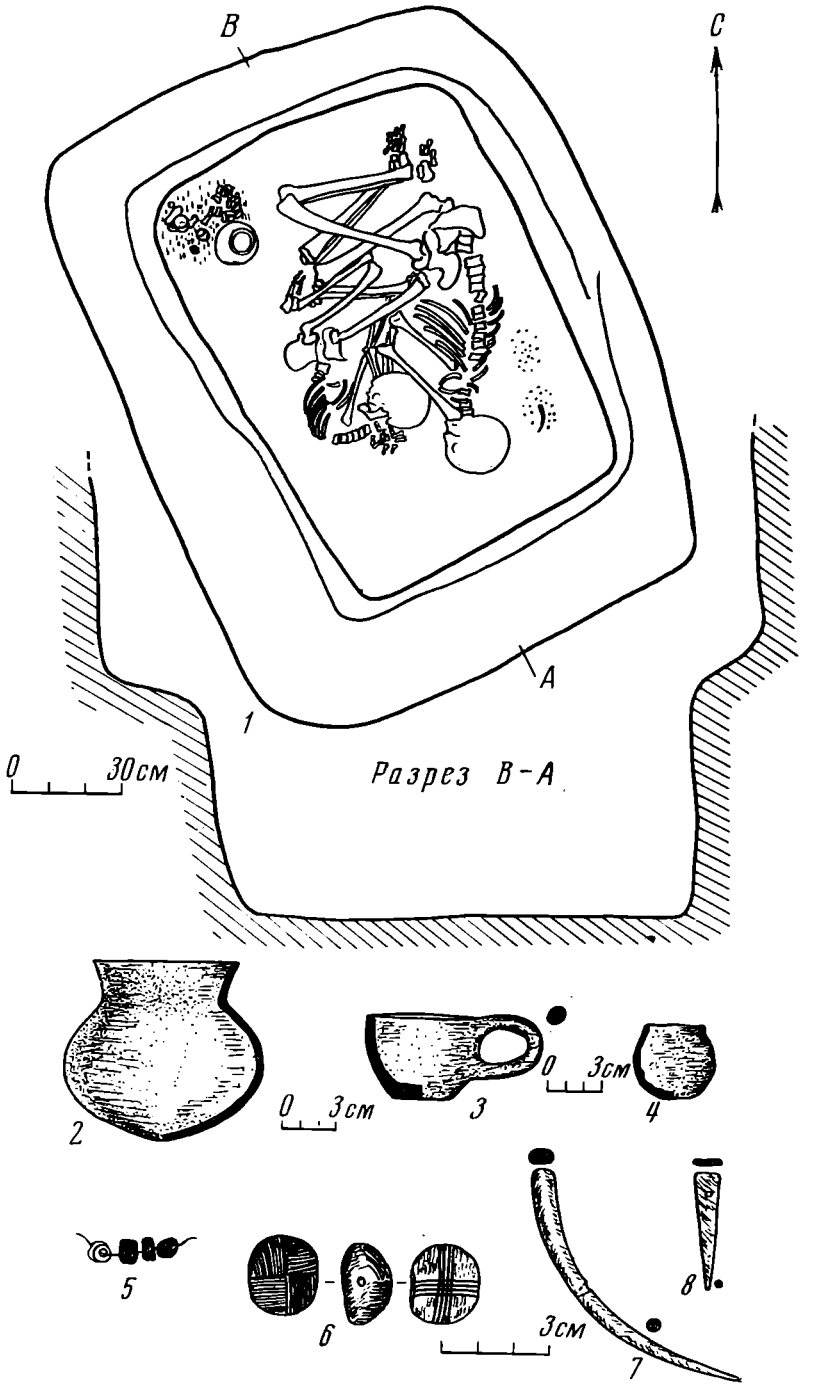


Рис. 3. Койсугские курганы. План погр. 24 кург. «Радутка» и вещи из него (*1—8*)

У обоих костяков в области таза, на уровне пояса, найдено огромное количество целых и частично распавшихся перламутровых (?) или пастовых бисеринок (остатки поясов). Аналогичные бусы были встречены позже в погр. 32 кург. 5 (рис. 2, *5*).

У восточной стенки могильной ямы стоял горшок с округлым дном, раздутым туловом, воронкообразным горлом и двумя сосцевидными ушками с вертикальными отверстиями (рис. 1, *2*). Залощенная поверхность сосуда имеет темно-серый, почти черный цвет. По тулову нанесен сетчатый узор шириной до 3 *см*, выполненный косыми пролощенными линиями. Глина в изломе серого цвета. Обжиг хороший.

Второй сосуд типа глубокой миски с круглым дном (рис. 1, *3*) находился под костями правой руки и правой ноги подростка. Горло воронко-

образное, как у первого сосуда, но более широкое. Поверхность темно-серая, залощенная. Тесто по составу резко отличается от теста первого сосуда. Оно грубое, с очень крупными частицами шамота и вкраплениями извести. Внешний слой легко отслаивается. У изголовья костяков найден кремневый отщеп без следов ретуши.

Погребение 24 кург. 5 (рис. 2, *1*). Глубина могилы от сохранившейся вершины кургана 1,6 *м*. Яма частично прорезала выкид от основного погр. 27. Она имеет подчетырехугольную форму и заплечики. Ориентирована по линии ЮЗЗ—ВСВ. Размеры большей ямы 2,35 × 1,55 *м*, меньшей — 1,32 × 0,85 *м*. Ширина уступов 0,4 × 0,55 *м*. Малая яма была перекрыта бревнами диаметром 10—15 *см*.

Костяк пожилого человека большого роста, сильно скорченный, лежал на левом боку, головой на В—СВ. Коленные суставы левой ноги находились у локтевых суставов рук. Руки согнуты в локтях. Кисть правой руки под подбородком, кисть левой руки «сжата в кулак». Под костями прослежены остатки подстилки. Между костяком и дном могильной ямы гумусированная прослойка с вкраплениями мела, углей и охры. У левой лопатки, за спиной скелета, стоял великолепный выделки круглодонный сосуд со слегка примятым дном, лощеный, охристого цвета, с большим воронкообразным горлом, резко выделенным под углом к тулову (рис. 2, *2*). Тесто в изломе темно-серое, с мелкими частицами песка и ракушки. Перед локтевыми суставами лежал миниатюрный медный (?) плоский ножичек с черенком (рис. 2, *3*).

Погребение 32 кург. 5 (рис. 2, *4*). Глубина от сохранившейся вершины кургана 1,4 *м*. Размер большей ямы 1 × 0,8 *м*, меньшей — 0,5 × × 0,7 *м*. Глубина от заплечиков до дна 0,45 *м*. Ширина уступов от 0,15 до 0,2 *м*. На уступах сохранились остатки деревянного перекрытия из бревен. На дне ямы находился скелет ребенка 5—6 лет, в скорченном положении, на левом боку, головой на В. Кисти рук у пояса. Локти вывернуты от туловища. В области поясницы сохранились остатки пояса шириной 3 *см*, сделанного из огромного количества маленьких перламутровых (?) или пастовых бисеринок, совершенно аналогичных найденным в погр. 18 (рис. 2, *5*). Под костяком обнаружено немного охры, угольки, мел.

Погребение 24 кург. «Радутка» (рис. 3). Насыпь кургана многослойная, сильно нарушена. Первоначальная высота не менее 4 *м*, к моменту раскопок — 0,8 *м*. Под первой насыпью находилось основное, древнеямное захоронение, оказавшееся ограбленным. Вторая насыпь была сооружена, вероятно, над погр. 24, мощный выкид из которого перекрывал полу первой насыпи. Во вторую насыпь впущено погребение ямной культуры, в котором найден круглодонный сосуд полусферической формы с веревочным орнаментом по верхнему краю. Погр. 24 было совершено в яме с заплечиками и впущено в материковый слой. Глубина дна ямы от вершины 2,73 *м*. Размеры большей ямы 1,8×1,4 *м*, меньшей — 1,38× ×1 *м*. Ширина уступов от 0,15 до 0,4 *м*, глубина от уступов до дна — 0,6 *м*. Размеры ямы по дну — 1,28 × 0,9 *м*. На уступах сохранились остатки обгоревших плашек и камышового перекрытия. В заполнении ямы встречались угольки и был обнаружен фрагмент керамики серого цвета с большой примесью ракушки в тесте.

На дне могильной ямы на остатках обгоревшей подстилки, густо посыпанной охрой, лежали два костяка — взрослого и подростка — в сильно скорченном положении, головами на Ю, «лицом друг к другу». Руки взрослого были согнуты в локтях и лежали перед головой. Руки подростка были вытянуты к тазу взрослого. В области таза кости обоих скелетов обуглены.

В восточном углу ямы, к востоку от головы костяка взрослого, найдена проколка-амулет, сделанная из отполированного клыка животного (кабана?) или из части его (рис. 3, *7*). В северо-западном углу могиль-

ной ямы был обнаружен комплекс вещей: 1) сосуд со слегка заостренной нижней частью и воронкообразным горлом, плавно переходящим в почти шарообразное тулово (рис. 3, *2*). Поверхность сосуда заглаженная и слегка подлощенная, пятнистого цвета — от светло-серого с рыжеватым отливом до черного. Тесто в изломе рыхлое, темное, с очень большой примесью крупных частиц извести (?), ракушки и шамота; 2) миниатюрный шаровидный сосудик со слегка подчеркнутым горлом (рис. 3, *4*). Состав глины такой же. Поверхность почти черного цвета, слегка залощена. Внутри сосуда лежал кусок охры; 3) чашечка воронкообразной формы с плоским дном и петлевидной ручкой (рис. 3, *3*). Поверхность покрыта тонким слоем светло-охристого цвета, хорошо заглажена и залощена. Тесто в изломе почти черное с частицами песка и ракушки; 4) крупная бусина из лигнита, темно-коричневого, почти черного цвета (рис. 3, *6*). Форма полусферическая. Нижний, уплощенный край украшен крестовидным врезным орнаментом, состоящим из параллельных линий, по четыре штуки, пересекающихся в центре. Лицевая сторона выпуклая, разделена на четыре сектора, каждый из которых заштрихован параллельными врезными линиями. Штрихи каждого сектора перпендикулярны штрихам следующего сектора; 5) три кольцевидные бусины черного цвета из гагата и одна белая (из зуба?) (рис. 3, *5*); 6) маленький плоский амулетик треугольной формы из полированной кости с отверстием для подвешивания (рис. 3, *8*).

Рядом с перечисленными вещами компактно лежали 12 астрагалов, пять бараньих коленных чашечек (у некоторых плоские основания затерты), две бабки крупных животных, одинаковые по длине (34 *мм*), три позвонка рыб из породы осетровых, плоская галька. Весь описанный инвентарь лежал на кучке крупного речного песка.

Дата указанных погребений может быть более или менее точно определена благодаря четкой относительной стратиграфии, прослеженной в двух случаях (погр. 18 кург. 5 и погр. 24 кург. «Радутка»). Не слишком сужая хронологические рамки, мы можем отнести погребения указанной группы к концу III тысячелетия или к началу II тысячелетия до н. э.

Гораздо сложнее определить культурную принадлежность данных комплексов. С одной стороны, они обнаруживают некоторое сходство с памятниками майкопской культуры — ямы с заплечиками, позы погребенных, ориентировка, наличие огня, охра, галька, песок. Близки и некоторые формы керамики, например сосуд из погр. 24 кург. 5. В то же время материалы указанных погребений находят аналогии среди памятников кеми-обинской культуры. Впрочем, в ней некоторые исследователи также усматривают элементы майкопской культуры [2]. Дальнейшие находки подобных комплексов на территории Нижнего Подонья, возможно, позволят более конкретно ответить на этот вопрос.

[2] А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова. Северное Присивашье в V — I тысячелетиях до н. э. Симферополь, 1969, стр. 61.

Н. С. ШЕЛЯПИНА

ПОСЕЛЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА БОРОВИЦКОМ ХОЛМЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Среди проблем изучения истории Московского края одной из центральных является его заселение в раннем железном веке.

Считают, что в черте Москвы городища дьякова типа могли располагаться на Таганском холме, в устье Яузы и на холме у р. Неглинной, где стоял храм Христа Спасителя. Исследователи полагали, что Боровицкий холм был также заселен в раннем железном веке, так как конфигурация

мыса у слияния р. Москвы и р. Неглинной топографически типична для дьяковских городищ [1]. Однако до последнего времени на территории Кремля не было обнаружено следов городища, на основании чего считалось, что культурный слой дьяковского времени здесь стерт позднейшими постройками [2].

В феврале 1969 г. во время работ по замене отопления в Архангельском соборе были впервые обнаружены обнажения культурного слоя поселения дьякова типа. Наслоения насыщены угольной пылью, расщепленными костями животных, обожженными камнями. Мощность слоя 22—34 *см*. Этот углистый горизонт залегал прямо на материке (рис. 1).

В шурфе, заложенном в алтаре собора, слой поселения отмечен на глубине 2,20 *м* от пола. Под алтарной преградой глубина его залегания — 1,80—2,20 *м*. Под северо-восточным столбом прослежена западина культурного слоя глубиной 0,59 *м*, заполненная черным углистым грунтом и изобилующая сетчатой керамикой и костями животных.

Фрагменты керамики, найденные в слое поселения под Архангельским собором, представлены 17 толстостенными сосудами простых баночных форм с прямым венчиком, орнаментированными сетчатыми отпечатками. Всего найдено 36 фрагментов, среди них несколько относительно тонких черепков (до 5 *мм*) с отогнутыми венчиками и выделенными плечами. Встречаются обломки с еле различимой сеткой. Отдельные фрагменты имеют орнамент в виде круглых симметрично расположенных ямочных вдавлений по сетке (рис. 2, *1*). Эти сосуды аналогичны керамике Мамонова городища [3]. Встречаются днища с выступающей закраиной (рис. 2, *8*). Среди керамических находок имеется черепок со штриховкой на поверхности, который может быть отнесен к III—II вв. до н. э. Суммарная дата слоя — вторая половина I тысячелетия до н. э.[4].

Слой поселения в алтаре собора, под алтарной преградой и у северо-восточного столба перекрыт серым пылеватым стерильным грунтом мощностью 20—26 *см*. В структуре перекрывающего наслоения хорошо различимы мельчайшие прослойки. Характер прослоек и отсутствие в них находок позволяет предположить, что в этой части холма после запустения поселения находилась пашня либо луговина, дерновые покровы которой отмечены слоистостью грунта.

Как показали раскопки 1963—1968 гг., жилая застройка славянского поселения располагалась севернее и западнее. Важно отметить, что раскопки у западной стены собора слоя поселения второй половины I тысячелетия до н. э. не обнаружили. На этом участке пылеватый серый стерильный грунт залегал прямо на материке. Следовательно, граница дьяковского поселения проходила у самой бровки южного склона холма. На карте древнего рельефа горизонталь, отделяющая верхнюю террасу, идет по кромке холма, пересекая территорию, занятую Архангельским собором (рис. 3). Данные геосъемки находятся в полном соответствии с результатами археологических исследований.

Дополнительные материалы о поселении дьякова типа на Боровицком холме были получены во время археологических наблюдений у Архан-

[1] Д. Н. Анучин. Доисторическое прошлое Москвы. Сб. «Москва в ее прошлом и настоящем». 1, 1909, стр. 52; О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы. МИА, 7, 1947, стр. 130; М. Г. Рабинович. Археологические находки в Москве. «Наука и жизнь», 1947, 5, стр. 10; его же. О древней Москве. М., 1964, стр. 20; А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы, МИА, 7, стр. 14.

[2] М. Г. Рабинович. О древней Москве, стр. 20.

[3] О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 125; В. Н. Качанова. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры. Мамоново городище. «Археологические памятники Москвы и Подмосковья». М., 1954, стр. 14, рис. 2, 3, 5.

[4] А. Г. Векслер, любезно ознакомившийся с керамическим материалом рассматриваемого поселения, считает, что его хронологическая протяженность — VII в. до н. э.— II—III вв. н. э. По периодизации дьяковской культуры, разработанной К. А. Смирновым, керамика из шурфов под Архангельским собором датируется IV—III вв. до н. э. и относится к рубежу I и II этапов бытования культуры. К. А. Смирнов. Дьяковская культура. Автореф. канд. дис., М., 1969, стр. 24.

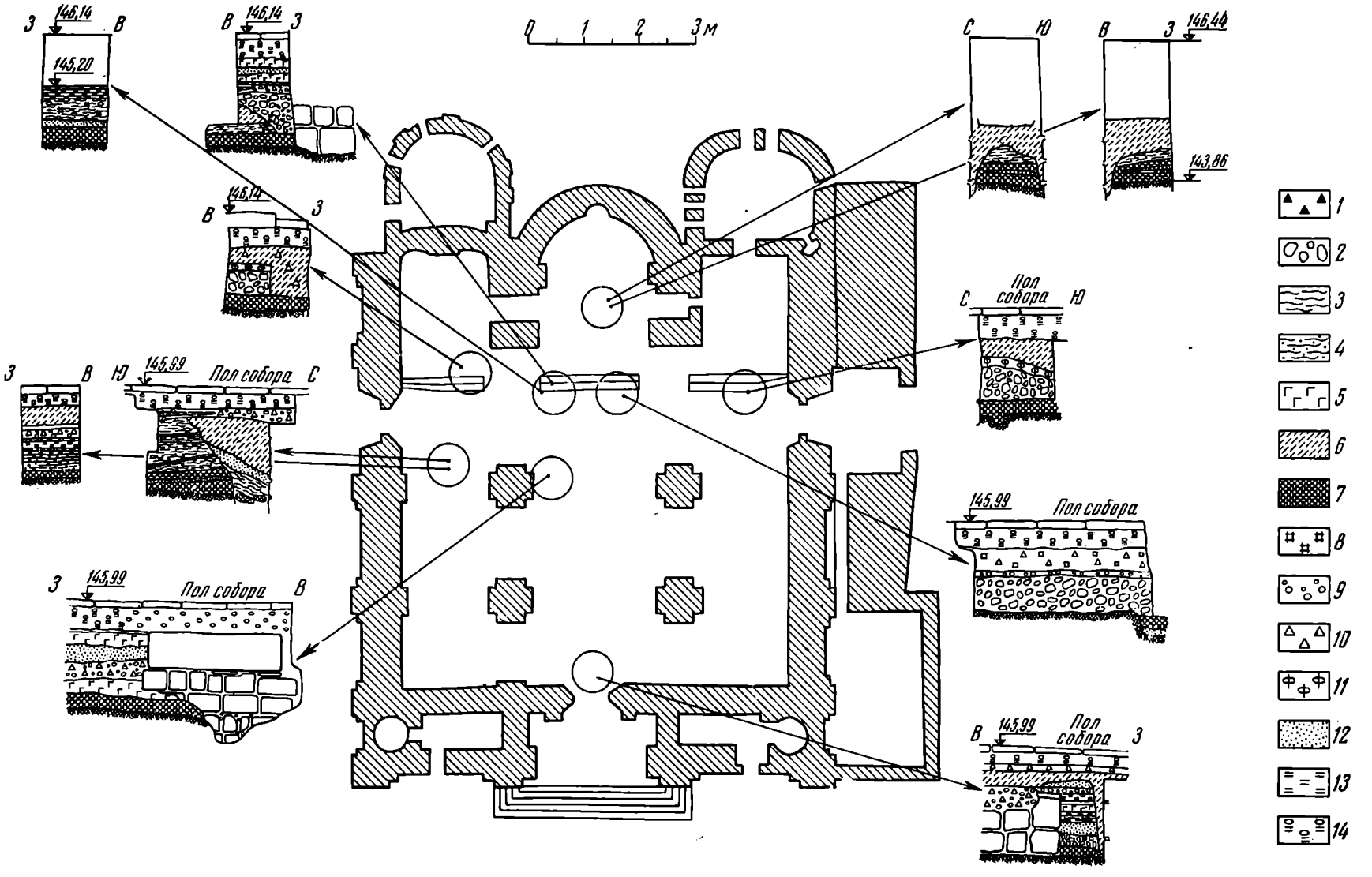


Рис. 1. Профили шурфов и траншей в Архангельском соборе.

1 — зола, *2* — бут, *3* — серый пылеватый грунт, *4* — желто-серый грунт, *5* — гумус, *6* — насыпь, *7* — дьяковский слой, *8* — уголь, *9* — известь, *10* — известняковые сколы, *11* — фрагменты фресок, *12* — песок, *13* — глина, *14* — бетон

гельского собора в 1966—1967 гг. В шурфах 1, 2 (у придела Уара), 4, 5 (у северного портала собора) а также в котловане у северного фасада под фундаментом свай галереи было найдено 9 фрагментов сосудов дьякова типа[5] (рис. 4). Керамика обнаружена в нарушенных слоях на глубине от 1 до 2,8 *м* от современной мостовой. На тех же глубинах найден керамический и вещевой материал XIII—XIV вв. По определению К. А. Смирнова, коллекция представляет собой материал разновременных комплексов.

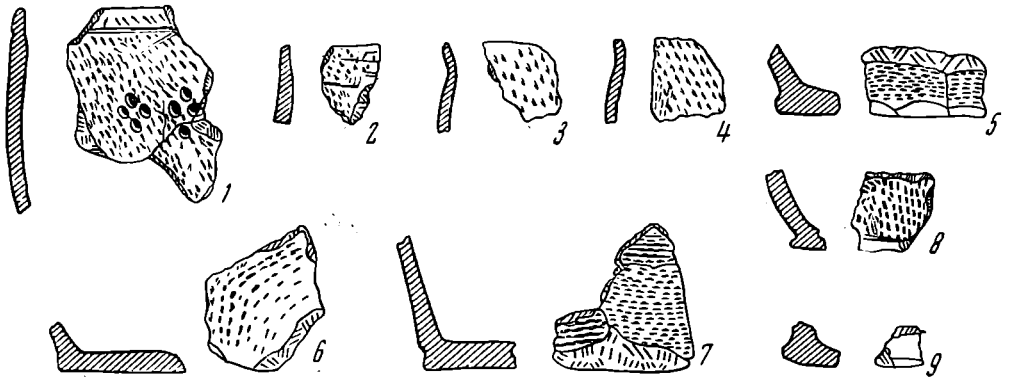


Рис. 2. Керамика из слоя дьяковского поселения под Архангельским собором

Наиболее архаична керамика с четко выраженным орнаментом, нанесенным при помощи грубой ткани. Тесто с крупными примесями дресвы. Обжиг костровый. Сосуды такого типа датируются серединой I тысячелетия до н. э. К раннему керамическому типу дьяковской посуды относится обломок с крупными примесями в тесте дресвы, гранита и песка. Орнамент нанесен пучком травы или щепкой по затертой основе. Керамика этого типа датируется временем не позднее III в. до н. э. Один из обломков днища имеет примятую и заглаженную сетку внутри и снаружи. По краю черепок протерт пальцем. К поздней разновидности дьяковской керамики относится также стенка большого горшка с измельченными примесями в глиняном тесте. Сетчатые отпечатки заглажены. Посуда такого типа бытовала до III в. до н. э.

Петрографическое исследование глиняного теста образцов дьяковской керамики, проведенное П. В. Флоренским, показало, что она имеет неравномерный обжиг — местами бурая, местами черная и серая. На 60% тесто состоит из алевритистой глины, хорошо размешанной и ориентированной, интерферирующей в желтоватых тонах. Вероятно, глина содержала до 20% среднеалевритового кварц-полевошпатного материала (замер обломков 0,02—0,05 *мм*). До 30—40% состава теста занимают полуокатанные крупнопесчаные включения (0,5—1,00 *мм*), а также более крупные окатанные гравийные примеси (1—2 *мм*), представленные кварцем, кварцитами, плагиоклазом, ортоклазом, микроклином. Керамика бескарбонатная и без чешуек слюды, поры очень мелкие, несообщающиеся. Вероятно, посуда сделана при очень тщательном замешивании теста с примесью местного речного песка и последующего обжига.

Единичные находки керамики дьякова типа отмечены во время земляных работ в других участках территорий Кремля (рис. 3). У западного фасада Успенского собора встречена стенка небольшого сосуда с измельченными примесями гранита и песка. Сетчатый орнамент затерт. Керамика бытовала в первых веках нашей эры.

Обломок дьяковского сосуда был найден в обнажениях слоя поселения XIII—XIV вв. на Соборной площади Кремля южнее юго-восточного угла

[5] Наблюдения проводили О. Д. Кузнецова, А. Г. Векслер, Г. П. Латышева, А. В. Никитин, Г. Ф. Никитина. Работы консультировал М. Г. Рабинович.

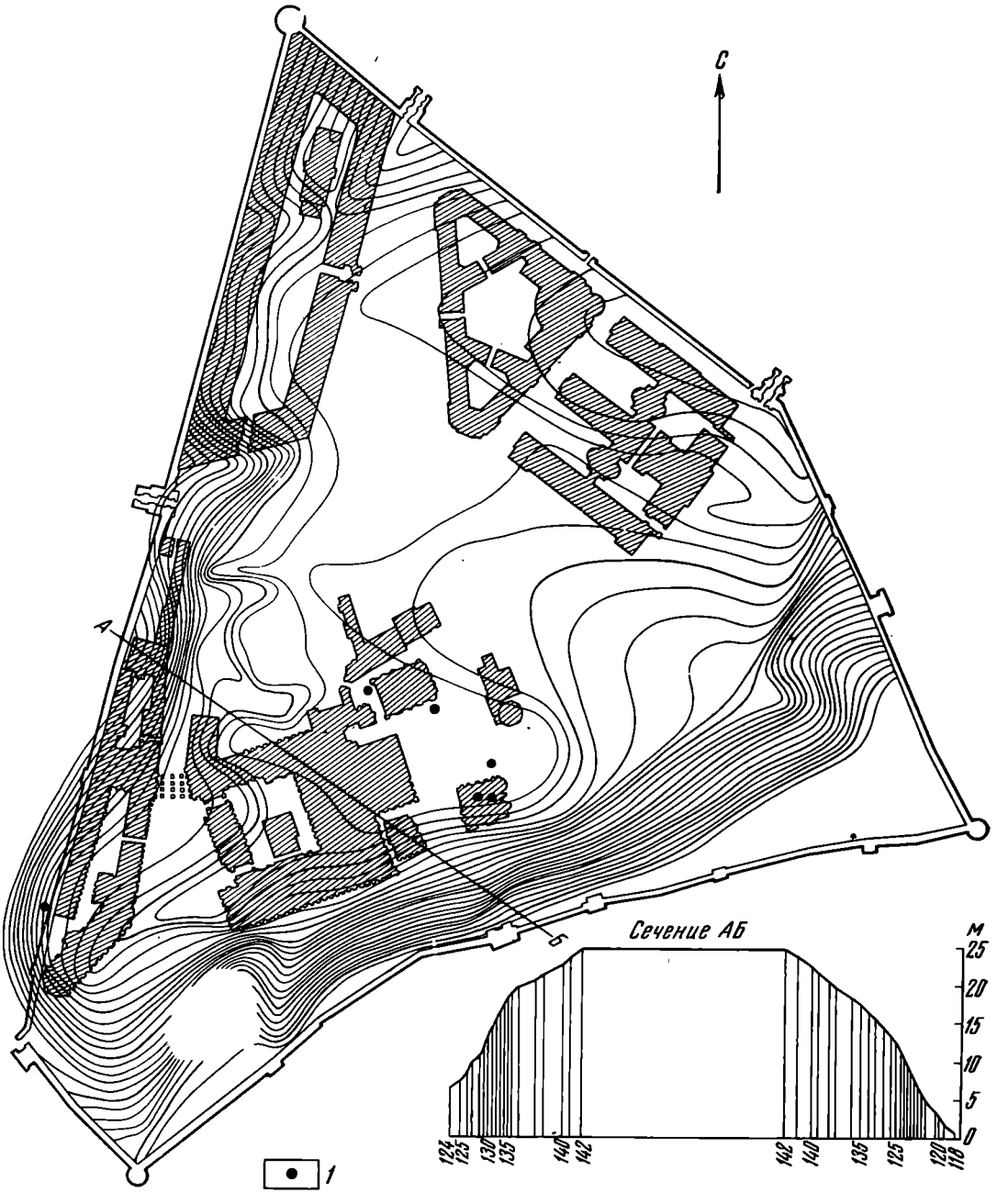


Рис. 3. Места обнажений дьяковского слоя и находки дьяковской керамики на плане древней поверхности Кремля.

1 — места находок дьяковской керамики

Успенского собора. Археологические наблюдения проводились здесь в 1972 г. в связи с инженерно-геологическими изысканиями. Топография находок дьяковской керамики свидетельствует о позднейшем нарушении слоя поселения, располагавшегося на этой территории (см. рис. 3).

На мысу Боровицкого холма у подножья Кремлевской стены со стороны Александровского сада в шурфе 2 в слое XII—XIII вв. была найдена неорнаментированная стенка горшка грубой ручной лепки с примесями крупной дресвы. Внутренняя поверхность заглажена в разных направлениях. Сосуды этого типа находят аналогии в керамике Троицкого городища.

Как показали раскопки, поселение железного века на Боровицком холме могло располагаться у южной его бровки на высокой, отрезанной оврагами и промоинами надпойменной террасе р. Москвы. Судить о размерах поселения можно пока лишь приближенно, исходя из особенностей древней топографии холма: протяженность верхней его террасы с севера

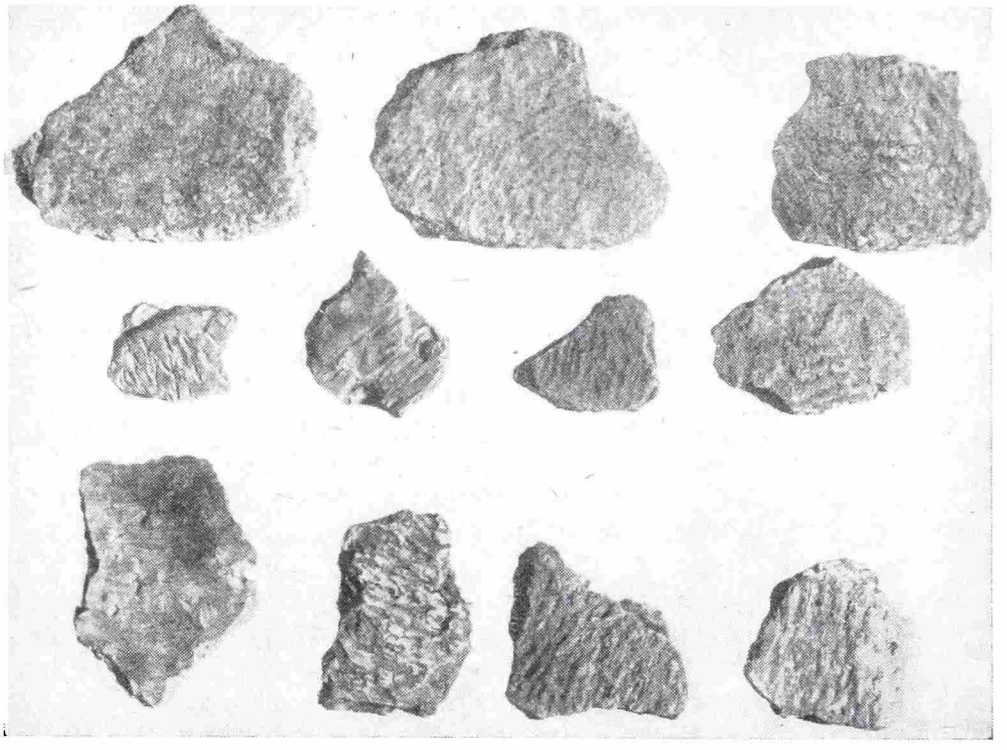


Рис. 4. Дьяковская керамика, найденная на территории Кремля

на юг около 90 *м*, с запада на восток около 150 *м*. Заселение центральной части Боровицкого холма в дьяковские времена должно было быть продиктовано особенностями рельефа местности: эта часть плато располагалась значительно выше мысовой части холма (абсолютная отметка коренного грунта юго-западной части Кремля 137—138, отметка подошвы материка Соборной площади у Успенского собора 141,2—141,6 отметка материка под Архангельским собором 140,6).

Юго-западная часть холма была покрыта лесом. Лесной покров частично сохранился, видимо, и во времена славянского заселения, на что указывает название церкви Спаса на Бору и Боровицких ворот. Церковь Рождества Иоанна Предтечи также стояла в лесу[6]. Даже в космографиях XVII в. сообщалось, что «по обоим берегам Неглимны до самого ее истока... лесные горы с оврагами, песками, грязями и глинищами»[7]. Обрыв к р. Москве изобиловал ключами. Промоины в местах выхода ключевых вод прослеживались, как известно, и в XVIII в.[8].

Несмотря на отсутствие данных об укреплениях поселения, можно предположить, что это было городище. Конфигурация холма у слияния рек топографически типична для городищ дьякова типа. Для середины I тысячелетия до н. э. характерны поселки с одной линией обороны — валом, рвом и тыном, идущим по краю городища. Верхняя терраса холма была топографически наиболее удобна для заселения. Отвесный склон обрыва холма защищал кремлевское поселение с юга. С востока его территорию отрезал глубокий овраг, упоминание о котором имеется в письменных источниках[9]. Овраг шел по Подолу, по всей вероятности в него

---

[6] «Глаголют же, яко то пръвая церковь на Москве: на том месте бор был, и церковь та в том лесу срублена была тогда». ПСРЛ, VIII, стр. 149.

[7] Н. Е. Дик и А. И. Соловьев. Рельеф и геологическое строение, природа города Москвы и Подмосковья. М.— Л., 1947, стр. 10.

[8] До перепланировки южного склона Боровицкого холма в его обнажениях имелись родники и ключи, в связи с чем встала необходимость укрепления контрофорсами южного фасада Архангельского собора.

[9] «В 1874 г. во время ремонта Малого Николаевского дворца на дворе его в направлении к воротам материк земли оказался на глубине от 9 до 13 аршин, выше бы-

сбрасывались грунтовые воды. В XVII в. на месте засыпанного оврага стояла церковь Рождества Пречистой (что на Трубе). С запада плато разрезали глубокие промоины и находился труднодоступный лесной массив. Напольная часть вала могла проходить в наиболее высокой точке верхней террасы к северо-западу от Успенского собора.

Таким образом, в результате археологических наблюдений собран материал, позволивший судить о времени и характере заселения территории Кремля в раннем железном веке. Обнажения культурного слоя дьяковского времени в шурфах под Архангельским собором датируют его второй половиной I тысячелетия до н. э. Характерный для памятников этой культуры керамический материал, найденный на территории Соборной площади, доказывает, что поселение дьякова типа на Боровицком холме существовало и в первых веках нашей эры. На данной стадии исследований проследить преемственность между древнейшими слоями и раннемосковским поселением не представляется возможным, однако не исключено, что городище могло быть использовано для устройства Московского поселения.

Заселение исследуемой территории в славянское время относится к XII в., о чем можно судить по вещевому материалу и керамике, найденным в слое, нарушенном строительством Архангельского собора.

Дальнейшие археологические территории Кремля уточнят карту рельефа его древней поверхности и смогут дать новые материалы по вопросу о заселении территории Боровицкого холма во второй половине I тысячелетия до н. э.— первых веках нашей эры.

ла наносная земля и мусор. Это позволяет предположить здесь существование рва, который имел направление к Москве-реке». С. П. Бартенев. Московский Кремль в старину и теперь. I, М., 1912, стр. 16.

П. Н. СТАРОСТИН, Е. П. КАЗАКОВ, Р. С. ГАБЯШЕВ

ИГИМСКИЙ МОГИЛЬНИК

Летом 1970 г. Татарским отрядом Нижнекамской археологической экспедиции обнаружены остатки могильника. Он расположен в 2 *км* к северо-западу от с. Игим (Мензелинский район ТССР, левый берег Камы) на низком мысу останца надлуговой террасы на месте неолитического поселения. Поверхность мыса до середины 30-х годов нашего столетия распахивалась, а позднее участок был отведен под лесопосадку. Могилы не имели никаких внешних признаков и были выявлены случайно.

Погребение 1 (рис. 1, I) обнаружено на глубине около 20 *см* от уровня современной поверхности, в слое серого песка. Костяк взрослого человека, ориентированный головой на юго-восток, лежал на спине, руки были вытянуты вдоль туловища. Слева у черепа найдены глиняный круглодонный сосуд (рис. 1, I, *9;* 1, V) и кремневый «скребок» (рис. 1, I, *10*). На правой стороне груди находились железный топор (рис. 2, *19*), а также железный и костяной наконечники стрел (рис. 2, *11*). В области пояса обнаружена бронзовая пряжка (рис. 2,*14*), около предплечья левой руки лежали костяные накладки, по-видимому от лука; справа от костяка найден железный наконечник копья (рис. 2, *21*). Около черепа по обе стороны лежали бронзовое (рис. 2, *1*) и серебряное (рис. 2, *2*) височные кольца.

Погребение 2 (рис. 1, II) выявлено на глубине 25 *см* от уровня современной поверхности, в слое сильно гумированного песка. Очертания могильной ямы не прослеживались. Мужской костяк лежал вытянуто, головой на юго-восток, череп повернут на правый бок. Около черепа на-

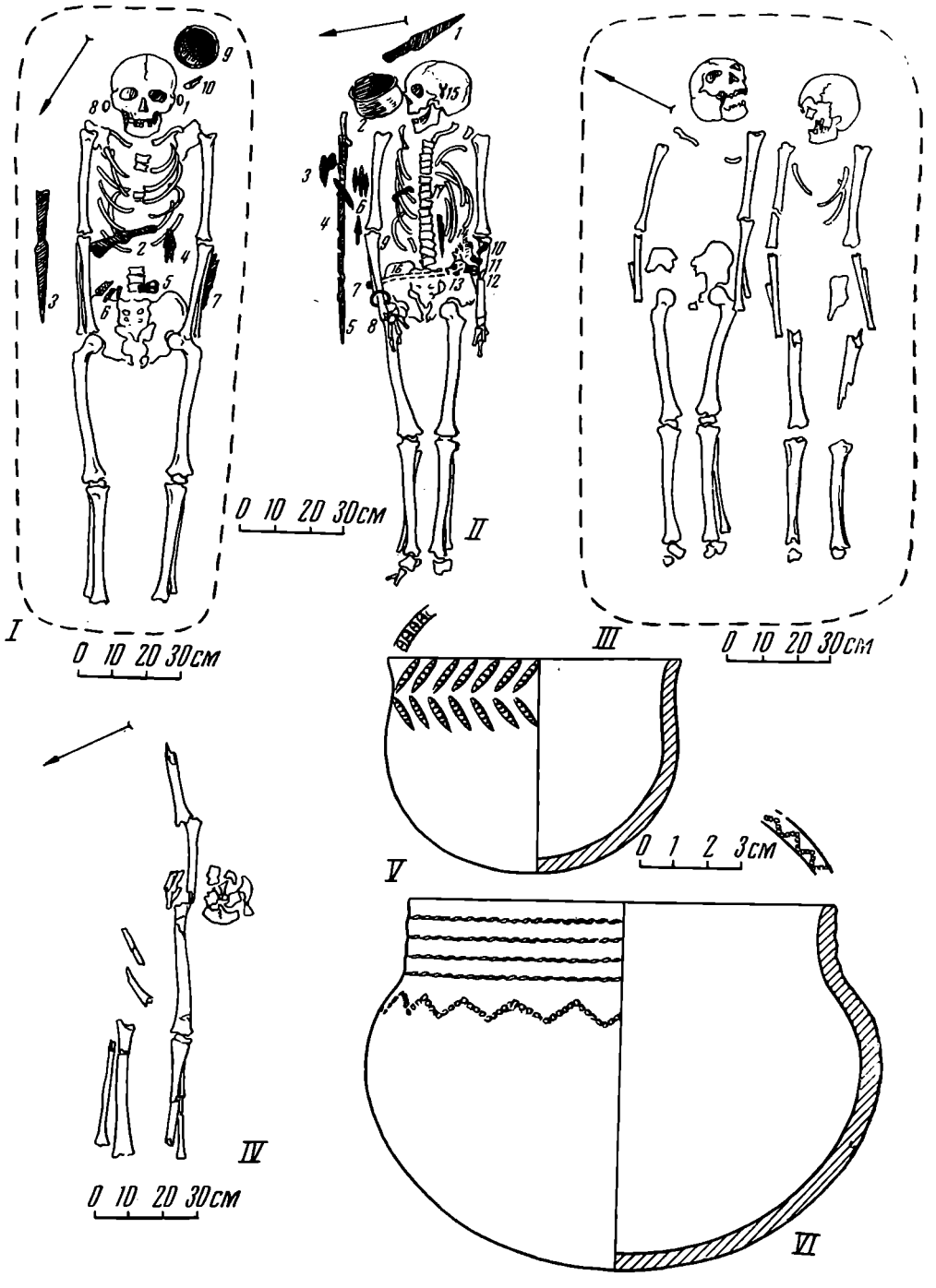


Рис. 1. Планы погребений и сосуды Игимского могильника.

I — погр. 1; II — погр. 2; III — погр. 4; IV — погр. 3; V — сосуд из погр. 1; VI — сосуд из погр. 2.

I (*1* — серьга; *2* — топор; *3* — наконечник копья; *4* — наконечники стрел; *5* — пряжка; *6* — оселок и остатки железных предметов; *7* — костяные накладки; *8* — серьга; *9* — сосуд; *10* — «скребок»). II (*1* — наконечник копья; *2* — сосуд; *3* — топор; *4* — костяная накладка; *5* — сабля; *6* — наконечники стрел; *7* — накладка; *8* — браслет; *9* — скоба; *10* — привеска; *11* — кусочки ножа; *12* — пряжка; *13* — накладки; *14* — береста; *15* — серьга; *16* — остатки пояса; *17* — нож)

ходились глиняный круглодонный сосуд с раковинной примесью (рис. 1, VI) и железный наконечник копья, аналогичный найденному в погребении 1. Справа от костяка расчищены железный топор (рис. 2, *18*), три железных и один костяной наконечники стрел (рис. 2, *12*), по-видимому, уложенные в колчан. Сохранившиеся у правого плеча остатки костяных пластинчатых накладок (рис. 2, *10*), вероятно, свидетельствуют о том, что рядом с погребенным был положен лук. Под накладками выявлены остатки сильно коррозированной сабли (рис. 2, *20*). На правой стороне

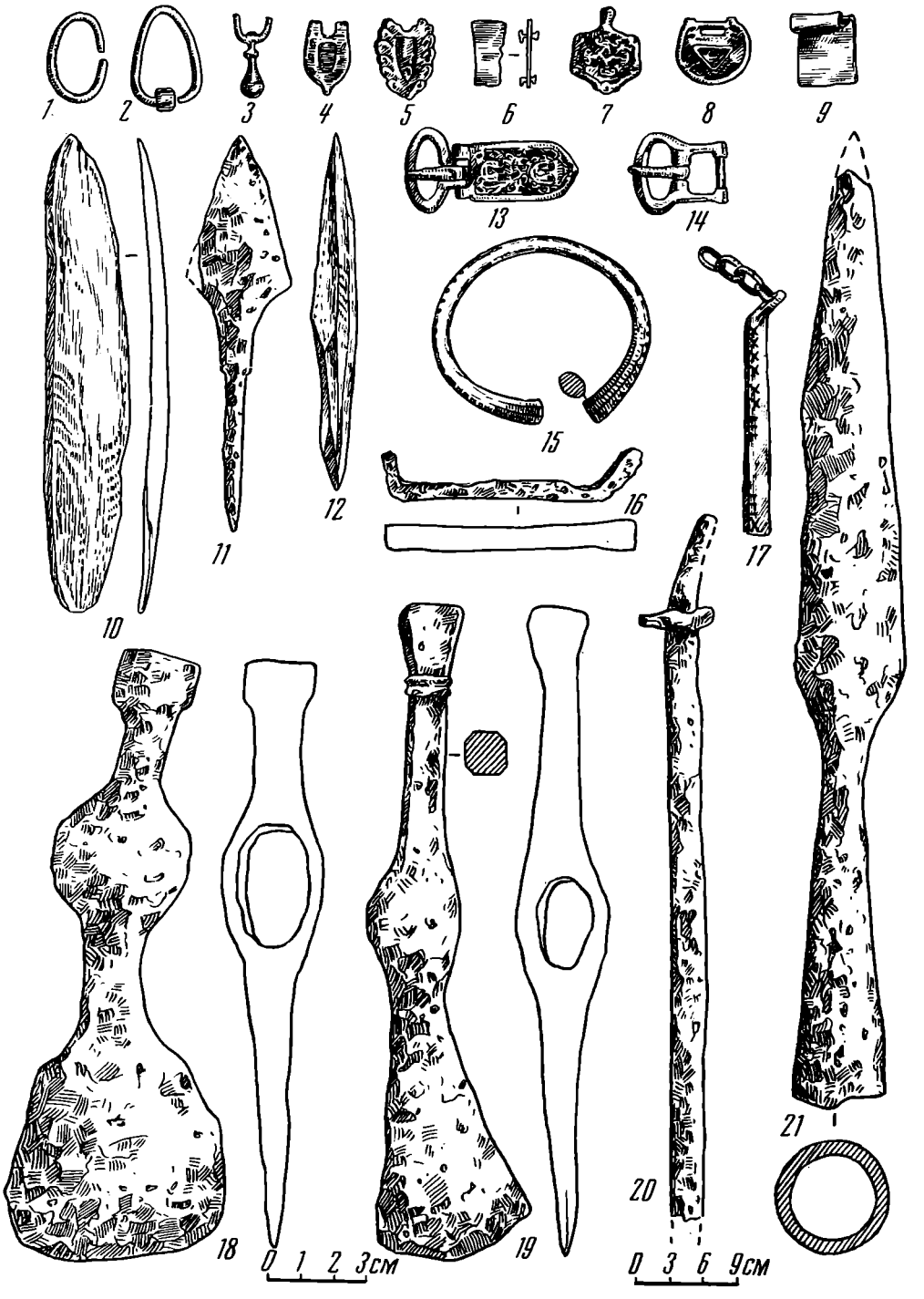


Рис. 2. Находки из погребений Игимского могильника.

1, 2, 11, 14, 19, 21 — из погр. 1, остальные из погр. 2. *1, 4—9, 13—15, 17* — бронза; *2, 3* — серебро; *10, 12* — кость; остальное — железо

груди найдена железная скоба неизвестного назначения (рис. 2, *16*); в области локтя левой руки лежала бронзовая привеска с цепочкой (рис. 2, *17*) и изъеденный ржавчиной нож. Второй железный нож лежал на левой стороне груди погребенного. Заслуживают внимания остатки кожаного пояса с накладками (рис. 2, *4—9*) и фигурной пряжкой (рис. *2, 13*). На предплечье правой руки обнаружен бронзовый браслет (рис. 2, *15*). На черепе погребенного лежала серебряная серьга (рис. 2, *3*).

Погребение 3 (рис. 1, IV) найдено на глубине 30 *см* от современной поверхности, в слое сильно гумированного песка. Очертания могильной ямы не прослежены. Часть костяка потревожена поздними перекопа-

ми. Кости черепа лежали около пояса. На некоторых костях были замечены следы огня. Судя по остаткам, погребенный был положен головой на юго-восток. Вещей не найдено.

Погребение 4 (рис. 1, III) выявлено на глубине 40 *см* от современной поверхности, в слое темного гумированного песка. Могильная яма подчетырехугольной формы прослеживалась очень слабо. На глубине около 50 *см* расчищены два костяка довольно плохой сохранности, лежавшие вытянуто, на спине, головами на северо-восток. Черепа повернуты лицевыми частями друг к другу. Вещей не найдено.

Глиняные круглодонные сосуды с примесью толченых раковин (рис. 1, V, VI), найденные в двух первых погребениях, близки по форме, размерам, примесям и орнаментации керамике поломско-ломоватовских памятников [1], а также посуде Танкеевского могильника на юге Татарии [2].

Из предметов вооружения следует отметить саблю (рис. 2, *20*), два наконечника копий (рис. 2, *21*), железные топоры (рис. 2, *18*, *19*), железные и костяные наконечники стрел (рис. 2, *11*, *12*). Сабля сильно коррозированная, с брусковидным черешком. Клинок лезвия обломан, длина сохранившейся части 48 *см*. Перекрестье прямое, черешок наклонен в сторону острия. Рассматриваемая слабля — разновидность раннесредневековых сабель Восточной Европы [3].

Наконечники копий однотипны: втульчатые с листовидным подромбическим в сечении пером. Длина их 28 *см*. Топор из погр. 1 узколезвиевый (рис. 2, *19*), с граненым обушком и круглым проухом, близкий по форме топору из погр. 297 Танкеевского могильника [4], некоторым находкам Баяновского могильника [5], а также салтовским топорам [6]. Топор из погр. 2 (рис. 2, *18*), более массивный, с трапециевидным лезвием, коротким бойком, сходен с топором из Стерлитамакского могильника [7]. Железные наконечники стрел — черешковые, сильно коррозированные, близки к так называемому гнездовскому типу, костяные трехгранные аналогичны многочисленным находкам с памятников I тысячелетия Прикамья.

Из украшений и принадлежностей костюма примечательны остатки поясов с бронзовыми пряжками и накладками, привески, браслет. Бронзовый браслет с утолщенными гранеными концами и кружковым орнаментом (рис. 2, *15*), аналогичен браслетам из древнемарийских погребений [8], а также памятников последних столетий I тысячелетия бассейна р. Чепцы [9] и Верхней Камы [10].

В погребениях 1 и 2 встречены серьги трех типов. Одна из них (погр. 1; рис. 2, *1*), в виде бронзового разомкнутого колечка, аналогична наход-

---

[1] О. Н. Бадер, В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, стр. 160, рис. 43, *9*; В. Ф. Генинг. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа. Тр. КФАН СССР, сер. гуман. н., 2. Казань, 1959, стр. 192, табл. VI; Г. Т. Кондратьева, В. Е. Стоянов. Археологические работы на р. Чепце. ВАУ, 2. Свердловск, 1962, стр. 102, рис. 43, *1*, *2*.

[2] Е. П. Казаков. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника. Сб. «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья». Казань, 1971, стр. 94 сл.

[3] Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы. СА, 1955, XXIII, стр. 153.

[4] Е. П. Казаков. Ук. соч., табл. VII, *3*.

[5] В. А. Оборин. Баяновский могильник на р. Косьве. Уч. зап. ПГУ, IX, 3. Харьков, 1953, стр. 150, табл. I, *3*, *4*.

[6] Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 24, 25, рис. 2, *86*.

[7] Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака. СА, 1955, XXII, стр. 169, табл. VI, *2*.

[8] М. В. Талицкий. Кочергинский могильник. МИА, I, 1940, табл. II, *15*; А. Х. Халиков, Е. А. Безухова. Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1960, рис. 29, *3*.

[9] В. Ф. Генинг. Мыдланьшай — удмуртский могильник VIII—IX вв. ВАУ, 3, Свердловск, 1962, табл. II, *9*.

[10] Р. Д. Голдина. Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме. ВАУ, 6. Свердловск, 1970, табл. 36, *7*.

кам из Танкеевского могильника [11], могильника Мадланьшай [12] и ломоватовских памятников [13]. Другая сережка из серебра, в виде колечка с грузиком (рис. 2, *2*), также находит параллели в ломоватовских материалах и Танкеевском могильнике. Наконец, литая серебряная серьга с отломленной дужкой из погр. 2 принадлежит к типу, нередко встречающемуся в древностях Восточной Европы.

Привлекают внимание остатки поясных наборов (пряжки и накладки). Пряжка из погр. 1 бронзовая, восьмеркообразной формы (рис. 2, *14*); из погр. 2 — бронзовая, позолоченная, с литой фигурной задней пластиной (рис. 2, *13*). На лицевой поверхности последней изображены две личины с длинными волосами. Возможно, что одно изображение мужское, а второе женское.

Отмеченные выше особенности погребального обряда, а также вещевого материала позволяют утверждать, что данный памятник оставлен населением, близким по культуре племенам IX — начала X в. Верхней и Средней Камы, испытавшим, как уже было отмечено предшествующими исследователями, значительное южное влияние [14].

---

[11] Е. П. Казаков. Ук. соч., стр. 122.
[12] В. Ф. Генинг. Мыдланьшай.., табл. I, *1*.
[13] Р. Д. Голдина. Ук. соч., табл. 34, *18*.
[14] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Приуралья. МИА, 28, 1952, стр. 188.

Э. В. ШАВКУНОВ

О НАЗНАЧЕНИИ ПОДВЕСНЫХ БРОНЗОВЫХ РЫБОК И ОЛЕНЬЕГО РОГА С ШАЙГИНСКОГО ГОРОДИЩА

Во время раскопок на Шайгинском городище, одном из крупнейших торгово-ремесленных центров чжурчжэньской державы конца XII — начала XIII в. в Приморье, нами были обнаружены отлитые из бронзы изображения рыбок и оленьего рога.

Скульптурное изображение небольшого подвесного оленьего рога (рис. 1, *1*) найдено на склоне террасовидной площадки с остатками металлообрабатывающей мастерской № 3. У основания рога имеется небольшое ушко для подвешивания. То обстоятельство, что изображен пантовый рог, дало нам в свое время основание отнести его к категории амулетов, излечивающих от разного рода тяжких недугов [1]. Однако Г. Г. Стратанович, просматривая археологический материал с Шайгинского городища, высказал другую точку зрения, с которой нельзя не согласиться. По мнению Г. Г. Стратановича, данный рог — это пендель, с помощью которого развязывались узлы при «чтении» узелкового письма.

Мы не имеем прямых указаний на существование у чжурчжэней узелкового письма. В то же время есть свидетельства о том, что чжурчжэни до XII в., т. е. до изобретения слоговой письменности, «раскалывали деревяшки и покрывали их нарезками, как бы письменными. При заключении договоров постановление бывало нерушимым и не преступалось никем. Повсюду и все подчинялись ему. Знак (этот) считался священным» [2]. В случае необходимости запечатлеть или подробно изложить какое-нибудь важное событие, особенно во время посольских сношений с соседними странами, чжурчжэни также пользовались деревянными табличками, или бирками, с вырезанными на них «обстоятельствами» того или

---

[1] Э. В. Шавкунов. Об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1965 году. (Рукопись). Архив ДВФ СО АН СССР, ф. 1, оп. 6, 80, стр. 31.
[2] М. В. Воробьев. Язык и письменность чжурчжэней (Культурно-историческая характеристика). Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР, 5. Л., 1968, стр. 85.

иного дела [3]. С этой целью использовалось, по всей вероятности, пиктографическое письмо, которое еще сравнительно недавно было широко распространено среди многих народов Сибири и Дальнего Востока.

«В тех случаях, когда требовалось передать развернутое сообщение (чжурчжэни.— *Э. Ш.*) использовали гонцов, которые заучивали послание наизусть... То, что касалось военных дел и должно было сохраняться в секрете,— все это передавали устно доверенному лицу. Его заставляли заучивать сообщение, в виде повеления, в отдаленные воинские части, где он и передавал слова указа. И хотя указ состоял из нескольких тысяч слов — никогда не было ни малейшей ошибки» [4]. Это, несомненно, достигалось с помощью узелкового письма, в существовании которого у чжурчжэней, благодаря находке пенделя на Шайгинском городище, сомневаться теперь не приходится. В связи с этим интересно, что узелковое письмо было широко распространено в древнем Китае [5], а в XII и начале XIII в.— у монголов [6], ближайших соседей чжурчжэней. Следы узелкового письма в наши дни отмечены у нивхов [7].

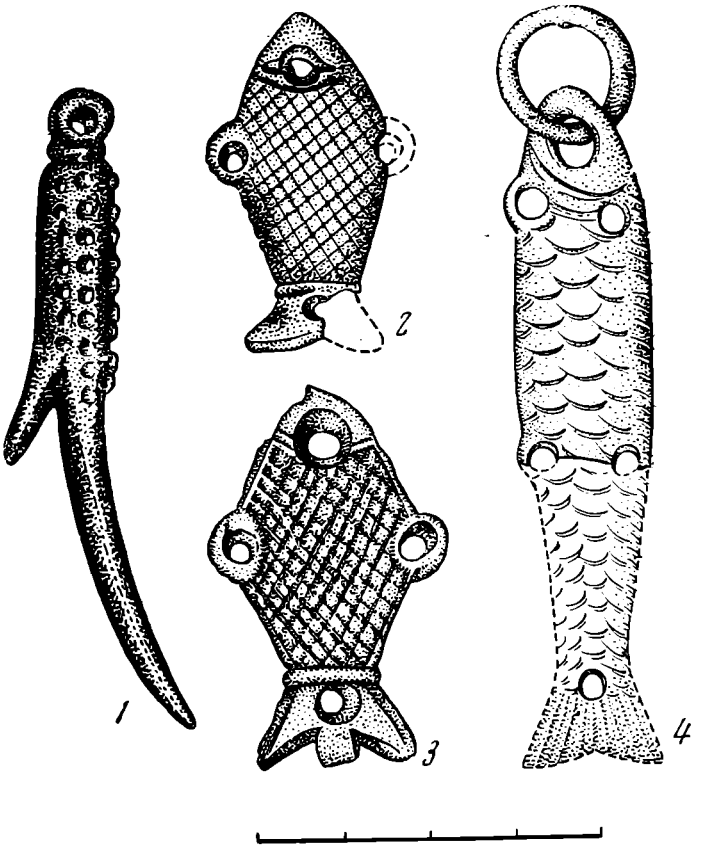


Рис. 1. Бронзовые изделия Шайгинского городища

1 — пендель в виде оленьего рога из мастерской № 3, *2, 3* — подвесные рыбки из мастерской № 3, *4* — подвесная рыбка из жилища № 13

Кроме описанной находки, на Шайгинском городище найдены три бронзовые подвесные рыбки. Две из них, изображающие карасей, представлены лишь по одной створке. Одна из них была обнаружена при прокладке траншей через склон террасы с остатками уже упоминавшейся выше мастерской № 3 (рис. 1, *2*), другая найдена неподалеку во время раскопок склона террасы (рис. 1, *3*), почти рядом с уже описанным подвесным оленьим рогом. У обеих рыбок имеется четыре отверстия: одно на месте глазниц, остальные — на месте брюшного и спинного плавников, а также на основании хвоста.

Третья рыбка обнаружена в жилище № 13 и состоит из двух насаженных на колечко взаимосоединяющихся продольных створок. К сожалению, отсутствует нижняя часть туловища вместе с хвостом (рис. 1, *4*). Наличие колечка, продетого через глазницы обеих створок, указывает на то, что рыбка подвешивалась. Вблизи головы и в средней части туло-

---

[3] Ma Touan Lin. Ethnographie des peuples etrangers a la Chine. 1, Geneva, 1876, стр. 427—461.

[4] М. В. Воробьев. Ук. соч., стр. 86.

[5] Г. Г. Стратанович. Цзешэн — узелковое письмо древнего Китая. ВДИ, 1959, 3, стр. 101—103.

[6] А. Ландезен. Тангутская надпись близ Мукденя. Вестник Азии, 1909, 1. Харбин, стр. 240, прим. 8.

[7] Е. А. Крейнович. Нивхский (гиляцкий) язык. «Языки и письменность народов Сибири». III, М.— Л., 1934, стр. 186.

вища имеется еще четыре отверстия, через которые, видимо, продевались кожаные шнурки или какая-нибудь тесьма для скрепления створок. Концы этих шнурков должны были изображать плавники рыбки.

Еще одна подвесная рыбка, совпадающая по ряду признаков с шайгинскими, была найдена в могильнике (кург. № 13) на территории Березовского совхоза в Павлодарской области (рис. 2, *1*). Она лежала между локтевой костью и костями таза скелета. Она «состоит из двух половинок (створок.— *Э. Ш.*), отлитых отдельно, а затем склепанных на плавниках небольшими гвоздиками со шляпками. Хорошо и четко моделированы плавники, хвост, раскрытый рот. Перья хвоста переданы небольшими выпуклыми валиками. Внутри сохранились остатки ткани, очевидно от пояса, на котором она была привешана. По тулову рыбы с двух сторон идет причудливый растительный орнамент восточноиранского типа, состоящий из розеток и длинных узких листьев» [8]. Е. И. Агеева и А. Г. Максимова датируют погребение VI—VIII вв. [9] и приходят к выводу, что «большинство находок изображений рыбы относится к районам распространения урало-алтайских народностей», основой хозяйства которых с древнейших времен являлись охота и рыболовство. Далее они указывают, что еще сравнительно недавно рыба у хакасов, шорцев и телеутов считалась существом, способным излечивать болезни, а это дает основание считать, что рыбка из Березовского могильника носила культовый характер [10]. Однако с последним выводом трудно согласиться прежде всего по той причине, что березовская рыбка, являющаяся подвеской пояса, ничего общего не имеет с изображениями рыбок, к которым отсылают читателей Е. И. Агеева и А. Г. Максимова [11].

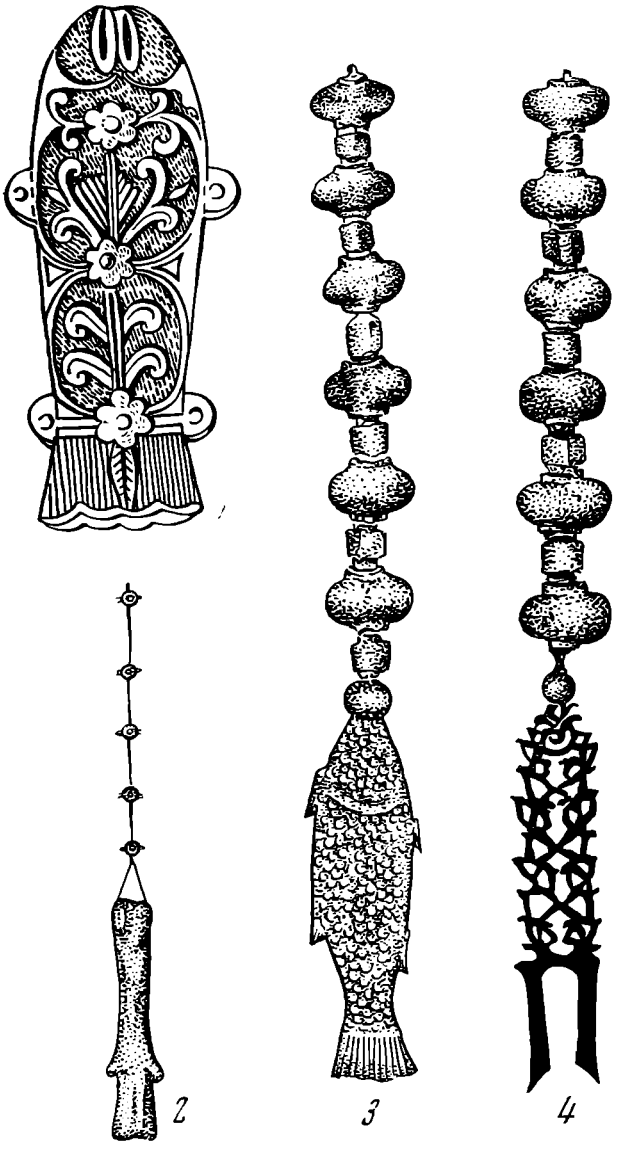


Рис. 2. Подвесные рыбки от пояса.

1 — из Березовского могильника, курган № 13, *2—4* — из «Кургана золотой короны» (Южная Корея, Кёнчжу)

За пределами Советского Союза подвесная золотая рыбка от пояса (рис. 2, *3*) обнаружена на территории Кореи в Кёнчжу во время раскопок «Кургана золотой короны», датируемого V—VI вв. [12]. Вот, пожалуй, и

[8] Е. И. Агеева, А. Г. Максимова. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г. БИИАЭ АН КазССР, 7. «Археология», 1959, Алма-Ата, стр. 48.

[9] Там же, стр. 51.

[10] Там же, стр. 49—50.

[11] Там же, см. текст и сноски на литературу на стр. 48—50.

[12] М. В. Воробьев. Древняя Корея. Историко-археологический очерк. М., 1961, стр. 113; См. также Культурные памятники Кореи, Пхеньян, 1957, стр. 94—95.

весь перечень скульптурных изображений металлических рыбок, использовавшихся в качестве подвесок к поясу, который удалось составить на основании известной нам литературы и имеющегося в нашем распоряжении археологического материала.

Каково было назначение подвесных рыбок? Ответ на этот вопрос можно найти в некоторых письменных источниках. Так, согласно одному из них, все бохайские чиновники делились на ранги. «Чиновники Первого, Второго и Третьего рангов обязаны были являться ко двору короля в одеждах фиолетового цвета с дощечками из слоновой кости для записи распоряжений и золотой рыбкой, подвешенной к яшмовому поясу. Чиновники Четвертого и Пятого рангов носили одежду малинового цвета... и серебряную рыбку. Чиновники Шестого и Седьмого рангов носили одежду светло-красного цвета, а чиновники Восьмого ранга — зеленого цвета, которые также носили с собой дощечки для записей распоряжений, но уже деревянные» [13]. Вполне допустимо, что чиновники Шестого и Седьмого рангов носили подвешенные к поясу бронзовые рыбки, а чиновники Восьмого ранга — железные (или из какого-нибудь другого дешевого материала).

Еще более скудные данные имеются относительно назначения подвесных рыбок у чжурчжэней: «Все военные чиновники от 4-го класса (и выше) носят за поясом меч, а гражданские — рыбу» [14]. Но чжурчжэни, как известно, являются потомками бохайцев, поэтому есть основания полагать, что назначение подвесных рыбок как у тех, так и у других было одинаковым. Иначе говоря, подвесные рыбки у бохайцев и чжурчжэней были одним из знаков различия в чиновничьей иерархии.

Такую же роль изображения рыбок играли и в средневековом Китае, где они впервые были введены в качестве знаков различия в конце династии Сун в 589 г.[15] К сожалению, нам пока известно только одно изображение подвесной рыбки из золота, обнаруженное в погребении периода китайской династии Цзинь [16] и датируемой IV в. Эта рыбка резко отличается от описанных выше прежде всего тем, что она подвешивалась за спинку, а не за голову. Последнее обстоятельство весьма примечательно в том отношении, что дает основания считать, вслед за Е. И. Агеевой и А. Г. Максимовой, что рассматриваемый тип подвесных рыбок впервые появляется у народов алтайской семьи языков, от которых они впоследствии были заимствованы соседними народами, в частности, корейцами, китайцами и древними фанями, кочевавшими в западных и северо-западных районах современного Китая. О том, что древние фани также носили подвешенные к поясу изображения рыбок, видно из картины сунского художника Чжао Бо-сюй «Возвращение домой фаньского всадника с охоты» [17] (рис. 3).

В одном из летописных источников имеется интересная запись, проливающая свет на характер назначения и использования подвесных рыбок у фаней. В нем, в частности, говорится, что когда между танским Китаем и фанями установились добрососедские отношения, то императорский двор приказал отлить несколько партий (по 12 пар) медных рыбок. Каждая пара представляла собой самца и самку и соответствовала друг другу, очевидно, по размерам и другим внешним признакам, в том числе по надписи названия того фаньского владения, которому предназначалась та или

[13] Цзинь Юй-фу. Бохай го чжи чаньпянь (Полное собрание известий о государстве Бохай). Ляоян, 1934, цзюань 1, стр. 9 (на кит. яз.) См. также Э. В. Шавкунов. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968, стр. 72.

[14] В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XII века. Тр. Восточного отд. имп. Археологического общ-ва, 4, СПб., 1859, стр. 215.

[15] (Толковый словарь) «Цыюань». Шанхай, 1947, стр. 1676 (юй фу), стр. 1511 (цзинь юй), стр. 1523 (инь юй) и стр. 1525 (тун юй фу). На кит. яз.

[16] Чжи Би-чжэ, Гао Чжи-си. Чанша нань цзяоды Лян Цзинь Нань Чао Суй дай муцзан (Погребения эпохи Обоих Цзинь, Южных Династий и Суй в южных предместьях г. Чанша). Каогу, 5, 1965, рис. 4(3) на стр. 227, и табл. IV, *4* (на кит. яз.).

[17] Чжэн Чжэнь-до, Чжан Хэн, Сюй Бан-да. Сун жэнь хуа цэ (Альбом картин сунских художников). Бэйцзин (Пекин), 1957, картина № 19.

Рис. 3. Выкопировка фрагмента картины сунского художника Чжао Бо-сюй «Возвращение домой фаньского всадника с охоты»

иная рыбка. После отливки каждая партия была поделена на две части: самцы в количестве 12 штук были оставлены в Китае, а такое же количество самок было передано в различные фаньские владения. Это были своего рода верительные бирки, с помощью которых проверялись полномочия прибывавших в Китай фаньских послов. Если посол прибывал в первом месяце, то он предъявлял первую рыбку, а если, например, в пятом или двенадцатом месяце, то соответственно пятую или двенадцатую рыбку. Предъявленную послом рыбку-самку сравнивали с хранящейся при императорском дворе рыбкой-самцом, и если обе рыбки совпадали,— значит предъявивший рыбку человек действительно является полномочным фаньским послом [18].

Очень интересное применение рыбок мы находим у киданей — современников и непосредственных соседей чжурчжэней. У них бирка в виде отлитой из золота рыбки, состоящей, судя по всему, из двух створок, служила символом императорской власти и использовалась в качестве условного знака для оперативной мобилизации войск. Это осуществлялось следующим образом: перед выступлением в поход отливались золоторыбые бирки, половинки которых рассылали по войсковым частям. В день выступления войск в поход киданьский император лично раздавал своим полководцам вторую половинку золоторыбой бирки. Прибыв в расположение вверенной им воинской части, полководцы предъявляли половинку бирки, и если она совпадала с другой половинкой, которая уже имелась в воинской части, солдаты тотчас же выступали в поход во главе с прибывшим полководцем [19].

Как видно из приведенных свидетельств, изображения рыбок использовались в качестве специальной верительной бирки, удостоверяющей, что ее хозяин облечен соответствующей властью или полномочиями. В связи со сказанным уместно напомнить, что, согласно Е. И. Агеевой и А. Г. Максимовой, рыбки считались «посыльными шамана» [20]. Возможно, что впоследствии скульптурные фигурки рыбок стали выдавать особым лицам, помощникам шаманов, а затем и посыльным, находившимся в услужении у представителей зарождающейся родоплеменной знати, в число которой, как известно, входили и служители шаманизма. Постепенно назначение рыбок становится более специализированным, и при этом они окончательно теряют какую-либо связь с атрибутами шаманского культа.

Если вернуться к изображениям чжурчжэньских подвесных рыбок с Шайгинского городища, то нетрудно заметить, что последние имеют одну отличительную особенность, выражающуюся в наличии специаль-

[18] Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 211.

[19] K. A. Wittfogel and Fêng Chia-shêng. History of Chinese Society Liao (907—1125). Transactions of the American Philosophical Society. New ser., 36. Philadelphia, 1949, стр. 120, 560, 561.

[20] Е. И. Агеева, А. Г. Максимова. Ук. соч., стр. 50.

ных отверстий в области плавников и у основания хвоста. Выше уже говорилось, что через эти отверстия продевался шнур или узкий кожаный ремешок, с помощью которого обе створки плотно соединялись между собой, причем концы этих шнурков одновременно как бы выполняли роль плавников. Но здесь невольно возникает вопрос: зачем это нужно было делать? Ведь было бы гораздо проще отлить вместе с туловом рыбки и ее плавники, створки соединить либо с помощью заклепок, как это было на березовской рыбке, либо с помощью пайки серебром. Как об этом свидетельствует материал археологических исследований на Шайгинском городище, чжурчжэни прекрасно умели это делать.

Ответ на этот вопрос дает находка пенделя для развязывания узлов, который был обнаружен почти рядом с изображением описанных выше первых двух рыбок с Шайгинского городища. Что пендель был обнаружен вблизи рыбок,— не случайно, и свидетельствует, по-видимому, о том что он висел в одной связке с рыбкой и затем вместе с ней при каких-то обстоятельствах был утерян. Из этого можно сделать вывод, что они использовались для завязывания различного рода узлов в тех случаях, когда надо было детально запомнить какое-либо устное послание или поручение. Вполне возможно, что каждый плавник состоял из нескольких разноцветных шнуров, а это при наличии различного рода способов завязки узлов и их комбинирования, а также при учете расположения самих плавников (вблизи головы или на хвосте, на спине или на брюшке), давало возможность «записать» большое количество разнообразных сведений.

Надо полагать, что узелковое письмо чжурчжэней уходит своими корнями в глубокую древность, к племенам мохэ, вся история которых проходила в неразрывной связи с историей древних тюрко- и монголоязычных племен Центральной Азии. В этот период, т. е. в IV—VII вв., племена мохэ выступают на политической арене в качестве одной из активных сил[21]. Не имея собственной письменности, мохэсцы вынуждены были в своих сношениях с соседними странами и при передаче каких-либо распоряжений внутри родоплеменных объединений воспользоваться каким-то эквивалентом письменности. Одним из таких эквивалентов могло быть узелковое письмо. Узелковое письмо не потеряло своего значения и тогда, когда уже существовала чжурчжэньская письменность. Тот факт, что узелковое письмо какое-то время сосуществовало с буквенно-слоговой письменностью, следует объяснить, очевидно, тем, что среди служащих чиновничье-административного аппарата, особенно в глухих периферийных районах чжурчжэньской империи, нередко можно было встретить неграмотных или полуграмотных людей, которые, однако, с помощью узелкового письма отлично справлялись со своими обязанностями.

Необходимо обратить внимание на одно весьма примечательное обстоятельство, которое позволяет пролить свет на происхождение накладных наконечников от подвесных ремней наборного пояса, получившего широкое распространение среди кочевых народов Евразии в VI—VIII вв.[22] Среди поясных подвесок из «Кургана золотой короны» (Кёнчжу, Южная Корея) вместе с реалистически выполненной подвесной рыбкой (рис. 2, *3*) имелись также подвески, представляющие собой изображения рыбок, уже в значительной степени подвергшиеся стилизации (рис. 2, *2, 4*). Стилизация настолько велика, что эти подвески с одинаковым основанием можно отнести и к разряду подвесных рыбок, и к разряду просто поясных подвесок. Это обстоятельство позволяет предполагать, что в процессе длительной эволюции подвесные рыбки

---

[21] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье, стр. 37—45.

[22] В. И. Распопова. Поясной набор Согда VII—VIII вв. СА, 1965, 4, стр. 91.

видоизменились в накладные наконечники от подвесных ремней пояса. Этим можно объяснить, почему на многих тюркских накладных наконечниках имеется орнамент, обычно встречающийся на изображениях рыб у народов Сибири и Дальнего Востока [23]. К числу таких накладных наконечников относятся, например, некоторые наконечники из Салтова [24] и могильника Сростки-1 [25]. Многие из них к тому же и по своей форме несколько напоминают стилизованные изображения рыбок. От последних у накладных наконечников наиболее явственно сохранился хвост в виде подтреугольного или овального выреза. Другой, противоположный конец накладного наконечника, который когда-то был головой рыбы, имеет, как правило, овальную форму. Некоторые наконечники из Кудыргинского могильника, которые А. А. Гаврилова называет уздечными бляшками языковидной формы [26], довольно точно передают очертания туловища рыб, правда, без плавников.

Подвески от конской упряжи в виде сравнительно реалистически выполненных изображений рыбок известны и в более древних памятниках. Они обнаружены в Пазырыкских курганах, а также во втором Туэктинском и во втором Башадарском курганах, датируемых С. И. Руденко VI—IV вв. до н. э. [27] Но нам не известно пока ни одного памятника этого времени, в котором имелись бы накладные наконечники от подвесных ремней пояса. Вместе с тем нельзя не заметить, что изображения рыбок из перечисленных выше курганов несут на себе отчетливый отпечаток стилизации: их головы уже приобрели форму, характерную для овальных концов накладных наконечников.

Процесс превращения подвесных рыбок в наконечники подвесных ремней начался, по всей вероятности, у какой-то части населения Центральной Азии в связи с переходом к новым формам хозяйства. В новых условиях, когда охота и рыболовство потеряли свое значение, наблюдается постепенное изменение отношения человека к окружающей его природе. Это, естественно, нашло свое отражение и в изобразительном искусстве, где главными объектами творчества древних художников становится домашний скот и некоторые представители степной и лесостепной фауны. Животный мир тайги, а также рек и озер в творчестве степных скотоводов занимает весьма скромное место, причем изображения таежных животных и особенно рыб все в большей степени становятся схематичными и упрощенными, и в конечном итоге изображения подвесных рыбок постепенно утрачивают свои специфические очертания и превращаются в процессе дальнейшей эволюции в обычные накладные наконечники подвесных ремней пояса. От рыб эти наконечники лишь унаследовали в головной своей части овальную форму, а в хвостовой — овальный или подтреугольный вырез. Иногда эти наконечники по традиции продолжали украшаться орнаментом, который является характерным и для изображений рыб.

Впоследствии в результате контактов между степными племенами и жителями таежных районов наконечники подвесных ремней пояса были заимствованы соседними таежными племенами в качестве непременной принадлежности поясного набора. Только таким образом можно объяснить появление у чжурчжэней подвесных рыбок и происходящих от них накладных наконечников подвесных ремней пояса с характерными для кочевых племен Центральной Азии чертами. При этом и те и другие получили уже совершенно отличное фукциональное назначение.

---

[23] С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник. Тр. ИЭ, Нов. сер. 81, М.— Л., 1963, стр. 10, рис. 1.

[24] С. А. Плетнева. От кочевий к городам. МИА, 142, 1967, рис. 44.

[25] А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.— Л., 1965, рис. 11.

[26] Там же, стр. 24, табл. XVIII, *8—10*.

[27] С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960, рис. 134.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

МАВЗОЛЕИ МАДЖАРА

На территории, некогда входившей в состав золотоордынского государства, сохранилось незначительное количество мавзолеев XIV—XV вв. Среди них наиболее известны мавзолеи Хорезма и Миздахкана [1]. Имеются они также в Башкирии [2], Крыму и на Северном Кавказе [3].

Многие из ныне не сохранившихся мавзолеев Маджара существовали еще в 1726 г., когда городище посетил майор артиллерии Гербер. На его рисунке, опубликованном в 1841 г. К. Бэром, можно насчитывать более 30 целых и полуразрушенных усыпальниц [4]. Однако уже в 1793 г. П. С. Паллас отметил всего четыре [5], а посетивший Маджар в 1798 г. Г. Потоцкий зафиксировал только один мавзолей [6]. В 1807 г. Г. Клапрот отмечает, что к этому времени уже не осталось ни одной усыпальницы, а следовательно, последний маджарский мавзолей был разрушен в промежутке между 1798 и 1807 гг. [7] К счастью для науки, ряд путешественников, посетивших Маджар, оставили после себя не только краткие описания мавзолеев, но, что еще более важно, их рисунки и даже чертежи. Это позволяет составить более или менее четкое представление об архитектурном стиле этих сооружений. Особенно ценными являются чертежи разрезов и планы усыпальниц, изданные впервые Ф. А. Бюшингом [8]. Представление об их внешнем облике дополняются рисунками в трудах К. Бэра, П. С. Палласа и Г. Потоцкого. Анализу этих материалов и посвящается данная статья.

Всего в г. Маджаре, судя по чертежам А. Ф. Бюшинга, имелось, видимо, три различных типа мавзолеев, среди них наиболее распространенными были портально-шатровые усыпальницы, разрезы которых изданы тем же автором. План в его публикации отсутствует, но восстановить его в общих чертах при наличии разрезов возможно (рис.1, *1*).

I. Портально-шатровые усыпальницы. Мавзолеи этого типа в г. Маджаре имели, вероятно, единственное квадратное в плане помещение со стороной квадрата около 5 *м* и развитый в высоту и длину портал, лежащий на продолжении боковых стен. Общая длина одного из них по наружному обмеру вместе с портальной частью немногим более 10 *м*, ширина несколько больше 7 *м*, толщина стен 1,10—1,20 *м*. Портальная ниша перекрыта стрельчатой аркой и выделена двумя П-образными рамами. Портал выдвинут до 4 *м* [9]. На его щековых стенах устроено по неглубокой нише, перекрытой стрельчатой аркой. Аналогичные ниши, но выделенные П-образными рамами, имелись на осях с трех сторон мавзолея (рис. 1, *3*). Судя по рисункам П. С. Палласа, эти ниши в ряде усыпальниц были сквозными, на других же в них устраивались небольшие окошки для освещения интерьера [10]. Вероятно, аналогичные ниши располагались на осях и в интерье-

---

[1] А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. ГАИМК, VI, 2. Л., 1930, стр. 48—63; его же. Городище Миздахкан. ЗКВ, V. Л., 1930.

[2] А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. МИА, 58, 1957, стр. 92—95.

[3] Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Сев. Кавказа. 1. М., 1966, стр. 129—130.

[4] K. Bähr. Beitrage zur Kenntnise des Russischen Reiches, IV, 1841, табл. 1.

[5] P. S. Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Lahren 1793—1794. I, Leipzig, 1799, стр. 308, табл. 12.

[6] G. Potocki. Voyage dans les steps d. Astrakhan et die Cavcase. 2. Paris, 1829, рисунок.

[7] Г. Клапрот. Исследование о развалинах маджарских на реке Куме, «Московский телеграф», 1825, IX и X, стр. 115.

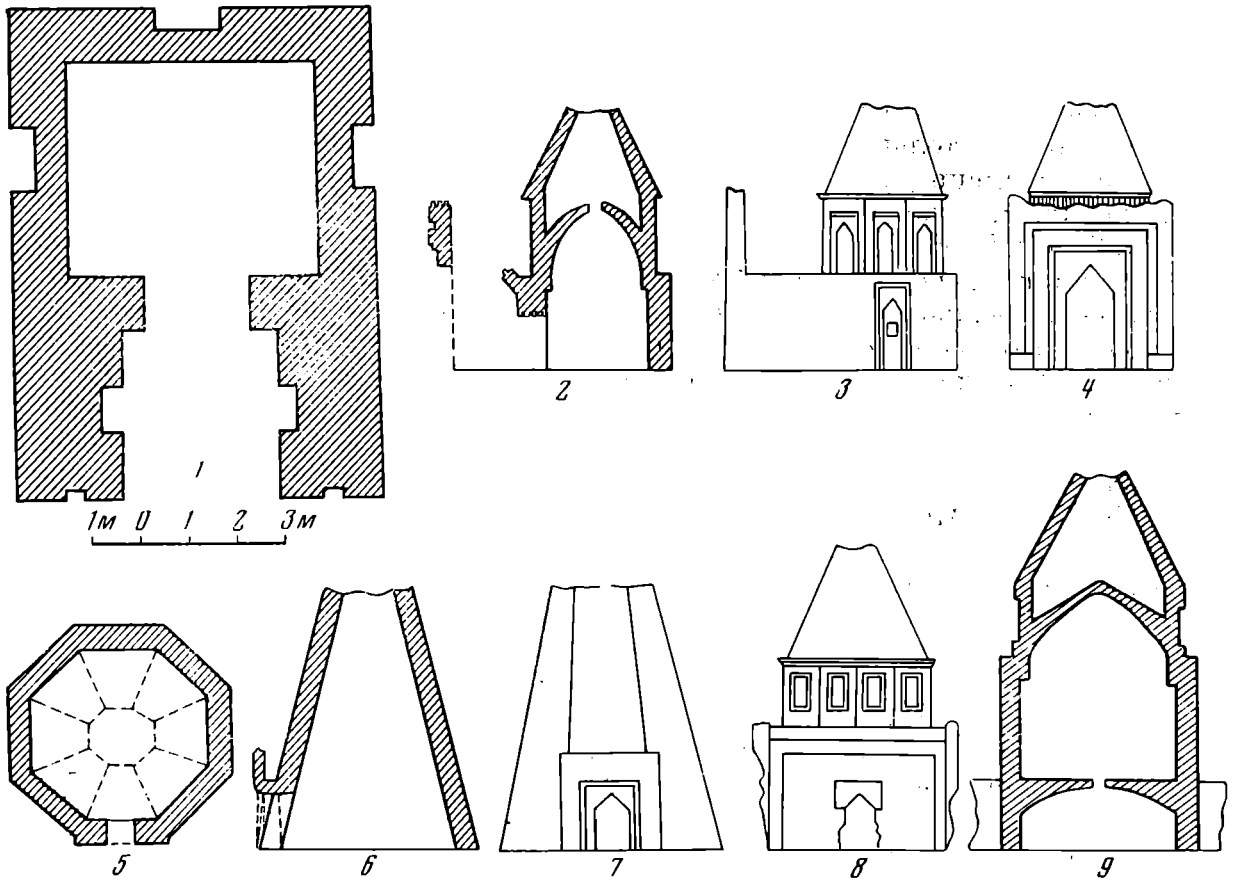
[8] Magarin für die neue Histoire und Geographie angelegt von Dr. Anton Friedrich Busching, Hamburg, 1771, рисунок.

[9] Размеры мавзолея здесь и далее даются в переводе с масштаба, приведенного на рисунках в работе Бюшинга.

[10] P. S. Pallas. Ук. соч., табл. 11.

ре, о чем можно судить по описанию С. Г. Гмелина [11]. По данным того же автора, в боковых стенах, по-видимому, у портала находились винтовые лестницы, шириной немногим более 30 *см*, которые вели в галерею. В галерее имелись два окна для освещения.

Мавзолеи этого типа были перекрыты куполом пирамидальной формы, покоящимся на высоком восьмигранном или двенадцатигранном барабане, с восьмью или двенадцатью окнами стрельчатой формы в прямоугольном оформлении. У некоторых из них окна были сквозными, на других глухи-



Маджарский мавзолей

1 — восстановленный план мавзолеев первого типа; *2 — 4* — мавзолей первого типа (разрез, вид сбоку, фасад); *5—7* — мавзолей второго типа (план, разрез, фасад); *8—9* — мавзолей третьего типа (фасад, разрез) по А. Ф. Бюшингу

ми. Переход от барабана к куполу выделен несколько выступающим карнизом (рис. 1, *1—4*). У каждого мавзолея имелся склеп. По С. Г. Гмелину, они были выстроены из жженого кирпича на глиняном растворе, видимо обычного для Маджар размера 24 × 24 × 5; 23,5 × 23, 5 × 4; 23 × 23 × × 4 *см*. Стены интерьеров были отштукатурены и выкрашены. Это подтверждается найденными нами на месте почти полностью разрушенного мавзолея фрагментов белой штукатурки, покрытой красной краской.

По опубликованным рисункам невозможно представить характер декора маджарских усыпальниц. Однако С. Г. Гмелин сообщает, что «украшения зданий состоят из глазурованных камней синего, зеленого, красного, кирпичного и жемчужного цвета, которые весьма красиво и искусно вделаны между кирпичами во внутренние и внешние стены нижней комнаты, пирамиды или купола или галереи в форме трех- или четырехугольников, ромбов, крестов, сердец и различных фантастических фигур» [12]. Очевидно в декор мавзолеев входила глазурованная архитектурная керамика,

[11] П. Д. Шестаков. Напоминание о древнем городе Маджаре. IV АС, Казань, 1884, стр. 8—9.

[12] П. Д. Шестаков. Ук. соч., стр. 9.

образующая различные геометрические фигуры, собранные в технике мозаичного набора. При обследовании разрушенного мавзолея нами собрано большое количество архитектурной облицовочной керамики. В ее состав входили:

1) Большие трапециевидные в сечении изразцы на глиняном основании, поверхность которых покрыта бирюзовой глазурью. Некоторые из них имеют на румпе боковые вырезы для лучшего сцепления с раствором. Длина от 19 до 22 *см*, ширина 6—6,5 *см*, высота румпы 5—5,5 *см*.

2) Детали мозаичного набора. Среди них: квадратные с бирюзовой глазурью, со стороной от 2,5 до 3,5 *см*, при толщине 1,2—1,6 *см*; прямоугольные с бирюзовой и синей глазурью 2 × 1 и 4 × 2 *см*, при толщине 1—2 *см*: треугольные, покрытые синей и черной глазурью, длина основания 7, толщина 1,5 *см*; трапециевидные с глазурью аналогичных цветов и мелкие в виде запятых.

3) Плоские глазурованные плитки, покрытые глазурью бирюзового цвета. Толщина 1,8—2 *см*.

4) Резная архитектурная керамика, покрытая, как правило, бирюзовой глазурью [13]. Орнамент в виде различных сочетаний: геометрических фигур и растительных побегов. Толщина плиток 1,5—4, высота рельефа 0,7—1,5 *см*. В декор памятников входили также неглазурованные изразцы прямоугольной формы, лицевая поверхность которых хорошо отшлифована, длина их 7—8, ширина, 4, высота румпы 4 *см*.

II. Башенные мавзолеи пирамидального типа. К этому типу относятся восьмигранные в плане усыпальницы с цилиндрическим стволом, пирамидально суживающимся кверху и расчлененным восьмью гранями. Однако в отличие от классических типов «башенных» мавзолеев в г. Маджаре они имели невысокий и слабо выдвинутый вперед портал, лежащий на одной из граней. Мавзолей, изображенный в книге Ф. Бюшинга, в плане восьмигранный, грани наружных стен, как и внутренних, гладкие, без ниш. Вход оформлен в виде стрельчатой арки (рис. 1, *5—7*). Ширина пролета около 8 *м*, толщина стен 1 *м* или чуть более, ширина портала более 4, высота 4,5 *м*. Высота мавзолея без верхней части около 12 *м* [14]. Судя по этим рисункам и описанию С. Г. Гмелина, у них отсутствовал купол. Так, С. Гмелин пишет: «Фигуры сохранившихся зданий четырехугольные, восьмиугольные и круглые (последние скорее всего минареты.— *Э. Р.*). Все они от 4 до 9 сажени высоты (т. е. 8,52—18,11 *м*), четырехугольные и восьмиугольные, оканчиваются остроконечною пирамидой или кверху сужаются **пирамидально**» [15] (подчеркнуто нами.— *Э. Р.*). Из этих слов видно, что эти усыпальницы, по всей вероятности, не имели купола, а все здание, суживаясь кверху, образовало своего рода восьмигранную пирамиду. Подобные мавзолеи имелись не только в самом Маджаре, но и в 30 *км* вниз по р. Куме, на месте теперешнего селения Бургун-Маджары, что видно из дальнейшего изложения того же автора, который, описывая здания в этой местности, упоминает среди них и восьмиугольные.

III. Мавзолеи центрические. На рисунке, представленном в книге А. Ф Бюшинга, помимо мавзолеев в Маджаре, изображена усыпальница, которая, судя по карте, приложенной к этой работе, находилась неподалеку от города, вверх по р. Куме, в местности Дерсовата (Dersowata) [16]. Вероятно, это место соответствует упомянутому С. Гмелином верхнему Маджару в 30 верстах (32 *км*) выше среднего, в котором, по его словам, на-

---

[13] Мы не касаемся здесь других видов декора, так как они подробно разобраны в статье: Н. С. Гражданкина, Э. В. Ртвеладзе. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маждара, СА, 1971, 1, стр. 131—139.

[14] Magarin... рисунок.

[15] Б. Д. Шестаков. Ук. соч., стр. 8.

[16] Magarin... рисунок, карта.

ходились развалины домов, подобных маджарским [17]. На рисунке показаны фасад и разрез мавзолея; он имел квадратный план (7 × 7 *м*), при толщине стен немногим более метра. Портал отсутствует, но вход выражен невысоким малоприметным проемом, устроенным непосредственно в стене усыпальницы и перекрытым стрельчатой аркой. Главный фасад оформлен широкой П-образной рамкой. По углам его трехчетвертные колонки. Купол двойной: внутренний — сферической, внешний — шатрово-конической формы на высоком цилиндрической формы барабане, с восьмью или двенадцатью прямоугольными окнами для освещения. Переход от барабана к куполу выделен широким карнизом. Внутренний купол отстает от внешнего на 1,5 *м* у основания и примерно на 6 *м* в замке. Общая высота мавзолея немногим более 14 *м*. Под полом имелся склеп (рисунок, *8—9*).

По многим своим деталям мавзолей в местности Дерсовата близок маджарским усыпальницам первого типа. Объединяет их наличие квадратного помещения, высокого цилиндрического восьмигранного или двенадцатигранного барабана с таким же количеством окон, двойного купола. Однако между ними существует и большое различие: если у мавзолеев первого типа имеется далеко выдвинутый высокий портал, то здесь он полностью отсутствует, а вход представляет собой обычный дверной проем, перекрытый стрельчатой аркой. Отсутствие портала и другие конструктивные детали позволяют отнести этот мавзолей к мавзолеям центрического типа.

Итак, проанализированные выше данные свидетельствуют о том, что в г. Маджаре и вблизи него возводились мавзолеи трех типов.

Поскольку на территории центральной части Северного Кавказа пока еще не найдено мавзолеев домонгольского времени, то аналогии им следует искать в тех странах мусульманского Востока, где строительство мемориальных зданий над могилами светских феодалов и духовных лиц было давней и привычной традицией. Какие же из этих стран вложили свой вклад в формирование маджарских усыпальниц? Рассмотрим каждый тип в отдельности.

В г. Маджаре, если судить по описанию и рисункам путешественников, были наиболее распространены портально-шатровые усыпальницы. А раз это так, то по ним можно составить представление о том, какая архитектурная школа получила наибольшее распространение в этом городе.

Аналогии маджарским мавзолеям первого типа уводят нас в Среднюю Азию, прикаспийские области Ирана и Азербайджана. Однако сразу оговоримся, что с мавзолеями последних стран сходство проявляется лишь в отдельных деталях. Действительно, если усыпальницы Азербайджана, такие же как мавзолей XIV в. в с. Демирчиляр, в с. Хачин—Дорбатлы, Мир-Али дают более или менее близкую к маджарским форму шатрового перекрытия, то они резко отличаются совершенно иной планировкой (круглые или многогранные) и барабаном другой формы [18]. Заметим, что большинство мавзолеев этой поры в Азербайджане «башенного» типа, хотя есть и «кубические», например, Гунбад-е-Гаффарие, но и он имеет мало общего с маджарскими мавзолеями первого типа. Некоторые аналогии им дают мавзолеи Имам заде Ибрагим 721 г. х./1321 г. и Имам заде Ходжа Имад-ад-дина 792/1390 г. в Куме. Ощутимая близость между ними проявляется в наличии шатрового перекрытия, поставленного на высокий многогранный цилиндрический барабан со стрельчатыми окошками в прямоугольном оформлении [19]. Однако в мавзолеях Кума совершенно другая планировка при полном отсутствии портала, в то время как в маджарских

[17] П. Д. Шестаков. Ук. соч., стр. 10.

[18] Л. С. Бретаницкий. Зодчество Азербайджана XII—XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока, М., 1960, стр. 185, 188.

[19] D. N. Wilber. The Architecture of Islamic Iran. The Il Khanid Period. Prinseton, 1955, стр. 155, N 63, стр. 188, N 114, табл. 128, 208.

мавзолеях наличествует развитый монументальный портал и квадратный план.

Иная картина, чем в Азербайджане и прикаспийских областях Ирана, наблюдается в Северном Хорасане и Хорезме. Прежде всего отметим, что, согласно заключению Г. А. Пугаченковой, «комбинация портально-шатрового мавзолея специфична только для Средней Азии и нигде в иных странах не встречается» [20]. Этот авторитетный тезис дает нам возможность говорить о том, что маджарские усыпальницы первого типа возникли в результате культурного влияния вышеупомянутых областей Средней Азии, так как они несомненно являют собой «комбинацию портально-шатрового мавзолея». Правда, абсолютных аналогий здесь мы также не находим, но черты сходства явны и выразительны. Например, с мавзолеями Хорезма XIV в., Тюрябек-ханым и Наджмадлина Кубра их объединяет наличие развитого монументального портала, оформленного П-образными рамами, квадратного плана в мавзолее Наджмаддина Кубра и цилиндрического барабана с шатровым перекрытием в мавзолее Тюрябек-ханым. Много общего у них и с более ранним мавзолеем султана Текеша. За исключением несколько иного оформления барабана и более слабо развитого в длину портала остальные формы весьма близки между собой [21].

Разительные аналогии выявляются при сопоставлении маджарских усыпальниц первого типа с группой мавзолеев в местности Кек-Гумбаз неподалеку от Мерва, особенно с мавзолеями № 1 и № 2. И тут и там наличествует квадратный план, кубический объем при монументальном портале[22]. Сходство проявляется даже в таких деталях, как устройство ниш с внутренней стороны портала и присутствие лестниц. Отметим, что наличие лестниц, ведущих в обводную галерею, так же как и квадратный план и кубический объем, характерны для архитектуры Южного Туркменистана еще в пору, предшествующую монгольскому завоеванию. Остановимся еще на одной весьма важной детали.

На рисунке, представленном в работе П. С. Палласа, изображены четыре мавзолея, причем все они стоят в один ряд вдоль улицы [23]. Налицо явное свидетельство того, что возведение мавзолея в Маджаре производилось по принципу ансамблевой застройки, что весьма характерно для городов Средней Азии. Например ансамбль Шахи-Зинда в Самарканде, мавзолей Сейфаддина Бохарзи и Буян-Кули-хана в Бухаре, группа мавзолеев в урочище Кек-Гумбаз — так же, как и в Маджаре, вытянутых в один ряд вдоль улицы [24].

Довольно часто встречались в Маджаре и мавзолеи второго типа, архитектура которых очень оригинальна. Являя по существу тип башенных мавзолеев, они тем не менее довольно значительно отличаются от них своей формой в виде пирамиды, отсутствием специального купола и наличием, хотя и слабо развитого, портала. По отношению к общей высоте мавзолея высота портала составляет примерно 1/4, в то время как в мавзолеях первого типа 3/4.

В планировочном отношении маджарские усыпальницы второго типа очень близки ряду мавзолеев Азербайджана, прикаспийских областей Ирана и Дахистана, в основании большинства которых лежит многогранник [25]. Однако для всех них характерен цилиндрический гладкий или граненый корпус, перекрытый шатром или куполом, в то время как маджарские мавзолеи имеют пирамидальный корпус без купола. Более или менее

---

[20] Г. А. Пугаченкова. К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев» Хорасана. Материалы ЮТАКЭ, 1. Ашхабад, 1949, стр. 72.

[21] А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. ГАИМК, VI, 2. Л., 1930, стр. 39—43; Г. А. Пугаченкова. Искусство Туркменистана. М., 1967, стр. 127, 153—154.

[22] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, М., 1958, стр. 372—377.

[23] P. S. Pallas. Ук. соч., стр. 12.

[24] Г. А. Пугаченкова. Ук. соч., стр. 379.

[25] Л. С. Бретаницкий. Ук. соч., стр. 167—200.

близок к ним очертанием суживающегося кверху корпуса мавзолей Гумбеду-Кабус 1006 г. в Хорасане. Но по оформлению корпуса, наличию купола и отсутствию портала он значительно отличается от них [26]. Некоторые аналогии можно найти и в мавзолее Мелик-Аджара XII—XIII вв. в Азербайджане, в основании которого также лежит восьмиугольник, корпус суживается кверху, но не пирамидально, а в виде «сомкнутого или монастырского свода». Однако в отличие от маджарских мавзолеев здесь имеется купол и отсутствует портал [27].

Итак, можно констатировать, что наряду с чертами, свойственными архитектуре мавзолеев Азербайджана, прикаспийских областей Ирана и Дахистана, в маджарских усыпальницах второго типа отображены, видимо, какие-то местные традиции. В этой связи весьма интересные сведения приводятся у В. Рубрука: «Команы,— пишет он,— насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу. Они строят также для богачей пирамиды, **т.е. остроконечные домики»** [28] (подчеркнуто нами — *Э. Р.*). Напомним, что маджарские усыпальницы этого типа также имеют пирамидальную форму, поэтому не исключено, что половецкие «остроконечные домики» могли послужить им прототипом. Во всяком случае, мы можем говорить о явном синкретизме в архитектурном стиле этих усыпальниц, по-видимому, выработанном в Маджаре и впитавшем в себя черты архитектуры мавзолеев упомянутых стран и местные традиции.

Иная картина наблюдается при анализе мавзолея третьего типа с центрической композицией, располагавшегося неподалеку от Маджар. Как и мавзолеи первого типа, он возник, очевидно, в результате культурного влияния архитектурной школы Хорезма. Почти полную аналогию дает ему мавзолей конца XII в. Фахраддин Рази на городище Куня-Ургенч (квадратное основание, кубовидный объем, высокий граненый барабан, шатровое перекрытие и т. д.). Различия наблюдаются только в деталях оформления главного фасада (две ниши по сторонам от входа) и барабана, которые, однако, не столь существенны [29]. Заметим, кстати, что наличие в барабане большого количества окон характерно уже для архитектуры мавзолеев XIV в.

Итак, настоящим исследованием выявлена ведущая роль архитектурной школы Хорезма в формировании маджарских мавзолеев, по крайней мере двух типов. Наряду с этим здесь был выработан оригинальный тип усыпальниц. Это говорит о том, что местные архитекторы (на первых порах они были, очевидно, привезены из Хорезма) с развитием архитектурных знаний в городе не просто копировали известные им образцы, а пытались создать свой новый архитектурный стиль, используя, видимо, какие-то местные традиции. При этом размещение мавзолеев производилось не хаотично, а было подчинено четкой планировочной идее, что хорошо иллюстрирует рисунок П. С. Палласа. В сумме все эти факты свидетельствуют о весьма высоком уровне архитектурных знаний в городе Маджаре. Нельзя не остановиться еще на одной важной стороне городской жизни, которая выявляется при анализе мавзолеев. Возведение их, как известно, требует наличия архитектора, строителей и большого количества строительного и облицовочного материала. Даже по самым приблизительным подсчетам для сооружения мавзолея средних размеров требовалось более сорока тысяч штук жженого кирпича, а мавзолеев в Маджаре, судя по далеко не полному рисунку Гербера, было очень много.

---

[26] В. В. Бартольд. «Башня Кабуса» как первый датированный памятник мусульманской персидской архитектуры. Ежегодник Российского института истории искусств. 1, II 1922, стр. 121—125.

[27] Л. С. Бретаницкий. Ук. соч., стр. 129—130, рис. 65—67.

[28] В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911, стр. 80.

[29] А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 46—48.; Г. А. Пугаченкова. Искусство Туркменистана..., стр. 126—127.

Следовательно, можно говорить о большом развитии в городе кирпичеобжигательного производства и производства облицовочного материала, о наличии ремесленников, специализировавшихся в этой области, и мастеров различных архитектурных профессий.

Как теперь выясняется, в XIV в. на Северном Кавказе, очевидно, с момента широкого внедрения мусульманства в Золотой Орде при Узбекхане (1313—1339), получила широкое распространение практика строительства мавзолеев над могилами светских и духовных феодалов. К настоящему времени мы располагаем сведениями о золотоордынских мавзолеях в Маджаре, у с. Бургун-Маджары, у Маслова Кута, в Пятигорье [30] (которые, кстати очень близки в планировочном отношении маджарским усыпальницам), у станции Усть-Джегутинской [31] и в ЧИ АССР.

---

[30] Э. В. Ртвеладзе. Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья. СА, 1969, 4, стр. 262—265.

[31] Т. М. Минаева. Очерки по археологии Ставрополья. Ставрополь, 1965, стр. 102—103.

Критика и библиография

В. А. ШНИРЕЛЬМАН

НАТУФИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

(обзор литературы)

Систематическое изучение первобытной истории Палестины было начато лишь в 20-е годы XX в. Одним из самых крупных достижений было открытие мезолитических культур с чертами перехода к производящему хозяйству (раскопки Д. Гэррод в пещере Шукба (рисунок) в 27 *км* к северо-западу от Иерусалима в 1928 г.) [1]. В 1929—1934 гг. англо-американской экспедицией были исследованы Мугарет эль-Вад и Мугарет эль-Кебара [2]. Одновременно французская экспедиция во главе с Р. Невиллем открыла ряд памятников в Иудейских горах (терраса эль-Хиам, убежище Эрк эль-Амар, пещеры Умм эз-Зуэйтина и Айн Сахри) [3]. Эти открытия дали основание говорить об особой натуфийской культуре, которая получила название по вади эн-Натуф, на берегу которого расположена пещера Шукба [4]. Несколько позже Р. Невилль разделил ее на четыре этапа. Первый этап характеризовался многочисленными сегментами и пластинками с обработанной двусторонней ретушью спинкой, остриями, скребками на пластинах и вкладышами жатвенных ножей, а также великолепными образцами скульптуры из камня и кости. На втором этапе наблюдается упадок искусства и индустрии из кости, появляются микрорезцы, сверла с выделенным жалом и дисковидные скребки. Эти орудия автор сближал с мезолитическим слоем, найденным под натуфийским в Кебаре. На третьем этапе идет развитие тех же типов, а четвертый знаменуется появлением наконечников стрел с выемками у основания [5]. Эта периодизация основывалась на очень скудных данных иудейских памятников. Позднейшие открытия показывают, что в настоящее время она устарела в ряде положений и требует пересмотра.

Историческое место натуфийской культуры долгое время оставалось неясным. Правда, в конце 30-х годов Д. Гэррод высказала предположение, что индустрия, открытая в Иерихоне в 1935 г., способна заполнить пробел между натуфом и халколитом [6], но фактические данные в пользу этого положения были тогда еще недостаточны.

В послевоенный период картина начала проясняться. В 1951 г. появилась публикация всех памятников, открытых в Иудейских горах [7]. Д. Вэчтер предположил возможность трехчленного деления натуфийской культуры. Ж. Перро объединил третью и четвертую стадии в единый период верхнего натуфа. Эта идея нашла поддержку у Д. Гэррод в докладе в Британской Академии [8]. Так, к концу 50-х годов наметилось деление натуфа на нижний, средний и верхний. Натуфийская культура считалась относительно примитивной (исключение составлял высокий уровень искусства в нижнем натуфе, что подчеркивали все ученые); предполагалось, что носите-

---

[1] D. A. E. Garrod. A New Mesolithic Industry: the Natufian of Palestine. JRAI, 62, 1932.

[2] D. A. E. Garrod and D. Bate. The Stone Age of Mount Carmel. l. Oxford, 1937; F. Turville-Petre. Excavations in the Mugharet el-Kebarah. JRAI, 62.

[3] R. Neuville. Le paléolithique et le mésolithique du désert de Judée. Paris, 1951.

[4] D. A. E. Garrod. Ук. соч.

[5] R. Neuville. Le préhistorique de Palestine. RB, 43, 1934, стр. 251—253.

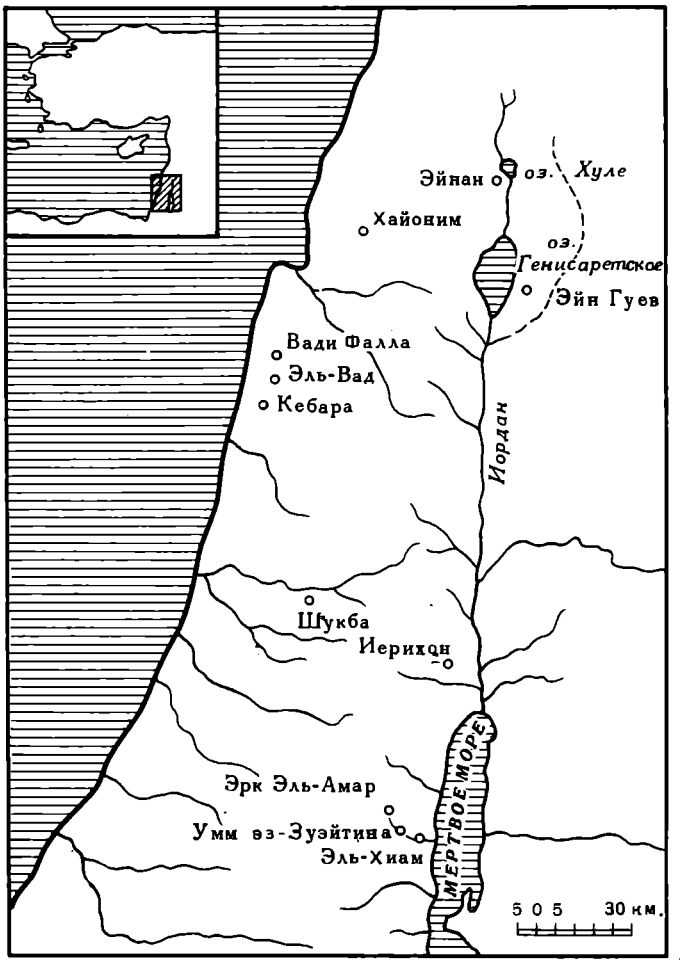
[6] D. A. E. Garrod and D. Bate. Указ. соч., стр. 118.

[7] R. Neuville. Le paléolithique et le mésolithique...

[8] D. A. E. Garrod. The Natufian Culture. PBA, 1957, London, 1958.

ли ее не знали архитектуры и жили преимущественно в пещерах и под скальными выступами. Р. Брейдвуд, например, относил ее к пещерной стадии [9].

Однако раскопки М. Штекелиса в 50-х годах на террасе Вади Фалла (Нахал Орен) обнаружили поздненатуфийский слой, содержащий остатки архитектурных сооружений и замечательные образцы скульптуры из камня и кости. Результаты работ были настолько значительны, что М. Штекелис призвал пересмотреть схему Р. Невилля и Д. Гаррод [10]. Во второй половине 50-х—начале 60-х годов Ж. Перро исследовал долговременное поселение Эйнан (Айн Малаха) на берегу оз. Хуле, где были найдены остатки круглых домов, хозяйственные ямы и масса захоронений [11]. Открытие натуфийского слоя в основании мощного телля в Иерихоне [12] опровергло мнение о том, что будто бы ни один палестинский телль не содержит натуфийских остатков [13]. Раскопки в Бейде (Сейл Аклат) позволили обнаружить открытый натуфийский лагерь, предшествующий поселению докерамического неолита [14].



Основные памятники натуфийской культуры

Таким образом, сейчас является бесспорным, что уже в раннем натуфе были известны каменная архитектура и открытые поселения, часть из которых стала основой для возникновения на их месте древних палестинских теллей. Более того, недавние раскопки в Эйн Гуеве показали, что круглые дома эйнанского типа появились в предшествующий натуфу период [15].

Происхождение натуфийской культуры оставалось загадкой. Ученые подчеркивали отсутствие связей с предшествующими периодами. Однако, поскольку памятники натуфийской культуры локализуются в основном в Палестине (в последнее время их нашли и севернее) и имеют своеобразные черты, предполагалось, что она сформировалась на основе местного варианта верхнего палеолита [16]. Открытия самого недавнего времени дают более конкретный ответ на этот вопрос. В 1963 г. на высоком холме у подножья горы Голан в 500 *м* к востоку от Генисаретского озера были произведены небольшие раскопки открытой стоянки Эйн Гуев. Удалось обнаружить круглое жилище полуземляночного типа, имеющее три строительных периода. В древнейший период была вырыта яма, стенки которой изнутри частично поддерживались каменной стеной, а пол был выстлан галькой. Каменный инвентарь, связанный со всеми периодами, однороден, однако в среднем слое обнаружены ступка,

---

[9] R. J. Braidwood. Near East and the Foundations for Civilisation. Oregon, 1952, стр. 14.

[10] M. Stekelis and Tamar Yizraely. Excavations at Nahal Oren. IEJ, 13, 1963, стр. 12.

[11] J. Perrot. Le gisement natoufien de Mallaha (Eynan). L'Anthropologie, 70, 5—6, 1966, стр. 437—483.

[12] K. Kenyon. Archaeology in the Holy Land. London, 1960, стр. 39—42.

[13] D. A. E. Garrod. The Natufian Culture, стр. 214; Ph. Smith. Vue d'ensemble sur le Natufien. L'Anthropologie, 62, 5—6, 1958, стр. 572.

[14] D. Kirkbride. Five Seasons at the Pre-Pottery Neolithic Village of Beidha in Jordan. PEQ, Jan — June 1966, стр. 47—51; D. Kirkbride. Beidha: Early, Neolithic Village Life South of the Dead Sea. Antiquity, 42, 168, 1968, стр. 264—265.

[15] M. Stekelis et O. Bar Yosef. Un habitat du Paléolithique supérieur à Ein Guev. L'Anthropologie, 69, 1965, 1—2.

[16] R. Neuville. Le paléolithique et le mésolithique..., стр. 119; K. Kenyon. Ук. соч., стр. 36; В. М. Массон. К вопросу о мезолите Передней Азии. У истоков древних культур. М.— Л., 1966, стр. 165.

два песта из базальта и несколько костяных орудий (лощило и проколка). В инвентаре отмечен ряд несомненных вкладышей жатвенных ножей. Значительную часть кремневых орудий составляют типичные кебаранские пластинки, что, учитывая архаичность остального инвентаря, позволило Штекелису отнести памятник к концу верхнего палеолита [17]. Каменные круги, являющиеся, возможно, остатками домов и сопровождающиеся кебаранской индустрией, встречены также в Вади Дхобей в Трансиордании [18]. Следует отметить, что кебаранская индустрия, отнесенная первоначально к мезолиту [19], в последнее время рассматривается рядом исследователей как верхнепалеолитическая, хотя констатируются резкие изменения в индустрии и даже появление мезолитических традиций [20]. Думается, что считать кебаран мезолитической культурой, как делает это Д. Меллаарт [21], более правильно.

Из девяти натуфийских памятников, которые находятся на месте более древних стоянок (Вади Фалла, Джабруд, Кебара, Хайоним, Шукба, Эйнан, эль-Вад, эль-Хиам, Эрк эль-Амар), на пяти натуфийские слои перекрывают кебаранские (Вади Фалла, Джабруд, Кебара, Хайоним, эль-Хиам) [22]. Недалеко от Бейды, где древнейшими слоями являются натуфийские, находится стоянка Мадамаг с кебаранской индустрией [23]. Грот Ирак эль-Баруд, расположенный в Кармельских горах, т. е. там же, где ряд важных натуфийских памятников, тоже содержит кебаранские орудия [24]. Однако связь между кебаранскими и натуфийскими отложениями носит не только стратиграфический характер. Тщательное изучение кебаранских орудий и тенденций их развития могло бы дать ряд убедительных аргументов в пользу родства кебаранской и натуфийской индустрий, как показывают повторные исследования, проведенные в эль-Хиаме [25]. Те же закономерности, видимо, можно проследить и на некоторых мезолитических памятниках Ливана [26]. Впрочем, существует мнение, объясняющее сходство между позднекебаранскими и ранненатуфийскими орудиями одновременностью их бытования [27]. Проблема эта очень сложна и требует специального исследования.

Вместе с тем открытие в Эйн Гуеве жилища, предтечи домов Эйнана, дает в руки исследователей новый аргумент в пользу наличия генетических связей между кебарой и натуфом. После раскопок в Эйн Гуеве стало ясно, что летопись зарождения и становления производящего хозяйства следует начинать не с натуфийской, а с кебаранской культуры. Хотя отложения в Эйн Гуеве носят еще сезонный характер [28], вкладыши жатвенных ножей, ступка и песты, а также круглая полуземлянка позволяют говорить о становлении земледельческой традиции в Палестине, которую продолжили натуфийцы, а преобладание костей козы среди остеологического материала Мадамага (82,7%) свидетельствует о сложении предпосылок для одомашнивания козы в Бейде [29]. Происходящий в период бытования кебаранской культуры поворот в экономике продолжился в натуфийский период.

Натуфийцы селились в местах, удобных в отношении водоснабжения. Так, поселения, оставленные ими в горах Кармела, находятся на берегах вади. Иерихон обязан своим возникновением мощному ключу, а Эйнан лежит на берегу полноводного озера Хуле. Некоторые из этих мест были впервые заселены в натуфийское время (Умм эз-Зуэйтина, Айн Сахри, Бейда, Иерихон). Часть поселений носила вре-

---

[17] M. Stekelis et O. Bar-Yosef. Ук. соч., стр. 176—183.

[18] E. Anati. Palestine before Hebrews. New York, 1963, стр. 131; D. A. E. Garrod, J. C. G. Clark. Primitive Man in Egypt. Western Asia and Europe in Paleolithic and Mesolithic Times. CAH, I, Cambridge, 1965, стр. 17.

[19] F. Turville-Petre. Ук. соч., стр. 276.

[20] D. A. E. Garrod, J. C. G. Clark. Ук. соч., стр. 17; E. Anati. Ук. соч., стр. 123—124.

[21] J. Mellaart. Earliest Civilizations of the Near East. London, 1965, стр. 17.

[22] F. Turville-Petre. Ук. соч., стр. 271; M. Stekelis and Tamar Yizraely. Ук. соч., стр. 1—2; D. A. E. Garrod and D. Bate. Ук. соч., стр. 6; D. A. E. Garrod. A New Mesolithic Industry..., стр. 257; R. Neuville. Le paléolithique et le mésolithique..., стр. 118; D. A. E. Garrod and J. C. G. Clark. Ук. соч., стр. 17; J. Perrot. Le gisement natoufien..., стр. 439; O. Bar-Yosef and E. Tchernov. Archaeological Finds and the Fossil Faunas of Natufian and Microlithic Industries at Hayonim Cave (Western Galilee), IJZ, 15, 1966, стр. 106—118; A. Rust. Die Hölenfunde von Jabrud. Nemünster, 1950.

[23] D. Kirkbride. A Kebaran Rock-Shelter in Wadi-Madamagh near Petra. Man, 58, 63, 1958, стр. 55—58.

[24] M. W. Prausnitz. A Study in Terminology: the Kebaran. the Natufian and the Tahunian: IEJ, 3—4, 1966, стр. 223.

[25] J. Echegaray Gonzales. Nouvelles fouilles à El-Khiam. RB, 1963, 70, стр. 94—119.

[26] L. Copeland and P. J. Wescombe. Inventory of Stone Age Sites in Lebanon. Mélanges de l'Universite Saint-Joseph. 41 Beyrouth, 1965, стр. 76, табл. IX, *1—24*.

[27] M. N. Prausnitz. Ук. соч., стр. 225.

[28] M. Stekelis et O. Bar-Yosef. Ук. соч., стр. 182.

[29] D. Perkins. The Fauna from Madamagh and Beidha. PEQ, Jan.-June 1966, стр. 67.

менный характер; в этом случае мощность культурного слоя невелика (до 65 *см*). Среди них Эрк эль-Амар, Умм эз-Зуэйтина, Айн Сахри, где выше натуфийского слоя никаких отложений нет. Но есть и более постоянные натуфийские поселения с культурным слоем, достигающим 2—3 *м* (например, терраса эль-Вада и поселение Эйнан). По-видимому, существование этих двух типов поселений связано с дифференцированным подходом натуфийцев к использованию природных ресурсов своей территории на протяжении годового хозяйственного цикла: менее стабильные стоянки Иудеи связаны с преобладанием здесь охоты над рыболовством, тогда как в горах Кармела и в Эйнане рыболовство имело большее значение, не меньшую роль играло сезонное собирательство растительной пищи. Особый интерес вызывают те памятники, где мезолитические слои плавно сменяются слоями докерамического неолита, причем непрерывная эволюция орудий прослеживается снизу вверх, и в неолитических материалах отмечаются натуфийские традиции (Бейда, Вади Фалла, Иерихон, эль-Хиам) [30]. Таким образом, уже одно только изучение характера культурного слоя на натуфийских памятниках дает свидетельства человеческой активности, свойственной периоду становления производящего хозяйства.

Экономика натуфийцев в значительной степени продолжала носить присваивающий характер. Это была прежде всего охота, объектами которой служили дикий бык, олень, лошадь, лань, коза, кабан, лисица, заяц и более мелкие животные, но больше всего охотились на газель [31]. Охота велась, вероятно, с помощью копий и дротиков, оснащенных микролитическими кремневыми вкладышами. Не ясно, был ли в раннем натуфе лук со стрелами, однако прослеженное Р. Невиллем развитие формы наконечника стрелы в позднем натуфе из острия-сверла более раннего времени [32], возможно, позволяет ответить на этот вопрос утвердительно. Для охоты могли служить и гарпуны, как предполагал П. П. Ефименко для мадленской культуры [33].

Помимо охоты натуфийцы занимались рыболовством, ловили птиц и собирали моллюсков [34]. Исследователи часто указывают на наличие рыболовных крючков у натуфийцев [35], хотя настоящие изогнутые костяные крючки найдены лишь в пещере Кебара [36]. В Эйнане — это слегка изогнутые костяные стержни [37], а на других памятниках встречены протокрючки, т. е. небольшие тонкие стерженьки из кости с заостренными концами [38]. Вместе с тем кости рыб являются на натуфийских памятниках большой редкостью. Только в Эйнане они присутствуют в значительном количестве, что заставляет говорить о превалировании здесь рыболовства над другими формами хозяйства [39]. Впрочем, правильнее, видимо, говорить не просто о рыболовстве: озеро Хуле давало не только рыбу, но и болотную птицу, черепах и т. д. [40]. Именно это объясняет существование на берегу озера долговременного поселения. Зависимость между оседлостью и богатыми пищевыми ресурсами водных резервуаров уже была показана Р. Л. Карнейро на этнографических материалах [41].

Натуфийские памятники свидетельствуют и о развитии интенсивного собирательства, которое постепенно привело к культивации злаков. Уже первые раскопки поселений дали серии великолепных пластин с характерным блеском по краю, являющихся вкладышами жатвенных ножей. С каждым новым памятником их количество увеличивалось. Найдены и костяные основы жатвенных ножей. Целые экземпляры этих прямых костяных основ, найденные в пещере Кебара, были украшены резными головками животных. В одном случае это была изящно сделанная головка козы. На обломке костяной основы из эль-Вада сохранилось прекрасное изображение головки олененка. На образцах из Кебары напротив прорези на другой стороне основы

---

[30] D. Kirkbride. Five Seasons..., стр. 57; M. Stekelis and Tamar Yizraely. Ук. соч., стр. 7, 10; D. Kirkbride. A Brief Report on the Prepottery Flint Cultures of Jericho. PEQ. July-Dec., 1960, стр. 119; R. Neuville. Le paléolithique et le mésolithique..., стр. 166.

[31] J. Perrot. Excavations at Eynan. IEJ, 10, 1, 1960, стр. 20; его же. Le gisement natoufien..., стр. 481; R. Neuville. Le paléolithique et le mésolithique..., стр. 206, 214; O. Bar Yosef and E. Tchernov. Ук. соч., стр. 129.

[32] R. Neuville. Le préhistorique de Palestine, стр. 252—253.

[33] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 294.

[34] J. Perrot. Le gisement natoufien..., стр. 481; O. Bar-Yosef and E. Tchernov. Ук. соч., стр. 130—135.

[35] D. A. E. Garrod. The Natufian Culture..., стр. 216.

[36] F. Turville-Petre. Ук. соч., стр. 272.

[37] J. Perrot. Le gisement natoufien..., рис. 22(18).

[38] D. A. E. Garrod and D. Bate. Ук. соч., табл. XII, 2, *11—12*. Такие протокрючки известны как по археологическим, так и по этнографическим материалам. Они употреблялись, например, аборигенами Австралии вплоть до европейской колонизации. Рыболовы некоторых стран Западной Европы и сейчас используют их для рыбной ловли. См. В. Р. Кабо. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969, стр. 200—201.

[39] J. Perrot. Excavations at Eynan..., стр. 21.

[40] J. Perrot. Le gisement natoufien..., стр. 481.

[41] Р. Л. Карнейро. Переход от охоты к земледелию. СЭ, 1969, 5, стр. 75.

был тщательно вырезан выпуклый шарик, назначение которого неясно [42]. В двух случаях удалось обнаружить обломки костяных основ с вкладышами, закрепленными в них известью [43]. Для обработки зерна могли использоваться песты и ступки, часто встречающиеся на натуфийских памятниках. Однако они иногда употреблялись для толчения охры или других минералов, как показывают, например, находки в Эрк эль-Амаре. Там же встречены плоские камни для растирания краски [44]. Недифференцированность функций ступок и пестов, как и почти полное отсутствие зернотерок (они есть только в Эйнане [45]), говорит о том, что земледельческий инвентарь еще не выработался. То же относится и к так называемым киркам, которые иногда причисляют к мотыгам. Это удлиненные, часто заостренные с одного конца орудия, двусторонне обработанные полностью или частично, которые, видимо, еще во многом выполняли универсальные функции. Каменные сосуды в период раннего натуфа известны в Эйнане, в более поздний период они бытовали в Вади Фалла [46].

Каждая из описанных вещей не может служить доказательством наличия земледельческих навыков тем более, что они могли использоваться и по иному назначению. Однако мы имеем комплекс таких вещей. Следует учитывать и возрастание их удельного веса (например, рост количества вкладышей жатвенных ножей в эль-Ваде с 8 до 9%). Есть и более веские факты. Находки на поселении докерамического неолита в Бейде отпечатков зерен окультуренной пшеницы [47] говорят о том, что доместикация ее началась в предшествующую эпоху. Развитие в натуфийский период прочной оседлости, возникновение крупных поселений с мощными укреплениями, как это было в докерамическом неолите А Иерихона, могло, видимо, происходить лишь на основе производящего хозяйства. Вместе с формированием земледельческого комплекса орудий у натуфийцев происходит сложение других земледельческих традиций, таких, например, как погребальный обряд. Натуфийцы часто хоронили своих сородичей на территории поселения. В Эйнане встречено, может быть, самое раннее в истории захоронение младенца под полом дома [48]. Возникает обычай класть в могилу орудия, которые могут быть связаны с земледелием. В Эйнане в период раннего натуфа обычной находкой в могилах являются базальтовые песты [49]. В горах Кармела в погребениях встречаются ступки, часто настолько интенсивно использованные, что имеют пробитое дно. Этот обычай зарождается здесь в раннем и среднем натуфе, к которым относятся два погребения со ступками в эль-Ваде [50]. В позднем натуфе он получает широкое распространение в Вади Фалле, где ступки, торчащие из земли над погребениями, могли служить надгробиями [51]. Прямых свидетельств одомашнивания животных в натуфийских материалах пока нет, но можно предполагать, что этот процесс уже начался, поскольку в докерамическом неолите Иерихона, Бейды и эль-Хиама установлена доместикация козы [52]. Недавно Ж. Перро высказал мнение, что производящее хозяйство возникло в Восточном Средиземноморье под влиянием восточных культур [53]. Однако указанные выше факты свидетельствуют о том, что база для перехода к производящему хозяйству была создана самими натуфийцами, хотя отдельные культурные виды и технические навыки могли быть действительно принесены с востока в более позднее время.

Натуфийская культура свидетельствует о большом умении человека той эпохи приспосабливаться к разным природным условиям, что получило отражение в локальных особенностях ряда натуфийских памятников. Одна локальная группа сложилась в северной Палестине, где традиция строительства круглых полуземлянок прослеживается с кебаранского периода (Эйн Гуев). К натуфу здесь относятся два памятника: открытое стационарное поселение Эйнан на берегу озера Хуле и пещера Хайоним в Галилейских горах. На поселении Эйнан вскрыто несколько горизонтов, в каждом из которых размещалось до 50 домов, окружавших площадь с ямами-хранилищами [54]. Остатки домов представлены круглыми ямами, стенки которых изнутри поддерживались камнями, чтобы предотвратить оползни. Ранние дома имеют бо́льшие размеры

---

[42] F. Turville-Petre. Ук. соч., табл. XXVII, *1—2*; D. A. E. Garrod and D. Bate. Ук. соч., табл. XIII, *3*.

[43] D. A. E. Garrod. The Natufian Culture..., стр. 215.

[44] R. Neuville. Le paléolithique et le mésolithique..., стр. 117—118.

[45] J. Perrot. Le gisement natoufien..., стр. 466.

[46] Там же; M. Stekelis and Tamar Yizraely. Ук. соч., стр. 12.

[47] H. Helbaek. Prepottery Neolithic Farming at Beidha. PEQ, Jan.— June 1966, стр. 62.

[48] J. Perrot. Excavations at Eynan, стр. 16.

[49] J. Jerrot. Le mésolithique de Palestine et récentes découvertes à Eynan. Antiquity and Survival. II, 2—3. The Hague, 1957, стр. 106.

[50] D. A. E. Garrod and D. Bate. Ук. соч., стр. 15, 19.

[51] M. Stekelis and Tamar Yizraely. Ук. соч., стр. 11—12.

[52] F. E. Zeuner. The Goats of Early Jericho. PEQ, апрель 1955, стр. 74; D. Perkins. Ук. соч., стр. 67; P. Ducos. Les débuts de l'élevage en Palestine. Syria, 1967, XLIV, 3—4, стр. 395—396.

[53] J. Perrot. Le «néolithique» du Liban et les récents découvertes dans la haute et moyenne vallée du Jourdain. Mélanges de l'Université Saint-Josef. 45. Beyrouth, 1969.

[54] J. Perrot. Palestine — Syria — Cilicia, стр. 151; его же. Le gisement natoufien..., стр. 477.

(до 8 *м* в диаметре), диаметр более поздних жилищных ям — до 4 *м*. В центре дома всегда помещался четырехугольный или продолговатый очаг, обложенный по краям камнями. На полах встречаются вымостки из плоских камней. Крыша, видимо, делалась из тростника, но о ее форме пока что ничего сказать нельзя. Хозяйственные ямы Эйнана имели колоколовидную форму, стенки их были обмазаны известковым раствором [55] — традиция, которую продолжали развивать и ранние земледельцы.

В Хайониме также встречены круглые полы, окруженные каменными стенами. Интересно, что здесь стены располагались внутри пещеры, правда, недалеко от ее входа. В пределах одного из помещений встречено погребение [56]. Оба описанных памятника отличаются от других большим количеством резцов, которые занимают первое место по удельному весу среди других орудий, а также малочисленностью вкладышей жатвенных ножей и микролитов, в особенности геометрических (таблица). Эти памятники, видимо, относятся к очень раннему периоду натуфийской культуры; основным занятием населения были охота, рыболовство и собирательство как растительной пищи, так и разнообразных моллюсков [57].

Таблица *

Соотношение кремневых орудий, %

Типы орудий	Эйн Гуев	Эйнан	Хайоним (в пещере)	Шукба
Концевые скребки на пластинах и отщепах	21	7—10	7,28	2,7
Нуклевидные, массивные и высокие скребки	17	4—10	9,24	39,52 (включая нуклеусы)
Резцы-скребки	1	—	0,28	—
Резцы	9	14—16	24,09	2,67
Микрорезцы	—	0—0,5	—	—
Вкладыши жатвенных ножей	+	+	3,08	5,6
Микролиты	38	4—13	12,32	33,79
Из них: микропластинки	38	2—7	3,64	1,14
геометрические микролиты	—	2—5	8,68	22,65
Кирки	+	+	—	—

* Таблица составлена автором по следующим публикациям: M. Stekelis et O. Bar-Yosef. Ук. соч., M.-C. Cauvin, L'industrie natoufienne de Mallaha. L'Anthropologie, 70, 5—6, 1966; O. Bar-Yosef and E. Tchernov. Ук. соч.; D.A. E. Garrod. Excavations at the Cave of Shukbah, Palestine, 1928. PPS, 8., 1942.

Несколько иначе проходило развитие в горах Кармела. Здесь в период раннего и среднего натуфа существовало более или менее постоянное поселение на террасе эль-Вад, где, однако, архитектурные остатки незначительны. Это — выбитые в скале круглые углубления (одно с изящным рельефным бортиком), остатки грубой вымостки и часть стены из необработанных камней. Думается, что нет надобности говорить о каком-то ритуальном предназначении этих сооружений, как считает Д. Гэррод [58]. Скорей всего, они имели хозяйственное назначение. Связаны ли они с наземными жилыми сооружениями, сказать трудно, однако в свете современных представлений о натуфийской культуре кажется вероятным наличие деревянных домов типа шалашей, остатки которых либо не сохранились, либо не были выявлены в начале 30-х годов, когда техника раскопок была ниже, чем сейчас. Однако первое представляется тоже очень возможным в связи с тем, что культурные отложения на террасе были сильно потревожены погребениями.

Конец бытования поселения в эль-Ваде совпадает с концом среднего натуфа. В отличие от более северных памятников, в эль-Ваде наряду с малым числом концевых скребков и резцов найдено колоссальное количество микролитов; относительно многочисленной категорией являются вкладыши жатвенных ножей в пещере Кебара, расположенной в 15 *км* к югу от эль-Вада, вкладышей более 1000, а сегментов — 500 [59], что говорит о значительной роли собирательства диких злаков. Поздний на-

[55] J. Perrot. Le gisement natoufien..., стр. 441—460.
[56] O. Bar-Yosef and E. Tchernov. Ук. соч., стр. 106.
[57] J. Perrot. Le gisement natoufien..., стр. 481; O. Bar—Yosef and E. Tchernov. Ук. соч., стр. 120—135.
[58] D. A. E. Garrod and D. Bate. Ук. соч., стр. 10—13.
[59] F. Turville-Petre. Ук. соч., стр. 272.

туф знаменуется появлением натуфийцев на террасе Вади Фалла в нескольких километрах к югу от эль-Вада. Здесь жилая площадь диаметром 7—10 *м* окружена стеной, сложенной из каменных блоков и использованных ступок. Исследователь Вади Фаллы Штекелис считал эти остатки лагерем, однако возникает вопрос, не остатки ли это большого дома. Ведь в Эйнане диаметр домов достигал 8 *м*. В пределах жилой площади найдены очаги, зерновые ямы и много орудий. Позже, но все еще в натуфийское время, на этом месте был построен дом овальной формы.

Остатки его стен, сделанных из необработанного камня, достигают высоты 20—50 *см*. Внутри помещения имеются зерновые ямы. Выявлены полы других домов с очагами и ступками рядом с ними. Поселение Вади Фалла в значительной мере изменило наши прежние представления о позднем натуфе. Здесь найдены костяные основы жатвенных ножей и гарпуны, а также образцы скульптуры из камня и кости, что до этих раскопок считалось характерной чертой лишь раннего натуфа. Кремневые наконечники стрел появляются в Вади Фалле лишь в период докерамического неолита [59].

Иначе происходило развитие в Иудейской пустыне, где локализуется еще один важный центр позднемезолитической культуры. В отличие от кармельского региона здесь вследствие каких-то причин перехода к прочной оседлости не произошло. Все памятники, как правило, имеют небольшой культурный слой. Исключение составляет эль-Хиам с метровым натуфийским слоем [61]. Никаких следов жилищ на этих памятниках не найдено. Не исключено, что здесь были временные деревянные хижины, остатки которых зафиксировать не удалось. Считается, что местные экологические условия определили развитие эль-Хиама по охотничьему пути [62]. Действительно, эль-Хиам является единственным мезолитическим памятником в Палестине, где отмечены все стадии эволюции наконечников стрел. Возможно, природное окружение здесь благоприятствовало развитию охоты, что в свою очередь привело к одомашниванию козы в эль-Хиаме в следующий период. Вместе с тем и здесь практиковалось собирательство дикорастущих злаков, о чем говорят находки вкладышей жатвенных ножей.

В Бейде и Иерихоне прослежена эволюция лагерей полукочевого населения в более постоянные поселения докерамического неолита. Ранние остатки Бейды относятся к нижнему натуфу. Они представлены ямами неправильной формы, дно которых выстлано слоем больших галек. К сожалению, в отчете размеры ям не указаны. Можно предполагать, что это остатки домов-полуземлянок. Недалеко от них открыт круглый очаг, окруженный плоскими плитами песчаника; на некоторых из плит сохранились кости животных. Ранний горизонт перекрыт слоем стерильного песка, и одно время считалось, что между натуфом и докерамическим неолитом в Бейде существует хронологический разрыв. Однако позже, в других шурфах, были найдены культурные остатки, относящиеся, возможно, к переходной стадии. Под стеной одного из ранних неолитических домов была открыта часть пола круглого жилища типа полуземлянки. Стена полуземлянки была сделана из песчаных кирпичей на глиняном растворе [63]. Местный песчаный грунт не подходит для производства кирпича, и вполне резонно предположение Д. Керкбрайд, что кирпичная техника принесена сюда с аллювиальной долины [64]. Микролитов в сопутствующих отложениях не найдено. Местными особенностями натуфа Бейды являются характерные орудия на пластинах с выемками и очень оригинальная группа концевых скребков со ступенчатой выемкой на спинке. Считается, что эти особенности вызваны большой ролью обработки дерева в Бейде [65].

Натуфийские слои в Иерихоне вскрыты на очень небольшой площади. Здесь раскопана часть глиняной платформы с остатками стены — святилище, основанное мезолитическими охотниками у родника. По находке гарпуна этот натуфийский слой датировался ранним натуфом. Однако сейчас, когда гарпуны встречены на позднем натуфийском поселении Вади Фалла, такая датировка уже не кажется убедительной. Над натуфийским слоем выявлены многочисленные обмазанные полы, окруженные высокими бортиками — все, что осталось от легких хижин. Еще выше, в слое докерамического неолита А, обнаружены круглые или округлые в плане дома полуземляночного типа со стенками из плосковыпуклых сырцовых кирпичей и с засводенной крышей. Считается, что эти три слоя относятся к трем последовательным стадиям оседания полукочевых охотников [66]. Инвентарь докерамического неолита А очень беден и продолжает натуфийские традиции. Однако массивная оборонительная стена и башня являются, видимо, показателями процесса, связанного с развитием производящего хозяйства, начало которому было положено натуфийцами. Находки здесь, как и в подстилающем слое, зернотерок и терочников, пестов и ступок, а также вкладышей жат-

---

[60] M. Stekelis and T. Yizraely. Ук. соч., стр. 11—12.

[61] R. Neuville. Le paléolithique et le mésolithique..., стр. 135; R. de Vaux. Palestine during the Neolithic and Chalcolithic Periods. Cambridge, 1966, стр. 13—14.

[62] K. Kenyon. Archaeology in the Holy Land, стр. 46; J. Perrot. Palestine — Syria — Cilicia, стр. 151; R. de Vaux. Ук. соч., стр. 8.

[63] D. Kirkbride. Beidha: Early Neolithic Village Life..., стр. 264—265.

[64] D. Kirkbride. Beidha: 1965 Compaign. Archaeology, 19, 4, 1966, стр. 270.

[65] D. Kirkbride. Five Seasons..., стр. 48—51.

[66] K. Kenyon. Archaeology in the Holy Land, стр. 41—43.

венных ножей [67] свидетельствуют о культивации злаков, которая привела к генетическим изменениям зерен злаков, что отмечено в этот период в Бейде [68].

К настоящему времени накопился огромный материал по погребальному обряду натуфийцев. На памятниках, где встречены захоронения (эль-Вад, Кебара, Вади Фалла, Шукба, Эрк эль-Амар, Эйнан, Хайоним), четко выделяются два их типа. Это — коллективные вторичные погребения и индивидуальные, скорченные. Есть коллективные захоронения с целыми костяками. Исследования в эль-Ваде показали, что коллективные погребения с сильно скорченными скелетами древнее индивидуальных с менее скорченными костяками, так как лежат под ними [69]. В Эйнане индивидуальные погребения со слегка скорченными костяками тоже относятся к более поздним горизонтам [70]. В Кебаре и Эрк эль-Амаре (ранний натуф) найдены только коллективные вторичные захоронения [71]. В Эйнане отмечен обычай класть в могилу красную охру [72]. Часто натуфийцы заваливали покойника камнями, а его голову клали на каменную подушку [73]. Могилу иногда перекрывали большим плоским камнем (Хайоним) [74] или вымосткой из плоских камней (Эйнан, Эрк эль-Амар [75]). Сопровождающий покойников инвентарь очень беден. Иногда он состоял из диадемы или ожерелья из раковин денталии и костяных подвесок. Такого рода находки есть в эль-Ваде, Эрк эль-Амаре и Эйнане [76]. В могильных ямах пещеры Хайоним, в отличие от других натуфийских погребений, найдено очень много кремневых орудий [77].

Все описанные выше погребения относятся к раннему и среднему периодам натуфа и обнаружены на жилой площади. В Вади Фалле рядом с поздненатуфийским лагерем встречен целый могильник. На нем найден очаг с метровым слоем золы, позволивший предположить, что постоянно горящий огонь был частью погребального ритуала натуфийцев [78]. Скелеты в Вади Фалле лежат в мелких ямах, скорчены, посыпаны охрой и имеют четкую ориентировку на север, чего в предшествующее время не наблюдалось. В большинстве случаев череп лежит на каменной подушке. Бо́льшую часть погребений составляют индивидуальные. Могила часто окружалась каменным бортиком, что отмечено также и в пещере Хайоним [79]. Встречается обычай отделения голов от туловищ. Отдельный череп был встречен в Эйнане, а в эль-Ваде и в Вади Фалле встречены захоронения туловищ без черепов [80]. Особенно широко обычай отчленения головы распространяется в Палестине в период докерамического неолита В.

Физический тип натуфийцев был выяснен после раскопок погребений в Шукбе и эль-Ваде. Это были долихоцефалы, небольшого роста, приземистые, с чертами, близкими к протосредиземноморской расе [81]. Исследование скелетов из Эрк эль-Амара и Эйнана дало ту же картину [82], что говорит об однородности ранненатуфийского населения. Этого нельзя сказать о позднем натуфе, который дает свидетельства появления брахицефалов [83].

В свое время Г. Фрэнкфорт говорил о приоритете натуфийской культуры перед остальными областями, куда будто бы ее носители разнесли земледельческие навыки [84]. Сейчас этой точки зрения придерживается С. Ейвин, аргументируя ее сенсаци-

---

[67] D. Kirkbride. A Brief Report..., стр. 115—116.

[68] H. Helbaek. Ук. соч., стр. 62.

[69] D. A. E. Garrod and D. Bate. Ук. соч., стр. 19; D. A. E. Garrod. The Natufian Culture..., стр. 220.

[70] J. Perrot. Le gisement natoufien..., стр. 461.

[71] F. Turville-Petre. Ук. соч., стр. 271; R. Neuville. Le paléolithique et le mésolithique..., стр. 109.

[72] J. Perrot. Le gisement natoufien..., стр. 461.

[73] J. Perrot. Le mésolithique de Palestine..., стр. 106; его же. Le gisement natoufien, стр. 461; IEJ, 7, 2, 1957, стр. 126; D. A. E. Garrod. A New Mesolithic Industry..., стр. 258; F. Turville-Petre. Ук. соч., стр. 271; D. A. E. Garrod and D. Bate. Ук. соч., стр. 14—19. O. Bar-Yosef, E. Tchernov. Ук. соч., стр. 108.

[74] O. Bar-Yosef and E. Tchernov. Ук. соч., стр. 108.

[75] J. Perrot. Le gisement natoufien..., стр. 465; R. Neuville. Le paléolithique et le mésolithique..., стр. 109.

[76] D. A. E. Garrod, D. Bate. Ук. соч., стр. 17—19; R. Neuville. Le paléolithique et le mésolithique..., стр. 109; J. Perrot. Le gisement natoufien..., стр. 464.

[77] O. Bar-Yosef and E. Tchernov. Ук. соч., стр. 108.

[78] M. Stekelis and Tamar Yizraely. Ук. соч., стр. 11.

[79] O. Bar-Yosef and E. Tchernov. Ук. соч., стр. 108.

[80] J. Perrot. Le gisement natoufien..., стр. 445; D. A. E. Garrod and D. Bate. Ук. соч., стр. 14—19; M. Stekelis and Tamar Yizraely. Ук. соч., табл. 3с.

[81] D. A. E. Garrod. A New Mesolithic Industry... стр. 267.

[82] R. Neuville. Le paléolithique et le mésolithique..., стр. 110; D. Ferembach. Squelettes du Natoufien d'Israel. L'Anthropologie. 65, 1—2, 1961, стр. 65.

[83] D. Ferembach. Note sur un crâne brachycéphale et deux mandibules du mésolithique d'Israel. IEJ, 9, 2, 1959, стр. 65—68.

[84] H. Frankfort. The Birth of the Civilization in the Near East. Bloomington, 1951, стр. 40.

онными находками в Иерихоне [85]. Однако сравнение материалов Палестины с находками в горах Загроса показывает разные традиции развития, хотя и идущего в одном направлении [86]. Почти полное отсутствие импортных материалов говорит о том, что связи натуфийской культуры с другими областями, если они и были, оставались еще очень слабыми. Единственным доказательством этих связей является находка двух раковин на натуфийских памятниках. Это — каури, ближайшее место обитания которой находится в Оманском заливе (эль-Вад [87]) и денталия того вида, который распространен только в Красном море (Хайоним [88]). Для производства орудий натуфийцы использовали местные материалы. Обсидиана на памятниках натуфийской культуры нет. Изучение материалов Иерихона показало, что обсидиан появляется здесь не в протонеолите, как об этом сообщалось ранее [89], а только в период докерамического неолита А [90].

В связи с отсутствием каких-либо параллелей датировка натуфийской культуры долгое время вызывала затруднения. Ее первооткрывательница Д. Гэррод осторожно называла в качестве примерной даты V тысячелетие до н. э. [91]. Лишь в самые последние годы, когда, с одной стороны, в результате интенсивных исследований была приоткрыта завеса над древнейшим периодом в истории Передней Азии, а с другой —появилась возможность для абсолютной датировки памятников по радиоактивному углероду, можно с гораздо большей уверенностью решать эту проблему. В настоящее время есть ряд памятников, где мезолитические натуфийские слои перекрыты слоями докерамического неолита (Иерихон, Бейда, Вади Фалла). С двух из них получены серии дат по C^{14}. Верхние уровни слоя докерамического неолита В в Иерихоне дали 5840 и 6250 лет до н. э. [92], появление прямоугольных домов в Бейде — 6600 лет до н. э. [93], нижний слой Рамада, сопоставимый с докерамическим неолитом В Иерихона, дает 6140 и 6250 лет до н. э. [94], а, видимо, одновременный им слой Vc Рас Шамры 6414 лет до н. э. [95]. Таким образом, начало докерамического неолита В следует относить к средине VII тысячелетия до н. э. как, в частности, считает К. Кеньон [96]. Конец докерамического неолита А в Иерихоне датируется 6770 и 6850 гг. до н. э. [97], тогда как в Бейде древнейшие неолитические слои (4—6) дают следующие даты: 6990, 6690 и 6780 гг. до н. э. [98], что позволяет отнести этот период к концу VIII — первой половине VII тысячелетия до н. э. Первая оборонительная стена в Иерихоне, не являющаяся там самой ранней постройкой, датируется рубежом VIII—VII тысячелетия до н. э. [99]. Таким образом, собственно натуфийский период заканчивается к концу VIII тысячелетия до н. э. Существование натуфийской культуры в VIII тысячелетии подтверждается датой, полученной из основания телля в Иерихоне. Это — 7800 г. до н. э. [100]. Как уже указывалось выше, есть основания сомневаться в принадлежности этого слоя именно раннему натуфу. Памятники, относящиеся к периоду зарождения и становления производящего хозяйства за пределами Восточного Средиземноморья, дают следующие даты: 8600 и 8870 гг. до н. э. соответственно из пещеры Шанидар и Зави Чеми Шанидар [101] и из нижнего слоя Ганджи Дарех-Тепе — 8450 г. до н. э. [102]. Необходимо учитывать, что требовались тысячелетия, прежде чем в результате селекции на зернах злаков появились столь явные следы генетических изменений, которые зафиксированы на ряде памятников докерамического неолита [103]. Это позволяет датировать процесс перехода к производящему хозяйству IX—VIII ты-

---

[85] S. Yeivin. The Land of Israel and the Birth of the Civilization in the Near East. Antiquity and Survival, II, 2—3, The Haque, 1957 стр. 111—112.

[86] В. М. Массон. К вопросу о мезолите Передней Азии.

[87] D. A. E. Garrod and D. Bate. Ук. соч., стр. 225.

[88] O. Bar-Yosef and E. Tchernov. Ук. соч., стр. 116, 118.

[89] D. Kirkbride. A Brief Report.., стр. 116.

[90] C. Renfrew, J. E. Dixon, J. R. Cann. Obsidian and Early Cultural Contacts in the Near East. PPS, 32, 1966, стр. 61.

[91] D. A. E. Garrod. A New Mesolithic Industry..., стр. 268.

[92] K. Kenyon. Digging up Jericho. London, 1957, стр. 74.

[93] D. Kirkbride. Beidha: 1965 Compaign, стр. 270.

[94] H. de Contenson. Notes on the Chronology of Near Eastern Neolithic. BASOR, 184, 1966, стр. 3.

[95] H. de Contenson. A Further Note on the Chronology of Busal Ras Shamra, BASOR, 175, 1964, стр. 47.

[96] K. Kenyon. Jericho. Archaeology, 20, 4, 1967, стр. 272.

[97] K. Kenyon. Excavations at Jericho 1957—1958. PEQ, July — Dec. 1960, стр. 98.

[98] D. Kirkbride. Beidha: 1965. Compaign, стр. 270.

[99] K. Kenyon. Jericho..., стр. 270.

[100] K. Kenyon. Excavations at Jericho..., стр. 100.

[101] R. S. Solecki and M. Rubin. Dating of Zawi Chemi, an Early Village Site at Shanidar, Nothern Iraq. Science, 127, 3312, 1958, стр. 1446.

[102] T. Cuyler Young and P. Smith. Research in the Prehistory of Central Western Iran. Science, 153, 3734, 1966, стр. 388.

[103] H. Helbaek. Commentary on the Phylogenesis of Triticum and Hordeum. Economic Botany. 20, 4, 1966, стр. 350—360.

сячелетием до н. э., а возможно, он начался и несколько ранее. Кебаранская культура, видимо, частично синхронизируется с пещерой Шанидар и Зави Чеми Шанидар, где также преобладают длинные узкие пластины, подтреугольные острия и другие микролиты низких форм, что уже отмечалось в литературе [104]. А натуфийская культура датируется второй половиной IX—VIII тысячелетием до н. э.

---

[104] J. Perrot. Palestine — Syria — Cilicia, стр. 150; Н. О. Бадер. О мезолите Восточного Средиземноморья в связи с проблемой «Капсийской провинции». МИА, 126, М.— Л., 1966, стр. 174.

Х. А. Кинк. Восточное Средиземноморье в древнейшую эпоху. Институт востоковедения Академии наук СССР. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы. 204 стр., 1970.

Рассматриваемое здесь исследование ленинградского историка Х. А. Кинк — первая работа подобного рода в советской исторической литературе. Оно отражает назревшую необходимость в подобных трудах, ибо затрагивает один из важнейших географических ареалов, в которых протекали процессы первоначального развития интенсивных видов производства — земледелия, скотоводства, металлургии. Сама важность темы заставляет нас уделить должное внимание исследованию Х. А. Кинк и попытаться рассмотреть, насколько оно соответствует поставленным проблемам.

Работа распадается на Введение, 11 глав и заключение, за которым следует список литературы и указатели. Список литературы насчитывает 159 названий и учитывает работы, появившиеся до 1966 г. Отметим сразу, что система цитирования, выбранная автором, удобна для работы подобного рода и дает возможность экономить в книге место, идущее на авторский текст.

Прежде всего несколько слов следует сказать о названии книги и его соответствии содержанию. Обычно под Восточным Средиземноморьем в археологии понимают Крит, Кипр, материковую Грецию, Западную Анатолию, Южную Анатолию, Киликию, Сирию, Палестину, но никак не область, которая «тянется от залива Искандерон на севере до г. Газа с прилегающей к ней пустынной областью Негев на юге» (стр. 3). Речь, видимо, идет о восточном побережье Средиземного моря, тем более что восточную границу автор проводит в 150—200 *км* от западной (стр. 3).

Далее, в название вынесены слова «древнейшая эпоха». Это может означать палеолит, может быть, даже древний палеолит... Но нет, самое раннее, о чем идет речь в книге, это неолит. Разве автору неизвестно, что его «Восточное Средиземноморье» очень богато палеолитическими памятниками самых разных периодов? Однако о палеолите в книге сказаны лишь две фразы в конце стр. 18. Мезолит и тем более неолит ни в какой мере не являются для Сирии и Палестины «древнейшей эпохой». Итак, видимо, содержание работы не соответствует ее названию. Перейдем к анализу самого исследования.

Во Введении (стр. 3—11) должны были быть установлены хронологические и географические рамки исследования. Сразу же следует отметить, что утверждение Х. А. Кинк о том, что название «Ханаан» появляется в топонимике Угарита XIV в. (стр. 3), не совсем ясно. Действительно, это слово встречается в текстах из Угарита, однако к местной топонимике оно явно не относится. К сожалению, автором не учтена обширная литература, посвященная применению этого термина и его значению [1]. Что же касается названия населения страны, то предлагаемый автором термин «ханаанеяне» явно не подходит. В современной науке ханаанеянами принято называть носителей ханаанской группы северо-западносемитских языков, т. е. в основном население Сирии — Палестины во II, а возможно, и в III тысячелетии до н. э. Следует отметить, что для более раннего времени языковая принадлежность населения этого района неизвестна.

Задачи работы определяются автором во Введении как «попытка дать общее представление о материальной культуре Ханаана, о хозяйстве древних насельников этой страны и проследить там, где это возможно, процесс развития производительных сил...». И далее: «...определить и уровень развития социально-экономических отношений в Восточном Средиземноморье в период IV и первой половины III тысячелетия» (стр. 9—10). Однако, поскольку нигде не определены хронологические рамки работы, читателю так и остается неясным, что же представляет собой «древнейшая эпоха Восточного Средиземноморья» в хронологическом отношении.

В том же Введении автор дает археологическую периодизацию так, как он ее понимает, а именно сообщает о том, что в Сирии и Палестине известны палеолит, неолит, энеолит и бронзовый век, что неолит датируется VIII—V, энеолит — IV, а бронзовый век — III — II тысячелетиями до н. э. Но все это, собственно, еще не пе-

---

[1] Ограничимся лишь последними работами в этой области (S. Moscati. Sulla storia del nome Canaan. «Analecta Biblica», 12, Roma, 1959, p. 266—269 с учетом предшествующих работ M. C. Astour. The Origin of the Terms «Canaan», «Phoenicia» and «Purple». JNES, 24, 1965, 4, p. 346—360).

риодизация, а лишь общие хронологические рамки древнейшей истории Сирии и Палестины. Читатель не найдет в книге Кинк настоящей периодизации и хронологии древнейших культур Восточного Средиземноморья, хотя она давно уже создана и представляет несомненный интерес.

Кстати, нельзя согласиться с утверждением автора, что произвести относительную датировку археологического материала означает «установить последовательность изменений в керамике, каменной индустрии и в других группах материальной культуры» (стр. 4).

Неверно и то, что «опорой для построения абсолютной хронологии Восточного Средиземноморья периода III—II тысячелетий до н. э. является египетская хронология» (стр. 5). Такой основой не в меньшей степени, а для Сирии даже в большей степени является месопотамская хронология. Вся система Р. Брейдвуда для района Антиохии (Амик, Амук, Амк) построена им на месопотамской хронологии.

Далее, Введение содержит краткую характеристику, вернее, несколько слов об истории раскопок и некоторых общих работах, касающихся главным образом Палестины. О раскопках в Сирии и на равнине Амука нет ни слова. Не упомянуты также раскопки, проводившиеся Восточным институтом Чикагского университета на равнине Антиохии (Р. и Л. Брейдвуд), в Хаме на Оронте (Датская археологическая экспедиция), раскопки в Рас-Шамре французской миссии, продолжающиеся уже много лет под руководством К. Шеффера, не говоря уже о более мелких по масштабу, но не менее значительных по результатам работах в Калат-эр-Рус и Телль-Сукас. Вызывает удивление отсутствие упоминания о многолетних и продолжающихся до сих пор раскопках в Библе.

Трудно согласиться с характеристикой работы Г. Чайлда, данной автором (стр. 7). Основной целью Г. Чайлда отнюдь не были поиски хронологических соотношений между отдельными археологическими культурами, как считает автор. Г. Чайлд понимал огромную роль археологической периодизации и хронологии, считая, что именно они должны быть исследованы в первую очередь, поскольку только на их основе возможны правильные исторические выводы; он сознавал, что любая ошибка в периодизации и хронологии неизбежно приведет к гибели построенной на них исторической концепции. Поэтому он столь осторожно подходил к созданию периодизации и хронологии, в которых решающую роль, естественно, играют связи между культурами. Этому у него следует только учиться.

Обзор литературы в книге Х. А. Кинк заканчивается очень пессимистично. «Чаще всего в них (исследованиях западных авторов.— *В. Т.*) встречается пересказ (?) сведений и лишь иногда **суждения авторов, не основанные, впрочем, на какой-либо определенной методологии»** (подчеркнуто мной.— *В. Т.*) Рецензент до сих пор считал, что те или иные суждения высказываются прежде всего на основе анализа фактов, данных, материала.

Первый раздел работы Х. А. Кинк назван «Историко-географическим очерком» (стр. 12—23). Видимо, это следует понимать не в смысле исторической географии восточного побережья Средиземного моря, поскольку в нем идет речь только о современной географии рассматриваемого района. Описание природы восточного берега Средиземного моря написано неплохо и читается с интересом, хотя, конечно, как и всякий географический раздел в исторических и археологических работах, не является самостоятельным исследованием автора. Однако полное отсутствие историчности в этой части озадачивает читателя. Автор даже не пытается показать изменений климата, растительности и животного мира, происшедших за последние 15 тыс. лет. Более того, он заявляет, что, «по общему мнению исследователей, климат Ханаана в период VIII—III тыс. до н. э. мало чем отличается от современного» (стр. 17). С этим мы не можем согласиться. Еще в 1957 г. известный палеоклиматолог К. Бутцер [2] выделил следующие климатические субпериоды в постплювиальном периоде Ближнего Востока: постплювиальный I с наивысшей точкой в XI тысячелетии до н. э., субплювиальный I (IX тысячелетие до н. э.), постплювиальный IIa (приблизительно 8000—6500 г. до н. э.), постплювиальный IIb (приблизительно 6500—5500 г. до н. э.), субплювиальный II (приблизительно 6500—5500 гг. до н. э.), субплювиальный II (приблизительно 5000—2400 гг. до н. э.), постплювиальный III (приблизительно 2400—850 гг. до н. э.) и еще два последующих субпериода, которые уже выходят за интересующие нас хронологические рамки. Не менее важными и значительными были изменения в растительности и животном мире. О них можно судить как по климатическим изменениям, так и по изменениям, зафиксированным палеоботаниками для некоторых областей Ближнего Востока: имеются в виду палеоклиматические исследования озерных отложений в Западном Иране и Юго-Восточной Турции, проведенные Райтом, ван Цайстом и Мегардом [3] (озера Церибар, Марабад, Ни-

[2] K. W. Butzer. Late Glacial and Postglacial Climate Variation in the Near East. Erdkunde XI, 1957, H. 1.

[3] W. van Zeist. Preliminary Pollen Studies at Lake Zeribar, Zagros Mountains, Southwestern Iran. «Science», 140, 1963, p. 65—67; Idem. Late Quaternary Vegetation History of Western Iran. Review ef Palaeobotany and Palynology, 2, 1967, p. 301—311; R. J. Braidwood. The Paleo-Environments of Southwestern Asia and Appearance of Food-Production. A Report to the National Science Foundation on the Termination of Grant GS-50, 1966 (Rotoprint); H. E. Wright, jr. J. H. McAndrew and W. van

лофар в Иране и озеро Голбаши близ Газиантепа — последнее всего в 100 *км* от равнины Антиохии, которая входит в область, рассматриваемую автором). Одно такое отложение, давшее важную пыльцевую диаграмму, расположено в северо-западной Сирии. Это Джиср-эль-Чагур (Jisr-el-Chaghur), но его исследование находится в начальной стадии.

История растительности в послеледниковый период на Ближнем Востоке характеризуется распространением деревьев из их естественных убежищ в ледниковом периоде на территорию степей приблизительно после 10 000 г. до н. э. Именно средиземноморские леса Ливана и Западной Сирии дали деревья, которые стали занимать большие области Ближнего Востока. В период 8000—6000 гг. до н. э.— время начала земледелия и его распространения на Ближнем Востоке — пыльцевые диаграммы, полученные в горах Загра, указывают на более сухой климат и широкое распространение лесостепной растительности. А история растительности и изменения в климате играет огромную роль в изучении возникновения земледелия, в определении центров его происхождения и времени, к которому оно относится.

Далее, нельзя согласиться со следующим положением автора: «От сбора этих дикорастущих злаковых, ячменя и пшеницы было нетрудно перейти и к их возделыванию» (стр. 18). Как показали ботанические исследования, до сих пор в соответствующих экологических условиях произрастают целые поля дикорастущих злаков, простирающиеся на многие тысячи гектаров, причем растения на них почти столь же густы, как и на современных культурных полях. Такие поля дикорастущей однозернянки обнаружены в районе Малатьи, Элязыга, Бингёля на высоте ниже 2000 *м* и в районе Газиантепа на высоте около 600 *м*. Подобные же обширные поля встречаются в Северном Ираке и в горах Загра [4]. Так не проще ли было первобытному человеку просто собирать урожай на этих огромных полях дикорастущих злаков? Что же заставило его перейти к возделыванию злаков, если он и так имел в своем распоряжении эти и подобные им поля, где можно было без возделывания почвы собирать достаточный урожай? Эту большую проблему, к сожалению, не видит Х. А. Кинк. Естественно, что там, где существовали подобные естественные, достаточно плотные и обширные поля, земледелие **не могло возникнуть.** Оно должно было зародиться где-то в соседних районах, близких к ареалам наиболее плотного размещения дикорастущих предков современных культурных растений. В самих же ареалах люди еще долго после возникновения земледелия продолжали жить сбором урожая дикорастущих злаков.

Вторая половина этого раздела должна служить историческим очерком (стр. 19—23). К сожалению, она совершенно недостаточна для книги о «Восточном Средиземноморье в древнейшую эпоху» ни по объему (5 стр.), ни по содержанию. Так, читатель узнает только о самом факте существования палеолита Восточного Средиземноморья. Далее автор оговаривается, что «в цели настоящей работы не входит рассмотрение культур мезолита и неолита» (прим. 5 к стр. 19). Однако читатель не найдет в книге и анализа энеолитических (халколитических) культур. Они даже не названы в работе. Но ведь именно археологическая культура является той основной единицей, вокруг которой на современном этапе науки принято группировать весь материал.

Периодизация энеолита Сирии и Палестины также отсутствует в книге. Автор даже не высказывает своего отношения к существующим в литературе точкам зрения на этот вопрос. Итак, для Х. А. Кинк энеолит Восточного Средиземноморья представляется единым целым как в территориальном, так и в хронологическом отношении. Это не соответствует действительности, и потому с автором в этом отношении нельзя согласиться. С позиций, на которых стоит Х. А. Кинк, невозможно не только решить вопрос о происхождении энеолита столь обширной и столь различной в культурном отношении территории, но и даже правильно поставить его. Но отказавшись раз и навсегда от рассмотрения неолитических культур, автор вдруг начинает говорить о «местном неолите ярмукского типа» (стр. 23). Однако читателю он неизвестен, равно как и халафская культура. Ведь сам автор отказался выше от рассмотрения общей картины мезолитических и неолитических культур, тем самым обеднив и упростив сложную картину, которую представляла собой изучаемая им территория, и отрезав себе раз и навсегда пути к решению генетических проблем.

Несколько слов о карте, приложенной к данному разделу (стр. 15). К сожалению, она совершенно неудовлетворительна. Прежде всего бросается в глаза, что согласно этой карте, на территории Сирии совершенно нет неолитических поселений. Почему? Почему знаменитые телли равнины Амука отмечены лишь как энеолитические поселения, а слои периодов А—В вовсе не приняты во внимание? А неолит Библа? А разве неолит Рас-Шамры, в том числе докерамический, не заслуживает внимания? В результате на карте не оказалось ни одного памятника культуры темной лощеной ке-

---

Z e i s t. Modern Pollen Rain in Western Iran and its Relation to Plant Geography and Quaternary Vegetational History. Journal of Ecology, 55, 1967, p. 415—443; W. van Z e i s t. Reflections on Prehistoric Environments in the Near East. Offprint from «The Domestication and Exploitation of Plants and Animals», ed. by P. J. Ucko and G. W. Dimbleby, London, 1969.

[4] J. R. H a r l a n and D. Z o h a r y. Distribution of Wild Wheats and Barley. «Science», 153, 1966, 3470, p. 1076 ff.

рамики — древнейшей культуры керамического неолита. Нет и культуры Таббат-эль-Хаммам, неолитические слои не показаны и в Хаме. А подобное забвение основных неолитических памятников создает у читателя искаженную картину резкого увеличения числа поселений в эпоху энеолита. Далее, в легенду вынесены «пещеры». Видимо, речь идет об обитаемых в эпоху энеолита или неолита пещерах(?), но почему они в таком случае противопоставляются не открытым поселениям, а просто поселениям? А к какому времени относятся медные рудники, обозначенные на карте? К энеолиту или также к более позднему времени, или же речь идет просто о залежах медной руды, разрабатывавшихся в разные периоды, древность которых не всегда можно определить?

В трех последующих разделах книги Х. А. Кинк рассматривает хозяйство древних обитателей страны, которая названа условно Ханааном. Речь здесь идет о земледелии, скотоводстве, охоте, рыбной ловле и собирательстве. Автор начинает свой анализ с земледелия, что нелогично: ведь последнее выросло из собирательства, о чем читателю и сообщается (стр. 24). Поэтому автору приходится дважды начинать с собирательства, поскольку он вновь обращается к этой теме в разделе «Охота, рыбная ловля и собирательство», что, безусловно, мешает целостному восприятию книги.

Мы не можем согласиться с утверждением автора книги, что «следы работы на кремневых лезвиях серпов не могут дать ответа на вопрос о том, срезали ими дикий (очень неудачный термин, гораздо лучше — дикорастущий.— *В. Т.*) или культурный вид растений». Нам кажется гораздо более правдоподобной теория, согласно которой серп употребляется для уборки только культурных растений. У дикорастущих злаков стерженек, на котором держится зерно, с вызреванием приобретает такую хрупкость, что очень легко ломается. Эти злаковые легко убирать, стряхивая колос в корзину или мешок или сбивая колосья палкой. Подобная хрупкость у дикорастущих злаков облегчает распространение семян и совершенно отсутствует у культурных растений.

Учитывая существующие до сих пор обширные поля дикорастущих злаков в определенных экологических условиях (см. стр. 289 настоящей рецензии), мы не можем согласиться с определением автором роли злаков среди прочих продуктов питания человека (стр. 25), равно как и с утверждением, что «злаковые, росшие в диком состоянии, и злаковые культуры, выращиваемые на полях, росли бок о бок» (стр. 25). Выше мы пытались показать, что этого быть не могло.

Неверно и то, что от неолита «до нас дошли лишь отпечатки зерен» (стр. 26). Не менее часто встречаются находки обуглившегося, а потому и сохранившегося зерна. Довольно странное представление у автора о работе археологов, если он считает, что в поисках отпечатков зерен «исследователи разламывают немало черепков» (стр. 26).

Применение термина «очаг земледелия» к отдельным памятникам, где найдены следы древнейшего земледелия, также совершенно неправомерно (стр. 26). Известный английский геолог и палеозоолог Фредерик Цейнер вдруг превратился в работе в Зейнера (стр. 27). Этого бы не случилось, если бы Х. А. Кинк был известен русский перевод его книги «Плейстоцен» (Москва, 1963).

В разделе «Земледелие» много внимания уделяется проблеме хозяйства докерамического неолита. Это, бесспорно, интересная проблема, но она не относится непосредственно к тому времени, которым занимается автор, а именно к IV тысячелетию до н. э. В этот период земледелие уже сформировалось и стало важной составной частью хозяйства обитателей Ханаана. Однако этого различия автор как-то не замечает, когда от рассмотрения земледелия докерамического неолита в Иерихоне, Рамате и Бейде переходит к Гассулу, перепрыгивая через несколько тысячелетий керамического неолита.

Следует отметить, однако, что проблема земледелия в докерамическом неолите не может рассматриваться только на материалах из Иерихона, Рамада и Бейды, а должны решаться на гораздо более широком фоне, включая памятники типа Джармо, Чатал-Юйюк, Рас-Шамра, Али-Кош и др., которые позволят точнее определить древнейший очаг происхождения земледелия на Ближнем Востоке и процессы, которые привели к его возникновению и к распространению земледелия за пределы этого очага [5].

Неверно утверждение Х. А. Кинк о том, что в слоях докерамического Иерихона «не обнаружили они (археологи.— *В. Т.*) ни остатков, ни отпечатков зерен злаковых, подтверждающих их культивирование» (стр. 26). Уже в 1960 г. в своем докладе в Институте археологии АН СССР я говорил о том, что имеются многочисленные находки злаков, которые тогда, однако, еще не были определены [6]. В настоящее время известно, что в докерамических слоях Иерихона открыты ячмень, пшеница и стручковые [7]. Однако в Иерихоне, где выпадает всего около 140 *мм* осадков за год, трудно

[5] В. С. Титов. Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена. КСИИМК, 88, 1962, стр. 10—25; его же. Древнейшие земледельцы в Европе. Сб. «Археология Старого и Нового Света». М., 1966, стр. 25—28.

[6] В. С. Титов. Первое общественное разделение труда..., стр. 20.

[7] M. Hopf. Plant remains and early farming in Jericho. The Domestication and Exploitation of Plants... p. 355f.

предполагать неполивное земледелие [8]. В этой связи особую роль приобретает гипотеза Э. Анати о меновой торговле иерихонцев, которая почему-то не упоминается Х. А. Кинк [9], а ведь благодаря этой торговле и могли попасть злаки в Иерихон из более влажных районов. Именно в силу того, что современные годовые осадки в Бейде не превышают 200 *мм*, мало вероятно, что здесь земледелие играло важную роль.

Кстати, неверно называть слоем период Е, выделенный Л. и Р. Брейдвудами на теллях равнины Антиохии (Амука), поскольку он представлен слоями на телле Курду и материалами на телле Джудейде (стр. 29).

Что касается земледелия IV тысячелетия до н. э., то существует не так уж много твердо установленных фактов, на которые можно опираться. Искусственное орошение в IV тысячелетии остается маловероятным для долины Иордана, так же как и террасное земледелие. Приводить факт существования дольменов как свидетельство в пользу возможности постройки опорных стен и на этом основании доказывать вероятность террасного земледелия едва ли логично. Достаточно посмотреть на карту распространения дольменов, чтобы убедиться в их появлении в самых различных областях, где никогда не существовало террасного земледелия, и не повторять ошибочный аргумент Н. Глюка. Более того, большинство строителей мегалитов не воздвигало никаких каменных стен, тем более подпорного характера. Достаточно указать на мегалитические культуры Франции, Голландии, Дании, Германии, на строителей дольменов Кавказа и др. Так что аргумент в пользу террасного земледелия, выдвинутый Н. Глюком и поддержанный Х. А. Кинк, не может быть принят.

У нас нет никаких свидетельств в пользу меньшей продолжительности жизни неолитических групп населений на одном и том же месте по сравнению с энеолитическим (стр. 35). Никаких доказательств в пользу утверждения, что «энеолитическое население жило на одном месте продолжительное время (иногда несколько сот лет)» (стр. 35), опять-таки не существует. Прямое сопоставление мощности культурных слоев неолитического и энеолитического времени ничего не дает для разрешения этого вопроса хотя бы потому, что степень накопления культурных остатков может быть различной. Столь же мало дает и сравнение количества строительных периодов, поскольку оно зависит от целого ряда факторов: уровня развития строительной техники, благосостояния общества и др.

Вопрос о почвообрабатывающих орудиях (стр. 35—36) также еще очень далек от разрешения. Вопрос о палках-копалках автор оставляет открытым и предполагает, что разновидности мотыг (в том числе чопперы (?)) и топоры некоторых форм (?), вероятнее всего, использовались для различных земледельческих работ.

Что касается злаков, выращивавшихся в Ханаане в энеолите, то они не отличались от тех, которые выращивались и в докерамическом неолите: это ячмень, двузернянка и однозернянка пшеницы. Карликовая пшеница появляется лишь в период ранней бронзы. Посев смешанный. Хлеб убирали серпами с кремневыми лезвиями. Зерно хранили в ямах.

Х. А. Кинк считает, что просо вплоть до начала III тысячелетия до н. э. оставалось сорняком в посевах пшеницы и ячменя (стр. 41), однако данные по Балканам и Северному Причерноморью говорят о другом. Уже в VI тысячелетии до н. э. в поселениях культуры Старчево, например, возделывалось просо (Бисерна Обала) [10]. В IV тысячелетии оно известно из Олинфа [11]. Согласно новым данным, первые находки отпечатков проса, еще единичные и потому, возможно, принадлежащие сорнякам, сделаны на керамике буго-днестровской культуры в Молдавии, относящейся к V тысячелетию до н. э. Однако уже в конце V тысячелетия до н. э. отпечатки зерен достаточно крупных размеров, которые можно отнести уже к обычному культурному виду Panicum miliaceum L., встречены в линейно-ленточной керамике, а в IV тысячелетии до н. э.— в керамике культуры Гумельница [12].

За разделом «Земледелие» следует раздел «Скотоводство» (стр. 45—52). В целом материал здесь изложен последовательно. Некоторую неясность вызывает лишь вопрос о доместикации верблюда. Все же большинство ученых на сегодняшний день являются сторонниками теории о позднем (середина II тысячелетия до н. э.) массовом одомашнении верблюда [13].

---

[8] W. van Zeist. Reflections on Prehistoric Environments in the Near East..., p. 44.

[9] E. Anati. Prehistoric Trade and the Puzzle of Jericho. BASOR, 167, 1962, p. 25—31.

[10] M. Gribič. Starčevo als früheste Ausdrucksform der neolithischen Wirtschaft auf dem Balkan. Bericht über den V. Kongress für Vor- und Fruhgeschichte, Hambrug — Berlin, 1961.

[11] В. С. Титов. Древнейшие земледельцы в Европе, стр. 28, 29.

[12] З. В. Янушевич, В. И. Маркевич. Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Прутско-Днестровского междуречья. В сб. «Интродукция культурных растений». Кишинев, 1970, стр. 100.

[13] W. Dostal. The Evolution of Bedouin Life. В кн. «L'Antica Societa Beduina». Rome, 1959, стр. 11—34, с указанием литературы вопроса; сводку новейших данных относительно одомашнения верблюда см.: J. Benninger. Über Lebensraum und Lebensformen der Frühsemiten. Köln und Opladen, 1968, S. 18—23.

Говоря о первоначальном преобладании мелкого скота (стр. 53), автор считает это особенностью данного района. На самом деле это характерно почти для всего Средиземноморья и многих других районов. На наш взгляд, Х. А. Кинк недостаточно использовала исследования Б. Брентьеса по истории одомашнения и раннего разведения домашних животных [14].

Охоте, рыбной ловле и собирательству посвящен следующий раздел книги (стр. 58—70). В нем автор делает ряд важных наблюдений. Так, резкое сокращение количества находок наконечников стрел и дротиков свидетельствует, по мнению Х. А. Кинк, об уменьшении роли охоты в хозяйстве по сравнению с неолитическим временем. Но имеются и исключения, как, например, пещера Мураббаат, обитатели которой занимались главным образом охотой и скотоводством. Что это за процесс? Специализация отдельных общин? Об этом автор, к сожалению, ничего не говорит. Другое наблюдение — появление ядер для пращи в районе Антиохии — остается вновь без интерпретаций. К тому же автору книги было бы затруднительно дать объяснение этому факту, поскольку он исходит из единства энеолита всей изучаемой территории. А ведь столь разительное различие в применяемом метательном оружии (лук и стрелы, с одной стороны, и праща — с другой) — контраст, о котором не раз писал В. Г. Чайльд,— лишний раз говорит о различных традициях, к которым восходит энеолит восточного побережья Средиземного моря.

Рыбной ловле посвящено всего две страницы и сделано одно интересное наблюдение: исчезновение костяного рыболовного инвентаря и переход к ловле сетями, от которых сохранилось много грузил (стр. 61).

Совершенно неожиданны рассуждения о ткачестве в разделе «Собирательство» (!). Едва ли маленькие диски с отверстиями могли служить грузилами для ткацких станков (стр. 64). Последние, известные из других археологических культур, обладают значительно более массивными грузилами пирамидальной формы с отверстиями в верхней части. Вряд ли следует включать описание одежды древних обитателей Ханаана в раздел «Собирательство», равно как и описание способов приготовления пищи и напитков.

Подводя итоги рассмотрения разделов книги, посвященных хозяйству древних обитателей энеолитического Ханаана, мы считаем, что они не дают читателю достаточно полной картины хозяйственного развития. Автор увлекся интересными проблемами происхождения различных культурных растений и домашних животных, забыв, что к началу энеолита производящее хозяйство в Ханаане не только сложилось, но и господствовало. Поэтому вопросы его происхождения не столь актуальны, как для неолита. При анализе экономики Ханаана IV тысячелетия до н. э. на первый план следовало поставить совсем иные проблемы, а именно: чем отличается хозяйство Ханаана энеолитического периода от предшествующего неолитического и последующего периода ранней и затем средней бронзы: уровнем ли развития, преобладанием той или иной отрасли в экономике, изменением в составе культурных растений, возделываемых человеком, возникновением и развитием скотоводства, виноградарства, изменением в составе стада, определенной или только намечающейся специализацией отдельных отраслей хозяйства и пр. и пр. Однако читатель не найдет подобного анализа в книге Х. А. Кинк. А ведь именно в этих вопросах от автора следовало бы ожидать решающего слова, а отнюдь не в вопросах происхождения культурных растений и места одомашнения того или иного вида животных, поскольку автор, не будучи специалистом палеоботаником или палеозоологом, вынужден лишь повторять сказанное ранее Хельбеком и Цейнером. Кстати, в книге совсем нет ссылок ни на работы советских специалистов в области происхождения культурных растений Н. И. Вавилова, П. М. Жуковского, М. М. Якубцинера, ни на работы советских палеозоологов С. Н. Боголюбского, В. И. Цалкина, В. И. Громовой, В. И. Бибиковой.

Не совсем удачно раздел о скотоводстве завершается рассмотрением обработки кожи и кожевенного производства. Считает ли автор, что только шкуры домашних животных обрабатывались и использовались, а если нет, то почему в таком случае вопрос об обработке шкур попал именно сюда, а не в раздел об охоте? Конечно, как кожевенное производство, так и изготовление корзин, ткачество и другие домашние и ремесленные производства следовало бы выделить в специальные разделы, а не относить к животноводству и собирательству, поскольку вопросы организации производства и сбыта гораздо важнее для изучения экономики, чем вопросы происхождения и добычи сырья для производства, по которым сгруппировано все рассмотрение хозяйства.

Следующий раздел «Жилище» (стр. 71—86) следовало бы назвать «Постройки», поскольку речь идет не только о жилых, но и о хозяйственных, производственных и общественных сооружениях. Но удивительно, что нигде ни слова не сказано о поселениях, их характере, планировке, даже о соотношении жилых, хозяйственных и общественных сооружений. Каждое из этих сооружений рассматривается само по себе, вне всякой связи с другими постройками. Поэтому даже не поднимается вопрос о характере коллективов, которые обитали в этих жилищах, их размерах и пр. В этом разделе нет ни слова о проблеме возникновения и развития города, об оборонительных сооружениях, которые известны в Восточном Средиземноморье со вре-

[14] Учтена лишь популярная книга B. Brentjes. Die Hauswerdung im Orient. Wittenberg, 1965.

мен докерамического неолита (стены и башня докерамического Иерихона, стены Рас-Шамры и др.). Это, пожалуй самый существенный недостаток главы.

Следует отметить как положительный момент книги то, что автор в конце раздела обращает внимание на значительные прогрессивные изменения в архитектуре и строительстве на рубеже III тысячелетия до н. э. по сравнению с энеолитическим периодом (стр. 86).

Обработке металлов и первым металлическим изделиям посвящен следующий раздел (стр. 87—104). Основной недостаток этого раздела — неясность изложения. Раздел, естественно, начинается вопросом о древнейших находках медных изделий (конец V тысячелетия до н. э.— равнина Антиохии), но к нему же возвращается автор и на стр. 97, когда говорит об обработке металлов в Анатолии VII тысячелетия до н. э. [15] Далее перечисляются все находки медных изделий с рассматриваемой территории. К сожалению, автор ограничился перечислением, даже не сочтя нужным как-то обобщить, типологизировать эти находки, привести для них хотя бы несколько аналогий с сопредельных территорий.

На наш взгляд, слишком мало внимания уделено огромному медному кладу, найденному в одной из пещер Иудейской пустыни (стр. 88 и 100). Ведь тщательнейшая его интерпретация могла бы дать немало данных по истории металлургии, о количестве металла, находившегося в обращении в одном районе, и о его применении [16]. Здесь еще раз сказывается неполный и случайный характер исследования истории металлургии в данной книге. При этом датировка этого клада Х. А. Кинк III тысячелетием до н. э. не совсем убедительна. Синайский полуостров и его разрабатывавшиеся в древности месторождения руд упоминаются лишь мимоходом. Пожалуй, это оправдано, так как новейшие исследования многое меняют в традиционно установившихся взглядах. Возможно, что металлургия юга Палестины дала начало открытой добыче руды и бирюзы на Синае, а регулярная добыча руды шахтным способом на Синае зародилась лишь в III тысячелетии до н. э. [17] Некоторое недоумение вызывает утверждение Х. А. Кинк о том, что в энеолитических захоронениях Библа медные предметы обнаружены лишь в четырех из 851 могилы. Уже по состоянию данных о раскопках, приведенных в 1955 г., медные предметы были найдены в восьми из 1451 захоронения, что меняет приведенное в книге соотношение. Вообще же следует подчеркнуть относительную бедность этого района металлом в энеолите по сравнению с более южными областями.

Раздел «Камень» (стр. 105—135) призван познакомить читателя с добычей и обработкой камня, как строительного, так и поделочного. Этот раздел не может быть признан удачным, поскольку автор не обладает, видимо, необходимыми для его написания на профессиональном уровне знаниями, а выступает как дилетант в археологии. Этот дилетантизм проявляется прежде всего в разделах, посвященных обработке кремня и изготовлению кремневых орудий. Я не говорю уж о совершенно непрофессиональной терминологии. Например, celt в английских и французских работах означает «плоский топор» или «тесло», а у автора же этот термин переводится на русский язык как «кельт» (стр. 116). В русской археологии кельт — это определенный тип орудия, бронзовый или железный втульчатый топор, который насаживался на рукоятку так, что плоскость лезвия перпендикулярна плоскости рукоятки, и который появился только в среднем бронзовом веке около середины II тысячелетия до н. э. На стр. 108 автор говорит о медном резце (?), который якобы применялся для добычи мягких горных пород. Резец — орудие, у рабочей части которого несколько плоскостей сходятся в одной точке, что придает ей особую крепость. Никакие медные резцы нам неизвестны.

Описание изготовления нуклеусов и отжимания с них пластин грешит многими неточностями (стр. 111—112). Отжимная ретушь наносилась на пластины совсем не для того, чтобы сделать их более острыми (стр. 112), а для того, чтобы сделать режущие изделия менее хрупкими. Подобные примеры можно было бы умножить. Совершенно анекдотически звучат строчки, посвященные использованию микролитов из Гассула: «для обрезания ногтей, вскрытия нарывов и различных других хирургических операций» (стр. 124).

В этой главе, однако, совсем или почти совсем не подняты вопросы об экономике и социальной организации добычи и обработки камня, а именно, кто добывал камень, отдельные ли общины или отдельные члены разных общин, существовали ли внутри общин специалисты-ремесленники или разделение труда проходило не внутри общин, а между общинами, как далеко зашло разделение труда и насколько широко осуществлялся обмен, и пр. Постановки именно этих вопросов и попытки их решения естественно ожидать от историка, который обращается к археологическому материалу, чтобы «определить уровень развития социально-экономических отноше-

---

[15] Другие ранние находки металла: В. Титов. Период неолита в Греции. Сб. «Новое в советской археологии». МИА, 130, 1965, стр. 74, прим. 14—17.

[16] P. Bar-Adon. Expedition C-The Cave of Treasure. IEJ, XII, 1962, 3/4, стр. 215—226.

[17] B. Rothenberg. An Archaeological Survey of South Sinai. First Season, 1967/68, PEQ, 102, 1/2, p. 4—29; An Archeological Survey of South Sinai, MHB, 11, 1969, p. 22—38.

ний в Восточном Средиземноморье в период IV и первой половины III тысячелетий» (стр. 10). Но именно этого читатель не найдет в книге.

Еще несколько конкретных замечаний по этой главе. Мы не можем согласиться с автором в том, что «потребности в камне... в пору энеолита были в общем невелики (из него делали лишь орудия и прочие небольшие предметы). Поэтому можно полагать, что в то время могли вполне обходиться обломками, находившимися на поверхности земли. В крайнем случае карьеры энеолитического времени могли представлять собой **неглубокие ямки**» (стр. 108, подчеркнуто мной.— *В. Т.*). Подобные слова могли выйти из-под пера человека, абсолютно незнакомого с археологией энеолита. Ведь именно к энеолиту относятся огромные шахты по добыче кремня и других видов поделочного камня. Достаточно вспомнить кремневые разработки Граймс-Грейвз в Англии, где найдено около 250 шахт до 12—13 *м* глубиной, каждая с несколькими штольнями [18], шахты в Кшемёнках Опатовских по добыче кремня [19], кремневые копи в Спьенне [20], разработки гринштейна на с. Бёмло [21] и др. Ведь большинство из них относится именно к энеолиту, во всяком случае к IV—III тысячелетиям до н. э. Подсчитано, что в одной только шахте в Граймс-Грейвз в нескольких штольнях было выломано около 140 $м^3$ кремня. Возможно, до сих пор таких шахт и разработок не найдено в древнем Ханаане, но они несомненно были, если в это время они имелись даже в стоящей на менее высокой ступени развития «варварской» Европе.

В конце раздела «Камень» автор пытается выделить те моменты, которые должны характеризовать добычу и обработку камня в эпоху энеолита по сравнению с предшествующим периодом. К таковым относится исчезновение шлифованных топоров, увеличение количества орудий на пластинах без дополнительной обработки, широкое распространение ханаанских пластин. Автор объясняет эти и подобные явления прогрессивными изменениями техники и преобладанием менее трудоемких процессов. А не играет ли здесь первенствующую роль просто смена традиций изготовления орудий? Этот вопрос может быть решен только в свете изучения культур неолита и энеолита, смены культур, а потому не в рамках книги, автор которой намеренно отказывается от рассмотрения культур.

Кроме того, в этом разделе вновь сказывается один из недостатков, присущих всей работе: описание истории района дается не в хронологическом порядке, а по отраслям хозяйства и отдельно по материалам. Так, например, в Рас-Шамре (Угарит) от раннебронзового периода сохранились остатки каменной давильни вина или масла, однако о ней ничего не сказано ни в разделе о земледелии, ни в разделе о камне [22].

Раздел о применении кости и рога (стр. 136—145) не вызывает сколько-нибудь серьезных возражений. Он учитывает основной доступный нам материал.

Более сложен вопрос о дереве, так как нам известно, что даже в условиях сильно засушливого юга Палестины материал этот почти не сохраняется. Поэтому раздел о нем (стр. 146—152) основан главным образом на реконструкциях и данных письменных источников. Однако в книге отсутствует упоминание о наличии лесов в Палестине, относящихся к концу III тысячелетия [23].

Вне поля зрения исследователя остается также процесс дефорестации всего района Финикии III—II тысячелетия до н. э. В главе отсутствуют также данные об импортной древесине — речь идет об остатках шкатулки эбенового дерева африканского происхождения из Библа [24]. Вызывает недоумение также упоминание об остатках досок из захоронения в Иерихоне начала II тысячелетия до н. э. (стр. 152). Вероятно, речь здесь идет о шахтных погребениях этого периода, где дерево не разложилось, целиком сохранив нам остатки стульев, скамеек, столов, гребней, посуды, плетеных корзин [25]. Все это дает прекрасные возможности для реконструкции, результаты которых не учтены автором совершенно.

Глава «Гончарное дело» (стр. 153—159) явно недостаточна для решения или хотя бы освещения всех поднятых в ней вопросов: описания энеолитической керамики Ханаана, проблемы происхождения керамики Ханаана при переходе от доке-

---

[18] Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 174—185; A. L. Armstrong. The Grimes-Graves Problem in the Light of Recent Researches. PPS, East Anglia, 91, 1926; J. C. D. Clark, S. Piggot. The Age of the British Flint Mines. «Antiquity», VII, 1953, стр. 166—183; S. Piggot. Neolithic Cultures of the British Isles. Cambridge, 1954.

[19] S. Kurkowski. Krzemionki Opatowskie. Katowice, 1939.

[20] M. Jahn. Der älteste Bergbau in Europa, Berlin, 1960.

[21] K. Faegri. Studies on the Pleistocene of Western Norway; III Bømlo. «Bergens Museums Arbok» 1943. Naturvit. rk. 8, 1943.

[22] J. C. Curtois. Sondages 1959. Contribution à l'étude des civilisations du Bronze Ancien à Ras Shamra-Ugarit. Ugaritica, IV, Paris, 1962, p. 422—26.

[23] Ср. Р. И. Рубинштейн. Внешняя политика Египта в период господства Гераклеополя. ПС, 2, М., 1956, стр. 34 и др.

[24] M. Dunand. Foulles de Byblos. I, Paris, 1937, № 5026.

[25] К. М. Кеньон. Digging up Jericho. London, 1957. Хотя работа К. М. Кеньон в списке литературы приводится, нет ссылок на разбор данного вопроса.

рамического неолита к керамическому, прогрессивных изменений в керамике в неолитическом периоде, проблемы возникновения гончарного круга в Палестине во второй половине IV тысячелетия до н. э., дальнейших изменений в керамике в конце IV и в начале III тысячелетия до н. э. Укажем, что описание энеолитической керамики Ханаана сделано непрофессионально. Нет ни слова о технике изготовления, об обжиге, обработке поверхности, нет типологии сосудов. Иллюстрируется лишь керамика из Абу Матара. Не проанализированы различия в керамике Гассула и Беэр-Шевы, не упоминается керамика Амука E и F, керамика энеолита Библа. Отсутствие трактовки культурных различий, которые проявляются прежде всего в керамике, обедняет работу.

Вопрос о происхождении керамики в Палестине упирается в гораздо более общую проблему: возникла ли керамика на Ближнем Востоке однажды или же она возникала несколько раз в разное время и в разных местах, а также существует ли генетическая связь между культурой докерамического неолита B и керамического неолита A? Известно, что древнейшая известная на Ближнем Востоке керамика происходит из Анатолии и датируется по некалиброванным радиоуглеродным датам серединой VII тысячелетия до н. э. В Киликии, на равнине Амука (Амук A), в Рас-Шамре (слой VB) древнейшая керамика относится ко второй половине VII — началу VI тысячелетия до н. э.[26]. Однако в Библе первая керамика известна лишь около рубежа VII и VI тысячелетия до н. э., а в Палестине нет никакой керамики до середины VI тысячелетия до н. э.[27]. С этими данными приходится считаться при решении вопроса о возникновении керамики в Палестине. Имеются и другие данные, согласно которым существуют определенные связи между докерамическим неолитом B и керамическим неолитом A, на которые указывает, например, в последней работе P. Амиран[28]. Она же при этом не исключает внешних связей и влияний.

Попытка автора найти лишь прогрессивные изменения в керамике в Палестине VI—V—IV—III тысячелетия до н. э. явно обречена на неудачу. Не что иное, как керамика, наиболее прочно связана как в технике изготовления, так и в орнаментации с традициями отдельных групп населения (культурных групп). Взаимодействия между этими группами приводят к изменениям в керамике, которые далеко не всегда технически прогрессивны. Это наблюдается очень часто. Керамика раннего неолита Греции гораздо совершеннее в техническом и эстетическом отношениях, чем более поздняя. Это же наблюдение можно сделать и в Средней Европе, и в Юго-Восточной Европе.

Последний раздел книги назван «Связи Ханаана с окружающими странами» (стр. 160—191). Это большой раздел, поскольку в понятие связей входят как обмен, так и культурные и генетические связи. Автор начинает с обмена, древнейшее свидетельство которого — обсидиан, известный уже с докерамического неолита в Иерихоне и Бейде и доставленный туда с озера Ван и из Каппадокии. Другие находки обсидиана происходят из слоев V—IV тысячелетий до н. э. Это обсидиан главным образом из Каппадокии, и количество его находок резко сокращается с начала III тысячелетия до н. э. Однако за последние годы появились новые работы, которые идут дальше и значительно проясняют вопрос о снабжении обсидианом восточного побережья Средиземного моря[29]. К сожалению, они не использованы автором книги. Результаты этих исследований ясно показывают, что если все побережье снабжалось анатолийским обсидианом, то только северная часть вплоть до Рамада на юге получала обсидиан и из Армении[30]. К сожалению, Х. А. Кинк не нашла нужным поднять вопрос о том, как осуществлялся обмен обсидианом, в каком виде расходился обсидиан: в виде ли желваков или в виде заготовок орудий или нуклеусов, а может быть, в виде готовых орудий? А что давал взамен Ханаан? Ведь связи были двусторонними.

Далее автор неожиданно переходит к связям иного рода — культурным, когда пытается найти объяснение появлению ядер для пращи на равнине Антиохии (стр. 161). О культурных связях с Месопотамией свидетельствует появление цилиндрических печатей, первоначально, видимо, изготовлявшихся из органических материалов, поскольку до нас дошли лишь их оттиски из Библа, Мегиддо, Хамы. Связи с Египтом доказываются появлением отдельных каменных сосудов, но эти сосуды не могут рассматриваться как свидетельство существования постоянных экономических связей с Египтом. Имеются и другие предметы, о которых говорят как о предметах египетского происхождения, однако все они могут быть интерпретированы лишь как побочные продукты существовавших между Ханааном и Египтом экономических связей. А вот каковы были эти связи, автор не говорит.

---

[26] В. С. Титов. Неолит Греции. М., 1969, стр. 183—184, 213—214.

[27] J. Mellaart. The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia. Beirut, 1966, p. 10.

[28] R. Amiran. Ancient Pottery of the Holy Land. Rutgers University Press, 1970, p. 17.

[29] C. Renfrew, J. E. Dixon, J. R. Cann. Further Analysis of Near Eastern Obsidians. PPS for 1968, XXXIV, p. 319—331; J. E. Dixon, J. R. Cann and C. Renfrew. Obsidians and the Origins of Trade. «Scientific American», 218, 1968, 3, p. 38—46.

[30] Ibid., Map on p. 46.

Гораздо сильнее связи северной части Леванта с Месопотамией. Они начинаются не с халафского времени, как пишет Х. А. Кинк, а с хассунского и зафиксированы в Амуке В [31]. С Амука С и Рас-Шамры IVC они усиливаются и характеризуются уже халафскими влияниями. В Рас-Шамре указываются также и кипрские связи (слой IVC), но утверждение, что «кипрская гончарная продукция, в свою очередь, восходит к керамике Фессалии» (стр. 165) совершенно фантастично и ни на чем не основывается.

От рассмотрения связей в керамике автор переходит вдруг к антропологическим данным, которые позволяют ей утверждать, что «в эпоху энеолита и древней бронзы всю территорию Ханаана населяла средиземноморская раса долихоцефалов, среди которых встречаются отдельные брахицефалы анатолийского или арменоидного типа и негроидные элементы» (стр. 169). За этим вполне закономерным заключением вдруг следует совершенно неожиданный и неприемлемый вывод: «Таким образом, проследить сколько-нибудь четкие племенные деления в Ханаане в IV—III тысячелетии и установить, какие именно этнические объединения являлись изготовителями и распространителями в стране групп керамики, названных халафской, убейдской, урукской Джемдет-Наср, изреельской и хирбет-керамской, невозможно». Согласно господствующему в советской исторической науке мнению, не существует связи между расовым типом и этносом. Преобладание долихоцефалов средиземноморского типа с примесью брахицефалов и негроидов не имеет отношения к различным культурам, существовавшим на протяжении неолита, энеолита и раннего бронзового века в Леванте. И почему вдруг Х. А. Кинк заговорила о культурах? Убедилась, что без них все же не обойтись?

Далее она пытается трактовать два типа погребений, обнаруженных в Саади, как присущие разным расовым типам — долихоцефалам и брахицефалам (стр. 169—170). Непосредственно вслед за этим автор пытается поднять вопрос о языковой принадлежности населения восточного побережья Средиземного моря, но дает это настолько мимоходом, что, естественно, не может прийти ни к какому определенному выводу, кроме как указать на «большую этническую пестроту». Однако вопросы антропологической, этнической и языковой истории Ханаана — вопросы большие и сложные, слишком сложные, чтобы попытаться решить их походя, мимоходом на двух страницах раздела о связях. Они заслуживают по меньшей мере специального рассмотрения в особом разделе книги.

На стр. 176 автор вновь возвращается к проблеме экономических связей с Египтом. Ханаан экспортировал в Египет лес, смолы и, возможно, масло или вино. О последних статьях экспорта позволяют судить, по мнению автора, находки так называемых сирийских бутылочек в гробницах египетских вельмож III династии. Судя по очень небольшой величине этих бутылочек, речь могла идти лишь о парфюмерных маслах. Но это уже начало III тысячелетия до н. э., которое, собственно, выходит за рамки книги Х. А. Кинк, хотя хронологические рамки соблюдаются автором далеко не всегда. Едва ли даже в III тысячелетии серьезно можно говорить об импорте керамики в Египет из Арада (стр. 171). Керамика, конечно, была лишь тарой для какого-то местного продукта. Но указанные статьи экспорта могли быть для Ханаана традиционными и относиться уже и к IV тысячелетию до н. э. А что получал Ханаан взамен? Хлеб, золото? Автор почему-то не поднимает этого вопроса.

В конце этого раздела автор высказывает ряд важных для понимания ее концепции положений: об отсутствии внутреннего рынка в эпоху энеолита как следствии одинаковой земледельческо-скотоводческой основы поселений. Производство не выходит за рамки домашнего. Основное сырье добывается на месте, в том числе и медь. Объем внешних связей невелик и они не затрагивают основного производства (стр. 179—181). Однако на стр. 183 автор говорит о металлургах, камнерезах, костерезах, деревообделочниках, горшечниках, ткачах... Так кто же это? Те же самые крестьяне, которые в свободное от полевых работ время занимаются добычей медной руды, выплавкой меди, изготовлением медных орудий? Или это уже специалисты-ремесленники, выделившиеся из общины, но еще входящие в нее и работающие на нее? А может быть, некоторые общины, живущие у источников того или иного сырья, медной руды или кремня, например, все же занимаются их добычей и первоначальной обработкой? А кто занимается обменом, например, обсидианом? Не говорит ли появление гончарного круга уже в IV тысячелетии до н. э. о том, что выделяются гончары-ремесленники? Автор признает, что «любое из занятий, будь то обработка камня или металла, было связано с определенной специализацией» (стр. 183—184). Означает ли это, что специализация подобного рода была только своего рода хобби у земледельца-скотовода или же специалист все же кормился своими занятиями? Далее автор вынужден признать даже «известное разделение труда», которое имело место «между близко расположенными поселениями Северного Негева» уже в IV тысячелетии до н. э. А если было разделение труда как внутри общины, так и между общинами, то был и внутренний рынок для обмена результатами специализированного производства. Это уже противоречит высказываниям автора, сделанным в конце предыдущего раздела (стр. 179—180). Итак, автор сам признает выделение металлургов, кузнецов, гончаров в конце IV — начале III тысячелетия. В дей-

[31] В. С. Титов. Неолит Греции. М., 1969, стр. 190, 191.

ствительности это произошло, видимо, раньше, с началом собственной металлургии меди и с появлением гончарного круга.

Едва ли применение лошади и волов сделало возможным обработку тяжелых почв. Ведь в Европе тяжелые почвы стали обрабатываться только со II в. до н. э., когда в сельском хозяйстве был введен тяжелый римский плуг.

Далее Х. А. Кинк обращается к вопросам социального строя Ханаана, используя данные о размерах домов и планировке поселений, т. е. к вопросам, которые должны были быть поставлены еще при рассмотрении жилищ и поселений Ханаана. Исходя из планировки подземных обиталищ Беэр-Шевы, Абу-Матара и Сафади, автор считает, что в каждой камере, входившей в состав одного обиталища, жила парная семья, а в каждом из пяти-шести обиталищ — большая семья, численностью 35—45 человек, которая и была экономической ячейкой общества в Ханаане IV тысячелетия до н. э. Большая семья вела общее хозяйство, имела общие запасы зерна и готовила пищу на общих очагах. Дальнейший процесс (распад большой семьи на отдельные малые семьи) документируется, по мнению автора, появлением жилищ с малыми комнатами, которые приходят на смену большим домам. «...энеолит является периодом интенсивного разложения первобытнообщинного строя» (стр. 188),— пишет автор. Начинается процесс имущественного расслоения, который автор, к сожалению, не может документировать, но относит к первой половине III тысячелетия до н. э. (стр. 189).

«Стремление обезопасить свое имущество от посягательства соседей вело в III тысячелетии в Ханаане к созданию поселений городского типа» (стр. 190). Это едва ли верно. Поселения городского типа возникают как результат дальнейшего процесса разделения труда, выделения ремесленников, развития обмена и возникновения тех социальных групп, которые составят основное население города. Укрепления — далеко не самая характерная и обязательная часть города. Ведь не считает же автор докерамический Иерихон городом (стр. 190), несмотря на оборонительные сооружения. И дело здесь не в технике кладки, которая отличает стены докерамического Иерихона от стен палестинских городков раннего бронзового века, как пытается доказать автор, а в характере населения, его занятиях и пр. Но об этом мне уже приходилось говорить в 1960 г., и я сошлюсь только на свою работу [32], тем более что автор книги не знаком с ней.

К книге Х. А. Кинк приложен список литературы (№ 1—159), но он далеко не полон даже по состоянию на 1966 г. Вызывает удивление, например, отсутствие работ Райта «Керамика Палестины вплоть до конца бронзового века» [33] и «Библейская археология» [34], а также книги Дж. Грея «Ханаанеяне» [35], написанной, собственно, на ту же тему, что и книга Х. А. Кинк. Не ясно, почему основная работа В. Ф. Олбрайта по археологии Палестины [36] дается в издании 1951 г., а не 1960, которое значительно дополнено.

Далее к книге приложен предметный указатель, несомненно, полезный, но почему-то отсутствует список иллюстраций, который тем более необходим, что в большинстве подписей под иллюстрациями не указывается ни место находки изображаемых вещей, ни публикация, откуда взято это изображение.

В. С. Титов

---

[32] В. С. Титов. Первое общественное разделение труда, стр. 24, 25.

[33] G. E. Wright. The Pottery of Palestine to the End of the Bronze Age. New Haven, 1937.

[34] G. E. Wright. Biblical Archaeology. Philadelphia, London, 1957.

[35] J. Gray. The Canaanites. London, 1964.

[36] W. F. Albright. The Archaeology of Palestine. London, 1960.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА, ВЫШЕДШЕЙ В 1970 ГОДУ

Для среднеазиатской археологии 1970 г. не был особенно успешным в области публикаций, хотя ряд традиционных изданий и вышел в свет в этом году. Среди опубликованных работ представлен ряд сборников. Так, специальный выпуск «Кратких сообщений Института археологии АН СССР» (КСИА, 122, 1970) посвящен изданию материалов Всесоюзного совещания по археологии Средней Азии, состоявшегося в 1968 г. в Ленинграде. Были изданы отдельной брошюрой материалы к Совещанию по средневековому городу, проводившемуся в 1970 г. во Фрунзе. Международное признание археологических работ в Средней Азии и Казахстане нашло отражение в публикации обзорной книги Г. С. Фрумкина «Археология в Советской Средней Азии», изданной на английском языке. К сожалению, хуже обстоит дело с публикацией новых материалов в республиканских Академиях. Правда, археологи Туркмении успешно продолжали издание текущей информации, выпустив брошюру и солидный сборник, посвященный работам 1969 г. Интересный сборник, охватывающий памятники от каменного века до средних веков, представили казахстанские археологи. Ни од-

ной книги по археологии не появилось в 1970 г. в Киргизии. Печальное затишье наступило в АН Таджикской ССР, ранее отличавшейся разнообразной печатной продукцией по вопросам археологии. Определенное отражение результаты археологических работ получили в первом томе «Истории Самарканда», изданном в Ташкенте, хотя это и могло быть сделано на более высоком уровне. Следует надеяться, что вновь образованный Институт археологии АН Узбекской ССР приступит к систематическому монографическому изданию огромных материалов, накопленных в республике, которые давно переросли возможности серии «История материальной культуры Узбекистана», в целом очень нужной и полезной, но, как правило, не выходящей за рамки предварительных отчетов.

«Археологическое изучение Средней Азии». Краткие сообщения Института археологии АН СССР, вып. 122, М., 1970.

Рецензируемый выпуск КСИА посвящен публикации ряда докладов и сообщений прочитанных на V совещании по проблемам археологии в апреле 1968 г.[1] Представительный характер совещания (более 150 участников), большое число докладов (свыше 50), проблемный характер целого ряда из них определили успех совещания, сделали его заметной вехой в изучении прошлого Средней Азии и Казахстана[2]. Это в значительной мере определило и облик рецензируемого издания.

Предисловие, написанное редакцией, содержит резолюцию совещания. Соответственно тематике публикуемые работы сгруппированы в пять разделов. В I разделе «Итоги и проблемы археологии Средней Азии» помещены статьи В. М. Массона «Узловые проблемы археологии Средней Азии» и П. Н. Кожемяки «Основные достижения и проблемы археологии Киргизской ССР».

В статье В. М. Массона, пронизанной мыслью о необходимости проведения плановых проблемно-целевых изысканий, обобщены и сформулированы основные актуальные вопросы, вставшие перед исследователями среднеазиатской археологии в результате проведения обширных, но неравномерных раскопок. Круг проблем, перечисленных В. М. Массоном, обширен и охватывает все этапы среднеазиатской истории от эпохи палеолита до развитого средневековья. Для успешного решения первоочередных задач предлагается усилить координацию исследовательских работ, повысить методическую вооруженность и оперативнее публиковать добытые материалы. Нельзя не согласиться с автором и в том, что первоочередной задачей среднеазиатской археологии является организация широких многолетних раскопок на городе античного времени (и, конечно же, с захватом тяготеющей к нему сельской округи). Безусловно, результаты подобным образом организованных раскопок стали бы конкретным вкладом среднеазиатской археологии в решение важнейших проблем мировой истории, столь остро поднятых в возобновившейся в последние годы дискуссии о так называемом азиатском способе производства. Успехи археологических работ на территории Киргизской ССР отражены в обобщающей статье П. Н. Кожемяки. Подводя итоги достигнутых результатов, автор отмечает необходимость расширения исследований первобытной археологии и решения ряда проблем средневековья, среди которых важнейшей является выяснение процесса сложения киргизской народности.

К сожалению, тематика первобытной археологии Средней Азии, которой посвящен II раздел, выглядит несколько ограниченной из-за отсутствия статей, рассматривающих появление и формирование культур древнейшего населения Средней Азии, а также статей, специально посвященных дискуссионным вопросам раннеземледельческих культур. Единственной работой, затрагивающей судьбы ранних земледельцев копетдагских предгорий, является статья А. Я. Щетенко «О торговых путях эпохи бронзы по материалам туркменистано-харапских параллелей», в которой решается важный, хотя и частный вопрос о характере их культурных контактов с протогорской цивилизацией долины Инда.

В настоящее время неолит Средней Азии изучен сравнительно хорошо. В статье «Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии» Г. Ф. Коробкова выделяет три области мезолитических культур, на основе которых происходило сложение местных культур неолита. Тщательный анализ способа изготовления каменных орудий, подкрепляемый аналогиями и абсолютными датировками мезолитических культур сопредельных территорий, позволил автору сделать вывод о существовании в эпоху мезолита разных в генетическом отношении племенных групп, что является одной из причин этнической пестроты среднеазиатского неолитического населения.

Три племенных группы (кельтеминарская, лявляканская и нижнезеравшанская) объединялись кельтеминарской культурно-этнической общностью — таков вывод, к которому приходит в статье «О локальных вариантах неолитической культуры Ры-

---

[1] «Проблемы археологии Средней Азии». Тезисы докладов и сообщений к совещанию по проблемам археологии Средней Азии (1—7 апреля 1968 г.). Л., 1968.

[2] Г. В. Григорьева, В. И. Распопова. V совещание по археологии Средней Азии и Казахстана. ВДИ, 4, 1969, стр. 208—212.

зылкумов» А. В. Виноградов, анализируя многочисленные неолитические памятники Кызылкумов. Особый интерес представляет процесс образования заманбабинской культуры, в котором, по нашему мнению, следует искать одно из объяснений появления раннескотоводческих степных культур типа афанасьевской. Требуется дальнейшее уточнение терминологии для устранения возникающей путаницы, в результате которой неолит Кызылкумов называют то кельтеминарской культурой с локальными вариантами, то кельтеминарской культурно-этнической общностью с рядом входящих в нее культур.

Л. Я. Крижевская в статье «К вопросу о взаимоотношении населения Южного Урала и Средней Азии в неолитическую эпоху» приходит к выводу, что южноуральский неолит, близкий неолитическим культурам Средней Азии, не был им тождествен. Влияние со стороны сибирских неолитических культур, ощущавшееся населением Южного Урала через посредство территории Северного Казахстана, заставляет объединять население этих двух смежных областей в единую этнокультурную общность, которая была родственна аналогичным общностям Средней Азии. Л. Я. Крижевская оставляет в стороне вопрос о времени появления черт сходства между неолитическими культурами Южного Урала и Средней Азии, отмечая только, что они были опосредованными. По-видимому, в сложении неолитического населения Южного Урала, как и северо-западной части Казахстана, участвовали пришельцы из южной части Прикаспия, проникшие в эти края еще в мезолите.

В настоящее время остаются неизвестными в степных пограничных районах Казахстана и Средней Азии культуры ранней бронзы, которые могли бы датироваться концом III — началом II тысячелетия до н. э. Это затрудняет решение проблемы формирования скотоводческих племен андроновской общности, которая распространялась и на территорию Средней Азии. В статье М. П. Грязнова «Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы» памятники выделяемого автором для Средней Азии таутарыского типа рассматриваются с привычных позиций схемы последовательного развития единой андроновской культуры: автор видит в них генетическое звено, связывающее федоровский этап с алакульским. Памятники тазабагъябской и тяньшанской групп М. П. Грязнов считает местным вариантом единой андроновской культуры на алакульском этапе ее развития. Соответственно схеме развития культур Южной Сибири, где на смену андроновской культуре приходит карасукская, М. П. Грязнов относит Тагискенский могильник к числу памятников карасукского типа и датирует его II тысячелетием до н. э. Распространение валиковой керамики ивановского типа, вызвавшее появление амирабадской культуры, он склонен считать результатом вторжения срубных племен, нарушивших эволюционное развитие бронзовых культур Средней Азии и Казахстана.

С иных позиций подходит к проблеме генезиса семиреченской группы памятников конца II — начала I тысячелетия до н. э. Е. Е. Кузьмина в статье «Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы». Их сложение автор связывает с проникновением андроновских племен, генетически связанных с населением Центрального Казахстана. Такой же миграционной точки зрения на возникновение андроноидных культур Средней Азии придерживается М. А. Итина в статье «Из истории населения степной полосы Среднеазиатского междуречья в эпоху бронзы», где сложение тазабагъябской культуры автор объясняет результатом ассимиляций местного земледельческого населения срубноандроновскими скотоводами, вторгшимися из Южного Приуралья. Подобный процесс ассимиляции местного населения андроновцами происходил и в других районах Средней Азии, в низовьях Зеравшана и в Фергане. М. А. Итина подчеркивает, что местная линия развития, поддерживаемая влияниями со стороны южных земледельческих культур, в конечном итоге возобладала в степных районах.

Наконец, совершенно новую гипотезу о возникновении андроновской общности высказывает в статье «Проблема происхождения культуры степной бронзы» И. Н. Хлопин. По его мнению, в результате демографического взрыва в среде раннеземледельческого населения Средней Азии произошла сегментация населения со скотоводческим хозяйством. Две волны избыточного населения, двинувшегося с юга Средней Азии, вызвали появление пастушеских племен в северных степных районах. Подтверждение южных истоков скотоводческих культур автор находит в сходстве орнамента федоровской керамики и керамики позднего Намазга III — раннего Намазга IV. Гипотеза И. Н. Хлопина требует дальнейших разработок, но кажется вероятным, что если появление раннескотоводческих культур типа афанасьевской Алтая и Минусинской котловины и было вызвано влиянием юга, то андроновская общность сформировалась самостоятельно, на базе ранних скотоводов степей. Ее проникновение в Среднюю Азию, по-видимому, было вызвано поисками новых пастбищ в связи с резкими термическими изменениями климата, имевшими место в середине II тысячелетия до н. э. Характерно, что если для афанасьевской культуры типичен долихокранный тип, близкий типу раннеземледельческого населения Средней Азии, то для «андроновцев» характерны брахо- и мезокранные расовые типы. Племена андроновской общности, создавшие ряд андроноидных культур в северных притаежных областях и в Средней Азии, легко нарушали свою племенную эндогамию и вступали в брачные отношения с представителями местного населения. В результате этого образовывался смешанный расовый тип населения, что типично для Кокчи 3 и могиль-

ника Муминабад. Характеристике этого могильника посвящена статья А. Аскарова «Могильник эпохи бронзы в Муминабаде», заключающая II раздел рецензируемого выпуска КСИА.

Среди статей, опубликованных в III разделе («Археология древнего периода»), наибольшее внимание привлекает статья А. М. Беленицкого «О рабовладельческой формации в истории Средней Азии», в которой автор пытается дать свое решение проблемы общественного строя Средней Азии в древности. А. М. Беленицким решительно отвергается установившаяся (с 30-х годов) в советской науке концепция о господстве в Средней Азии (в период от середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э.) рабовладельческих отношений. Он отмечает, что защитники этой концепции сосредоточивают свои усилия на доказательствах наличия рабства в Средней Азии этого времени, но наличие рабства как института (и это справедливо) еще не свидетельствует о господстве рабовладельческих отношений и о существовании рабовладельческой формации. А. М. Беленицкий утверждает, что рабство вообще играло в основном роль паразитарного нароста, задерживавшего поступательное развитие социально-экономического строя общества.

Не может не вызвать удивления основной тезис А. М. Беленицкого. Он утверждает, что главным экономическим фактором в процессе классовой дифференциации общества Средней Азии этого времени является наличие отчуждения прибавочного продукта у производящего слоя населения в форме регулярного налога. Практика взимания регулярной подати является и начальной ступенью в сложении института земельного налога — ренты, «который на всем протяжении древней и средневековой истории народов Ближнего Востока, меняясь по названию и по размерам, становится основной формой эксплуатации общинного крестьянства вплоть до нового времени» (стр. 72). При такой постановке вопроса, хочет этого автор или нет, на первый план выступает старая идея полной застойности восточного общества, отсутствия прогресса на протяжении тысячелетий в основной сфере — сфере социальных отношений.

Кроме того, автор подчеркивает, что введение практики регулярной подати начинается в Средней Азии с момента ахеменидского завоевания. Но в таком случае, следуя логике автора, нужно будет сделать и неизбежный вывод: процесс классообразования в Средней Азии — следствие ахеменидского завоевания. Вряд ли кто-нибудь из сегодняшних исследователей Средней Азии сможет согласиться с тем, что классообразование и классовая дифференциация в обществе древней Средней Азии не результат спонтанного развития местного общества, а результат внешних по отношению к данному обществу причин. В связи с этим отметим и внутреннее противоречие в построении А. М. Беленицкого: если главной причиной процесса классообразования выступает практика регулярного налога-дани, начинающаяся только со времени ахеменидского завоевания, то откуда же берется та местная знать, которая, согласно автору, блокируется с завоевателями и используется ими как аппарат для взимания этой самой дани?

С нашей точки зрения, автор явно недооценивает значение греческого завоевания для развития и упрочнения рабовладельческих отношений в Средней Азии. Недавние археологические открытия в Ай-ханум [3], Гекатомпиле [4], Пушкалавати ярко показывают, что столь популярная одно время идея о незначительных масштабах и малом значении греческой колонизации на Среднем Востоке и в Средней Азии в эллинистическую эпоху нуждается в коренном пересмотре. Но поскольку ныне уже невозможно отрицать значительность масштабов греческой колонизации, то отсюда, естественно, следует вывод о том, что в это время в Средней Азии распространялись вместе с греками и античные формы рабства. Можно думать, что массовые обращения в рабов местного населения в ходе завоеваний Александра Македонского (о чем имеются прямые указания в источниках) были одной из примет именно этого явления. Наконец, необходимо отметить, что в последнее время появились прямые и непосредственные свидетельства распространения античных форм рабства в эллинистическую эпоху на территориях, непосредственно граничащих со Средней Азией. Таким документом, например, является манумиссия III в. до н. э. из Гирканнии [5], составленная полностью в соответствии с античными нормами права.

Что касается выводов, сделанных А. М. Беленицким, на основании анализа сообщений Юстина и Плутарха относительно парфянского войска, то с неменьшим основанием, чем это делает автор, сближающий описанное в источниках явление со среднеазиатским гулямством позднего времени, можно допустить, что здесь мы сталкиваемся с некоторыми формами зависимости, не подходящими под определение

---

[3] P. Bernard. Ai-khanum on the Oxus: a Hellenistic City in Central Asia. Proceedings of the British Academy, LIII, London, 1967.

[4] J. Hansman, D. Stronach. Excavations at Shahr-i Qumis, 1967. JRAS, 1970, 1, стр. 29—62.

[5] L. Robert. Inscription hellenistique d'Iran. «Hellenica», XI—XII. Paris, 1960, стр. 85—91; C. B. Welles. The Discovery of Sarapis and the Foundation of Alexandria. «Historia», XI, 3, 1962, стр. 290—293; F. Bömer. Das Privateiqentum eines Sklaven und Seine Freilassung. «Historia», XII, 1963, стр. 510.

«классическое рабство», но широко распространенных в эллинистическое время по всему античному миру [6].

В статье А. К. Абетекова «Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней» проводится мысль о том, что в свете новых материалов, полученных при раскопках ряда поселений, нуждается в пересмотре концепция о чисто кочевническо-скотоводческом характере хозяйства усуней. По мнению автора, «хозяйство усуней надо представлять комплексным скотоводческо-земледельческим».

Интересной представляется статья М. Г. Воробьевой «Археологические памятники Хорезма античного периода как источник для реконструкции социально-экономических процессов». В основе ее лежат наблюдения над динамикой изменений в системе орошения, но особенно в системе расселения и характере жилища от второй четверти I тысячелетия до н. э. до III—IV вв. н. э. Эти изменения автор ставит в связь с ходом социально-экономического развития. Интересно предположение о возможном восстановлении большесемейной общины как общественной и производственной ячейки накануне становления в Хорезме раннефеодальных отношений. Завершается данный раздел статьей Н. Г. Горбуновой «О датировке ферганской керамики с красным ангобом».

В IV разделе («Средневековая археология») интересна статья О. Г. Большакова «Некоторые вопросы изучения среднеазиатского города XIII—XII вв. в свете общей проблематики истории городов Востока». Автор подчеркивает, что нередко еще в трудах археологов-медиевистов археологический материал выступает в роли иллюстрации к положениям, сформулированным на основе изучения письменных источников. О. Г. Большаков усиленно подчеркивает необходимость рассмотрения истории среднеазиатского города на общем фоне исследований «того огромного мира, частью которого была Средняя Азия и который принято называть мусульманским миром». Особенно любопытны его сопоставления городов Средней Азии и городов мусульманской Испании.

В статье «Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв.» В. И. Распопова попыталась решить вопрос о взаимоотношениях города и кочевников Средней Азии, однако отсутствие четкой постановки проблемы лишило внутренней связи все многочисленные и часто интересные наблюдения автора, и в результате читателю остается в общем не ясно, что же хотел доказать автор. Наиболее интересной частью статьи Г. А. Брыкиной «К истории земледельческого населения юго-западных предгорий» являются ее наблюдения над типами поселений и жилищ этого времени.

Статьи, помещенные в V разделе, свидетельствуют о внедрении в среднеазиатскую археологию новых методов естественных и технических наук, хотя этот процесс происходит и медленнее, чем бы хотелось. В целом рецензируемый очень интересный выпуск КСИА удачно отражает состояние археологии Средней Азии и Казахстана, ее успехи и трудности, задачи и проблемы.

Г. А. Кошеленко, Л. П. Хлобыстин

Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Тезисы к совещанию в г. Фрунзе 24—29 ноября 1970 г. Л., 1970, 68 стр. Тираж 500 экз. Цена 10 коп.

В рассматриваемый сборник включены тезисы шести докладов, посвященных методическим вопросам изучения средневековых городов Средней Азии и Казахстана, 18 небольших по объему статей, в которых содержится ценная информация о раскопках средневековых памятников, оставленных оседлым населением, а также пять статей, где затронуты некоторые частные вопросы изучения средневековых городов.

В докладе В. М. Массона «Успехи среднеазиатской археологии в изучении средневекового города» намечено три методических аспекта: «отождествление отдельных памятников и целых регионов со сведениями, содержащимися в письменных источниках»; «выявление динамики развития как отдельных городских организмов с их сложной конкретной историей подъема и упадка, так и целых культурно-исторических областей» и, наконец, исследование поселения, как социального организма. В другом докладе М. Е. Массона («Историко-археологическое обследование средневековых памятников на территории районов древней оседлой культуры Средней Азии и Южного Казахстана») рассматриваются вопросы методики изучения больших исторических общностей и отдельных памятников. Н. Н. Негматов («Из опыта изучения городской жизни Ходжентско-Уструшанского района») рекомендует при изучении средневековых городов Средней Азии «комплексно использовать раскопочные, письменные, этнографические, топонимические и фольклорные материалы». С. Б. Лунина и Г. В. Шишкина рассмотрели вопросы методики раскопок средневековых городов на примере Мерва и Афрасиаба, исследование которых ведется много лет, а Г. А. Федоров-Давыдов дал социальную характеристику и динамику развития Черевского городища (Сарай-Берке, XIV в.), выявившиеся в результате раскопок.

Результаты раскопок на Афрасиабе и территории современного Самарканда описываются в четырех статьях. Я. Г. Гулямов и Ю. Ф. Буряков («Археологические рабо-

[6] К. К. Зельин. Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э. М., 1970.

ты на Афрасиабе в 1969 г.») изложили основные результаты раскопок: обнаружена и вскрыта часть самой древней городской стены Афрасиаба, завершена расчистка стен помещения с росписями во дворце ихшидов VII в., исследуется огромная соборная мечеть Самарканда, существовавшая с IX по XIII вв. Н. И. Крашенникова публикует результаты раскопок жилого квартала IX—X вв. в восточной части Афрасиаба, а Ш. С. Ташходжаев — жилого дома X в. Ю. Ф. Буряков в статье «Изучение самаркандского Регистана в 1969 г.» сообщает о результатах археологического надзора за вскрытием больших площадей в связи со строительными работами на Регистане. Археологами здесь было заложено девять раскопов. Расчищен канал (видимо, отвод от Даргома) шириной до 6 *м*, глубиной более 3 *м*, в нижних слоях которого и по его берегам найдены фрагменты керамики Афрасиаб II—III, а выше — середины I тысячелетия н. э. Канал перестал функционировать в начале XIII в. К XIV в. относятся мастерские кузнеца и ювелира. В последней обнаружено, в частности, более 60 бронзовых сосудов. Другому крупному средневековому городу — Ахсикету, руины которого расположены на территории Узбекской ССР, посвящена статья И. Архарова, который рассматривает вопросы исторической топографии Ахсикета по работам В. В. Бартольда и данным археологических раскопок. Малоубедительны доводы, приводимые автором в пользу существования поселения в античное время.

В. А. Булатова в статье «Археологические работы в рабаде Кувы VII—XIII вв.» очень четко излагает результаты раскопок храма и ряда помещений у его западной стены, а также дает описание находок. Особенно интересны три медных обтяжки для медальонов или пуговиц с оттиснутыми на них изображениями, которые «позволяют предполагать длительное существование эллинистических традиций в искусстве Ферганы» (стр. 24). Работами сотрудников Ташкентского археологического отряда (В. А. Булатовой, Л. Г. Брусенко, Д. П. Вархотовой, Л. Л. Ртвеладзе, Д. Г. Зильпер, М. И. Филанович) уточнены границы, элементы топографии и облик материальной культуры Бинкета — города IX—XI вв., описанного арабскими географами X в. Остатки его находятся на территории «Старого города». Продолжались раскопки городища Минг-Урюк (III—XII вв.), результаты которых изложены в статье Д. Г. Зильпер. По материалам, полученным Ташкентским археологическим отрядом, написана и статья М. И. Филанович «Город и сельские поселения V—XIII вв. на территории «Большого Ташкента».

Изучению средневековых поселений левобережного Хорезма посвящена статья Е. Е. Неразик. Ею были проведены раскопки 16 сельских жилищ, из которых 14 относятся к XII—XIV вв. В статье В. Н. Ягодина публикуются результаты многолетнего изучения городища Курганча (VII—XI вв.) — памятника так называемой «кердерской культуры», локализующейся в восточной части Приаральской дельты Аму-дарьи.

Многолетние и значительные по масштабу работы по изучению памятников средневековья проводятся и на территории Таджикистана. К сожалению, в данном сборнике они представлены всего лишь докладом Н. Н. Негматова, где рассмотрены только памятники изобразительного искусства, найденные при раскопках дворцового комплекса на Калаи Кахкаха в Северном Таджикистане. Н. Н. Негматов дает описание сюжетов настенной живописи и резного обуглившегося дерева, но не приводит датировки ни раскопанного комплекса, ни памятников искусства.

Памятникам развитого средневековья на территории Туркмении посвящены четыре статьи. Е. Атагаррыев публикует результаты раскопок городища Чугундор, на месте которого существовал один из крупных городов средневековья Северного Хорасана. Здесь раскопаны жилые дома XI—XII вв. На территории Мешхед-Мисрианской равнины и Чатского массива обследовано 13 городищ. Наиболее крупное из них — Мадау — датируется по подъемному материалу IX—XIV вв. С. В. Лунина публикует материалы раскопок жилого дома XII — начала XIII в. на городище Султана-Кала в Старом Мерве. Стены некоторых помещений были украшены панелями резного ганча и росписью. О. Оразов сообщил об изучении укреплений городища Старого Серахса (от сасанидского времени до XIX в.). Раскопкам усадьбы XIV—XV вв. у Ак-Йайла на правом берегу русла Узбоя посвящена статья Х. Юсупова.

Больших успехов в изучении средневековых поселений достигли археологи Киргизии, которые в течение ряда лет ведут стационарные раскопки разновременных средневековых городов и поселений, расположенных в различных районах республики. П. Н. Кожемяко в статье «Изучение памятников средневековья в Киргизии» сообщает о раскопках четырех городищ в 1969 г. Городище Садыр-Курган отождествляется с центром добычи серебра Шельджи, упоминаемым в арабских дорожниках. Оно имеет длинные стены и сложную топографическую структуру. Исследовано монументальное дворцовое сооружение X—XII вв. и выявлено, что история цитадели охватывает период с VIII до XV вв. Кроме дворца на цитадели изучены многочисленные производственные и хозяйственные постройки. В результате работ на шахристане получены материалы, свидетельствующие, что металлургическое производство было одним из ведущих занятий горожан. Кроме того, исследовались усадьбы, примыкающие к стенам города. Наличие таких усадеб впервые зарегистрировано для городищ с длинными стенами. В 10 *км* от Садыр-Кургана раскапывалось небольшое городище в районе с. Бешеке. Установлено, что структурно оно «во многом тождественно поселениям с длинными стенами, сложившимися к IX—X вв.» (стр. 40). При раскопках укрепления в местности Отуз-Адыр на участке близ башни-цитадели обнаружена

дворцовая постройка с большим айваном. Стены айвана были украшены росписью и резной панелью из глины. Мотивы резьбы в глине находят аналогии в архитектурном декоре VII—XIII вв.

В Кетмень-Тюбинской долине на городище Акчий раскопано дворцовое здание XIV—XV вв., сложенное из сырцового кирпича, одноэтажное, состоящее из 19 помещений; некоторые из них украшены росписями, резьбой по ганчу и глине, штампованными глиняными плитками. Сообщение о раскопках этого дворца принадлежит Е. З. Зауровой. Средневековому Шельджи посвящена статья В. П. Мокрынина. В. Горячева знакомит читателей с работами на Буранинском городище, где на центральном холме обнаружены развалины дворцового комплекса. Раскопки на Буранинском городище позволяют говорить, что оно относится в основном к X—XII вв., хотя здесь встречены материалы и XIII—XV вв. Ю. Караев вновь поднял вопрос о местонахождении города Баласагун, но не учел при этом статью Клаусона [1].

Основной тезис статьи В. Н. Куренного «Рабады в свете общей проблематики среднеазиатского города VII—XII вв.» заключается в том, что рабады были арабскими колониями. Высказанный в очень категоричной форме, он совершенно необоснован. Остальные положения опираются на этот тезис и поэтому не заслуживают внимания. К. И. Петров в статье «Формирование населения средневековых городов Киргизии» пытается решать вопросы социально-экономической истории Киргизии VIII—XVIII вв., исходя лишь из приблизительных подсчетов площадей, занятых поселениями, и совершенно игнорирует конкретно-исторические факты. Следует отметить, что сборник был выпущен к совещанию, созванному по инициативе Научного совета по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана, посвященному средневековым городам Средней Азии и Казахстана. Статьи, помещенные в нем, отражают основное содержание докладов. Все это несомненно должно было способствовать плодотворному решению вопросов, рассматриваемых на совещании. Жаль только, что в сборнике отсутствуют иллюстрации, хотя в статьях имеются ссылки на них.

В. И. Распопова

«История Самарканда с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», т. I, Ташкент, 1969, 484 стр. Тираж 10 000.

Народы Средней Азии и других республик Советского Союза торжественно отметили знаменательную дату — 2500-летие Самарканда, одного из самых древних городов нашей страны. К юбилейной дате коллектив авторов выпустил двухтомную историю города. Археологические материалы привлечены в первых трех главах I тома.

Книга начинается с рассмотрения материалов о заселении территории города в период верхнего палеолита. В I главе «Древнейшие следы пребывания человека на территории Самарканда» (стр. 21—30) кратко охарактеризованы результаты изучения мустьерской стоянки в самом городе, а также других памятников каменного века и эпохи бронзы, расположенных довольно далеко за его пределами. Некоторое недоумение вызывает построение этой главы, начинающейся с открытия в 1947 г. пещеры Аман-Кутан в 43 *км* от города, хотя известно, что первые каменные орудия на территории города были обнаружены значительно раньше, еще в 1939 г. Написать о палеолитических стоянках и находках в Самарканде было необходимо, но возникает вопрос: оправданно ли выделение особой главы, большая часть которой к тому же, вопреки заголовку, не имеет прямого отношения к территории города?

Возникновение города и ранние этапы его жизни рассмотрены во II главе — «Самарканд в период рабовладельческого общества» (стр. 31—74). Авторы справедливо отмечают, что укрепленные поселения в Средней Азии появляются еще в эпоху поздней бронзы и в качестве примера приводят поселения чустской культуры Ферганы (стр. 32). Однако материалы этого периода в Самарканде пока полностью отсутствуют. Следующий этап развития укрепленных поселений относится к начальной поре рабовладельческого периода и засвидетельствован открытиями на городищах Эйлатан в Фергане и Кюзели-Гыр в Хорезме.

Древнейший слой Афрасиаба — городище древнего Самарканда, по заключению авторов, синхронен указанным выше городищам. Но конкретный археологический материал из Самарканда слишком ограничен и не позволяет представить более определенно облик раннего поселения периода Афрасиаб I и проследить процесс возникновения древнего города. История Самарканда в этой главе излагается на широком фоне исторических событий в Согде в целом.

На основе археологических материалов написаны три из пяти разделов второй главы. В первом из них помимо вопроса о возникновении города приведена археологическая периодизация городища Афрасиаб, разработанная еще А. И. Тереножкиным. И затем авторы утверждают следующее: «Дальнейшие работы подтвердили последовательность выявленных им слоев, но в то же время позволили дополнить, а иногда и изменить характеристику и датировку отдельных периодов» (стр. 34). Однако какие конкретно были сделаны изменения, осталось читателю неизвестным. Всего только на пяти страницах (стр. 35—39) излагается развитие города в течение более тысячи

[1] G. Clauson. Ak Beshim-Suyab. IRAS, 1961, стр. 1—13.

лет — с середины I тысячелетия до н. э. во VI—VII вв. н. э. При таком объеме не удалось дать развернутой и сколько-нибудь полной истории города. Не приведено каких-либо данных о существовании поселения на территории Самарканда в VIII—VII вв. до н. э. Самое раннее поселение относится к VI в. до н. э. (стр. 32), и поэтому не понятно, почему в периодизации на стр. 8 выделен первый ранний период. Принципиально неверно объединение в один период древнего и феодального этапов истории города — от VI—IV вв. до н. э. до XIII в. н. э. И совершенно естественно, что при дальнейшем изложении этот период был подразделен и рассматривается отдельно в главах II, III и IV.

Во II главе большой интерес вызывает раздел, посвященный водоснабжению древнего города. В результате археологических исследований удалось установить древнюю ирригационную систему Самарканда и наметить три этапа ее развития. На стр. 43 дана схема ирригации одного из этих этапов — первых веков до н. э.— первых веков н. э. Кстати, эти схемы, а также схема ирригации на стр. 120 являются единственными графическими иллюстрациями для всего древнего и средневекового периодов.

Ряд вопросов возникает при ознакомлении с пятым разделом «Архитектура, искусство, религия». Авторы начинают с изложения своей периодизации: древнесогдийский период — VI—IV вв. до н. э., согдийско-эллинистический — III—I вв. до н. э. и согдийско-кангюйский — I—IV вв. н. э. (стр. 68). В ней отсутствует кушанский период, о котором говорится в других разделах главы. Об архитектуре первого периода вообще не приходится говорить ввиду полного отсутствия данных. Мало материалов и по искусству этого периода — две геммы и некоторое количество терракот. Их явно недостаточно для каких-либо обобщающих заключений.

Авторы пытаются выделить два направления, два стиля в искусстве: «Из них первое можно охарактеризовать как «мифологический реализм», свойственный искусству оседлых земледельческих народов, второе близко к памятникам «звериного стиля», больше известно в искусстве народов скотоводческой степи» (стр. 69). И при этом никаких иллюстраций. Остается непонятным, к какому стилю следует отнести гемму, изображенную на стр. 37 (кстати, с опечаткой в подписи).

В главе III «Самарканд в эпоху раннего феодализма» основное место занимает изложение исторических событий периода экспансии сасанидского Ирана, захвата города арабами и становления местной династии Саманидов. Особый раздел посвящен водоснабжению города в VIII—XII вв. Он написан с широким привлечением археологических данных. Публикуется схема ирригации (стр. 120) и реконструкция акведука X в. (стр. 122). В разделе «Религия, культура и искусство» наибольший интерес представляет описание, а также искусствоведческий и исторический анализ замечательной настенной живописи VII в., недавно открытой на Афрасиабе и получившей уже широкую известность.

В целом довольно хорошо показан высокий уровень развития культуры и искусства Согда рассматриваемого периода.

Следующие главы построены преимущественно на сведениях письменных источников. Так, в главе IV «Самарканд в период развития феодализма», охватывающей период IX—XIII вв., есть упоминание о развитии квартала гончаров X в. (стр. 154) и совершенно ничего не сказано о знаменитой поливной посуде Афрасиаба, хотя на стр. 107, 110, 116, 128 имеются их изображения.

В главе V «Самарканд конца XIV—XV вв.» приведены результаты исследования погребений тимуридов (стр. 196) и известной обсерватории Улугбека (стр. 203, 219—221). Здесь же на стр. 165 опубликована единственная в книге схема города XIV—XV вв.

Оценивая первый том «Истории Самарканда», следует признать, что в нем дано довольно яркое представление об истории и культуре города в средние века и в более поздние эпохи, но очень слабо отражены ранние периоды. В краткой рецензии нет возможности остановиться на спорных заключениях и отдельных неточностях и ошибках. Отметим лишь малочисленность иллюстраций, которые никак не связаны с текстом и даже не пронумерованы. Нет общего плана городища Афрасиаб. Следует также отметить несогласованность текстов в разделах, написанных разными авторами. Особенно это заметно в вопросе периодизации истории города. Издание книги, как сказано в аннотации, рассчитано на широкий круг читателей. Ознакомление с ней приводит нас к выводу, что создание фундаментальной, подлинно научной истории города Самарканда все еще остается почетной задачей археологов и историков, прежде всего Узбекистана.

Ю. А. Заднепровский

G. S. Frumkin. Archaeology in Soviet Central Asia. Leiden, Brill, 1970.

В последние годы археологические изыскания в Средней Азии и Казахстане получают все больший международный резонанс. В зарубежных изданиях появляются переводы работ советских ученых, публикуются рецензии, тематические и региональные обзоры. Теперь без учета среднеазиатских материалов практически невозможно глубокое и всестороннее изучение древней и средневековой истории Азиатского материка. Поэтому неудивительно, что крупнейшее международное издательство востоко-

ведческой литературы выпустило обзорную книгу по среднеазиатской археологии. Ее автор Г. С. Фрумкин уже давно и систематически выступает в печати с рецензиями и обзорами по этой тематике. Рассматриваемая работа представляет собой объемистую книгу, снабженную обширной библиографией (стр. 159—207) и неплохо иллюстрированную (68 таблиц, 19 карт и 39 рисунков в тексте). По своему жанру она представляет информационно-библиографический обзор, призванный, как это неоднократно отмечает и сам составитель (стр. 10, 158), ознакомить читателей с достижениями советской археологии. При этом полнота обзора находится в естественной зависимости от степени освещения соответствующих проблем в печати и доступности советских изданий за рубежом. Правда, надо отдать должное Г. С. Фрумкину в том, что он приложил значительные усилия для получения местных публикаций.

Исходные позиции автора и его отношение к излагаемому материалу определены во «Введении» (стр. 1—10). Г. С. Фрумкин высоко оценивает степень подготовки советских ученых, считая, что среди них есть бесспорные исследователи международного класса (стр. 2), неоднократно отмечает огромные достижения среднеазиатской археологии, пытается разобраться в идеологических позициях советских археологов без предвзятого противостояния, которое широко распространено на Западе и которого в свое время не избежал сам Г. С. Фрумкин [1].

Он высоко оценивает систему археологических работ на новостройках (rescue operation) и практику организации комплексных археологических экспедиций с участием ученых разных специальностей. «Западные страны,— читаем мы во введении,— могут позавидовать Советскому Союзу в этом отношении» (стр. 3).

Основной текст рецензируемой книги подразделен на семь глав. Шесть из них региональные (Казахстан, Киргизия и Фергана, Таджикистан, Хорезм и прилегающие области, Узбекистан, Туркмения) и одна тематическая (Кушанская империя). Изложение внутри соответствующих разделов, как правило, также построено по географическим областям, которым, правда, иногда предшествуют исторические очерки, как, например, в главе о Киргизии. Хронологически изложение заканчивается арабским нашествием, оставляя практически в стороне значительные достижения среднеазиатской археологической медиевистики. Некоторое исключение сделано почему-то лишь для Киргизии (стр. 36, 38) и частично для Хорезма (стр. 91).

Такое ограничение имело место и в книге Л. ван ден Берга по археологии Ирана, но там это нашло отражение и в самом заглавии работы [2].

В главе, посвященной Казахстану (стр. 11—27), имеется отдельная информация о памятниках каменного века, а комплексы эпохи бронзы и раннего железа рассматриваются последовательно по пяти географическим регионам (Центральный Казахстан, Восточный, Северный, Западный и Южный). В связи с изложением общих вопросов упоминается дискуссия о происхождении скифского искусства. В особый параграф вынесены сведения о наскальных изображениях. К сожалению, осталось неупомянутым такое важнейшее достижение казахстанских археологов, как издание археологической карты республики [3]. Много места уделено рассмотрению памятников Киргизии и Ферганской долины (гл. II, стр. 28—53). Здесь порайонному обзору предшествует краткий очерк отдельных исторических периодов с уделением особого внимания вопросу о гуннах и соответствующим точкам зрения советских исследователей (стр. 31—34). Как и в главе о Казахстане, в отдельный раздел выделены сведения о наскальных изображениях с дополнением в виде параграфа о каменных бабах, где, в частности, упоминается имевшая место дискуссия об их назначении (стр. 47). Библиографию по Киргизии следовало бы дополнить сохраняющей свое значение статьей, впервые поставившей вопрос о памятниках усуней [4].

Небольшая обзорная глава носит заглавие «Исторический экскурс: Кушанская империя» (стр. 49—53). Здесь дается характеристика некоторых вопросов истории и истории культуры, встающих в связи с «кушанской проблемой», и характеризуются соответствующие точки зрения советских ученых. Вероятно, именно в этой главе следовало бы упомянуть и о работах советских исследователей по кушанскому искусству. Приложенная карта Кушанской империи включает в ее состав, в частности, Хорезм, в чем нет полной уверенности [5].

Работа над главой, посвященной Таджикистану (стр. 54, 81), безусловно была во многом облегчена хорошо поставленной системой публикаций в этой республике, которая лишь в 1969—1970 гг. претерпела печальный перерыв. Структура этой главы близка разделу о Казахстане: особый параграф о каменном веке, за которым следуют порайонные характеристики. Большое внимание уделено памятникам Северо-Восточной Бактрии и Пенджикенту. Разработанная стратиграфия Северной Бактрии используется французскими археологами при работах в Балхе и на Ай-Ханум (стр. 81).

---

[1] G. S. Frumkin. Archaeology in Soviet Central Asia and its Ideological Background. «Central Asian Review», X, 4, 1968.

[2] L. van den Berghe. L'archaeologie de l'Iran ancienne. Leiden, 1966.

[3] С. С. Черников. Рец.: Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960. СА, 1963, 1.

[4] М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, 3.

[5] В. М. Массон. Хорезм и кушаны. ЭВ, XVII, 1966.

К сожалению, при рассмотрении Северного Таджикистана остался неупомянутым Шахристан, где обнаружены великолепные памятники искусства, во многом не уступающие более прославленному Пенджикенту [6]. Библиография этой главы достаточно полная. Можно лишь добавить, что кроме А. Н. Бернштама и Б. А. Литвинского сакские могильники Памира исследовал А. Д. Бабаев [7].

Специальная глава уделена памятникам Хорезма (стр. 81—106). Здесь дан краткий очерк исторических периодов, включая феодальную эпоху, а затем кратко охарактеризованы основные памятники по трем областям: левобережный Хорезм, правобережный Хорезм и восточное Приаралье. Г. С. Фрумкин отмечает, что постановка советскими учеными широкой исторической проблематики является блестящим примером масштабных исследований, ведущихся с позиций марксизма (стр. 105).

В следующей главе (стр. 107—127) достаточно подробно охарактеризованы другие области Узбекистана, причем особенное внимание уделено наиболее ярким памятникам искусства (Халчаян, Балалык-Тепе, Афрасиаб, Варахша). Упоминаются также важные работы О. В. Обельченко по изучению древних кочевых племен в Бухарском оазисе (стр. 121), хотя не отмечено, что теперь эти исследования распространены и на самаркандский Согд [8]. Из библиографических лакун отметим отсутствие в списке литературы монографии, посвященной первобытной археологии Бухарского оазиса [9].

Наконец, последняя глава содержит обзор памятников Туркмении (стр. 128—158). В кратком введении Г. С. Фрумкин подчеркивает особое значение работ ЮТАКЭ. «Четырнадцать объемистых и тщательно выполненных томов трудов ЮТАКЭ,—пишет он,— представляют собой изумительный научный рекорд исследования и интерпретации» (стр. 128). Основное внимание уделено двум темам: изучению раннеземледельческих памятников и исследованию парфянской культуры. Последним автор придает особенно большое значение и сожалеет о языковом барьере, осложняющем их широкое использование учеными Запада (стр. 153).

Таково краткое содержание этой полезной и нужной книги. Нельзя не признать, что Г. С. Фрумкин проделал большую и трудоемкую работу. Естественно, что при широком хронологическом охвате автор не мог с полной степенью профессионализма судить о памятниках всех рассматриваемых им периодов. В данной книге Г. С. Фрумкину более удались разделы, посвященные античной эпохе, особенно в связи с памятниками искусства. Более слабо выглядят обзоры комплексов первобытной эпохи. Вряд ли правомерно приложение термина «цивилизация» к памятникам андроновского типа (стр. 30), а тем более каменного века (стр. 55). Находясь в зависимости от источника информации, Г. С. Фрумкин подробно перечисляет палеолитические местонахождения Таджикистана (стр. 58). Однако большее значение для каменного века Средней Азии имеют не эти пункты, в большинстве своем лишенные культурного слоя, а такие яркие комплексы, не упомянутые Г. С. Фрумкиным, как Самаркандская стоянка [10], пещера Оби-Рахмат [11] и многослойная стоянка Куль-Булак [12]. Не приходится говорить о палеолитическом возрасте каких-либо наскальных изображений Средней Азии, будь то Зараук-камар (стр. 108) или Шахты (стр. 61).

В своей книге Г. С. Фрумкин неоднократно упоминает о так называемой арийской проблеме, подчеркивая важность в этой связи изучения скотоводческих культур эпохи бронзы Казахстана и Средней Азии (стр. 26—27, 48, 67—70). В общей форме такое заключение безусловно справедливо. Однако пока еще далеко до конкретного отождествления каких-либо групп индо-иранских племен II тысячелетия до н. э. с археологическими комплексами и памятниками. Как показывают новые исследования лингвистов, где-то в первой половине II тысячелетия до н. э. к северо-востоку от Месопотамии миттанийская группа хурритов вступила в контакт с группой общеиндо-иран-

---

[6] Н. Н. Негматов, С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан. Душанбе. 1966; Н. Н. Негматов. Эмблема Рима в живописи Уструшаны. Изв. АН ТаджССР. Отд. общ. иск., 2 (52). Душанбе, 1958.

[7] А. Д. Бабаев. Могильник Чильхона — памятник сакской культуры на Западном Памире. Изв. АН ТаджССР. Отд. общ. иск., 3 (53). Душанбе, 1968.

[8] О. В. Обельченко. Сазаганские курганы. ИМКУ, вып. 7. Ташкент, 1966; его же. Миранкульские курганы. ИМКУ, 8. Ташкент, 1969.

[9] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.

[10] Д. Н. Лев. Поселение древнекаменного века в Самарканде. Исследования 1958—1960 гг. Труды Сам. ГУ, нов. сер., 135. Самарканд, 1964; его же. Некоторые итоги археологических исследований Самаркандского госуниверситета в 1965 году. Труды Сам. ГУ, нов. сер., 166. Самарканд, 1967.

[11] Р. Х. Сулейманов. Характер развития одной из локальных ветвей эволюции кремневой индустрии. ИМКУ, 7. Ташкент, 1966; его же. Грот Оби-Рахмат и опыт математико-статистического изучения обирахматской культуры. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1968; его же. Abi-Rakhmat Rock Shelter in Uzbekistan. Russian Translation Series Peabody Museum. Harvard University, 1, 1966.

[12] М. Р. Косымов. Исследование многослойной палеолитической стоянки Куль-Будак. АО — 1968, М., 1969; его же. Памятники каменного века в форме Аигрена. ОНУ, 1967, 2.

ских племен, оторвавшейся от общего массива, продвигавшегося в сторону Индии [13]. Из комплексов типа степной бронзы в Средней Азии к столь раннему времени относится лишь культура Заман-баба, к сожалению, не нашедшая должного отражения в книге Г. С. Фрумкина (см. стр. 121 и карту 3). При подобной хронологии наиболее ранние погребения Юго-Западного Таджикистана эпохи бронзы с обрядом трупосожжения (ср. стр. 68) могли быть связаны лишь с завершающими этапами продвижения индоязычных племен. Во второй половине II тысячелетия до н. э. отмечается появление в Средней Азии носителей срубной и андроновской культур. В какой мере эти явления связаны с передвижениями индоиранских (возможно, уже только иранских) племен, пока трудно сказать. Представляется, что с определенными основаниями можно попытаться идти от известного к неизвестному, имея в виду бесспорный факт наличия в большинстве оседлых областей Средней Азии первой половины I тысячелетия до н. э. народов, говоривших на языках восточноиранских диалектов. Условной границей между ними и носителями западноиранских диалектов лингвисты традиционно считают пустыню Деште-Кевир [14]. Между тем в середине I тысячелетия до н. э. мы наблюдали поразительное культурное единство Парфии, Маргианы, Хорезма, Согда и Бактрии [15]. Вполне естественно заключить, что перед нами одно из проявлений этнической общности восточноиранских племен, прочно перешедших к оседлому образу жизни. Как будто удается проследить линии связи этой культуры с комплексами типа Яз-Депе I, распространенными также в Парфии, Северной Бактрии и к югу от Аму-дарьи. Не исключено, что комплексы с лепной расписной керамикой типа Яз I, чье влияние можно проследить и в Южном Афганистане в слое Мундигак VI [16], также характеризуют восточноиранскую этническую общность, но для более раннего периода (конец II — первая треть I тысячелетия) до н. э. Все это лишний раз подтверждает необходимость комплексного рассмотрения археологических памятников Средней Азии, Ирана и Афганистана.

Издание на английском языке книги Г. С. Фрумкина безусловно будет способствовать большему знакомству западных исследователей с достижениями советской археологии. Г. С. Фрумкин отмечает, что советские ученые, как правило, хорошо знакомы с исследованиями своих западных коллег (стр. 157). Можно полностью согласиться с автором рассматриваемой книги, что данный обзор поможет западным читателям судить о работах, ведущихся советскими учеными, и удостовериться, сидят ли они в замкнутой изоляции в «башне из слоновой кости» или нет (стр. 158).

Каракумские древности, вып. III. Ашхабад, 1970, 248 стр.

Рецензируемый выпуск «Каракумских древностей» является в значительной степени итоговым; этим объясняется и его больший объем по сравнению с предыдущими, и его тематическая насыщенность.

Первая группа статей относится к неолитической тематике. Ее открывает статья О. К. Бердыева «Некоторые результаты изучения древнеземледельческих поселений» (стр. 14—32), где автор кратко характеризует раскопки поселения Песседжик-Депе в 1969 г. и подводит общие итоги трехлетних работ на памятниках неолитического времени в Южной Туркмении. Прежде всего следует отметить выдающееся открытие — остатки сюжетной стенной росписи в здании общинного дома на Песседжик-Депе. Столь же важным надо считать результат вскрытия полностью верхнего слоя этого поселения: все жилые дома принадлежат к одной группе построек с восточной ориентацией входа (северной ориентацией очага) и с внутренней красной (когда это улавливалось) раскраской. Разведочные раскопки на Тоголок-Депе, расположенном в 2 *км* юго-восточнее Песседжик-депе, показали иную ориентацию жилищ, одно это может служить основанием, чтобы выдвинуть предположение, что население одновременно существовавших названных поселений образовывало дуальную хозяйственно-брачную систему. Несколько искусственной представляется нам поэтому гипотеза автора статьи, что жители Тоголок-Депе, покинув свое поселение, переселились в район Бами и основали там два новых поселка. Население действительно могло уйти, но расстояние (около 130 *км*) кажется нам слишком большим для такого путешествия, так как пригодные для жизни места можно было найти гораздо ближе. Да и причину оставления Песседжик-Депе и Тоголок-Депе автор рассматривает несколько модернистски, считая, что население лежащего выше по течению Секиз-Яба Чопан-Депе настолько разрослось, что стало всю воду забирать для орошения своих полей; в то время воды было много, а население Чопан-Депе не могло обработать земли больше, чем находилось в его окрестностях,— поэтому выдвинутая автором причина представляется нам недостаточно обоснованной.

---

[13] И. М. Дьяконов. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа. ВДИ, 1970, 4, стр. 59.

[14] П. М. Оранский. Иранские языки. М., 1963, стр. 37.

[15] В. М. Массон. Древнеземледельческие культуры Маргианы. МИА, 78, 1959, стр. 62. В библиографии Г. С. Фрумкина остался не отмеченным обзор этой книги, данный Р. М. Гиршманом.

[16] V. Masson, V. Sarianidy. Afghanistan in the Ancient East. Afghanistan, 1969, 2, стр. IX.

Ю. Е. Березкин («Опыт классификации джейтунской керамики с использованием простейших статистических методов», стр. 143—150) поставил целью разобраться в довольно аморфной неолитической керамике с поселения Джейтун и, как мне представляется, успешно справился с поставленной задачей. Более того, примененная автором методика весьма перспективна для обработки материала других памятников, поскольку позволит установить их относительную хронологию.

Статья Г. Ф. Коробковой «Каменная индустрия Песседжик-Депе и ее среднеазиатские параллели» (стр. 151—165) посвящена анализу производственного инвентаря поселения по следам его сработанности. Автор отмечает яркое сходство кремневой индустрии Песседжик-Депе с поздними комплексами соседних поселений — Чопан-Депе и Тоголок-Депе; это может, по ее мнению, указывать на принадлежность населения этих поселков к одному племени. Рассматривая неолитическую индустрию подгорной полосы Копет-дага на фоне всей Средней Азии, Г. Ф. Коробкова опять поднимает вопрос о происхождении кельтеминарской и джейтунской неолитических культур. Что касается первой, то можно полностью согласиться с точкой зрения автора, что ее истоки следует искать в прикаспийском мезолите зарзийского типа. Относительно второй автор выдвигает предположение (уже высказывавшееся им ранее), что «раннеземледельческая культура Джейтуна обязана своим происхождением, по-видимому, местному мезолитическому пласту, выросшему на базе местного прикаспийского палеолита типа IX слоя Дам-Дам-Чешме II и Сенека» (стр. 164). С такой трактовкой можно согласиться, если ареал названного мезолитического пласта распространить также на Туркмено-Хорасанские горы; хотя он там до сих пор не обнаружен, трудно представить себе какое-либо другое место, где предджейтунцы могли освоить злаки и скот, прежде чем спуститься на подгорную равнину, причем не только на север, но и на юг, где они засвидетельствованы раскопками на Ярим-Тепе (Иран) в долине Горгана [1].

А. В. Виноградов и В. В. Шолохов («Новые данные о неолите Западной Туркмении», стр. 237—243) знакомят читателя с результатами разведки на плато Устюрт. Пунктов пока обнаружено немного, но общая перспективность работ в этом труднодоступном районе Средней Азии очевидна.

Найденные предметы, по мнению авторов, могут быть отнесены к III тысячелетию до н. э.

Следующим хронологическим этапом, которому посвящена другая группа статей, является эпоха бронзы и раннего железа. Статья А. Я. Щетенко «Раскопки мелких поселений эпохи бронзы» (стр. 33—50) рассказывает о результатах исследования поселения Шор-Депе у Баба-Дурмаза. В 1967 г. стратиграфический шурф выяснил, что культурные слои холма состоят из 9 строительных горизонтов, которые укладываются в отрезок времени от позднего Намазга IV до раннего Намазга V. Из раскопок 1969 г. следует отметить керамический горн в третьем строительном горизонте, который своей конструкцией продолжает традицию керамических горнов поселений Геоксюрского оазиса энеолитического времени. И там они разделены на две разновысокие и неодинаковые по площади части, из которых более низкая служила топкой, а большая и более высокая — обжигательной камерой; стенка предохраняла изделия от непосредственного воздействия огня [2]. Набор находок на раскопе обычен для времени Намазга I; поселение существовало, по мнению автора, примерно на рубеже III и II тысячелетий до н. э.

И. Масимовым — автором статьи «Раскопки ремесленного квартала эпохи бронзы на поселении Алтын-Депе» (стр. 51—63) были вскрыты остатки четырех керамических печей и примыкающие к ним помещения. Печи имели вертикальное расположение топки и камеры (круглые со срединным подпорным столбом) и горизонтальное. Особенно интересно то, что были обнаружены поддувала, до сих пор неизвестные в сооружениях подобного рода. Пока у нас мало данных, чтобы полностью согласиться с мнением автора, что в одной из печей обжиг производился в двух ярусах: в обжигательной и в топочной камерах. Найденный при раскопках материал служит прекрасной иллюстрацией уровня материальной и духовной культуры населения Алтын-Депе времени позднего Намазга V.

Третьим объектом полевых работ в зоне Каракумского канала явилось Яссы-Депе у Баба-Дурмаза, о чем повествует статья Г. Гутлыева «Работы на поселении раннежелезного века Яссы-Депе у Баба-Дурмаза» (стр. 64—71). Памятник расположен в 3 *км* к северу от средневекового городища Чугундор и имеет прямоугольную форму. Керамический материал относится ко времени Яз I, что позволило автору датировать исследуемый памятник в целом первой половиной I тысячелетия до н. э.

Н. М. Ермолова («Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении», стр. 205—232) характеризует остеологический материал с поселений разных эпох. К бесспорно местным животным автор относит овец, коз и свинью (последняя встречена редко, но ее остатки принадлежат домашней форме вида). Кулан, по мнению автора, мог играть роль полудомашнего жи-

---

[1] В. И. Сарианиди. Древние связи Южного Туркменистана и Северного Ирана. СА, 1970, 4, стр. 21—22.

[2] И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.— Л., 1969, стр. 120—123.

вотного, которое впоследствии было вытеснено лошадью, ареал одомашнения которой лежал севернее. Крупный рогатый скот, по ее мнению, также нельзя выводить из местных пород, поскольку среди костных остатков не встречается его дикая форма; наиболее ранние остатки крупного рогатого скота относятся к энеолиту, ко времени Намазга II. В заключение хочется отметить очень важный факт, вытекающий из того, что кости овец не меняются в течение тысячелетий. «Стабильность породы,— по мнению автора,— обусловлена одинаковыми условиями существования овец в Туркмении на протяжении 2000 лет и отсутствием интродукции этих животных из других районов. Если считать Туркмению очагом доместикации местного ovis orientalis, а к этому склонны многие исследователи, то естественно, что вывезенные отсюда овцы должны изменяться, так как они попадают в иные условия существования, а местная популяция остается более консервативной» (стр. 221).

Маленькая заметка Д. В. Наумова «Химический состав некоторых бронзовых предметов Южного Туркменистана» (стр. 244—245) посвящена анализу двух булавок и двух печатей эпохи бронзы. Обнаружено, что основной присадкой к меди было не олово, а мышьяк или свинец.

Три статьи сборника рассказывают об исследованиях на Мешеди-Мисрианской равнине. Е. Атагаррыев и Г. Н. Лисицына («Работы над составлением археологической карты Мешеди-Мисрианской равнины — Чатского массива», стр. 166—183) обследовали осенью 1969 г. огромную территорию и выявили 103 памятника от времени архаического Дахистана (эпоха бронзы) до средневековья. Основной упор сделан на описание средневековых памятников. Наиболее ценен каталог обнаруженных памятников, напечатанный в качестве приложения к статье.

Керамика архаического Дахистана, добытая как при стратиграфической шурфовке поселений Чиалык-Депе и Тильки-Депе, так и сборами подъемного материала с остальных 18 памятников этого времени, легла в основу статьи Л. В. Прищепенко и О. С. Шапошниковой «Новые материалы для изучения керамики архаического Дахистана» (стр. 184—194). Авторы провели ее предварительную классификацию и определили круг аналогий в памятниках Ирана. Металлические изделия из этого же культурного ареала стали темой исследования Ф. Г. Комаровской и С. А. Панарина («Химический состав металлических изделий из памятников архаического Дахистана», стр. 195—202). Авторы сравнили результаты проведенных анализов с анализами металла из других зон Средней Азии, прежде всего с маргианским и ферганским (Хакский клад); это позволило высказать предположение, что сырье для всех этих мест происходило из разных пунктов Восточного Ирана.

Особенно интересна группа статей, посвященная парфянскому и раннесасанидскому времени в Южной Туркмении. В. Н. Пилипко («Раскопки парфянского сельского поселения в местности Гаррыкяриз (Парфиена)», стр. 72—88) рассказывает об исследовании групп сооружений, комплекс которых можно принять за остатки сельской усадьбы парфянского времени, но возникновение их относится к предыдущему, ахеменидскому времени. Надо надеяться, что работы в этом интереснейшем комплексе будут продолжены. В связи с этим хочется внести одну существенную поправку; исследуемый комплекс нельзя локализовать в античной Парфиене. В «Дорожнике» Исидора Харакского значится: «Затем Парфиена, 25 схойн, в ней долина и город Парфавниса, 6 схойн, там царские могилы; греки называют ее Нисой». Таким образом, Ниса находится восточнее пограничной линии между Астауеной и Парфиеной — в 6 схойнах, или 33 *км*. Если мы отложим это расстояние на карте, то установим, что граница двух названных областей проходит в районе современного населенного пункта Геок-Тепе; все, что расположено западнее, принадлежало Астауене.

Другой комплекс сооружений парфянского времени, который авторы раскопок (А. Губаев, Г. А. Кошеленко «Исследование парфянского святилища Мансур-Депе и раннесредневекового замка Ак-Депе», стр. 89—104) считают остатками святилища, расположен действительно в Парфиене, в окрестностях Нисы. Авторы получили возможность составить ситуационный план всего комплекса, но несмотря на это его изучение еще далеко от завершения. Следует попытаться определить древнее название исследуемого объекта, используя для этого архив хозяйственных документов из Нисы, в котором этот памятник мог быть назван, и его останется только опознать. В святилище были обнаружены следы росписи стен, реставрации и консервации которых посвящена заметка Л. А. Лелекова и Ю. А. Рузавина («Экспериментальные реставрационные работы 1969 г. на Мансур-Депе», стр. 203—204).

В той же статье (А. Губаев, Г. А. Кошеленко) подводятся итоги археологического изучения сасанидского замка на холме Ак-Депе у Артыка. Теперь стало возможным говорить о нескольких этапах жизни памятника, первый из которых относится к античному времени. На его развалинах и был сооружен замок с башнями, погибший затем в результате какой-то катастрофы. Среди большого числа разнообразных находок следует отметить серию булл; сюжетам изображений из них и проблемам их консервации посвящена специальная заметка А. Губаева и Л. А. Лелекова «Буллы сасанидского периода из Ак-Депе» (стр. 105—107).

Сведения об античных памятниках содержатся и в статье О. Оразова «Некоторые итоги археологических исследований памятников Серахского оазиса» (стр. 123—132). Автор пишет, что освоение оазиса в целом нужно относить к VII—VI вв. до н. э.; в это время существовало крупное поселение на месте Старого Серахса и еще

в ряде пунктов. Некоторая динамика наблюдается в античное время, а расцвет жизни в оазисе приходится на эпоху Сасанидов. Основной объем статьи посвящен изложению результатов раскопок на средневековом городище Старого Серахса, где автору удалось выяснить многие особенности в облике оборонительных сооружений цитадели и шахристана. Неудачным местом выглядит привлечение к памятникам Серахсского оазиса геродотовой легенды о р. Акес (стр. 130), которую, с нашей точки зрения, следует отождествлять не с Тедженом, а с Атреком.

Статья Х. Юсупова «Развалины рабата Тансыклы-Депе (к вопросу о трассе южного отрезка пути Хорезм — Иран Хамдаллаха Казвини)» (стр. 133—136) переносит нас в Юго-Западную Туркмению. На малоизученном отрезке пути XIV в. автору удалось найти раззалины караван-сарая этого времени, которые он склонен считать одной из станций, названной Х. Казвини.

Е. Атагаррыев статьей «Результаты раскопок на городище Чугундор (1967—1969 гг.)» (стр. 108—122) вводит в научный оборот значительный археологический материал, в основном XI—XII вв. Он характеризует многие стороны жизни этого крупного населенного пункта, который исследователи склонны отождествлять с рабатом Куфеном. Хронологически сюда примыкает заметка Ю. Л. Щаповой «Результаты спектрального анализа глазурей на керамике с городища Шехр-Ислам» (стр. 233—236).

Последней статьей на средневековую тематику является работа Т. Ходжаниязова «К вопросу о начале монетной чеканки в государстве Великих Сельджуков» (стр. 137—142). Дав краткую историю возникновения этого государства, автор показывает эволюцию титулатуры Тогрул-бека и приводит несколько других тонких наблюдений.

Рецензируемый сборник следует рассматривать как книгу, которая не относится к категории однодневок. Несмотря на отдельные замечания, появление таких сборников следует только приветствовать. Хочется пожелать, чтобы подобные сборники продолжали оперативно знакомить научную общественность страны с важными и нужными археологическими исследованиями в Туркменской ССР.

И. Н. Хлопин

В. М. Массон, **«Раскопки на Алтын-Депе в 1969 г.». Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции**, вып. 3. Ашхабад, 1970.

Обычно рецензентов привлекают объемистые монументальные издания, отражающие результаты многолетних исследований. В данном случае рецензируемая работа представляет собой всего лишь брошюру в 2,5 печатных листа, посвященную предварительной публикации материалов, полученных при раскопках последнего года. И именно поэтому она заслуживает особого внимания. Следует приветствовать инициативу В. М. Массона наладить немедленное издание результатов новых раскопок. Значение публикаций такого рода, как мне представляется, будет состоять в том, что они, во-первых, приведут к большему соответствию имеющейся на современном этапе источниковедческой базы с конструируемыми историческими построениями; во-вторых, позволят сразу же развернуть открытую дискуссию по поводу спорных моментов, что даст возможность провести в ближайшем сезоне дополнительные полевые исследования для проверки выдвинутых гипотез.

В рецензируемой работе В. М. Массон проявил большую осторожность и постарался избежать поспешных заключений, которые в дальнейшем могли бы оказаться столь же заманчивыми, сколь рискованными.

Публикация содержит характеристику результатов работ 1969 г.— пятого сезона исследований ЮТАКЭ на Алтын-Депе. Первый раздел посвящен описанию основных объектов работ 1969 г. Одним из достижений ЮТАКЭ было выяснение истории градостроительства. На раскопе 5, заложенном на территории жилого квартала, установлено, что на Алтын-Депе отсутствовала регулярная застройка по заранее намеченному плану, а улицы города стихийно прокладывались в результате неодновременного возведения многокомнатных жилых домов.

Работами на раскопе 8 было установлено, что первоначально смыкающиеся стены домов, расположенных на краю поселения, образовывали его обводную стену, а затем было создано более сложное фортификационное сооружение.

Большой интерес для истории градостроительства представляют раскопки «дома вождя» (раскоп 9), имеющего, в отличие от рядовых домов, правильную планировку. Но несомненно наиболее важными явились работы на раскопе 7, где уже несколько лет исследуется монументальное культовое сооружение в виде четырехступенчатой башни с основанием в 21 *м*. Сопоставляя это здание с зиккуратами Месопотамии, В. М. Массон приходит к справедливому, на наш взгляд, выводу, что в силу ограниченных ресурсов алтынского общества это здание явилось лишь скромным подражанием величественным месопотамским репрезентативным комплексам. Для изучения уровня развития производительных сил южнотуркменских земледельцев большое значение имеют работы в «квартале гончаров», где, в частности, вскрыты два керамических горна (раскоп 10).

Очень своевременна проводимая по инициативе В. М. Массона на Алтын-Депе работа по установлению терминологического единообразия и статистической оценке материалов. ЮТАКЭ разработана единая схема распределения керамики типа Намазга V на четыре группы, в основном по цвету черепка, но также и по составу теста. Однако мне кажется, что проведенное объединение в группы по неоднозначным признакам является не вполне удачным, так как при типологической классификации признаки должны избираться по одному принципу на одном уровне (по назначению, по форме, по тесту, по цвету черепка, по цвету поверхности) [1].

Не вполне убедительно выглядит и приведенное на стр. 12 процентное распределение керамики по четырем группам для каждого раскопа, поскольку некоторые выборки слишком нерепрезентативны (например, всего 39 венчиков на раскопе 5). Несомненно, что накопление новых серий материалов и дальнейшее совершенствование методики статистической обработки позволят преодолеть некоторые недочеты [2].

Заключительный раздел работы В. М. Массона посвящен стратиграфии, хронологии и исторической интерпретации полученных новых данных. В результате работ на Алтын-Депе удалось реконструировать динамику развития этого поселения: возникнув в геоксюровскую эпоху (период Намазга III — поздний Намазга II), поселение продолжало развиваться в период Намазга IV и достигло своего расцвета на раннем этапе периода Намазга V, к которому относятся возведение храмовой постройки, фортификационного комплекса и «дома вождя».

Полученные на основании изучения ремесленного производства и монументальной архитектуры данные об общем уровне развития производительных сил снимают спор о возможности существования в Южном Туркменистане раннегородской цивилизации. Факт формирования классового общества с выделенным ремеслом и далеко зашедшей социальной дифференциацией налицо. Однако В. М. Массон развивает интересную гипотезу о выделении целой зоны раннегородских культур второго порядка (Мундигак, Шахри-Сохте, Топе Гиссар), расположенных вне зоны ирригационного земледелия великих рек. Эта гипотеза очень перспективна, хотя для решения проблемы о путях и темпах становления раннеклассового общества предстоит решить еще целый ряд кардинальных вопросов. В частности, не ясно, как соотносятся развитая письменность со знаками, несущими определенную семантическую нагрузку, отмеченными в зоне цивилизаций второго порядка.

Большой интерес представит и разработка проблемы о соотношении урожайности земли и темпа развития общества. Этот вопрос имеет принципиальное значение как для Туркмении, так и для других периферийных земледельческих культур Балкан, Причерноморья и Кавказа, где темп развития общества оказался замедленным. Наконец, много усилий предстоит потратить на выяснение причин кризиса начала II тысячелетия до н. э. Крупным достижением ЮТАКЭ является доказательство того, что Алтын-Депе гибнет не внезапно, в результате какой-то катастрофы, а приходит в запустение постепенно. Этот вывод снимает выдвигавшуюся К. Шеффером гипотезу, по которой гибель памятников типа Гиссар III, Шах-Тепе произошла в результате землетрясения [3]. Вероятно более прав В. М. Массон, связывающий гибель Алтын-Депе с кризисом внутри местного общества. Исследование этого вопроса важно для реконструкции истории не только Южного Туркменистана, но и Средней Азии в целом, так как к этому периоду относится инфильтрация древних земледельцев из Южной Туркмении в другие области, в частности в Бактрию. Именно в период Намазга IV—V в результате контактов с древними земледельцами население среднеазиатских степей воспринимает некоторые достижения передовых древневосточных цивилизаций и под влиянием южного импульса переходит к производящему хозяйству, осваивает металлургическое производство. В распространении на север, в Азию и Европу, культурных достижений и состояла, на наш взгляд, особая роль периферийных цивилизаций второго порядка.

Е. Е. Кузьмина

«По следам древних культур Казахстана». Издательство «Наука» КазССР, Алма-Ата. 1970.

За последние три года это уже четвертый сборник статей, выпущенный казахскими археологами под разными заглавиями и с разным оформлением. Конечно, единообразно оформленная серия изданий типа МИА или САИ выглядела бы солиднее, лучше, да и пользоваться ей было бы удобнее, но это замечание относится к внешнему виду издания. Что же касается содержания, то оно богато, интересно и охватывает хронологический период от нижнего палеолита до XIV в. Сборник состоит из предисловия и 22 статей. Вызывает возражения последовательность статей, обрат-

---

[1] O. Clarke. Analitical Archeology. London, 2, 1968.

[2] К числу мелких, но досадных издательских небрежностей относятся путаница в подписи под рис. 16 и 18 и некоторые невыправленные опечатки.

[3] C. Schaeffer. Stratigrafhie comparée et chronologie de l'Asie occidentale. Oxford, 1948.

ная общепринятой. Публикации средневековых материалов помещены в начале, а нижнего палеолита — в конце.

Предисловие, написанное ответственным редактором М. К. Кадырбаевым, содержит обзор помещенных в сборнике статей и их краткую оценку.

Больше половины статей сборника представляют публикацию материалов из последних раскопок с датировками и некоторыми предварительными выводами. Остановимся лишь на нескольких. Очень важный вопрос о земледелии у усуней поставил на основании своих исследований в Алмаатинской области К. А. Акишев («О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья»). С его выводами можно согласиться, жаль только, что основной материал, на который он опирается, до сих пор почти не опубликован. Между тем он очень важен, так как позволяет по-иному оценить соотношение кочевников и земледельцев на границах степи и горных систем Средней Азии в начале II тысячелетия. Интересно, хотя и спорно, сопоставление андроновских жилищ из поселения Чаглинка с современными казахскими. К сожалению, материалы этих раскопок также до сих пор не изданы целиком. А. Х. Маргулан («Комплексы Былкылдак») опубликовал комплексы эпохи бронзы, относящиеся к разным этапам андроновской культуры. Убедительно показана генетическая преемственность между различными типами памятников. Автор почему-то не дал рисунка бронзовых наконечников стрел, хотя такие находки очень важны для хронологии. Следует отметить статью Л. Б. Ерзаковича («О южноказахстанском компоненте в материальной культуре городов Золотой Орды»). На основании анализа керамики он устанавливает прямое культурное влияние Южного Казахстана на Поволжье в XIII—XIV вв. и связывает его с передвижениями той части оседлого кипчакского населения, которое было занято городскими ремеслами, в частности с гончарством.

Статьи по каменному веку неравноценны. М. Н. Клапчук («Галечные орудия местонахождения Музабель 1—2 в Центральном Казахстане») и А. Г. Медоев («Ареалы палеолитических орудий Сары-Арка») публикуют новый материал своих полевых исследований. А. Г. Медоев делает интересную попытку выделить в Центральном Казахстане отдельные хронологические группы палеолитических памятников от ашеля до «эпипалеолита» (этот термин, употреблявшийся в 20—30-х годах нашего века, сейчас большинством археологов оставлен). Он решительно отказывается от понятия «шелль — ашель», которым пользовался в своих предшествующих публикациях.

Статья Х. Алпысбаева («Некоторые вопросы изучения памятников каменного века в Казахстане») обобщающая. К сожалению, текст изобилует ошибками и неточностями. Остановимся на некоторых из них. Цитата из книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (а не безличных «классиков марксизма», как в тексте) вырвана из контекста и приведена неверно (стр. 231). А. Х. Маргулан писал приведенные Х. Алпысбаевым слова (стр. 231) не в конце 50-х, а в конце 40-х годов нашего века, что значительно меняет весь смысл. Коротенький абзац о работах А. Г. Медоева, где написано, что им «были найдены каменные орудия сибирского палеолита», просто неверен. В этом нетрудно убедиться, перелистав несколько страниц этого же сборника. Вместе с тем излишне подробно дано изложение собственных (уже изданных) находок автора.

В статье Л. А. Чалой, посвященной специально неолиту Казахстана («Некоторые вопросы истории изучения неолита Казахстана»), собран далеко не весь материал, который относится к этой малоизученной пока проблеме, что делает изложение несколько поверхностным. Вместе с тем автор впервые обращает внимание на то, что техника изготовления каменных орудий в разных районах Казахстана разная, преобладают орудия или на пластинках, или на отщепах. Эта правильная мысль помогает выделить региональные группы памятников.

В целом сборник представляет собой очень ценную публикацию новых материалов и наблюдений казахстанских археологов, и его выход в свет можно только приветствовать.

С. С. Черников

В. Н. Ягодин, Т. Ходжайов. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970, 254 стр. Тираж 1000 экз.

Рецензируемая книга представляет публикацию результатов комплексного археологического, антропологического и этнографического исследований городского некрополя Миздахкана — одного из важных центров средневекового Хорезма. В ходе трехлетних раскопок (1962, 1964—1965 гг.) здесь было вскрыто более 600 захоронений, охватывающих значительный хронологический период, от III до XIV вв., а с включением этнографических материалов — вплоть до XX в.

Книга состоит из двух частей. Часть I «Некрополь древнего Миздахкана» написана В. Н. Ягодиным, часть II «Население Миздахкана по данным антропологии» — Т. К. Ходжайовым. В приложении дана статья В. А. Лившица «Хорезмийские надписи на оссуариях с некрополя Миздахкана», которая вводит в научный оборот новые ценные материалы по истории хорезмийской письменности VII—VIII вв.

Остановимся подробнее на первой части, которая состоит из четырех глав. Начинается она с общей характеристики топографии города и некрополя. Площадь последнего составляет около 600 *га*, вскрыта лишь незначительная часть его на юго-западном участке. Довольно подробно излагается методика раскопок и фиксации (стр. 11). Но основное место в главе I занимает описание результатов работ в шести раскопах с указанием количества и основных типов обнаруженных погребений. Кратко охарактеризована стратиграфия погребальных сооружений, которые в ряде случаев залегают в несколько ярусов. Текст сопровождается планами, разрезами и фотографиями. Особо отметим, что приведены планы всех раскопов.

Центральное место в работе занимает разработка типологии погребений (стр. 29—97). Автор избрал четырехчленную схему классификации (категория, группа, отдел, тип), которая, по его мнению, позволяет охватить все многообразие типов и дает возможность в будущем пополнять и расширять ее (стр. 29—30). Все памятники разделены на две большие категории: А — погребения с трупоположением и Б — вторичные захоронения предварительно очищенных костей. Категория А подразделена на три отдела на основании своеобразия формы могилы: I — прямоугольные грунтовые ямы, II — кирпичные склепы, которые в свою очередь разделены по характеру перекрытия на три типа (1 — с двускатным перекрытием, 2 — с плоским, 3 — с перекрытием из плоско-выпуклых блоков), и III — щелевидные камеры, которые также разделены на три типа соответственно форме сырцового кирпича (1 — перекрытие с квадратным кирпичом, 2 — с прямоугольными сырцовыми блоками, 3 — с прямоугольными сырцовыми блоками, один из которых установлен наклонно). Всего в категории А, насчитывающей 390 погребений, выделено семь разновидностей (они в тексте обозначены соответственными индексами А-I-1, А-III-3 и т. п.). Таким образом, погребения категории А классифицированы по трехчленной схеме.

Более дробна типология категории Б, которая разделена на четыре группы: а — единичное захоронение в керамическом саркофаге, б — погребения в грунтовых ямах, в — в сосудах, г — в оссуариях. Первые две группы представлены каждая одним отделом. В группе в — шесть отделов, выделенных по форме сосудов, в которых совершалось захоронение. Группа г состоит из трех отделов: 1 — оссуарии ящичные, 2 — торпедовидные и 3 — статуарные. Многие отдель. в свою очередь подразделены на типы, и в целом категория Б включает 42 разновидности, которые обозначены как Б-а-I-1, Б-в-IV-4, Б-г-I-14 и т. п.). Всего автор выделил 49 типов погребений. Несомненно, что разработка такой детальной классификации является большой заслугой исследователя. Но вместе с тем нельзя не отметить некоторую излишнюю дробность и громоздкость типологии. Если разделение категории А на отделы и типы не вызывает каких-либо сомнений, то этого нельзя сказать о второй категории. Здесь существенные различия порой подменены более частными (отличие второстепенных деталей формы или украшения сосудов и т. д.). Так, разница между погребениями типа Б-в-IV-2 и Б-в-IV-3 сводится лишь к особенностям орнамента хумов (см. описание их на стр. 74 и изображения на рис. 31). То же можно отметить относительно некоторых типов оссуарных погребений. Представляется неверным отождествление типологии самих оссуариев с типологией оссуарных погребений, так как это принципиально разные вещи. Следует признать неудачным и неудобным обозначение типов одними индексами, так как очень трудно запомнить 49 сокращений и, пожалуй, невозможно наглядно представить, что они конкретно обозначают. Все это создает затруднения в работе над материалом.

Следовательно, классификация погребений нуждается в уточнении и дальнейшей доработке.

В рецензируемой книге отсутствует традиционное описание погребений, которое обычно включают в текст или помещают в виде приложения. Оно заменено общей характеристикой типов погребений и основными данными о большинстве захоронений, которые приведены в таблицах 1—9 (конструкция могилы, положение костяка, ориентация, пол, возраст, находки и др.), а также значительным количеством изображений исследованных памятников. Однако все эти данные не могут восполнить указанный пробел. Так, в разных местах книги указано разное количество раскопанных погребений. В главе I приведены следующие цифры по объектам: раскоп I — 51, раскоп II — 126, III — 139, IV — 89 погребений и 82 оссуария, раскоп V — 89, раскоп VI — 18—20 оссуариев, расчистка — 16 погребений, котлован — 1 оссуарий и обломки, отдельные находки — 2 оссуария. Всего получается 521 погребение и 105 оссуария (итого 621). В главе II приведены иные цифры: в категории А — 390 погребений, в категории Б — 313, т. е. всего 703. Остается непонятным, откуда появились эти дополнительные 82 объекта.

Определение хронологии средневековых погребений категории А, установленное на основе стратиграфических наблюдений, сравнения с аналогичными памятниками и тщательного анализа находок, не вызывает сомнений. Однако абсолютная и порой слишком узкая датировка захоронений V — серединой VIII в. (см. табл. 10) на стр. 127 не достаточно аргументирована. Возьмем в качестве примера тип Б-г-I-5 и др., датированные VII в. На стр. 113—114 стратиграфически определяется дата типа Б-г-I-5 в пределах IV—VII вв., но на основании аналогии с некрополем Топрак-Калы автор сужает дату до VII в.; насколько это верно, трудно судить, поскольку ссылается автор на старые данные. На стр. 127 отмечается, что оссуарии Б-г-I-6 — почти абсолютная копия Б-г-I-5 и отличаются от них лишь формой ручки на крышке.

И далее автор заключает: «Судя по почти полному совпадению основных признаков, можно предполагать одновременность использования оссуариев этих типов и датировать Б-г-I-6 VII в. н. э.».

Материалы некрополя, взятые в целом, удачно использованы как важный источник изучения древней идеологии, развития форм семьи, а также культурно-этнических связей населения Хорезма (стр. 128—168). Значительный вклад сделан автором в разработку традиционной темы оссуарных захоронений Средней Азии.

Большие материалы по палеоантропологии Хорезма исследованы во второй части, текст которой также сопровождается большим количеством схем и таблиц. Опубликованные данные представляют ценнейший источник изучения развития и изменения расового и этнического состава населения.

Рецензируемая книга вводит в научный оборот огромный свежий материал, и авторы ее сделали значительный вклад в разработку ряда проблем идеологической и этнической истории древнего Хорезма.

Ю. А. Заднепровский

Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Труды Государственного Исторического музея, вып. 44. М., 1970.

Рецензируемый сборник открывается введением, где коротко синтезируется сумма выводов авторов сборника. Далее следует статья Л. В. Греховой, посвященная памятникам палеолита и мезолита. Утверждая, что «развитие материальной культуры на Десне, Дону и Оке происходит по-разному», Л. В. Грехова безусловно следует за А. Н. Рогачевым, первым утвердившим в нашей науке вывод о существовании в эпоху верхнего палеолита этнографически своеобразных групп населения. Но если Л. В. Грехова пишет, что «эти бассейны... заселялись различными этническими группами, достаточно изолированными друг от друга», то А. Н. Рогачев чаще подчеркивал отсутствие межобщинных сношений, «самобытность и этнографическое своеобразие культуры каждой такой общины и групп общин» [1]. Автор приходит к выводу о существовании двух этнических групп, одна из которых обитала в бассейне Дона, а другая — в бассейне Десны.

Описав в качестве сравнительного материала памятники бассейна Десны (вслед за И. Г. Шовкоплясом она все эти памятники относит к одной культуре) и среднего Дона (района Костенок — Боршева), Л. В. Грехова отмечает, что пока в бассейне Оки нет памятников древнее верхнего палеолита. «Заселение бассейна Оки шло с Дона»,— пишет она, ссылаясь на общепринятое мнение, будто Сунгирьская стоянка относится к стрелецкой культуре, распространенной на среднем Дону.

Но одного сходства треугольных наконечников Сунгиря и Стрелецкой стоянки недостаточно — а весь прочий инвентарь (всевозможные каменные и костяные орудия Сунгиря и нижнего слоя Костенок I) различен. Обратим внимание на отсутствие в Сунгире листовидных ножей и скребков с ретушью с брюшка. Различны и формы скребел на обеих стоянках. То же самое можно сказать и о резцах или пластинке с притупленным краем, найденной в Сунгире, но никогда не встреченной в памятниках стрелецкой культуры. Различие в костяном инвентаре сторонники гипотезы родства обоих памятников объясняли их разновозрастностью, но они в общем синхронны и относятся ко времени разрушения паудорфской почвы. Об этом говорит и новое определение абсолютного возраста Сунгиря радиокарбоновым методом: 21 800 лет (дата получена после написания статьи Л. В. Греховой).

Другой памятник бассейна Оки — Карачарово — Л. В. Грехова сближает со стоянками костенковской культуры, но скорее в стадиальном смысле, поскольку наконечников или ножей костенковского типа — бесспорных признаков костенковской культуры — в Карачарове не обнаружено.

Порой автор соединяет разные точки зрения (чаще А. Н. Рогачева и П. И. Борисковского или И. Г. Шовкопляса и А. Н. Рогачева), не высказывая своего отношения к ним (это, например, касается вопросов однокультурности верхнего палеолита Десны и стратиграфического значения гумусовых толщ в Костенках). Там, где речь идет о мезолите, Л. В. Грехова, вслед за многими исследователями, смешивает памятники самого конца палеолита с мезолитическими. Пока нет мезолитических памятников с установленным геологическим возрастом, преждевременно строить периодизацию мезолита. Тезис о распаде крупных родовых коллективов на более мелкие, заимствованный автором у А. А. Формозова, выглядит нелогично, поскольку, по А. А. Формозову, археологические культуры появляются лишь в мезолите, а в главе о палеолите Л. В. Грехова уже согласилась с противоположным мнением А. Н. Рогачева, что культуры возникли в палеолите. Столь же противоречивы утверждения о подвижности мезолитических групп охотников — ведь на стоянке Черепеньки, о которой она пишет как о мезолитической, есть остатки хорошо сохранившегося

[1] А. Н. Рогачев. Александровское поселение древнекаменного века у села Костеник на Дону. МИА, 45, 1955, стр. 159.

культурного слоя, прочие же стоянки, по ее собственному мнению, сильно разрушены. Кроме того, в лесной полосе европейской части СССР есть мезолитические поселения с долговременными жилищами (Огурдинская в Прикамье, Кабы-Копрынская, Золоторучье III, Лукино в Поволжье и др.) и с хорошо сохранившимся культурным слоем, иногда с кострищами (поселение в г. Нарва, раскопанное Л. Ю. Янитсом, Коприно и др.).

В статье В. М. Раушенбах «Племена льяловской культуры» дается подробное описание наиболее древних неолитических стоянок в Волго-Окском междуречье. В противоположность своей прежней точке зрения, согласно которой льяловские племена бытовали лишь в Поклязьменье, автор обоснованно расширяет их ареал вплоть до бассейна верхней Волги и поречья Оки. Вызывает лишь сомнение отнесение к льяловским таких памятников, как Федоровка с керамикой, украшенной, наряду с ямочно-гребенчатыми, еще и своеобразными «геометрическими» узорами, ближайшие аналоги которым известны на сосудах развитого (послельяловского) неолита Карелии и восточной Прибалтики. К сожалению, В. М. Раушенбах не рассматривает в качестве льяловских стоянки, удаленные от бассейна Оки на значительное расстояние, исходя из посылки (с нашей точки зрения, неверной), что столь далекие памятники не могут относиться к льяловской культуре, хотя исследователи этих стоянок считали их льяловскими. Очевидно, в данном случае может быть поставлен вопрос о расселении льяловских племен.

При описании каменной индустрии автор основное внимание обратила на общие черты в производственном инвентаре. Это понятно, так как перед исследовательницей стояла задача выявить единство описываемых ею материалов. Однако единокультурность льяловских стоянок наиболее четко проявляется именно в керамике, форме сосудов и их орнаментации. По каменным же орудиям древности льяловского типа делятся на три региона: бассейн Оки, где преобладают сравнительно мелкие орудия (Шумашь и др.), Верхнее Поволжье, характеризуемое стоянками с сериями крупных рубящих орудий (Льялово, Золоторучье), и северные стоянки, обитатели которых при изготовлении орудий широко использовали сланец (Васькин бор II, Суна V и др.).

При выделении этапов льяловской культуры В. М. Раушенбах особое внимание обращала на орнаментацию посуды. Первый этап, по ее мнению, заканчивается в середине III тысячелетия до н. э. Второй — на рубеже III и II тысячелетия до н. э. Причем поселения, характеризующие древности второго этапа, охватывают все Волго-Окское междуречье. Но ведь в бассейне Оки в это время обитало население рязанского и балахнинского типов (этого В. М. Раушенбах не отрицает), которое занимало нижнее и среднее течение Оки и являлось, по В. М. Раушенбах, потомками льяловцев (стр. 37). На рубеже III и II тысячелетий сюда проникли волосовские племена, ассимилировавшие или уничтожившие именно обитателей балахнинских стоянок и потеснившие именно «рязанцев». Но ни в коем случае не льяловцев! Приведенная выше дата появления волосовских племен в Волго-Окском междуречье достаточно прочно обоснована А. Я. Брюсовым, О. Н. Бадером, А. Х. Халиковым и никем не оспаривается, в том числе и автором рецензируемой статьи.

Одним из тезисов в пользу доживания льяловского населения до прихода волосовцев у В. М. Раушенбах являются материалы стоянки Б. Буньково, где в одном культурном слое была найдена и льяловская и волосовская керамика. Исследовательница пишет, что это свидетельствует об одновременности указанных комплексов. Но ведь у нас есть десятки стоянок с одним культурным слоем и разновременными комплексами — Левшинская, Кабы-Копрынская, Балахнинская, Нарва I, Курмойла I и многие другие. Здесь дело в механическом смешении материала, которое может произойти по самым разным причинам, особенно если культурный слой тонок. По-видимому, именно с этих позиций следует подходить и к стоянке Б. Буньково и, следовательно, дифференцированно датировать обнаруженные там два комплекса находок.

Нам кажется, что льяловские материалы следует датировать гораздо более ранним временем, чем это делает В. М. Раушенбах,— временем, предшествующим эпохе возникновения балахнинских и рязанских древностей.

Интересна статья Г. Ф. Поляковой «Племена белевской культуры». Материалы этой культуры, впервые описанные А. Я. Брюсовым, долгое время не привлекали к себе должного внимания. В 50—60-е годы район верхней Оки исследовался сотрудниками ГИМа и работниками Белевского музея. Были получены дополнительные материалы, позволившие полнее охарактеризовать белевский неолит. К сожалению, не найдено поселений с сохранившимся культурным слоем, что затрудняет выяснение отдельных сторон белевской культуры, а также хозяйства, хронологии и т. д. Но эти вопросы стали бы яснее, если бы автор привлекла материалы Подесенья, аналогичные, как это доказала И. Г. Розенфельдт, верхнеокским [2].

---

[2] И. Г. Розенфельдт. К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III — начале II тысячелетий до н. э. КСИИМК, 75, 1959, стр. 92—102.

Автор статьи «Племена рязанской культуры» И. К. Цветкова описывает неолит среднего течения Оки, подразделяя его на три этапа. Первый (первая половина III тысячелетия до н. э.) характеризуется поселениями типа Шумашь, Егорьевская, Бабино-Булыгино с керамикой, аналогичной льяловской, и наборами скребков, наконечников стрел, проколок, резцов, ножевидных пластин и т. п. Второй этап выделяется по материалам нижнего горизонта поселения Черная Гора. Здесь была найдена керамика, украшенная крупными ямками округлой или неправильной формы и, в меньшей мере, оттисками гребенчатого штампа. Среди орудий представлены всевозможные двусторонне обработанные наконечники стрел и копий, ножи, долота, скобели и др. Датируется эта стоянка второй половиной III тысячелетия до н. э. Третий этап (первая половина II тысячелетия до н. э.) характеризуется гребенчато-ямочной керамикой с довольно сложной орнаментацией и набором орудий, близких сериям второго этапа (Инбердус I, Дубровичи и др.).

Но поскольку, согласно И. К. Цветковой, «наиболее важным материалом для выделения той или иной археологической культуры является керамический материал», то, может быть, поселения первого этапа с материалами, аналогичными льяловским (о чем пишет сама исследовательница), было бы логично и называть льяловскими?

По традиции, идущей от А. Я. Брюсова, авторы сборника считают, что рязанская, балахнинская и прочие культуры родственны между собой. Все они восходят к «древнему ямочно-зубчатому неолиту Волго-Окского междуречья», когда там обитала «группа Волго-Окских неолитических племен, характеризующихся древней ямочно-зубчатой керамикой». Каждая неолитическая культура занимает строго определенный район, что как будто и демонстрирует карта, приводимая авторами в конце книги (стр. 232). Однако из статьи В. М. Раушенбах следует, что льяловская культура находится там же, где И. К. Цветкова локализует рязанскую культуру. Дело в том, что рязанская культура (а также балахнинская) есть лишь хронологическая модификация льяловской культуры, подвергшейся влиянию инокультурных соседей. Жаль, что авторы не объяснили причин столь различного толкования одних и тех же материалов и противоречий между картой и текстом статей.

Предложенная И. К. Цветковой абсолютная хронология рязанского неолита, по-видимому, гипотетична. Без абсолютных дат C^{14} и импортных вещей трудно создать хронологическую шкалу. В данном случае против датировок И. К. Цветковой говорят два момента. Второй этап рязанской культуры выделен автором всего лишь по материалам одной стоянки (Черная Гора). При этом серия полученных здесь кремневых орудий «аналогична» (стр. 124) орудиям третьего этапа.

Кроме того, на поселении Ибердус I (третий этап) И. К. Цветковой было обнаружено погребение, датируемое ею концом III или рубежом III и II тысячелетий до н. э. Погребение находилось в верхней части культурного слоя, «почти на поверхности развеянной части дюны» (стр. 131) и должно относится скорее к концу существования поселения, чем к его началу (в противном случае оно было бы значительно глубже). Следовательно, поселение Ибердус I следует датировать не первой, а второй половиной III тысячелетия до н. э. Таким образом, получается, что один из опорных памятников третьего этапа рязанского неолита бытовал во время его второго периода. Вряд ли целесообразно привлекать для датировки того или иного памятника такие изделия, как наконечники стрел ромбической формы или с черешком, поскольку они имеют большой хронологический диапазон.

В статье И. К. Цветковой поставлен вопрос о взаимоотношениях рязанских и волосовских древностей. По мнению исследовательницы, последние генетически связаны с волго-окским неолитом, в частности, с его рязанским вариантом. Однако присутствие на стоянках рязанского течения Оки черепков, украшенных типичными волосовскими орнаментами, можно истолковать и иначе, чем это делает И. К. Цветкова. Ведь такого рода факты могут объясняться и влиянием волосовцев на культуру местного населения.

И. К. Цветкова действительно права в том, что на средней Оке заметно некоторое сходство рязанских и волосовских древностей. Однако здесь необходимо обратить внимание на следующее. Четырехугольные полуземлянки во II тысячелетии до н. э. были не только у рязанских и волосовских племен, но и у поздняковцев, срубников, обитателей древней Карелии и Вычегодского края, т. е. они бытовали на очень широкой территории. Сходство каменной индустрии у рязанских и волосовских племен проявляется лишь в пределах Волго-Окского междуречья.

На средней Волге и к северу от верхней Волги волосовцы изготовляли иные типы каменных орудий. М. Е. Фосс убедительно показала, что пришельцы могли воспринимать местные приемы изготовления каменных орудий и их типы. Представляется вполне закономерным, что пришедшие в Волго-Окское междуречье волосовские племена по тем или иным причинам восприняли местную каменную индустрию [3].

---

[3] М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, 29, 1952; ее же. Рец. на кн. А. Я. Брюсова «Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху». ВДИ, 1953, 2; ее же. Неолитическая стоянка Бисерово озеро. КСИИМК, 75, 1959; В. П. Третьяков. К вопросу о каменных орудиях в Волго-Окском междуречье. МИА, 131, 1965.

Против гипотезы о волго-окском происхождении волосовской культуры свидетельствует и анализ ее керамики. Изучение ее с учетом взаимосвязи различных признаков керамики (орнамент, форма венчика, тип днища) приводят к мысли о том, что наиболее ранняя волосовская керамика известна лишь в среднем Поволжье и наиболее близка керамике волго-камской культуры[4]. С последней волосовские древности роднит и тип жилищ, и состав орудий труда, что было убедительно доказано А. Х. Халиковым[5]. Кроме того, рязанская керамика на любом этапе существования в своей основе оставалась ямочно-гребенчатой, а волосовская — гребенчатой. Таблица, иллюстрирующая керамику третьего этапа рязанского неолита, помещенная в статье И. К. Цветковой (стр. 121), не отражает всего разнообразия рязанской керамики того времени. Дана лишь керамика, наиболее близко напоминающая волосовскую, а также фрагмент днища (рис. 23, 7), который похож, кстати, не на волосовские, а на донышки днепро-донецких сосудов. Таким образом, мысль о волго-окском происхождении волосовской культуры представляется гипотетичной.

Сборник заключает статья Т. Б. Поповой «Племена поздняковской культуры». Автор подробно описывает материальную культуру и быт поздняковского населения. В вопросе о происхождении поздняковцев Т. Б. Попова присоединяется к тем исследователям (О. Н. Бадер), которые полагают, что истоки данной культуры следует искать в среде срубного населения. В настоящее время вопрос оживленно дискутируется в археологической литературе. Так, А. Х. Халиков полагает, что основой для возникновения поздняковской культуры послужила волосовская. При этом он ссылается на якобы имеющееся здесь сходство в керамике, орудиях труда и типах жилых построек. Но анализ поздняковских древностей, проведенный противниками этой гипотезы и, в частности, Т. Б. Поповой, показывает глубокие различия в культуре обитателей поздняковских и волосовских поселений. Поздняковцы, в отличие от волосовцев, изготовляли сосуды довольно сложных очертаний, орнаментированные по венчику затейливыми геометрическими узорами (сочетание зигзагов и фестонов, меандр и т. п.). Набор каменных орудий у поздняковцев неизмеримо беднее волосовского, поскольку первые были хорошо знакомы с металлургией. Заметим, что у волосовцев исследователи отмечают лишь зачатки бронзолитейного производства, и такой скачок в развитии культуры, как нам кажется, можно объяснить лишь сменой населения. Появляется и новый обряд захоронения — курганные могильники, происходит резкая смена хозяйства. В отличие от волосовцев, хозяйство носителей поздняковской культуры базировалось «на скотоводстве как ведущей форме хозяйства земледелии» (стр. 230).

С нашей точки зрения, автор рецензируемой статьи совершенно права, связывая возникновение поздняковской культуры с древностями срубного типа, с которыми, как отмечается в статье, ее роднят почти все ее компоненты. Проникнув в Волго-Окское междуречье, племена срубной культуры ассимилировали местное население и вместе с тем восприняли отдельные черты культуры аборигенов. Именно этим Т. Б. Попова объясняет некоторое сходство поздняковской культуры и культуры обитавших ранее в Волго-Окском междуречье племен.

К настоящему времени по каменному веку и бронзе Волго-Окского междуречья накоплены весьма значительные коллекции, которые, будь они вовремя опубликованы, могли бы изменить общепринятые взгляды. Но, к сожалению, большой новый материал до сих пор неизвестен читателю или опубликован выборочно. В этом, по-видимому, кроется и слабость общих построений. Если нет недостатка в гипотезах, откуда пришла та или иная культура или от какой более ранней культуры она произошла, то нет точных определений — что такое культура, чем она отличается от этапа культуры. Вспомним споры А. Я. Брюсова и М. Е. Фосс или дискуссию по этому вопросу на кафедре археологии ЛГУ (СА, 1970, № 2). Отсюда зачастую и проистекает путаница. Например, в сборнике несколько раз упоминается «комплекс», но ни разу не встречены термины «чистый комплекс» или «замкнутый комплекс», а между тем строгое применение этого понятия позволило бы избежать попытки (явно ошибочной с точки зрения методики) датировать Б. Буньково по механической примеси волосовской керамики к ямочно-гребенчатой. Неразработанность понятия «археологическая культура» привела к тому, что половина керамики с ромбическим орнаментом относится к одной культуре, половина — к другой.

Нет и основных понятий для анализа орнаментации глиняной посуды, хотя именно на этом материале делаются основные заключения авторов (такие понятия, как элемент орнаментации, мотив, композиция). Отсюда споры о том, похожа или не похожа та или иная керамика, решаются на основе впечатлений, а не точных типологических категорий.

Что касается хронологии изучаемых памятников, то здесь для многих районов состояние дел мало изменилось по сравнению с 50-ми годами XX в. По-прежнему берется приблизительная цифра — рубеж IV и III тысячелетий (стр. 47) как исходный момент, а выделяемые этапы пропорционально распределяются между этой начальной датой и серединой II тысячелетия — вторым якобы опорным моментом. Типология льяловской керамики очень нечеткая, и при датировках приходится опи-

[4] В. П. Третьяков. Из истории волосовских племен. Доклад на секторе неолита и бронзы ИА в Москве в феврале 1970 г.

[5] А. Х. Халиков. Древняя история среднего Поволжья. М., 1969, стр. 127.

раться на привозные вещи, но отсутствие понятия «замкнутый комплекс» приводит к тому, что наличие импортов, их совместное бытование с прочими местными изделиями точно не устанавливается.

Рецензируемый сборник показывает, сколь много еще остается возможностей для установления культурной истории Волго-Окского междуречья, если накопленные материалы будут своевременно опубликованы, а методические установки авторов — исследователей волго-окского неолита — будут уточнены. Вместе с тем можно приветствовать выход данного сборника, поскольку он дал возможность развернуть дискуссию по ряду вопросов, в ходе которой и установится истина.

Г. П. Григорьев
В. П. Третьяков

История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М., 1971.

Прогресс советской иранистики нашел достойное отражение в сборнике, посвященном 2500-летию иранской государственности.

Сборник открывает проблемная статья академика Б. Г. Гафурова «К 2500-летию Иранского государства». В ней рассматриваются процессы усложнения социально-экономических отношений и формирования важнейших политических институтов в пределах Ахеменидской державы. Примечательно, что распространение письменности и монетного чекана на Среднем Востоке от верховьев Инда до Средней Азии произошло именно в результате государственных мероприятий, предпринятых Ахеменидами.

Общие положения, намеченные в труде Б. Г. Гафурова, развивает и детализирует М. А. Дандамаев («Ахеменидское государство и его значение в истории древнего Востока»). Он концентрирует внимание на гибкой внешней и внутренней политике Ахеменидов, упорядочении ими земельных отношений, ограничении экономического могущества храмов.

В ту же общеисторическую часть сборника следует отнести работу Б. Я. Ставиского «Средняя Азия и ахеменидский Иран». Интересна попытка Б. Я. Ставиского проследить судьбы ахеменидского культурного наследия в эллинистической и раннесредневековой Средней Азии (стр. 160—161), хотя возможности развития данной темы им далеко не исчерпаны.

Завершает исторический раздел статья Г. А. Кошеленко «Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии». Предметом исследования здесь явилась идейная основа раннеаршакидского легитимизма. В ней выделены три ведущих фактора: эллинистическая традиция освящать власть правом завоевания, затем общеиранская теория божественной инвеституры и, наконец, тесно связанные с нею религиозные представления зороастрийского круга (стр. 214—216). Очевидно, аналогичный комплекс сасанидских воззрений, если не целиком, то в наиболее существенных его аспектах, имел истоком отнюдь не ахеменидскую, а раннепарфянскую эпоху (стр. 216). Что касается теории божественной инвеституры, следовало бы, кажется, рассмотреть ее возможную связь с пережитками родового строя и обрядами инициации, уточнив тем самым качественное видоизменение этой концепции в новой исторической обстановке.

Очень широко представлена в сборнике археологическая тематика. Это красноречивое свидетельство размаха археологических работ в Средней Азии и Закавказье, на смежных с Ираном территориях. Статьи О. Бердыева, М. Н. Погребовой, И. Алиева, М. Е. Массона, Е. Атагаррыева документируют сложные взаимодействия материальных культур древнего Ирана, Закавказья и Средней Азии в обширном хронологическом диапазоне — от VI тысячелетия до н. э. до предмонгольского периода.

Особого внимания в археологическом разделе заслуживает статья В. И. Сарианиди «Погребения Гиссара III. Новые материалы и наблюдения». Анализ следов пожара в погребальных сооружениях культуры Гиссар III позволил автору усомниться в традиционном истолковании гибели этих памятников как следствия военной экспансии извне (стр. 170 и 178). Наметив связь погребальной обрядности и культа огня с пожаром, В. И. Сарианиди предпочитает осторожно трактовать последний как нежелательную случайность. Намеренное сжигание погребальных сооружений достаточно хорошо известно, правда, по более поздним памятникам. Есть основания думать, что этот обряд обусловлен идеями евразийского шаманизма об огненном обновлении вселенной, микрорепликой которой выступало погребальное сооружение [1].

Достаточно полно отражено в сборнике искусствоведение. В. Г. Луконин («Искусство древнего Ирана, основные этапы») предпринял едва ли не впервые в отечественной литературе опыт суммарной характеристики древнеиранской художественной культуры от Марлика, позднего Сиалка и Хасанлу до сасанидской эпохи. Удачно показаны автором преемственность и различия позднепарфянской и раннесасанидской традиций (стр. 116—117). Может быть, несколько односторонне рассмотрен Бишапур — только на материалах известных мозаик. Но и резной штук Бишапура

[1] Л. А. Лелеков. К истолкованию погребального обряда в Тагискене. СЭ, 1972, 1.

заслуживает внимания, поскольку он явно предвосхищает раннеисламские орнаментальные композиции [2], развитые в декоре омейядских «парадизов», и даже мечетей Каира.

Тот же обобщающий характер носит статья Г. А. Пугаченковой «Зодчество Средней Азии и Ирана в исторических связях». Охваченный исследованием хронологический интервал еще более широк — от Ахеменидов до зрелого средневековья. Приходится отметить, что стремление образно высветить характеристику иногда подводит автора. Так, на стр. 238 Г. А. Пугаченкова категорично утверждает, что архитектура «не знает ни экспорта, ни импорта», а на стр. 239—240 описывает заимствование среднеазиатским зодчеством античного ордера. Уязвимы и некоторые другие положения. Раннесредневековое происхождение чортака (стр. 242) можно, как минимум, оспаривать, поскольку исходный его прототип засвидетельствован в парфянском святилище Мансур — Депе II—I вв. до н. э. [3] Сомнительно также византийское происхождение купольных октогонов Средней Азии (стр. 242). Еще А. Саладэн связывал круглые, квадратные и многоугольные башнеобразные мавзолеи ислама с зороастрийской традицией [4].

Как бы в противоположность двум предыдущим работам широкого профиля Е. Е. Кузьмина («Цилиндрическая печать из Мервского оазиса со сценой единоборства») предпочла скрупулезное исследование миниатюрного изделия камнерезного искусства.

Обширную историографию советской иранистики существенно пополняют работы И. М. Оранского и И. П. Петрушевского. Более по существу, чем по форме, к ним примыкает статья И. В. Пьянкова «Образование державы Ахеменидов по данным античных источников» с обзором сочинений Харона, Гелланика, Геродота, Ктесия, Динона, Диодора, Трога Помпея, Николая Дамасского, Ксенофонта.

Видное место отведено в сборнике лингвистическим штудиям, среди которых выделяются статьи И. М. Дьяконова («Восточный Иран до Кира»), Э. А. Грантовского («О распространении иранских племен на территории Ирана») и В. И. Абаева («Из иранской ономастики»). Если И. М. Дьяконов убедительно обосновал датировку и локализацию Авесты и сверх того очертил предысторию восточноиранских племен во II тысячелетии до н. э., то Э. А. Грантовский еще раз [5] привел веские доказательства в пользу транскавказской миграции западных иранцев.

Собственно иранская принадлежность личных имен Ахеменидов обоснована в статье В. И. Абаева, и там же восстановлена очень важная скифо-авестийская ономастическая изоглосса Spitama (стр. 271—275). М. Н. Боголюбов («Молитва Ахурамазде на древнеиранском языке среди арамейских надписей из Аребсуна») истолковал первую из дошедших до нас записей арамейским письмом древнеиранского молитвенного текста (стр. 282). Поскольку автор склонен считать его авестийским фрагментом, следовало бы тщательнее аргументировать атрибуцию или оговорить расширенное толкование эпитета «авестийский».

Иранская филология представлена в сборнике статьей А. Н. Болдырева «Отражение древних культурных традиций в классической литературе Ирана». На массе примеров автор прослеживает староиранское наследие в тематике, жанровой специфике, стилистике новоперсидской литературы. Небезынтересен подсчет коррелятивной частоты ономастикона новоперсидских диванов (стр. 256—257), из которого явствует, что Хафиз, Хакани и Унсури питали явное и, видимо, неслучайное пристрастие к образу легендарного Джемшида. Статистический анализ закономерностей творчества этих и других поэтов обещает вскрыть особенности и причины их культурно-исторической ориентации, уловить которые нельзя традиционными методами.

Было бы неверным утверждать, что сборник полностью отражает состояние советской иранистики. Тем не менее содержание рецензируемой книги дает представление о тенденциях развития этого направления в нашей стране. Основательно разрабатываются проблемы социально-экономической и политической истории, продолжаются прочные традиции лингвистических изысканий. Очевиден прогресс археологии. Менее впечатляет литературоведение, как, впрочем, и история искусства. В наибольшей степени отстает изучение философско-религиозной мысли древнего и отчасти средневекового Ирана, его богатой мифологии, наконец, общественной и этнической психологии. Надо надеяться, что в будущем исследования социальной структуры и содержания духовной культуры древнего Ирана займут подобающее место в отечественной иранистике.

Л. А. Лелеков

---

[2] R. Ghirshman. Fouilles de Shâpour. Bishâpour. II. Paris, 1956, табл. XXI и XXII.

[3] Г. А. Кошеленко, В. Н. Пилипко. Исследование парфянского святилища в окрестностях Нисы. Каракумские древности. II. Ашхабад, 1968, стр. 33—35.

[4] H. Saladin. Manuel d'art musulman. I. L'Architecture, Paris, 1907, стр. 345.

[5] См. Э. А. Грантовский. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.

Д. А. Авдусин. Полевая археология СССР. М., «Высшая школа», 1972, 344 стр. **Его же. Археология СССР.** М., «Высшая школа», 1967, 292 стр.

Создание полноценного вузовского учебника, соответствующего современному уровню развития археологии, требует огромной работы, включающей синтез всего накопленного материала и его теоретическое осмысление, обобщение опыта многих исследователей и анализ их методики, критическое отношение к противоречивым концепциям в спорных вопросах и определение перспективы дальнейшего развития данной науки. При этом автор должен иметь в виду, что в отличие от многих других книг круг читателей учебника во много раз шире, чем читателей монографий. Учебник будут использовать не только специалисты и люди, просто интересующиеся археологией, но и тысячи студентов, черпающих из него основы знаний. Сведения из учебника должны не только создать у них определенный фундамент фактических знаний, но и сформировать четкое представление о закономерностях развития человеческого общества. Понимая всю сложность работы над учебником, немногие специалисты берутся за его написание. Недаром у нас так мало учебников по археологии в целом и по ее отраслям. Поэтому появление хорошего вузовского учебника (или учебного пособия) — большое событие в научной жизни.

Таким событием является выход в свет книги Д. А. Авдусина «Полевая археология СССР». Интерес автора к избранной теме оформился давно и отмечен статьями, книгой «Археологические разведки и раскопки», брошюрой «Курганы, городища, клады», на основе которых и написана только что вышедшая книга. Она удовлетворяет самым высоким современным требованиям, предъявляемым к учебным пособиям такого рода. Впрочем, сравнивать ее почти не с чем: книга является первым полным советским руководством по полевой археологии СССР, представляя собой глубокую научную разработку важнейшей археологической тематики. При этом автор не только полно и глубоко раскрывает множество практических приемов, но и излагает разработанные им же теоретические основы полевой археологии.

«Полевая археология СССР» открывается введением, в котором достаточно полно освещается история полевых археологических исследований, начиная с глубокой древности. Автор рассматривает методику полевых исследований в дореволюционное время, в ее развитии. Особо подчеркнуты большие сдвиги и достижения после Великой Октябрьской социалистической революции, когда археология встала на совершенно новые, подлинно научные методологические основы, поставив главной своей целью изучение коренных вопросов исторического процесса — истории производительных сил. В книге дается определение ряда археологических понятий, например археологического памятника, археологической культуры. Впервые освещаются некоторые вопросы охраны археологических памятников в СССР.

В первой главе, посвященной теоретическим вопросам, рассматриваются остатки древних поселений и древние погребения как исторический источник. Написанная живо и свежо, эта глава очень важна при изучении последующих разделов. Здесь немалое значение имеет разработка ряда вопросов, связанных с понятием «культурный слой», своеобразие которого автор рассматривает в первую очередь как результат материальной жизни общества. Правда, в книге культурный слой трактуется как система напластований, возникшая на месте древних поселений. С нашей точки зрения, это понятие можно расширить, так как подобная система напластований возникает не только на поселениях, но и, например, на жертвенных местах и на производственных сооружениях, находящихся часто вне пределов поселений. Поэтому в понятие культурного слоя в широком смысле этого слова можно включать слои земли, содержащие различные остатки, связанные не только с жизнью самого поселения, но и с любой деятельностью древних людей. В этой главе убедительно показана ценность различных типов археологических памятников в воссоздании социального строя минувших эпох и особенно в решении вопросов этногенеза.

Отдельная глава отведена археологическим разведкам. В ней рассмотрен большой круг вопросов, начиная с предварительных работ по организации разведки, подбору снаряжения и выбору маршрута и кончая описанием открытых памятников. Здесь же рассмотрены и особые методы: авиаразведка, геофизические способы, фосфатный метод и даже методы подводных разведок. В этой же главе даются указания по топографии памятников различных эпох — от палеолита до средневековья.

Рассматривая большое количество различных вопросов и давая самые разнообразные и весьма ценные рекомендации, связанные с проведением разведок, автор, естественно, не мог охватить всех приемов поисков. К его советам можно было бы добавить, что на ровных пространствах, не имеющих обнажений, следует осматривать выбросы грунта из нор кротов и других животных, размытую колею полевых дорог, а у рек с заросшими берегами — бечевник, конусы выносов из оврагов и т. п. Осмотр таких мест дает указания на существование поблизости того или иного памятника.

В следующих двух главах, посвященных раскопкам погребений и поселений, описываются наиболее рациональные и проверенные на практике в поле приемы исследований. Безупречному написанию этих глав безусловно способствовал многолетний личный опыт раскопок поселений и погребений, проводимых самим автором, который широко известен исследованиями гнездовых курганов как в области примененных приемов, так и замечательными результатами раскопок.

Наряду с многими новейшими рекомендациями автор рассматривает возможности механизации археологических работ. Преодолев прежние сомнения в отношении способов раскопок курганов будьдозером, он рекомендует и этот прием, справедливо ограничивая его в случае раскопок песчаных, крутых или малых насыпей. Д. А. Авдусин неустанно пропагандирует применение при раскопках точных инструментов, в частности нивелира, приемы работы с которым он подробно описывает.

В отдельной главе рассматриваются правила учета находок, регистрация сооружений, полевая документация и первичная консервация находок. Здесь особенно хорошо разработаны рекомендации по учету индивидуальных и массовых находок, по описанию и фиксации сооружений, в том числе и архитектурных остатков.

Очень полезна, особенно для начинающих археологов, глава «Топография в полевых археологических исследованиях», где дается представление о разновидностях карт и их масштабах, о способах изображения рельефа, а главное, описаны различные способы съемки планов археологических памятников.

К книге приложены инструкция к открытому листу на право производства археологических раскопок и разведок, а также выдержки из инструкций по взятию образцов для анализа археологических материалов методами естественных наук. Книгу заключает список основной русской литературы по вопросам полевых археологических исследований, дополняющий опубликованную ранее тем же автором библиографию вопроса.

Оценивая книгу как прекрасное пособие, следует сказать, что в ней подытоживается многолетний опыт советских и зарубежных археологов, и на основе этого раскрывается специфика полевых исследований почти всех видов археологических памятников, встречающихся на территории СССР. В книге удачно сочетается теоретический материал и практические рекомендации по проведению археологических разведок и раскопок. Кроме того, работа содержит важный справочный материал и знакомит читателей с советским законодательством об охране археологических памятников, с правами и обязанностями людей, исследующих их. Она будет одинаково полезна студентам-археологам, студентам-историкам на археологической практике, краеведам, учителям школ, начинающим археологам и специалистам, давно уже работающим в поле.

Вторая книга Д. А. Авдусина «Археология СССР», допущенная Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебника для исторических факультетов университетов и педагогических институтов, представляет собой как бы продолжение «Полевой археологии СССР». Она подводит итоги археологическим раскопкам и исследованиям, которые проводились в СССР. Хотя книга была издана недавно, ее уже нет на полках магазинов. Учебник написан в традициях и принципах, сложившихся на кафедре археологии МГУ, и в этом заметна преемственность между учебником А. В. Арциховского «Основы археологии», изданном в 1954—1955 гг., и учебником Д. А. Авдусина «Археология СССР». Эта преемственность упрочивается и тем, что редактором обеих книг Д. А. Авдусина является А. В. Арциховский.

В книге «Археология СССР» на основе археологического материала показана история развития социально-экономических формаций на территории СССР с древнейших времен (от эпохи палеолита) по период развитого средневековья (XIV—XV вв.). Книга состоит из четырех частей: 1. Предмет, источник, задачи и методы; 2. Каменный век; 3. Бронзовый век; 4. Железный век. В заключение приведен список главнейшей литературы по археологии СССР.

Сначала автор раскрывает значение археологии как исторической науки, определяет ее предмет, задачи и методы, одновременно устанавливая и ее возможности. Далее следует изложение самого археологического материала. Освещая каменный век, автор говорит не только о материальной культуре, но и о хозяйстве и социальных отношениях того времени. При характеристике отдельных эпох и культур использованы материалы, полученные в результате новейших полевых исследований. Интересен очерк о бронзовом веке, для которого особо подчеркнуто своеобразие отдельных культур. Главы о железном веке тоже написаны с глубоким знанием вопроса: отмечены коренные сдвиги в экономике и социальных отношениях, дается представление о характерных чертах отдельных культур и об этнических процессах. Главы IX, X, XII, посвященные Древней Руси, представляют собой оригинальные самостоятельные разработки автора, сделанные в значительной части на основе его личных исследований.

В учебнике дано изложение различных точек зрения по спорным вопросам, как например, о судьбе фатьяновской культуры, о территории, на которой сложились славянские племена, о роли черняховских племен в этногенезе славян и др. Такой подбор материала заставляет студента думать, вводит его в процесс развития науки, в круг задач, стоящих перед ней.

Совершенно понятно, что в учебнике нет возможности, да и надобности дать характеристику всем археологическим культурам, известным к настоящему времени на территории СССР. Автор умело отобрал из них наиболее важные и хорошо изученные и, не перечисляя всех культур, дал достаточно полное представление об археологии СССР. Этим учебник выгодно отличается от программы по археологии СССР для исторических факультетов педагогических институтов (1970 г.), которая требует изучения

слишком большого количества культур, что затрудняет работу студентов над курсом.

При всех достоинствах учебника «Археология СССР» надо отметить и некоторые его недостатки. В книге нет историографического очерка, а его, хотя бы кратко, следовало дать, наметив основные этапы археологической мысли. Ведь есть же такой очерк в «Полевой археологии»! Отсутствуют карты распространения отдельных культур с указанием упомянутых в тексте памятников. Это усложняет работу студентов над учебником.

В отдельных местах недостаточно полно объяснено читателю, почему некоторые культуры, бытовавшие на грани разных эпох, отнесены к тому или иному периоду. Например, древнеямная и афанасьевская культуры и Мариупольский могильник на основании нахождения медных предметов отнесены к энеолиту и рассматриваются вместе с земледельческими культурами, что, вероятно, правильно, но находки железных вещей в кобанских памятниках не послужили для автора поводом для отнесения их к железному веку и рассматриваются в разделе «Бронзовый век».

Книга «Археология СССР», так же как и «Полевая археология СССР», хорошо иллюстрирована. Рисунки подобраны тщательно, причем они сведены в таблицы, характеризующие целую культуру. Это гораздо лучше, чем иллюстрации, изображающие отдельные вещи, пусть даже самые эффектные, так как таблицы дополняют текст, помогают составить более яркое представление о конкретном материале и облегчают его усвоение. Кроме того, таблицы служат краеведам в качестве археологического определителя. Зрительному представлению о далеком прошлом способствовали бы и реконструкции, но их в учебнике, к сожалению, очень мало: два жилища (неолит и энеолит юга) и деталь укреплений Старой Рязани.

Отмеченные недостатки ни в коем случае не снижают общей самой положительной оценки учебника «Археология СССР». Его высокое качество определяется не только отобранным для освещения материалом, но и прекрасными методическими приемами. Учебник композиционно строен, един по стилю изложения и выгодно отличается от некоторых учебников по истории, практически являющихся сборниками статей.

Е. А. Шмидт

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические известия и заметки
АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АМБАН — Археологический музей Болгарской Академии наук
АН АрмССР — Академия наук Армянской ССР
АО — Сб. Археологические открытия
АС — Археологический съезд
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
АЭС — Археолого-этнографический сборник
ВАУ — Сб. «Вопросы археологии Урала»
ВГМГ — Вестник Гос. музея Грузии
ВДИ — «Вестник древней истории»
ВИСДВ — Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока»
ВМГУ — Вестник Московского Государственного университета
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ДАН СССР — Доклады Академии наук СССР
Зап. РГО — Записки Русского географического общества
ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗОРСА (ЗРАО) — Записки Отдела русско-славянской археологии Русского археологического общества
ИАИ (ИБАИ) — Известия на Археологический институт. София
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИВГО — Известия Всероссийского географического общества
ИГАИМК — Известия Гос. Академии истории материальной культуры
Изв. АН АзССР — Известия АН Азербайджанской ССР
Изв. КФАН СССР — Известия Казанского филиала АН СССР
Изв. МФАН СССР — Известия Молдавского филиала АН СССР
Изв. ОАИЭ — Известия Общества археологии и этнографии. Казань
Изв. ОЛИКО — Известия Общества любителей изучения Кубанской области
ИИЯИМК — Известия Института языка, истории материальной культуры
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
ИРГО — Известия Русского географического общества
ИСОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
КБН — Корпус боспорских надписей
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСОАМ — Краткие сообщения археологического музея. Одесса
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИАЭИК — Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края
НС — Нумизматический сборник. ГИМ
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты Археологической Комиссии
ОГАМ — Одесский Государственный археологический музей
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры ГЭ
ОКМ — П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПС — Палестинский сборник
САИ — Свод археологических источников
САС — Сибирский археологический сборник
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СЗИМ — Старозагорский исторический музей
СОАН — Сибирское отделение Академии наук СССР
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СЭ — «Советская этнография»
Тр. Абхаз. ИЯЛИ — Труды Абхазского Института языка, литературы, истории
Тр. АН ЛитССР — Труды Академии наук Литовской ССР
Тр. КФАН СССР — Труды Казанского филиала АН СССР
Тр. АС — Труды археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Тр. ИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
Тр. ТГУ — Труды Томского государственного университета
Тр. ТОКМ — Труды Томского областного краеведческого музея
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции
УБЖ — Український ботанічний журнал

Уч. зап. АдыгНИИ — Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института
Уч. зап. КГУ — Ученые записки Кишиневского гос. университета
Уч. зап. МГПИ — Ученые записки Московского гос. педагогического института
Уч. зап. ПГУ — Ученые записки Пермского гос. университета
Уч. зап. КНИИ — Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института
ЭО — Этнографическое обозрение
ЯС — Яфетический сборник
AMN — Acta Musei Napocensis
AJA — American Journal of Archaeology
BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research
BMC — A Cataloge of the Greek Coins in the British Museum
CAH — Cambridge Ancient History
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
Grabow — L. Grabow. Katalog Ludwig Grabow. Rostock, 1930
Hirsch-I. — Hirsch Auction-Catalog. XXI, München, 1908
IEJ — Israel Exploration Journal
IJZ — Israel Journal of Zoology
JRAI — Journal of the Royal Anthropological Institute
JNES — Journal of Near Eastern Studies
Materiale — Materiale şi cercetări arheologice privind istoria veche a RPR
MCA — Materiale şi cercetări arheologice
MHB — Museum Haaretz Bulletin
Naville — Naville, Catalogue Monnaies Grecques Antiques, Genève, 1923
PEQ — Palestine Exploration Quarterly
PBA — Proceedings of the British Academy
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society
RB — Revue Biblique

СОДЕРЖАНИЕ

В. И. Марковин (Москва). Дольмены Западного Кавказа (некоторые итоги изучения) 3
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири 24
С. Н. Кореневский (Москва). Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической области 39
Н. Е. Урушадзе (Тбилиси). К семантике прикладного искусства древнего Кавказа и Закавказья 54
Р. А. Симонов (Москва). Византийская нумерация в эпиграфике Первого Болгарского царства и начало славянской письменности 71
В. П. Даркевич, Н. А. Соболева (Москва). О датировке литовских монет с надписью «печать» (по материалам Шанчайского клада) 83
Г. К. Вагнер (Москва). Декоративная система «золотых дверей» Суздальского собора и вопрос о их датировке 96
В. Ф. Генинг (Свердловск). Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок 114

Публикации

К. В. Зиньковский (Одесса). Новые данные к реконструкции трипольских жилищ 137
А. А. Бобринский, М. Г. Гусаков (Москва). Реконструкция гончарной мастерской III—IV вв. 150
А. П. Рунич (Пятигорск). О конской сбруе из района Пятигорья 163
Ю. Н. Воронов, В. А. Юшин (Сухуми). Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии 171
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Раскопки курганов у с. Битягово в 1968—1970 гг. 192
К. В. Павлова, П. А. Раппопорт (Ленинград). Городище Осовик 200
Н. Н. Бусятская (Москва). Стеклянные бусы Селитренного городища 217
Д. В. Наумов (Ленинград). Химический состав стекла Селитренного городища 224

Заметки

Н. К. Анисюткин (Ленинград). Орудия клювовидных форм в раннем и среднем палеолите 228
А. А. Формозов (Москва). Распространение сегментов и трапеций в каменном веке Европейской части СССР 235
Л. В. Прищепенко (Москва). Растительные остатки с поселения Ак-Тепе . . 239
В. П. Третьяков, Е. А. Шмидт (Ленинград, Смоленск). Стоянка каменного века в бассейне р. Катыни в Смоленском Поднепровье 244
А. П. Журавлев (Петрозаводск). Клад заготовок сланцевых орудий на стоянке Пегрема I 247
В. Е. Максименко (Ростов-на-Дону). Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону 249
Н. С. Шеляпина (Москва). Поселение железного века на Боровицком холме Московского Кремля 254
П. Н. Старостин, Е. П. Казаков, Р. С. Габяшев (Казань). Игимский могильник 260
Э. В. Шавкунов (Владивосток). О назначении подвесных бронзовых рыбок и оленьего рога с Шайгинского городища 264
Э. В. Ртвеладзе (Ташкент). Мавзолеи Маджара 271

Критика и библиография

В. А. Шнирельман (Москва). Натуфийская культура (обзор литературы) . . 278
В. С. Титов (Москва). Х. А. Кинк. Восточное Средиземноморье в древнейшую эпоху 287

Обзор литературы по археологии Средней Азии и Казахстана, вышедшей в 1970 году 297
Г. П. Григорьев, В. П. Третьяков (Ленинград). Окский бассейн в эпоху камня и бронзы 314
Л. А. Лелеков (Москва). История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства 318
Е. А. Шмидт (Смоленск). Д. А. Авдусин. Полевая археология СССР; его же. Археология СССР 320

SOMMAIRE

B. I. **Markovine** (Moscou). Dolmens du Caucase Ouest (certains résultats des études) 3
M. D. **Khlobystina** (Leningrad). Origines et développement de la civilisation du premier âge de Bronze dans la Sibérie de Sud 24
S. N. **Korénévsky** (Moscou). Des haches métalliques à douille d'emmanchement provenant de la région minière et métallurgique de l'Oural 39
N. E. **Ourouchadzé** (Tbilissi). A propos de la sémantique des arts décoratifs de l'ancien Caucase et l'ancienne Transcaucasie 54
R. A. **Simonov** (Moscou). La numération byzantine dans les inscriptions du Premier Royaume bulgare et le début de l'écriture slave 71
V. P. **Darkevitch, N. A. Soboléva** (Moscou). Sur la datation des monnaies lituaniennes portant l'nscription «печать» («cachet») (d'après les matériaux du trésor de Chantchaï) 83
G. K. **Vagner** (Moscou). Système décoratif des «portes en or» de la cathédrale de Souzdal et problème de leur datation 96
V. F. **Ghéning** (Svérdlovsk). Le programme d'une élaboration statistique de la céramique provenant des fouilles archéologiques 114

Publications

K. V. **Zignkovsky** (Odessa). De nouvelles données relatives à la reconstitution des habitats tripoliens 137
A. A. **Bobrinski, M. G. Goussakov** (Moscou). Reconstitution de l'atelier de poterie des III—IV ss. 150
A. P. **Rounitch** (Piatigorsk). A propos des harnais provenant de la région de Piatigorsk 163
You. N. **Voronov, V. A. Youchine** (Soukhoumi). Nouveaux monuments de la civilisation de Tsébélda en Abkhasie 171
R. L. **Rosenfeldt** (Moscou). Fouilles des tumulus près du village Bitiagovo en 1968—1970 192
K. V. **Pavlova, P. A. Rappoport** (Léningrad). Gorodichtché (oppidum) d'Ossovik 200
N. N. **Boussiatskaia** (Moscou). Les perles en verre provenant de la gorodichtché Sélitrennoïé 217
D. V. **Naoumov** (Léningrad). Composition chimique du verre de la gorodichtché Sélitrennoïé (Annexe à l'article de Boussiatskaia.) 224

Notes

N. K. **Anissutkine** (Léningrad). Outils becquiformes dans le Paléolithique ancien et moyen 228
A. A. **Formosov** (Moscou). Segments et trapèzes de lâge de Pierre dans la partie européenne de l'U.R.S.S. 235
L. V. **Prichtchepenko** (Moscou). Restes végétaux de l'hameau Ak-tépé 239
V. P. **Trétiakov, E. A. Chmidt** (Léningrad, Smolensk). Station de l'âge de Pierre dans le bassin de Katygne dans la région de Smolensk 244
A. P. **Jouravlev** (Pétrosavodsk). Trésor des outils préfabriqués sur la station Pégréma I 247
V. E. **Maksimenko** (Rostov-sur-Don). Nouveaux matériaux de l'époque de Bronze ancienne dans le cours inférieur de Don 249
N. S. **Chéliapina** (Moscou). Hameaux de l'âge de Fer sur la colline Borovitski du Krémlin de Moscou 254
P. N. **Starostine, E. P. Kasakov, R. S. Gabiachev** (Kazan). Necropole d'Iguime . 260
E. V. **Chavkounov** (Vladivostok). Sur la destination de petits poissons pendentifs faits en bronze et d'une ramure de la place forte de Chaiguino 264
E. V. **Rtvéladzé** (Tachkent). Mausolée de Madjar 271

Bibliographie et critiques

V. A. Shnirelman (Moscou). Civilisation de Natouf (Révue des publications) . . 278
V. S. Titov (Moscou). H. A. Kink. La Méditerranée Est a l'epoque la plus ancienne 287
Révue des publications de 1970 sur l'archéologie d'Asie Moyenne et de Kazakhstan 297
G. P. Grigoriev, V. P. Tréfiakov (Léningrad). Bassin d'Oka à l'âge de Pierre et de Bronze 314
L. A. Lelekov (Moscou). Histoire de l'Etat et de la civilisation iraniens. (A propos de 2500e anniversaire de l'Etat iranien) 318
E. A. Shmidt (Smolensk). D. A. Avdoucine. Archéologie champêtre; du même auteur. Archéologie de l'U.R.S.S. 320

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены В СООТВЕТСТВИИ С ПРАВИЛАМИ, ПРИНЯТЫМИ В ЖУРНАЛЕ.

Статьи, оформленные без учета этих правил, ВОЗВРАЩАЮТСЯ АВТОРАМ БЕЗ РАССМОТРЕНИЯ.

1. Объем рукописи не должен превышать 1 авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями с левой стороны. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не принимаются.

3. Статьи следует присылать в 2 экз. Текст должен быть тщательно проверен и подписан автором с указанием даты отправления, подробного почтового адреса, а также телефона автора.

4. Сноски помещаются внизу каждой страницы; нумерация сносок дается постатейная (сноски печатаются также через два интервала).

5. В журнале принят следующий порядок цитирования:

Для монографий: инициалы и фамилия автора, название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

Для статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала или сборника, том или год выпуска, год издания, номер журнала.

6. К статье следует приложить резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом $^1/_2$—1 машинописн. стр.), а также список сокращений (все в 2 экз.).

7. Количество иллюстраций зависит от объема статьи, но не должно превышать 10. Они должны быть тщательно отобраны. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения виде (фото — контрастные на глянцевой бумаге (2 экз.) или рисунки в туши — на ватмане или кальке). Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. На обороте каждого рисунка карандашом следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. Список иллюстраций с подрисуночными подписями представляется также в 2 экз.

8. Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы для изготовления клише.

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 28/VIII-1972 г. Т-01209 Подписано к печати 10/I-1973 г. Тираж 3105 экз. Зак. 1277 Формат бумаги 70×108$^1/_{16}$ Усл. печ. л. 28,7 + 4 вкл. Бум. л. 10$^1/_4$. Уч.-изд. л. 33,7

2-я типография изд. «Наука» Москва, Шубинский пер., 10